PG
2013
A65
vol.2
1868

Isbornik/

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti.//

2

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Съ двумя портретами и снимкомъ почерка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 линія, № 12.)

1868.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюль 1868 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія Русскаго языка и и словесности	I.—LII.
За іюнь 1867 года	I.
» августъ	IV.
» сентябрь	XII.
» октябрь	XXVIII.
» ноябрь и декабрь	XXXVII.
Засѣданія 19 декабря 1867 г.	XL.
За январь и февраль 1868 г.	XLI.
Приложенія къ протоколамъ:	
Матеріалы для исторіи библіотеки Московскаго главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ (П. Пекарскаго)	XIV.
Отзывъ академика Грота о русско-французскомъ словарѣ г. Макарова	XXI.
Прошеніе Ломоносова о пенсіи и чинѣ. 1742 г. (Сообщ. акад. П. Пекарскимъ)	XXVI.
Письмо Ломоносова къ князю А. М. Голицыну	XLVI.
Идеи для живописныхъ картинъ изъ Россійской исторіи (Сообщ. П. Пекарскимъ)	XXVII.

Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Академика П. Пекарскаго. Съ портретомъ и снимкомъ почерка Рычкова ..... № 1.

Литовскія народныя пѣсни. Съ переводомъ на русскій языкъ. И. А. Юшкевича ..... № 2.

Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ. П. Лавровскаго ..... № 3.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ. Академика П. Пекарскаго ..... № 4.
Труды югославянской Академіи наукъ и художествъ. Статья И. И. Срезневскаго ..... № 5.
Литературные труды П. И. Кеппена. Статья академика А. А. Куника ..... № 6.
Отчетъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1867 годъ. Составленный академикомъ А. В. Никитенко. Съ портретомъ преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго.. № 7.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Іюнь 1867 года.

Академикъ Срезневскій сообщилъ Отдѣленію, что у члена-корреспондента Академіи, профессора В. И. Григоровича оказалось 6 листковъ той самой рукописи, которую привозилъ съ собою въ Петербургъ докторъ И. И. Шафарикъ и которая, по отзыву Срезневскаго, принадлежитъ къ драгоцѣннымъ остаткамъ юго-западной славянской письменности XII вѣка. Помянутые листки, равно какъ и другіе отрывки, подарены лично г. Григоровичу въ Слѣпченскомъ монастырѣ во время его путешествія по славянскимъ землямъ. Этотъ ученый славистъ сообщилъ также академику Срезневскому и другія, привезенныя имъ въ Петербургъ, древнія рукописи. Нѣкоторыя изъ нихъ любопытны по записямъ, опредѣляющимъ время ихъ написанія. Другія важны какъ дополненія источниковъ для опредѣленія особенностей юго-западнаго юсоваго письма. Наиболѣе замѣчательными академикъ считаетъ: паремейникъ, вѣроятно, XIII вѣка; тріодь, чрезвычайно разнообразную по содержанію и заключающую, между прочимъ, «канонъ отцемъ» на сыропустную субботу, гдѣ упоминается о трехъ святыхъ славянскихъ: Кириллѣ философѣ, Меѳодіи и Іоаннѣ рыльскомъ; книгу апостольскихъ чтеній, столь же древнюю, быть можетъ, какъ и рукопись И. И. Шафарика. Выписки изъ этихъ и другихъ древнихъ памятниковъ г. Срезневскій предполагаетъ помѣстить, въ видѣ дополненія, въ печатаемомъ имъ сборникѣ памятниковъ юсоваго письма. Отдѣленіе считаетъ такое сообщеніе В. И. Григоровичемъ рукописей своему сочлену какъ выраженіе его участія и вниманія къ трудамъ Отдѣленія, а потому опредѣлило засвидѣтельствовать ему искреннюю за то признательность.

И. И. Срезневскій обратилъ вниманіе Отдѣленія на изданіе, предпринятое три года назадъ въ Загребѣ съ поддержкой Иллирійской Матицы, подъ заглавіемъ «Книжевникъ». Давая въ немъ мѣсто статьямъ и по природознанію, издатели однако болѣе всего обращаютъ вниманіе на предметы славянской археологіи, филологіи и литературы. Изслѣдованій самостоятельныхъ по новымъ источникамъ сравнительно мало, но разработка вопросовъ по прежде извѣстнымъ источникамъ внушаетъ къ себѣ уваженіе. Изъ авторовъ статей, достойныхъ особеннаго вниманія, г Срезневскій называетъ гг. Ягича, Рачскаго и Богишича. Статьи перваго преимущественно касаются филологіи и археологіи. Г. Рачскій пишетъ почти всегда историческія статьи; особенно любопытно его обозрѣніе источниковъ древней исторіи юго-западныхъ славянъ, начиная съ Константина Порфиророднаго. Г. Богишичу въ «Книжевникѣ» принадлежитъ довольно большое сочиненіе, заключающее въ себѣ сводъ юридическихъ народныхъ понятій и обычаевъ славянъ; оно далеко оставляетъ за собою все, что̀ сдѣлано было до него по этой части, и представляетъ въ себѣ не мало и новыхъ данныхъ. Съ открытіемъ юго-славянской академіи, «Книжевникъ», какъ слышно, перейдетъ въ распоряженіе самой академіи. Можно быть увѣреннымъ, что какъ органъ ученаго общества, онъ будетъ издаваемъ еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ къ достоинству своему, съ мѐньшею исключительностью мнѣній, съ мѐньшею самоувѣренностью и бо̀льшимъ знаніемъ того, что̀ дѣлается и сдѣлано другими славянами, особенно русскими, новая научная литература которыхъ за исключеніемъ кое-чего изъ того, что̀ сдѣлано въ нашей Академіи Наукъ, очень мало извѣстна сотрудникамъ «Книжевника». При этомъ г. Срезневскій напомнилъ о «Часописѣ» Чешскаго музея, когда-то занимавшемъ, безспорно, первое мѣсто между западными славянскими повременными изданіями, и выразилъ желаніе, чтобы его редакція и нынѣ заботилась о поддержаніи уваженія къ нему во всемъ славянскомъ мірѣ въ той же мѣрѣ, въ какой заботились о томъ прежніе редакторы «Часописа» до шестидесятыхъ годовъ.

Академикъ Пекарскій, съ разрѣшенія г. управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, представилъ Отдѣленію хранящуюся въ государственномъ архивѣ русскую, до-петровскую карту съ изображеніемъ озеръ: Ильменя и Ладожскаго, рѣкъ Волхова и Невы, Финскаго залива и части Балтійскаго моря съ берегами Швеціи. Изъ русскихъ городовъ здѣсь означены: Новгородъ,

Псковъ, Олонецъ и другіе; на р. Невѣ нанесенъ одинъ городъ Канцы, съ примѣчаніемъ: «Отъ Канецъ до моря 7 верстъ». О рѣкѣ Невѣ отмѣчено: «Рѣка Нева тече изъ Ладожескаго озера; отъ верхнева устья до Канецъ 40 верстъ». Вообще, при обозначеніи какъ русскихъ, такъ и шведскихъ городовъ, показаны разстоянія между ними русскими верстами. Карта наклеена на грубой холстинѣ и найдена между столбцами приказа тайныхъ дѣлъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Отдѣленіе опредѣлило издать эту любопытную во многихъ отношеніяхъ карту при первомъ удобномъ къ тому случаѣ.

Тотъ же академикъ читалъ въ Отдѣленіи найденные имъ матеріалы касательно переговоровъ о пріобрѣтеніи библіотеки исторіографа и академика Миллера для московскаго главнаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Изъ этихъ матеріаловъ оказывается, что еще во времена Петра Великаго при коллегіи состоялъ исторіографомъ аббатъ Кружали. Доводя о томъ до свѣдѣнія императрицы Екатерины II, Миллеръ доказывалъ необходимость отдѣльнаго собранія рукописей и рѣдкихъ книгъ при сказанномъ архивѣ тѣмъ, что, по мнѣнію его, будущіе начальники этого учрежденія, долженствовавшіе быть, подобно ему, исторіографами и академиками, обязаны также заниматься русскою исторіею и, слѣдовательно, имѣть подъ руками обширную, приспособленную именно къ такимъ занятіямъ библіотеку. Желая, чтобъ библіотека оставалась на вѣчныя времена при московскомъ главномъ архивѣ, Миллеръ въ то же время настаивалъ, чтобъ собранныя имъ рукописныя и печатныя сокровища были, послѣ его смерти, доступны для пользованія отечественной публики. Матеріалы по этому предмету помѣщены ниже, въ приложеніи.

Въ іюнѣ оконченъ печатаніемъ, подъ наблюденіемъ академика Пекарскаго, четвертый выпускъ «Русской исторической библіографіи», составленный, какъ и первые три, гг. П. и Б. Ламбиными *). Цѣль и составъ изданія остаются тѣ же, какіе опредѣлены въ началѣ академикомъ Куникомъ. Въ четвертомъ выпускѣ указаны историческія сочиненія и статьи за 1858 годъ. Академія дала возможность и средства продолжать безостановочно и далѣе «Русскую историческую библіографію», которая принята съ одобреніемъ всѣми, кто имѣлъ надобность справляться съ нею.

---

*) «Русская историческая библіографія», годъ четвертый, поступила въ продажу у всѣхъ коммиссіонеровъ Академіи. Цѣна выпуску 95 коп. Первые три выпуска за годы 1855, 1856 и 1857 продаются у тѣхъ же коммиссіонеровъ.

Академикъ Бычковъ окончилъ печатаніемъ составленное имъ обстоятельное библіографическое описаніе книгъ гражданской печати, вышедшихъ въ царствованіе Петра Великаго и хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ этомъ трудѣ нашли мѣсто нѣсколько изданій, остававшихся неизвѣстными нашимъ библіографамъ. Сверхъ того А. Ѳ. Бычковъ, желая, чтобъ каталогъ имѣлъ значеніе для исторіи русскаго правописанія и нашей азбуки, дѣлалъ изъ каждой, болѣе замѣчательной книги выписки, съ сохраненіемъ въ точности всѣхъ особенностей печати и правописанія.

Тотъ же академикъ сообщилъ И. И. Срезневскому находящуюся у него часть супрасльской рукописи, тѣмъ болѣе драгоцѣнной, что сверхъ небольшихъ отрывковъ, списанныхъ Востоковымъ, и небольшихъ снимковъ у самого г. Срезневскаго, у него не было изъ этого памятника ничего, кромѣ печатнаго изданія Миклошича, прекраснаго для изученія перевода статей, помѣщенныхъ въ памятникахъ, но не въ палеографическомъ отношеніи.

Издаваемаго на счетъ Отдѣленія и подъ редакціею академика Бычкова «Бѣлорусскаго Словаря» г. Носовича, отпечатано 26—30 листы.

Августъ 1867 года.

Управляющій уральскимъ горнымъ училищемъ, Н. К. Чупинъ, сообщивъ Отдѣленію, что имъ найдено въ Екатеринбургскомъ архивѣ много неизвѣстныхъ матеріаловъ для жизнеописанія перваго русскаго историка, В. Н. Татищева, а также письма его къ разнымъ лицамъ, предложилъ о напечатаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ матеріаловъ въ «Запискахъ Академіи». Г. Чупинъ часть извѣстій своихъ о Татищевѣ уже напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1860 года, № 203, «Библіотека В. Н. Татищева въ Екатеринбургѣ»), «Пермскихъ Вѣдомостяхъ» (1867 года, «Письмо Геннина къ гр. Ѳ. М. Апраксину» и «В. Н. Татищевъ и первое его управленіе уральскими заводами»), и въ «Горномъ Журналѣ» (1866 г. № 11, «Объ открытіи и первоначальной разработкѣ магнитной горы Благодати»).

«Въ теченіе нынѣшняго же года, пишетъ между прочимъ г. Чупинъ въ Отдѣленіе, появятся въ нашихъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (т. е. Пермскихъ) еще три статьѣ мои о Татищевѣ: 1) Дополненіе къ представляемой при семъ (печатной статьѣ изъ тѣхъ

же вѣдомостей; 2) В. Н. Татищевъ: пребываніе его въ Петербургѣ въ 1722 г.; разбирательство ссоры его съ Демидовымъ; служба его на Уралѣ при Геннинѣ; Краткій очеркъ жизни его съ 1724 по 1734 годъ; 3) Второе управленіе Татищева Уральскими заводами.

«Въ іюлѣ или началѣ августа пошлю для напечатанія въ Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія статью: Дѣятельность Татищева по части народнаго образованія; въ Русскій Архивъ г. Бартенева—Отрывокъ изъ оффиціальнаго дневника или поденной записки Татищева 1734 г. (о назначеніи его вторично главнымъ начальникомъ на Уралѣ, о составленіи ему инструкціи, о переговорахъ его по сему предмету съ кабинетъ-министрами, о прощальной аудіенціи у Императрицы Анны) и переписку Татищева съ графомъ Брюсомъ, бергмейстеромъ Блюэромъ, Геннинымъ, Демидовыми и проч. (1720—1724 г.). За тѣмъ напечатаю письма его къ кабинетъ-министрамъ Остерману и кн. Черкаскому, Хрущову (помощнику Татищева, казненному вмѣстѣ съ Волынскимъ), казанскому губернатору Мусину-Пушкину, сибирскому губернатору Плещееву, Ѳеофану Прокоповичу и проч. (1734—1739).

«Кромѣ того у меня есть еще нѣсколько важныхъ матеріаловъ для біографіи Татищева, стоящихъ напечатанія и выписанныхъ изъ дѣлъ здѣшняго архива; таковы:

1) Любопытное представленіе Татищева сибирскому горному начальству о дѣлахъ, усмотрѣніемъ и разсужденіемъ рѣшенія требующихъ, 11 января 1722, 12 стр. въ листъ и напамятованіе его же въ сибирское горное начальство, отъ 18 января 1722 г., на 9 страницахъ.

2) Каталогъ книгъ Татищева, хранящихся въ здѣшней заводской библіотекѣ. Книги эти (бо́льшею частію нѣмецкія, нѣсколько польскихъ и французскихъ, одна голландская и одна шведская) отданы были Татищевымъ въ Екатеринбургскую горную школу при отъѣздѣ его въ Оренбургскій край въ 1737 году.

3) Свѣдѣніе о посылкѣ изъ Петербурга съ Татищевымъ Киріака Кондратовича, о пребываніи Кондратовича въ Екатеринбургѣ и о занятіяхъ его въ должности учителя латинскаго языка въ горной школѣ, также о порученіяхъ, возлагавшихся на него Татищевымъ *).

*) Изъ помѣщенной въ Современникѣ статьи о Кондратовичѣ (1858 г., т. LXIV, отд. I, стр. 452—484) видно, что онъ называлъ себя придворнымъ философомъ. Въ поденной запискѣ Татищева 1734 г. титулъ Кондратовича гораздо скромнѣе: придворный гуслистъ. («А притомъ повелѣла (императрица) взять съ собою бывшаго при дворѣ гуслиста Кондратовича и надзирать надъ нимъ накрѣпко, чтобъ излишняго не вралъ».)

4) Сношенія Татищева съ Академіей Наукъ по выпискѣ учителей, книгъ и инструментовъ для Екатеринбургской школы (въ 1735 и 1736 годахъ).

5) Донесенія Татищеву отъ гиттенмейстера Улиха, съ которымъ Татищевъ отправилъ въ Петербургъ, въ 1735 г., для обученія въ Академіи Наукъ, четырехъ учениковъ Екатеринбургской школы: о опредѣленіи ихъ въ ученье, о содержаніи пищею и одеждою и проч. (Въ первомъ своемъ донесеніи, отъ 29 апрѣля, Улихъ пишетъ:... «27 числа марта подалъ я въ Академію промеморію господину камергеру и президенту барону фонъ Корфу, который тому весьма радовался, что отъ такого весьма дальняго мѣста дѣти присылаются, и приказалъ тѣмъ же часомъ, чтобъ г. Шумахеру оныхъ принять. Токмо послѣ того приключились разныя тягости, ибо при Академіи такого учрежденія еще нѣтъ, по которому бы дѣтямъ пищу и квартиру имѣть можно было; къ тому жъ наши почти первые были, которыхъ приняли и проч.)»...

Сколько можно судить по оглавленію найденныхъ г. Чупинымъ извѣстій о Татищевѣ, они могутъ служить полезнымъ матеріаломъ для пополненія пробѣловъ въ жизнеописаніи этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля, а потому Отдѣленіе постановило увѣдомить г. Чупина о готовности своей помѣстить въ академическихъ изданіяхъ открытые имъ матеріалы и письма. А такъ-какъ нѣкоторые изъ нихъ печатались и будутъ печататься въ разныхъ изданіяхъ, подобная же разбросанность отрывочныхъ извѣстій объ одномъ и томъ же лицѣ представляетъ не мало неудобствъ при отысканіи ихъ послѣдующими изслѣдователями, то опредѣлено обратиться также съ просьбою къ г. Чупину о составленіи подробнаго обозрѣнія всѣхъ вообще извѣстій, хранящихся въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ и касающихся Татищева, съ указаніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя уже напечатаны и которыя остаются неизданными. Обозрѣніе это можетъ послужить вмѣсто предисловія къ матеріаламъ, имѣющимъ быть напечатанными въ «Запискахъ Академіи».

Академикъ Пекарскій представилъ оконченное печатаніемъ изслѣдованіе свое: «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» *). Сюда вошли, между прочимъ, извѣстія изъ непечатанныхъ до нынѣ «Записокъ Рычкова» и обширной переписки

*) Въ 8⁰, IV и 184 стр.; съ портретомъ Рычкова и снимкомъ его почерка. Продается у книгопродавцевъ-коммиссіонеровъ Академіи Наукъ и въ КомиэлтѣПравленія ея по 1 руб.

его, также неизданной, съ академикомъ Миллеромъ. Послѣдняя болѣе всего касается исторіи, географіи и естественныхъ произведеній Оренбургскаго края, и, между прочимъ, содержитъ въ себѣ извѣстія о бѣгствѣ Волжскихъ калмыкъ изъ Россіи, о Пугачевскомъ бунтѣ и т. п.

Академикъ Пекарскій сообщилъ Отдѣленію о рукописи, доставленной ему магистромъ О. Ѳ. Миллеромъ и принадлежащей г. Рыбникову. Она озаглавлена: Letopisec 17-go godu и заключаетъ въ себѣ разсказъ, въ формѣ лѣтописнаго повѣствованія, о русскихъ событіяхъ 1700 года. Въ современныхъ извѣстіяхъ объ этой эпохѣ нѣтъ недостатка; но всѣ они принадлежатъ къ разряду офиціальныхъ или писанныхъ подъ вліяніемъ взгляда, благопріятнаго Петровскимъ нововведеніямъ. Въ рукописи же г. Рыбникова все повѣствованіе проникнуто недовольствомъ къ тому, что происходило въ тогдашней Россіи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно нисколько, чтобы авторъ принадлежалъ къ раскольникамъ. Такъ на-прим., говорится, какъ о ереси, о празднованіи новаго года 1-го января и о счисленіи времени отъ Рождества Христова, а не отъ созданія міра; описываются строгія мѣры при введеніи европейской одежды и запрещеніи носить русское платье; жалуются, что иноземцевъ-еретиковъ признаютъ уже христіанами и ласково обходятся съ ними; наконецъ слѣдуютъ любопытныя подробности о неудачахъ нашихъ въ походѣ противъ шведовъ.

Тотъ же академикъ отыскалъ въ старинныхъ академическихъ бумагахъ разъясненіе, по какой причинѣ дѣла походной канцеляріи князя Александра Даниловича Меншикова хранятся нынѣ въ архивѣ Академіи Наукъ. Въ 1749 г. извѣстный собиратель свѣдѣній о Петрѣ Великомъ, дворянинъ Петръ Крекшинъ довелъ до свѣдѣнія Академіи, что въ Петропавловской крѣпости лежатъ безъ всякаго надзора и подвергаются гніенію дѣла помянутаго князя. По ходатайству тогдашней академической Канцеляріи, Сенатъ разрѣшилъ разобрать и принять въ Академію для храненія всѣ бумаги князя Меншикова, имѣвшія историческое значеніе. Разборъ и описаніе ихъ возложены были на академиковъ Герарда Фридриха Миллера и Штрубе де-Пирмонъ и на адъюнкта Модераха. При этомъ случаѣ, первый изъ нихъ предлагалъ озаботиться о всѣхъ вообще историческихъ матеріалахъ, хранящихся при казенныхъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, «дабы безъ должнаго времени потерянія такія, къ исторіи весьма потребныя доказательства въ бережливое охраненіе отданы были и потомъ къ всеобщей поль-

зѣ употреблены быть могли...» На это представленіе, впрочемъ, не обращено было вниманія, и дѣла, не принадлежащія къ походной канцеляріи бывшаго любимца Петра Великаго, оставлены были по прежнему гнить въ сырыхъ помѣщеніяхъ, не защищенныхъ отъ наводненій: о нихъ снова вспомнили только въ началѣ царствованія императора Николая Павловича.

Академикъ Бычковъ сообщилъ Отдѣленію, что, по порученію археографической коммиссіи, онъ настоящимъ лѣтомъ занимался обозрѣніемъ библіотеки ярославскаго Спасскаго монастыря, имѣющей довольно богатое собраніе рукописей, съ которыми онъ ознакомился болѣе или менѣе подробно. Всѣхъ рукописей находится въ монастырской библіотекѣ 204, изъ которыхъ 13 писаны на пергаментѣ, а остальныя на бомбицинѣ или на тряпичной бумагѣ. Между пергаментными рукописями болѣе замѣчательны: а) Псалтирь, XIII вѣка (уставомъ, на 177 листахъ), въ которой каждый стихъ псалма начинается съ особой строки и киноварною буквою; б) Слова Никона Черногорца, XIII вѣка (полууставомъ, въ два столбца, разныхъ почерковъ, 262 листа), которыхъ переводъ и грамматическій строй языка значительно отличаются отъ перевода и языка этихъ же словъ въ рукописяхъ XV вѣка. При этомъ онъ представилъ слѣдующіе отрывки изъ той и изъ другой: изъ Псалтиря:

Нач. ка҃е г҃ пл҃смъ двд҃въ зі҃
Възлюблю тѧ г҃си крѣпости моꙗ
Гь҃ оутверженьѥ моѥ и прибѣжище моѥ избавитель мои
Бъ҃ мои помощникъ мои оуповаю на нь
Защитникъ мои рогъ спсн҃ьꙗ моѥго застоупникъ мои
Хвалѧ призовоу га҃
И ѿ врагъ моихъ спсо҃усѧ.

Изъ словъ Никона Черногорца:
(л. 1-й, столб. 1-й.)
Сло҃в объѥмлѧ
сложениѥ книгъ. тълкова
отълковании. г҃и блг҃сви ѿче ⁘
Сиꙗ книгы гн҃ѧ оубо заповѣ
ди. и сихъ тълковании. и
моуще. такоже съвъкоу
плѧюще и послѣдоующе ѡ
оц҃ьскыхъ оучении. ѥдина

главизна. отъ дроугок при
кмлющи виноу. ѥкоже се
нѣкыѥ златы чепи съ дра
гымь камениѥмь. и съ жь
ньчюгъмь съплетены. вы
ю хрьстьѥньскоу оукрашаю
ть аще и вѣра ѥсть права
ибо и дѣла съвьршають вѣ
роу. а вѣра ѡснованиѥ дѣло
мъ. без вѣры ничтоже оу
спѣѥть ѥкоже и вѣра кро
мѣ дѣлъ мьртва ѥсть ѡ се
бе. ѥкоже пишетсѧ. Нъ ре҃
ть кто ты вѣроу имаши
азъ же дѣла. покажи ми
вѣроу ѿ дѣлъ своохъ. и а
зъ покажю ти дѣла ѿ вѣ
ры своѥѧ. ты вѣроукши
ѥко ѥдинъ ѥсть бъ҃. добрѣ
твориши. и бѣси вѣроую
ть и трепещють. и сиѥ оу
бо великыи ап҃лъ Иѥковъ
гл҃ть і ѥко тако ѥсть отъ
васъ троудолюбьць. да обря
щеть ѧ҃. и второѥ слово въ
сихъ книгахъ. ѥмоу же по
чинкы. иже млтвы ино
го ища самъ лѣниво живе

(л. 1-й, столб. 2-й.)

ть. ничсо же оуспѣѥть.
мы же оубо на послѣдоу
ющаѧ възидемъ ∴ ∽

Изъ рукописей, писанныхъ на бумагѣ, слѣдующія обращаютъ на себя вниманіе: 1) Іоаннъ Лѣствичникъ (уставомъ, XVII в.), въ концѣ котораго помѣщено «толкованіе неоудобь познаваемымъ вписанымъ рѣчемъ, понеже положени суть рѣчи вкнигахъ ѿ начальныхъ преводникъ ово словеньски, ино сербьски, а другая бол-

гарьски и гречески». Вотъ примѣры нѣкоторыхъ неудобь познаваемыхъ словъ: *качество* — естество каковому есть; *количество* — мѣра есть колика; *смерчь* — піѧвица, облакъ дождевный, иже ѿ моря воду взимаетъ, ѩко въ губу, и паки проливаетъ на землю; *самолюбіе* — еже къ тѣлу страсть і оугодное тому; *гаданіе* — скровенъ глаголъ; *свойство* — кто имать что особно; *таимичище* — кобеличище иже не ѿ законныя жены отроча; *бегунъ* — ходецъ; *доблесть* — крѣпость, мужество; *пронырьство* — лукавьство; *великодушенъ* — иже всяку скорбь приражающꙋся могій понести, и т. п. 2) Другой списокъ того же Іоанна Лѣствичника, любопытный тѣмъ, что исполненъ въ 6929 (1421) году «в Константинѣ градѣ, въ царьстѣй ѡбители пресвятыя владычица наша Богородица Иперивлепто», убогимъ Евсевіемъ и непотребнымъ Ефремомъ. 3) Третій списокъ того же Іоанна Лѣствичника, въ выходной лѣтописи котораго между прочимъ сказано: «Вѣдомо же буди сія бгодховенная книга глемая Лѣствица писана с переводу бгоспсаемаго града Киева прчстные ѡбители прчстыя бцды чтснаго и славнаго ея оуспенія печерьскія и прпдбных ѿцъ Антонія и Феѡдосія Печерьских писанъ же печерьскій перевод бжственная лѣствица в лѣта зцѯг год маия въ ді день при великом кнзѣ Казимерѣ королѣ и при архиепископѣ Іонѣ всеа Рꙋсіи и при блговѣрных кнѕех Семена и Михаила Олековичевъ и при архимарите Печерьскѡм Николе в Печерьской ѡбители написа бжственную лѣствицу смиренный ермонах Варсоноѳіе в совершеніе же пріиде сія бгодховенная книга глемая Лѣствица лѣта зрме го году мсца ѡктября въ д день на память стго сщенномчнка Ерофия повелѣниемъ и сисканиемъ Ярославля Поводскаго изъагорода с посадꙋ Димитрѡвсково попа Герасима Силивестрова сна Попова написа же бжственнꙋю лѣствицꙋ грѣшный сщенноіереи Ермилъ Тверицкія слѡбѡды». 4) Патерикъ Печерскій, съ слѣдующею выходною лѣтописью: «Сия же книги преж сего писаны быша, нарицаемыя Патерикъ Печерьскій житиѧ и чюдеса святых ѿць, въ лѣт 6968, индикта 8, ѳемилиос 7, іюня 19, на паметь святаго апостола Июды брата Господня, въ богоспасаемемъ граде Киевѣ, во обители пречистыя Богоматере и преподобныхъ ѿць нашихъ Антониѧ и Феѡдисиѧ в монастырі Печерьскомъ, при княжении благовѣрнаго князя Семиѡна Александровича и при анхимандрите печерьскомъ Николѣ, а повелѣниемъ икона (sic) Касиѧна, крилошенина печерьскаго, а написаны быша книги сиѧ на имя священноиноку киръ Акакию бывшаго намѣст-

ника киевьскаго. Нынѣ же сиа книги написаны быша нарицаемыи Патерикъ в лѣ̀т 6970, индикта 10, ѳемелиѡс 29, мѣсяца ноамъвриа въ 21 день, въ богоспасаемѣмъ градѣ Москвѣ, въ ѡбители великаго Вознесенія, при княженіи благовѣрнаго и великаго князя Василья Васильевича и при сыноу его благовѣрномъ великомъ князи Иванѣ Васильевича и при священномъ архиепископѣ Ѳеѡдосии, а повелѣниемъ благовѣрныя и христолюбивыя княгини иноки Еоупраксии, а роукою многогрѣшныхъ дву дьячишковъ Григорья и Ермолая, скорасти ради дѣля, тѣхъ же святыхъ молитвами и чюдотворець и преподобны́хъ ѿць нашихъ печёрьскихъ Антониа и Ѳеѡдосиа Господи Ісусе Христе Боже помилоуй насъ». 5) Сборникъ, въ которомъ между другими статьями помѣщены: «Никифора іеромонаха Пасхалеѵса о таинствѣ покаянія и исповѣданія и о нужди тогѡ» и «Показательное изъявленіе (составленное по повелѣнію патріарха Адріана) въ кое время и кіимы словесы пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову». Въ послѣдней предпосланы заимствованію изъ разглагольства Епифанія Славинецкаго и Сумеона Полоцкаго слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ двухъ ученыхъ: «Призванъ изъ Кіева въ царствующій градъ Москву, въ лѣто 7157, благочестивымъ царемъ Алексіемъ Михаиловичемъ, ради наученія малыхъ дѣтей еллинскому наказанію, нѣкто іеромонахъ, именемъ Епифаній Славинецкій, мужъ многоученъ не токмо философіи, но и самыя ѳеологіи искуснѣйшій разсудитель и опаснѣйшій претолковникъ еллинскаго, латинскаго, славенскаго и полскаго языковъ, яко показуютъ дѣла его. Бѣ же и инъ нѣкто іеромонахъ, именемъ Симеонъ Полоцкій, и той учивыйся аще и не толико, и точію полатински и по-полски, греческаго же писанія ни малѣйше что зналше...» 6) Сборникъ, содержащій въ себѣ поученія и посланія митрополита Фотія. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ напечатаны археографическою коммиссіею. Объ этой рукописи упоминаетъ преосвященный Филаретъ въ своемъ Обзорѣ русской духовной литературы. 7) Нѣсколько переводовъ съ греческаго языка, совершенныхъ во второй половинѣ XVII вѣка. Изъ этихъ переводовъ болѣе замѣчателенъ переводъ труда Матвея Властаря, исполненный съ пергаментной рукописи, писанной въ 6808 году «по седми лѣтѣхъ точію самаго съчиненія» и хранящейся «даже до днесь (7203 года) въ виблиѳикѣ патріархіи царствующаго града Москвы». Настоящій переводъ сборника Властаря былъ порученъ справщику книгъ при типографіи, іеромонаху Евфимію; прежній былъ неудовлетворителенъ, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста послѣсловія: «Вина

же втораго нынѣшняго сего преведенія паки еллинскаго діалекта на славенскій сія: понеже прежде сего в лѣто 7050 аще и добрѣ преведено бѣ или с малыми нѣкіими оскудѣнми, рекше неисправленми или и погрѣшенми (забвенію бо и недостатку всякъ человѣкъ подлежитъ и безъ погрѣшенія нѣкоего неудобно, аще и велми остроумъ и опасенъ, быти кому), но послѣ преведенія онаго по временемъ отъ неискуснописателей (увы!) зѣло растлѣся не токмо правый разумъ, лежащій въ ней, преписываніемъ погибе, но и противности многія въ ней наплодишася (прочитаяй тую прежде преведеную купно съ сею новопреведеною книгою удобь познасть какова суть в тѣй книзѣ ѿ преписующихъ случишася погрѣшенія)».

Сентябрь 1867 года.

Академикъ Срезневскій, возвратясь изъ командировки отъ Археологическаго Общества, представилъ фотографическій снимокъ съ находящагося въ Кіевѣ портрета митрополита Евгенія и прочелъ записку свою о богатыхъ собраніяхъ рукописей и вообще древностей, принадлежащихъ епископу чигиринскому Порфирію.

И. И. Срезневскій, по недостатку времени, могъ воспользоваться только частію того, что̀ собрано преосвященнымъ Порфиріемъ во время его многолѣтнихъ странствій по востоку (въ 1843—1861 гг.); но осмотрѣвъ все, убѣдился, что еслибъ въ Кіевѣ не было ничего привлекательнаго для археолога, кромѣ этихъ собраній, то и тогда, ради ихъ однихъ, ему надобно было бы ѣхать въ Кіевъ. Къ тому же они, по просвѣщенному благодушію владѣльца, доступны всякому этого достойному, и доступны не они одни, но и пояснительныя замѣчанія ученаго собирателя, нерѣдко столько же важныя для изслѣдователя, какъ и самыя древности, имъ собранныя. Пользуясь собраннымъ и своими путевыми записками, преосвященный Порфирій приготовилъ къ изданію въ свѣтъ еще нѣсколько сочиненій, важныхъ для археолога и филолога.

Академикъ Гротъ, возвратясь изъ заграничнаго путешествія, заявилъ, что, находясь въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, онъ имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ затрудненіяхъ, какимъ подвергаются книжныя сообщенія между Россіею и другими славянскими странами. Въ особенности поразительно, что часто посылки съ книгами, отправляемыя изъ обоихъ названныхъ городовъ, по непонятнымъ причинамъ возвращаются съ русской границы посылателямъ. Со стороны Россіи два обстоятельства наиболѣе препятствуютъ распространенію въ славянскихъ земляхъ нашихъ изданій: 1) высокая

плата, взимаемая на почтѣ за пересылку ихъ и 2) то, что русскіе книгопродавцы, при отправленіи книгъ, требуютъ немедленной за нихъ уплаты, а не довѣряютъ ихъ на коммиссію. Устраненіе препятствій ко ввозу въ Россію западно-славянскихъ литературныхъ произведеній было бы тѣмъ важнѣе, что многія изъ нихъ только у насъ и могли бы находить достаточный сбытъ.

Отдѣленіе, принявъ эти замѣчанія съ сочувствіемъ, выразило желаніе, чтобы они обратили на себя вниманіе лицъ, которыя могутъ содѣйствовать къ устраненію изложенныхъ неудобствъ.

Тотъ же академикъ, возбудивъ вопросъ о способѣ печатанія переписки Державина въ собраніи его сочиненій, сообщилъ, что довольно значительный отдѣлъ ея составляютъ письма директора казанской гимназіи Каница, писанныя около 1780 года на нѣмецкомъ языкѣ, и прочелъ извлеченія изъ нихъ въ приготовленномъ имъ переводѣ. Согласно съ мнѣніемъ Я. К. Грота, Отдѣленіе находило правильнымъ печатать не только письма самого Державина, но и письма къ нему разныхъ лицъ, причемъ изъ числа послѣднихъ долженъ быть сдѣланъ выборъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ либо по содержанію, либо по значенію писавшихъ ихъ; что̀ касается собственно до писемъ Каница, то въ русскомъ переводѣ они также могутъ быть помѣщены съ выборомъ и съ сокращеніями, но подлинники ихъ слѣдуетъ напечатать, хотя бы въ приложеніяхъ или примѣчаніяхъ, цѣликомъ.

По порученію Отдѣленія, академикъ Гротъ разсматривалъ изданный недавно г. Макаровымъ русско-французскій словарь, представленный авторомъ на судъ Отдѣленія, и прочелъ свой отзывъ о немъ. Отдѣленіе, вполнѣ одобривъ этотъ отзывъ, опредѣлило сообщить его г. Макарову и напечатать (см. ниже, въ Приложеніи).

Академикъ Пекарскій отыскалъ въ архивѣ академической канцеляріи (книга № 21) слѣдующій проектъ академика Николая Іосифа Делиля, поданный президенту Академіи Наукъ, барону Корфу въ декабрѣ 1735 года, и тогда же переведенный В. К. Тредіаковскимъ на русскій языкъ (орѳографія подлинника):

«Полезный проѣктъ, чтобъ дать каждому С. Петербургскому обывателю способъ, какъ исправно заводить по солнцу стѣнные и карманные часы».

«Понеже находятся исправные меридіаны въ обсерваторіи, чрезъ которые всегда можно знать на всякой день прямой часъ, когда солнце придетъ на полдень, такъ же и чрезъ посредство вѣрныхъ часовъ, которые въ обсерваторіи, можно всегда вѣдать пря-

мой же часъ, хотя бы не видно было солнца цѣлой мѣсяцъ; того ради надлежало бы однажды выстрѣливать изъ пушки точно въ самый полдень, и для того надобно бы было приказать тѣмъ, которые бъ имѣли стрѣлять съ адмиралтейскаго бастіона, что противъ обсерваторіи, чтобъ они на каждой день были готовы не много прежде полудня къ выстрѣлу въ самую ту минуту, какъ съ обсерваторіи дастся имъ сігналъ, каковъ опредѣленъ быть имѣетъ. Можно объявить о семъ и въ вѣдомостяхъ, что выстрѣлъ сей чинится на всякой день токмо для выше объявленныя причины» *).

Баронъ Корфъ представилъ о томъ въ Императорскій Кабинетъ 27-го декабря 1735 года, за № 1,050; но докладъ этотъ оставленъ былъ безъ отвѣта. Такимъ образомъ мысль, осуществленная въ Петербургѣ, какъ извѣстно, въ весьма недавнее время, предложена была Делилемъ не болѣе, не менѣе какъ 132 года тому назадъ.

Академикъ Пекарскій читалъ вновь найденныя имъ подробности о вызовѣ въ Академію Наукъ и воспитаніи тамъ тѣхъ 12 воспитанниковъ московской греко-славянской академіи, въ числѣ которыхъ былъ и Ломоносовъ.

Тотъ же академикъ читалъ остававшееся до сихъ-поръ неизвѣстнымъ прошеніе Ломоносова 1762 года, въ которомъ онъ, исчисляя свои заслуги, проситъ уволить его изъ Академіи съ пожалованіемъ ему чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ежегодной пенсіи въ 1,800 руб. Это прошеніе напечатано ниже, въ приложеніи.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ БИБЛІОТЕКИ МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

П. Пекарскаго.

20 апрѣля 1780 года исторіографъ Герардъ Фридрихъ Миллеръ, представляя императрицѣ Екатеринѣ II начало своего собранія трактатовъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, въ концѣ доклада писалъ:

«Великая, всемилостивѣйшая государыня императрица! Немощь мою отъ вашего императорскаго величества скрывать не должно, по

*) Есть также и другой современный переводъ этого предложенія, сдѣланный Михаиломъ Грѣнингомъ.

которой неуповательно, чтобъ въ семъ упражненіи далеко я предуспѣлъ: много останется дѣлать находящимся при Архивѣ ассессорамъ и будущему по мнѣ исторіографу. Прилично исторіографу жить въ Москвѣ для способности Архивовъ. Петръ Великій опредѣлилъ быть при коллегіи иностранныхъ дѣлъ исторіографу аббату Кружали, который упоминается по записками архивскимъ, что съ 1716 по 1720 годъ бралъ жалованіе. Вашему величеству осталось по своей любви къ россійской исторіи изъ сего примѣра сдѣлать законъ, чему препятствовать не должно, что подъ именемъ историографа онъ будетъ и членомъ Академіи Наукъ и будетъ получать жалованье отъ Академіи, какъ узаконено въ регламентѣ академическомъ 1747 года.

На семъ основаніи и какъ исторіографу безъ пристойной библіотеки быть не можно, не сумнѣваюсь я и на то получить вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее соизволеніе, что я намѣрился собственную мою библіотеку, изъ знатнаго числа весьма рѣдкихъ книгъ и не безважныхъ манускриптовъ состоящую, послѣ моей смерти посвятить публикѣ, дабы немалые тѣ мои для исторіи россійской начатые труды въ пользу отечества удобнымъ образомъ всегда продолжаемы были, а отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ просить буду, чтобъ позволили опредѣлить мѣсто для сей моей библіотеки при московскомъ Архивѣ. Она уже описана ассессоромъ Стриттеромъ такъ, что листочка изъ ней потеряться неможетъ. Она уже сама собою не мала и снабдена нужнѣйшими для россійской исторіи и сосѣдственныхъ государствъ книгами; къ ней же и находящіяся при Архивѣ книги присовокуплены будутъ. Но не безполезно будетъ опредѣлить еще по сту или по двѣсти рублевъ въ годъ на укомплектованіе оной, и сей расходъ держать исторіографу.

Сіе мое завѣщаніе не трудно вашему величеству согласнымъ учинить съ должностью, которую я настоящимъ моимъ наслѣдникамъ—женѣ и дѣтямъ обязанъ, не трудно всѣхъ насъ счастливыми учинить паче нашего чаянія, и паче того, чтобы съ продажи моей библіотеки домашнимъ моимъ прійти могло. Всенижайше прошу, чтобъ меня пожаловали небольшимъ числомъ недвижимаго деревенскаго имѣнія въ наслѣдство, чѣмъ бы жена моя и дѣти послѣ меня себя содержать могли, и чтобъ то было не въ весьма дальнемъ отъ Москвы разстояніи и съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ и въ томъ не укоснить, дабы щедротою вашего величества я самъ еще пользоваться могъ, ежели Господь Богъ жизнь мою на нѣкоторое время

продлить изволитъ. Чрезъ то награждена будетъ и пятидесяти пятилѣтняя моя въ Россіи служба, по коей во всей имперіи нѣтъ старѣе меня служителя, дѣйствительно въ службѣ находящагося. А дѣти мои, коихъ я воспиталъ для услуженія отечеству—и дѣйствительно они служатъ капитанами — прямые будутъ сыны отечества, потому что иностранный человѣкъ, пока онъ въ Россіи не испомѣщенъ, всегда будетъ иностранцемъ»..

Библіотеку Миллера поручено было осмотрѣть А. Обрескову, который 15 ноября 1781 года писалъ къ графу Ивану Андреевичу Остерману:

«Почтеннѣйшее вашего сіятельства писаніе отъ 5 сего ноября, содержащее высочайшее и всемилостивѣйшее ея императорскаго величества повелѣніе осмотрѣть архиву г. статскаго совѣтника Миллера и спознать отъ него о цѣнѣ оной архивы, я имѣлъ честь получить 12 сего и въ тотъ же день ѣздилъ къ нему, г. Миллеру, и высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе на покупку оной архивы, трудами его собранной, ему объявилъ, что онъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и наичувствительнѣйшею благодарностію принялъ. На вопросъ же мой о цѣнѣ, отвѣтствовалъ, что онъ все предаетъ въ высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе и будетъ доволенъ тѣмъ, что отъ щедроты ея пожаловано ни будетъ. Въ послѣдованіи же разговоровъ примѣтить я могъ, что коли бы ему пожаловано столько, чтобъ онъ возмогъ купить деревеньку не въ весьма дальнемъ разстояніи отъ Москвы около четырехсотъ душъ, то совершенно бы былъ доволенъ. Въ тѣхъ же разговорахъ понялъ я желаніе его, чтобъ оная архива всегда при государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ не раздробительно оставалась, да и могущая быть купленною деревня всегда бы зависѣла отъ той же государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, яко *фидекомисъ*, и никогда бы наслѣдниками и потомками его ни продана, ни заложена быть не могла, а только бы помянутые наслѣдники и потомки довольствовались получаемыми съ нея доходами. Архива же кажется на взглядъ многочисленна, а какъ скоро каталогъ въ надлежащій порядокъ приведется, то буду имѣть честь оный къ вашему сіятельству доставить»...

Изъясненія о моей библіотеки.

Когда я просилъ, чтобъ всемилостивѣйшая государыня императрица соизволила указать при смерти моей принять мою библіо-

теку въ Архивъ, а меня бы за то пожаловать, для безубыточнаго награжденія фамиліи моей, не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы деревнею или деньгами, на которыя деревню около четырехсотъ душъ купить можно было, то не думалъ я чрезъ то библіотекѣ моей цѣну поставить, развѣ только для примѣру объявить мое мнѣніе, чѣмъ бы мое желаніе совершенно исполнено быть могло. Ласкаю я себя надеждою, что всемилостивѣйшая государыня императрица, по обыкновенной своей щедротѣ, притомъ и долголѣтную мою, вѣрную и полезную службу въ разсужденіе принять изволитъ и не допуститъ, чтобъ моя жена и дѣти послѣ меня въ бѣдности остались или за отданіе ихъ наслѣдства въ архивъ на меня жаловаться могли.

Вообще разсуждая, во что библіотека моя могла стоить мнѣ покупкою, чего у меня не записано и чрезъ оцѣнку книгъ и манускриптовъ того найти не возможно. То извѣстно, что я снабденъ былъ всегда изобильнымъ жалованьемъ; что жилъ весьма умѣренно, время препроводилъ въ трудахъ, а не гуляніяхъ, слѣдовательно по пятидесяти-семи-лѣтней службѣ должно бы было остаться у меня не малому капиталу, но онаго нѣтъ. Сбереженныя у меня деньги употребилъ я на книги и манускрипты, дабы тѣмъ лучше исполнить по моей должности, потому что въ библіотекѣ академической многихъ весьма нужныхъ книгъ не доставало. Представлялъ же я себѣ наибольше предметомъ книгъ о исторіи россіской и о всемъ состояніи россійской имперіи, коихъ по возможности собиралъ полное число въ Россіи и въ другихъ государствахъ, на всякихъ языкахъ печатанныхъ; да при томъ не пренебрегалъ книгъ о сосѣдственныхъ съ нами государствахъ, безъ коихъ россійскому историку обойтися не возможно. Легко статься можетъ, что на сію для общей пользы учиненную издержку употребилъ я, сравнивая годъ съ годомъ, около двухъ-сотъ рублей въ годъ, съ начала меньше, а по умножающему(ся) жалованью и бо́льше.

Между сими книгами есть не малое число такихъ, кои по ихъ рѣдкости и важности не инако, какъ съ великимъ трудомъ и за чрезвычайную цѣну сысканы быть могутъ. Я упомяну только о нѣкоторыхъ и собственно до Россіи подлежащихъ, причемъ я поставляю онымъ цѣну для примѣру во что мнѣ стали.

Folio.

Korb Diarium itineris in Moscoviam. Viennae, 1698..... 10 р.

Panegyricus Petro I dictus. Kioviae. 1709. На лат. яз. ..... } 5 »
Слово похвальное кн. Меншикову въ Кіевѣ, 1709 г. ... ... }

Rerum Moscoviticarum auctores varij. Fr. 1600 ..... 6 р.
Ant. Possevini Moscovia et alia opera. Colon. 1587 ..... 4 »
Polonicarum rerum scriptores in tres tomos distributi, Basiliae, 1582 ..... 15 »
Okolski, Orbis polonus tribus tomis. Cracoviae, 1641 ..... 20 »
Niesieckiego, Herbownik polskoi, въ 4 томахъ 1728 ..... 20 »
Olearius, Reisebeschreibung, 1696 ..... 10 »

In quarto:

Библія россійская, печатанная въ Литуаніи въ 1519 не полная въ двухъ томахъ ..... 10 »
Jacobi, Nobilis Dani (Uhlefeldii) Hodoeporicum Ruthenicum, Francof. 1608 ..... 2 »
Assemanni, Kalendaria Ecclesiae Universae orientis et occidentis 6 tomis, Romae, 1705 ..... 30 »
Vertrautes Schreiben von den jetzigen conjuncturen in Moscaw, 1705 .....
Beantwortung des lugenhaften Pasquils: Vertrautes Schreiben von den jetzigen conjuncturen in Moscow. 1706 ..... } 6 »
Catalogi duo codicum manuscriptorum Athanasii Schiadae. Moscuae. 1723 ..... 2 р.

In octavo:

Possevini, Moscovia, Antwerpiae. 1587. Сія книга содержитъ одно его путешествіе въ Россію ..... 2 »
Etat de Russie par Margeret. Paris 1669 ..... 10 »
Relation de Moscovie par Neuville, à la Haye 1699 ..... 2 »

Цѣна всѣхъ оныхъ книгъ 154 рубля. Умалчиваю для краткости о книгахъ, до исторіи сосѣдственныхъ государствъ касающихся, а оныя всѣ россійскому исторіи описателю необходимо потребны. Причисляю къ онымъ и книги, исторію универсальную и западныхъ государствъ описующія, потому что историку не рѣдко и по онымъ справляться должно. Книги старыя находятся въ старомъ переплетѣ, въ коемъ мнѣ достались, а новые переплетены въ переплетъ французскій.

Есть у меня, и не мало, книгъ богословскихъ, юридическихъ, медицинскихъ, философскихъ, до исторіи натуральной касающихся, и древнихъ классическихъ авторовъ и школьныхъ книгъ, коихъ я изъ отдачи съ прочими не исключаю, но оставаться-ли онымъ при Архивѣ, оное должно зависѣть отъ высшаго повелѣнія.

Манускрипты состоятъ иные въ переплетѣ, а бо́льшее число положено по матеріямъ въ портфеляхъ, коихъ содержаніе подробно еще не описано. Изъ сихъ ни одного листа потеряться не должно. Многое сочинено или записано мною для будущаго употребленія, иное списано по моему указанію изъ Разряднаго архива и съ находящихся въ партикулярныхъ домахъ книгъ и записокъ.

Родословная исторія древнихъ великихъ князей, царей и высочайшаго императорскаго дома особливымъ тщаніемъ у меня описана, чему свидѣтельствуютъ многія, мною сочиненныя родословныя таблицы на александрійскихъ листахъ и на склейкахъ. Географическое описаніе россійской имперіи, къ коему я, въ Сибири путешествуя, собственными примѣчаніями основаніе положилъ, пріумножено многими послѣ того и понынѣ со всѣхъ сторонъ мнѣ сообщенными и у меня описыванными планами и ландкартами, не упоминая о печатныхъ ландкартахъ, особливо же о шведскомъ и польскомъ атласахъ, мною уже въ 1779 году въ Архивъ взнесенныхъ для нужнаго при дипломатическомъ корпусѣ употребленія.

Послѣднее обогащеніе моей библіотеки чинилъ я списываніемъ важнѣйшихъ писемъ своеручныхъ Петра Великаго, въ 13-ти томахъ содержащихся въ нашемъ Архивѣ, и приведеніемъ оныхъ въ порядокъ по годамъ и числамъ, чѣмъ много услужить надѣюсь тому, кто другими дѣлами не занятъ, описаніе исторіи великаго императора главнѣйшимъ своимъ упражненіемъ имѣть будетъ.

Всѣ оные манускрипты ни у кого, кромѣ меня, не находятся: они собраны, сочинены, описаны и выписаны мною по лучшему моему знанію, не для одного любопытства, но въ намѣреніи, чтобъ полезнѣйшую услугу сдѣлать государству, коему я съ самаго пріѣзда моего, т. е. съ 1725 года, всѣ мои труды и способности единственно жертвовалъ и при разныхъ случаяхъ дѣйствительные тому явилъ опыты. Какое же россійская исторія чрезъ мои труды получила приращеніе, а непросвѣщенный народъ чрезъ Ежемѣсячныя Сочиненія, въ двадцати томахъ мною изданныя,—наставленія, о томъ распространять за излишнее почитаю. Увѣренъ я, что величайшая государыня императрица, по неизмѣримой своей щедротѣ, высочайшую свою милость до конца жизни моей по мнѣ продолжать, библіотеку мою и всѣ мои письма въ Архивъ указать принять и за долголѣтную мою службу по нижайшему моему челобитью меня наградить не откажетъ.

Г. Ф. Миллеръ.

8 декабря 1781 года.

9 декабря 1781 года, Обресковъ писалъ къ графу Остерману:

«Получа почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 30 ноября, ѣздилъ я вновь къ г. статскому совѣтнику Миллеру и съ сугубымъ прилежаніемъ осматривалъ архиву его, состоящую во многихъ тысячахъ разныхъ печатныхъ книгъ и манускриптовъ, и скажу вамъ, милостивому государю моему, что по наружности нашелъ я ее въ наилучшемъ состояніи и порядкѣ, а содержанія ихъ того болѣе уваженія достойны, ибо между печатными есть нѣкоторыя весьма знаменитыя, другія же рѣдкія; а есть и такія, которыхъ въ нынѣшнія времена ни за какія деньги достать не можно; такожъ и между манускриптами подобнаго же свойства многіе находятся, а особливо всѣ пятидесятилѣтнимъ и болѣе всегдашними и непрерывными его трудами выработанныхъ; которыя наиболѣе касаются до нашего любезнаго отечества и до сосѣдственныхъ государствъ съ разными ремарками, благоразуміемъ и просвѣщеніемъ, каковыя сей почтенный старикъ въ теченіи долговременной его жизни и по всегдашнемъ его при сихъ дѣлахъ упражненіи пріобрѣсти могъ,— наполненными, каковыхъ, милостивый государь мой, конечно нигдѣ нѣтъ, да и быть не можетъ. И мнѣ кажется, что сохраненіе сей его архивы во всей цѣлости можно будетъ для государства почитать сущимъ сокровищемъ, и потомки наши во оной могутъ о государствѣ нашемъ почерпать знанія преобширныя. Въ прибавокъ же къ сему моему вашему сіятельству покорнѣйшему изъясненію посылаю при семъ пополнительнѣе изъясненіе самого его, г. Миллера, о свойствѣ помянутой его архивы, которое предоставляя на разсмотрѣніе вашего сіятельства, имѣю честь быть и пр.

Того же 9 декабря 1781 года, Миллеръ самъ писалъ къ графу Остерману:

Eurer Hochgräflichen Excellence Hohe Gnade und Bemühungen zu meinem Besten, werden ich und meine familie niemahls nach Würde gnugsam mit Danke erkennen können. Se. Excell. der Herr v. Obreskow haben von mir eine weitere Erklärung wegen meiner Bücher und Manuscripten verlanget, die ich gegeben habe. Eine Schätzung des innern wahren Werths, insonderheit der Manuscripten, ist gantz unmöglich. Was Jhre Kaiserliche Majestät mir allergnädigst zu zuwerden belieben, das wird mich so vollkommen befriedigen, dasz ich es eher für ein Mildes Geschenk, als für eine Bezahlung, ansehen werde. Jn Vergleichung mit andern von Jhro Kaiserl. Majestät gekauften Bibliotheken, kann wegen des Werthes der meinigen, edi einen weit gröszere Nutzen verspricht, kein Zweifel übrig bleiben.

Meine Manuscripta sind an Zahl und Wichtigkeit dem gemäs, was man von 50 und mehr jährigen Bemühungen, die alle zum besten des Reichs abgezillet haben, erwarten kann. Man kann aber solches auch schon daraus abnehmen, wenn gewisze Ausarbeitungen bey mancher Gelegenheit von mir gefordert worden, die ich sogleich geliefert habe, welches nicht möglich gewesen wäre, wenn ich nicht so viel vorgearbeitet und auf alle Arten von Kenntniszen in Ansehung des Russischen Reichs mich in Bereitschaft gesetzet hätte. Zu letzt kann ich nicht sicherer gehen, als wenn ich mich einzig und allein auf Jhro Kaiserlichen Majestät aller höchste Gnade verlasze, wovon ich seit 20 und mehr Jahren so viele Proben habe. Hierin mich zu befestigen, bitte ich Eure Hochgräfliche Excellence auf das sehnlichste, denen ich alles erspriesziche Wohlergehen von Hertzen anwünsche, und in tiefster submission etc.

ОТЗЫВЪ АКАДЕМИКА ГРОТА О РУССКО-ФРАНЦУЗСКОМЪ СЛОВАРѢ Г. МАКАРОВА.

Потребность въ подробномъ русско-французскомъ словарѣ ощущалась у насъ очень давно, и недостатокъ такого пособія, при значительной распространенности у насъ французскаго языка, служилъ однимъ изъ прискорбныхъ доказательствъ того, какъ бѣдна наша учебная и ученая литература и какъ мало у насъ охотниковъ предпринимать серьезные, многолѣтніе труды.

Наконецъ нашелся человѣкъ, задумавшій составить такой словарь обоихъ языковъ, который въ неслишкомъ большомъ объемѣ представлялъ бы возможно-полное и надлежащимъ образомъ разработанное содержаніе. И эта нелегкая задача выполнена г. Макаровымъ въ замѣчательной степени успѣшно. Употребивъ на то не болѣе трехъ лѣтъ, г. Макаровъ подалъ отрадный примѣръ дѣятельности настойчивой и неутомимой. Словарь его удовлетворяетъ бо́льшей части требованій, установленныхъ для пособій этого рода, и можно, кажется, съ увѣренностью предсказать, что онъ сдѣлается надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучать одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другаго; особенно будетъ онъ нуженъ при переводахъ съ русскаго на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Одно изъ главныхъ достоинствъ въ подобномъ трудѣ есть полнота, — полнота, во 1-хъ, въ собраніи словъ объясняемаго язы-

ка, во 2-хъ—въ объясненіи этихъ словъ и въ указаніи всѣхъ случаевъ разнообразной передачи ихъ на другомъ языкѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ новый словарь довольно близко подходитъ къ цѣли своей, и притомъ въ объясненіи словъ г. Макаровъ постоянно держится разумной системы: сначала идутъ соотвѣтствующія русскому слову, въ разныхъ значеніяхъ его, французскія слова, а потомъ, въ такомъ же порядкѣ, относящіяся къ каждому значенію фразы. Со стороны фразеологіи этотъ словарь отличается рѣдкимъ богатствомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ пословицы, въ бо́льшей части случаевъ передаваемыя пословицами же; только тогда, когда недостаетъ подобозначащихъ, ихъ замѣняетъ объясненіе; то и другое всякій разъ обозначается особымъ указаніемъ. Такимъ образомъ трудъ г. Макарова, выполненный съ добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, долженъ быть признанъ заслуживающимъ одобренія. Само собою разумѣется однакожъ, что въ изданіи такого объема неизбѣжны недосмотры и неисправности. Отдавая полную справедливость достоинствамъ словаря, считаю себя не вправѣ умолчать о нѣкоторыхъ пропускахъ и промахахъ, которые въ немъ замѣчены мною. Остановиться на нихъ обязанъ я тѣмъ болѣе, что самъ авторъ выразилъ желаніе узнать недостатки своего словаря для исправленія ихъ въ будущемъ.

Хотя г. Макаровъ и внесъ въ свой трудъ многія общеупотребительныя русскія слова, которыхъ, по крайней-мѣрѣ до замѣчательнаго труда г. Даля, не было въ нашихъ словаряхъ (напримѣръ: обусловливать, объединять, научный, клумба и др.), однакожъ и въ разсматриваемомъ словарѣ мы не находимъ еще многихъ словъ; нѣкоторыя изъ нихъ, правда, еще новы, но и тѣ уже пріобрѣли или по крайней-мѣрѣ болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ право гражданства, Г. Макаровымъ между прочимъ, пропущены слѣдующія слова *): бытовой*, водораздѣлъ, главенство*, голосованіе*, дословный, завзятый, законоположеніе, замкнутость, издѣльный (—ая повинность), корениться, крѣпостникъ*, мѣропріятіе, набросокъ*, накидокъ* (esquisse), настроеніе, непререкаемый, обрядовой, общеніе, орудовать, отступное, передвиженіе, плоскогорье, полноправный*, правомѣрный, представительство, пререканіе, принудительный, противовѣсъ (—вѣсіе)*, проходимецъ*, равноправный, самовосхваленіе*, самодуръ, самодѣятельность, самообольщеніе*,

*) Обозначаю звѣздочкой такія слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ до-сихъ-поръ русскихъ словарей.

самосознаніе*, самоуправленіе*, сдержанность* (и сдержка), собственникъ*, сопоставлять, сторонникъ, стушеваться, суть (имя сущ.), творчество, хлыщъ*, цѣлесообразный*, человѣчный, численность.

Кромѣ того забыты еще нѣкоторыя слова другаго рода, хотя не столь употребительныя, болѣе спеціальныя, но также несомнѣнно принадлежащія къ составу языка: они частью встрѣчаются у писателей не слишкомъ давняго періода (напр. заимословіе, нѣщечко), частью живутъ въ народѣ (взбуровить, ерунда, калика, живейный, неумѣлый, обознаться, посовѣть, раздробь), частью же извѣстны какъ научные или ремесленные термины (хрусталикъ, засидки *).

Наконецъ, между вошедшими въ русскій языкъ иностранными словами недостаетъ у г. Макарова нѣкоторыхъ весьма замѣтныхъ. Конечно, не всѣ употребляемыя современными писателями иноязычныя слова заслуживаютъ сохраненія, но многія не хуже прежде-утвердившихся; въ этомъ отношеніи важно имѣть въ виду степень потребности въ словѣ, и кажется, современный лексикографъ не можетъ отвергать такихъ словъ, какъ напр., солидарность, организовать, централизація, соціальный, принципъ, или: кепи, керосинъ и проч., которымъ однакожъ въ словарѣ г. Макарова менѣе посчастливилось чѣмъ другимъ, въ родѣ амплуа, ангажировать, сидръ, папироска и т. п.

Объясненія и переводы въ новомъ словарѣ вообще вѣрны и удачны. Есть въ немъ однакожъ слова, которыя объяснены не во всѣхъ своихъ значеніяхъ или вообще не совсѣмъ полно и не довольно точно. Вотъ тому примѣры.

«Говоръ, le bruit de gens qui parlent». Здѣсь упущено изъ виду значеніе, усвоенное этому слову въ послѣднія десятилѣтія, именно: patois, jargon (мѣстное нарѣчіе).

«Грамотность, l'écriture et la lecture». Но *грамотность* означаетъ преимущественно *умѣнье* читать и писать.

«Дѣятель, acteur, agent». Очевидно, что ни то, ни другое изъ этихъ французскихъ словъ не годится для передачи столь общеупотребительныхъ выраженій: *дѣятель общественный*, *дѣятель* такой-то *эпохи*. Надобно было перифрастически объяснить употребленіе этого слова.

«Задатокъ, les arrhes». Русское слово употребляется въ смыслѣ гораздо обширнѣйшемъ, напр. въ выраженіи: задатки будущаго развитія.

*) Описаніе засидокъ (Lichtbraten) на одной петербургской фабрикѣ см. въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866, № 232.

«Наплясаться, danser tout son soûl, jusqu'à satiété». Это только собственное значеніе слова; но есть еще и другое: натерпѣться, намаяться.

«Направленіе, direction». Надо было прибавить: tendance.

«Насущный,—хлѣбъ, le pain quotidien». Но русское прилагательное соединяется не съ однимъ словомъ *хлѣбъ*; въ предисловіи къ своему словарю самъ г. Макаровъ употребилъ выраженіе: «одна изъ насущнѣйшихъ потребностей». Quotidien не выражаетъ коренного значенія слова *насущный*, которое прямо переведено съ греческаго ἐπιούσιος *(на существованіе* нужный). Слѣдовало прибавить: vital, и потомъ приведенное выраженіе съ объясненіемъ его: besoin impérieux или т. п.

«Оброчный, de redevance, payant une redevance». Забыто реченіе: *оброчныя статьи*.

«Печать, le cachet, sceau; le scellé; impression; les caractères». Здѣсь недостаетъ еще presse, въ значеніи котораго слово *печать* въ недавнее время стало удачно употребляться.

«Починъ, le commencement, étrenne; frontière». И тутъ недостаетъ недавно приданнаго слову значенія: initiative.

«Присяжный, de serment, assermenté; le juré, membre du jury». Не объясненъ терминъ *присяжный повѣренный*, котораго не находимъ и подъ словомъ *повѣренный*.

«Протестъ, protêt». Слово взято только въ самомъ спеціальномъ своемъ значеніи, какъ коммерческій терминъ, тогда какъ общій смыслъ его остался въ сторонѣ.

«Путевой, de voyage». Не занесено реченіе *путевой дворъ*, которое начали употреблять въ значеніи французскаго gare du chemin de fer (нѣмецкаго Bahnhof).

«Разбирать». Между многими приведенными при этомъ глаголѣ значеніями забыто одно, соотвѣтствующее выраженію: быть разборчивымъ (напр. въ пищѣ), être difficile dans le choix de...

«Разборчивый». Здѣсь напротивъ указано значеніе, ускользнувшее при глаголѣ *разбирать*, но не приведено то, которое встрѣчается напр. въ выраженіи: довольно разборчивый почеркъ

«Разводить». Забытъ случай употребленія этого глагола съ творительнымъ: *руками*.

«Рознь, la différence, diversité». A divergence въ смыслѣ разномыслія, несогласія, désunion, division?

«Сводиться, être mené (du haut en bas)». Не показано значеніе слова въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующему: всѣ эти толки сводятся на одну главную мысль.

«Черный». Не выставлено названіе *черная рыба*, которымъ означаются всѣ виды мелкой рыбы въ отличіе отъ крупной, называемой *красною*, какъ и показано подъ этимъ послѣднимъ словомъ.

Фразы, которыхъ переводъ вообще свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи французскаго языка, помѣщены не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ; напр. выраженія: «Онъ очень занятъ собою, онъ занятъ чтеніемъ» должны бы находиться не подъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *занимать*, а подъ причастіемъ *занятой*, такъ-какъ оно поставлено, по общему правилу автора, особо.

Особо поставлены также косвенные падежи личныхъ мѣстоименій, и г. Макаровъ справедливо указываетъ въ предисловіи на это преимущество своего словаря. Но на томъ же основаніи слѣдовало бы помѣщать особо и тѣ глагольныя формы, которыя своими начальными буквами отличаются отъ неопредѣленнаго наклоненія. Такъ нужно бы, кромѣ *здать*, *идти*, *молоть*, *стлать*, *брать*, *жать*, *мять* и т. п. выставить на своемъ мѣстѣ, по азбучному порядку, и формы: *зижду*, *шелъ*, *мелю*, *стелю*, *беру*, *жму*, *жну*, *мну* и проч.

Выше сказано было, что нѣкоторыя фразы встрѣчаются не тамъ, гдѣ ихъ должно искать. Въ примѣръ того приведу еще одинъ случай. Пословица: «не всякое лыко въ строку» помѣщена подъ словомъ *всякій*, тогда какъ настоящее мѣсто ей было бы подъ словами *лыко* или *строка*. Притомъ и объясненіе этой пословицы: «Il ne faut pas regarder de trop près или il faut être indulgent quelquefois» не совсѣмъ удовлетворительно. Подъ словами *лыко* и *строка* читатель не найдетъ разгадки, почему въ народномъ изреченіи соединены эти два понятія. Имя сущ. *строка* переведено только словомъ *ligne*, но въ сущности смыслъ его гораздо обширнѣе: оно значитъ вообще *рядъ* (напр. въ шитьѣ), и на этомъ основаніи употребляется также, когда рѣчь идетъ о плетеніи лаптей. Мастеръ этого дѣла отбрасываетъ тѣ лыки, которыя кажутся ему недовольно чисты и гладки для употребленія въ строку или полосу. Вотъ начало пословицы. Уже позднѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стали говорить. «Не всякое слово въ строку». Г. Снегиревъ объясняетъ пословицу о лыкѣ такъ: «не всякія мелочи, пустяки вводить въ дѣло». Г. Даль даетъ ей слѣдующее толкованіе, принятое и въ разбираемомъ словарѣ: «не будь чрезмѣру строгъ и взыскателенъ». Кажется, точнѣе былъ бы такой переводъ: «не всякое слово, необдуманно сказанное, стоитъ вниманія и должно вмѣняться въ вину».

Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ словарѣ г. Макарова, охотно сознаю однако же, что они не могутъ и не должны

заслонять собою громадной массы всего хорошаго, что въ немъ заключается. Безъ подобныхъ указаній со стороны, такой обширный трудъ никогда не можетъ приблизиться къ желаемому совершенству. Въ настоящемъ же случаѣ они казались мнѣ тѣмъ нужнѣе, что неутомимый авторъ уже перешелъ къ другому однородному предпріятію: онъ готовитъ въ тѣхъ же или, можетъ быть, еще въ большихъ размѣрахъ французско-русскій словарь. Пожелаемъ ему въ этомъ новомъ предпріятіи такого же успѣха, какого заслуживаетъ недавно-изданный трудъ его.

ПРОШЕНІЕ ЛОМОНОСОВА О ПЕНСІИ И ЧИНѢ, 1762 ГОДА *).

Сообщено Академикомъ П. Пекарскимъ.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица всероссійская Государыня всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ Коллежской Совѣтникъ Махайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ; а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты,

1.

Въ службѣ Вашего Императорскаго Величества состоя тритцать одинъ годъ. обращался я въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ, и въ нихъ пріобрѣлъ толь великое знаніе, что по свидѣтельству разныхъ Академій и великихъ людей ученыхъ принесъ я ими знатную славу Отечеству во всемъ ученомъ свѣтѣ, чему показать могу подлинныя свидѣтельства: и таковымъ ученіемъ, одами публичными рѣчьми и диссертаціями позвалъ и украшалъ я Вашу Академію передъ всѣмъ свѣтомъ дватцать лѣтъ *К' сему*

2.

На природномъ языкѣ разнаго рода моими сочиненіями Грамматическими, Риторическими, Стихотворческими, Историческими, такъ же и до высокихъ Наукъ надлежащими Физическими, Хими-

*) Въ Госуд. архивѣ, X разрядъ, Прошенія, бывшія въ дѣлопроизводствѣ И. П. Елагина, книга I. Правописаніе сохранено подлинника.

ческими и Механическими стиль Россійской въ минувшіе дватцать лѣтъ несра^{в}ненно вычистился передъ прежнимъ, и много способнѣе сталъ къ выраженіямъ идей трудныхъ, въ чемъ свидѣтельствуетъ общая аппробація моихъ сочиненій и во всякихъ письмахъ употребляемыя и^{з} нихъ слова и выраженія, что къ просвѣщенію народа много служи^{т}; *Прошенію*

3.

Присудствуя въ Канцеляріи Академіи Наукъ членомъ полшеста года безъ повышенія чина и безъ прибавки жалова^{н}я; что однако моимъ товарищамъ учинено было; отпра^{в}лялъ я должность мою по положеннымъ на меня Депа^{р}таментомъ со всяческимъ раченіемъ, такъ что Гимназія, Университетъ и Географической Департаментъ пришли во много лутчее передъ прежнимъ состояніе; *Коллежской Совѣтни^{к}*

4.

Помянутою моею ревностною и вѣрною службою и многими трудами пришло мое здоровье въ великую слабость, и частой ломъ въ ногахъ и раны не допускаютъ меня больше къ исправленію должности, та^{к} что прошлой зимы и весны лежалъ я двѣнатцать недѣль въ смертной постелѣ и нынѣ тяжко боленъ; *Михайло*

5.

Не взирая на мои вышепомянутые труды и ревностную и безпорочную службу для приращенія Наукъ въ Отечествѣ близь двѣна^{т}цати лѣтъ въ одномъ чину оставленъ я нижайшій произво^{ж}деніемъ и обойденъ многими меня молодшими въ статски^{х} чинахъ; которымъ при семъ реестръ сообщается и тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь мою сильно умножаетъ; *Васильевъ сынъ*

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества милосердіемъ благоволено было сіе мое нижайшее прошеніе принять и меня для вышепомянутой болѣзни уволить отъ службы Вашего Императорскаго Величества вовсе; а за понесенные мною сверхъ моей профессіи труды, и для того что я многократно многими въ произвожденіи молодшими безъ всякой моей прослуги обойденъ, наградить меня произведеніемъ въ Статскіе Дѣйствительные Со-

вѣтники съ ежегодною пенсіею по тысячи по осьми сотъ рублевъ по мою смерть изъ Статской Конторы. Между тѣмъ въ покоѣ и въ уединеніи отъ хлопотъ бывающихъ по должности пользуясь таковою Вашего Императорскаго Величества всевысочайшею щедротою въ часы свободные отъ болѣзни не премину въ наукахъ посильно упражнятся въ пользу отечества; *Ломоносовъ*

Всемилостивѣйшая Государыня прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ челобитьѣ рѣшеніе учинить. Іюля дня 1762 года. Прошеніе писалъ Академіи Наукъ Геодезіи Студентъ Илья Аврамовъ *руку приложилъ.*

(На отдѣльномъ листѣ при прошеніи рукою того же Аврамова:)

Коллежской Совѣтникъ Михайло Ломоносовъ обойденъ въ произвожденіи, и молодшіе его въ статскихъ чинахъ пожалованы:

1) Иванъ Козловъ Статской Дѣйствительной Совѣтникъ и Генералъ-Рекетъ Мейстеръ.

2) Дмитрей Лобковъ Статской Дѣйствительной Совѣтникъ и Герольдъ Мейстеръ;

3) Федоръ Квашнинъ Самаринъ Статской Дѣйствительной Совѣтникъ и Оберъ Президентъ;

4) Николай Давыдовъ Статской Совѣтникъ и Вице Президентъ;

5) Алексѣй Яковлевъ Статской Совѣтникъ;

6) Князь Егоръ Амилохоровъ Статской Совѣтникъ и Прокуроръ;

7) Иванъ Ермолаевъ Статской Совѣтникъ;

8) Андрей Суровцовъ Статской Совѣтникъ;

9) Борисъ Никитинъ Статской Совѣтникъ;

10) Алексѣй Еропкинъ Статской Совѣтникъ;

11) Федоръ Швебсъ Вице Президентъ;

12) Андрей Самаринъ Церемоніенъ-Мейстеръ;

13) Князь Александръ Черкаской Брегадиръ;

14) Михайло Титовъ Статской Совѣтникъ;

15) Иванъ Таубертъ Статской Совѣтникъ.

Октябрь 1867 года.

Академикъ Пекарскій читалъ извлеченное имъ изъ академическаго архива извѣстіе о бывшихъ въ Петербургѣ въ 1780 году частныхъ училищахъ. По приказанію Императрицы Екатерины II, въ мартѣ и апрѣлѣ означеннаго года академики Ейлеръ-сынъ, Лепехинъ, Протасовъ, Зуевъ и Моисѣенковъ осматривали всѣ

частные пансіоны и школы, находившіеся тогда въ Петербургѣ; причемъ дѣлали испытанія воспитанниковъ и собирали свѣдѣнія о содержателяхъ и учителяхъ этихъ учебныхъ заведеній. Результаты занятій названныхъ академиковъ изложены въ обстоятельномъ описаніи, которое представляетъ довольно цѣльную картину воспитанія молодаго поколѣнія зажиточныхъ жителей Петербурга во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ бо́льшей части частныхъ учебныхъ заведеній все преподаваніе ограничивалось уроками французскаго, иногда нѣмецкаго языковъ и первыми правилами ариѳметики. Между содержателями и учителями пансіоновъ попадаются прикащикъ, фехтовальный учитель, поваръ и т. п. Весьма немногіе изъ содержателей получили университетское образованіе. Одинъ изъ нихъ, Августъ Вицманъ, издатель «St. Petersburgisches Wochenblatt zur Aufnahme der Oeconomie», по отзыву академиковъ, былъ человѣкъ хорошо подготовленный и ученый; но зато у него почти не было учениковъ. На Петербургской сторонѣ существовала школа извѣстнаго потомъ автора Записокъ объ Екатеринѣ II и Императорѣ Павлѣ, Ивана Масона. Экзаминаторы нашли: «Какъ г. Масонъ, по причинѣ своея должности въ кадетскомъ корпусѣ, мало имѣетъ времени обучать самъ въ своемъ пансіонѣ, и какъ его помощники въ наукахъ и языкахъ не весьма искусны, то не можно ожидать отъ его учениковъ никакихъ дальнихъ успѣховъ»... Этотъ новый матеріалъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, дополняющій біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицахъ прошлаго столѣтія, будетъ напечатанъ впослѣдствіи.

Академикъ Гротъ доложилъ, что такъ-какъ памятникъ надъ могилою покойнаго А. Х. Востокова на Волковомъ кладбищѣ нынѣ уже совершенно оконченъ, то онъ долгомъ считаетъ представить, для храненія при дѣлахъ отдѣленія, списки пожертвованій, сдѣланныхъ на этотъ предметъ, по вызову отдѣленія, почитателями памяти академика Востокова и составившихъ сумму въ 644 р. 60 к., на счетъ которой и поставленъ памятникъ. Положено: при напечатаніи о томъ выразить живѣйшую признательность отдѣленія всѣмъ лицамъ, благоволившимъ принять участіе въ подпискѣ на этотъ предметъ.

Академикъ Срезневскій прочелъ слѣдующую записку: «Въ концѣ мая я докладывалъ отдѣленію о томъ, что докторомъ Я. Шафарикомъ, во время его пріѣзда на этнографическую выставку, сообщена была мнѣ рукопись XII вѣка, письма не русскаго и не сербскаго, заключающая въ себѣ значительную часть книги

апостольскихъ чтеній, и что г. Шафарикъ обѣщалъ осенью доставить не только работу свою объ этомъ памятникѣ, но и самый подлинникъ. Вполнѣ увѣренный, что работа г. Шафарика будетъ достойна вниманія отдѣленія и что подлинникъ еще разъ будетъ въ моихъ рукахъ, я все-таки списалъ весь памятникъ, снялъ снимки съ нѣсколькихъ страницъ и сдѣлалъ о немъ свои замѣтки, часть которыхъ и сообщилъ отдѣленію. Все это оказалось тѣмъ болѣе нужнымъ, что весною же я получилъ отъ В. И. Григоровича еще часть той же рукописи, не находившуюся въ рукахъ г. Шафарика; имѣя снимки и списокъ, я легко могъ въ этомъ убѣдиться и новозаявленной части памятника дать въ своемъ спискѣ должное мѣсто. Вмѣстѣ съ тѣмъ дружеской общительности В. И. Григоровича я обязанъ сообщеніемъ, между прочимъ, и другаго важнаго памятника того же рода и отдѣла: книги апостольскихъ чтеній тоже, вѣроятно, XII вѣка и тоже письма не русскаго и не сербскаго, но особеннаго правописанія. Этотъ памятникъ любопытенъ, между прочимъ, и потому, что въ немъ по мѣстамъ кирилловское письмо замѣнено глаголицей. Снявъ снимки и съ этого памятника, я и его списалъ вполнѣ для того, чтобъ имѣть возможность сравнивать съ нимъ памятникъ, прежде означенный. В. И. Григоровичу я обязанъ за сообщеніе и еще нѣсколькихъ памятниковъ такого же письма, XII—XIII вв. Всѣ эти памятники были для меня важны, между прочимъ, и въ отношеніи къ сборнику памятниковъ юсоваго письма, мною печатаемому. Я воспользовался ими для того, помѣстивъ извлеченія изъ нихъ въ дополненіи, и приготовляю ихъ описаніе для обозрѣнія, которое печатается какъ введеніе къ сборнику. Поѣздка моя въ Кіевъ была также полезна для дополненія издаваемаго мною сборника: въ богатыхъ и разнообразныхъ собраніяхъ преосвященнаго Порфирія я нашелъ нѣсколько отрывковъ изъ древнихъ памятниковъ того же юсоваго письма, сдѣлалъ и съ нихъ снимки и списки, и считаю нужнымъ дать и имъ мѣсто въ издаваемой книжкѣ. Позволю себѣ повторить разъ уже высказанное въ отдѣленіи убѣжденіе, что изъ памятниковъ юсоваго письма, чѣмъ болѣе ихъ отыскивается, тѣмъ яснѣе становится, что и въ нихъ такъ же, какъ въ памятникахъ русскихъ и сербскихъ, только сквозь покровъ мѣстныхъ нарѣчій, виднѣется чистое старо-славянское нарѣчіе, то нарѣчіе, котораго главныя черты вскрыты были изъ памятниковъ русскаго письма проницательностью Востокова, и которое болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій приближается къ древнѣйшему образу славянскаго языка

и болѣе всѣхъ другихъ объясняетъ неясныя черты каждаго изъ нихъ.» Принято съ признательностью.

Академикъ Гротъ заявилъ, что, съ выходомъ въ свѣтъ послѣдняго, 21-го выпуска Словаря почетнаго члена Академіи В. И. Даля, нынѣ оконченъ этотъ замѣчательный трудъ. По мнѣнію Я. К. Грота, успѣшное довершеніе столь обширнаго лингвистическаго предпріятія заслуживаетъ полнаго вниманія Академіи и должно быть встрѣчено отдѣленіемъ русскаго языка и словесности съ особеннымъ сочувствіемъ. Хотя и неоспоримо, что этотъ Словарь въ научномъ отношеніи удовлетворяетъ не всѣмъ современнымъ требованіямъ, но зато съ практической стороны онъ представляетъ великія достоинства. Самая мысль, выраженная въ заглавіи его, составить Словарь *живаго великорусскаго языка* была нова въ нашей лексикографіи и указываетъ на настоящую точку зрѣнія при оцѣнкѣ труда г. Даля. Этотъ трудъ былъ дѣломъ цѣлой жизни его. Главный матеріалъ лексикона собранъ не изъ книгъ, а изъ живаго источника, т. е. изъ самыхъ устъ народа почти во всѣхъ концахъ Россіи, куда заводила г. Даля, и часто на долгое время, разнообразная судьба его и разнородная служба. Къ счастію, мысль записывать поражавшія его русскія слова, поговорки и пословицы родилась у него еще въ ранней молодости, и такимъ образомъ въ его рукахъ скопился мало-по-малу необъятный запасъ того, что составляетъ богатство народнаго языка. Наконецъ, восемь лѣтъ тому назадъ, г. Даль рѣшился оставить службу, чтобы, поселясь въ Москвѣ, исключительно посвятить себя разработкѣ этого драгоцѣннаго матеріала. Съ удивительною настойчивостью, не отвлекаясь отъ своего труда никакими другими интересами и занятіями, онъ успѣлъ въ семь лѣтъ напечатать четыре большіе тома Словаря. Этотъ Словарь, самый полный изъ всѣхъ доселѣ существующихъ русскихъ словарей, будетъ отнынѣ однимъ изъ главныхъ источниковъ русской лексикографіи, необходимою справочною книгой не только для всѣхъ изслѣдователей русскаго языка и народной жизни, но и для всякаго мыслящаго русскаго человѣка, понимающаго значеніе роднаго языка. Сверхъ богатства содержанія Словарь г. Даля имѣетъ еще и другія существенныя преимущества: авторъ вездѣ старался давать словамъ простыя и точныя опредѣленія, и, сообщивъ въ первый разъ множество техническихъ народныхъ названій по промысламъ и ремесламъ, а также по естествовѣдѣнію, пріобрѣлъ неменьшую заслугу вѣрнымъ объясненіемъ ихъ. При многихъ уже извѣстныхъ словахъ, давно занесенныхъ въ словари

онъ показалъ никѣмъ неотмѣченныя прежде примѣненія ихъ въ народномъ языкѣ. Въ его объясненіяхъ словъ и въ приводимыхъ имъ безчисленныхъ выраженіяхъ, поговоркахъ и пословицахъ разсѣяны драгоцѣнныя указанія на нравы, повѣрья и обычаи русскаго люда. Другаго рода услугу оказалъ г. Даль изслѣдователямъ языка въ грамматическомъ отношеніи, выставивъ рѣзко и убѣдительно неправильность господствовавшаго долго взгляда на залоги русскаго глагола; онъ осязательно доказалъ путаницу, происходившую отъ заимствованнаго изъ чужеязычныхъ грамматикъ понятія, будто при каждомъ глаголѣ необходимо опредѣлять залогъ его и притомъ по тѣмъ самымъ категоріямъ залоговъ, какія приняты въ другихъ языкахъ. Поэтому г. Даль въ первый разъ изгналъ изъ словаря одностороннее указаніе залоговъ, и наука отчасти уже воспользовалась его наблюденіемъ, конечно, требующимъ еще дальнѣйшаго развитія. Сознавая, что строгая и подробная критика безъ сомнѣнія отыщетъ въ Словарѣ г. Даля недостатки, не только частные, но и общіе, особенно въ отношеніи къ группировкѣ словъ, къ корнесловію, къ системѣ правописанія, академикъ Гротъ заключилъ замѣчаніемъ, что тѣмъ-не-менѣе на его взглядъ Словарь г-на Даля, по указаннымъ уже достоинствамъ, составляетъ чрезвычайно важное явленіе въ русской лексикографіи и литературѣ. Отдѣленіе, вполнѣ соглашаясь съ этимъ отзывомъ, опредѣлило внести Словарь г. Даля на одинъ изъ первыхъ конкурсовъ Ломоносовской преміи.

И. И. Срезневскій представилъ на вниманіе сочленовъ два фотографическіе снимка съ болонской псалтыри XII вѣка, сдѣланные, по его просьбѣ и назначенію, для его сборника памятниковъ юсоваго письма, подъ наблюденіемъ М. А. Пинто. Вмѣстѣ съ тѣмъ И. И. Срезневскій заявилъ, со словъ г. Пинто, что библіотекарь университетской болонской библіотеки, гдѣ хранится означенная рукопись, находитъ возможнымъ высылку оной въ Академію Наукъ въ Петербургъ, если только русскій посланникъ при дворѣ итальянскомъ обратится съ ходатайствомъ объ этомъ къ итальянскому министру народнаго просвѣщенія. По важности этого памятника для изслѣдованій палеографическихъ и лингвистическихъ сравнительно съ другими памятниками такого же рода, отдѣленіе положило ходатайствовать, чтобы болонская псалтырь была доставлена въ Академію Наукъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Академикъ Пекарскій читалъ написанное имъ изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Редакторъ, сотрудники и цензура русскаго жур-

нала въ 1755 — 1764 годахъ». Первый русскій учено-литературный журналъ «Ежемѣсячныя сочиненія» не разъ обращалъ на себя вниманіе позднѣйшихъ изслѣдователей, по богатству, разнообразію и значенію напечатанныхъ тамъ статей. Покойный В. А. Милютинъ посвятилъ этому изданію три обширныя статьи (въ «Современникѣ» 1851 г.), основанныя исключительно на тѣхъ печатныхъ свѣдѣніяхъ, которыя представляетъ самый журналъ. Само собою разумѣется, что такія свѣдѣнія, знакомя съ содержаніемъ изданія, не даютъ понятія о значеніи редактора старинnаго журнала и его отношеніяхъ къ сотрудникамъ; не раскрываютъ безвѣстныхъ авторовъ, трудившихся въ журналѣ иногда болѣе, чѣмъ извѣстные писатели, наконецъ совершенно молчатъ о степени свободы, предоставленной въ старину журналу при высказываніи въ немъ мыслей касательно религіи, политики и литературы, т. е. о журнальной цензурѣ. Полагая, что подобныя извѣстія полезно принимать въ соображеніе при историко-литературной оцѣнкѣ старинныхъ русскихъ періодическихъ изданій, П. П. Пекарскій въ помянутомъ изслѣдованіи сообщилъ, на основаніи рукописныхъ источниковъ, разныя подробности о закулисной сторонѣ въ существованіи «Ежемѣсячныхъ сочиненій», сторонѣ, остающейся обыкновенно неизвѣстною большинству современниковъ, но тѣмъ-неменѣе играющей важную роль въ журналистикѣ. Отдѣленіе, находя въ этомъ трудѣ много новыхъ, весьма любопытныхъ данныхъ для исторіи литературы XVIII вѣка, изъявило желаніе, чтобы онъ скорѣе былъ напечатанъ.

П. П. Пекарскій доставилъ сдѣланную имъ въ Государственномъ Архивѣ (разр. XVI) выписку высочайшаго повелѣнія императрицы Елисаветы Петровны 28-го іюля 1743 года, объявленнаго барономъ И. А. Черкасскимъ, о томъ, «чтобъ въ предлагаемыхъ Ея Величеству къ подписанію или для прочтенія письмахъ никакихъ рѣчей подъ титломъ, также и верхнихъ литеръ не писать, но чтобъ всѣ литеры изображаемы были надлежащимъ порядкомъ въ строкахъ». Этого повелѣнія нѣтъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Академикъ Бычковъ прочелъ сохранившееся въ копіи, сдѣланной Олениннымъ, любопытное письмо къ нему Державина о разговорѣ съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ по поводу перваго представленія трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ» въ 1804 году. Передано для напечатанія въ изданіи сочиненій Державина академику Гроту, который отозвался, что этого письма еще нѣтъ въ

имѣющемся у него собраніи писемъ поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что пополненіе матеріаловъ для біографіи Державина все еще продолжается и что въ недавнее время доставлены отъ Г. К. Рѣпинскаго копіи съ двухъ бумагъ этого рода, найденныхъ имъ въ одномъ изъ здѣшнихъ архивовъ. Положено выразить г. Рѣпинскому искреннюю признательность Отдѣленія.

Авторъ нѣмецко-русскаго словаря, г. Павловскій, представилъ на судъ Академіи Наукъ недавно напечатанное въ Ригѣ 2-е изданіе этого труда, заслужившаго въ свое время на конкурсѣ демидовскихъ наградъ почетный отзывъ Академіи. Новое изданіе препровождено было нынѣ общимъ собраніемъ на разсмотрѣніе Отдѣленія русскаго языка и словесности. Академикъ Срезневскій, который, по порученію Отдѣленія, разсмотрѣлъ этотъ словарь преимущественно по отношенію къ 1-му его изданію, прочиталъ слѣдующій отзывъ.

Первое изданіе этой книги вышло въ 1856 г. Нынѣ вышедшее второе отличается отъ перваго исправленіями и дополненіями, при которыхъ трудъ г. Павловскаго становится еще болѣе полезнымъ.

Цѣль составленія этого словаря была преимущественно, почти исключительно — помочь тѣмъ нѣмцамъ, которые хотятъ пользоваться богатствами русскаго языка, излагая, что бы то ни было, по-русски. По этому составитель и обратилъ особенное вниманіе на все, что можетъ быть нужно нѣмцу: на удареніе русскихъ словъ въ ихъ разныхъ измѣненіяхъ, на самыя ихъ измѣненія, если они уклоняются отъ обыкновенныхъ, что называется правильныхъ, на особенныя формы словъ, непонятныя для нѣмцевъ, каковы, напр. виды глаголовъ, на управленіе словъ другими, и потому на употребленіе падежей и предлоговъ и т. д. Само собою разумѣется, что нѣмецъ не можетъ не нуждаться, при переводѣ съ своего языка на русскій, въ точномъ различіи всѣхъ оттѣнковъ значенія нѣмецкаго слова посредствомъ словъ русскихъ, а потому г. Павловскій не довольствовался общимъ обозначеніемъ смысла нѣмецкаго слова, но старался отдѣлить каждый оттѣнокъ его значенія, на сколько было нужно, особеннымъ русскимъ словомъ, приводя при этомъ нѣмецкіе синонимы или описанія. Не только не забыты, но въ очень большомъ числѣ приведены русскія обычныя выраженія для перевода обычныхъ выраженій нѣмецкихъ. Дано мѣсто даже и поговоркамъ и пословицамъ наиболѣе употребительнымъ.

Какъ все это сдѣлано г. Павловскимъ, можно понять изъ немногихъ примѣровъ:

Въ словѣ dünn отдѣлены слѣдующіе оттѣнки значенія: 1) nicht dick, fein — тонкій; 2) о волосахъ, тканяхъ: undicht — рѣдкій; 3) о тѣлесномъ сложеніи: mager, schmächtig — худощавый; 4) о жидкостяхъ: жидкій. Эти оттѣнки значенія слова dünn объяснены въ выраженіяхъ: dünne Leinwand — рѣдкое полотно, dünne und grobe L. — рѣдкая холстина, рѣдь и рѣдниа; dünnes Bier — слабое пиво; dünne Grütze—кашица; d. werden (undicht w.)— рѣдѣть; о тканяхъ: истираться, изнашиваться; о тѣлосложеніи (mager w.) — худѣть; dünn machen (verdünnen, flüssig m.) — разжижать; о доскѣ и т. п. утонять; durch dick und d. gehen — идти, не разбирая; er bohrt gerne wo das Brett am dünnsten ist—онъ не любитъ трудиться, онъ всё старается, какъ бы ему было полегче. За этимъ слѣдуютъ сложныя слова: dünnbärtig, dünnbeinig и проч.

Въ словѣ fein отмѣчены слѣдующіе оттѣнки значенія: 1) dünn, о бумагѣ и т. п. тонкій; 2) zart — нѣжный; 3) gebildet — образованный; f. im Umgange, bescheiden — тонкій, вѣжливый, учтивый; 4) о дождѣ, пескѣ, порохѣ и т. п. — мелкій; von guter Sorte—хорошій; feines Gold — чистое золото. Далѣе отмѣчены особые случаи употребленія слова fein: f. Schrift — мелкое письмо; f. Brod — ситный хлѣбъ; f. Kamm — частый гребень; f. Geschmack — тонкій вкусъ; f. Geruch — чуткое обоняніе; f. Blick — проницательный взоръ; f. Lebensart — свѣтскость, вѣжливое обращеніе. Слѣдуютъ въ большомъ числѣ особыя выраженія, и между прочими: f. Nase, f. Fuchs, f. gedacht und f. gesagt и проч.

Мѣткія, что называется, коренныя русскія слова и выраженія для перевода однозначащихъ словъ и выраженій нѣмецкихъ встрѣчаются на каждой страницѣ. Такъ на первыхъ двухъ листкахъ, между прочимъ, находимъ: den Hut ab — шляпу долой; er hat auch eins abbekommen — ему также досталось; er ist ganz abgebrannt — у него нѣтъ ни копѣйки за душой; einen tüchtig abbrechen — отдуть кого, отвалять кому бока; es ist ein abgedroschenes Zeug — это старьё; es will mir das Herz abdrücken—у меня сердце ноетъ, щемитъ сердце, тоска меня берётъ; es ist noch nicht aller Tage Abend — увидимъ ещё, чѣмъ дѣло кончится, Богъ вѣсть что еще будетъ; abfahren — отправиться на тотъ свѣтъ.

Пословицы и поговорки встрѣчаются также очень часто, — и вотъ примѣры ихъ обозначенія: das Alter drückt, — старость не радость; da haben wir's — вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день; besser ein dürrer Hab'ich denn ein fetter Hätt'ich—лучше всего что есть у кого; лучше синица въ рукѣ нежели журавль на небѣ; eine

Hand wäscht die andere — рука̀ ру̀ку мо̀етъ; jung gewohnt, alt gethan — како̀въ въ колыбѐлку, тако̀въ и въ могилку: selbst ist der Mann — умъ царь въ головѣ; es ist nicht so leicht gethan wie gesagt — ско̀ро ска̀зка ска̀зывается, да не ско̀ро дѣ̀ло дѣ̀лается.

Одно, вѣроятно, найдутъ неудобнымъ нѣмцы, пользуясь словаремъ г. Павловскаго: это — отсутствіе буквальнаго нѣмецкаго перевода русскихъ выраженій, пословицъ, поговорокъ, при помощи которыхъ они могли бы понять ихъ прямой смыслъ и имѣли бы возможность лучше ознакомиться съ выразительностью русскаго языка.

Изъ всего отмѣченнаго, кажется, достаточно видно, что «Словарь» г. Павловскаго, предназначенный для нѣмцевъ, въ такой же степени, если не болѣе, пригоденъ и для русскихъ, изучающихъ нѣмецкій языкъ. Въ этомъ отношеніи недостаетъ въ немъ только обозначеній тѣхъ видоизмѣненій нѣмецкихъ словъ, въ которыхъ измѣняются буквы, какъ — Haus, Häuser; Gott, Götter; gehen, ging, gegangen; nehme, nimmt, genommen.

Приведенные выше примѣры взяты на удачу. «Словарь» г. Павловскаго обработанъ одинаково весь, съ начала до конца, каждое слово такъ же какъ другое—разумѣется, по мѣрѣ надобности. Излишняго, что̀ можно было бы пропустить, не много; не много и недомолвокъ. Не много и забытыхъ. Видно, что подъ руками г. Павловскаго были хорошіе нѣмецкіе словари и что онъ пользовался ими и своимъ знаніемъ обоихъ языковъ съ полною добросовѣстностью. Сравнивать его съ другими подобными нѣмецко-русскими словарями невозможно: это до-сихъ-поръ единственный словарь, къ которому можно обращаться съ увѣренностью, что найдешь нужное. Конечно, и величина его (2,100 столбцевъ мелкой, убористой печати) не такова, какъ величина всѣхъ другихъ: словарь Рейфа, напримѣръ, если выключить изъ него объясненія французскія и англійскія, заключаетъ въ себѣ мѣста не болѣе одной восьмой доли словаря г. Павловскаго.

Если первое изданіе этого важнаго труда заслужило почетный отзывъ Академіи Наукъ (въ 1856 году), то тѣмъ болѣе достойно такого отзыва это второе изданіе, въ которомъ и ошибочныхъ словъ и выраженій (каковы, напримѣръ, вымороченное имѣніе 227, б, вовлечь въ затруднительное положеніе 265, а) очень мало, а опечатокъ (въ родѣ Arbei вм. Arbeit 194 б) почти вовсе нѣтъ. Нельзя не жалѣть, что Академія нынѣ лишена возможности выразить свое признаніе достоинствъ труда г. Павловскаго такою

наградою, каковы были демидовскія; можно было бы надѣяться, что онъ будетъ признанъ достойнымъ ея.

Отдѣленіе, вполнѣ одобряя эту оцѣнку, опредѣлило представить ее въ общее собраніе Академіи.

Ноябрь и декабрь 1867 года.

Для распространенія свѣдѣнія объ историческихъ задачахъ, предложенныхъ Академіею Наукъ на соисканіе наградъ графа Уварова, положено: экземпляры объявленія о послѣднихъ задачахъ разослать въ Духовныя академіи и историко-филологическіе факультеты русскихъ университетовъ съ покорнѣйшею просьбой перепечатать это объявленіе въ издаваемыхъ ими повременныхъ сборникахъ или циркулярахъ.*)

По случаю выхода въ свѣтъ книги: «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова», правнукъ этого писателя, Дмитрій Николаевичъ Рычковъ, принесъ въ даръ Академіи Наукъ собраніе рукописей, прежде уже доставленное имъ по просьбѣ Отдѣленія какъ матеріалъ для означеннаго труда академика Пекарскаго. Положено, выразивъ жертвователю живѣйшую признательность Отдѣленія, довести о томъ до свѣдѣнія Общаго Собранія.

Академикъ Куникъ доставилъ сдѣланный подъ его надзоромъ, по соглашенію съ Отдѣленіемъ, снимокъ съ подлинной «привилегіи», или грамоты, пожалованной Ломоносову императрицей Елисаветой Петровной на учрежденіе стеклянной фабрики. Положено: принести А. А. Куніку искреннѣйшую благодарность Отдѣленія за хлопоты, которыя онъ обязательно принялъ на себя въ этомъ дѣлѣ, представлявшемъ особенныя трудности по множеству рисунковъ на поляхъ грамоты и нынѣ оконченномъ совершенно удовлетворительно; снимокъ препроводить въ академическую библіотеку, подлинную же грамоту возвратить владѣльцу ея, Н. М. Орлову.

Академикъ Гротъ представилъ рукопись г. Кеневича: *Историческія и библіографическія примѣчанія къ баснямъ Крылова*,

*) При напечатаніи этого объявленія въ «Запискахъ» Академіи вкралась важная опечатка. IV-ая задача должна читаться слѣдующимъ образомъ: *Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, книгъ и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ сѣверо- и юго-западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтія* (не XVII, какъ было напечатано).

расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ тѣмъ, не будетъ ли признано полезнымъ и умѣстнымъ издать этотъ трудъ, на счетъ Отдѣленія, ко дню празднованія столѣтней годовщины знаменитаго баснописца, 2-го будущаго февраля. Вмѣстѣ съ тѣмъ прочитано было составленное г. Кеневичемъ предисловіе къ его розысканіямъ. Отдѣленіе, находя, что изложенныя тутъ мысли свидѣтельствуютъ о вѣрномъ пониманіи авторомъ своей задачи и о правильности употребленныхъ имъ при выполненіи ея пріемовъ, одобрило предположеніе объ изданіи труда его. По прочтеніи рукописи г. Кеневича въ засѣданіяхъ Отдѣленія, положено, передавъ автору сдѣланныя при чтеніяхъ замѣчанія, приступить къ печатанію этого труда. При семъ академикъ Бычковъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе г. Кеневича на неизвѣстные ему автографы 15-ти басенъ Крылова и на экземпляръ одного изданія ихъ съ собственноручными поправками баснописца, поступившіе въ Императорскую Публичную библіотеку уже послѣ того, какъ г. Кеневичъ посѣщалъ ее для собранія матеріаловъ къ своему труду. А. Ѳ. Бычковъ изъявилъ готовность доставить ему случай воспользоваться этими дополнительными пособіями.

Академикъ Пекарскій довелъ до свѣдѣнія Академіи, что сдѣланный имъ списокъ современнаго разсказа о неудачномъ походѣ Русскихъ подъ Нарву въ 1700 году, о которомъ было заявлено въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій, переданъ имъ въ распоряженіе Археографической Коммиссіи.

Академикъ Срезневскій доложилъ, что въ дополненіяхъ къ сборнику юсоваго письма, кромѣ добавочныхъ выписокъ изъ памятниковъ, въ сборникъ занесенныхъ и тоже совершенно неизвѣстныхъ (какова болонская псалтырь и паремейникъ В. И. Григоровича), дано мѣсто извлеченіямъ еще изъ слѣдующихъ: изъ Охридской книги апостольскихъ чтеній, XII вѣка, изъ Слѣпченской книги апостольскихъ чтеній, XII вѣка, изъ тріоди В. И. Григоровича, XII—XIII вѣка, изъ Зографскаго трофологія, XII—XIII вѣка, изъ Зографскаго четвероевангелія, 1305 года, и изъ Хиландарскаго четвероевангелія, 1322 года. Выписки сличены съ другими древними памятниками. Принято къ свѣдѣнію.

П. П. Пекарскій представилъ на разсмотрѣніе сочиненовъ подлинную договорную грамоту Тверскаго великаго князя Бориса Александровича съ Литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ, хранящуюся въ Государственномъ Архивѣ. А. Ѳ. Бычковъ, вслѣдствіе того доложилъ, что эта грамота была напечатана дважды: въ

сборникѣ Муханова и въ I томѣ актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи; время происхожденія этого документа означалось неправильно, пока не было положительно опредѣлено Археографическою коммиссіею, издавшею послѣдній изъ названныхъ сборниковъ: грамота эта относится къ 3 августу 1427 года.

По составленію исторіи Академіи Наукъ г. Пекарскій въ 1865—1867 годахъ занимался извлеченіемъ изъ старинныхъ дѣлъ академической канцеляріи извѣстій, относящихся до этого ученаго учрежденія, а также и вообще касающихся исторіи русской литературы XVIII вѣка. Въ истекающемъ году окончилъ онъ разсмотрѣніе, по означеннымъ дѣламъ, заключающимся въ 322 фоліантахъ, періода отъ 1726 по 1765 годъ, избраннаго имъ для I-го тома исторіи Академіи. Затѣмъ оставалось приступить къ изученію отдѣльныхъ эпизодовъ этого періода, по которымъ сохранились болѣе или менѣе любопытныя и подробныя свѣдѣнія. Изъ такихъ эпизодовъ окончательно обработаны слѣдствіе о поступкахъ академическаго совѣтника Шумахера и пререканія его съ академиками за присвоеніе имъ себѣ неограниченной власти по всѣмъ дѣламъ Академіи. Въ настоящее время П. П. Пекарскій знакомится съ матеріалами для описанія такъ называемой Камчатской ученой экспедиціи. Она продолжалась 10 лѣтъ, въ ней участвовало 5 членовъ Академіи, и результаты, добытые четырьмя изъ нихъ, высоко цѣнятся въ исторіи наукъ и особенно въ области естествовѣдѣнія. Не смотря на то, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ, хотя бы вкратцѣ, было изложено все то, что пріобрѣтено науками отъ этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго путешествія. Встрѣтивъ въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ для описанія его множество характеристическихъ подробностей быта Русскихъ и инородцевъ восточной Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, академикъ обращаетъ на нихъ особенное вниманіе, съ тѣмъ, чтобы, независимо отъ исторіи Академіи Наукъ, составить сводъ всего, что можетъ касаться исторіи и этнографіи этихъ странъ.

Академикъ Срезневскій прочелъ составленную имъ статью о трудахъ новоучрежденной въ Загребѣ Югославянской Академіи и внесъ рукопись этой статьи для напечатанія въ «Запискахъ» Академіи.

По поводу приближенія столѣтней годовщины рожденія Крылова Отдѣленіе опредѣлило ознаменовать день 2-го февраля чтеніями о жизни и дѣятельности этого писателя и довести о томъ

заблаговременно до свѣдѣнія Общаго Собранія, отъ усмотрѣнія котораго будетъ зависѣть принять участіе въ этомъ литературномъ празднествѣ назначеніемъ торжественнаго собранія въ память Крылова или предоставить Отдѣленію имѣть въ означенный день публичное чрезвычайное засѣданіе.

Засѣданіе 19 декабря 1867 года.

Засѣданіе это было посвящено воспоминанію о заслугахъ родившагося сто лѣтъ тому назадъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова. Въ предшедшіе два года Академія Наукъ торжественно праздновала столѣтнюю память двухъ великихъ русскихъ писателей, изъ которыхъ каждый запечатлѣлъ своимъ именемъ цѣлую литературную эпоху. Настоящее собраніе имѣло болѣе скромный характеръ: преосв. Евгеній заслужилъ своею дѣятельностью уваженіе и признательность ученаго міра, и потому-то Отдѣленіе русскаго языка и словесности сочло умѣстнымъ ознаменовать день столѣтней годовщины его рожденія чрезвычайнымъ собраніемъ своихъ членовъ, какъ дѣйствительныхъ и почетныхъ, такъ и корреспондентовъ. Засѣданіе это почтили своимъ присутствіемъ г. министръ народнаго просвѣщенія и г. президентъ Академіи Наукъ. Въ числѣ присутствовавшихъ, принадлежащихъ къ Отдѣленію въ качествѣ почетныхъ членовъ или корреспондентовъ, были: К. С. Сербиновичъ, Ѳ. И. Тютчевъ, И. П. Шульгинъ, М. И. Сухомлиновъ и др., также члены историко-филологическаго Отдѣленія по русской исторіи: Н. Г. Устряловъ и А. А. Куникъ.

Къ этому собранію были приготовлены три чтенія. Академикъ Срезневскій, опредѣливъ литературно-историческое значеніе покойнаго архипастыря, обозрѣлъ въ систематическомъ порядкѣ важнѣйшія его сочиненія, которыя могли бы составить цѣлыхъ восемь томовъ. Затѣмъ онъ прочелъ отрывки изъ многолѣтней переписки Евгенія съ казанскимъ профессоромъ Городчаниновымъ, и наконецъ очертилъ отношеніе перваго къ ученому кругу избранныхъ современныхъ дѣятелей, группировавшихся вокругъ канцлера графа Н. П. Румянцова. Къ числу ихъ принадлежалъ уже и Востоковъ.

Академикъ Бычковъ избралъ предметомъ своего чтенія составленные Евгеніемъ два словаря русскихъ писателей; воспользовавшись для этого хранящимися въ Императорской Публичной Библіотекѣ рукописями покойнаго митрополита, А. Ѳ. Бычковъ имѣлъ

возможность сообщить нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ этомъ важномъ отдѣлѣ трудовъ Болховитинова.

Академикъ Гротъ прочелъ обзоръ сношеній преосвященнаго съ Державинымъ на основаніи бывшей между ними переписки, въ которой ученый архипастырь является наставникомъ поэта въ исторіи литературы и теоріи искусства. Кромѣ писемъ, Евгеній посылалъ Державину цѣлыя тетради замѣтокъ, знакомящихъ со взглядами автора по разнымъ литературнымъ вопросамъ. Переписка касается, между прочимъ, открытой Евгеніемъ юрьевской грамоты, окончательно изслѣдованной и описанной И. И. Срезневскимъ, а также неизданнаго и повидимому не сохранившагося *Изслѣдованія* преосвященнаго *о славянскомъ переводѣ Св. Писанія.*—Въ промежуткахъ между чтеніями разсматривались относящіяся къ нимъ автографы, рисунки и снимки.

Читанныя въ этомъ засѣданіи статьи и письма, съ приложеніями къ нимъ, будутъ изданы Отдѣленіемъ.

Январь и февраль 1868 года.

Читаны полученныя академикомъ Гротомъ письма: 1) отъ ректора Московской Духовной Академіи А. В. Горскаго, съ препровожденіемъ, по просьбѣ Отдѣленія, трехъ фотографическихъ карточекъ и писаннаго акварелью г. Спревичемъ портрета покойнаго митрополита Филарета, причемъ протоіерей Горскій проситъ принять этотъ портретъ въ даръ Академіи. Положено выразить почтенному жертвователю живѣйшую благодарность Отдѣленія, портретъ же, по снятіи съ него фотографіи, передать, вмѣстѣ съ карточками, художнику Пожалостину для изготовленія гравюры; 2) отъ П. И. Савваитова, сообщающаго по рукописямъ митрополита Евгенія нѣсколько свѣдѣній о приготовительныхъ трудахъ преосвященнаго къ изслѣдованію *о славянскомъ переводѣ св. писанія;* къ чему Я. К. Гротъ съ своей стороны присовокупилъ, что въ *Кіевлянинѣ*, по поводу академическаго собранія 18-го декабря, заявлено, что первоначальная редакція означеннаго труда, присланнаго знаменитымъ архипастыремъ въ Россійскую Академію, хранится въ двухъ не совсѣмъ сходныхъ между собою спискахъ въ Кіевософійской соборной библіотекѣ, подъ № переплета 592-мъ: 3) отъ Г. К. Рѣпинскаго съ увѣдомленіемъ, что г. управляющій министерствомъ юстиціи изъявилъ свое согласіе на оставленіе въ архивѣ Академіи Наукъ сообщеннаго имъ, г. Рѣпинскимъ, дѣла мѣ-

щанки Корюкаловой, въ которомъ находятся подлинныя письма Державина. При семъ случаѣ академикъ Гротъ доложилъ, что въ прошломъ году имъ получены еще: отъ Д. Ѳ. Кобеко собственноручная записка Державина къ П. И. Сумарокову, и отъ П. А. Ефремова—копіи съ трехъ записокъ Державина къ Гнѣдичу и съ письма Гнѣдича къ поэту. Положено выразить доставителямъ искреннѣйшую признательность Отдѣленія.

Академикъ Бычковъ читалъ полученное имъ отъ профессора С.-Петербургской Духовной Академіи И. А. Чистовича письмо, въ которомъ авторъ рукописнаго изслѣдованія: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время», заслужившаго въ 1865 году демидовскую, а въ 1867 уваровскую премію, проситъ о напечатаніи этого сочиненія въ академическомъ изданіи. Отдѣленіе, находя, что напечатаніе труда г. Чистовича было бы полезно для науки, безъ содѣйствія же Академіи нѣтъ надежды, чтобъ онъ былъ изданъ, положило дать ему мѣсто въ «Сборникѣ» отдѣленія, съ тѣмъ, чтобъ г. Чистовичъ принялъ во вниманіе одобренныя коммиссіею уваровскихъ наградъ замѣчанія въ рецензіи академика Пекарскаго.

Академикъ Срезневскій читалъ записку о древнемъ памятникѣ русскаго письма, псалтыри безъ толкованій, которой листки доставлены ему А. Ѳ. Бычковымъ. «Основываясь на соображеніяхъ палеографическихъ», сообщаетъ И. И. Срезневскій, «я отношу этотъ памятникъ къ XI вѣку. Памятникъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, между прочимъ, что и въ немъ при псалмахъ подъ строками находятся гадальныя приписки. До-сихъ поръ извѣстна была псалтырь съ такими приписками только въ спискѣ XIV вѣка». Выписка эта войдетъ въ продолженіе издаваемыхъ И. И. Срезневскимъ свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ.

Учитель Императорской Казанской гимназіи В. В. Владиміровъ доставилъ въ Отдѣленіе составленный имъ сборникъ матеріаловъ для исторіи названнаго ученаго заведенія, подъ заглавіемъ «Историческая записка о 1-й казанской гимназіи», въ трехъ частяхъ. По отзыву П. П. Пекарскаго, составителю его нельзя не быть благодарнымъ за его стараніе о возможной полнотѣ своего сборника, для чего онъ усердно вносилъ всѣ извѣстія, попадавшіяся ему въ архивахъ казанскаго учебнаго округа. Кромѣ того г. Владиміровъ обращался за свѣдѣніями къ разнымъ лицамъ, воспитывавшимся въ Императорской гимназіи. Изъ полученныхъ этимъ путемъ извѣстій обращаютъ на себя особенное вниманіе, по своей искренности

и теплотѣ, воспоминанія, доставленныя А. Е. Лазаревымъ (изъ Курска). Вообще трудъ г. Владимірова заслуживаетъ вниманія какъ собраніе матеріаловъ для будущей исторіи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которая, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ остается мало разработанною.

Часть январскихъ засѣданій Отдѣленія была сверхъ того посвящена разсужденіямъ и чтеніямъ по поводу наступавшей столѣтней годовщины дня рожденія Крылова.

Академикъ Срезневскій заявилъ, что онъ получилъ: 1) отъ кандидата И. В. Помяловскаго нѣсколько книгъ и данныхъ, касающихся жизни митрополита Евгенія, которыя представляютъ, между прочимъ, и новыя свѣдѣнія. Изъ нихъ ясно усматривается, что преосвященный Евгеній занялся собираніемъ матеріаловъ для «Исторіи россійской іерархіи», прежде чѣмъ приступилъ къ этому труду Амвросій Орнатскій; 2) отъ г. Верковича изъ Сереза одну изъ пѣсенъ болгарскихъ, вновь имъ записанныхъ, относящихся къ древнимъ вѣрованіямъ, сходнымъ съ индѣйскими; при этомъ доставилъ онъ и письмо, въ которомъ удостовѣряетъ о важности этихъ пѣсенъ. Пока нельзя отвергать занимательности сообщенной пѣсни въ отношеніи къ особенностямъ македонскаго нарѣчія.

Въ 1760 году Ломоносовъ представлялъ академической канцеляріи о необходимости снятія точныхъ копій съ древнихъ изображеній и фресковъ, сохранившихся по стариннымъ русскимъ городамъ *). Все дѣло, кажется, ограничилось тогда канцелярскими отписками. Въ 1764 г. Ломоносову поручила императрица Екатерина II чрезъ Бецкаго указать замѣчательнѣйшія событія изъ русской исторіи для картинъ, предназначавшихся въ покои императорскаго дворца. Не имѣя подъ руками извѣстій о старинномъ русскомъ платьѣ, Ломоносовъ обращался къ тогдашнему вице-канцлеру князю А. М. Голицыну съ просьбой о доставленіи подобныхъ матеріаловъ изъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Собственноручное письмо объ этомъ Ломоносова найдено нынѣ академикомъ Пекарскимъ. По мнѣнію его, попавшаяся ему отдѣльная статья подъ заглавіемъ: «Идеи для живописныхъ картинъ изъ россійской исторіи» должна имѣть соотношеніе съ порученіемъ, возложеннымъ на Ломоносова, такъ-какъ она писана рукою студента Ильи Абрамова, переписывавшаго въ означенное время многія донесенія и работы Ломоносова. Опредѣлено письмо и статью напечатать въ приложе-

*) Билярскаго «Матеріалы для біогр. Лом.» стр. 463—465

ніи къ протоколу, какъ матеріалъ для жизнеописанія знаменитаго писателя.

Академикъ Пекарскій представилъ экземпляръ оконченнаго печатаніемъ 5-го выпуска «Исторической библіографіи» (за 1859 г.), составляемой при его участіи, по порученію Академіи, братьями П. П. и Б. П. Ламбиными. Принято съ выраженіемъ сочлену искренней признательности за постоянное содѣйствіе этому полезному труду.

Въ пятницу, 2-го февраля, въ Императорской Академіи Наукъ происходило чрезвычайное публичное собраніе для празднованія столѣтней годовщины рожденія И. А. Крылова.

Рядъ чтеній, приготовленныхъ къ этому дню, открылъ академикъ Я. К. Гротъ, который, послѣ краткаго очерка біографіи Крылова, обозрѣлъ литературное поприще его и остановился особенно на его дѣятельности по изданію журналовъ *Зритель* и *С-Петербургскій Меркурій*, въ которыхъ онъ явился колкимъ сатирикомъ нравовъ и строгимъ противникомъ нововведеній Карамзина. Затѣмъ г. Гротъ очертилъ переходъ Крылова къ баснѣ, значеніе его въ этомъ родѣ поэзіи и содержаніе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ его басенъ, которыя имѣютъ предметомъ нравы русскаго общества и современныя историческія событія. Наконецъ разсмотрѣны были взводимыя на Крылова обвиненія, особливо же неблагопріятный для него отзывъ Вигеля, и отношенія къ нему графа Хвостова, а вмѣстѣ съ тѣмъ обрисована и личность баснописца.

За тѣмъ читалъ академикъ И. И. Срезневскій, который въ своей рѣчи обратилъ вниманіе на языкъ Крылова съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) на языкъ его басенъ, какъ произведеній, которыя до-сихъ-поръ остаются въ числѣ сочиненій, перечитываемыхъ, изучаемыхъ и любимыхъ, 2) на языкъ другихъ произведеній Крылова, теперь уже забытыхъ. Басни важны, какъ образцы чисто русскаго языка, представляющіе богатство его выразительности всегда кстати и съ достоинствомъ. Другія, прежде написанныя стихотворенія Крылова, которыхъ часть издана въ 1792—1793 г., важны какъ доказательства, что и въ то время могъ писатель выражаться чисто по-русски, когда хотѣлъ. Находя обильные примѣры также правильнаго употребленія чистаго русскаго языка у многихъ писателей прошлаго вѣка, г. Срезневскій приходитъ къ заключенію, что и въ то время могъ бы господствовать въ литературѣ чисто русскій языкъ, если бы писатели выражались не безсознательно, какъ случалось. Крыловъ является, какъ баснописецъ,

однимъ изъ главныхъ писателей, дѣйствовавшихъ въ литературѣ по признаніи необходимости дать литературному языку народное направленіе.

Наконецъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ читалъ о переводахъ басенъ Крылова на иностранные языки и о взглядахъ иноземной критики на художественное достоинство этихъ произведеній. Изложивъ въ началѣ всю трудность передачи на иностранные языки басенъ Крылова, въ которыхъ русская жизнь отражается какъ въ зеркалѣ, г. Бычковъ перешелъ къ разсмотрѣнію явившихся переводовъ на языки французскій, италіянскій, нѣмецкій, славянскіе и восточные, и при каждомъ разрядѣ переводовъ сообщилъ взгляды критиковъ на басни Крылова, которыя были первоначально встрѣчаемы, какъ напр. нѣмецкою критикой, не слишкомъ дружелюбно, и которыя потомъ были оцѣняемы какъ слѣдуетъ.

Послѣ г. Бычкова долженъ былъ читать академикъ А. В. Никитенко рѣчь *о баснях Крылова въ художественномъ отношеніи;* но предъидущія чтенія заняли слишкомъ много времени, и потому рѣчь г. Никитенко осталась не прочитанною.

Во время самаго засѣданія, Академія получила слѣдующую телеграмму изъ Кіева, отъ ректора тамошняго университета.

«Университетъ св. Владиміра, чествуя торжественнымъ актомъ память славнаго русскаго баснописца въ столѣтнюю годовщину его рожденія, поздравляетъ Императорскую Академію Наукъ съ торжествомъ въ честь бывшаго ея члена.»

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, Академіею была тотчасъ же отправлена телеграмма:

«Въ Кіевъ Ректору Университета.

«Академія Наукъ благодаритъ Университетъ за его привѣтствіе и присоединяетъ свой голосъ къ изъявленіямъ уваженія къ памяти Крылова, оглашающимъ въ настоящій день стѣны высшаго образовательнаго учрежденія въ Кіевѣ—матери городовъ русскихъ и колыбели русскаго просвѣщенія.»

Кромѣ того, поздно вечеромъ того же дня, получена слѣдующая телеграмма изъ Курска, отъ директора тамошней гимназіи:

«Курская гимназія, торжественно празднуя совершившееся нынѣ столѣтіе со дня рожденія знаменитаго нашего баснописца, Ивана Андреевича Крылова, почтительно привѣтствуетъ высшее въ Имперіи ученое учрежденіе, Императорскую Академію Наукъ, слишкомъ за полстолѣтія предъ симъ принявшую въ число своихъ членовъ сегодняшняго славнаго юбиляра».

На другой день, 3-го февраля, Академія получила еще телеграмму изъ Симбирска, отъ тамошней гимназіи:

«Память о безсмертномъ нашемъ баснописцѣ, Крыловѣ, навсегда священна для благодарныхъ соотечественниковъ. Мы, воспитатели и воспитанники Симбирской гимназіи, шлемъ усердное поздравленіе высокочтимому сословію Академіи, празднующей сегодня столѣтній юбилей своего знаменитаго члена».

Ко дню Крыловскаго юбилея, Отдѣленіе русскаго языка и словесности издало въ свѣтъ сочиненіе В. Ѳ. Кеневича: «*Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова*».

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

ПИСЬМО ЛОМОНОСОВА КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОЛИЦЫНУ *).

Мл҃тивый Гд҃рь Князь Александръ Михайловичь.

Ваше Сіятельство всепокорнѣйше просить принимаю смѣлость о учиненіи мнѣ мл҃тиваго вспоможенія въ произведеніи нѣкотораго дѣла, служашаго къ чести Россійскихъ пр҃ковъ. Всемл҃тивѣйшая Гд҃ня благоизволила повелѣть чрезъ его Превосходительство Ивана Ивановича Бецкого чтобы я выбравъ из Россійско' Исторіи знатныя приключенія, для написанія Картинъ, коими бы украсить при дворѣ нѣкоторыя комнаты. Немалой здѣсь нахожу недостатъ въ изображеніи стариннаго нашего платья разныхъ чиновъ. Свѣдѣніе о семъ сыскать едвали гдѣ лутче можно, какъ в' Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Особливожъ есть въ оной описаніе коронаціи и другихъ церемоній Гд҃ря Ц҃ря Михайла Федоровича, съ личными изображеніями на пергаментѣ, сообщеніемъ сего можете, Мл҃тивый Гд҃рь подать мнѣ великое вспомоществованіе; въ упованіи сего, какъ и завсегда, съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ пребываю

Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Генваря 24 дня
1764 года.

Помѣта на письмѣ неизвѣстною рукою: «Посему посланъ прпказъ въ Московской архивъ 29 генваря 1764 г.»

*) Письмо это собственноручное Ломоносова и напечатано здѣсь вполнѣ съ сохраненіемъ орѳографіи и описокъ подлинника.

ИДЕИ ДЛЯ ЖИВОПИСНЫХЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ **).

1. *Взятіе Искореста.* Во время вечера передъ городомъ въ лагерѣ по повелѣнію Великія Княгини Ольги привязываютъ къ голубямъ и къ воробьямъ зажженыя фитили; иныхъ пускаютъ съ фитилями изъ на воздухъ иные уже лѣтятъ къ городу, и городъ мѣстами отъ того загорѣлся. Между тѣмъ войско пѣшее и конное спѣшитъ на приступъ. Сія картина будетъ весьма новая, и отъ двоякаго свѣту, то есть отъ зари и отъ огней, особливое смѣшеніе тѣни составитъ, въ чѣмъ могутъ показать живописцы искусство.

2. *Основаніе христіанства въ Россіи.* Великій Князь Владимеръ (при немъ супруга Анна, греческая царевна, сыновья отъ прежнихъ женъ, нѣкоторые греки съ царевною пріѣхавшіе) повелѣваетъ сокрушать идоловъ, почему иныхъ рассѣкаютъ, иныхъ жгутъ, иныхъ съ горъ кіевскихъ бросаютъ въ воду и плавающихъ съ шестами погружаютъ или отъ берегу отпихиваютъ, камнями бросаютъ, камни къ нимъ привязываютъ (фигуры идольскія есть у меня въ лицахъ и описанныя, кои могу сообщить). На Почайной рѣчкѣ на берегу стоитъ первый митрополитъ кіевскій Михаилъ со всѣмъ соборомъ, иныхъ самъ погружая, иныхъ нижнее духовенство. Иные, забредши въ воду, сами погружаются обоего пола и всякаго возраста люди, матери со младенцами и пр. Иные, выходя изъ воды, принимаютъ отъ священниковъ кресты на шею и благословеніе, помазуются міромъ, одѣваются. На горѣ начинаютъ строить церковь Десятинную, ставятъ кресты на мѣста сверженныхъ идоловъ.

3. *Совѣтъ Владиміру отъ духовенства.* Великій князь Владиміръ Святославичъ, принявъ крещеніе, сталъ весьма кротокъ, отпускалъ всякія вины и свобождалъ разбойниковъ отъ казни, изъ чего воспослѣдовали многія грабительства и заперлись дороги отъ разбоевъ. Митрополитъ, съ архіереями собравшись, увѣщалъ Государя, чтобы чинилъ достойное наказаніе злодѣямъ, въ противномъ случаѣ грозили ему самому небеснымъ гнѣвовъ. На картинѣ можно представить, что Владиміръ хотя къ тому и склонился, однако отвращаетъ лицо отъ привезенныхъ къ казни и сильному разбойнику Могуту вины прощаетъ, принявъ его въ число своихъ богатырей.

4. *Единоборство князя Мстислава.* Редедя, князь Косожскій, вы-

**) Эта статья писана рукою находившагося для письмоводства у Ломоносова студента Ильи Абрамова. Напечатана съ соблюденіемъ правописанія подлинника, но разстановка знаковъ препинанія принята нынѣшняя.

звавъ на поединокъ князя Мстислава Владиміровича съ тѣмъ, чтобы побѣдителю достались войска съ женою и съ дѣтьми. Мстиславъ былъ, какъ описываютъ, тученъ, бѣлъ и красноволосъ. Редедя, натурально рассудить, долженъ быть смуглъ, какъ Азіатецъ. Мстиславъ поборолъ. Войско стояло по обѣимъ сторонамъ близъ Дону. Кромѣ усилованія борцовъ, разныя страсти обѣихъ сторонъ смотрителей изобразить требуетъ искусства.

5. *Гориславa.* Владимеръ, взявъ за себя насильно Рогнѣду, или Гориславу, княжну полоцкую, послѣ на другихъ женился и ее оставилъ. По нѣсколькихъ лѣтахъ, заѣхавъ въ данное ей мѣсто увеселительное, и легъ ночевать съ нею. Гориславa, хотя отмстить обиду и смерть своего отца и братей, умыслила князя соннаго зарѣзать; но онъ, по случаю проснувшись, схватилъ ея руку съ ножемъ и велѣлъ готовиться на смерть, чтобы она убравшись во всю, княгинѣ приличную, богатую утварь, ожидала его къ себѣ съ саблею и была готова къ смерти. Какъ Владимеръ пошелъ къ ней въ спальню, чтобы умертвить, малолѣтной сынъ его Изяславъ, отъ Гориславы рожденный, по наученію материну, внезапно выскочилъ изъ потаеннаго мѣста съ обнаженною саблею и въ слезахъ сказалъ: мать моя не одна. Я ее долженъ защищать пока живъ. Убей меня прежде, чтобы я смерти ея не видѣлъ. Владимеръ, умилясь, опустилъ руки и послѣ уволилъ Гориславу съ сыномъ на удѣлъ въ Полоцкъ въ ея отчину.

6. *Мономахово единоборство.* Владимеръ Мономахъ одолѣлъ на поединкѣ Генуесскаго Кафинскаго князя (Дожя), снимаетъ съ него золотую цѣпь и прочіе признаки его чина (признаки можно въ примѣръ написать съ уборовъ вениціанскихъ дожей, или генуесскихъ). Дѣйствіе представить въ виду моря, гдѣ корабли и галеры много могутъ картину украсить.

7. *Мономахово вѣнчаніе на царство.* Неофитъ, митрополитъ ефесскій, налагаетъ корону императоровъ греческихъ; прочія царскія утвари несутъ архіереи и другое духовенство. При семъ должно наблюдать, чтобы все было со здѣшнимъ и съ греческимъ сходно. Бояре греческіе стоятъ съ подарками отъ царя Алексѣя Комнина, состоящіе въ золотой и серебряной посудѣ и въ другихъ поставахъ.

8. *Побѣда Александра Невскаго надъ Нѣмцами Ливонскими на Чудскомъ озерѣ.* Сраженіе случилось на Чудскомъ озерѣ апрѣля 5 дня. При семъ дѣлѣ, то можетъ представиться отмѣнно, что происходило на льду. Гдѣ пристойно изобразить бѣгущихъ, какъ они,

стѣснясь и проломивъ тягостію ледъ, тонутъ. Иные другъ друга изо льду тянутъ, иные напротивъ того другъ друга погружаютъ и колютъ какъ непріятелей. Кровь по льду и съ водою смѣшанная особливый видъ представитъ.

9. *Обрученіе князя Феодора Ростиславича.* Сей князь, будучи въ Ордѣ, такъ понравился царицѣ татарской, что всячески старалась выдать за него свою любезную дочь за мужъ; но онъ не хотѣлъ на ней жениться, пока не приняла христіанской вѣры. На сей картинѣ можно изобразить, какъ невѣста отъ жениха крестъ и перстень принимаетъ. Мать, царица татарская, соединяя ихъ руки, съ радостію на то смотритъ, и склонной отецъ мановеніемъ изъявляетъ дозволеніе. Мурзы татарскіе удивляются, бояре россійскіе оказываютъ радость. При чѣмъ можно написать Татарскую и старинную нашу музыку.

10. *Начало сраженія съ Мамаемъ.* Съ обѣихъ сторонъ стоятъ полки, съ правой — россійскіе, съ лѣвой — татарскіе. Въ форгрундѣ Великій Князь Димитрій Ивановичь, всѣ готовятся къ бою. По середкѣ татаринъ Челу-бей, ростомъ какъ Голіафъ, сражается съ Пересвѣтомъ чернцомъ схимникомъ. Оба другъ друга пронзили копьями. Сраженіе начинается въ войскѣ.

11. *Низверженіе татарскаго ига.* Великій Князь Иванъ Васильевичь, на великокняжескомъ стулѣ сидя, гнѣвнымъ лицомъ повергаетъ на землю басму татарскую и разодранное Ахматово повелѣніе. Татаръ, связанныхъ безчестно, вонъ выводятъ. Россійскіе бояре поклоненіемъ и разными движеніями изъявляютъ свою радость и благодарность Государю.

12. *Приведеніе Новгородцевъ подъ самодержавство.* На площади Новгородской, предъ церковью Святыя Софіи, Великій князь Иванъ Васильевичь верьхомъ сидя повелѣваетъ принять отъ Новгородцевъ грамоты Ерославли своему намѣстнику при Архіереѣ. Вѣчевой колоколъ, или набатъ, Новгородцамъ служившей къ самовольнымъ скопищамъ, летитъ сброшенъ съ колокольни. Марфѣ Посадницѣ руки назадъ вяжутъ. Новгородцы, коихъ къ Москвѣ отвозятъ, прощаются съ своими ближними. Народу множество; иные, поднявъ руки къ колокольнѣ, кричатъ; иные разными движеніями подаютъ печальные, иные—радостные знаки. На коняхъ Бояре Московскіе усмѣшками и помаваніями оказываютъ свое удовольствіе. При Великомъ Князѣ для безопасности копѣйщики.

13. *Царица Сумбѣкъ*, по смерти Царя Казанскаго Сифа-Кирея взята изъ Казани съ сыномъ и съ безчисленнымъ богатствомъ въ

полонъ и приведена въ Москву къ Царю Ивану Васильевичу. Государя должно изобразить на царскомъ престолѣ, еще въ младыхъ лѣтахъ (здѣсь требуется живописцово искусство, чтобы со стараго и угрюмаго портрета здѣлать молодой и веселой, не потерявъ подобія, за тѣмъ что Царицу принимаетъ милостиво). Царица Казанская упавъ на колѣна, и прося прощенія и милосердія умиленнымъ лицемъ и слезами чрезвычайную красоту свою возвышаетъ. На сына своего младенца, лежащаго ницъ, указываетъ. За нею ближніе ея Татаре и служительницы открываютъ и приносятъ многочисленныя сокровища Азіатическія; при Государѣ его приближенные.

14. *Право высокой фамиліи Романовыхъ на престолъ Всероссійскій.* Царь Федоръ Ивановичь, приближаясь къ кончинѣ, при Патріархѣ Іовѣ и при Боярехъ подаетъ скипетръ брату своему двоюродному Боярину Федору Никитичу Романову, но онъ отъ того извиняется. Годуновъ взглядываетъ завистливыми глазами. Царицу Ирину Федоровну, обмирающую въ печали, поддерживаютъ.

15. *Погибель Расстригина.* Передъ Грановитою Полатою поверженнаго Расстригу и многими ранами уязвленнаго и окровавленнаго за ногу веревкою тянутъ. Иные поляковъ рубятъ. Бояринъ Князь Иванъ Васильевичь Шуйской увѣряетъ народъ съ краснаго крыльца, что оной Дмитрей былъ ложной. Бояре нѣкоторые, указывая въ Грановитую Полату, гдѣ сквозь окно видно престолъ, предлагаютъ ему царство.

16. *Козма Миничъ.* На Нижегородской пристани представить купца старика на возвышенномъ мѣстѣ, указывающаго на великую близь себя кучу мѣшковъ съ деньгами, а другою рукою народъ помовающаго. Многіе, кругомъ стоя, ему внимаютъ прилѣжно, иные деньги въ чаны всыпаютъ, иные мѣшки приносятъ, сыплютъ серебреныя копѣйки изъ чересовъ; приносятъ въ одно мѣсто разные товары; кладутъ передъ него письменные обязательства. Всѣ разными движеніями изъявляютъ охоту къ освобожденію отечества отъ раззоренія.

17. *Олегъ Князь приступаетъ къ Царю граду сухимъ путемъ на парусахъ.* Видъ весьма будетъ хорошей и подобной маскарадамъ Петра Великаго: на передн, въ суднѣ особливомъ сидя, повелѣваетъ; множество парусовъ между кустарниками, колеса подъ судами; индѣ припряженные лошади Печенѣгами правимыя, кои тогда сухимъ путемъ пришли подъ Царь градъ. На горизонтѣ проспектъ Царя града. Греки выходятъ на встрѣчу съ дарами.

18. *Олегъ угрызенъ отъ змѣя умираетъ.* Представить головную

лошадиную кость, кою Олегъ пхнулъ ногою. Бояре и слуги поддерживаютъ со страхомъ. Волхвы предсказавшіе дѣлаютъ разные виды своего вѣрнаго предвѣщанія.

19. *Сраженіе Святославля съ Печенѣгами въ порогахъ.* Представить тѣсныя мѣста между каменными горами, сквозь кои Днѣпръ протекаетъ порогами. Святославъ борется противъ стремленія воды съ Россійскимъ войскомъ на веслахъ, на шестахъ, греблею, бечевою и сражается съ непріятелемъ, жестоко съ береговъ нападающимъ. Въ главномъ групѣ бьется самъ Князь уже раненой. Около его много Печенѣжскихъ труповъ. Опровергающіеся суда разными видами, иные и зажженные; плавающіе и утопающіе раненые люди, выходящіе изъ быстрины противъ непріятеля, самымъ дѣломъ и мѣста обстоятельствомъ представятъ чрезвычайную фигуру.

20. *Избавленіе Кіева отъ осады Печенѣжской смѣлымъ переплытіемъ Россіянина черезъ Днѣпръ.* Въ переднемъ мѣстѣ представить на одной половинѣ Печенѣжскія палатки со стрѣляющими за половцемъ. Печенѣгами; но онъ безвредно переплываетъ за Днѣпръ къ Россійскому стану, чтобы подать вѣсть о бѣдности и тѣснотѣ въ городѣ и тѣмъ побудить войско къ нападенію на непріятеля судами.

21. *Князь Кіевскій Святославъ Ярославовичь кажетъ свое великое богатство Посламъ Нѣмецкимъ.* Посолъ былъ изъ духовенства. Можно поставить какого каталицкаго прелата и принемъ посольскихъ людей въ старинномъ нѣмецкомъ платьѣ. Святослова богато одѣтого и съ Боярами въ дорогихъ шубахъ и шапкахъ изъ мяхкой рухляди. Богатство состоящее въ дорогихъ мѣхахъ, парчахъ персидскихъ и греческихъ; въ золотыхъ и серебряныхъ фанифтяныхъ сосудахъ, каменьми цвѣтными украшенныхъ, въ конскихъ уборахъ и въ ружьѣ старинномъ, въ жемчугахъ. Приличныя притомъ движенія казателей и смотрителей оживятъ картину.

22. Князь Дмитрей Михайловичь Пожарской въ опасности отъ злодѣя, коего прислалъ Заруцкой изъ подъ Москвы, чтобы его заколоть и не допустить его изъ Ярославля къ Москвѣ для ея освобожденія. Злодѣй прошибся мимо Пожарскаго, спотыкнувшись и ударивъ слугу его въ ногу. Князь запрещаетъ около стоящимъ злодѣя изрубить и велитъ его послать подъ Москву и отдать жива на обличеніе завистникамъ.

23. Тотъ же Князь Пожарской бьется съ Поляками раззоряющими Москву и уже раненаго жестоко велѣлъ себя къ верху поднять, и своихъ ободряетъ противъ непріятеля.

24. Царь Иванъ Васильевичь Шуйской при вѣнчаніи своемъ на царство кленется Бояромъ, что онъ прежнихъ враждебъ помнить не будетъ и безъ ихъ совѣта ничего дѣлать не станетъ.

25. Гермогенъ Патріархъ Московскій посаженъ въ тюрмѣ и уже умирая голодомъ и жаждою не согласуется съ принуждающими Поляками, чтобы возвести на царство Польскаго Королевича Владислава, но проклятіемъ оное отрицаетъ и отъ Михайла Салтыкова, которой ножъ на него занесъ, крестомъ обороняется.

Лит Н Брезе, С.П.Б. б Мѣщ. д. №8/10

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ

РЫЧКОВЪ

Род. 1 Октября 1712 г. + 15 Октября 1777 г

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 1.

ЖИЗНЬ
И
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРЕПИСКА
ПЕТРА ИВАНОВИЧА РЫЧКОВА.

Академика П. Пекарскаго.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И СНИМКОМЪ ПОЧЕРКА РЫЧКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 22-го іюня 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. 1712—1733 годы. Родъ и происхожденіе Рычкова. Разсказы его о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи и поступленіи на частную службу въ Петербургѣ..... 1—6

II. 1734—1750 годы. И. К. Кириловъ и В. Н. Татищевъ—первые покровители Рычкова. Служба его въ оренбургскомъ краѣ. Переписка съ В. Н. Татищевымъ о русской исторіи и географіи. Первые историко-литературные труды Рычкова ..... 6—31

III. 1751—1758 годы. Поѣздка Рычкова въ Петербургъ съ представленіями о торговлѣ съ Индіею. Значеніе чиновъ въ прошедшемъ столѣтіи. Переводы Рычкова съ нѣмецкаго. Посылка къ Ломоносову въ рукописи «Оренбургской Топографіи». Недоразумѣніе по поводу періодическаго изданія «Ежемѣсячныя Сочиненія». Начало переписки съ академикомъ Миллеромъ. Сотрудничество Рычкова въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ».. 31—40

IV. 1759—1769 годы. Избраніе Рычкова въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ. Нерасположеніе Ломоносова. Отставка и жизнь Рычкова въ деревнѣ. Начало автобіографіи. Хлопоты о поступленіи вновь на службу. Представленіе императрицѣ Екатеринѣ II. Возвращеніе на службу въ Оренбургъ..... 40—56

V. Печатныя сочиненія и статьи Рычкова по части Исторіи и Географіи Россіи. Недостатокъ въ нихъ критики источниковъ. Указанія на то Шлецера. Историко-географическія извѣстія въ письмахъ Рычкова къ Миллеру..... 56—87

VI. Доставленіе Рычковымъ извѣстій въ Академію Наукъ по части естествовѣдѣнія. Статьи его, помѣщенныя въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. Сношенія его съ современными писателями и учеными. Участіе въ ученой экспедиціи сына его, Николая Петровича Рычкова. Посѣщеніе с. Спасскаго академиками Лепехинымъ, Палласомъ и другими..... 87—122

VII. 1770—1773 годы. Бѣгство калмыковъ изъ русскихъ предѣловъ въ Китай. Неудовольствіе на Рычкова оренбургскаго губернатора за описаніе этого событія. Извѣстія о возмущеніи на Яикѣ. Избраніе Рычкова въ Москвѣ въ члены Вольнаго Россійскаго Собранія..... 122—135

VIII. 1773—1777 годы. Пугачевщина. Записки о ней Рычкова. Враждебныя отношенія къ нему оренбургскаго губернатора. Послѣдніи работы Рычкова по описанію оренбургскаго края. Кончина..... ..... 135—155

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Сенатскій докладъ о винахъ Татищева (къ стр. 12)..... 156—160
II. Письмо Татищева къ Рычкову 1749 г. (къ стр. 18)..... ..... 161—166
III. О картахъ оренбургской губерніи 1752 г. (къ стр. 63, 64)..... 167—169
IV. О причинахъ удаленія изъ Россіи калмыковъ (къ стр. 125, 126)... 170—175
V. Цѣны съѣстнымъ припасамъ въ Оренбургѣ во время пугачевской осады (къ стр. 137)..... 176—177
Алфавитный указатель именъ и предметовъ..... 178—183
Поправки..... 184

Имя Петра Ивановича Рычкова, автора разныхъ сочиненій и статей, касающихся оренбургскаго края, извѣстно очень хорошо каждому, занимающемуся исторіею инородцевъ восточной Россіи, а также судьбами сейчасъ названнаго края въ XVIII столѣтіи. Труды по этой части Рычкова остаются и донынѣ въ числѣ главныхъ пособій; но біографическихъ подробностей о немъ самомъ почти нѣтъ никакихъ, такъ-какъ въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія [1]) — этомъ во многихъ случаяхъ единственномъ даже и въ наше время источникѣ для жизнеописаній русскихъ ученыхъ и литераторовъ — помѣщенъ только не полный перечень его сочиненій, да невѣрно указанъ годъ его кончины.

Въ журналѣ «Библіотека для чтенія» [2]) напечатанъ былъ «Отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожновыхъ», подписанный Николаемъ Рычковымъ. Бывавшему въ оренбургскомъ краѣ не трудно догадаться, что здѣсь подъ видомъ повѣсти изъ старинаго быта разсказанъ съ нѣкоторыми легендарными прикрасами рядъ дѣйствительно случившихся произшествій, въ чемъ еще болѣе утверждаютъ имена лицъ, выведенныхъ въ отрывкѣ и такъ

[1]) Изд. Москвитятина, 1845, ч. II, 158, 159.
[2]) 1862 года, № 1, стр. 120—160; № 2, стр. 1—48.

мало переиначенныхъ, что въ околодкѣ, гдѣ происходили описываемыя г. Н. Рычковымъ событія, не трудно угадать настоящія фамиліи ихъ. Здѣсь также выведенъ владѣлецъ села Спасскаго, Петръ Ивановичъ Рожновъ, знатокъ разныхъ будто-бы европейскихъ языковъ и сочинитель даже такихъ сочиненій, которыя, по своему политическому характеру, не могли быть изданы въ свѣтъ. Притомъ разсказано, что бумаги Рожнова пошли на обклейку комнатъ въ селѣ Спасскомъ; что будто бы въ этихъ бумагахъ была переписка съ Державинымъ (хотя это болѣе чѣмъ сомнительно) и т. п. Вообще по нѣкоторымъ подробностямъ замѣтно, что авторъ «Отрывка» подъ Петромъ Ивановичемъ Рожновымъ разумѣлъ сочинителя «Оренбургской топографіи». Разсказъ по видимому основанъ на однихъ устныхъ преданіяхъ, сохранившихся въ семействѣ Рычковыхъ, а потому тамъ переданы иныя подробности о родоначальникѣ ихъ невѣрно, а другія пройдены молчаніемъ.

При разысканіяхъ для исторіи Академіи Наукъ, въ архивахъ ея сначала мнѣ встрѣчались только отрывочныя письма Рычкова къ В. Н. Татищеву и академическому совѣтнику Шумахеру, но потомъ въ бумагахъ историографа Миллера нашлись три большіе фоліанта писемъ къ этому академику отъ Рычкова [1]).

Извѣстно, что въ казенныхъ и частныхъ архивахъ дѣловая и домашняя переписка лицъ, жившихъ въ Россіи XVIII столѣтія, не представляетъ особенной рѣдкости: но у насъ чувствуется большой недостатокъ въ такъ называемомъ commercium epistolicum ученыхъ, писателей и вообще образованныхъ людей о предметахъ наукъ и литературы, чѣмъ такъ богаты прочіе европейскіе народы и чѣмъ такъ дорожатъ тамъ, потому что въ подобнаго рода перепискѣ всегда можно найти богатые матеріалы для исторіи наукъ и вообще образованія данной эпохи. Въ Россіи не

[1]) Эти фоліанты носятъ общее заглавіе «Письма къ историографу Миллеру отъ разныхъ особъ. R». Въ первомъ фоліантѣ подъ № XXIV, письма Рычкова съ 1757 по 1764 годъ включительно. Здѣсь же одно письмо его къ Ломоносову и нѣсколько писемъ Андрея Петровича Рычкова. Во второмъ подъ № XXV — съ 1765 по 1773 г. включительно. Въ третьемъ подъ № XXVI — съ 1774 по 11 ноября 1777 года. Для избѣжанія частыхъ повтореній, въ настоящемъ жизнеописаніи не дѣлается, при выпискахъ изъ писемъ Рычкова, ссылокъ на описанные здѣсь фоліанты, которые хранятся вмѣстѣ съ прочими бумагами Миллера въ архивѣ академической конференціи.

только наука, но и литература долгое время не составляла потребности общества: ею занимались или между дѣломъ, или для пріобрѣтенія выгодъ по службѣ.

Въ перепискѣ Рычкова съ Миллеромъ, продолжавшейся почти безъ перерывовъ въ теченіи двадцати лѣтъ, вопросы науки и литературы всегда стоятъ на первомъ планѣ; все же прочее занимаетъ тамъ второстепенное мѣсто. Это обстоятельство придаетъ особенную цѣну перепискѣ Рычкова. Правда, что при дальнѣйшихъ поискахъ въ академическихъ архивахъ мнѣ удалось найти еще нѣсколько образчиковъ учено-литературной переписки русскихъ людей съ Академіею Наукъ, но всѣ они, не говоря уже о томъ, что до сихъ поръ еще не изданы въ свѣтъ, не обнимаютъ такого долгаго періода и не отличаются такимъ разнообразіемъ.

Новость и богатство подробностей этой переписки для литературной исторіи Россіи XVIII вѣка побудили меня къ дальнѣйшему собранію относящихся до Рычкова извѣстій. Академикъ А. А. Куникъ передалъ мнѣ пріобрѣтенный имъ для академической библіотеки списокъ съ семейныхъ записокъ Рычкова, въ которомъ, однако, не доставало одного листка въ началѣ и нѣсколькихъ въ концѣ. П. И. Бартеньевъ съ радушною готовностью поспѣшилъ доставить изъ московской библіотеки г. Черткова полный экземпляръ тѣхъ же записокъ, что̀ и дало мнѣ возможность пополнить списокъ, предназначенный для Академіи. За тѣмъ, по сношенію отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, потомокъ автора «Оренбургской Топографіи» Д. Н. Рычковъ сообщилъ въ мое распоряженіе нѣсколько писемъ, хозяйственныхъ тетрадей и дипломовъ своего предка. Изъ нихъ въ особенности важны въ историко-литературномъ отношеніи 12-ть писемъ В. Н. Татищева, исключительно посвященныхъ разсужденіямъ о разныхъ предметахъ по русской исторіи. Для пополненія всѣхъ этихъ матеріаловъ я пользовался протоколами академической конференціи съ 1755 по 1777 годы, гдѣ иногда упоминается о доставленныхъ Рычковымъ сочиненіяхъ, извѣстіяхъ и предметахъ, также описаніями путешествій академиковъ Палласа, Лепехина и другими печатными источниками, ссылки на которые дѣлаю въ текстѣ настоящаго жизнеописанія.

Всѣ эти, имѣвшіеся подъ моими руками матеріалы дали мнѣ

возможность представить свѣдѣнія о Рычковѣ, какъ писателѣ и образованномъ человѣкѣ своего времени. Теперь остается сдѣлать очеркъ его служебной дѣятельности, тѣмъ болѣе замѣчательной, что онъ служилъ въ оренбургскомъ краѣ въ тѣ времена, когда въ немъ совершались въ высшей степени любопытныя для историка измѣненія въ отношеніяхъ тамошнихъ инородцевъ къ русскимъ и притомъ при такихъ замѣчательныхъ правителяхъ, каковыми были Кириловъ, Татищевъ и Неплюевъ. Понятно, что описаніе этого рода дѣятельности Рычкова, бывшаго близкимъ человѣкомъ сейчасъ названныхъ лицъ, состоитъ въ связи съ исторіею цѣлаго края. Матеріялы для нея хранятся еще никѣмъ не тронутые въ канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора, а также въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и ожидаютъ трудолюбивыхъ и усердныхъ изслѣдователей. Будемъ надѣяться, что со временемъ такихъ лицъ явится въ столицахъ и губерніяхъ болѣе, чѣмъ имѣемъ мы ихъ нынѣ.

П. Пекарскій.

I.

1712 — 1733 годы.

Родъ и происхожденіе Рычкова. Разсказы его о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи и поступленіи на частную службу въ Петербургѣ.

Петръ Ивановичъ Рычковъ родился въ Вологдѣ 1 октября 1712 года.

«Хотя истинное благородство, говоритъ онъ въ своихъ семейныхъ запискахъ, наипаче въ честномъ воспитаніи и въ добродѣтеляхъ, нежель въ породѣ состоитъ, (однако) издревле не только у насъ, но почти вездѣ въ обычай вошло знатность породы не меньше достоинства и добродѣтели уважать. По здравому разсужденію та токмо знатность и древность породы во всѣхъ случаяхъ предпочтенія достойна, которая съ заслугами отечеству, съ достоинствомъ и съ добродѣтельми соединена. Но намъ такого застарѣлаго и повсемѣственнаго обыкновенія перемѣнять не должно и невозможно. Въ самомъ Св. Писаніи находятся тому жъ мнѣнію подобныя слова, а именно: «похвала дѣтямъ отцы ихъ».

«Вамъ, дражайшіе мои дѣти, предками своими тщеславиться нельзя и не должно, однакъ и стыдиться причины нѣтъ, хотя бы кто отъ незнанія и подлостію васъ попрекнулъ. Меня самого иногда тѣмъ безразсудные люди попрекали, но отъ скромности моей, всегда сами устыдясь, отходили. Подлинно въ предкахъ нашихъ, сколько я свѣдомъ, не только бояръ и генераловъ, но и полководцевъ не было. Однакъ не всѣ генералы отъ генераловъ рождены... Предки наши... въ тѣ смутныя времена, какъ по-

ляки на Россію впаденіе чинили (чего и вологодскіе предѣлы не миновали), на Вологдѣ поселилися. Изъ которыхъ нѣкоторые, по тогдашнему обыкновенію, въ разныхъ городскихъ службахъ употреблялись; нѣкоторые жъ и купечество тутъ и въ Архангельскомъ порту производили. Первый и знатнѣйшій изъ оныхъ назывался Ѳерапонтъ, а по народному названію Рычакъ и Рычка. Отъ сего-то Ѳерапонта, сказывали они, что нашъ родъ и прозваніе происходятъ»...

Отецъ Рычкова, Иванъ Ивановичъ, по примѣру своихъ родныхъ, также торговалъ на Вологдѣ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Ивановичемъ, отправляя хлѣбъ и другіе товары по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ и Двинѣ къ Архангельску для отпуска въ Голландію и другія земли. Вообще изъ словъ сына можно замѣтить, что Иванъ Рычковъ любилъ иноземцевъ. Во время пребыванія въ Вологдѣ, онъ былъ въ сношеніяхъ съ сосланными туда шведскими плѣнными и одному изъ нихъ, графу Бонде, успѣлъ оказать какое-то одолженіе, что̀, какъ увидимъ сейчасъ, пригодилось Рычкову впослѣдствіи. Неосмотрительность и расточительность брата его, Михайлы, вступившаго въ подряды съ приказомъ большой казны по отпуску за границу тогдашнихъ казенныхъ товаровъ: поташа, смольчуга, икры, клея и щетины, произвели разстройство въ торговыхъ дѣлахъ Рычковыхъ. Къ этому присоединились и неудачи: суда, плывшія съ помянутыми товарами къ Архангельску, разбились, слѣдствіемъ чего былъ огромный казенный начетъ, такъ-что Рычковы лишились почти всего своего имущества.

Иванъ Рычковъ съ женою (Капитолиною Ивановною, дочерью вологодскаго купца Свѣшникова) и дѣтьми покинулъ Вологду и переселился въ Москву. Здѣсь въ 1722 году, вѣроятно по ходатайству бывшихъ шведскихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ графъ Бонде, состояли при Карлѣ Фридрихѣ, герцогѣ шлейзвигъ-голштинскомъ, старикъ Рычковъ получилъ при дворѣ его званіе купчины, или гофъ-фактора, и оставался въ немъ до самаго отъѣзда герцога изъ Россіи. Голштинскіе министры Стамкенъ и графъ Бонде, и послѣ этого событія, покровительствовали Рычкову и держали его при себѣ.

«Въ 1720 году ... былъ я, говоритъ про себя его сынъ,

около восьми лѣтъ, читать и писать по русски умѣлъ уже нарочито. По прибытіи въ Москву, не смотря на всѣ свои безпокойства и затрудненія, отецъ мой вскорѣ отдалъ меня учить иностранныхъ языковъ и сперва голландскаго, потому что великую склонность имѣлъ къ коммерціи и къ сей націи; да и свѣдѣнія какъ о внутреннихъ, такъ и о внѣшнихъ торгахъ былъ весьма достаточнаго. Нѣсколько научивши меня того языка и первой части ариѳметики, отдалъ меня для совершеннѣйшаго познанія онаго и другихъ языковъ, и для обученія бухгалтерской науки и внѣшней коммерціи къ тогдашнему полотняныхъ фабрикъ директору Ивану Павловичу Тамесу. Имѣвши съ нимъ издавна дружбу, онъ уповалъ, что я познаніемъ сихъ дѣлъ буду отечеству не безпотребенъ, а и себѣ не безполезенъ. Сей господинъ Тамесъ былъ подлинно мужъ великаго свѣдѣнія не только въ коммерціи, но и во многихъ статскихъ дѣлахъ, и за его разумъ и многіе полезные проекты къ заведенію и распространенію въ Россіи разныхъ мануфактуръ находился въ особливой милости у его величества высокославныя памяти государя императора Петра Великаго [1]). Онъ меня, какъ сына, любилъ и въ своей конторѣ не только языковъ и бухгалтерству училъ, но и при всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и представленіяхъ, къ размноженію мануфактуръ и къ пользѣ россійской коммерціи чинимыхъ, употреблялъ. И хотя я тогда несовершеннаго еще возраста былъ, слѣдственно и понятія ко всему тому достаточнаго не имѣлъ, однакъ въ познаніи

---

[1]) Къ иноземцу Ивану Тамезу, или Тамсену, для изученія бухгалтеріи, Петръ Великій посылалъ русскихъ учениковъ (Дѣянія П. В. Голикова, изд. 2, т. VIII, 50, 51; IX, 493). О немъ нерѣдко упоминается въ Дневникѣ Бергхольца, см. рус. пер. г. Аммона, II (М. 1858 г.) 91—95; IV (М. 1860 г.), 101. Въ «Извѣстіяхъ о фабрикахъ и заводахъ въ Россіи 1727 года» (Госуд. Архивъ, разр. XIX) находимъ, что «полотняная фабрика въ Москвѣ директора Ивана Тамеса съ компанейщики купецкими людьми зачата въ 718-мъ году» по повелѣнію Петра Великаго и по просьбѣ компанейщиковъ. Въ 1719 г. государь пожаловалъ имъ два дома Авраама Лопухина: одинъ каменный близъ Пречистенскихъ воротъ, другой деревянный загородный въ Хамовникахъ, а также село Кохму въ суздальскомъ уѣздѣ съ 641 крестьянскимъ дворомъ. Капитала на фабрику затрачено съ 1718 по 1723 годъ 24.700 рубл. Сначала тамъ было 184, а въ 1727 году 443 стана; мастеровыхъ — 851 человѣкъ. Дѣлались на фабрикѣ полотна разныхъ сортовъ, салфетки, тики, скатерти и пр., которые «происходятъ въ продажу въ Москвѣ и въ Сантпетербурхѣ и отпускаются за море» (лл. 65, 66).

оныхъ дѣлъ еще тогда и суще отъ него нарочитое познаніе получилъ... По смерти его жилъ я нѣсколько времени при моемъ родителѣ, котораго безпокойства отъ бѣдствій брата его, а моего дяди, еще тогда продолжалися, да и конца было имъ не видно. Въ такихъ нашихъ обстоятельствахъ принужденъ я былъ не только мое ученіе, но и родителей моихъ оставлять, сыскивать способы къ ихъ облегченію и гдѣ бъ себя употребити, что̀ какъ и мнѣ, такъ и имъ было не безъ печали, тѣмъ наипаче, что они, покойные, никакого безпутства во мнѣ не видѣли, но еще и годность нарочитую съ немалою и всегдашнею охотою къ наукамъ примѣчали, а гдѣ и какъ меня пристроить, по тогдашнему своему состоянію, способовъ не находили».

«Между тѣмъ около 1730 году родитель мой, поѣхавъ въ Санктпетербургъ, взялъ меня съ собою, гдѣ графъ Бонде, министръ его королевскаго величества герцога голштинскаго, рекомендаціями своими способствовалъ ко опредѣленію моему въ службу при бывшемъ тогда Кабинетѣ, или Дворѣ. И хотя обѣщанія имѣлъ онъ надежныя, но дѣйствительное опредѣленіе отъ времени до времени откладывано, а наконецъ сказано было, чтобъ подождать до состоянія новаго штата, при чемъ я и остался».

«Въ ту жъ санктпетербургскую бытность, родитель мой сдружился съ англичаниномъ Вильямомъ Элмзеномъ, который хотя не такого совершенства, какъ покойный Тамесъ, однакъ по премногу доброй человѣкъ и знатной капиталистъ былъ. Сей, видя, что я изъ русскихъ нѣмецкой языкъ не худо умѣю, и имѣя въ своей дирекціи казенные ямбургскіе и жабинскіе заводы со многимъ числомъ мастеровыхъ изъ русскихъ и иностранныхъ людей (изъ которыхъ между русскими бо́льшая половина была изъ солдатовъ, тому мастерству обученыхъ), просилъ родителя моего, дабы я у него правителемъ тѣхъ заводовъ былъ, пока ко опредѣленію моему въ службу окажутся лучшіе и надежнѣйшіе способы. Признавъ меня къ тому, по знанію нѣмецкаго языка, способнымъ, онъ обѣщалъ мнѣ между тѣмъ не только честное содержаніе, но и деньгами достаточно наградить, а особливо ежель я прекращу бывшія тогда между иностранными мастеровыми людьми несогласія и безпокойства, ибо они, разнегодованные на бывшаго предъ тѣмъ управителя англичанина Жинктига

за многія его безпутства, чинили сами разныя своевольства.. Съ такою-то кондиціею я отъ моего родителя на тѣ заводы былъ отпущенъ (они отъ Санктпетербурга были верстахъ во ста). Подлинно я, тутъ живучи во всемъ на коштѣ помянутаго господина Элмзена, честное и достаточное содержаніе возымѣлъ; да и удалось мнѣ всѣ тѣ многія безпокойства прекратить и въ надлежащій установъ привести».

«Здѣсь-то будучи, спознался я съ управителемъ тамошнихъ дворцовыхъ волостей Прокофьемъ Даниловичемъ Гуляевымъ и женился первымъ бракомъ на старшей его дочери Анисьѣ Прокофьевнѣ, съ позволенія моихъ родителей, которые для того моего сговору и сочетанія изъ Москвы въ Ямбургъ нарочно ко мнѣ пріѣзжали. По вступленіи моемъ въ супружество, всячески уже принужденъ я былъ домогаться сыскивать фундаментальное себѣ мѣсто и дѣйствительное въ службу опредѣленіе, къ чему еще и сіе побуждало, что оба оные стеклянные заводы разсуждено было перевести въ другія мѣста и въ другую сторону, а именно одинъ къ Ладожскому каналу, а другой въ Санктпетербургъ, гдѣ они и построены вновь».

«По прибытіи въ Санктпетербургъ увѣдалъ я, что, по опредѣленію правительствующаго сената, въ санктпетербургскую портовую таможню принятъ былъ иностранный бухгалтеръ съ такою кондиціею, чтобъ тутъ содержаніе книгъ и счетовъ по европейской бухгалтерской регулѣ установить. Ему для того окладнаго жалованья положено было по 800 рубл. въ годъ, а когда русскихъ обучитъ оному дѣлу, то обѣщано было особливое награжденіе; чего ради дано ему было изъ Академіи нѣсколько молодыхъ людей въ ученіе, знающихъ ариѳметику. Ему жъ велѣно было придать и переводчика, ибо онъ тѣ книги содержалъ не на русскомъ, но на нѣмецкомъ языкѣ. Въ разсужденіи сего дѣла явился я у г. статскаго совѣтника Кирилова, который тогда въ правительствующемъ сенатѣ былъ оберъ-секретаремъ, и, донесши, что я бухгалтерству съ издѣтства учился, просилъ опредѣленія. Онъ, поговоря со мною о томъ и усмотря, что я оное разумѣю, велѣлъ мнѣ въ прательствующій сенатъ объ опредѣленіи меня къ тому дѣлу подать прошеніе, кое я, подавъ, вскорѣ и опредѣленіе получилъ о бытіи мнѣ при портовыхъ и при оныхъ бухгалтерскихъ

дѣлахъ переводчикомъ и означенному бухгалтеру помощникомъ, съ жалованнымъ по 150 руб. въ годъ. И хотя съ годъ бывши у оныхъ дѣлъ, обнадеженъ былъ опредѣленіемъ на мѣсто того, по контракту служившаго бухгалтера, ко всему тому, для чего онъ былъ опредѣленъ; но какъ помянутый г. статскій совѣтникъ, по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Анны Іоановны, опредѣленъ былъ для многихъ государственныхъ интересовъ и важныхъ намѣреній, и повелѣно ему было между прочихъ чиновъ пріискать и съ собою взять искуснаго бухгалтера, то по тому именному указу въ 1734 году отъ правительствующаго сената опредѣленъ и съ нимъ отправленъ я былъ въ ту экспедицію бухгалтеромъ»...

II.

1734 — 1750 годы.

И. К. Кириловъ и В. Н. Татищевъ — первые покровители Рычкова. Служба его въ оренбургскомъ краѣ. Переписка съ В. Н. Татищевымъ о русской исторіи и географіи. Первые историко-литературные труды Рычкова.

Въ 1734 году, въ Петербургѣ была снаряжена экспедиція, которой прямымъ послѣдствіемъ, хотя не вдругъ и не безъ препятствій, было окончательное утвержденіе русскаго господства надъ обширнымъ краемъ, получившимъ потомъ названіе оренбургскаго. Поводомъ къ снаряженію экспедиціи послужило заявленіе желанія хана меньшой киргизской орды Абуилъ-хаира вступить въ подданство Россіи и просьба его о построеніи русскаго города на устьѣ р. Ори. По этому случаю оберъ-секретарь сената, Иванъ Кириловичъ Кириловъ представилъ предположенія о средствахъ и мѣрахъ для приведенія въ исполненіе намѣреній Петра Великаго касательно киргизъ-кайсаковъ и о распространеніи торговли съ Азіею. Предположенія Кирилова заслужили одобреніе, и на него было возложено какъ построеніе на рѣкѣ Ори города, еще прежде основанія своего названнаго Оренбургомъ, такъ и осуществленіе всѣхъ мѣръ, которыя признаны были необходимыми для подчине-

нія Россіи тамошнихъ инородцевъ. Въ экспедиціи Кирилова, кромѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, были: исторіографъ по части естествовѣденія, живописецъ, студенты московской духовной Академіи, наконецъ геодезисты для сниманія картъ и описанія мѣстностей. Въ должность бухгалтера при экспедиціи поступилъ Петръ Ивановичъ Рычковъ [1]).

Кириловъ принадлежитъ, безспорно, къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей, вышедшихъ изъ школы Петра Великаго. Рычковъ, который зналъ его близко, оставилъ намъ такое описаніе его: «онъ хотя незнатной природы былъ, но прилежными своими трудами и острымъ понятіемъ, въ канцеляріи правительствующаго сената, изъ самыхъ нижнихъ чиновъ происходя, еще при жизни высокославной памяти государя императора Петра Великаго въ чинъ сенатскаго секретаря произведенъ и при разныхъ случаяхъ имѣлъ счастіе достоинство свое со многимъ его императорскаго величества удовольствіемъ засвидѣтельствовать, а особливо имѣвшеюся у него натуральною охототою къ ландкартамъ и географическимъ описаніямъ... Онъ первый взялъ на себя трудъ всероссійскія ландкарты собирать и чрезъ обрѣтавшихся при сенатѣ геодезистовъ атласъ россійской имперіи и генеральную россійскую ландкарту сочинять... Наукамъ хотя формально не обученъ былъ и оныхъ основательно не зналъ; но былъ великой рачитель и любитель наукъ, а особливо математики, механики, исторіи, экономіи и металлургіи, не жалѣя при томъ никакого своего труда и иждивенія»... [2]).

Что̀ Кириловъ горячо любилъ науки и искренно желалъ успѣховъ имъ, то свидѣтельствуютъ его близкія отношенія къ нашей Академіи Наукъ. Вскорѣ послѣ учрежденія ея, онъ вступилъ въ обширную переписку съ академикомъ Николаемъ Іосифомъ Делилемъ касательно географіи Россіи и составленія точ-

---

[1]) См. его «Исторія оренбургская» въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ», январь, 1759 г. стр. 1 — 47; февраль, стр. 100—112. Къ Кирилову поступилъ и отецъ Рычкова «для установленія и утвержденія новой коммерціи». Онъ пріѣхалъ въ Самару уже послѣ смерти Кирилова, и Татищевъ поручилъ-было ему сочинить купеческій тарифъ и уставъ; но старикъ Рычковъ, не успѣвъ этого исполнить, умеръ въ 1738 г., о чемъ есть въ Запискахъ сына и въ «Сочинен. и перев.» 1759 г., апрѣль, стр. 335.

[2]) Ibid., мартъ 1759 г., стр. 223—224.

ныхъ картъ ея. Даже въ бытность свою въ оренбургской экспедиціи, посреди тяжелыхъ заботъ и безпокойствъ, не забывалъ сообщать Академіи извѣстій по части естественной исторіи и съ любопытствомъ освѣдомлялся о ходѣ работъ по части русской картографіи, столь близкой его сердцу [1].

Вскорѣ по прибытіи въ оренбургскій край, Кириловъ убѣдился, что предположенія, которыя такъ легко составляются въ кабинетахъ за тысячи верстъ отъ мѣста событій, трудно осуществлять на дѣлѣ. Правда, ему удалось основать городъ, но башкирцы, видя въ томъ рѣшительный ударъ ихъ независимости, взбунтовались. Основателю Оренбурга, вмѣсто распространенія торговли съ Азіею, вмѣсто поисковъ рудъ для обогащенія государства, пришлось вести упорную борьбу съ полудикимъ народомъ, рѣшившемся на все, чтобы отстоять послѣдніе остатки своего господства надъ обширною страною. Среди тревогъ и несбывшихся надеждъ, Кириловъ умеръ 14 апрѣля 1737 года въ Самарѣ, гдѣ и похороненъ при церкви св. Николая Чудотворца [2].

Мѣсто Кирилова заступилъ Василій Никитичъ Татищевъ—другая, еще болѣе выдающаяся личность въ исторіи русской литературы и просвѣщенія XVIII столѣтія. Куда бы ни заносила судьба Татищева, онъ всюду оставался вѣренъ своей привязанности къ научнымъ разысканіямъ и вообще ко всему, что относилось къ просвѣщенію. Въ поѣздку по казенному порученію

---

[1]) Такъ напр. 14 декабря 1734 года, Кириловъ писалъ къ вновь назначенному тогда президенту Академіи Наукъ, барону Корфу: «поздравляю ваше превосходительство, получа высшую дирекцію надъ учрежденною Академіею и несумнѣнно надѣюсь, чрезъ прилежное руководство ваше, въ лучшемъ состояніи оную увидѣть и плодами ея всему обществу пользоваться. При случаѣ жъ моего пути обрѣтенныхъ разныхъ родовъ травъ и коренья, кои обрѣтающіеся со мною господа ботаникъ и аптекарь мимоѣздомъ усмотрѣли, о тѣхъ принялъ смѣлость вашему превосходительству каталогъ сообщить, и ежель оный угоденъ покажется, тогда господамъ академическимъ членамъ приказать отдать. Впрочемъ какіе сысканы на пути разные камни, и метали и минералы, о томъ впредь донесу, а паче уповаю услужить, когда въ наилучшихъ мѣстахъ будущею весною буду»... (Eingekommende Briefe von 1734 bis 1736 въ архивѣ акад. конференціи). Переписка Кирилова съ Академіею по части географіи Россіи въ первый разъ стала извѣстна только въ прошломъ году изъ труда г. Свенске: «Матеріалы для исторіи составленія атласа россійской имперіи, изд. Акад. Наукъ въ 1745 г.» См. Прилож. № 2 къ IX т. Записокъ Акад. Н. 1866 года.

[2]) «Сочиненія и переводы» 1759 г., мартъ, стр. 223.

въ Швецію онъ знакомится съ тамошними учеными, пишетъ для нихъ статью о мамонтовыхъ костяхъ, разыскиваетъ и списываетъ разные матеріалы для древней русской исторіи; въ Сибири собираетъ массу историческихъ и географическихъ извѣстій о Россіи; поручаетъ тамъ составлять словари инородческихъ языковъ; отыскиваетъ древности и рѣдкости въ могилахъ; служа въ Екатеринбургѣ, устроиваетъ школу. Во время двухлѣтняго управленія оренбургскимъ краемъ, онъ заводитъ также школу въ Самарѣ для татаръ и калмыковъ, и здѣсь, по его указаніямъ, начали переводить книги съ восточныхъ языковъ на русскій и сочинять татарско-калмыцкій словарь. Въ Астраахни, его пытливый умъ занимали остатки жилищъ прежнихъ властителей золотой орды.

Рычковъ такъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о службѣ своей въ первые годы пребыванія своего въ оренбургскомъ краѣ: «будучи въ той экспедиціи какъ отъ него, Кирилова, такъ и бывшихъ послѣ его генералитетовъ, употребляемъ я былъ всегда (кромѣ одного перваго года) и почти безотлучно къ нужнѣйшимъ военнымъ дѣламъ. Они (т. е. начальники), по тогдашнимъ башкирскимъ безпокойствамъ, о томъ, какъ бы счетныя книги по регулѣ бухгалтерской установить, почти и думать уже перестали; но усмотря, что я въ такихъ строгихъ случаяхъ къ правленію канцелярскихъ дѣлъ другихъ былъ способнѣе, все канцелярское правленіе на меня одного положили. При такихъ обстоятельствахъ имѣли они меня всегда и во всѣхъ походахъ безотлучно при себѣ и подлинно содержали меня въ отмѣнной милости»...

Несомнѣнно, что молодой Рычковъ поддался вліянію такихъ людей, какими были первые два начальника его, и этимъ только можно объяснить себѣ, почему онъ впослѣдствіи пріобрѣлъ себѣ у современниковъ довольно обширную извѣстность какъ писатель и любитель наукъ. Къ Татищеву Рычковъ питалъ чрезвычайное уваженіе и, вспоминая о немъ уже гораздо послѣ его кончины, называлъ неиначе, какъ отцемъ и благодѣтелемъ своимъ. Удаленіе Татищева отъ оренбургскихъ дѣлъ не прекратило сношеній его съ бывшимъ подчиненнымъ, и послѣдній велъ съ нимъ дѣятельную переписку.

«Милостивѣйшій государь мой и отецъ Василій Никитичъ, писалъ къ нему Рычковъ изъ Самары 25-го февраля 1741 года.

Вашего превосходительства милостивое писаніе отъ 10 и 21 числа сего февраля удостоился получить, за которое, якожъ и за всѣ вашего превосходительства неизреченныя милости, рабское приношу благодареніе. Что же принадлежитъ до переводу предисловія нѣмецкаго переводчика Дергамова[1]), оный я оставливать не намѣренъ былъ, да и труда надъ нимъ не много, ибо не великъ, только поохотился напередъ самого автора переводить. Окончавъ же онаго, и то предисловіе перевесть не премину».

«Отъ 18-го числа сего до вашего превосходительства пространно писалъ, нынѣ же къ тому прибавить имѣю, что къ начатому въ татаро-калмыцкой нашей школѣ лексикону (съ русскими началы татаро-калмыкской) уже двѣ литеры дѣйствительно сдѣлали и, кажется, съ добрымъ успѣхомъ продолжаются. Не худо-ли, милостивѣйшій государь мой, что я такимъ образомъ русскія слова переводить велѣлъ, чтобъ татарское и калмыкское прежде русскими и калмыкскими, а потомъ уже и тѣми языки писать, ибо разсудилъ, что у насъ въ напечатаніи татарскихъ и калмыкскихъ литеръ произойдетъ великое затрудненіе. А когда будетъ и русскими литерами изображенное, то и умѣющимъ и неумѣющимъ тѣхъ языковъ чтеніемъ будетъ во употребленіе, и въ напечатаніи всего онаго русскими литерами труда будетъ не столько. Сіе мое предпріятіе годится-ль, всепокорно васъ, милостивѣйшаго государя, прошу наградить меня своимъ милостивымъ увѣдомленіемъ. Наипаче же прошу къ его сіятельству[2]) отписать, чтобъ я въ такихъ моихъ стараніяхъ вспомогаемъ былъ. Хотя и такъ его сіятельству натолковалъ, что все оное не токмо для здѣшнихъ мѣстъ, но и для всего общества дѣло пренужное, и онъ тому согласуетъ уже и не оставляетъ; но вашего превосходительства одно слово всего моего лучше представленія. Я нынѣ особливо радъ, что его сіятельство всѣ заведенныя здѣсь школы, надъ коими никакого почти призрѣнія не было, приказалъ во одинъ бывшій князь Ми-

---

[1]) Вильямъ Дергэмъ (Derham) род. 1657 (1660?) г., умеръ каноникомъ въ Уэстминстерѣ 1735 (1738) г. Его сочиненія Physico-Theologie и Astrologie были переведены и изданы на нѣмец. яз. въ первой половинѣ XVIII вѣка. (Pierer's Universal Lexicon, 4-е изд., т. IV, 855).

[2]) Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ, которому ввѣрено было управленіе оренбургскимъ краемъ послѣ увольненія Татищева.

хаила Андреевича [1]) домъ собрать и все надсматривать приказалъ. Въ высочайшій кабинетъ не безъ основанія отъ его сіятельства представлено о распространеніи здѣшнихъ училищъ: ежели бы милостивая резолюція воспослѣдовала, то бъ я надѣялся не малому плоду отъ того произрасти»... [2])

Съ своей стороны князь Урусовъ, увѣдомляя (въ мартѣ 1741 года) Татищева, что заботы его о татарско-калмыцкой школѣ въ Самарѣ не остались безплодными, упоминалъ о лексиконѣ и переводахъ: «во всемъ томъ старается у меня г. Рычковъ, и ему оное поручено, котораго въ томъ охота и прилежность, надѣюсь, вашему превосходительству извѣстна»... [3]). Въ одно время съ княземъ Урусовымъ, Рычковъ извѣщалъ Татищева:

«Школа, о которой ваше превосходительство изъ прежнихъ моихъ писемъ извѣстны, время отъ времени къ лучшему состоянію приходитъ. Особливо же нынѣ по письму вашего превосходительства къ его сіятельству всякаго споспѣшествованія надѣюсь, ибо онъ великую къ тому охоту показывать началъ. А когда его свѣтлость князь Алексѣй Михайловичъ [4]) о томъ отпишетъ, то и бо́льшаго во всемъ приращенія уповаемъ. Нынѣ его сіятельство посылаетъ къ вашему превосходительству нѣсколько тетрадей сочиняемаго здѣсь татарско-калмыкскаго лексикона, въ которомъ сочиненіи я, нижайшій, имѣя малое участіе, всепокорнѣйше прошу сіе наше начало милостивно разсмотрѣть, годится-ль въ дѣло? увѣдомленіемъ не оставить. Что касается въ ономъ до русскаго, то хотя оное набирано изъ лексикона поликарповскаго,

---

[1]) Князь Михаилъ Андреевичъ Бѣлосельскій, бывшій, по словамъ Рычкова въ Запискахъ, въ Самарѣ и Оренбургѣ «по нѣкоторымъ несчастнымъ его случаямъ». Въ 1736 г., по оговору ссыльнаго Егора Столѣтова, этого князя Бѣлосельскаго судили за разсказы его о царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, Биронѣ и пр. Онъ впрочемъ ни въ чемъ не сознался. Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны Рычковъ зналъ его въ Петербургѣ генералъ кригсъ-коммиссаромъ.

[2]) Входящія письма 1740—1743 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

[3]) Ibid.

[4]) Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій (род. 1680 † 1742 г.) имѣлъ тогда званіе великаго канцлера.

однакъ греческіе мокронизмы [1]), необыкновенныя словенскія званія выкидываны, а напротивъ того многое, что припамятовалось, объяснено простыми рѣчами, а въ иномъ и прибавлено. Только кажется мнѣ теперь, грамматическія изъясненія (которыя отчасти въ сочиняемомъ уже употреблены), предлоговъ и союзовъ нашихъ не нужны. Да и толмачи переводить ихъ не умѣютъ, и для того ихъ оставлю и буду тщиться, чтобъ во всемъ томъ сочиненіи болѣе простотѣ подражать, которая у насъ съ вышепомянутыми языки довольно согласуетъ, особливо же, что въ татарскомъ усматриваются многія такія званія, кои съ нашими во всемъ сходны».

«Ахунъ нашъ [2]) по персидски и по турецки говорить умѣетъ, чего ради буду стараться, чтобъ хотя не мнѣ и не вдругъ, то со временемъ и по маленьку оба сіи языки къ предназначеннымъ сообщить. И хотя въ затѣяхъ моихъ многіе предосуждаютъ, вѣдаючи кромѣ того многія мои несвободности, но доброму намѣренію Богъ помогаетъ. Нынѣ при семъ всенижайшемъ моемъ письмѣ, по любопытству вашего превосходительства, прилагаю реестръ арабскимъ наукамъ, которыя мнѣ ахунъ, по татарски записавъ, далъ и сказывалъ, что нѣкоторыя книги о тѣхъ наукахъ изъ Бухаръ достать возможно. Не изволите-ли повелѣть, чтобъ о тѣхъ, которыя надобнѣе, постараться и о томъ меня увѣдомить. Оныя хотя не въ употребленіе, но къ довольной куріозите служить могутъ».

«Ахунъ уложенье весьма прилежно переводитъ и перевелъ уже двѣ главы на татарской языкъ первую и середка (такъ ему сперва захотѣлось, но я нынѣ приказалъ сначала ничего не пропущать переводить) о татебныхъ дѣлахъ, а другую начальную о молитвенномъ омываніи. Первая хотя на русской языкъ и переведена, токмо переводъ весьма нечистъ; къ тому требуются на

---

[1]) «Лексиконъ треязычный, сирѣть реченій словенскихъ, еллино-греческихъ и латинскихъ сокровище» изданъ Ѳедоромъ Поликарповымъ въ Москвѣ 1704 г. Подъ *мокронизмами* Рычковъ разумѣлъ греческія выраженія Поликарпова, которыя считалъ несвойственными нашему языку (macaronnée).

[2]) Магометанскій духовный, называвшійся, какъ увидимъ ниже, Махмудомъ Абдрахмановымъ. Татищевъ упоминаетъ о немъ въ «Ист. росс.» Кн. I, часть 2, стр. 278 и слово ахунъ переводитъ—епископъ магометанскій.

многое примѣчанія, которыя по растолкованіямъ ахуновымъ потщусь сочинить, и затѣмъ ее до вашего превосходительства не послалъ. Прилагаю же токмо нѣсколько статеекъ первыхъ, ибо сіи безъ примѣчаній не очень ясны»...[1]).

Съ конца 1745 года, Татищевъ, удаленный отъ службы, жилъ въ своихъ помѣстьяхъ. Памятниками его административной дѣятельности остались множество оффиціальныхъ донесеній и разнородныхъ представленій. По нимъ можно судить о неутомимой дѣятельности, о его умѣ, знаніяхъ, опытности и — должно сознаться — о его недостаткахъ, бывшихъ, правда, непремѣнною принадлежностью едва-ли не всѣхъ администраторовъ его времени, но тѣмъ не менѣе непріятно поражающихъ историка. По мыслямъ, которыя высказывалъ Татищевъ, по своей любви къ знаніямъ и просвѣщенію онъ шелъ впереди своего вѣка, стоялъ выше окружавшей его среды; по образу же дѣйствій на служебномъ поприщѣ онъ не отличался ни чѣмъ отъ стариннаго воеводы въ отдаленномъ городкѣ. Изъ сенатскаго доклада, представленнаго императрицѣ Елизаветѣ не задолго до удаленія его отъ должности астраханскаго губернатора, оказывается, что онъ не дѣлалъ часто различія между деньгами казенными и своими и допускалъ злоупотребленія и за рубли, и за башкирскихъ иноходцевъ, даже за овчинки и волчьи мѣха (см. приложеніе I).

Эта двойственность въ Татищевѣ, какъ администраторѣ и писателѣ, изчезла только тогда, когда онъ лишился мѣста. По выѣздѣ своемъ изъ Астрахани, Татищевъ написалъ къ барону Черка-

[1]) Входящія письма 1740 — 1743 гг., въ архивѣ академической конференціи. При письмѣ Рычкова приложены слѣдующія статейки: 1) «Науки, которыя на арабскомъ языкѣ ученымъ людемъ принадлежатъ». Здѣсь перечислены названія ихъ. 2) Отрывокъ изъ мухаметанскаго уложенія, гл. 12: «О татебныхъ и воровскихъ дѣлахъ». 3) Съ заглавіемъ: «Хвала высшему Богу, сотворшему небо и землю и вся предѣлы, и божеская его милость пророку Мохамету со всѣми его послѣдователями. Я, всенижайшій и многогрѣшный рабъ, ахунъ Махмутъ Адрахмановъ, по просьбѣ моего почтеннаго друга, призывая всемогущаго Бога въ помощь, перевелъ съ арабскаго на татарскій языкъ сію малую книжицу о бывшихъ въ прешедшихъ лѣтахъ царяхъ, ханахъ и салтанахъ, наипаче того ради, что въ нашемъ государствѣ арабскаго языка не многіе искусны, и дабы всенародно татарскому языку оная книжка извѣстна быть могла, которая состоитъ въ трехъ токмо главахъ, еже учинено въ Оренбургѣ по махометанскому счисленію 1153, а по христіанскому 1740 года. Съ татарскаго на русской языкъ переведена при учрежденной въ оренбургской коммиссіи татаро-калмыцкой школѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1741 г.»

сову письмо, гдѣ изобразилъ, какъ непривлекательна была тогда жизнь въ отдаленныхъ захолустьяхъ и какъ чувствовалась тамъ необходимость «правосудіе возставить, немощнымъ обиды и коварныя ябеды пресѣчь» [1]). При чтеніи этого письма нельзя не прійти въ недоумѣніе, какъ могло оно быть писано человѣкомъ, за нѣсколько недѣль удаленнымъ за злоупотребленія отъ губернаторской должности? При занятіяхъ русскою исторіею XVIII вѣка часто возникаютъ такія недоумѣнія.

Послѣднія пять лѣтъ жизни, проведенныя Татищевымъ вдали отъ дѣлъ, мало извѣстны. Что занимало его въ это время, можно видѣть только изъ переписки его съ Академіею Наукъ, а также съ Рычковымъ. Собственноручныя письма его къ послѣднему уцѣлѣли въ семейныхъ бумагахъ потомка его, Д. Н. Рычкова, и здѣсь будетъ кстати воспользоваться ими, такъ какъ онѣ, знакомя съ отставнымъ Татищевымъ, даютъ понятіе и о бывшемъ его подчиненномъ.

«Государь мой Петръ Ивановичъ, писалъ Татищевъ изъ села своего Болдина 18-го августа 1749 г., ваше тщаніе къ исторіи обнадеживаетъ меня многое, ко извѣстію достойное, получить. Въ той надеждѣ прилагаю, посылаю (sic) изъ первой части моея исторіи гл. 18 и прошу, оную разсмотря, погрѣшности исправить, недостатки дополнить и, колико заблагоразсудите, яснѣйшею и полнѣйшею сдѣлавъ, ко мнѣ прислать, чтобъ прочее за тѣмъ не остановилось. И если вамъ потребно, то могу вамъ и болѣе главъ, вчернѣ написанныхъ, прислать».

«Лексиконъ историческій, надѣюся, прежде сего посланный 13-го числа, уже получили [2]). Я вамъ еще рекомендую выписать ландкарты Птоломеевы или Пеутингеровы для знанія, какъ тогда о положеніи народовъ, областей и пр. разумѣли [3]). Я ихъ

---

[1]) Приложеніе № 4 къ IV т. Записокъ Акад. Наукъ, 1864 г., стр. 45, 46.

[2]) Въ библіотекѣ Татищева находился Allgemeines Historisches Lexicon въ четырехъ томахъ. По всей вѣроятности это былъ нѣмецкій, сдѣланный Готшедомъ переводъ знаменитаго Dictionnaire historique et critique Бэйля. На нѣмецкомъ языкѣ онъ изданъ въ Лейпцигѣ въ четырехъ томахъ въ 1741—1744 годахъ.

[3]) Географическое сочиненіе грека Клавдія Птоломея (жилъ въ первой половинѣ II вѣка по Р. Х.) извѣстно во многихъ изданіяхъ и на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Конраду Пеутингеру (род. 1465 † 1547 г.) обязаны сохраненіемъ древней карты, относимой нѣкоторыми ко временамъ императора

имѣлъ двѣ, да архіепископъ московскій [1]) недавно у меня одну выпросилъ, а другая при мнѣ каждодневно надобна».

«Прежде вы начали татарскій лексиконъ сочинять, и весьма бы нуженъ, къ чему Менинскій [2]) много служить можетъ; но у меня мало употребляемъ, для того что татарскаго и арабскаго читать не умѣю. Еслибъ кто взялся оный перевести, я бы не пожалѣлъ дать 100 руб.»

«Весьма мнѣ нужно изъясненіе нѣкоторыхъ словъ изъ тѣхъ языковъ, если въ оныхъ нѣкоторыя не сарматскія; но оныя могутъ чуваша, черемиса, мордва и вотяки изъяснить. Прошу, если можно, оныя мнѣ изъясня, прислать, объявляя при каждомъ, какого языка»...

6-го сентября 1749 года: «...Лексиконъ историческій въ 4-хъ том. fol. до васъ давно послалъ въ Москву и велѣлъ съ надежнымъ ѣздокомъ отправить, ибо на почтѣ не приняли. Нынѣ же писалъ — если не посланъ, чтобъ секретарю Коптяжеву отдать. Переводы прошу, не спѣша, исправно списать, и, мои примѣчанія уничтожа, по вашему лучшему знанію сочинить и сюда прислать, хотя бы то не весьма скоро учинилось»...

21-го сентября 1749 года: «Прежде послалъ вамъ изъ первой части Исторіи гл. 18 о татарѣхъ и просилъ, чтобъ оную исправили и дополнили по вашему бо́льшему о томъ извѣстію. Но что древностей принадлежитъ, то я, изъ многихъ авторовъ переводя, изъяснялъ, которыя и вамъ не безполезны быть могутъ. Для того при семъ, выбравъ къ вашему предпріятію [3]) нужнѣйшія Птоломея географа, Констянтина Порфирогенита и Геродота, посылаю съ моими изъясненіями: не можете-ли что поправить или пополнить, ибо такъ пословица увѣряетъ: умъ добро, а два лучше»...

Ѳеодосія и извѣстной подъ именемъ Tabula Peutingeriana. Грессе (Trésor de livres rares et précieux, T. V, 246) указываетъ всѣ изданія ея XVI, XVII и XVIII вѣковъ.

[1]) Платонъ Малиновскій, архіепископъ московскій съ 14 апрѣля 1748 г. по 14 іюня 1754 года. Исторія Росс. іерархіи, М. 1807 г., I, 91.

[2]) Францъ Менинскій (род. 1623 † 1698 г.), авторъ арабско-персидско-турецкаго словаря, изд. въ первый разъ подъ заглавіемъ Thesaurus linguarum orientalium, 1680—1687, въ трехъ частяхъ.

[3]) Ниже будетъ говорено, что Рычковъ занимался собираніемъ извѣстій о татарахъ. Извѣстно также, что глава 18 «Исторіи росс.» Татищева озаглавлена: «Остатки скиѳъ, турки и татара».

12-го октября 1749 года: «Ваше пріятное письмо отъ 13-го сент. сей день получилъ и за присланную ландкарту благодарствую. Токмо въ сибирской сторонѣ многая неисправность, и что назначенъ древній протокъ изъ Арала въ Каспійское—оное мню басня. Въ бытность мою въ Астрахани, какъ были трухменскіе послы, которые съ тѣмъ были присланы, чтобъ ихъ принять въ подданство и построить у нихъ крѣпости, я прилежно ихъ о томъ распрашивалъ, ибо они по всему берегу Каспійскаго моря обитаютъ отъ Эмбы до Красныхъ Водъ или Агурчинскаго залива. Они сказали, что проходъ былъ, да горы, сшедшись, завалили; а междо обоими великія горы, какъ и русскіе, ѣздившіе съ ними до Хивы, увѣряли, что возможно тому быть. Заливъ Балханской и Астрабятской прилежно посыланными отъ меня описанъ, но никакого знака не найдено, для того остается недостовѣрное южнаго берега Арала описаніе. Ежели возможность дастся, хотя бы на то денегъ не пожалѣть трухменцамъ, когда къ вамъ прибудутъ. А понеже вы объявили, что оную карту исправите и дополните, того ради прошу меня оною снабдить»...

«...О ландкартахъ Птоломеевыхъ такожде въ Петербургъ сей день съ нарочно посланнымъ писалъ, и ежели есть, то къ Рождеству или прежде получу и пришлю. Ихъ всего 28, и онѣ весьма вамъ нужны»...

2-го ноября 1749 года: «Прежде послалъ я вамъ нѣсколько главъ Исторіи Русской первой части, но которыя не памятую. Нынѣ же, по требованію вашему, посылаю еще, которыя переписаны бѣляе. Другія ово не переписаны, ово не довольно разсмотрѣны лежатъ, которыя со временемъ пришлются».

«Я васъ прошу внятно разсмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ какой погрѣшности, и о томъ дать знать, а оныя, не сообщая другимъ, а паче несмысленнымъ, ко мнѣ возвратить, ибо хотя я ни о чемъ болѣе прилежу, какъ ясною исторіею моему отечеству славу и честь пріумножить, а невѣдущимъ дать спознаніе, вѣдущимъ же болѣе и лучше причину къ бо́льшему изъясненію и исправленію погрѣшностей, которыхъ человѣкъ, какъ бы отъ природы мудръ и науками просвѣщенъ ни былъ, избѣжать не можетъ; какъ Давидъ говорилъ: всякъ человѣкъ — ложь. Да сіе бываетъ, что и правое дѣло другимъ является не правымъ и погрѣшнымъ,

какъ тому тысячи примѣровъ сыскать можно. Въ язычникахъ видимъ Сократа и другихъ за признаніе истиннаго Бога, обличеніе невѣжества, наставленіе къ благонравію пострадали. Не меньше того видимъ въ христіанствѣ, какъ Аѳанасіа Великаго, Златоустаго и другихъ великихъ учителей не токмо изгоняли, чиновъ и чести лишали, но нечестивые соборы, яко еретиковъ и безбожниковъ, проклинали. Для такихъ злостныхъ потребна мудрость осторожности, какъ я въ предисловіи отчасти изъяснилъ»...

1-го декабря 1749 года: «За присланное разсмотрѣніе о имени татаръ при письмѣ вашемъ отъ 11 октября, вчера полученномъ, весьма благодарствую, ибо много въ немъ полезнаго нахожу, хотя притомъ нѣчто изъ древнихъ греческихъ басенъ взято, яко горы Имай. Греки о нихъ писали разно: ибо меотиогою, отъ Тауроса идущею въ Индію [1]), по которому славный испанскій географъ Мартиніе [2]) разумѣетъ тѣ горы, что междо Персіи и Вавилона проходятъ; а Птоломей точно такъ положилъ какъ ахунъ говоритъ, но имя Имай есть греческое; а можетъ и въ тамошнихъ языкахъ что либо значитъ. Равно рѣка Татаръ или Тата, которую Павелъ Венетъ вымыслилъ, ваше ахунъ отъ европскихъ взялъ, что Рубрикъ и Карпеинъ въ ихъ ѣздахъ писали. Хотя весьма далеко простираютъ, однако довольно видно, что Рубрикъ далѣ Кіева не былъ, а Карпеинъ, Волги не переѣзжая, потомъ писали, что̀ многіе ученые довольно примѣтили. Что̀ ахунъ въ Китаяхъ татаръ кладетъ, то паки отъ слышанія европейцовъ, ибо тамо оное имя неизвѣстно, а сказываютъ Манжуръ Иманчу древнѣйшимъ ихъ званіемъ. И сіе точно такъ, какъ вы изъяснили о имени нѣмецъ, данномъ отъ славянъ германяномъ, которое и греческіе историки, Константинъ Порфирогенитъ, Анна Комнина и другіе употребляли. Такъ европейцы, оскорбяся отъ татаръ нашедшихъ, всѣ неизвѣстные народы, власно какъ у грекъ варвары, отъ египтянъ скиѳи именованы, въ которыхъ разные народы, яко: славяне, германяне, сарматы и чуть именованованы. Да имя татаръ вошедшіе въ Европу сами

[1]) Здѣсь и въ подлинникѣ что-то пропущено.

[2]) Антоній-Августинъ Брузенъ де ла Мартиньеръ, авторъ Dictionnaire géographique, котораго первое изданіе вышло въ 1726 году.

не употребляли, но писались могулы, какъ Батыевы и внуковъ его граматы свидѣтельствуютъ. Сему примѣръ Плиній: о имени моря Каспійскаго писавъ, сказалъ, что оное имѣетъ много разныхъ званій отъ прилежащихъ предѣлъ, и римляномъ отъ народа Каспіевъ, жившихъ по рѣкѣ Курѣ; Каспи — грекомъ; какъ Александръ чрезъ Ирнанію ко оному приближился Ирнанское стало вѣдомо; русскимъ отъ народа хвалисовъ — Хвалынское. Болгары отъ козаръ, или разбойниковъ, Козаромъ и пр. именовали».

«Равно Руссіа или Россіа такъ много разныхъ названій отъ разныхъ народовъ имѣетъ. Литва, имѣя крайній къ нимъ предѣлъ Креви, или Смоленскъ, именуетъ Русь кревитами; финны отъ вендовъ, обладавшихъ ихъ, — венеенма; сѣверные, яко отъ нихъ нихъ на востокъ, — остерики и остерунгъ и пр. Но я надѣюсь, что вы изъ Бухаріи можете лучшія извѣстія получить и оную темноту изъяснить».

«Вы упомянули о персидской исторіи: оную весьма бы нужда перевести, токмо при переводѣ надобно въ исторіи искусство довольное, чтобъ имена людей, народовъ и урочищъ не перевелъ, какъ-то многіе погрѣшаютъ, напр. греки Переяславль именовали Мегаполисъ. Порфирогенитъ, описуя пороги днѣпровскіе и городы русскіе, клалъ по два и по три имени: 1) славянское; 2) русское или сарматское и 3) греческое. Напр. народъ греч. Мелаихлени, русск. Муставами, слав. черны порты, а сами зовутся Мусталаинъ, а послѣднее значитъ черный народъ»...

Это письмо можетъ служить комментаріемъ къ тому, что потомъ высказалъ Татищевъ въ 18-й главѣ своей «Исторіи россійской», кн. 1, часть 2, стр. 274 — 278, гдѣ также приводятся свидѣтельства «любомудраго ассессора оренбургскаго господина Рычкова», а также и знакомца оренбургскаго ахуна.

Слѣдующее за тѣмъ письмо Татищева [1]) писано въ концѣ декабря 1749 года по поводу присылки къ нему Рычковымъ своего «Краткаго извѣстія о татарахъ», которое хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

Въ февралѣ 1750 года: «Абулгасіеву исторію я сожалѣю, что вы оной не поправили и погрѣшностей не изъяснили, а за

[1]) Оно напечатано въ приложеніи къ настоящей біографіи подъ № II.

тѣмъ она, по желанію многихъ въ печать не годится, развѣ вы потрудитесь оное впредь исполнить и любопытный міръ удовольствовать, а наипаче о положеніяхъ тамошнихъ вы паче всѣхъ правильнѣе изъяснить, а Страленберговы погрѣшности исправить можете.

О торгахъ русскихъ и промыслахъ сочиненіе ваше [1]) хвалы достойно, хотя нѣгдѣ недостаточно и индѣ погрѣшно, для того я послалъ оное въ Москву, чтобъ переписать и потомъ дополнить. Междо оными первое и главное: вмѣщены латинскія и французскія слова, что̀ всѣ ученые за гнусно почитаютъ.

2. Половцевъ вы именовали русскими: оные были, яко и печенеги, сарматы и подъ властію русскою не были. Бористенъ рѣка Днѣпръ — имя сарматское и градъ, греками построенный, отъ рѣки названъ, а не славенское.

Кремки градъ — имя турецкое, яко Кремль и Крымъ ничто иное, какъ крѣпость или укрѣпленіе.

Недостатокъ же о торгахъ отъ неимѣнія при васъ сѣверныхъ и греческихъ писателей, въ которыхъ, яко и у Порфирогенита, нѣчто находится, что русскіе великіе подарки золотомъ и серебромъ отъ грекъ брали. А сѣверные сказуютъ, что въ области русской Курляндіи великой ярмаркъ бывалъ, на которомъ много золота продавали и парчей дорогихъ.

Греки главные русскіе товары кладутъ: кожи звѣрей и скотовъ, бобровую струю и медъ. Изъ Болгаріи они получали шелковыя и бумажныя парчи, а о соли погрѣшено, ибо русскіе около Новограда имѣли свои варницы издревле, потомъ въ Галичѣ и Москвѣ, изъ Галича къ Соливычегодской, оттуду въ Пермь. А малая Русь, яко и греки, изъ Крыма получали. Что̀ Страленбергъ въ Перми портъ положилъ, то явно совралъ, но были порты Гордорики нынѣ Старая Ладога да Алденбургъ при морѣ, но гдѣ точно никто не знаетъ, а думаю гдѣ были Канцы. О портѣ и торгѣ архангельскомъ Саверій [2]) достаточно показалъ, которая

---

[1]) О немъ будетъ говорено ниже.

[2]) Philemon Louis Savary, авторъ Dictionnaire universel de commerce изд. въ первый разъ въ 1723 году. Въ 1747 г. Академія наукъ издала переводъ Сергѣя Волчкова «Экстрактъ Саваріева лексикона о коммерціи», въ 4°.

прошлаго года переведена и напечатана, и есть читанія достойна. О новогородскомъ торгу въ Либикѣ Исторія анзеатская такожъ многое показуетъ, чего по нашимъ исторіамъ не находится, что я надѣюся при исправленіи онаго вашего труда пространнѣе показать.

О лексиконѣ историческомъ я всегда подтверждаю, чтобъ къ вамъ хотя по одной книгѣ сослали, и если вашъ курьеръ потребуетъ, то конечно отдадутъ. Если бы вамъ случай былъ самимъ пріѣхать, то бъ вы могли книгъ потребныхъ довольно получить. За тѣмъ пребываю.....

P. S. Еще напоминаю, если не утрачена посланная отъ меня 18 глава о татарѣхъ, оную мнѣ возвратить»....

5-го марта 1750 года: «Я по объявленію вашему сердечно желаю, чтобъ Ивана Ивановича [1]) и васъ здѣсь видѣть, и совѣтую, если бы его не уволили, какъ и не надѣюсь, то вамъ для его и своей пользы не худо бы побывать и новыхъ строеній посмотрѣть и какъ старые гніютъ и валятся.

Абулгаси ханова исторіа получена [2]) и я за оную прежде васъ благодарилъ, но еще послалъ бы къ вамъ Андрея Лызлова Скиѳскую [3]) исторію, токмо опасаюсь, чтобы въ пересылкѣ не утратить, а оная къ татарской исторіи много потребна. О посланной отъ меня къ вамъ 18 главѣ изъ русской исторіи я доднесь ни отповѣди не получилъ. Если утрачена, то прошу меня увѣдомить. За тѣмъ пребываю....».

22-го марта 1750 года: «ваше пріятное письмо отъ 10 числа съ приложеніемъ получилъ; въ отвѣтъ же на оное сообщаю: 1) о коммерціи древней въ чемъ ваше сочиненіе недостаточно, то я вамъ прежде внятно показалъ, развѣ то письмо до васъ не дошло. Я для лучшаго вамъ усмотрѣнія нѣкоихъ обстоятельствъ

---

[1]) Неплюевъ, опредѣленный «главнымъ командиромъ оренбургской комиссіи» въ началѣ 1742 года. «Сочиненія и переводы» іюнь, 1759 года, стр. 501, 502.

[2]) Сочиненіе Абулъ-гази Мухамедъ Багадуръ хана, хивинскаго историка (род. 1605 † 1664 г.), было тогда извѣстно по французскому изданію, сдѣланному съ перевода нѣмецкой рукописи шведа Шёнстрема, въ Брюсселѣ 1726 г., подъ заглавіемъ: «Histoire généalogique des Tatars.

[3]) Первая часть труда Лызлова издана въ 1776 году, а во второй разъ 1787 г., въ трехъ частяхъ.

одну главу при семъ посылаю токмо прошу, оную не утратя, возвратить.

2) О исторіи русской ваше намѣреніе есть преизрядное, токмо весьма трудное и такое, что или басни принужденъ за истину принять, или начавъ, оставить, для того-что вамъ многихъ потребныхъ тому извѣстій недостанетъ, не токмо необходимо нужныхъ иностранныхъ, яко польской, венгерской, шведской и прусской, съ которыми наша древняя исторія много связана, но паче русскихъ разныхъ временъ и по разнымъ мѣстамъ писанныхъ собрать не можете. Вы мнѣ упомянули о манускриптѣ древнемъ, писаннымъ бѣлорусскимъ письмомъ, изъ коего выписку прислали. Я прошу меня обстоятельне увѣдомить, въ которое время онъ конченъ, а по нач(ал)у видно, что сочиненъ въ царство Іоанна Вас. II или послѣ. Въ немъ показуется басня первая о родѣ Августовѣ, другая о Рюрикѣ изъ Прусъ, что̀ вымыслилъ князь Михаилъ Глинскій, дѣдъ царя Іоанна II-го, а Макарій митрополитъ, повѣря сему польскому вралю, за истину принялъ, что уже давно людьми мудрыми за басню принято. Другихъ вракъ въ оной не поминаю, напр. Ольга шурина Рюрикова, князя урманскаго, именуетъ племянникомъ. Въ порядкѣ великихъ князей болѣе всѣхъ погрѣшность, ибо по Владимірѣ I-мъ Святополкъ, по немъ Ярославъ, по Ярославѣ Изяславъ, Святославъ II, Всеволодъ I, Святополкъ II, Владиміръ II, Ярополкъ II, Мстиславъ Великій, Всеволодъ II, Изяславъ II, Георгій II, изъ чего вы уразумѣете, какая въ той лѣтописи проронка. Я мню, что оная по Степенной сочинена, гдѣ только родословіе наблюдалось, а исторіи всѣ смѣшаны»....

28-го марта 1750 года: «ваше письмо отъ 20 февраля сейчасъ получилъ, и за увѣдомленіе благодарствую, и въ отвѣтъ сообщаю:

1. О Россѣ въ сынѣхъ Виніаминихъ я имѣю библію острожскую, а московской, не чая такой несогласности, не посмотрѣлъ, да хотя и есть оное, въ доводъ о Россіи не касается.

2. О коммерціи я послалъ князю Борису Юсупову, который великую къ тому охоту имѣетъ... Стрыковскаго Исторію на польскомъ я имѣю, и можно сказать, что она болѣе о Руси и Литвѣ сочинена, но какъ онъ былъ поета, такъ часто далеко отъ

порядка и правости отдалялся. Онъ сказываетъ, что имѣлъ 15 разныхъ русскихъ исторей, однакожъ у него многое весьма нуждное пропущено, а невѣроятное внесено, хотя онъ русскихъ исторій лучше польскихъ и старѣе почитаетъ.

Геродотъ о пенькѣ сказуетъ, что много родится и лучшая, а чтобъ тѣмъ въ Греки торговали, не нахожу, хотя то быть могло. Тѣ, которые особливо торгъ въ Грецію сихъ странъ описывали, товары знаемы кладутъ: кожи звѣрей и скотовъ, медъ, бобровая струя, воскъ, а болѣе не нахожу; но они подъ именемъ Индіи и Серики иногда разумѣли болгаръ и хвалисовъ, отъ которыхъ получали парчи и шолкъ, какъ вы въ посланной главѣ 16 и 17 усмотрите. Геродотъ о множествѣ орѣховъ и масла у болгаръ сказуетъ, именуя дерево понтикумъ, какъ я въ гл. 12 изъяснилъ, но оное они для себя употребляли, какъ и нынѣ въ казанской губерніи орѣхами изобильно.

О исторіи, которую вы отъ пріятеля получили мною сочиненія князя Глинскаго, который басню о Августовѣ отродіи изъ Литвы принесши Рюрика изъ Прусъ произвелъ, что въ главѣ 32, посланной къ вамъ, усмотрите, и сія басня у насъ давно опровергнута, какъ я вамъ и прежде писалъ»....

P. S. «Я удивился, что пасторъ о кораблѣ соломоновѣ мнитъ; оному строену быть на Чермномъ мори 3 цар. гл. 10, чему Іосифъ Флавій согласуетъ; но Калметъ [1]) или паче Байль доводно отвергаетъ, что̀ оное бы было египетской власти, гдѣ Соломонъ никакого участія не имѣлъ и, какъ малой владѣтель, сильному египетскому противно учиннть не могъ. А жиды, прославляя себя, писали, что въ голову пришло, какъ у насъ враль слагатель Синопсиса многія безпутства внесъ, напримѣръ: въ Мамаевѣ битвѣ не было русскихъ войскъ въ собраніи съ Литвою болѣе 42.000, а татаръ 30.000, побитыхъ татаръ мильонъ 200.000, русскихъ 253.000, чего никогда въ Руси не бывало и собрать не можно. Явная ложь, что въ Новѣградѣ посадникъ былъ одинъ, развѣ по нуждѣ въ войскѣ другой, а побито ихъ 30. Умѣли бо есмы выдумать грамоту Александрову и проч.!»

[1]) Augustin Calmet авторъ Commentaire sur tous les livres de l'Ancien et du Nouveau Testament, 1707 — 1716; Dictionnaire historique et critique de la Bible, 1722—1728 etc.

На это письмо Рычковъ отвѣчалъ изъ Оренбурга 5-го мая 1750 года слѣдующимъ длиннымъ посланіемъ:

«Милостивый государь мой и отецъ Василій Никитичъ.

«Вашего превосходительства милостивое писаніе отъ 22 числа марта я, со вседолжнымъ почтеніемъ, получилъ. За которое, купно же и за премногія милости, которыя продолжать и умножать ко мнѣ изволите, нижайшее благодареніе приношу и при томъ доношу:

«Разсмотрѣніе на сочиненіе мое о коммерціи я уже получилъ, по которому, ежель время допуститъ, намѣренъ еще письмо написать и въ томъ неисправности онаго, по наставленію вашего превосходительства, поправить и недостатки пополнить. Я же, по написаніи онаго (2-го №), еще касающагося до сей матеріи нѣсколько собралъ. Къ тому жъ конректоръ Апичъ (который находится въ Москвѣ при школѣ новой лютерской кирки) прислалъ ко мнѣ на то свои ремарки, въ которыхъ достойное ко внесенію есть, то я не премину изъ онаго надлежащее внесть и, прежде приступа къ настоящему о коммерціи разсмотрѣнію, елико мнѣ можно, потщуся сію матерію повывесть. Мнѣ разсудилось сіе дѣло труда достойнымъ наипаче по тому, что объ ономъ у насъ едва кто писывалъ ли, толь наипаче, что любопытныя вашего превосходительства собранія, которыми меня наградить изволили и еще жалуете, наипаче всѣхъ у меня имѣющихся книгъ способствуютъ. Какъ скоро оное письмо (№ 3) сочиню, то я къ вашему превосходительству въ милостивое разсмотрѣніе немедленно сообщу. Прмянутыхъ же присланныхъ ко мнѣ ремарковъ, тако жъ и съ письма онаго конректора и какую я къ нему при письмѣ послалъ нынѣ записку, съ того прилагаю копіи.

2. Оный же конректоръ прислалъ ко мнѣ атласъ, въ нѣсколькихъ картахъ состоящій, тому какъ о свѣтѣ издревле разумѣли, Онъ кажется весьма не худъ и достоинъ смотрѣнія. При которомъ на всякую карту довольно пространное описаніе на латинскомъ языкѣ (тутъ же приложилъ). Отъ него жъ при томъ же получилъ я еще карту, г. профессоромъ Бееромъ изъ исторіи Геродотовой учиненную; но сія, надѣюсь, у вашего превосходительства есть. Я стараюсь изъ того атласа о скиѳахъ и прочее, къ нашей исторіи надлежащее, на нѣмецкій, а потомъ въ русскій языкъ пере-

вести. О чемъ, ежель достойное явится, впредь вашему превосходительству донесу.

3. Что я въ письмахъ и сочиненіяхъ моихъ иностранныя иногда слова включаю, сіе не отъ чего иного происходитъ, какъ отъ недовольнаго знанія нашихъ, свойственно къ тѣмъ дѣламъ надлежащихъ терминовъ, въ чемъ нижайше прошу милостиваго оставленія. Я никогда безъ крайней нужды такихъ иноязычныхъ словъ не употреблялъ, а впредь буду стараться, чтобъ въ лучшее свѣдѣніе нашихъ придтить и оныхъ, ежель можно, никогда уже не употреблять.

4. Милостивѣйшій государь! я охотно бъ принялся за сочиненіе русской исторіи тѣмъ методомъ, о коемъ напредь сего вашему превосходительству доносилъ, и хотя авторами, требующимися къ тому, подлинно недостаточенъ, но въ тѣхъ манускриптахъ, которыми ваше превосходительство, по отеческой своей милости, снабдить меня изволили, уповаю бо́льшая часть нужнѣйшихъ обстоятельствъ есть. Ежель похочетъ кто разсматривать Пуффендорфову шведскую гисторію, или Любнегновы вопросы о политической гисторіи, то и въ нихъ, елико до древности надлежитъ, также многія неясности и несовершенства, что́ въ нашей тѣмъ паче незазорно есть. Довольно, когда токмо методъ вообще апробуется, ибо уже къ начатому и не перемѣняя формы, дополнки чинить не трудно. У меня нынѣ три лѣтописца: 1) тотъ, о которомъ я прежде вашему превосходительству доносилъ, содержащій въ себѣ сперва греческую исторію, въ кою отъ временъ царя Константина Брадатаго нѣкоторыя славенскія, а паче болгарскія дѣянія вношены, и продолженъ до 1531 году. О древности онаго болѣе не могу донесть какъ сіе, что на послѣднемъ листу есть тутъ украинскаго письма разныя записки, въ которыхъ упоминаются годы 1629, 1634 и 1657. 2) Такого жъ письма получилъ я недавно чрезъ великую просьбу отъ одного, здѣсь находящагося офицера. Онъ тотъ же, что и вышеписанной, токмо въ первомъ находится сокращеніе къ русской исторіи, кое я прежде къ вашему превосходительству послалъ, а въ семъ нѣтъ, и сербская исторія въ немъ нѣсколько сокращена; токмо сей предпочитаю первому для того, яко онъ подписанъ на первомъ листу хорошимъ письмомъ тако: «Петръ Могила, архіепи-

скопъ метрополи кіевскои, рукою власною», и кажется нѣтъ сумнѣнія, что та рука сего въ литеральной нашей гисторіи толь знатнаго прелата. 3) Получилъ я отъ заводчика Осокина съ великимъ трудомъ, а онъ досталъ его изъ раскольническихъ рукъ; писанъ уставомъ на лощеной бумагѣ съ юсами. По штилю и по письму можно мнить, что онъ въ древности первымъ двумъ не уступаетъ, а кажется и старѣе. На первыхъ листахъ есть на немъ подпись русскимъ полууставнымъ, но плоховатымъ письмомъ тако: «архіепископъ Ѳеодосій великаго Новгорода и Пскова». Онъ сначала сходенъ со обоими вышеписанными, но въ послѣднихъ вѣкахъ россійская гисторія въ немъ гораздо обстоятельнѣе [1]). Я какъ на второй и на сей, а къ тому и на синопсисъ кіевской печати (токмо изъ онаго послѣдніе листы у меня утрачены), на страстной недѣлѣ упразднившись отъ канцелярскихъ дѣлъ, сочинилъ реестры по наставленію вашего превосходительства, за которое нижайше благодарствую. Со оныхъ реестровъ, такожъ и со оглавленія, при третьемъ имѣющагося, для познанія вашему превосходительству тѣхъ книгъ, а притомъ уже и на синопсисъ съ сдѣланнаго, осмѣлился при семъ приложить копіи, но въ томъ милостиваго оставленія прошу, что оные реестры не чисто переписаны, ибо на бѣло написанные вклеилъ я въ тѣ книги. Ваше превосходительство изъ оныхъ реестровъ изволите усмотрѣть достоинство тѣхъ книгъ, о чемъ увѣдомленія буду ожидать. Я еще обнадеженъ получить лѣтописецъ Нестеровъ, ежель не солгутъ мнѣ тѣ люди, которые меня присылкою онаго увѣрили. Къ тому жъ въ исецкую провинцію къ пріятелямъ писалъ, чтобъ ихъ, у тамошнихъ раскольниковъ развѣдывая, даставать постарались, и когда получу, то на каждой учиня реестры по предназначенному, вашему превосходительству увѣдомить не премину.

5. Сколько главъ имѣю я изъ гисторіи вашего превосходительства и чего не достаетъ, тому при семъ прилагаю роспись. Полученныя переписавъ и, когда они вашему превосходительству потребны, долженствую возвратить. Я не только всякой вашего превосходительства манускриптъ, какъ бы черно онъ ни написанъ,

---

[1]) Объ этихъ двухъ спискахъ лѣтописей Рычковъ упоминаетъ и дѣлаетъ изъ нихъ выписки въ своемъ «Введеніи къ Астраханской топографіи», М. 1774 г., стр. 6, 7.

но и тѣ письма, гдѣ токмо поправленія рукою вашего превосходительства приписанныя есть, между моими книгами за сокровище имѣю; но когда оныя главы вашему превосходительству надобны, то я ихъ всѣ, переписавъ, съ вѣрною оказіею къ вашему превосходительству отошлю. Между тѣмъ же рабски прошу остальными главами, въ знакъ вашей отеческой ко мнѣ милости, меня наградить. Какъ оныя, такъ и всѣ тѣ, кои ваше превосходительство мнѣ уже пожаловали и еще отечески жаловать обѣщать изволите, въ рукахъ моихъ тунѣ и безплодно не останутся, токмо дай Боже, дабы я чрезъ отеческія ваши милости въ такое состояніе былъ приведенъ, чтобъ въ сихъ дѣлахъ съ лучшемъ способомъ и беззазорно простираться могъ не для меня, но для пользы любезнаго отечества. А 18 главу я уже давно къ вашему превосходительству послалъ, но нынѣ въ запасъ вторично посылаю.»

6. «Впрочемъ, что до исполненія надлежитъ сего вашего превосходительства приказу, дабы мнѣ, разсмотря вашего превосходительства сочиненія, донести, какія гдѣ дополненіе или изъясненіе надлежитъ, сіе дѣло выше моей мѣры и свѣдѣнія, да и не чаю, чтобъ кто съ резономъ могъ какую либо критику на оную учинить, развѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя въ настоящія политическія дѣла имѣютъ свое втеченіе, напримѣръ, проповѣдь св. апостола Андрея и другія тому подобныя окрестности, а паче въ томъ, что отчасти къ церковной исторіи касается, купно же и въ штатскихъ дѣлахъ имѣя полное свѣдѣніе, сами все то совершенно предусмотрѣть изволите, чего я выяснить не въ состояніи. Да и сіе дерзнулъ означить не иначе, какъ въ надеждѣ вашего превосходительства отеческой ко мнѣ милости, которой я подвергаюсь.»

7. Бухарскихъ семянъ, въ томъ числѣ хлопчатой бумаги и дынныя, досталъ я отъ Абдула Сеитова, которые при семъ до васъ, милостивѣйшаго государя, посылаю. А книгу персидскую перевести здѣшній ахунъ хотя и можетъ, токмо на татарскій языкъ, а со онаго уже толмачи и подьячіе могутъ перевесть на русской, и штиль развѣ мнѣ поправлять, ибо здѣсь чистоту онаго знающихъ нѣтъ. Къ томужъ потребно вѣдать, какой матеріи та книга и коль великая. По причинѣ сего разсудилъ я писать и себя рекомендовать къ господину Шумахеру, къ которому при семъ

два письма включаю: одно русское, а другое нѣмецкое. Ежель изволите признать сіе за непротивно, то нижайше прошу при милостивой вашей рекомендаціи оба оныя къ нему отправить. А буде негодятся или ненадобны, то ихъ уничтожить. На конецъ сего, все должное мое благодареніе приношу за гисторической лексиконъ, который я при письмѣ служителя вашего Ташлыкова въ апрѣлѣ исправно получилъ. За всѣмъ же тѣмъ рабски прошу содержать меня въ отеческихъ вашихъ милостяхъ неотмѣнно, которымъ подвергаюсь и желая вашему превосходительству всецѣлаго здравія съ самопожелаемыми благополучіями есмь и до конца жизни моей пребуду

вашего превосходительства
милостивѣйшаго государя моего и отца
всепокорнѣйшій слуга
Петръ Рычковъ.

P. S. «Нижайше прошу не прогнѣваться на меня, что сіе моею рукою не писалъ за многими суетами при отправленіи почты. Его превосходительство Иванъ Ивановичь [1]) самъ къ вамъ, милостивѣйшему государю, писать обѣщалъ какъ на писаніе ваше, такъ и за поклонъ, которой отъ меня его превосходительству, по приказанію вашему, объявленъ» [2]).

Татищевъ еще въ 1741 году старался расположить въ пользу Рычкова совѣтника Академіи наукъ Шумахера и для того посылалъ къ нему списки съ писемъ и статей бывшаго своего подчиненнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы Академія наградила усердіе Рычкова серебряною медалью: «онъ самъ будетъ прилежать чимъ долѣе служить, и другіе тому поревнуются».... И другой разъ: «еще къ вамъ, моему государю, напоминаю, не возможно ли ему отъ Академіи хотя небогатой, но видной подарокъ послать»....[3]).

Въ 1744 г., Рычковъ составилъ для правительственныхъ

---

[1]) Неплюевъ, о котомъ упоминалось уже въ письмахъ Татищева.

[2]) Входящія письма 1750—1751 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

[3]) Письма Татищева къ Шумахеру 11 марта и 27 августа 1741 года, во Входящихъ письмахъ 1740—1743 гг., въ архивѣ академической конференціи.

цѣлей подробное описаніе г. Оренбурга, которое впослѣдствіи послужило основаніемъ послѣдующихъ его трудовъ объ оренбургскомъ краѣ[1]). Татищевъ спрашивалъ въ 1747 г. Шумахера, есть ли въ Академіи этотъ трудъ и обѣщалъ доставить съ своими «дополнками и изъясненіями»[2]). Когда же Татищевъ получилъ отъ Рычкова его извѣстіе о татарахъ, то сталъ просить Шумахера, чтобы онъ похлопоталъ для автора званіе совѣтника или почетнаго члена Академіи наукъ. Извѣстіе о татарахъ (оно, какъ будетъ сказано ниже, уцѣлѣло въ рукописи до нынѣ) было далеко не такое произведеніе, за которое можно бы было избрать Рычкова въ члены ученаго общества, а потому Шумахеръ, по своей обычной увертливости, не высказывая этого прямо, совѣтовалъ только Рычкову самому обратиться къ президенту Академіи наукъ, графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому, или же къ Теплову, бывшему въ большой довѣренности у него: «послѣдній, писалъ онъ 9 апрѣля 1750 г., всегда около г. президента и имѣетъ наилучшій способъ представлять о подобныхъ вещахъ его сіятельству»...[3]). Между тѣмъ Шумахеръ спрашивалъ Татищева, не знаетъ ли онъ кого нибудь, кто бы взялся перевести на русскій языкъ какую-то персидскую исторію? Когда о томъ узналъ Рычковъ, то писалъ уже прямо къ Шумахеру, что переводчика можно найти и что онъ къ тому предлагаетъ свои услуги[4]).

Письмо Рычкова Татищевъ послалъ 30 мая 1750 года къ Шумахеру и въ тоже время писалъ къ нему:

«Хотя я прежде вамъ неоднократно писалъ о г. Рычковѣ, чтобъ учинить его почтенымъ (sic) членомъ, но вашъ отвѣтъ я тогда не могъ ему сообщить.... Я хотя разумѣю что г. профессоръ Миллеръ, какъ человѣкъ преученый, и многимъ читаніемъ

---

[1]) Оно хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ киргизъ-кайсацкихъ дѣлахъ 1744 г. № 5. См. «В. Н. Татищевъ и его время» г. Н. Попова (М. 1861 г.), стр. 553.

[2]) Письмо Татищева 23 декабря 1747 г. во Входящихъ письмахъ 1744—1747 годовъ архива академической конференціи.

[3]) Исходящія письма 1749 — 1751 годовъ въ архивѣ академической конференціи.

[4]) Письма Рычкова одно на русскомъ, другое на нѣмецкомъ языкахъ, оба отъ 5 мая 1750 г., въ архивѣ академической конференціи во Входящихъ письмахъ 1750—1751 годовъ.

преисполнился, памятью и разсужденіемъ преодаренъ, однакожъ неудобно въ древней исторіи все одному изслѣдовать для того, если бы сей Рычковъ, яко великій къ тому охотникъ и способъ имѣетъ, много бы могъ послужить, если бы членомъ былъ удостоенъ. Для котораго я въ запасъ письмо г. ассесору Теплову положилъ; если разсудите, что оное можетъ быть дѣйствительно, прошу ему съ вашею рекомендаціею вручить»....[1]). Шумахеръ снова отвѣчалъ, 30 іюля 1750 г., что онъ не добился отъ Теплова никакого рѣшенія о Рычковѣ, а потому и остается въ невѣдѣніи по этому предмету[2]). Письмо Шумахера не застало въ живыхъ Татищева: онъ умеръ 15 іюля 1750 года.

Что касается до сочиненія Рычкова о татарахъ, то оно дошло до Академіи только 3 сентября 1750 года и донынѣ хранится въ русскомъ отдѣленіи ея библіотеки[3]), съ такимъ заглавіемъ: «Краткое извѣстіе о татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ татаръ разумѣются. Собрано въ Оренбургѣ изъ книгъ турецкихъ и персидскихъ и по сказкамъ бывалыхъ въ тѣхъ мѣстахъ людей къ разсмотрѣнію при сочиненіи обстоятельнаго о сихъ народахъ описанія»[4]).

«Сіе, говоритъ Рычковъ въ предисловіи, хотя и довольно вѣдомая изъ гисторіи древностей, отъ многихъ искусныхъ людей уже изслѣдованная правда, что называемые татарскіе народы суть сущее отродіе древнихъ скиѳовъ; но что собственно къ имени ихъ принадлежитъ, то есть: когда, отъ кого или отчего началось, какое имѣетъ знаменованіе, и нынѣ оное имя коимъ народамъ свойственно есть, сіе (какъ мнѣ мнится) по европскимъ гисторіямъ, видя въ нихъ толь много различныхъ сказаній, изъяснить не только трудно, но кажется и едва возможно ль, ибо изъ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Исходящія письма 1749 — 1751 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

[3]) Рычковъ полагалъ, что это сочиненіе его потерялось, потому что 18 января 1762 года писалъ къ Миллеру: «Описаніе о татарахъ, кое я сочинилъ изъ словъ и переводовъ бывшаго въ Оренбургѣ ахуна Ибраима, въ прошломъ годѣ умершаго, въ пожарной мой случай знатно утратилось, ибо я между собраніемъ тетрадокъ не нашелъ»...

[4]) Рукопись въ листъ, на 41 стр.; на концѣ значится, что сочинена Рычковымъ въ Оренбургѣ 10 апрѣля 1750 года.

всѣхъ вѣдомыхъ мнѣ вояжей, по нынѣшнему состоянію тѣхъ азіатскихъ народовъ, которыхъ мы татарами именуемъ, кажется, что бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ европейцы (ежели позволительно сказать) подъ симъ именемъ бо́льшею частію такіе народы описывали, которые сами сего имени никогда не употребляли, увѣряясь токмо сказаніямъ, а иногда и по своимъ разнымъ мнѣніямъ, не бывъ въ тѣхъ сторонахъ и не зная орижена, гдѣ подлинно татарской народъ начался, какъ и куда распространялся. Сіе сумнительство, по моему послѣднему мнѣнію, ничимъ столько изъяснено и истолковано не можетъ быть, какъ прилежнымъ снисканіемъ и исправными переводами древнихъ азіатскихъ гисторій, а паче такими, какія у самихъ тѣхъ народовъ находятся, которыхъ ежель у живущихъ въ Россіи нѣтъ, то изъ Бухаръ и изъ другихъ тамошнихъ землицъ достать не невозможно, что̀ особъ зависитъ отъ мудраго предусмотрѣнія всероссійской императорской Академіи Наукъ, а паче когда по благоизобрѣтенію и соизволенію ея въ здѣшней сторонѣ такіе люди будутъ къ тому употреблены, которые къ гисторіи натуральную склонность и охоту имѣютъ съ свѣдѣніемъ европскихъ языковъ, безъ чего въ сочиненіяхъ оной прямой методъ познать не безъ труда, ибо одинъ переведенной изъ сего роду на европскіе языки Абулгази Багадуръ ханъ, по многимъ окрестностямъ, едва доволенъ-ли всѣ тѣ трудности и потребности изъяснить, которыя у любопытныхъ въ разсужденіи сихъ народовъ происходятъ. Нужность сего изъясненія тѣмъ паче уважается, что не только скиѳское, но и татарское имя въ россійскую нашу гисторію имѣетъ нѣкакую инфлюенцію. И хотя я, по волѣ одного моего милостиваго благодѣтеля [1]) и по моей особливой склонности къ гисторіи, съ недавно отправленными изъ Оренбурга до Бухары и далѣе купцами заказалъ, чтобъ, не жалѣя денегъ, о тамошнихъ народахъ гисторическія книги, хотя бъ онѣ и на арабскомъ языкѣ были, даставить; кои въ заведенной при Оренбургѣ школѣ съ арабскаго на татарской, а съ татарскаго на русской перевести не невозможно; но получу-ль и какъ скоро, того не знаю. Между тѣмъ же имѣя отъ него повелѣніе, чтобъ о сихъ народахъ вѣдомое мнѣ объявить къ тому, еже онъ прежде изо-

[1]) Конечно Татищева.

бразилъ, не могъ преминуть, дабы въ разсмотрѣніе не донесть того, что я чрезъ мою не маловременную здѣсь бытность отъ учеными махометанъ слыхалъ и изъ ихъ книгъ чрезъ переводы, такожъ и по званію моему изъ дѣлъ извѣстился»...

О различныхъ названіяхъ татарскихъ народовъ, происхожденіи и первоначальныхъ мѣстахъ ихъ жительства Рычковъ почерпалъ изъ источниковъ, которые описываетъ такъ: «все вышеписанное не съ словъ, но изъ книгъ собрано, а по бо́льшей части изъ печатнаго турецкаго атласа, который по турецки именуется Джиганнаме и учиненъ изъ гисторическихъ и географическихъ арабскихъ и латинскихъ книгъ географами турецкими Ибрагимомъ и Абубекиромъ, по повелѣнію султана Магомета, употребя притомъ разныя на персидскомъ языкѣ гисторическія книги и описанія авторовъ Ларунса Батламююса и Фялпуса, которыя здѣсь въ Оренбургѣ у вышепомянутаго ахуна и у переводчика Уразлина находятся».

III.

1751 — 1758 годы.

Поѣздка Рычкова въ Петербургъ съ представленіями о торговлѣ съ Индіею. Значеніе чиновъ въ прошедшемъ столѣтіи. Переводы Рычкова съ нѣмецкаго. Посылка къ Ломоносову въ рукописи «Оренбургской Топографіи». Недоразумѣніе по поводу періодическаго изданія «Ежемѣсячныя сочиненія». Начало переписки съ академикомъ Миллеромъ. Сотрудничество Рычкова въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ».

Послѣ князя Урусова и генералъ-лейтенанта Соймонова, въ 1742 году, начальникомъ Рычкова сдѣлался Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, извѣстный въ исторіи русской литературы какъ авторъ Записокъ, которыя впослѣдствіи напечатаны въ журналѣ Свиньина «Отечественныя Записки». Рычковъ, находясь при Неплюевѣ «безотлучно», не распространяется однако въ автобіографіи своей о служебной дѣятельности: «сколько, гдѣ и при какихъ дѣлахъ былъ я, говоритъ онъ, употребляемъ — сіе описывать оставляю, избѣгая тщеславія. Все сіе по дѣламъ оренбургской коммиссіи, а потомъ губернской канцеляріи останется вѣдо-

мо»... Изъ «Исторіи оренбургской» видно, что въ 1744 году Неплюевъ бралъ Рычкова съ собою въ Москву, и въ эту поѣздку ихъ въ сенатѣ были утверждены разныя предположенія по будущему управленію Оренбургскимъ краемъ. Между прочимъ 15 марта 1744 года учреждена Оренбургская губернія, въ которую первымъ губернаторомъ назначенъ тотъ же Неплюевъ.

Въ 1751 г. Рычковъ былъ отправленъ своимъ начальникомъ въ Петербургъ «съ представленіями объ оренбургской коммерціи и о распространеніи оной въ полуденную Азію даже до Индіи. При сихъ представленіяхъ я жъ, замѣчаетъ Рычковъ въ Запискахъ, былъ употребленъ»....[1]). Въ Петербургѣ, 11 іюля 1751 г., Рычковъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника, о чемъ и упомянуто имъ въ автобіографіи, какъ о событіи чрезвычайной для него важности. Еще въ 1743 году, Неплюевъ ему выхлопоталъ за усердную службу земли въ Оренбургскомъ краѣ, на которыхъ, между прочимъ, онъ и поселилъ

[1]) Нѣсколько лѣтъ спустя, Рычковъ разсказывалъ объ этомъ: «Учрежденная въ Оренбургѣ съ хивинцами и бухарцами и съ другими азіатскими народами коммерція толико пріумножилась, что не упоминая о вывозѣ многаго числа золота и серебра, и самыя дорогія каменья и другіе, изъ Индіи выходящіе товары въ привозѣ быть стали, чимъ твердость и важность полезныхъ намѣреній премудраго и самимъ Богомъ просвѣщеннаго ея (императрицы Елизаветы) родителя самимъ уже дѣломъ объявились. Приращеніе годъ отъ году толь сильной и для россійскихъ подданныхъ весьма полезной коммерціи оренбургскимъ главнымъ командирамъ, по даннымъ инструкціямъ и указамъ, всегда было предметомъ и побужденіемъ умножать ее посылкою россійскихъ каравановъ въ Хиву и Бухарію и приласканіемъ азіатскихъ купцевъ, дабы чрезъ то отъ времени до времени отворять путь въ Восточную Индію, отводя между тѣмъ киргизъ-кайсацкой народъ отъ обыкновеннаго имъ купеческихъ каравановъ грабительства и склоняя оный разными средствами къ спокойному житію и къ безопасному тѣхъ каравановъ препровожденію»... Съ представленіями по этому предмету Неплюевъ и генералъ-маіоръ Тевкелевъ послали Рычкова. «И хотя на все то (въ сенатѣ и иностранной коллегіи)... благосклонныя опредѣленія учинены; по особливому же той коллегіи разсмотрѣнію его, Рычкова,... для произведенія того въ дѣйство, какъ знающаго всѣ тѣ дѣла и порядки употребить разсуждено; но, по опредѣленію правительствующаго сената, для другихъ резоновъ и нуждѣйшихъ надобностей, онъ, Рычковъ, удержанъ при тайномъ совѣтникѣ Неплюевѣ товарищемъ, а вмѣсто его велѣно было опредѣлить къ тому другаго на томъ же основаніи, какъ объ немъ, Рычковѣ, вышерѣченная коллегія представляла. Однакъ все то, за разными обстоятельствами, продолжалось и понынѣ (1763 г.) осталось безъ исполненія»... См. статью Рычкова: «Мнѣніе о распространеіи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіатскія стороны и о средствахъ, къ тому надлежащихъ» при письмѣ къ Миллеру отъ 13 декабря 1763 года, въ Письмахъ къ послѣднему, портфель XXIV въ архивѣ академической конференціи.

деревню, впослѣдствіи село Спасское; но эту награду, какъ легко замѣтить изъ Записокъ Рычкова, онъ считалъ далеко не такъ важною, какъ полученіе на сороковомъ году жизни чина коллежскаго совѣтника. Оставивъ на память своимъ дѣтямъ и докладъ по этому случаю Неплюева и форменный указъ, онъ пишетъ притомъ: «И понеже сіе чрезвычайное, послѣдовавшее мнѣ пожалованіе почитаю я за особливое божеское смотрѣніе и ея величества къ вѣрнымъ подданнымъ за щедрое милосердіе и за великое въ жизни моей благополучіе, то какъ съ онаго о мнѣ отъ его превосходительства представленія (въ коемъ всѣ мои службы сокращенно означены), такъ и съ воспослѣдовавшаго на то именнаго ея императорскаго величества высочайшаго и всемилостивѣйшаго указу вамъ (т. е. дѣтямъ) для знанія и памяти прилагаю при семъ копію. Я признаюся, что, по слабости человѣческой, не рѣдко случалося мнѣ въ грусть и въ сожалѣніе приходить, разсуждая о моей службѣ и часто видя, что мои сверстники, въ полковой службѣ находящіеся, по одной ихъ линіи и по старшинству чинами меня превосходили и въ благополучіяхъ своихъ предуспѣвали; но по той воспослѣдовавшей со мною божеской и монаршей милости остается вамъ собственной и домашній примѣръ, какъ Богъ трудящихся призираетъ и склоняетъ монаршескія сердца къ милосердію и награжденію оныхъ. Совѣтую и подтверждаю вамъ: ввѣренныя вамъ дѣла (не смотря на то, что другіе съ меньшимъ трудомъ и достоинствомъ васъ чинами превосходятъ), по присяжной вашей должности, не ослабѣвая, но тщательно и трудолюбиво во всѣхъ случаяхъ съ неизмѣнною надеждою божеской и монаршеской милости наблюдать и исполнять и простую нашу пословицу: за Богомъ молитва, а за государемъ служба никогда не пропадаетъ, — за достовѣрную въ памяти имѣть и вѣрить словамъ премудраго Сираха: царево сердцѣ въ рукѣ божіи. Я вамъ сіе за правило и наставленіе предаю и еще подтверждаю: несмотря ни на какія затрудненія и помѣшательства, въ должностяхъ вашихъ прилежность умножать и трудъ къ трудамъ прилагать, крѣпко надѣяся о событіи оной пословицы, которая на мнѣ, отцѣ вашемъ, самымъ дѣломъ исполнилась!»....

Рычковъ отмѣтилъ также въ автобіографіи, что въ тогдашнее пребываніе его въ Петербургѣ графъ Алексѣй Петровичъ

Бестужевъ-Рюминъ, всѣ сенаторы и въ особенности помянутый въ предыдущей главѣ (стр. 11) князь Михаилъ Бѣлосельскій принимали его очень милостиво. Впрочемъ, служебные хлопоты и чинолюбіе не помѣшали Рычкову удѣлять досуги и на дѣла, не похожія на канцелярскія. Въ ожиданіи отъѣзда въ Оренбургъ, онъ, по его словамъ въ Запискахъ, «увидѣлъ въ академической книжной палатѣ одно нравоучительное письмо, съ греческаго на германскій языкъ переведенное. Оно хотя отъ язычника и прежде Рождества Христова лѣтъ за 300 отъ оратора Сократа къ Денонику (сыну его друга Гиппоника) писано, но, просмотрѣвши, нашелъ въ немъ много общихъ и такихъ правилъ, которыя я,... не читавши еще письма того, въ мысляхъ воображалъ»... Поэтому Рычковъ купилъ письмо и въ Петербургѣ же перевелъ его, исключивъ послѣ изъ него все то, что по его мнѣнію казалось излишнимъ для русскаго читателя.

Нѣтъ сомнѣнія, что тогда же Рычковъ познакомился и съ Ломоносовымъ, который въ то время уже пользовался, какъ писатель, огромною извѣстностью. Въ 1755 году Рычковымъ была окончена первая часть главнѣйшаго изъ его трудовъ «Оренбургская топографія», и онъ поспѣшилъ отправить ее въ рукописи къ Ломоновову (2 февраля, 1755 года). Напоминая въ письмѣ о благосклонности, которую Ломоносовъ выказывалъ ему во время пребыванія его въ Петербургѣ, Рычковъ просилъ разсмотрѣть его трудъ, исправить погрѣшности и, наконецъ, представить Академіи Наукъ[1]). 1-го іюня 1755 года, онъ препроводилъ «Оренбургскую Топографію» прямо отъ себя въ Академію, при чемъ писалъ, что въ предисловіи къ изданному ею 1745 года Атласѣ россійской имперіи приглашались любители географіи содѣйствовать ученому обществу къ усовершенствованію и исправленію картъ Россіи, и что именно по этому онъ приступилъ, по правиламъ, изложеннымъ въ томъ же предисловіи, къ составленію спеціальныхъ картъ оренбургскаго края, а для объясненія ихъ написалъ «Оренбургскую Топографію»[2]).

Карты и сочиненіе Рычкова разсматривались въ академической конференціи 31 іюля и 2 августа 1755 года. Въ оба раза

[1]) Записки Академіи Наукъ 1865 г., т. VIII, прил. № 7, стр. 68, 69.
[2]) Архивъ академической канцеляріи, книга, іюль 1755 г. за № 201.

присутствовалъ Ломоносовъ, и собраніе одобрило къ изданію труды Рычкова[1]). Впослѣдствіи времени онъ разсказывалъ: «Михайло Васильевичъ Ломоносовъ персонально меня знаетъ. Онъ получа первую часть моей «Топографіи», письмомъ своимъ весьма ее расхвалилъ; далъ мнѣ знать, что она отъ всего академическаго собранія аппробована; писалъ, что пріятели и непріятели (употребляю точныя его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырѣзать на мѣди»...[2]).

Между тѣмъ, еще въ 1751 году при Академіи Наукъ списано было начало статьи Рычкова (но безъ указанія его имени): «Разговоры о коммерціи», той самой, о недостаточности которой писалъ Татищевъ автору въ февралѣ 1750 года (см. выше стр. 19). Рукопись до 1755 года лежала въ Академіи безъ употребленія, а въ этомъ году академикъ Миллеръ, начавъ издавать «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія», въ февральскомъ и апрѣльскомъ нумерахъ журнала помѣстилъ статью Рычкова, подъ заглавіемъ «Переписка между двумя пріятелями о коммерціи»[3]) и подписалъ подъ нею, вмѣсто имени сочинителя, буквы N. N. Въ концѣ выражена была надежда издателя, что авторъ «не оставитъ продолжать свои разсужденія, которыя ожидать мы будетъ тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ больше надѣемся внесеніемъ оныхъ въ сіи наши сочиненія показать любопытствующимъ въ дѣлахъ, до коммерціи касающихся, пріятную услугу». Прочитавъ это, Рычковъ 3 мая 1755 года поспѣшилъ довести до свѣдѣнія Академіи, что авторъ Письма о коммерціи— онъ: «и хотя я не свѣдомъ, какъ и чрезъ кого то мое письмо императорской Академіи Наукъ сообщено, но по благосклонному ея разсмотрѣнію, увидѣлъ его въ печать изданное, не мало тѣмъ обрадованъ»[4]). Рычковъ прислалъ тогда и потомъ 28 іюня тог же года продолженія статьи. При этомъ ему вообразилось, что издателемъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій и переводовъ» не можетъ быть кто нибудь другой кромѣ его петербургскаго знакомца —

---

[1]) Протоколы академической канцеляріи 1754—1757 годовъ.

[2]) Письмо къ Миллеру 17-го мая 1760 г., въ Запискахъ Академіи Наукъ 1865 года, т. VIII, прил. № 7, стр. 68, 69.

[3]) Ежемѣсячныя сочиненія 1755 г. стр. 105—122, 307—338.

[4]) Архивъ академической канцеляріи, книга іюль 1755 г., № 201.

Ломоносова, такъ благосклонно отозвавшагося объ «Оренбургской топографіи». Вслѣдствіе того онъ послалъ прямо къ нему третье письмо о коммерціи, вмѣстѣ съ замѣчаніями касательно исправленія русскаго атласа. Это недоразумѣніе провинціала возбудило неудовольствіе Ломоносова. Извѣстно изъ обнародованныхъ въ послѣднее время матеріаловъ, что онъ, по непріязни къ Миллеру, съ самой первой книжки академическаго журнала, враждебно относился къ нему и старался затруднять изданіе его всѣми зависящими способами. Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру, разсказываетъ самъ, какъ принялъ Ломоносовъ его послѣднее письмо: «онъ отозвался ко мнѣ, оказывая свое неудовольствіе объ этихъ книжкахъ (т. е. Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ) и что оныя мои пьесы подлежатъ нѣкоторой критики (хотя я ихъ, да и всѣ мои сочиненія дѣлалъ не ради того, чтобъ имъ въ печати быть, но для разсмотрѣнія отъ искуснѣйшихъ); совѣтовалъ мнѣ трудиться и его увѣдомлять о принадлежащемъ къ исторіи натуральной. Съ того времени прекратилъ я мою съ нимъ переписку. Я примѣтилъ, что онъ мѣсячныя изданія порочилъ напрасно, а отъ меня требовалъ того, что мнѣ, по незнанію моему, исполнить было трудно. Не сіе-ль приводитъ его въ движеніе, когда мое имя упоминается, но можетъ быть я и ошибаюсь?»...[1]).

Продолженіе «Писемъ о коммерціи» напечатано Миллеромъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», декабрской книжкѣ 1755 года (стр. 493 — 515). Въ первомъ разсказывается о торговлѣ по свидѣтельствамъ въ книгахъ Св. Писанія и древнихъ писателей, а потомъ слѣдуетъ весьма поверхностный историческій очеркъ русской торговли. Въ четвертомъ, послѣднемъ письмѣ сообщены, по словамъ Рычкова «тѣ мои примѣчанія, которыя я, по моей въ купеческихъ дѣлахъ небольшой практикѣ, всегда признавалъ за важныя»... Здѣсь есть свѣдѣнія, полезныя и для нашего времени, такъ какъ они даютъ понятіе о потребностяхъ и нуждахъ въ дѣлѣ русской торговли болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до насъ. Помѣщенное въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1757 года[2]) «Про-

[1]) Записки Академіи Наукъ, 1865 г., т. VIII, прил. № 7, стр. 71. Отвѣтъ Рычкова Ломоносову (26 августа 1755 г.) напечатанъ въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова» г. Билярскаго, стр. 299.

[2]) Январь, стр. 50—60.

долженіе переписки о коммерціи» написано уже самимъ Миллеромъ, чтобы подбить, какъ онъ говорилъ, Рычкова на дальнѣйшую присылку статей о торговлѣ. Въ томъ же журналѣ[1]) Миллеръ напечаталъ «Предложеніе, какъ исправить погрѣшности, находящіяся въ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о россійскомъ государствѣ», гдѣ говорится, что для русскихъ уже наступило время, когда имъ надобно своими сочиненіями опровергнуть всѣ ошибки и невѣрности иностранныхъ писателей о Россіи и что прежде всего необходимо составить покрайней мѣрѣ краткія русскія исторію и географію. «Но къ сему дѣлу требуется много времени и едва остается надежда, чтобъ обстоятельная исторія и достаточное описаніе Россіи могли когда на свѣтъ быть изданы, развѣ во всякой губерніи будетъ человѣкъ искусствомъ и прилежаніемъ подобный г. совѣтнику Рычкову въ оренбургской губерніи, который въ прошедшемъ году прислалъ въ Академію Наукъ описаніе помянутой губерніи съ преизрядными ландкартами»...

Для привлеченія Рычкова къ сотрудничеству въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», Миллеръ не ограничился однѣми печатными похвалами, но вступилъ съ нимъ въ переписку. Въ написанномъ по русски 28 іюля 1757 года письмѣ (послѣ Миллеръ писалъ къ Рычкову по нѣмецки), исторіографъ просилъ о доставленіи подробностей о торговлѣ въ Оренбургѣ, Астрахани и Темерниковѣ по образцу составленнаго имъ описанія о сибирскихъ торгахъ.

«Я бы желалъ, писалъ при томъ Миллеръ, чтобъ ваше высокородіе описали особливо оренбургскую коммерцію по всѣмъ ея обстоятельствамъ, взявъ въ примѣръ мое описаніе[2]) о сибирскихъ торгахъ, а буде во извѣстіяхъ не появится недостатокъ, то и астраханскую и темерниковскую. Нѣкоторый мой пріятель у города Архангельскаго обѣщалъ описать архангелогородскую, а другимъ надобно описать украинскую, бѣлогородскую, и малороссійскую, смоленскую, рижскую, ревельскую, выборгскую и тѣмъ

---

[1]) 1757, мартъ, стр. 124.

[2]) Бантышъ Каменскій, въ «Словарѣ достоп. людей», СПБ. 1847 г., III, стр. 279, несправедливо приписалъ это сочиненіе Ѳ. И. Соймонову. Ошибка въ «Словарѣ» перешла потомъ въ «Пермскій сборникъ» (Москва, 1860 г.), въ приложеніи ко 2-й книжкѣ, стр. III, IV.

подобныя части коммерціи, не упоминая о санктпетербургской, понеже я оную, получивъ свободное время, самъ для себя оставляю. Такимъ образомъ можно будетъ со временемъ собрать полное описаніе коммерціи всея россійскія имперіи, яко дѣло не маловажное, въ чемъ мы имѣли по сіе время недостатокъ. Я не могу гакже оставить, чтобъ васъ не просить о сообщеніи второй части Оренбургской вашей Топографіи. Первая часть давно всѣмъ академическимъ собраніемъ аппробована, чтобъ напечатать, а карты — вырѣзать на мѣди; токмо за многими другими дѣлами оное еще не учинено. Вы изволите вѣдать по Росписи губерніямъ, что я употребилъ въ пользу нѣкоторыя, въ первой части находящіяся извѣстія [1]). Ежели вы найдете сверхъ того что̀ къ прибавленію и поправленію, то прошу мнѣ оное сообщить, а я къ вамъ посылаю при семъ описаніе о торгахъ и роспись губерніямъ, въ особливыхъ книгахъ напечатанныя для лучшей способности при употребленіи оныхъ»... [2]).

Рычковъ былъ чрезвычайно доволенъ и предложеніями и тѣмъ, что Миллеръ печатно отозвался съ похвалою о немъ. Послѣ благодареній за то, въ письмѣ 6 сентября 1757 г. онъ писалъ къ нему:

«О коммерціи оренбургской въ Топографіи моей кратко отъ меня уже упомянуто, но когда потребно обстоятельнѣйшее, то сіе сочиненіе большаго труда не сдѣлаетъ, потому что на тотъ торгъ, который въ Оренбургѣ съ азіатскими народами на подобіе ярмарки производится, въ оренбургской губернской канцеляріи установленныя отъ меня по алфабету подробныя вѣдомости есть. А и провинціальные торги описать не трудно, что̀ я намѣрялся внесть во вторую часть моей Топографіи. Можетъ быть, что въ состояніи буду я астраханскую коммерцію такъ, какъ вы желаете, описать; но ко описанію темерниковской, по ея новости и отдале-

---

[1]) «Роспись губерніямъ, провинціямъ, городамъ, крѣпостямъ и другимъ достопамятнымъ мѣстамъ, въ россійской имперіи находящимся» помѣщалась въ академическихъ календаряхъ, а потомъ съ поправками напечатана въ первыхъ книжкахъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» 1757 года.

[2]) Портфель Писемъ Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 годовъ въ архивѣ академической конференціи.

нію, никакого способу у насъ не находится....[1]). Въ надеждѣ оказанной ко мнѣ вашей благосклонности, осмѣлился я нынѣ на ваше разсмотрѣніе послать одну пьесу о деревенскомъ житьѣ. Не годится-ль она съ дополненіемъ и поправленіемъ вашимъ въ мѣсячныя сочиненія, безъ употребленія моего имени? Я ее, какъ вы сами изволите усмотрѣть, по бо́льшей части собралъ изъ книги г. фонъ-Рора, названной Haushaltungs-Bibliotheck, употребляя на то въ здѣшнемъ деревенскомъ житьѣ свободные часы[2]). Еще другую, такую жъ пьесу о земледѣліи такъ какъ оно въ здѣшнихъ мѣстахъ производится, надѣюсь вскорѣ окончить, которую въ свое время до васъ же отправлю; а затѣмъ и о другихъ частяхъ экономическихъ, ежель время допуститъ, намѣренъ вѣдомое мнѣ писать и, буде дозволите, къ вамъ же на разсмотрѣніе сообщать; ибо я за самое нужное и полезное дѣло почитаю, чтобъ оное такъ, какъ и коммерція по губерніямъ или провинціямъ, описано было, изъ чего можетъ со временемъ и у насъ собственная экономическая книга составлена быть; вмѣсто того, что понынѣ почти все иностранныя употребляются, въ коихъ съ состояніемъ нашихъ мѣстъ сходственнаго весьма мало находится».

Въ ноябрской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» на 1757 годъ, стр. 405 — 430, посланная Рычковымъ статья напечатана, подъ заглавіемъ «Письмо о упражненіи въ деревенскомъ житіи». Здѣсь, какъ и самъ авторъ ея сознается, сущность заимствована изъ названнаго выше сочиненія Рора. Между прочимъ Рычковъ тамъ прибавилъ отъ себя такое замѣчаніе: «ежели бъ у нашихъ дворянъ къ береженію лѣсовъ и къ содержанію въ нихъ всякаго рода животныхъ такія учрежденія были, какія въ Европѣ дѣлаются, и какъ о томъ въ экономическихъ книгахъ пишутъ, а дворовыхъ людей, коихъ у насъ обыкновенно въ излишествѣ и въ

---

[1]) Въ «Географическомъ лексиконѣ россійскаго государства» Ѳ. Полунина (М. 1773 г.) о Темерниковѣ сказано, что это была казачья станица на лѣвомъ берегу р. Дона отъ Черкасскаго внизъ въ 80-ти верстахъ, при устьѣ рѣчки Темерника. Здѣсь при императрицѣ Елизаветѣ начата постройкою крѣпость св. Дмитрія, а при Екатеринѣ II учреждена таможня для торга съ Турціею. Въ 1765 г. здѣсь было получено таможенныхъ доходовъ съ приходившихъ изъ Константинополя судовъ и съ отпускныхъ за границу товаровъ 43.867 руб. 4½ коп. Свѣдѣнія о томъ въ Государств. архивѣ, разрядъ XIX.

[2]) Письмо это Рычковъ писалъ изъ своего села Спасскаго.

праздности не мало бываетъ, и отъ того они часто тунеядцами дѣлаются и въ безпутное житіе впадаютъ, — къ егерству такъ, какъ гдѣ состояніе мѣстъ требуетъ, обучать, то по моему мнѣнію и отъ сего не малая бъ польза послѣдовать могла»...

Рычковъ послалъ также къ Миллеру и переводы свои съ нѣмецкаго: Письмо Сократа къ Денонику, о которомъ уже было говорено (стр. 34), а другое отъ матери къ дочери изъ изданія Der Welt-Bürger. Оба перевода напечатаны въ апрѣльской книжкѣ «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» 1758 г., стр. 326 — 358, безъ обозначенія имени переводчика, какъ онъ самъ о томъ просилъ. Эти переводы Рычковъ въ автобіографіи своей предлагаетъ читать дѣтямъ и подражать ему въ жизни: «хотя, говоритъ онъ, во мнѣ, любезные мои дѣти, такихъ совершенствъ подлинно нѣтъ; добродѣтелью и знаніемъ во многомъ оскудѣваю, однакъ ласкаю себя надеждою, что не всѣ васъ возненавидятъ и не всѣ васъ будутъ охуждать, когда вы въ молодыхъ своихъ лѣтахъ и всегда также себя поведете, какъ я съ молоду жилъ. Да и нынѣшнее мое, вами видимое и понятное уже поведеніе безчестно и безполезно вамъ не будетъ, когда вы также поступать станете»...

IV.

1759 — 1769 годы.

Избраніе Рычкова въ члены корреспонденты Академіи Наукъ. Нерасположеніе Ломоносова. Отставка и жизнь Рычкова въ деревнѣ. Начало автобіографіи. Хлопоты о поступленіи вновь на службу. Представленіе императрицѣ Екатеринѣ II. Возвращеніе на службу въ Оренбургъ.

Выше было уже говорено о ходатайствѣ Татищева, чтобы Рычковъ былъ принятъ въ почетные члены Академіи Наукъ. По вступленіи послѣдняго въ переписку съ Миллеромъ, у него снова явилась надежда достигнуть того, что не удалось сдѣлать для него Татищеву. Въ письмѣ къ Миллеру, безъ года и числа, но очевидно писанномъ въ концѣ 1759 года, Рычковъ такимъ образомъ изъяснялся по этому предмету:

«Государь мой! Вашему высокоблагородію довольно извѣстно, что въ оренбургской губерніи, гдѣ я при дѣлахъ съ 1734 году нахожусь, какъ внутрь оной, такъ и въ смежныхъ къ ней провинціяхъ, т. е. въ Хивѣ, въ Бухаріи, въ Балхѣ и далѣе, весьма много такихъ обстоятельствъ, кои въ разсужденіи всѣхъ частей гисторіи достойны описанія. И хотя я сначала бытности моей тамъ по охотѣ моей, старался и всегда стараюсь, дабы чрезъ посылаемыхъ въ тѣ мѣста, гдѣ что-либо куріозное есть, достовѣрно развѣдывать, а иногда и описывать, какъ то нѣсколько видно изъ первой части Топографіи моей, коя по вашему увѣдомленію, уже и академическимъ собраніемъ аппробована; но еще болѣе, уповаю, окажется во второй ея части при подробномъ описаніи тамошнихъ мѣстъ; кою желательно мнѣ въ наступающемъ годѣ вашему жъ высокоблагородію на разсмотрѣніе сообщить. Критика и негодованіе, которымъ новыя дѣла часто подвержены бываютъ, и у насъ въ тѣхъ моихъ стараніяхъ не рѣдко самые лучшіе случаи изъ рукъ у меня отнимаютъ, ибо почитается то иногда за ненадобное, а иногда къ должности моей за непринадлежащее. И такъ я, видя вашу ко мнѣ особливую благосклонность и ласкаясь тѣмъ милостивымъ признаніемъ, кое въ разсужденіе гисторіи обо мнѣ напечатать и тѣмъ въ публику явить уже изволили [1]), осмѣлился нынѣ на ваше разсужденіе то самое сообщить, что желалось мнѣ на словахъ вашему высокоблагородію донести.

«Ежели бъ возможно и непротивно было, стараніемъ и предстательствомъ вашимъ въ разсужденіе первой части описанія моего объ оренбургской губерніи (кою толь милостиво принять и аппробовать уже соизволили), по силѣ регламента императорской Академіи Наукъ причислить меня за то въ титулярные ея члены для гисторіи и объ ономъ въ оренбургскую губернскую канцелярію дать знать, то тѣмъ не только бъ подались мнѣ лучшіе и удобнѣйшіе способы все то свободно и охотно исполнять, что въ нашей сторонѣ оная Академія признаетъ и меня опредѣлитъ (sic), но и отъ всякаго нареканія и негодованія совершенно бъ уже свободенъ я былъ».

Миллеръ взялся хлопотать объ этомъ и 30 марта 1758 года

---

[1]) См. выше, стр. 37.

представлялъ академической канцеляріи, что Рычковъ — «человѣкъ такой, отъ котораго Академія впредь имѣть можетъ не малую пользу»: онъ обѣщалъ доставлять карты, составлявшіяся при оренбургской губернской канцеляріи, и успѣлъ уже сообщить нѣсколько статей, напечатанныхъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и переводахъ». «Токмо онъ, прибавлялъ Миллеръ, въ награжденіе за сію службу проситъ о опредѣленіи его въ академическіе почетные члены. Того ради канцеляріи Академіи Наукъ представляю: не соблаговолено ли будетъ о томъ учинить опредѣленіе»... Сначала это представленіе имѣло мало успѣха, и Миллеръ писалъ къ Рычкову 30 мая 1758 года: «дѣло о принятіи вашего высокородія почетнымъ членомъ нашей Академіи еще въ прежнемъ состояніи. Его сіятельство г. президентъ обѣщалъ, но примѣра еще такова нѣтъ и не безъ охотниковъ, которые того желаютъ. И больше кажется, что надлежитъ прежде почтить симъ званіемъ нѣкоторыхъ изъ первѣйшихъ господъ здѣшнихъ»...[1]).

Въ ноябрѣ 1758 г. Миллеръ повторилъ свое представленіе уже на имя президента Академіи Наукъ, а 21 января 1759 года академическая канцелярія составила докладъ, подписанный Ломоносовымъ, Таубертомъ и Штелинымъ, въ которомъ послѣ выписки изъ ходатайства Миллера о Рычковѣ, слѣдуетъ: «а по мнѣнію канцеляріи академической кажется, что для важности и славы Академіи Наукъ безъ дальняго разсмотрѣнія въ оную членовъ не принимать, а особливо тѣхъ, кои общаго въ ученомъ свѣтѣ латинскаго языка основательно не знаютъ и главныхъ, ученому человѣку необходимо нужныхъ словесныхъ наукъ, также математики по послѣдней мѣрѣ элемантарной и философіи

---

[1]) Въ портфель писемъ истор. Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 гг. въ архивѣ академической конференціи. Вообще съ 1758 г. у Миллера возникла довольно оживленная и обширная переписка съ Рычковымъ. Первый обыкновенно писалъ по нѣмецки, второй ствѣчалъ по русски и сначала извинялся въ томъ. Такъ напр. 20 августа 1758 г. онъ сообщалъ Миллеру: «я на ваше нѣмецкимъ языкомъ написанное отвѣтствую моимъ природнымъ, да и то не моею рукою. Сему причина съ одну сторону слабость и погрѣшности, которыя я, пишучи по нѣмецки, въ себѣ нахожу, а съ другую настоящая недосужность; но я всегда не только за равное, но еще и за бо́льшее мое удовольствіе буду почитать, когда вы на мои письма, по русски писанныя, на вашемъ природномъ языкѣ писать изволите, чрезъ что въ лучшемъ штилѣ онаго не мало профитовать надѣюсь»...

не разумѣютъ; но только тѣхъ по разбору въ члены вписывать, которые въ вышепомянутомъ знаніе имѣютъ, а особливо себя показали въ чемъ ученому свѣту. Но ежели кто хотя вышепомянутыхъ знаній, требуемыхъ для надлежащаго члена, не имѣетъ, а можетъ какими записками и извлеченіями служить Академіи, такихъ принимать въ корреспонденты, и для того по примѣру парижской Академіи Наукъ, не соблаговолено ли будетъ учредить классъ корреспондентовъ, которымъ на то давать дипломы». Гр. Разумовскій утвердилъ этотъ докладъ, и академическая канцелярія, 28 января 1759 г., давая знать конференціи объ учрежденіи корреспондентовъ, присовокупила: «а онымъ корреспондентамъ давать дипломы, и начать сіе учрежденіе принятіемъ въ такіе корреспонденты, съ даніемъ дипломы, коллежскаго совѣтника Рычкова[1]).

По полученіи увѣдомленія объ этомъ, Рычковъ нѣсколько разъ успльно просилъ Миллера о скорѣйшей высылкѣ къ нему диплома. Полученіе его отмѣчено въ запискахъ Рычкова между достопамятными событіями въ жизни его 1759 года. Подлинные дипломъ на латинскомъ языкѣ и нѣмецкое письмо о немъ Миллера, сохраняются у потомка Петра Ивановича — Дмитрія Николаевича Рычкова. Переводы съ этихъ бумагъ помѣщены также въ запискахъ. Здѣсь приводится письмо Миллера въ переводѣ на русскій языкъ самого Рычкова.

«Высокоблагородный господинъ совѣтникъ! При семъ получаете вы диплому о принятіи васъ въ число академическихъ корреспондентовъ. Оно служитъ въ доказательство, коимъ образомъ Академія, съ одну сторону уважая заслуги вашего высокоблагородія, которыя вы къ поспѣшествованію наукъ и къ пользѣ отечества уже учинили, а съ другую, сколько желаетъ она впредь имѣть пользы отъ прилежанія и искусства вашего. Вы еще первые въ Россіи, которому отъ нея сія честь отдается. Оную получаете вы не чрезъ исканіе ваше, ниже по представленію вашихъ друзей, ибо вы сами персонально Академіи незнаемы, но свѣдомы единственно по вашимъ письмамъ, которыя вы, для распространенія наукъ и для споспѣшествованія общей пользы, со-

[1]) Архивъ академической канцеляріи, кн. № 239.

чинили, такожъ и чрезъ вашу, бывшую со мной корреспонденцію, чрезъ которую Академія различными образы пользы свои имѣла. Сіи обстоятельства изъявляютъ нынѣ сущее достоинство тоя дипломы. Теперь зависитъ отъ вашего высокоблагородія ту надежду, которая Академія на васъ имѣетъ, отъ времени до времени наиболѣе возращать. Впрочемъ, ежель что есть и Академія найдется въ состояніи что либо въ угодность вашу учинить, то какъ его сіятельство г. президентъ, такъ и все наше собраніе и каждый членъ онаго почтутъ то за свое удовольствіе. Я же и пр.

Говоря о Рычковѣ, Миллеръ печатно придавалъ ему первоначально титулъ «члена корреспонденціи» вм. члена корреспондента, и это для Ломоносова было поводомъ къ нападкамъ на Миллера. Послѣдній 17 апрѣля 1760 г. писалъ Рычкову: «при семъ имѣете вы получить двадцать отдѣльныхъ отисковъ описаніе пещеры... Вы замѣтите перемѣну въ вашемъ титулѣ; но это произошло не отъ меня, а отъ г. совѣтника Ломоносова. Онъ распорядился такъ въ типографіи, а я замѣтилъ это не прежде, какъ мнѣ были принесены совсѣмъ уже отпечатанные экземпляры. Впрочемъ, это мелочи, которыя вамъ нисколько не вредятъ[1]): свѣтъ, напротивъ, всегда будетъ признавать великія ваши заслуги»[2]).

«Я, отвѣчалъ на это Рычковъ 17 мая 1760 года, не признаю никакой диференціи въ томъ, чтобъ именовать корреспондентомъ или членомъ корреспонденціи. Мнѣ кажется первое еще и преимущественнѣе, развѣ въ вашихъ академическихъ поведеніяхъ инаково. Но и послѣднее въ вашихъ изданіяхъ, а именно въ Кратkомъ содержаніи вашихъ Комментаріевъ и въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ уже есть. Чрезъ что и то, и другое явно, а я никакихъ высшихъ преимуществъ не требую, но еще и прошу, дабы для избѣжанія критики и всякихъ споровъ, при сочиненіяхъ моихъ имени не ставить»....

---

[1]) Въ черновомъ письмѣ было первоначально написано, а потомъ зачеркнуто: «allein dasz sind Kleinigkeiten; über dergl. misgünstige Streiche werden»...

[2]) III портфель писемъ историогр. Миллера къ разнымъ особамъ. 1759—1760 гг., въ архивѣ акад. конференціи.

Въ 1758 г. Неплюевъ получилъ увольненіе отъ управленія оренбургскою губерніею, а въ 1759 г. на его мѣсто прибылъ въ Оренбургъ тайный совѣтникъ Аѳанасій Романовичъ Давыдовъ. При немъ Рычковъ, въ письмахъ къ Миллеру, сталъ настаивать на необходимости для него формальной бумаги изъ Академіи объ оказаніи ему содѣйствія при исполненіи ученыхъ порученій, а 16 марта 1760 г. писалъ: «увѣдомляю васъ, какъ друга и милостивца моего, что на послѣдней почтѣ, по моему желанію и прошенію, полученъ здѣсь указъ, коимъ я уволенъ отъ здѣшнихъ дѣлъ для рекреаціи и излеченія моихъ болѣзней на годъ... чимъ я не мало порадованъ, ибо съ одну сторону въ здоровьѣ моемъ подлинно слабъ, а съ другую — желалось мнѣ отъ нынѣшнихъ здѣшнихъ суетъ и хлопотъ поотдалиться и пожить съ покоемъ, а за тѣмъ и въ Санктпетербургѣ побывать для разныхъ моихъ надобностей. Сіе не токмо не препятствуетъ мнѣ ни мало съ вашимъ высокоблагородіемъ толь пріятную и полезную корреспонденцію продолжать, но доставляетъ еще и лучшіе къ тому способы. Село мое, называемое Спасскимъ, на самой московской почтовой дорогѣ между Казанью и Оренбургомъ, отъ Бугульмы въ 15-ти верстахъ»...

Съ мая 1760 г. Рычковъ началъ жить въ этомъ селѣ, откуда 3 іюня того же года писалъ къ Миллеру: «Я наслаждаюсь и пользуюсь деревенскимъ житьемъ. Домашняя моя экономія даетъ мнѣ столько же упражненія, какъ и канцелярія, но безпокойства здѣсь такого, какъ въ городѣ, не вижу. Дай Боже исправиться мнѣ въ моемъ здоровьѣ и въ нуждахъ, а потомъ отправиться къ вамъ узнаться съ вашимъ высокоблагородіемъ, съ другомъ и милостивцомъ, котораго никогда не видывалъ, но одолженъ благостью вашею, кою чувствовать и благодарить долженъ»...

Въ январѣ и февралѣ 1761 года Рычковъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ получилъ окончательное увольненіе отъ службы. Между хлопотами о томъ, онъ успѣлъ, впрочемъ, побывать въ академическомъ засѣданіи 12 февраля, когда тамъ былъ извѣстный впослѣдствіи своими записками о Россіи аббатъ Шаппъ, а также Ломоносовъ. «Я, разсказываетъ между прочимъ Рычковъ въ Запискахъ о своемъ пребываніи тогда въ Петербургѣ, не могу здѣсь преминуть и сего, что небольшими моими трудами и сочи-

неніями, которыя отъ меня посыланы въ Императорскую Академію Наукъ, и отъ нея, по аппробаціи, въ печать уже выданы, а особливо жъ сочиненіемъ оренбургскаго историческаго и географическаго описанія, какъ отъ Академіи, такъ и отъ многихъ знатныхъ особъ удостоился похвалу и благодарность получить, и тѣмъ тамъ не мало жъ пользовался»...

Извѣстно, что въ январѣ 1761 года Ломоносовъ представилъ президенту Академіи обвиненія противъ Миллера. Тамъ, въ первомъ пунктѣ значилось: «г. Миллеръ не токмо пишетъ, но и печатаетъ ложь и общество обманываетъ, напр. Рычкова представилъ почетнымъ членомъ. А какъ его по справедливости сдѣлали только корреспондентомъ, то Миллеръ печаталъ его членомъ корреспонденціи въ противность опредѣленія и обыкновенія. Изъ сего и изъ многихъ примѣровъ видно, коль неправедны бываютъ протоколы конференціи, кои онъ одинъ подписываетъ». Изъ другихъ обвиненій достойны примѣчанія тѣ, въ которыхъ Ломоносовъ ставитъ въ преступленіе Миллеру, что этотъ въ статьяхъ о Россіи пишетъ «заносливыя рѣчи» и «печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Разстригины — самую мрачную часть россійской исторіи!»[1]).

Въ то самое время, какъ Ломоносовъ послалъ къ президенту Академіи свое представленіе противъ Миллера, Рычковъ еще былъ въ Петербургѣ, откуда выѣхалъ въ мартѣ того же 1761 года. Миллеръ, не получая послѣ того около двухъ мѣсяцевъ писемъ отъ него, подозрѣвалъ, что Рычковъ прекратилъ переписку вслѣдствіе внушеній Ломоносова, а потому въ черновомъ письмѣ къ Рычкову, 14 іюня 1761 года, писалъ: «я считалъ невозможнымъ, чтобы такой усердный корреспондентъ былъ въ состояніи не писать такъ долго, если бы только не охладѣлъ ко мнѣ въ своей пріязни. Я предполагалъ, что здѣсь виною тому одинъ человѣкъ, о которомъ вы очень хорошо знаете, чего могу я навѣрное ожидать отъ него, и что можетъ быть онъ васъ убѣдилъ не имѣть со мною болѣе переписки; можетъ статься, что вы повѣрили ему, когда онъ говорилъ вамъ о моей погибели, надъ чѣмъ онъ сильно трудился во время вашего пребыванія

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, Билярскаго, стр. 488—492.

здѣсь, и вы рѣшились выжидать, что изъ этого выйдетъ? Если я во всемъ этомъ ошибся, то мнѣ это будетъ столько же пріятно, сколько достовѣрно, что его клеветы мнѣ не повредятъ. Однако онъ добился-таки того, что я не смѣю продолжать новой русской исторіи. Вотъ и все, и я тѣмъ доволенъ: это былъ опытъ, который и безъ того я хотѣлъ продолжать только до тѣхъ поръ, пока не узнаю, какъ онъ будетъ принятъ»... Осторожному Миллеру вѣроятно показалось, что высказываться такъ будетъ слишкомъ откровенно, а потому онъ зачеркнулъ сейчасъ сдѣланную здѣсь выписку и вмѣсто нея написалъ слѣдующее: «но что за причина, почему вы такъ долго не писали? Объ этомъ вы ничего не сообщаете, хотя вамъ извѣстно, что для отпущенія въ грѣхахъ необходимо покаяніе. Не могу отрицать, что весьма желалъ бы узнать рѣшеніе этой загадки (die Auflösung dieses Räthsels zu erfahren»... [1]).

«При возобновленіи корреспонденціи нашей, отвѣчалъ Рычковъ 9 іюля 1761 г., ничто больше не препятствовало какъ распутье вешнее, за которымъ я, паче моего чаянія, принужденъ былъ въ разныхъ мѣстахъ продолжаться. Сіе есть существенная правда, und kein Räthsel dabei!».

Ко времени пребыванія Рычкова въ Спасскомъ относится начало его семейныхъ Записокъ, выписки изъ которыхъ не разъ уже приводимы были въ настоящемъ изслѣдованіи. Эта автобіографія начинается такимъ обращеніемъ къ своимъ дѣтямъ:

«Должность отцовская, съ которою я для васъ отъ Провидѣнія божія опредѣленъ, и любовь моя родительская издавна и часто побуждали меня написать вамъ такое письмо, которое бъ къ честному и добродѣтельному житію было вамъ нѣкоторымъ правиломъ и наставленіемъ, оставленнымъ отъ отца вашего. Притомъ желалось мнѣ и сіе вамъ сообщить, чрезъ чтобъ вы имѣли хотя нѣкоторое познаніе о вашихъ предкахъ, а особливо о приключеніи моего и вашего отца, которые вамъ по крови ближайшіе есть. Я такое познаніе почитаю за особливо нужное въ фамиліяхъ, потому что оно составляетъ нѣкоторый родъ собственной и домашней исторіи, коя съ какими бы случаями соединена ни была, но здра-

[1]) IV портфель писемъ истор. Миллера, 1761 — 1762 гг., въ архивѣ академической конференціи.

вому разсужденію потомкамъ роду не безпотребна, но и полезна въ безпристрастномъ разсмотрѣніи случаевъ, которымъ жизнь человѣческая подвержена бываетъ. Пребывая по сіе время въ трудахъ и попеченіяхъ, съ должностію чина моего соединенныхъ, не возможно было мнѣ удовлетворить оному моему желанію. Нынѣшнее же, правительствующимъ сенатомъ для рекреаціи и излеченія моихъ болѣзней отъ канцелярскаго присутствія пожалованное мнѣ увольненіе и спокойная деревенская жизнь подаютъ изрядный къ тому случай, который я, по возможности моей, буду употреблять въ вашу и въ мою пользу сочиненіемъ сего письма»...

Послѣ разсказа о своихъ предкахъ и приступая къ описанію приключеній изъ собственной жизни, Рычковъ замѣчаетъ: «мнѣ случилось читать, что въ Швеціи недавно такое учрежденіе учинено и публиковано въ народъ, дабы не только изъ знатныхъ, но и изъ посредственныхъ бы людей всякъ житія своего Записки содержалъ и оныя въ публичный архивъ на сохраненіе отдавалъ въ томъ разсужденіи, что въ такихъ Запискахъ современемъ нужнаго для народной гисторіи много будетъ. Сіе шведское учрежденіе подлинно охуждать нельзя. Не излишнее бъ было, ежели бы и у насъ такія записки всѣмъ въ обычай вошли. Я, какъ вашъ отецъ, каждому изъ васъ о такихъ Запискахъ совѣтъ мой даю»...

Краткія извѣстія о службѣ и занятіяхъ, указанія дней рожденій, браковъ, кончины членовъ многочисленнаго семейства автора, также различные переѣзды и хлопоты его, а иногда отступленія съ нравоучительными наставленіями — таково содержаніе семейныхъ Записокъ Рычкова, доведенныхъ до 20 марта 1777 года, слѣдовательно оканчивающихся за семь только мѣсяцевъ до смерти его. Надобно сознаться, что онъ, увлекшись узкою задачею — писать записки исключительно для своего семейства — не успѣлъ выразиться въ нихъ вполнѣ. Здѣсь онъ является преимущественно провинціальнымъ чиновникомъ, успѣвшимъ достигнуть значительнаго для своего времени чина (Рычковъ умеръ статскимъ совѣтникомъ) и нѣкотораго достатка. Впрочемъ, Записки Рычкова полезны какъ второстепенный и дополнительный матеріалъ послѣ обширной переписки Рычкова съ Миллеромъ.

Не прошло полутора лѣтъ житья Рычкова въ деревнѣ, какъ у него начались тамъ разныя непріятности. Такъ 8 декабря 1761

года онъ писалъ къ Миллеру: «несчатіе, случившееся съ моимъ домомъ, не допущаетъ меня нынѣ пространно писать, ибо 5 числа по утру здѣшній мой домъ (который гораздо былъ немалъ) весь до подошвы выгорѣлъ, и я принужденъ теперь трудиться, чтобъ какъ нибудь на зиму объюртоваться, а лѣтомъ новый домъ строить.... Богу благодареніе, что нужнѣйшія домашнія вещи успѣли повытаскать. Главный мой убытокъ состоитъ въ книгахъ моихъ, коихъ у меня до 800 было. Хотя ихъ бо́льшую часть выбросали въ окна, но въ такомъ ужасномъ случаѣ съ надлежащимъ береженіемъ не могли то дѣлать, да и бросали ихъ въ мокрый снѣгъ и на разныя стороны, какъ кому удалось, то надѣюсь многія испортились и передраны. Особливо жаль мнѣ многихъ манускриптовъ, мисцеляней и переводовъ, мною самимъ учиненныхъ. Сей убытокъ почитаю я невозвратнымъ»....

Пожаръ въ деревнѣ и дороговизна жизни въ Оренбургѣ побудили Рычкова думать о поступленіи вновь на службу: «между прочаго слышно мнѣ, писалъ онъ къ Миллеру 27 декабря 1761 года, что г. ассесоръ Веревкинъ, которой былъ при казанской гимназіи директоромъ съ полученіемъ жалованья по 600 р. въ годъ, оттудова паки отлучился. И хотя его нѣкоторые опять туда ожидаютъ, но другіе мнятъ, что онъ не возвратится, что по его обстоятельствамъ и статься иногда можетъ [1]). Сіе мѣсто, ежель оно сдѣлается порожимъ, по моимъ лѣтамъ и по моимъ склонностямъ, а особливо для воспитанія малолѣтнихъ моихъ дѣтей, кажется для меня не несходно бъ, ибо большихъ трудовъ и безпокойствъ такъ, какъ я въ Оренбургѣ имѣлъ, не востребуетъ. Буду я не въ дальности отъ моихъ деревень и заводовъ, кои, будучи въ Казани, править мнѣ не трудно. Чтожъ до гимназіи принадлежитъ, то ласкаюсь надеждою предъ нынѣшнимъ ея состояніемъ въ лучшее привесть. А между тѣмъ и для вашихъ академическихъ дѣлъ, а особливо въ разсужденіи сея обширныя и многонародныя губерніи былъ бы я тутъ не безпотребенъ: по меньшей мѣрѣ не меньшее бъ и не худшее бъ описаніе учинилъ ей, какъ и орен-

[1]) Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ, бывши ассессоромъ московскаго университета, съ 1758 по февраль 1760 года находился директоромъ казанской гимназіи, а потомъ губернаторскимъ товарищемъ въ Казани. См. Москвитянинъ 1842 года, № 12, Истор. Мат., стр. 398—402.

бургское».... Рычковъ въ заключеніе просилъ Миллера похлопотать за него въ этомъ случаѣ и у президента Академіи Наукъ и у куратора московскаго университета И. И. Шувалова. Миллеръ однако скоро увѣдомилъ, что на мѣсто директора казанской гимназіи уже назначенъ Шуваловымъ другой [1]).

Побывавъ въ концѣ 1762 года въ Москвѣ (повидимому для хлопотъ о полученіи чина статскаго совѣтника, слѣдовавшаго ему при отставкѣ) и съѣздивъ въ началѣ слѣдующаго въ Ростовъ «для молебствія новоявленному чудотворцу Димитрію», Рычковъ возвратился въ Спасское, гдѣ вскорѣ потомъ случилось у него произшествіе, часто повторявшееся при существованіи крѣпостнаго права.

«Въ іюлѣ мѣсяцѣ сего 1763 году, записано въ семейныхъ Запискахъ Рычкова, въ селѣ Спасскомъ и въ деревнѣ Верхосудьѣ произошелъ мятежъ и безпокойства отъ нѣкоторыхъ крестьянъ, которые, принявъ намѣреніе къ отбывательству, стали отваживаться на побѣги, и бѣжало ихъ около двадцати человѣкъ, въ томъ числѣ и староста села Спасскаго Абрамъ Лонгиновъ. Изъ коихъ семь человѣкъ, явясь въ Оренбургѣ и подавъ въ губернскую канцелярію челобитныя, показали, яко бы они не крѣпостные, но вольные люди; но какъ сему не повѣрено было, и до присылки крѣпостей отданы они были въ каторжную работу, то другіе, узнавъ про то, раскаялись и изъ бѣговъ воротились; а нѣкорые были переловлены и успокоены были уже тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ кнутомъ, а другіе плетьми, по опредѣленію оренбургской канцеляріи, въ селѣ Спасскомъ, при собраніи всѣхъ крестьянъ, наказаны. Для котораго наказанія и заплечный мастеръ изъ Оренбурга нарочно былъ присыланъ». 31 августа 1763 года о томъ же Рычковъ такъ писалъ къ Миллеру: «у меня здѣсь въ селѣ очень конфузно: между крестьянами человѣкъ двѣнадцать бѣжало. Сіе меня не мало безпокоитъ и не допущаетъ о дѣлахъ вашихъ мыслить и писать порядочно, ибо отъ плутовъ нѣсколько и въ опасности нахожусь. Стараюсь, чтобъ они были усмирены въ силѣ указовъ канцелярскимъ опредѣленіемъ»..

---

[1]) IV портфель писемъ истор. Миллера 1761 — 1762 годовъ, въ архивѣ академ. конференціи.

Осенью 1763 года до Рычкова дошелъ слухъ о назначеніи его директоромъ казанской гимназіи, и поэтому онъ, 20 октября 1763 г., писалъ къ Миллеру:... «Подлинно способы ко описанію казанской и астраханской губерній тутъ были бы хорошіе. А при томъ, не хвалясь, могу сказать и гимназія бъ тамошняя другой видъ возымѣла».... 20 декабря 1763 г.: «о казанской гимназіи слышу, что она нынѣ еще въ худшемъ состояніи противъ прежняго, ибо профессоръ бывшій тутъ человѣкъ хотя и ученый, но смирный и безгласный [1]). А нынѣ и о томъ сказывали мнѣ, яко бы онъ, пріѣхавъ изъ Москвы, недавно умеръ. Я бы радъ былъ ежели бъ предпріято было изъ сего училища сдѣлать что нибудь познатнѣе и дать ему иную форму, но мнѣ не разсуждается самому на то напрашиваться. Развѣ не буду ль я нынѣшнею зимою самъ въ Москвѣ, тогда переговорю съ Васильемъ Евдокимовичемъ [2]). Сказываютъ и то, что учителя уже болѣе полугода жалованья своего не получали, и насовалось тутъ людей незнающихъ много»....

Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II было дѣлано много попытокъ къ преобразованію разныхъ отраслей государственнаго управленія. По свидѣтельству Шлецера, то было золотое время для всѣхъ прожектеровъ. Между прочимъ тогда поднятъ былъ вопросъ, занимавшій еще Петра Великаго — о торговлѣ Россіи съ Индіею. Поэтому поводу въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» [3]) явилась статья «Изъясненіе о способахъ къ произведенію россійской коммерціи

---

[1]) Данила Савичъ, директоръ казанской гимназіи и въ то же время экстра-ординарный профессоръ московскаго университета, былъ сынъ сотника слободскаго сумскаго полка Василья Савича; сначала учился въ кіевской духовной академіи, а потомъ — за границей съ 1750 по 1754 годъ. Онъ хотѣлъ-было поступить на службу при Академіи Наукъ, но послѣ опредѣлился въ московскій университетъ. Архивъ акад. канц. кн. № 189 и Протоколы конференціи 10 іюня 1754 г.

[2]) Адодуровъ, воспитанникъ и адъюнктъ Академіи, а впослѣдствіи наставникъ русскаго языка великой княгини Екатерины Алексѣевны. По прикосновенности его къ дѣлу о канцлерѣ гр. А. П. Бестужевѣ-Рюминѣ, мечтавшемъ при императрицѣ Елизаветѣ о переворотѣ въ пользу супруги тогдашняго великаго князя Петра Ѳедоровича, Адодуровъ подвергся почетной ссылки въ Оренбургъ, гдѣ и познакомился съ Рычковымъ. Въ 1763 г., когда послѣдній писалъ о казанской гимназіи, Адодуровъ былъ уже кураторомъ московскаго университета.

[3]) Ноябрь, 1763 г., стр. 401—408.

изъ Оренбурга съ бухарскою, а изъ оной и съ индѣйскими областями». Здѣсь предлагалось: товары въ Бухару отправлять по Яику до Гурьева городка, а отсюда Каспійскимъ моремъ до залива Красноводскаго; для склада товаровъ имѣть крѣпость на Огурчинскихъ островахъ, и оттуда отправлять ихъ сухимъ путемъ до Балхи и Бадакшана. Въ упоминаемой статьѣ нѣсколько разъ говорилось съ похвалами о Рычковѣ, который уже писалъ объ этомъ предметѣ въ Оренбургской Топографіи. Это возбудило въ Рычковѣ желаніе напомнить правительству о предположеніи, сдѣланномъ имъ и генералъ-маіоромъ Тевкелевымъ еще въ 1759 году касательно постройки города на устьѣ р. Эмбы, отчего они надѣялись не только распространенія русской торговли до Индіи, но и окончательнаго покоренія киргизовъ, а, стало-быть, прекращенія грабежей каравановъ и пр. 13 декабря 1763 г. Рычковъ послалъ къ Миллеру «Мнѣніе о распространеніи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіатскія стороны и о средствахъ, къ тому надлежащихъ». Вскорѣ потомъ онъ узналъ, что въ Петербургѣ учреждена особая коммиссія о коммерціи, и вслѣдствіе того часто писалъ къ Миллеру о своей готовности ѣхать въ Петербургъ, когда бы его туда потребовали. Такъ какъ въ коммиссіи однимъ изъ главныхъ дѣятелей былъ Григорій Тепловъ[1]), то Рычковъ просилъ Миллера поговорить ему о немъ, доставить посланное «Мнѣніе» и пр. Исторіографъ отвѣчалъ ему (8 іюля 1764 г.), что по отзыву Теплова «Мнѣніе» Рычкова не скоро еще понадобится, потому что коммиссія намѣрена сначала обработывать общія положенія. «И такъ, прибавлялъ Миллеръ, не думайте быть скоро вызваннымъ для того. Да и зачѣмъ вамъ желать этого? Не лучше ли спокойно проводить свою старость дома и въ своемъ семействѣ? По крайней мѣрѣ я думалъ бы такъ, бывши на вашемъ мѣстѣ. Имѣй я клочекъ земли, которая бы могла меня прокормить, какъ бы скоро бѣжалъ треволненій[2])!»...

По видимому это письмо охладило охоту Рычкова къ дальнѣйшимъ искательствамъ, и, 7 августа 1764 г., не говоря уже болѣе о планахъ участвовать въ работахъ коммиссіи о коммерціи,

[1]) Также адъюнктъ, а потомъ ассессоръ въ канцеляріи нашей Академіи.

[2]) V портфель писемъ истор. Миллера, въ архивѣ академической конференціи.

онъ распространяется въ письмѣ къ Миллеру о своемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ въ Спасскомъ:

«Вы означили мнѣ ваши трудности. Я, напротивъ того, о моихъ вамъ доношу. Здѣсь въ деревнѣ съ женою и съ меньшими дѣтьми, коихъ при мнѣ шестеро, сплю сколько хочу. Напившись съ ними чаю, хожу или ѣзжу на мѣдной мой заводъ, которой отъ дому моего не далѣе двухъ сотъ саженей. Тамъ бываю съ часъ или и больше. Возвратясь оттоль, смотрю церковное строенье (церковь каменная изрядною архитектурою здѣсь строится, и сіе лѣто окончить ее надѣюсь). Иногда схожу на винокуренной мой заводъ и на мельницу. Ѣзжу въ деревню мою, которая отсель верстахъ въ пяти-шести, или на поле, гдѣ сѣвъ хлѣбный, съ женою и дѣтьми. За столъ обѣдать сажусь съ своими въ шести или семи человѣкахъ; но рѣдкой день проходитъ, чтобъ проѣзжаго не случилось, ибо живу на большой дорогѣ и имѣю у себя пріятелей. Вотъ жизнь моя, которую я здѣсь препровождаю. Три сына вмѣсто меня служатъ отечеству. Огорченія и досады, какія въ деревенскомъ житьѣ бываютъ, сноснѣе городскихъ, да и нѣтъ надѣюсь, въ свѣтѣ такого мѣста и состоянія, гдѣ бъ ихъ не было»... 2 октября 1764 г.: «я, изъ гостей отъ сына моего Андрея возвратясь домой, нашелъ у себя самую любезную компанію. Всѣ дѣти и внучата его превосходительства г. генералъ-маіора Алексѣя Ивановича Тевкелева[1]) ко мнѣ пріѣхали. Ѣзда ихъ была сюда не менѣе 200 верстъ. Вотъ какъ у насъ въ деревняхъ друзья и пріятели живутъ! Теперь у меня здѣсь маленькой Римъ (по Цицероновымъ словамъ) тѣмъ наипаче, что вчерась и севодня мимо села моего марширующіе азовскаго полку офицеры, заѣзжая ко мнѣ, умножаютъ у меня людство и компанію»...

Описаніе событій 1764 года Рычковъ въ своей автобіографіи заканчиваетъ такимъ образомъ: «знатнѣйшимъ приключеніемъ сего году, да и жизни моей къ великому благополучію надлежитъ почесть то, что я, по высочайшему ея императорскаго величества

---

[1]) Этотъ Тевкелевъ, при Петрѣ Великомъ старшій переводчикъ иностранной коллегіи, принималъ при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ главное участіе въ подчиненіи Россіи киргизъ-кайсаковъ. Разсказъ его о своихъ службахъ, также извѣстія о родѣ, къ сожалѣнію не конченныя, во «Временникѣ моск. общества исторіи», кн. XIII, 1852 г. Смѣсь, стр. 15—21.

именному указу, декабря 16 числа пожалованъ статскимъ совѣтникомъ по докладу правительствующаго сената»...

Въ 1766 г. Рычковъ опять начинаетъ свои хлопоты о поступленіи на службу... «Недостатки мои, писалъ онъ къ Миллеру 15 апрѣля, что долѣ, то болѣ усиливаются. На сихъ днямъ бѣжалъ у меня съ заводу слуга, кой былъ тутъ прикащикомъ: унесъ съ собою и послѣднія мои деньжонки. И такъ не знаю, какъ исправляться. Продаю оренбургскій мой дворъ, но и на то купца нѣтъ—я уже за половины цѣны радъ бы его отдать. Мое намѣреніе въ томъ нынѣ состоитъ, чтобъ распродавъ всѣ заводы (кои одни только хлопоты, а не прибыль приносятъ) и вступя въ службу съ жалованьемъ, предать всего себя на услуги отечеству»....

Въ мартѣ 1767 года Рычковъ ѣздилъ въ Москву и въ Запискахъ о своемъ тамъ пребываніи отмѣтилъ слѣдующее: «12 числа марта имѣлъ я счастіе предстать ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей моей монархинѣ (Екатеринѣ II) и удостоился изъ устъ ея величества услышать слѣдущія слова: «я извѣстна, что вы довольно трудитеся въ пользу отечества, за что вамъ благодарна». Послѣ того поднесъ я ея величеству сочиненія моего печатную книжку, подъ именемъ «Опытъ казанской исторіи», съ пріобщенною къ ней на высочайшее ея императорскаго величества дедикаціею, которую сама принявъ изъ рукъ моихъ, изволила еще болѣе благодарить и болѣе часа въ парадной своей опочивальнѣ разговаривала со мною, распрашивая меня о городѣ Оренбургѣ, о ситуаціи тамошнихъ мѣстъ, о хлѣбопашествѣ и о коммерціи тамошней такъ снисходительно и милостиво, что сей день наилучшимъ и счастливѣйшимъ въ жизни моей почитать мнѣ надлежитъ. Предводителями къ сему счастію были мнѣ въ началѣ г. коллежскій совѣтникъ, исторіографъ и профессоръ Ѳедоръ Ивановичъ Миллеръ и его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ».

Изъ писемъ этого періода отъ Рычкова къ Миллеру видно, что первому сильно надоѣли уже неудачи по деревенскому хозяйству и онъ часто напоминалъ своему пріятелю ходатайствовать за него то у того, то у другаго изъ милостивцевъ. Такъ 1 сентября 1767 года писалъ о выгодности для него мѣста губерна-

торскаго помощника въ Казани. «Не возможно ли вамъ самимъ, ежель пристойно и обстоятельства дозволятъ, побывать у его сіятельства генералъ-прокурора и употребить ваше въ томъ ходатайство? Я часто удивляюсь, разсуждая о себѣ и о нынѣшнемъ состояніи дѣлъ. Мое намѣреніе и желаніе ни къ чему иному не клонится какъ токмо усердно служить отечеству. Партикулярнаго моего ничего тутъ больше нѣтъ, какъ лучшій способъ къ воспитанію дѣтей моихъ. 600 рублей не велико жалованье. Къ лакомству и къ нажиткамъ я не склоненъ. Со всѣмъ тѣмъ очень я несчастливъ. Утѣшаюсь иногда словами евангельскими: миръ убо свое любилъ бы. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Благодарю еще Вышняго, что не лишенъ я моего пропитанія».

«Радуюсь, что уложенная коммиссія имѣетъ благополучное начало и хорошій успѣхъ. Оренбургскаго депутата для любопытства не изволите-ль узнать? Онъ фаворитъ губернаторскій—безъ сумнѣнія по его видамъ инструированъ[1]). Какъ ни желали прочіе дворяне, чтобъ я выбранъ былъ въ депутаты, но губернаторская сторона превозможе. Онъ, сказываютъ, передо мною два бала лишнихъ имѣлъ. Сіе мнѣ не обидно, ибо въ числѣ балатированныхъ два генералъ-маіора и нѣсколько полковниковъ находились. Предводитель выбранъ такой же»...

Еще въ началѣ 1769 г. Рычковъ продолжалъ жаловаться Миллеру на неполученіе мѣста. «Я, писалъ онъ 31 января, по прежнему продолжаю жизнь мою деревенскую и, взирая на обращенія нынѣшнія, часто удивляюсь, а иногда и тужу объ моей судьбинѣ; но мы не всегда познаваемъ прямо что̀ для насъ хорошо или худо!»...

Наконецъ 21 августа 1769 года Рычковъ сообщалъ Миллеру: «Теперь получилъ я отъ оренбургскаго губернатора письмо отъ 20 числа сего. Пишетъ онъ ко мнѣ, что въ разсужденіи соляныхъ дѣлъ, кои нынѣ, за недостаткомъ въ Украйнѣ соли, весьма уважаются и поручены въ главную дирекцію генералъ-

[1]) Оренбургскимъ губернаторомъ былъ тогда Иванъ Андреевичъ Рейнсдорпъ, а депутатомъ въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія отъ дворянъ оренбургскаго уѣзда секундъ маіоръ Иванъ Толстой, сдавшій потомъ свою обязанность, 4 августа 1768 года, фурьеру преображенскаго полка Матвѣю Толстому. Русскій Вѣстникъ 1861 г. № 12; прилож. стр. 59.

поручику, сенатору и кавалеру Еропкину (кой нынѣ въ Москвѣ находится) писалъ, что для учрежденія съ лучшимъ порядкомъ поставокъ илецкой соли протитъ прежняго, опредѣлить меня съ жалованьемъ по 1000 руб. въ годъ, и притомъ весьма много и сильно меня рекомендовалъ. Я уповаю, что сей генералъ вамъ или вашимъ друзьямъ не незнаемъ есть. Прошу васъ, какъ милостивца и друга, съ вашей стороны пристойнымъ образомъ и елико возможно вамъ будетъ способствовать оному дѣлу и тѣмъ меня одолжить еще; а что услышите или увѣдаете увѣдомленіями меня не оставить»...

V.

Печатныя сочиненія и статьи Рычкова по части Исторіи и Географіи Россіи. Недостатокъ въ нихъ критики источниковъ. Указанія на то Шлецера. Историко-географическія извѣстія въ письмахъ Рычкова къ Миллеру.

Скорое помѣщеніе въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» статей Рычкова, а также настояніе Миллера о доставленіи разныхъ извѣстій видимо поощряли перваго къ дальнѣйшимъ работамъ. Въ началѣ 1758 года онъ послалъ къ Миллеру «Описаніе о началѣ оренбургской коммиссіи» и статью о тамошнемъ земледѣліи.

«Исторія ваша о оренбургской коммиссіи, отвѣчалъ Миллеръ 30 мая 1758 года, весьма достойна печатанія. Я бы желалъ оную, для ускоренія, вносить по частямъ въ «Ежемѣсячныя Сочиненія», токмо безъ позволенія вашего не смѣю. Прошу ко мнѣ отписать, что ваше о томъ мнѣніе. Потомъ она можетъ вторымъ изданіемъ печатана быть вмѣстѣ съ Топографіею вашею оренбургскою. Что надлежитъ письма о земледѣльствѣ, то я внесъ уже первую часть онаго въ нынѣшній мѣсяцъ Сочиненій, который впредь сообщить имѣю, когда весь будетъ отпечатанъ»....[1]).

Послѣдняя статья Рычкова напечатана въ «Сочиненіяхъ и

[1]) Портфель писемъ историографа Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

переводахъ» 1758 года[1]), подъ заглавіемъ: «Письмо о земледѣльствѣ въ казанской и оренбургской губерніяхъ», гдѣ заключаются довольно обстоятельныя извѣстія о положеніи хлѣбопашества въ означенныхъ губерніяхъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени, о тогдашнихъ земледѣльческихъ орудіяхъ, о способахъ обработки земель, посѣвѣ и уборкѣ хлѣбовъ.

Что касается до другаго сочиненія, то Рычковъ, 26 іюня 1758 г., благодаря Миллера за обѣщаніе издать въ свѣтъ его трудъ, намекалъ также и о томъ, чтобы притомъ Миллеръ присовокупилъ что-нибудь въ похвалу автора. «Вы уже по милости своей, говорилъ онъ, довольную честь учинили мнѣ засвидѣтельствованіемъ моихъ малыхъ трудовъ сочиненіемъ вашимъ о поправленіи историческихъ погрѣшностей, у иностранныхъ писателей находящихся[2]). И хотя я не требую сего, чтобъ при ономъ напечатаніи мое имя было точно употреблено, однакъ почитаю не за излишнее, ежель ко обѣимъ онымъ частямъ соизволите учинить и напечатать краткое предрѣчіе по вашему разсужденію въ тотъ видъ, чтобъ къ такимъ сочиненіямъ въ другихъ мѣстахъ находящіеся охотники могли быть пріохочены»...

Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» 1759 года помѣщена сначала «Исторія оренбургская по учрежденіе оренбургской губерніи», гдѣ разсказаны событія, касающіяся этого края отъ временъ Петра Великаго до 15 марта 1744 года, т. е. до окончательнаго образованія оренбургской губерніи. Въ «предъизвѣщеніи» Рычковъ говоритъ, что онъ это сочиненіе «не такъ для настоящаго, какъ для будущаго, т. е. потомственнаго времени» писалъ.... Дѣла человѣческія, если о нихъ не сохранится письменныхъ извѣстій или забываются, или же искажаются въ устныхъ пересказахъ. «И о новой нашей оренбургской губерніи, ежели о ея началѣ и происхожденіяхъ не останется достовѣрнаго описанія, въ послѣдующихъ вѣкахъ такое жъ забвеніе или неосновательныя мнѣнія могутъ происходить»...

Если къ «Исторіи оренбургской» примѣнять нынѣшнія требованія науки, то нельзя не признать ее крайне одностороннею.

---

[1]) Май и іюнь, стр. 410—428 и 483—524

[2]) Здѣсь Рычковъ напоминаетъ о статьѣ Миллера «Предложеніе о исправленіи погрѣшностей» и пр., о которой см. выше, стр. 37.

Авторъ ея, какъ чиновникъ и притомъ принимавшій самъ участіе въ осуществленіи бо́льшей части тогдашнихъ административныхъ мѣръ, которыя онъ описываетъ, придаетъ особенно важное значеніе имъ и только объ нихъ считаетъ нужнымъ распространяться. Поэтому понятно, что въ «Исторіи оренбургской» нельзя найти разъясненія отношеній испоконныхъ обывателей края къ русскимъ, переходившимъ туда въ позднѣйшія времена; тамъ нѣтъ указаній на истинныя причины частыхъ возстаній инородцевъ и того взаимнаго ожесточенія, съ которымъ велась борьба предъ окончательнымъ подчиненіемъ края русскому господству. Матеріалы для всего этого остаются пока не разработанными въ рѣдко затрогиваемыхъ еще въ наше время архивныхъ дѣлахъ, а въ трудѣ Рычкова можно только найти обзоръ административныхъ распоряженій въ данную эпоху. При всемъ томъ и теперь «Исторія оренбургская» уже тѣмъ полезна, что избавляетъ отъ труда разыскивать такіе источники, которые, не заключая въ себѣ извѣстій первой важности, необходимы однако для соображеній при оцѣнкѣ событій, совершавшихся въ оренбургскомъ краѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Самъ Рычковъ очень мѣтко указалъ на недостатки своего труда, замѣтивъ въ концѣ своего «предъизвѣщенія»: «отъ сего, хотя и неискуснаго изображенія самые искуснѣйшіе люди возымѣютъ причину все оное не только въ исторической порядокъ привести, но и самую основательную исторію, т. е. о положеніи и о натуральныхъ свойствахъ оренбургскихъ мѣстъ, о состояніи и раздѣленіи внутрь и внѣ оренбургской губерніи находящихся народовъ, и о прочихъ знатнѣйшихъ случаяхъ и дѣйствахъ, собирая надлежащія къ тому извѣстія, наилучшимъ образомъ сочинять и продолжать».

Для Рычкова было весьма лестно видѣть напечатанною свою «Оренбургскую исторію». Сообщая о томъ Миллеру 20 марта 1759 года, онъ писалъ также: «Въ примѣчаніяхъ, которыя въ сей исторіи положены, съ Топографіею моею, уповаю, могутъ оказаться нѣкоторыя небольшія разности, потому что я объ оренбургской коммиссіи писалъ еще въ 743 и 744 годахъ и тогда о здѣшнихъ мѣстахъ и народахъ не былъ въ такомъ свѣдѣніи, какъ послѣ при другомъ помянутомъ сочиненіи. Но мню, что весьма тѣ разности невелики и непримѣтны, которыя одною ремарко-

на все то легко поправлены быть могутъ. Сожалѣю токмо я о семъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшней исторіи нескладности въ сенсѣ. Видно, что въ моемъ экземплярѣ, который я до вашего высокоблагородія послалъ, находятся описки, которыхъ я не усмотрѣлъ, или то погрѣшности типографскія, однакожъ онѣ весьма рѣдки»....

Миллеръ намѣревался издать «Исторію оренбургскую» на нѣмецкомъ языкѣ. «При чемъ думаю, писалъ онъ Рычкову 19 апрѣля 1759 г., можно упомянуть и о имени вашемъ, да для бо́льшей вѣрности и надобно, развѣ вы, по чрезвычайной вашей модестіи, инако прикажите»[1]).

«Когда ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Рычковъ 20 мая 1759 года, за потребно изволили признать, дабы Оренбургскую Исторію для иностранныхъ напечатать и на нѣмецкомъ языкѣ, то при оной, ежель надобно, мое имя означить можете. Она подлинно такъ ведена, какъ дѣла происходили; но въ разсужденіи разныхъ бывшихъ здѣсь командировъ, изъ которыхъ нѣкоторые понынѣ здравствуютъ, при русской имя мое упоминать, кажется, нужды нѣтъ, ибо многіе знаютъ, что оное описаніе мною учинено. Къ тому жъ какъ бы не возмнилось изъ нихъ, что про одного съ бо́льшею похвалою и съ лучшими обстоятельствами писано, нежель про другаго. И такъ могутъ толковать за пристрастіе. Сіе я вашему высокоблагородію, какъ уже дознанному моему благодѣтелю и милостивцу, изъясняю»...

5 августа 1759 г. Рычковъ доставилъ Миллеру продолженіе «Исторіи оренбургской», обнимавшее событія въ краѣ съ 1744 по 1751 годъ. «Казалось мнѣ, говорилъ онъ притомъ, ежель продолжаемо будетъ сіе, то можетъ оно служить къ немалой пользѣ не только по канцеляріи для новыхъ командировъ, но и для историческихъ сочиненій.... Сверхъ того прилагаю табель вмѣсто той, которая на концѣ прежде посланной книги приложена. Сію я дополнилъ тѣмъ, что̀ въ прежней не доставало. Можетъ статься, что вы въ разстояніяхъ противъ оной въ нынѣшней нѣкоторое несходство усмотрите; но сіе отъ того, что здѣсь по дорогамъ

---

1) II портфель писемъ истор. Миллера, 1757 — 1759 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

неоднократно разныя мѣры были, а всѣ одна противъ другой разноту имѣютъ. Къ тому жъ нѣкоторые крѣпости и форпосты съ мѣста на мѣсто переношены. Сіе я ради того означиваю, дабы вы въ усмотрѣнной разнотѣ извѣстны были о причинахъ. Нынѣшняя табель, какъ я мню, учинена съ надлежащею исправностію, о чемъ я канцелярскимъ служителямъ весьма рекомендовалъ»....

Князь М. Оболенскій[1]), указывая, что упомянутое «Прибавленіе къ оренбургской исторіи» съ 1744 по 1751 г. хранится въ рукописяхъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, замѣчаетъ, что оно въ «Исторіи пугачевскаго бунта» Пушкина не напечатано. Что̀ оно не помѣщено въ сейчасъ названномъ сочиненіи, то это, конечно, случилось отъ того, что перепечатывать его въ другой разъ не было надобности, такъ какъ «Прибавленіе къ оренбургской исторіи» издано въ свѣтъ еще Миллеромъ въ тѣхъ же «Сочиненіяхъ и переводахъ» въ октябрской и ноябрской книжкахъ за 1759 годъ. Что касается до «Табели о состояніи оренбургской линіи», то напечатанная Миллеромъ[2]) во многомъ разнится отъ приложенной къ письму Рычкова (5 августа 1759 года), почему надобно предполагать, что Миллеръ напечаталъ бывшую у него прежде табель до полученія новой.

«Я, писалъ Рычковъ 11 ноября 1759 года, радъ, что понравилось вамъ описаніе здѣшнихъ дѣлъ по 750 годъ. Подлинно не худо бъ было, когда бъ во всѣхъ губерніяхъ знатнѣйшія приключенія такъ были описываемы; но притомъ нѣкоторая предосторожность нужна, а особливо при такихъ недавнишнихъ случаяхъ, какіе въ послѣднемъ описаніи отъ меня къ вамъ сообщены. Хотя и все вѣрно и безпристрастно описывано, а наипаче когда командиры и производители дѣла оныя описанія читаютъ, можетъ легко

---

[1]) «Историческія замѣчанія» въ Русскомъ Архивѣ 1865 года, № 3, стр. 337.

[2]) «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе» 1759 г. августъ, стр. 128—134. Изъ писемъ Рычкова въ 1774 году видно, что имъ, во время осады Оренбурга отъ Пугачева, составлено было продолженіе Оренбургской исторіи съ 1751 по 1774 годъ, и онъ просилъ Миллера о напечатаніи этого продолженія вмѣстѣ съ «Исторіею оренбургскою», изд. въ первый разъ въ 1759 г.; эта просьба, однако, не была осуществлена, такъ какъ Рычковъ отказался издавать книгу на свой счетъ, какъ предлагалъ ему это Миллеръ.

показаться и возмниться имъ, что объ одномъ мало и кратко, а о другомъ много и пространно писано, и причитать то въ вину сочинителю, хотя бъ онъ и съ доброю совѣстью писалъ»....

Въ январѣ 1760 г. поѣздка по дѣламъ службы въ Башкирію дала возможность Рычкову сообщить Миллеру 13 января того же года слѣдующее: «Въ нынѣшнюю мою бытность, хотя съ великимъ затрудненіемъ (ибо, собравъ башкирцевъ человѣкъ до тридцати изъ старшинъ и изъ лучшихъ людей, ѣздилъ верхомъ чрезъ глубокой снѣгъ безъ дороги верстъ двадцать) ѣздилъ я смотрѣть пещеру, въ бурзянской волости имѣющуюся, которой во всей Башкиріи славнѣе и больше нѣтъ; по меньшей мѣрѣ изъ описаній, которыя мнѣ вѣдомы, не нахожу. Я описаніе ее пріобщу въ мою Топографію, а и прежде, какъ вещь чрезвычайную, съ рисункомъ ея, каковъ въ скорости возможно было мнѣ сдѣлать съ бывшимъ при мнѣ, инженеръ науку знающимъ человѣкомъ, не премину до васъ отправить такъ скоро, какъ время допуститъ оное описаніе, планъ и проспектъ мѣста сочинить».... Въ другомъ письмѣ отъ 19 января Рычковъ говоритъ о пещерѣ: «мнѣ мнится, что она курьёзнѣе той пещеры, коя Baumans Höhle называется и во всей Германіи за славную почитается»...

Извѣстіе объ этой пещерѣ напечатано Миллеромъ[1]) подъ заглавіемъ: «Описаніе пещеры, находящейся въ оренбургской губерніи при рѣкѣ Бѣлой, которая изъ всѣхъ пещеръ, въ Башкиріи находящихся, за славную и наибольшую почитается». Это та самая статья, въ концѣ которой Ломоносовъ распорядился вмѣсто *члена корреспонденціи* напечатать титулъ *корреспондента* при имени Рычкова, о чемъ говорено уже выше въ главѣ IV, на страницѣ 44.

Въ III-й главѣ, на стр. 38, видѣли, что Миллеръ, съ самаго начала своей переписки съ Рычковымъ, напоминалъ ему

---

[1]) «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія», мартъ 1760 г., стр. 195—225. Въ приложенной къ статьѣ гравюрѣ теченіе р. Бѣлой стрѣлкою означено невѣрно, отчего пещера вышла на лѣвомъ берегу рѣки, тогда какъ она на правомъ. Рычковъ намѣревался также описать другую подобную пещеру на рѣкѣ Икѣ, но это впослѣдствіи исполнилъ сынъ его Николай: см. «Журналъ, или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ россійскаго государства, 1769, 1770 годовъ» (Спб. 1770, въ 4°) I, стр. 94 и слѣд.

о доставленіи второй части Оренбургской Топографіи. Она получена была академикомъ при письмѣ отъ 4 мая 1760 года, гдѣ Рычковъ писалъ:... «Понеже въ приведеніи ея въ надлежащую исправность имѣлъ я великія трудности не только по слабости моего здоровья, которою давно уже одержимъ, но и по тому, что собирая требованныя для того извѣстія (хотя нѣкоторыя изъ нихъ были и за секретарскими руками), находилъ въ нихъ многія погрѣшности, кои нужно было съ другими вѣдомостьми сличать и поправлять по тому, что̀ казалось мнѣ правильнѣе и сходнѣе, не упоминая штиль и метода, который совсѣмъ не годился. При таковыхъ затрудненіяхъ и неспособностяхъ можетъ статься, что иногда и въ моемъ сочиненіи какія либо ошибки окажутся; но я не могъ продолжать болѣе удержаніемъ у себя сея книги для неоднократныхъ учиненныхъ мнѣ отъ вашего высокоблагородія объ немъ напоминаній, разсуждая, что и самое несовершенное лучше нежель ничего; однакъ не чаю, чтобъ по нынѣшнему состоянію здѣшней губерніи многія погрѣшности въ ней нашлись, которыхъ я, сколько возможно было, остерегался».

«Оныя обстоятельства заставили меня въ предисловіи книги означить о томъ напередъ для того, дабы не подвергнуть себя бо́льшей критикѣ, которая бываетъ иногда въ модѣ. Вы мнѣ, какъ мой милостивецъ и другъ, простите сіе, что я тутъ имя вашего высокоблагородія и г. Гмелина упомянулъ въ сходство моего намѣренія, ибо не только оное, но и всю книгу посылаю я на ваше разсмотрѣніе. Вы во всемъ томъ и убавить, и прибавить по разсужденію вашему можете... Наконецъ повторяю я прежнее мое прошеніе, чтобъ при напечатаніи моего имени не ставить, развѣ въ нѣмецкомъ переводѣ, какъ то ваше высокоблагородіе напредъ сего изволили означить, ежель оный будетъ учиненъ съ вашими примѣчаніями».

Когда Рычкову стало извѣстно о началѣ печатанія его Оренбургской Топографіи, то онъ 13 февраля 1762 г. писалъ къ Миллеру:... «мнѣ мнится, что необходимо потребно приложить къ ней хотя краткое предисловіе и означить тутъ, что она еще въ 1754 году писана; въ которое время обстоятельства оренбургскія противъ нынѣшняго во многомъ были отмѣнны, что̀ въ слѣдующей второй части хотя и изъяснено, но и затѣмъ нѣкоторыя пе-

ремѣны есть. Чаятельно, что впредь и противъ нынѣшняго не безъ перемѣнъ будетъ по новости сея губерніи. Я много бъ отъ вашего высокоблагородія одолженъ былъ, и книгѣ бъ къ великому украшенію и одобренію послужило, ежели бъ вы по вашему искусству такое предрѣчіе отъ себя къ ней приложить изволили и что еще къ ней въ дополненіе потребно тутъ же бъ помянули. Можетъ быть и я въ томъ дополненіи потрудился бъ со временемъ, ежель буду тамъ по прежнему при дѣлахъ. А когда мнѣ случая не будетъ, то тѣмъ другіе къ тому будутъ побуждены. Буде же вамъ, при многихъ вашихъ трудахъ, не достанетъ на сіе времени, то не присовѣтуете ль мнѣ отъ себя оное написать и къ вамъ на разсмотрѣніе прислать»?...

13 октября 1762 года: «для изъясненія Топографіи и для лучшаго понятія содержащихся въ ней матерій весьма нуженъ реестръ, который я, сочиня здѣсь, при семъ прилагаю и прошу приказать, ежель и вы за потребно его признаете, напечатать оный для всѣхъ экземпляровъ и, сколько надлежитъ для меня, ихъ прислать. Признаваюсь я, что по обстоятельнѣе ему быть надлежало—многія имена и званія, находящіяся въ книгѣ, пропустилъ для того, что сія работа очень мнѣ скучна показалась. Къ тому жъ о многихъ разсудилось мнѣ, что они ко изъясненію здѣшнихъ мѣстъ не весьма и нужны, а другія подъ общими званіями разумѣются, напр. звѣрь, рыба и пр.»...

Въ теченіе 1762 года въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» напечатаны обѣ части «Оренбургской Топографіи». Хранящаяся нынѣ въ русскомъ отдѣленіи академической библіотеки рукопись этого сочиненія разнится отъ печатнаго изданія тѣмъ, что въ ней видное мѣсто занимаютъ двѣнадцать картъ въ листъ большаго формата, къ которымъ извѣстія Рычкова служатъ объяснительнымъ текстомъ. Въ предисловіи, также не напечатанномъ при «Оренбургской Топографіи» на томъ, конечно, основаніи, что тамъ подробно говорится о составленіи тѣхъ картъ, замѣчено: «нельзя сказать, чтобъ всѣ оныя (карты) сочинены были такъ исправно и достаточно, якобъ впредь никакого дополненія и поправленія онѣ не требуютъ. Однако жъ то можно объявить, что онѣ (яко и сіе описаніе) бо́льшею частію сочинены съ прежнихъ ландкартъ, журналовъ и съ

репортовъ въ тѣ мѣста нарочно для разныхъ надобностей посылаемыхъ офицеровъ, знающихъ геодезію, и чрезъ особливыхъ геодезистовъ, исключая однѣ токмо дальнѣйшія заграничныя мѣста (но и сіи съ разныхъ же, прежде сочиненныхъ, а отчасти и съ иностранныхъ ландкартъ, нѣсколько жъ и съ словесныхъ объявленій, взятыхъ отъ достовѣрныхъ, въ тѣхъ мѣстахъ бывалыхъ людей, вношены), чего ради отъ губернской канцеляріи и приказано было на каждую ландкарту записку имѣть, откуда что взято и гдѣ впредь повѣрка или дополнка надобна».

Карты эти были составляемы прапорщикомъ геодезіи Красильниковымъ съ товарищами и имѣютъ нынѣ значеніе для занимающихся судьбами оренбургскаго края въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Карты позднѣйшихъ временъ, быть можетъ, болѣе исправны, но не въ состояніи дать понятія о прежнемъ оренбургскомъ краѣ, который быстро утрачивалъ свой первобытный характеръ и измѣнялъ первоначальный видъ вслѣдствіе сильнаго наплыва въ него переселенцевъ со всѣхъ концевъ Россіи. Къ этому надо присовокупить и то, что спеціальныя карты Красильникова и товарищей его отличаются своею обстоятельностью: тамъ занесены, напримѣръ, самыя незначительныя деревеньки и поселки [1]). По этимъ уваженіямъ, здѣсь признано небезполезнымъ помѣстить въ III-мъ приложеніи обстоятельное описаніе названныхъ картъ.

Обращаясь къ печатному изданію «Оренбургской Топографіи», находимъ, что при первой части ея нѣтъ никакого вступленія, но въ началѣ второй есть «предисловіе», гдѣ Рычковъ говоритъ:

---

[1]) Вотъ примѣръ тому: извѣстно, что одинъ изъ близкихъ родственниковъ Карамзина отвергалъ преданіе, что исторіографъ родился въ селѣ Михайловкѣ-Карамзинкѣ, лежащей въ бывшей оренбургской, нынѣ самарской губерніи, только на голословномъ увѣреніи, что это село не существовало около 1765 года, когда родился Карамзинъ. Въ послѣдствіи дознано, что это селеніе уже было въ 1773 году въ сосѣдствѣ съ другими двумя: Ляховомъ и Путиловою. (См. «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» изд. Отдѣленіемъ русск. языка и словесности, СПБ. 1866 г., стр. 453, 454.) Карта Красильникова, составленная за десять лѣтъ до рожденія исторіографа и представляющая большую московскую дорогу отъ Оренбурга до Кичуевскаго Фельдшанца, окончательно рѣшаетъ, что помянутый родственникъ Карамзина ошибался: въ 1755 году деревня Карамзина уже значится здѣсь въ нынѣшнемъ бузулукскомъ уѣздѣ, рядомъ съ деревнями Путиловой и Ляховомъ.

....«Великая за-яицкая степь, гдѣ располагаются двѣ киргизъ-кайсацкія и одна каракалпацкая многолюдныя орды, нынѣ подданныя россійской имперіи, и обширныя башкирскія мѣста, наполненныя разныхъ минеральныхъ и древнихъ признаковъ, которыя въ разсужденіи всѣхъ частей исторіи достойны осмотровъ и испытанія отъ людей, во всѣхъ наукахъ совершенныхъ. Россійская наша исторія могла бъ изъ того имѣть знатное приращеніе тѣмъ паче, что отъ оныхъ обитающихъ здѣсь народовъ, между которыми никакихъ ученыхъ людей не бывало и нѣтъ, о такихъ мѣстахъ и вещахъ обстоятельно и достовѣрно вывѣдать невозможно. Въ разсужденіе сего не мало надлежитъ сожалѣть, что посланные отъ санктпетербургской императорской Академіи Наукъ гг. профессоры Миллеръ и Гмелинъ, за прежде бывшимъ башкирскимъ бунтомъ, здѣшней губерніи одинъ токмо край съ сибирской стороны, да и сего небольшую часть видѣли; а притомъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ не могло имъ быть безъ препятствій и опасностей въ ихъ намѣреніяхъ. Напротивужъ того сибирская губернія и самая отдаленнѣйшая Камчатка счастливѣе были тѣмъ, что отъ оныхъ, въ наукахъ толь славныхъ мужей безъ всякаго помѣшательства осмотрѣны и описаны. А между тѣмъ сіе мое первое и простое описаніе служить можетъ для извѣстія». Свое предисловіе авторъ заканчиваетъ такимъ желаніемъ: «Даждь, Боже! чтобъ главные правители здѣшнихъ дѣлъ и народовъ съ ихъ помощниками всегда просвѣщаемы были совершеннымъ знаніемъ всего того, что внутрь и внѣ сей обширной губерніи для государственныхъ интересовъ надобно и полезно, и здѣшняя бъ азіатская коммерція дѣйствительно распространялась и умножалась во всей полуденной Азіи до самой Индіи по извѣстнымъ намѣреніямъ блаженной и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго, а чрезъ то бъ и описаніе оренбургской губерніи отъ искуснѣйшихъ людей приведено было въ полное совершенство, чего я, какъ вѣрный рабъ и сынъ отечества, всеусердно желаю. Писано въ Оренбургѣ апрѣля 22, 1760 года».

Въ томъ же 1762 году сочиненіе Рычкова вышло отдѣльною книгою въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Топографія Оренбургская, то есть обстоятельное описаніе оренбургской гу-

берніи, сочиненное коллежскимъ совѣтникомъ и императорской Академіи Наукъ корреспондентомъ Петромъ Рычковымъ», въ 8°, I, 331; II, 262 стр. Миллеръ, извѣщая объ отдѣльномъ изданіи Топографіи, высказалъ о необходимости подобныхъ трудовъ и въ прочихъ губерніяхъ: «что же при такомъ сочиненіи наблюдать надлежитъ, въ томъ Оренбургская Топографія вѣрною и достаточною предводительницею служить можетъ» [1]).

Въ началѣ 1763 г. Рычковъ былъ въ Москвѣ и оттуда писалъ къ Миллеру, 9 января: «Топографія здѣсь у многихъ хорошо пріемлется».... 6 февраля:.... «Присланные мнѣ экземпляры Топографіи послужили мнѣ изрядным способомъ рекомендовать себя тутъ, гдѣ я еще не очень знакомъ былъ. Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой говорилъ: длячего при нихъ нѣтъ ландкартъ и чертежей? Я инако не могъ его сіятельству донесть, что хотя оные отъ меня въ Академію и посланы и аппробованы къ печати, но знатно не исправились напечатаніемъ ихъ. Онъ на то отозвался, что они весьма бъ нужны, и рекомендовалъ мнѣ, чтобъ я о тамошнихъ странахъ описанія мои продолжалъ»...

Появленіе въ свѣтъ «Топографіи Оренбургской» было для своего времени событіемъ замѣтнымъ и въ литературѣ, и въ обществѣ. Изъ нея въ первый разъ узнаны были разныя подробности о такомъ краѣ, который мало былъ извѣстенъ не только большинству публики, но и самому правительству. Послѣднее, отправляя туда главныхъ начальниковъ, давало имъ полномочія, въ силу которыхъ тѣ могли распоряжаться въ странѣ по собственному усмотрѣнію и не отдавая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ Россіи смутно знали, что въ оренбургскомъ краѣ идетъ отчаянная борьба между туземнымъ населеніемъ и новыми пришельцами изъ нашихъ; что тамъ безпрерывныя возстанія; что туда требуются войска, и т. д. При такомъ положеніи края трудъ о немъ Рычкова былъ важною новостью для современниковъ. Нынѣ онъ, конечно, не имѣетъ уже этой цѣны, но все таки остается единственною справочною книгою, безъ которой нѣтъ никакой возможности обойтись, какъ скоро рѣчь заходитъ о состояніи оренбургскаго края въ прошломъ столѣтіи.

[1]) «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ», мартъ 1763 г., стр. 269, 270.

Шлецеръ обратилъ на «Топографію Оренбургскую» особенное вниманіе и составилъ обширный обзоръ ея, который помѣщенъ въ Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen [1]). «Къ достопамятствамъ сего жъ 1766 году въ разсужденіи меня, записано въ автобіографіи Рычкова, и сіе причесть надлежитъ, что въ Геттингенскихъ объявленіяхъ объ ученыхъ дѣлахъ, подъ дирекціею королевскаго собранія наукъ, въ мартѣ мѣсяцѣ напечатана рецензія на Оренбургскую мою Топографію съ немалымъ выхваленіемъ. Я ее, переведя на русскій языкъ, пріобщилъ къ той моей Топографіи, коя въ домашней моей библіотекѣ имѣется»...

Академикъ Палласъ, во время путешествія своего по оренбургскому краю въ 1769 году, принялся за переводъ Топографіи на нѣмецкій языкъ, о чемъ Рычковъ писалъ къ Миллеру 11 ноября 1770 года: «Г. профессоръ Палласъ пишетъ ко мнѣ, что онъ самъ зачалъ переводить на нѣмецкой языкъ Топографію Оренбургскую и намѣренъ пріобщить къ ней свои примѣчанія, а потомъ напечатать ее въ Берлинѣ. Съ его переводу намѣряюсь я сдѣлать переводъ на русской языкъ только такъ, какъ онъ напишетъ. Увѣдомьте меня, милостивый государь мой, можетъ-ли сія книга вторично напечатана быть въ университетѣ [2]) на нашемъ языкѣ съ примѣчаніями г. профессора и съ моими дополненіями. Г. профессоръ по нѣскольку листовъ переводу своего хотѣлъ ко мнѣ присылать, а я ихъ, переводя на русской языкъ, сталъ бы къ вамъ присылать для напечатанія. И на сіе буду отъ васъ увѣдомленія ожидать»... 18 ноября 1770 года: «Г. Палласъ отъ 4 ноября пишетъ ко мнѣ: mit Uebersetzung der Topographie bin ich bis in die Mitte des vierten Capitel gekommen, und werde, wann es Ew. Hoch... angenehm ist, eine Probe davon aber in Schwarzen zu überschicken die Ehre haben»... 4 декабря 1770 года: «теперь получилъ я письмо отъ г. профессора Палласа и перевода его Оренбургской Топографіи пять листовъ мелкаго нѣмецкаго письма. Переводъ весьма прекрасной»...

Что̀ Палласъ придавалъ особенное значеніе труду Рычкова, то можно видѣть изъ словъ его въ предисловіи къ «Путешествію

---

[1]) I Band, 1766, SS. 217—230; 249—254; 284—288.

[2]) Московскомъ, такъ какъ Миллеръ съ 1765 г. жилъ уже въ Москвѣ.

по разнымъ провинціямъ россійсской имперіи», гдѣ послѣ упоминанія съ похвалою о «Топографіи Оренбургской» замѣчено, что она «по справедливости достойна быть переведена на другіе языки». Продолженіе своего перевода «Топографіи Оренбургской» Палласъ вѣроятно оставилъ по тому, что въ 1771 и 1772 годахъ напечатаны два нѣмецкіе перевода этого сочиненія, а именно:

Въ V-й части извѣстнаго изданія Бюшинга Magazin für die neue Historie und Geographie, 1771, (стр. 457 sq.) — первая часть «Топографіи Оренбургской» въ переводѣ Христіана Генриха Газе, пастора въ Зульцѣ, а въ VI-й части—окончаніе ея (стран. 473 sq.). Бюшингъ въ общемъ предисловіи къ V-й ч. своего Магазина говоритъ: «переводъ описанія оренбургской губерніи г. Рычкова, безъ сомнѣнія, будетъ принятъ съ удовольствіемъ, такъ какъ, по важности этого труда, его давно желали видѣть на нѣмецкомъ языкѣ. Замѣчательно, что переводъ сдѣланъ проповѣдникомъ въ альтенбургскомъ княжествѣ, который былъ самъ себѣ учителемъ въ русскомъ языкѣ и изучалъ его при пособіи немногихъ вспомогательныхъ источниковъ, найденныхъ имъ въ Вольфенбюттельской библіотекѣ»... Не удивительно поэтому, что въ переводѣ Газе не мало неточныхъ мѣстъ и промаховъ: они указаны Миллеромъ въ рукописной статьѣ его «Погрѣшности г. Газа въ переводѣ оренбургской исторіи»,—хранящейся, вмѣстѣ съ другими бумагами академика, въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [1]). «Могу сказать, писалъ Рычковъ къ Миллеру 14 сентября 1771 года, что не непріятно мнѣ было видѣть изъ письма вашего о переводѣ и о напечатаніи Топографіи моей въ Германіи. Вы много одолжите меня, милостивый государь мой, ежель г. Бюшинга Историческаго Магазейна тѣ части, въ коихъ оная Топографія будетъ, пожалуете мнѣ достанете. Деньги» и проч.—18 іюля 1773 года: «Переводъ Оренбургской Топографіи и Казанской Исторіи читаетъ г. губернаторъ, но не хвалитъ его, да и я примѣтилъ нѣкоторыя выраженія, съ моимъ подлинникомъ не оченъ сходныя. Г. профессора Палласа переводъ гораздо будетъ лучше и совершеннѣе»...

---

[1]) «Герардъ Фридрихъ Миллеръ» г. Соловьева въ Современникѣ 1854 года, т. XLVII, отд. II, стр. 148.

Секретарь и переводчикъ въ Ригѣ Родде издалъ тамъ Orenburgische Topographie въ двухъ частяхъ въ 1772 г. Въ предисловіи его сказано: «Топографія Оренбургская, какъ сочиненіе, отличающееся превосходными достоинствами, не требуетъ пространной оцѣнки. Образованной публикѣ извѣстно, что до сихъ поръ мало знали описанныя тамъ страны и что недоставало надлежащей достовѣрности тому немногому, что встрѣчалось въ отрывочныхъ описаніяхъ о нихъ. Господинъ сочинитель съ давныхъ уже поръ живетъ въ оренбургской губерніи и теперъ находится тамъ же начальникомъ главнаго соляного правленія. Слѣдовательно онъ имѣлъ случай почерпать извѣстія изъ оффиціальныхъ дѣлъ оренбургской губерніи. Онъ часто ссылается на нихъ, и они носятъ на себѣ печать достовѣрности. Многіе предметы онъ самъ видѣлъ и изслѣдовалъ наблюдательнымъ окомъ, а то, что основано на устныхъ разсказахъ, оправдывается ссылками на заслуживающихъ довѣрія людей. Главное, что во всемъ сочиненіи видѣнъ безпристрастный человѣкъ, усердный желатель раскрытія истины и споспѣшествователь общественному благу».

Въ 1763 г. Миллеръ предложилъ русскимъ читателямъ на рѣшеніе вопросы: почему русскихъ государей называютъ бѣлыми царями, а часть Литвы Бѣлою Россіею [1])? Прочитавъ это приглашеніе, Рычковъ послалъ въ отвѣтъ Миллеру свою статью по этому предмету.

Академикъ былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что изъ читателей его изданія выискался наконецъ одинъ, который прислалъ отвѣтъ на печатно предложенный вопросъ: Миллеръ и прежде помѣщалъ въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ задачи на рѣшеніе любителей и знатоковъ, но таковыхъ въ тѣ времена не находилось. «Я получилъ, отвѣчалъ Миллеръ Рычкову 7 іюля 1763 года, два экземпляра вашей статьи о бѣломъ царѣ. Она меня очень обрадовала — вы одни доказываете, что мои старанія не тщетны [2])»...

Статья Рычкова въ формѣ письма къ Миллеру помѣщена

---

[1]) Ежемѣсячныя сочиненія, 1763 года апрѣль, стр. 381 — 383; май, стр. 478 — 480.

[2]) V-й портфель писемъ историографа Миллера къразнымъ особамъ въ архивѣ академической конференціи.

въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ [1]) съ примѣчаніемъ; ...«хотя въ ономъ совершеннаго помянутыя задачи рѣшенія не находится, чего по видимому надѣяться и не можно, однако всякой признавать долженъ, что историческія и географическія розысканія, здѣсь сообщенныя, вящшей похвалы достойны»... По мнѣнію Рычкова, титулъ бѣлаго царя придавался русскимъ государямъ потому, что «цвѣтъ бѣлой въ Россіи издревле былъ почтеннѣйшій, а напротивъ того черной значилъ всегда подлость и уничтоженіе»... Онъ утверждалъ также, что азіатскіе государи придавали русскимъ царямъ этотъ титулъ въ подражаніе русскимъ. Это же говорилъ и генералъ-маіоръ Тевкелевъ. «Онъ, писалъ Рычковъ къ Миллеру 14 сентября 1763 г., подтвердилъ мое мнѣніе, что то званіе изъ Россіи къ нимъ пришло. Только-де сперва, когда татарскіе государи были сильнѣе россійскихъ, россійскихъ государей именовали акъ-біи, т. е. бѣлой князь и государь; а наконецъ изъ того уже акъ-падыша, т. е. бѣлый царь, или императоръ произошло»... Названіе Бѣлой Россіи Рычковъ производилъ отъ бѣлаго платья, «въ Россіи въ великомъ употребленіи бывшаго», и въ подтвержденіе тому ссылался на сочиненія Татищева. При этомъ Миллеръ сдѣлалъ слѣдующее справедливое возраженіе: «Г. Рычковъ да позволитъ намъ при семъ примѣчать, что свидѣтельства новѣйшихъ сочинителей о древнихъ происшествіяхъ доказательствомъ историческимъ служить не могутъ, если на свидѣтельствахъ древнихъ не основаны. Намъ не безызвѣстно было, что г. Татищевъ въ ономъ мнѣніи находился, хотя мы о томъ именно не объявляли. Почтеніе наше къ похвальнымъ заслугамъ сего искуснаго мужа по истиннѣ превелико, и не можемъ мы не сожалѣть о томъ, что изрядныя его сочиненія—тридцатилѣтнихъ трудовъ плоды—въ печать не производятся: но сего по нашему мнѣнію не довольно, чтобъ съ нимъ въ семъ дѣлѣ согласиться. Мы ссылаемся на всѣ россійскіе лѣтописцы, на Нестора преподобнаго съ его продолжателями. Изъ нихъ бы было доказать, что Бѣлая Русь до Москвы и далѣе простиралась, чего мы въ нихъ не нашли. И того ради остаемся мы при прежнемъ мнѣніи»...

Въ томъ же 1763 году Миллеръ предлагалъ рѣшить: отчего

---

[1]) 1763 года, августъ, стр. 120—133.

произошло названіе Чермной Россіи [1])? Рычковъ прислалъ отвѣтъ, заимствованный, по его словамъ, изъ сочиненій Татищева; но при этомъ онъ предупреждалъ Миллера (30 августа 1763 года): «мнѣ мнится весьма трудно и не надежно отгадывать древнія званія городовъ и мѣстъ, и не думаю, чтобъ то при всякомъ случаѣ нужно было. Кажется, что въ томъ весьма немного реальнова или существеннаго найдется къ исторіи. Сіе я вамъ, какъ истинному другу и милостивцу, осмѣливаюсь сказать... (31 августа 1763 года): «дѣла и вещи, которыя отъ гаданія нашего происходятъ, рѣдко вѣроятными бываютъ... Я по нынѣ того мнѣнія, что сія задача ваша (о бѣломъ царѣ), такъ какъ и о Чермной Россіи съ Черною, суть не рѣшимыя. Вы сами лучше моего изволите знать, что о такихъ вещахъ въ старину не только у насъ, но и у другихъ народовъ весьма мало думали, и званія мѣстамъ и людямъ часто прилагались по одному воображенію безъ всякаго свойственнаго имъ резона»...

Когда была окончена печатаніемъ «Топографія Оренбургская», то Миллеръ совѣтовалъ Рычкову приняться за составленіе географіи Россіи.

«Я бъ, отвѣчалъ онъ изъ Спасскаго 28 марта 1763 года, охотно взялся за то, чтобъ сочинить введеніе къ географіи всероссійской имперіи; но ежель оное обстоятельное надобно, то въ немъ гораздо больше трудности, нежель въ историческомъ сочиненіи. Что до исторіи надлежитъ, сіе можно брать изъ разныхъ книгъ и сочиненій, а въ географіи нужно будетъ справки и сношенія имѣть съ такими людьми, которые о принадлежностяхъ къ ней никакого почти понятія не имѣютъ. Довольно для меня, ежели бъ я и Казанскую губернію подъ именемъ Топографіи Казанской описалъ. Сдѣлайте мнѣ отъ Академіи формальное предложеніе и доставьте мнѣ требующіеся къ тому способы, дабы я могъ свободную корреспонденцію имѣть и надобныя къ тому извѣстія получать, то бъ я сію часть географіи россійской, а можетъ быть и астраханскую бъ на себя взялъ; но не могу и тутъ обнадежить васъ скорымъ исполненіемъ всего того, а буду отъ времени до времени продолжать сколько моя возможность, по слабости силъ

[1]) Ежемѣсячныя сочиненія 1763 г. іюль, стр. 96.

моихъ, допуститъ. Изъ такихъ частныхъ или мѣстныхъ описаній не трудно уже будетъ и всецѣлую географію сочинить»...

Вслѣдствіе этого письма, Миллеръ, 5 мая 1763 года, представлялъ академической канцеляріи, чтобъ изъ сената былъ вытребованъ указъ объ оказаніи Рычкову содѣйствія при составленіи имъ географическихъ описаній казанской и астраханской губерній [1]).

Донесеніе Миллера оставалось въ академической канцеляріи безъ помѣты и исполненія до 15 мая. Въ этотъ день Ломоносовъ далъ туда знать, что онъ уволенъ вовсе изъ Академіи [2]), а Таубертъ тогда же распорядился записать въ канцелярское постановленіе, чтобы о Рычковѣ представить въ сенатъ по возвращеніи его изъ Москвы въ Петербургъ. 26 августа 1763 года это дѣйствительно было исполнено, но сдѣлано ли что нибудь сенатомъ о Рычковѣ, изъ тогдашней переписки о немъ въ академической канцеляріи не видно.

Между тѣмъ Рычковъ продолжалъ писать къ Миллеру о необходимости оффиціальнаго содѣйствія; такъ 26 мая 1763 года онъ сообщалъ ему: «Признаніе ваше въ ученыхъ извѣстіяхъ ободряетъ меня къ сочиненію географіи [3]); но буду ожидать отъ васъ къ тому плана и наставленія, о чемъ я на предварившихъ почтахъ писалъ. Г. Волковъ [4]), нынѣ въ Оренбургѣ обрѣтающійся вице-губернаторомъ, не чаю, чтобъ мнѣ съ своей стороны доставлялъ къ тому хорошіе способы, хотя онъ мнѣ весьма уже давно знакомъ, а я его всегда считалъ моимъ пріятелемъ. Я къ нему при письмѣ, какъ къ другу, послалъ Оренбургскую Топографію, но онъ, сказываютъ, и не посмотря въ нее, отдалъ ее другому и на мое

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга подъ № 275.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ стр. 603.

[3]) Здѣсь Рычковъ разумѣетъ хвалебный о немъ отзывъ Миллера въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ 1763 г. мартъ, о чемъ говорено выше на стр. 64.

[4]) Дмитрій Волковъ пользовался особеннымъ значеніемъ на дѣла при императорѣ Петрѣ III, а по вознесеніи на престолъ императрицы Екатерины II былъ назначенъ въ Оренбургъ вице-губернаторомъ на мѣсто возвращеннаго оттуда Ададурова. Въ Государственномъ Архивѣ хранится письмо къ Волкову Рычкова 16 іюня 1762 года, писанное слѣдовательно до низложенія Петра III. Здѣсь Рычковъ напоминаетъ Волкову о его къ нему «снисходительствахъ», особенно же въ послѣднюю его бытность въ Петербургѣ, и проситъ содѣйствія объ опредѣленіи вновь на службу.

письмо отвѣту (sic) не удостоилъ. Не знаю тому причины, но сей опытъ худую надежду подаетъ мнѣ въ собраніи оттудова къ дополненію оной книжки. Сіе вамъ, какъ моему истинному другу, разсудилось сообщить»...

Изъ слѣдовавшихъ за тѣмъ писемъ Рычкова въ іюнѣ — августѣ 1763 года видно, что онъ приступилъ было къ приготовительнымъ работамъ по составленію географическихъ описаній названныхъ двухъ губерній, но другія занятія и надежда быть вызваннымъ въ Петербургъ для участія въ работахъ по коммиссіи о коммерціи отвлекли Рычкова отъ географіи. О кабинетныхъ своихъ работахъ онъ вспомнилъ только послѣ рѣзкаго замѣчанія Миллера о его суетномъ желаніи служить въ Петербургѣ (см. выше, гл. IV, стр. 52), и 31 іюля 1764 года увѣдомлялъ его: «Помнится я къ вамъ писывалъ о сочиненіи казанской исторіи, и вы сами меня къ тому ободряли исходатайствованіемъ указа о дачѣ мнѣ потребныхъ къ тому извѣстій. Я тогда же было-принялся за нее и нѣсколько главъ написалъ. Нынѣ у досугу разсматривалъ. Она доходитъ до времени царя Ивана Васильевича. Сожалѣю, что обстоятельнѣе не могъ я писать за недостаткомъ у меня потребныхъ къ тому извѣстій; но чтобъ и тотъ мой трудъ небольшой втунѣ не остался, думалъ я оное до васъ послать подъ именемъ «Опыта казанской исторіи»... Другую часть сего Опыта послѣ могу прислать. Въ ней показаны будутъ походы къ Казани царя Ивана Васильевича и нынѣшнее города состояніе. За симъ можно и легче будетъ прочія сей губерніи мѣста описывать»...

7 августа 1764 года: «На прошедшей почтѣ послалъ уже я до вашего высокоблагородія первый листокъ Опыта моего казанской исторіи. Опытомъ назвалъ я ее какъ еще несовершенную, а притомъ и вашему послѣдуя [1])... Я васъ, какъ друга и милостивца, прошу посылаемое нынѣ разсмотрѣть и неисправности выправить по вашему разсужденію и искусству. Можетъ быть, что я во многомъ ошибся и не такія доказательства приводилъ, какія требуются. Я изъ того выбиралъ, что у меня нынѣ есть. Сожалѣю, что и писца исправнаго у меня нынѣ нѣтъ: кое-какъ переписано, а мнѣ самому не удалось хорошенько высмотрѣть,

[1]) Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» 1761 года помѣщенъ Миллеромъ «Опытъ новѣйшія исторіи о Россіи».

но сіе у васъ можетъ быть исправлено... Списокъ казанской исторіи г. Пестрикова, который уже покойникъ, весьма плохъ. Многое такъ дурно писано, что выразумѣть трудно, и я принужденъ въ слѣдующихъ главахъ употреблять мой. Но можетъ быть отъ сего моего опыта подастся поводъ другимъ лучшее и обстоятельное описаніе учинить. Я вашего мнѣнія: что нибудь лучше, нежель ничего!»

20 ноября 1764 года: «Послѣ отсылки къ вамъ второй части Опыта казанской исторіи, кою я выписывалъ изъ описанія бывшаго въ Казани географа Пестрикова, получилъ я еще описаніе казанское. Надпись его есть слѣдующая: «Сказаніе вкратцѣ о началѣ царства казанскаго и о побѣдахъ великихъ князей московскихъ со царьми казанскими, и о взятіи того жъ царства казанскаго благочестивѣйшимъ царемъ и великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ». Сочинитель не именовалъ сего, но видно, что онъ былъ русской изъ военныхъ людей, попалъ въ полонъ и жилъ въ Казани при ханѣ Сипъ-Гиреѣ въ близости и въ милости его двадцать лѣтъ. По взятьѣ жъ Казани, вышелъ онъ къ царю Ивану Васильевичу и обращенъ паки въ христіанство. Кажется, что оно самое то, изъ котораго г. Пестриковъ выписывалъ. Только списокъ попался мнѣ худаго письма и со многими описками. Я, сличая то и другое, разсудилъ въ свободные часы мое сочиненіе снова переписать все моею рукою, и какія несходства или въ семъ послѣднемъ пополненія явятся, оныя внесть подъ чертою въ примѣчаніяхъ или на полѣ подъ × »...

Миллеръ не былъ доволенъ Опытомъ казанской исторіи Рычкова и 13 сентября 1764 г. писалъ къ нему: «по моему мнѣнію вы притомъ должны еще воспользоваться Лызлова Скиѳскою Исторіею. Вы упоминаете Пестрикова, а слѣдуетъ ссылаться только на извѣстныхъ казанскихъ лѣтописцевъ, изъ которыхъ Пестриковъ, какъ кажется, выписывалъ слово въ слово [1])»...

«Пріятнѣйшее ваше письмо отъ 13 сентября получилъ я, отвѣчалъ 27 ноября 1764 г. Рычковъ, 22 числа сего ноября.... Лызлова Скиѳской Исторіи у меня нѣтъ. И такъ, ежель возможно и вамъ не трудно, то не соизволите-ль вы у себя изъяс-

[1]) V-й портфель писемъ исторіографа Миллера, въ архивѣ академической конференціи.

нить и дополнить мое описаніе вашими примѣчаніями. Я уже доносилъ, что попалось мнѣ въ руки и то, изъ коего Пестриковъ выбиралъ и въ первую мою часть что̀ надлежитъ изъ него дополнилъ примѣчаніями подъ чертой. Ежели-бъ письмо ваше ускорилось, то бъ я, не упоминая Пестрикова, все въ самой текстъ внесъ. Теперь надобно будетъ все снова передѣлывать—не знаю, дозволитъ ли мнѣ время, ибо нѣсколько слабъ здоровьемъ нахожусь»...

Несмотря на такія отговорки, Рычковъ однако послѣдовалъ скоро совѣту Миллера и принялся за поправки и дополненія, но академикъ рѣшительно не удовлетворялся этимъ. «Казанскую исторію, писалъ онъ 27 декабря 1764 г., безъ сомнѣнія слѣдуетъ переработать. Кромѣ Лызлова есть много другихъ рукописей и въ особенности лѣтописцовъ временъ Ивана Васильевича, но объ этомъ подробнѣе въ другой разъ [1])»...

«Опытъ казанской исторіи» Рычкова печатался при Академіи уже послѣ отъѣзда изъ Петербурга Миллера, о чемъ авторъ увѣдомлялъ его 18 ноября 1766 года: «Опыту моего казанской исторіи первыя главы Иванъ Ивановичъ Таубертъ съ г. профессоромъ Шлецеромъ посылалъ въ Геттинценъ (?), чтобъ экзаменовать ихъ въ историческомъ собраніи; но наконецъ всю книжку приказалъ онъ печатать съ моего манускрипта и прислалъ уже ко мнѣ семь главъ печатанныхъ, что̀ половину книжки сочиняетъ, и требовалъ, дабы я ко оной книжкѣ дедикацію на имя ея величества и предувѣдомленіе поскорѣе прислалъ, что̀ я и отправилъ къ нему изъ Оренбурга 28 сентября на его разсмотрѣніе; но по сіе время не имѣю отъ него на то извѣстія. Со оной дедикаціи и предувѣдомленія для вашего свѣдѣнія прилагаю при семъ копіи. Не погнѣвайтесь, милостивый государь мой, что я тутъ имя ваше употребилъ, не согласясь съ вами: за скоростію сіе сдѣлалъ изъ благодарности и почтенія моего къ вамъ въ сходственность моей идеи. Книжку самую противъ то̀й, какова отъ меня послана была къ вамъ, во многихъ мѣстахъ я поправилъ противъ данной мнѣ отъ васъ казанской лѣтописи. Тутъ же прибавилъ особую главу

---

[1]) V-й портфель писемъ историографа Миллера, въ архивѣ академической канцеляріи.

о татарскихъ ханахъ, начавъ отъ Батыя до послѣдняго, по совѣту вашему»...

«Опытъ казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ» напечатанъ въ 1767 году [1]), и въ мартѣ того года Рычковъ представилъ Екатеринѣ II свою книгу, о чемъ говорено уже выше на стр. 54, гл. IV. «Всѣ великіе государи, сказано въ посвященіи императрицѣ, были всегда великіе любители исторіи. Ваше императорское величество, превосходя ихъ..., чтеніе историческихъ книгъ почитаете всегда наипріятнѣйшимъ упражненіемъ. Потому осмѣливаюсь я сей малый» и пр...

Въ предисловіи Рычковъ выражаетъ сначала желаніе имѣть полную исторію Россіи. «...Да и нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, чтобъ то не исполнилось. Съ начала санктпетербургской императорской Академіи Наукъ, основанной императоромъ Петромъ Великимъ, отцемъ отечества, потрудились уже и нынѣ въ ней упражняются самые знатные и ученые люди. Собранія, отъ искусныхъ и трудолюбивыхъ мужей учиненныя, и издаваемые въ печать разные манускритипты подъ именемъ Россійской Библіотеки послужатъ къ тому великимъ способомъ и руководствомъ. Начало ея оставилъ уже намъ покойный статскій совѣтникъ Ломоносовъ — примѣръ, достойный подражанія».

«Но... общая исторія всей Россіи, чтобъ быть ей полною и совершенною, по великости имперіи и по множеству ея провинцій, изъ которыхъ въ древнія времена во многихъ бывали особенныя царства и княженія, необходимо требуетъ особенныхъ описаній. Такое описаніе о началѣ Новгорода и великомъ семъ княженіи имѣемъ уже мы ученымъ мужемъ [2]) сочиненное; сибирское царство имъ же описано; отдаленнѣйшая Камчатка имѣетъ уже свою исторію [3]); новая оренбургская губернія, подъ именемъ исторіи и топографіи, по возможности моей представлена... Исторія казанскаго царства, по ея многимъ перемѣнамъ, мѣшавшися съ исторіею о всей Россіи, была бъ для насъ еще важнѣе и полезнѣе

---

[1]) Въ 8°, 10 нен. стр. (посвященіе и предисловіе), 196 стр. и реестръ на 36 нен. стр.

[2]) Миллеромъ.

[3]) Крашенинникова.

сибирской... Опытъ сей казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ послужитъ къ тому началомъ»...

Отсутствіе исторической критики и ученыхъ пріемовъ—главные недостатки этого труда Рычкова. Какъ перерабатывалъ онъ имѣвшіеся подъ руками его матеріалы, видно изъ собственнаго его разсказа на стр. 67 о спискахъ казанскаго лѣтописца: «въ послѣдованіи сего Опыта, всѣ оные списки, сличая, буду считать за одинъ и стану изъ нихъ сокращать и вносить здѣсь одно то, *что покажется мнѣ* вѣроятнѣе, достойнѣе примѣчанія и съ нынѣшнемъ состояніемъ сходственнѣе»... Рычковъ, что́ впрочемъ нерѣдко встрѣчаемъ и у современныхъ намъ составителей статей по русской исторіи, не понималъ различія между первоначальными источниками и вспомогательными и пользовался ими безразлично. Такъ Миллеръ ему указывалъ, что онъ сдѣланное Пестриковымъ извлеченіе изъ лѣтописи положилъ въ основаніе всему своему разсказу, какъ первоначальный источникъ, а между тѣмъ Пестриковъ составлялъ свое извлеченіе въ тѣ времена, въ которыя жилъ и Рычковъ, и притомъ изъ тѣхъ же лѣтописцовъ, которые были, какъ оказалось послѣ, и въ рукахъ Рычкова.

Въ «Опытѣ казанской исторіи» нѣтъ также того, что дѣлаетъ донынѣ «Оренбургскую Топографію» полезною книгою для справокъ,—это по возможности обстоятельныхъ, собранныхъ очевидцемъ извѣстій о современномъ состояніи края. Четырнадцатая глава «Опыта» озаглавлена «О мѣстоположеніи города Казани и о нынѣшнемъ состояніи онаго» и есть ничто иное, какъ краткое описаніе, сдѣланное тѣмъ же Пестриковымъ въ 1739 году, т. е. почти за тридцать лѣтъ до выхода книги.

Шлецеръ посвятилъ и этому сочиненію Рычкова довольно обширную рецензію [1]), гдѣ высказалъ, что о казанскомъ царствѣ существуютъ на русскомъ языкѣ множество рукописныхъ сказаній то искаженныхъ, то интерполированныхъ и, стало быть, требующихъ такой же трудной и тонкой критики, какъ и всѣ прочія русскія лѣтописи. «Однако, продолжаетъ Шлецеръ, всѣ эти рукописныя сказанія, кажется, принадлежатъ одному сочинителю, именно неизвѣстному русскому XVI вѣка, который попалъ въ

[1]) Göttingische Anzeigen, 1769, B. 2, SS. 1340—1349.

Казань плѣнымъ и жилъ двадцать лѣтъ при дворѣ Сипъ-Гирея... Г. Рычковъ предлагаетъ извлеченіе изъ этой лѣтописи, но не столько для удовлетворенія читателя, сколько для возбужденія любопытства и вниманія его въ качествѣ предвозвѣстника полнѣйшаго описанія примѣчательной казанской губерніи, котораго желаетъ и онъ, и каждый другъ и знатокъ исторіи»... Въ первой главѣ говорится о древнихъ обитателяхъ казанскаго края. Здѣсь много темнаго, но не по винѣ трудолюбиваго автора—его ввели только въ заблужденіе плохіе руководители. Лызловъ, писавшій въ 1690 г., рагузенинъ Орбини, который переведенъ по приказанію Петра въ 1722 году, Бароній и тому подобные не имѣютъ уже болѣе никакого значенія при изслѣдованіяхъ о темныхъ и сбивчивыхъ временахъ переселенія народовъ, и мы желали бы лучше вмѣсто ихъ видѣть имена Дюканжа, Пейсонеля, Дегиня, Эрбло и др. Никогда славяне не жили на Волгѣ, а тѣмъ менѣе переходили, какъ баснословитъ Орбини, изъ Скандинавіи чрезъ Померанію къ Каспійскому морю. Историкъ въ 1767 г. не долженъ вовсе упоминать подобныхъ разсказовъ, или же говорить о нихъ такъ, какъ взрослый человѣкъ говоритъ о глупостяхъ своего дѣтства. Геродотъ зналъ объ этихъ странахъ очень мало, а его послѣдователи Страбонъ, Плиній и пр. еще менѣе. Что за народъ были булгары—это теперь еще загадка»... Въ заключеніе Шлецеръ говоритъ: «Теперь слѣдуетъ прежде всего собрать съ полъдюжину казанскихъ лѣтописей и напечатать лучшую и полнѣйшую изъ нихъ in extenso и буквально, какъ Никоновскую Лѣтопись, а отмѣны остальныхъ помѣстить на поляхъ. Голое извлеченіе возбуждаетъ только любопытство, не удовлетворяя его; возбуждаетъ смущеніе въ историкѣ; распложаетъ давнишнія заблужденія лѣтописцевъ-неучей и подаетъ поводъ къ высиживанію новыхъ заблужденій»...

Рычковъ услыхалъ объ этомъ разборѣ въ 1770 г. и тотчасъ же просилъ Миллера о доставленіи ему статьи хотя бы только для прочтенія. Желаніе его вскорѣ за тѣмъ было исполнено, но справедливыя замѣчанія Шлецера не были ему по-сердцу, и онъ подъ вліяніемъ раздраженнаго авторскаго самолюбія писалъ, 2 іюня 1770 г., къ Миллеру: «Рецензію г. Шлецера я читалъ. Она меня не трогаетъ, но показываетъ въ разныхъ мѣстахъ чрез-

мѣрное самолюбіе, или паче самохвальство сочинителя ея. Неуваженіе тѣхъ писателей, которыхъ я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употреблялъ, не заслуживаетъ (?) возраженія. Славяна-ль по Волгѣ жили, или татара въ старину подъ именемъ болгаръ, онъ и самъ не знаетъ и ничего не утверждаетъ. Сіе ему, какъ историку, чести не дѣлаетъ (!), но что тутъ въ давныя времена русскіе и новгородцы находились, на сіе мы очень много находимъ у себя вѣроятныхъ доказательствъ. Оставляю сіе»...

Изъ писемъ Рычкова къ Миллеру въ 1768 и 1769 годахъ видно, что первый занимался матеріалами, касающимися исторіи Астрахани и 31 января, 1769 г., послѣ отсылки двухъ первыхъ частей ея, писалъ: «Ко астраханской исторіи принадлежащаго имѣю я у себя только Разина бунтъ, и тамошнее отъ него разореніе описано съ нарочитымъ пространствомъ. Я думаю сіе внесть къ симъ собраніямъ особою частію, начавъ сперва тамошнимъ замѣшательствомъ, причиненнымъ отъ Марины Сендомирской побѣгомъ ея туда; потомъ бунтъ Разина, а напослѣдокъ въ 1704 году при Петрѣ Великомъ бывшее замѣшательство, о которомъ Страленбергъ упоминаетъ»...

По полученіи отъ Миллера примѣчаній и дополненій на первыя двѣ части астраханской исторіи, Рычковъ 1 августа 1769 года отвѣчалъ: «...Примѣчанія ваши неоднократно я читалъ: они достойны великаго вниманія. Я къ моему сочиненію намѣренъ ихъ, переведя на русской языкъ, особымъ примѣчаніемъ сообщить; но прежде нежель сіе учиню, оное примѣчаніе на ваше разсужденіе къ вамъ сообщу и буду слѣдовать вашему наставленію. Подлинно, что столь отдаленныя отъ насъ времена инако не можемъ мы разбирать какъ догадками, но кто просвѣщеннѣе науками и достаточенъ во чтеніи, тотъ основательнѣе и ближе приходитъ къ истинѣ, покрайней мѣрѣ къ вѣроятности. Мнѣ кажется и наши лѣтописцы (sic), хотя они и не самимъ Несторомъ писаны, не во всѣхъ случаяхъ отвергать надобно. Въ спискѣ Никона патріарха, кой въ печать изданъ, Команы и Русь не въ одномъ мѣстѣ за единъ народъ признаваются. Другіе гораздо сего старѣе тоже утверждаютъ. Равномѣрно и о Тмуторокани еще во время царя Ивана Васильевича говорили и писали (что и въ вашей, сообщенной ко мнѣ выпискѣ изъ лѣтописи сего государя показано), что она тутъ

была, гдѣ нынѣ Астрахань. И такъ сіе мнѣніе гораздо старѣе Лызлова и уже прошло ему болѣе двухсотъ лѣтъ. Уповаю и тогда были какія нибудь о семъ сказанія иль старые люди, сему послѣдовавшіе. Преподобный Несторъ, упоминая многія княжества, весьма мало изъясняетъ о ихъ мѣстоположеніяхъ. Имъ самимъ сказуемую Тмуторокань не трудно къ нынѣшнимъ астраханскимъ предѣламъ причесть, разсуждая разные набѣги и уходы, въ Тмуторокань бывшіе. Вотъ, дражайшій другъ, почти все то, что я на примѣчанія ваши сказать могу».

Сочиненіе, о которомъ говорится въ сейчасъ приведенныхъ выпискахъ изъ писемъ Рычкова, напечатано было въ Москвѣ въ 1774 году, подъ заглавіемъ: «Введеніе къ Астраханской топографіи, представляющее въ первой части разныя извѣстія о древнемъ состояніи сей губерніи и обитавшихъ въ ней народовъ; а во второй — о покореніи сего царства подъ державу россійскихъ монарховъ», въ 8^0, на 76 стр.

Этотъ трудъ Рычкова не имѣетъ никакой цѣны, потому что здѣсь еще болѣе замѣтны поспѣшность и полнѣйшее отсутствіе критики, такъ что авторъ не дѣлаетъ никакого различія, наприм. между лѣтописцами и Лызловымъ; Эминымъ, творцемъ россійской исторіи и Миллеромъ и т. д., но всѣхъ ихъ приводитъ съ одинаковою вѣрою въ ихъ непогрѣшимость.

Изъ писемъ Рычкова къ Миллеру можно видѣть, что сверхъ обмѣна мнѣній по поводу печатавшихся отъ времени до времени сочиненій перваго, онъ сообщалъ ему разныя свѣдѣнія по части географіи и исторіи оренбургскаго края.

Такъ 26 февраля 1758 года Рычковъ доставилъ Миллеру роспись картъ и журналовъ, хранившихся въ Оренбургѣ при «географическихъ дѣлахъ». Въ отвѣтѣ своемъ 30 мая 1758 г. Миллеръ писалъ [1]): «Я не знаю что̀ изъ нихъ выбрать—всѣ хороши и всѣ надобны, а при оренбургской канцеляріи надобны-ли, того мнѣ неизвѣстно. Ежели тамъ не надобны, то кажется бы можно учинить канцелярское опредѣленіе, чтобъ для вящшей пользы и для поправленія и дополненія россійскаго атласа послать оныя въ Академію. Можетъ быть сыщется въ оренбургской канцеляріи и

[1]) II портфель писемъ историографа Миллера къ разнымъ особамъ, въ архивѣ академич. канцеляріи.

указъ, при которомъ оный атласъ въ тамошнюю, какъ во всѣ прочія губерніи, посланъ въ такой силѣ, чтобъ сообщить въ Академію все, что служить можетъ оному атласу въ поправленіе и дополненіе. И изъ прочихъ губерній уже не мало ландкартъ сообщено. Чего ради и оренбургская губернія потому же исполнить можетъ: но сіе я пишу токмо примѣромъ, а больше полагаюсь на собственное ваше раченіе и услужливость, довольно вѣдая, что сими качествами болѣе добра дѣлается въ канцеляріяхъ, нежели многократно подтвержденными приказами»...

19 октября 1758 года Рычковъ увѣдомлялъ Миллера: «я приказалъ при здѣшнихъ географическихъ дѣлахъ новую ландкарту сочинять такъ, чтобъ на оной всѣ здѣшнія и сибирскія пограничныя мѣста и смежные къ нимъ народы до самой китайской стѣны показаны были съ частію китайскаго государства, коя къ Россіи ближе... Вы, уповаю, простите мнѣ, что я въ незнаемыхъ и неописанныхъ мѣстахъ извѣстную вамъ Страленбергову карту и приложенную при переводѣ татарской исторіи Абулгази Хана французскую (печатанную въ Лейденѣ) употребить велѣлъ, ибо безъ того о тамошнихъ мѣстахъ полной идеи имѣть намъ не можно бъ»... 3 декабря того же 1758 года, Рычковъ эту карту доставилъ въ Академію.

По требованію Миллера, Рычковъ 28 іюля 1759 года сообщалъ ему: «киргизцы называютъ себя просто казаками, а иногда и съ приложеніемъ слова кыргызъ, или кыргызъ-казакъ. Слово кыръ значитъ на ихъ собственномъ языкѣ степь, а казакъ — вольный человѣкъ; изъ чего слагается степной или вольной человѣкъ. Сара-казакъ почти тожъ, только съ персидскаго языка, ибо сара на персидскомъ языкѣ — степь. Степь еще и ялаизъ называютъ здѣшніе народы; потому изъясненіе исецкихъ башкирцовъ, вамъ учиненное, не ложно»...

Въ 1759 году былъ отправленъ въ среднюю киргизъ-кайсацкую орду геодезистъ, который, возвратясь оттуда, сочинилъ карту всѣмъ посѣщеннымъ имъ мѣстамъ. Ее Рычковъ также переслалъ Миллеру, равно какъ и вѣдомости всѣхъ горныхъ заводовъ въ губерніяхъ оренбургской и казанской.

25 ноября 1759 г. онъ же писалъ Миллеру: «усматривая изъ письма вашего, съ какою благоугодностію принимаются у

васъ новыя ландкарты, прилагаю при семъ карточку Закамской линіи, которую я во второй части моей Топографіи при описаніи Ставропольскаго вѣдомства обстоятельно описалъ, наипаче для того, что сія линія, какъ уже покинутая, а многимъ казеннымъ коштомъ строенная, со временемъ оставитъ о себѣ малые токмо признаки и подастъ причину къ разнымъ мнѣніямъ. Уповаю, сіе аппробовать изволите»...

Въ письмѣ отъ 16 декабря 1759 года онъ такъ объясняетъ извѣстный у киргизовъ обычай: «баранта разумѣется захватъ въ такомъ случаѣ, ежель киргизецъ одинъ у другаго украдетъ что-либо и добровольно не отдаетъ, то обиженный старается отогнать или отхватить лошадей, а иногда и людей захватываютъ и такъ долго держатъ, пока къ раздѣлкѣ принудятъ. Такимъ образомъ и цѣлые роды одинъ за другимъ разбираются. Да и въ здѣшнихъ дѣлахъ захватъ киргизцевъ повелѣно чинить, когда они воровство или злодѣйство учинятъ».

24 февраля 1760 года Рычковъ доставилъ Миллеру «записку о экспедиціи князя Бековича», говоря притомъ: «я здѣсь болѣе извѣститься о томъ не могъ». Между тѣмъ въ томъ же году въ январской книжкѣ «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» (стр. 1 и слѣд.) Миллеръ помѣстилъ «Извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о строеніи крѣпостей при рѣкѣ Иртышѣ». Здѣсь между прочимъ упоминается вкратцѣ о посылкѣ князя Александра Бековича Черкасскаго въ Хиву съ офицерами Александромъ Когинымъ (sic) и княземъ Васильемъ Урусовымъ. Прочитавъ эту статью, Рычковъ, 16 марта 1760 года, писалъ къ Миллеру, что о князѣ Бековичѣ сообщилъ ему со словъ генералъ-маіора Тевкелева. «Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я, продолжаетъ Рычковъ, сочиненіе вашего высокоблагородія о песошномъ золотѣ и пр. Сожалѣю, что за отлученіемъ моимъ отсюда трудно будетъ выписать о крѣпостяхъ иртышскихъ, ниже Омска построенныхъ, такожъ и о тѣхъ, кои по Ишиму строены: нынѣ всѣ оныя Новою Сибирскою линіею именуются. Сіе началось въ 1743 году, когда Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ въ Шадринску видѣлись. Я съ Иванъ Ивановичемъ тамъ былъ, и все дѣло

было моихъ рукъ по тогдашнему времени въ разсужденіи зюнгорцевъ, частію же и для китайцевъ. Ежель вы формально отъ меня о семъ потребуете, то изъ деревни формально жъ потребую выписки изъ канцеляріи и васъ оными примѣчаніями оттуда увѣдомлю. Въ описаніи оренбургскомъ хотя и есть о томъ, но очень кратко: я его писалъ не ради того, чтобъ ему напечатану быть».

«Видно, что вамъ трудно находить обстоятельныя извѣстія, касающіяся до экспедиціи князя Александра Бековича [1]). Мое, здѣсь учиненное можетъ служить за нѣкоторое дополненіе. Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ едва былъ ли съ Бековичемъ. Онъ здѣсь главнымъ командиромъ былъ и меня безмѣрно любилъ. Про Бековича я отъ него ничего не слыхалъ. То знаю, что онъ съ Кожинымъ для описанія Каспійскаго моря отъ государя посыланъ былъ, и оное описали они обстоятельно. Достохвальное ваше раченіе ко описаніямъ въ здѣшней сторонѣ имѣющихся владѣній влагаетъ мнѣ мысль когда нибудь, а паче по возвратѣ изъ отпуску извѣстіями объ оныхъ служить. Сіе можетъ со временемъ третью часть составить здѣшняго описанія»...

6 апр. 1760 г. Рычковъ послалъ Миллеру копіи съ инструкціи, данной Петромъ Великимъ князю Александру Бековичу Черкасскому, и съ двухъ указовъ поручику Кожину. Эти матеріалы попались Рычкову въ копіяхъ съ писемъ государя къ генералъ-адмиралу Апраксину. 23 мая того же года къ Миллеру же доставленъ стараніями Рычкова «проспектъ г. Оренбурга», сочиненный инженеръ-капитаномъ Ригельманомъ.

Миллеру были надобны извѣстія о добываніи сѣры около Волги, и Рычковъ 3 іюня 1760 г. писалъ по этому случаю: «Сѣрной заводъ на той сторонѣ (т. е. на правой по теченію) Волги, отъ города Самары, какъ помнится, верстъ 18 или 20, къ оренбургской губерніи не принадлежитъ. Я тамъ самъ неоднократно

---

[1]) Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ первой печатной статьи Миллера о квязѣ А. Черкасскомъ, въ изданномъ 1772 г. «Журналѣ или поденной запискѣ» Петра Великаго т. II, стр. 341 — 397, сообщены подробныя и обстоятельныя извѣстія о неудачной экспедиціи этого князя въ Хиву. Въ Москвитянинѣ 1842 года, часть VI, № 12, Ист. матер., стр. 373 — 394, «Записка о поѣздкахъ Александра Бековича князя Черкасскаго къ восточному берегу Каспійскаго моря и о сухопутной экспедиціи его въ Хиву». Записка эта составлена также на основаніи современныхъ матеріаловъ.

бывалъ проѣздомъ, но не любопытствовалъ. То только знаю, что онъ на самомъ берегу Волги подъ высокой горой. Сѣрную землю выкапываютъ тутъ изъ горы и вываривaютъ изъ нея сѣру. А сѣрнымъ ключамъ быть тутъ не надѣюсь; попадаетъ же тутъ и натуральная сѣра, цвѣтомъ и чистотою подобная янтарю. Помнится я нѣсколько кусочковъ до вашего высокоблагородія ея отправилъ. Ожидаю къ себѣ въ гости изъ Ставрополя г. подполковника Куроѣдова, кой въ тамошней канцеляріи присутствуетъ и мнѣ дядя. Онъ, по близости сего мѣста находясь, все знаетъ. Я, отъ него извѣстясь, васъ увѣдомлю, а можетъ быть и самъ тамъ не буду ль. О пригородѣ Сергіевскѣ во второй части моей Топографіи найдете вы по обстоятельнѣе, нежель въ первой. Только нынѣ при ономъ сѣрнаго и никакого заводу тутъ нѣтъ. Бывшій тутъ заводъ сѣрной перенесенъ на вышеозначенное мѣсто за Волгу. Чертежи оренбургскихъ публичныхъ строеній вмѣсто того, чтобъ имъ праздно у меня лежать, разсудилъ я нынѣ къ вамъ отправить; не пригодятся-ль они у васъ? У меня къ черной книгѣ въ концѣ также сообщены по сему: 1. Церковь соборная лѣтняя. 2. Тожъ зимняя. 3. Приходская петропавловская. 4 и 5. Троицкая и никольская. 6. Загородная св. Георгія. 7. Губернская канцелярія. 8. Губернаторскій домъ. 9. Гостиной дворъ. 10. Мѣновой дворъ. 11. Питейные выходы, надъ которыми полиція и корчемная контора. 12. Артиллерійской дворъ. 13. Соборная церковь въ Ставрополѣ. 14. Тожъ въ Троицкой крѣпости. Все каменное».

(P. S). «Г. Подполковникъ Куроѣдовъ у меня здѣсь уже былъ. О сѣрномъ заводѣ обстоятельное извѣстіе онъ обѣщалъ мнѣ прислать изъ Ставрополя, къ чему я ему записку далъ. Между тѣмъ онъ меня увѣрилъ, что сѣрную землю изъ горы добываютъ, а не изъ ключей вываривaютъ. Заводъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи. Для работы приписано нѣсколько крестьянъ ясашныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые и въ здѣшней губерніи въ пригородѣ Сергіевскѣ живутъ. Командиромъ опредѣляется офицеръ отъ помянутой канцеляріи. Онъ привезъ мнѣ нѣсколько самородной сѣры, но я помню, что оной кусокъ нарочитой величины къ вашему высокоблагородію я послалъ».

Въ іюлѣ Рычковымъ доставлено обѣщанное извѣстіе о сѣрномъ заводѣ, но его не сохранилось въ видѣнныхъ мною бумагахъ Миллера.

Въ апрѣльской книжкѣ 1760 г. «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» Миллеръ помѣстилъ свое изслѣдованіе «О началѣ и происхожденіи казаковъ», гдѣ (на стр. 307) говоритъ, откуда могло произойти названіе казакъ, а также и о яицкихъ казакахъ, при чемъ (стр. 322) есть ссылка на Оренбургскую исторію Рычкова. Послѣдній, 5 іюня 1760 года писалъ объ этомъ къ академику: «Мнѣ никакой противности нѣтъ, что при описаніи происхожденія казачья Исторію Оренбургскую сокращеннѣе и не тѣми словами навели, какъ въ ней написано; но то, что вы Сакмарскъ показали на устьѣ рѣки Сакмары (стр. 326), требуетъ, кажется, изъясненія, ибо онъ отъ устья вверхъ верстъ съ 50; по меньшей мѣрѣ 40 ниже Сакмарска—Сеитова слобода и Бердская казачья. О семъ изъ моего описанія ясняя изволите усмотрѣть. Прочее все великой похвалы достойно»...

18 февраля 1762 г. Рычковъ послалъ къ Миллеру уцѣлѣвшую у него часть Географическаго Лексикона Татищева, а 26 мая того же года писалъ: «ежели я буду по досужнѣе, то, исправя, до вашего высокоблагородія сообщу Василья Никитича сочиненія. Я сберу всѣ, сколько у меня ихъ отъ пожарнаго случая осталось, и до васъ по частямъ буду сообщать. Весьма много тутъ найдется достойнаго къ внесенію въ мѣсячныя книжки.... Уфинскую, такъ называемую Золотую Книгу нынѣ достать уже не можно, потому что всѣ тамошнія дѣла и архивъ погорѣли. А городъ Уфа послѣ казанскаго взятья спустя года три или четыре застроенъ. Трудно такія извѣстія точно показывать, гдѣ къ сохраненію ихъ никакого тщанія никогда не имѣлось»...

7 ноября 1768 г. Рычковъ, послѣ полученія отпечатанныхъ Миллеромъ въ Москвѣ листовъ «Исторіи россійской», Татищева, увѣдомлялъ: «за сообщенный мнѣ экземпляръ трудовъ его превосходительства Василья Никитича Татищева покорнѣйше благодарю. Что до примѣчанія моего надлежитъ на стр. 277 и слѣд., гдѣ описалъ его превосходительство титулъ по содержанію моего сообщеннаго къ нему извѣстія [1]), то помнится на требованіе ваше

[1]) Во 2-й части I-й книги «Исторіи росс.» Татищевъ на стр. 277 упоми-

доносилъ уже я вамъ, что какъ татарское ахуномъ сочиненное, такъ и переводъ съ него между прочихъ книгъ, у меня имѣвшихся, въ бывшій въ домѣ моемъ пожаръ згорѣли. Ежель оное вамъ нужно, то уповаю Евграфъ Васильевичъ (сынъ Татищева) не можетъ ли пріискать у себя то самое, которое я къ покойному родителю его послалъ; но мнѣ мнится, что въ томъ большой нужды нѣтъ: оное ахуномъ сочинено было тогда, когда я Абулгазіи хановой исторіи у себя не имѣлъ, а нынѣ, справясь съ оною, доношу».

«Въ главѣ 3-й описываетъ онъ точьно, что Аланча ханъ имѣлъ двухъ сыновъ близнецовъ: одинъ назывался Татаръ, а другой— Могулъ; изъ коихъ отъ перваго родъ татаръ произошелъ, которыхъ многія племена или поколѣнія описаны у него особливо во 9-й главѣ. И такъ невозможно сказать, чтобъ совсѣмъ неизвѣстно было, отчего имя Татаръ произошло и гдѣ начало имѣло (стран. 277, строки 2 и 3 [1]). Я думаю, что оно изчезло или угасло для бывшихъ у мугульцовъ съ татарами великихъ и частыхъ междоусобей. Не множество-ль примѣровъ въ исторіи, что имена народовъ премѣнились, и такія званія нынѣ употребляются, кои ни малаго сходства съ древними не имѣютъ, да и не знаютъ уже они головой, какъ назывались они встарину. Въ Топографіи моей стр. 73 и 74, часть I, сіе жъ означено. Во второй части на стр. 48 и слѣд. упомянулъ я и вышеозначенное ахунское сочиненіе (ибо тогда было оно еще въ рукахъ моихъ), гдѣ извольте еще усмотрѣть, что до сего имени принадлежитъ. Впрочемъ, не знаю я основаній, по которымъ Василій Никитичь сказанія Абулгазіевы (на стран. 279) отвергаетъ».

«На стр. 278 сверху строка 14 — Карабанъ татара живутъ на острову *сосенаго* озера. Думаю, что надлежитъ быть соленаго озера. По обстоятельству можетъ быть то Аральское озеро, но и другихъ соленыхъ и островистыхъ озеръ тамъ много. Станется, что въ древности имѣли обычай золотить зубы они *яно страрье-*

наетъ о доставленіи ему «любомудрымъ ассессоромъ» Рычковымъ свѣдѣній о татарахъ, о чемъ, см. выше стр. 18.

[1]) Татищевъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ: «что имени татаръ принадлежитъ, отчего оно произошло и гдѣ начало имѣло, о томъ никто не извѣстенъ, хотя ученыхъ было довольно»...

віе почитаются — опечатка: надлежитъ конечно читать: яко старѣйшіе».

«Тутъ же сверху строка 26, гдѣ жилъ 25 лѣтъ, надлежитъ быть 250 лѣтъ, какъ то и у Абулгазія читается[1])».

«Имена Афетовыхъ дѣтей по Абулгазію: 1. Туркъ. 2. Гарабъ. 3. Сакланъ. 4. Русъ. 5. Маникакъ. 6. Звинъ. 7. Конарь. 8. Гарахъ. Кажется мнѣ, что ахунъ нѣсколько выписывалъ и изъ Абулгазіевой исторіи; но можетъ быть списокъ его былъ противъ переводу французскаго и русскаго въ семъ мѣстѣ инаковъ».

«Вотъ все, что я по письму вашему объявить нынѣ могъ. Впрочемъ, примѣтилъ я много опечатокъ и неясныхъ словъ въ напечатанномъ экземплярѣ. Видно, что и тотъ самый, который отъ Евграфа Васильевича сообщенъ въ университетъ къ печатанію, не сличенъ съ подлиннымъ и имѣетъ множество ошибокъ. Весьма изрядно предостерегли вы честь свою въ вашемъ предувѣдомленіи»...

VI.

Доставленіе Рычковымъ извѣстій въ Академію Наукъ по части естествовѣдѣнія. Статьи его, помѣщенныя въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. Сношенія его съ современными писателями и ученымъ. Участіе въ ученой экспедиціи сына его, Николая Петровича Рычкова. Посѣщеніе с. Спасскаго академиками Лепехинымъ, Палласомъ и другими.

Всѣ точныя науки въ послѣднее время сдѣлали громадные успѣхи и далеко опередили то, что еще недавно казалось въ нихъ едва досягаемымъ. Вотъ почему бо́льшая часть новѣйшихъ спеціалистовъ по этимъ наукамъ почти всегда пренебрегаютъ историческою стороною своей науки. Гордые только вчера добытыми результатами, они заняты только ими и оставляютъ безъ вниманія и длинный путь, который велъ къ позднѣйшимъ открытіямъ, и труды и усилія предшествовавшихъ дѣятелей, быть можетъ заблуждавшихся, но тѣмъ не менѣе облегчавшихъ возможность этихъ

[1]) Всѣ замѣченныя Рычковымъ опечатки исправлены и стр. 278 перепечатана. Только по недосмотру, вм. старѣйшіе, и здѣсь напечатано «старѣйшіе».

открытій. При всемъ глубокомъ уваженіи къ спеціалистамъ, изучающимъ свою науку въ ея послѣднемъ фазисѣ развитія, я, однако, смѣю думать, что для полнаго пониманія этого развитія, для вѣрной оцѣнки каждой вновь добытой истины, наконецъ, для уразумѣнія того направленія, которому надобно слѣдовать для дальнѣйшаго преуспѣянія науки, для всего этого мало одного, хотя бы даже и глубокаго знанія современнаго состоянія науки. Знакомство съ ея прошедшею судьбою и съ трудами нашихъ предшественниковъ, даже ихъ ошибки и заблужденія при отысканіи истинъ, все это служитъ въ поученіе тому, кто хочетъ не только вполнѣ овладѣть наукою, знать настоящіе ея успѣхи, но и содѣйствовать успѣхамъ ея въ будущемъ.

Современный естествоиспытатель, взглянувъ на содержаніе настоящей главы, быть можетъ встрѣтитъ съ недовѣріемъ, если не болѣе, имя Рычкова являющимся въ лѣтописяхъ естественныхъ наукъ въ Россіи XVIII столѣтія. Между тѣмъ въ дѣйствительности это было такъ. Переписка Рычкова съ Миллеромъ, когда она касается естественныхъ наукъ, лучше всего показываетъ, на какой невысокой степени стояли онѣ не далѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ. Незнакомый даже съ азбукою предмета, Рычковъ однако успѣлъ нѣкоторыми изъ своихъ наблюденій и извѣстій упредить дѣятеля съ такимъ громкимъ именемъ въ исторіи естествовѣдѣнія, каковымъ былъ Палласъ. Разгадку тому слѣдуетъ искать въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыя поставленъ былъ Рычковъ, жившій долгое время въ маловѣдомомъ оренбургскомъ краѣ, въ любознательности его, а также въ близкомъ общеніи его съ Академіею Наукъ.

Въ 1758 г. въ Novi Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae [1]) была между прочимъ напечатана статья Іоанна Георга Гмелина, подъ заглавіемъ «Mus aquaticus exoticus Clar. Auctor Raii Synops. quadrup. Russ. выхухоль». Краткое обозрѣніе ея помѣщено, по принятому тогда обычаю, въ началѣ Комментарій [2]), и здѣсь академикъ Миллеръ, тогдашній непремѣнный секретарь Академіи, объяснивъ неточности и противорѣчія разныхъ ученыхъ въ описаніи выхухоли, приводитъ по-

[1]) T. IV, pp. 383—388.
[2]) Ibid., pp. 46, 49.

томъ извѣстія, которыя Рычковъ доставилъ объ этомъ животномъ, водящемся по берегамъ Волги и Яика (Урала), и заканчиваетъ свой обзоръ такими словами:

Hactenus notitiae a Ritschkovio V. Ampliss. suppeditatae, ex quibus abunde patet, notabilem esse morum diversitatem inter animal Americanum et nostrum, nisi quis suspicari velit, quaedam falsa Sarrazino impacta fuisse ab aliis, aut minus recte ab ipso intellecta, quae forsitan nec in ipsa Canada fidem merentur».

25 февраля 1759 года Миллеръ обратился съ просьбою къ Рычкову о доставленіи изъ оренбургской губерніи разныхъ предметовъ для натуральнаго кабинета барона Александра Сергѣевича Строганова, который составилъ свое собраніе во время заграничнаго путешествія и желалъ пополнить его произведеніями и животными, составляющими принадлежность собственно Россіи, какъ-то: всякаго рода руды и камни съ указаніемъ мѣстонахожденій ихъ; большой кусокъ илецкой соли; кусокъ самородной соли изъ окрестностей Самары; нѣсколько гнѣздъ птички ремеза (parus pendulinus)[1]), чучелу землянаго зайца (mys jaculus), бѣлужій камень и т. п. «Касательно камня изъ бѣлуги, писалъ тогда же Миллеръ, прошу васъ помочь намъ рѣшить недоумѣніе о его свойствахъ. Когда докторъ Гмелинъ и я были въ 1733 году въ Казани, то намъ подарилъ тамъ нѣсколько камней Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, говоря, что ихъ находятъ въ головѣ бѣлуги[2]). Но потомъ здѣсь разсматривали внимательно нѣсколько бѣлужьихъ головъ, въ которыхъ не нашлось подобныхъ камней. Не бываютъ-ли они быть можетъ въ желудкѣ или въ жабрахъ рыбы? Глотаетъ-ли она ихъ или же они зарождаются въ ней? Не встрѣчается-ли такихъ камней на берегахъ рѣкъ, гдѣ водится бѣлуга? Какое употребленіе и какая польза этихъ камней? Подробные отвѣты на эти вопросы будутъ помѣщены въ изданіяхъ Академіи какъ это уже случилось по поводу недоразумѣнія, разрѣшеннаго вами ка-

---

[1]) О рѣдкости ремезовыхъ гнѣздъ въ европейскихъ натуральныхъ кабинетахъ упоминаетъ Штраленбергъ на 417 стр. своего сочиненія о Россіи «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia», Stockholm, 1730.

[2]) Штраленбергъ въ томъ же сочиненіи о Россіи, на стр. 323, 324 говоритъ, что эти камни находятъ въ головѣ бѣлуги.

сательно выхухоли, что̀ заслужитъ похвалу не только въ Россіи, но и у иностранныхъ народовъ. Не можете ли вы также приказать сдѣлать рисунокъ съ живой выхухоли и доставить его въ Академію?»[1]).

Рычковъ, по обычной своей услужливости, а также и по тому, что баронъ Строгановъ, какъ зять тогдашняго вице-канцлера, графа Воронцова, былъ вліятельнымъ человѣкомъ, взялся охотно исполнить всѣ эти порученія, о чемъ и увѣдомлялъ подробно Миллера 29 марта 1759 года «Предварительно жъ сіе могу донесть, писалъ онъ тогда, что оный камень въ головѣ бѣлуги никогда не находится, а находятъ по бо́льшой части въ желудкѣ ихъ. Земляные зайцы здѣсь находятся. У нихъ переднія ноги весьма коротки, а заднія очень долги. Поймать и побитыхъ переслать ихъ нетрудно. Какъ объ нихъ, такъ и о птицахъ, какихъ въ вашей сторонѣ не находится, закажу и пересылкою оныхъ служить не премину»...

6 мая 1759 года, Рычковъ, посылая въ Академію чучелу выхухоли, писалъ: «ее прислали ко мнѣ изъ Сорочинской крѣпости (которая отсѣль[2]) въ 176 верстахъ по рѣкѣ Самарѣ); послана живая, и въ пути была жива сутки, потомъ издохла. Вы сами изволите усмотрѣть, что весь запахъ состоитъ у нее въ хвостѣ, а шерсть, уповаю, отъ онаго духу набирается, и пахнетъ тѣмъ же и со временемъ выдыхается. Въ рту у нея сверху только два зуба весьма острые и всегда наружѣ, одинъ съ другимъ очень плотно соединены; видомъ они на подобіе сошниковъ. Больше ничего примѣчанія достойнаго объ ней не знаю»...

13 маи 1759 года: «...при семъ посылаю три гнѣздышка ремезиныхъ, которыя я вчерась получилъ отъ воеводы исецкой провинціи. О птичкѣ пишетъ онъ, что еще поймать не могли: какъ поймана будетъ, то пришлетъ. О гнѣздахъ никакого иного примѣчанія сообщить не могу кромѣ сего, что здѣсь у женщинъ есть обыкновеніе по кусочку изъ оныхъ класть на уголье и окуривать тѣмъ въ домахъ, а особливо дѣтей—признаваютъ, что то здорово. Я сіе пробовалъ: духъ отъ сего куренья показался мнѣ непроти-

---

[1]) II портфель писемъ историографа Миллера къ разнымъ лицамъ, 1757—1759 годовъ.

[2]) Отъ Оренбурга.

венъ; но вы сами сіе лучше изслѣдовать можете»... Впослѣдствіи Рычковъ выслалъ нѣсколько чучелъ ремеза, а 1 іюля 1759 года добавлялъ: «Ремезовы гнѣзда бываютъ по бо́льшей части на таловыхъ кустахъ и на березовыхъ сучьяхъ обыкновенно близь воды. Матерія, изъ коей гнѣздо состоитъ, по бо́льшой части таловой цвѣтъ и нѣсколько жилокъ крапивныхъ и другихъ травъ, кои имѣютъ волокно на подобіе льну. Въ зимнія времена сихъ птичекъ не видать, но куда они отлетаютъ, освѣдомиться я не могъ. Болѣе я не могъ освѣдомиться. Впрочемъ Страленбергово описаніе сея птички и Тиціусово, находящееся въ Лейпцигскихъ Комментаріяхъ вашему высокоблагородію не безъизвѣстно».

Труднѣе было Рычкову добыть бѣлужій камень, который наконецъ получилъ отъ яицкаго войсковаго атамана Андрея Никитича Бородина.

«По его объявленію, писалъ Рычковъ къ Миллеру 2 іюня 1759 года, въ бѣлугахъ и въ осестрахъ камни весьма рѣдко находятся, что̀ подтверждается и симъ, яко онъ неоднократно ко мнѣ отзывался въ письмахъ, что во всемъ ихъ городѣ не могъ такой камень промыслить, а принужденъ былъ писать въ Гурьевъ и на другія рыбныя ватаги, дабы, отыскавъ, къ нему прислали, и нынѣшній полученъ имъ оттуда.

«Они двоякаго существа̀: одни бываютъ морскіе и рѣчные, поглощенные помянутыми рыбами, находятся въ кутыряхъ, то есть въ желудкахъ тѣхъ рыбъ. Сіи весьма крѣпки и во всемъ подобны тѣмъ, которые въ тамошнихъ водахъ ординарно находятся и отъ натуральныхъ камней никакого различія и особливости не имѣютъ. И такъ мое прежнее донесеніе, что тѣ камни не въ головахъ оныхъ рыбъ, но въ желудкахъ находятся, основано было на семъ родѣ. Однакожь я, въ моихъ пунктахъ сумнѣваясь, о истинѣ не оставилъ г. войсковаго атамана нарочно спрашивать и о томъ: одново-ль свойства тѣ камни или разныхъ и не суть-ли поглощенные рыбами изъ морскихъ и рѣчныхъ каменьевъ, что̀, какъ выше значитъ, и не напрасно я учинилъ; да и Страленбергъ во описаніи своемъ такого-жъ мнѣнія былъ».

«О другомъ настоящемъ, т. е. въ бѣлугѣ родящемся камнѣ, г. войсковой атаманъ объявляетъ, что онъ находится не въ кутырѣ, т. е. въ желудкѣ, и не въ кишкахъ помянутыхъ рыбъ, но

есть у нихъ жила къ наросту по ниже клея, на которой обыкновенно у сихъ рыбъ, а именно: у самцовъ жировые молоки, а у самокъ икра ложится; и на концѣ-де оной жилы бываетъ кошелекъ или перепонка, гдѣ тотъ камень находится, но весьма не во многихъ и очень рѣдко. А кромѣ сего мѣста въ кутыряхъ и нигдѣ индѣ не находится. При томъ случаѣ какъ сей камень изъ рыбы вынимается, есть онъ мягокъ, а когда пообсохнетъ, тогда бываетъ крѣпокъ, однакожъ теркою отиратъ или ножемъ оскабливать его можно. О матеріи его и къ чему онъ пригоденъ объявилъ г. атаманъ, что у нихъ неизвѣстно; но я отъ многихъ яицкихъ старшинъ и казаковъ, да и отъ покойнаго войсковаго жъ атамана Ильи Меркульева слыхалъ, что наскобля его даютъ женщинамъ въ самыхъ трудныхъ родахъ и якобы отъ того дѣлается имъ весьма скорое разрѣшеніе, но безъ крайней нужды на то его не употребляютъ. Сей камень, который я нынѣ посылаю до васъ, имѣетъ фигуру на подобіе сердца цвѣтомъ изъ желта бѣловатъ; наружность его ноздревата, но внутренность крѣпче и поскобленая даетъ видъ и глянцъ, схожій къ рыбной кости. Впрочемъ чувствуется отъ него изрядный запахъ, но изъ какихъ матерій онъ состоитъ—сіе ваше высокоблагородіе достовѣрнѣе испытать изволите. Впрочемъ отъ г. доктора Риндера, находящагося здѣсь, слышалъ я, что онъ такіе камни имѣлъ напередъ сего разныхъ фигуръ, но всѣ были они цвѣтомъ бѣловаты, такъ какъ и вышеописанный. А матеріяде ихъ имѣетъ сходство съ жерновкой, т. е. съ камешками, изъ раковъ вынимаемыми (Krebs Stein)».

При донесеніи сего не могъ я преминуть и о семъ васъ увѣдомить, что я какъ отъ яицкихъ, такъ и отъ башкирскихъ старшинъ и гулебщиковъ неоднократно слыхалъ, якобы изъ дикихъ свиней, коихъ на заяицкой степи весьма много, у большихъ кабановъ, или вепрей, въ головахъ изрѣдка попадаются каменья жъ; но мнѣ ихъ видывать не случалось. Помянутый г. докторъ объявлялъ мнѣ, что они находятся у сихъ звѣрей въ желудкахъ, а не въ головахъ, и онъ самъ такой камень видывалъ величиною больше курячьева яица. Постараюсь я о семъ удостовѣриться, и, ежель достану и узнаю что либо въ томъ вѣроятное, о семъ ваше высокоблагородіе впредь увѣдомить не примину»...

24 іюля 1759 года: «Отъ 3 числа іюня посылая до васъ бѣ-

лужій камень, доносилъ я, что буду стараться и находящійся въ кабанахъ, то-есть въ дикихъ свиньяхъ, отыскивать. Г. яицкой войсковой атаманъ Бородинъ на сихъ дняхъ прислалъ ко мнѣ оный чрезъ сына своего, который я имѣю честь при семъ до вашего высокоблагородія послать. Вы сами лучше, нежель я, о свойствѣ и надобностяхъ онаго изволите разсудить. По запаху его уринному легко можно понять, что онъ въ пузырѣ того звѣря родится, какъ то̀ меня и многіе знающіе про то увѣряли; но притомъ сказывали, что онъ весьма изрѣдка у сихъ звѣрей бываетъ. Яицкіе казаки употребляютъ его съ немалою пользою въ запорахъ урины и въ каменныхъ болѣзняхъ. Да и г. докторъ Риндеръ, здѣсь обрѣтающійся, рекомендуетъ его за немалый въ такихъ случаяхъ способъ. Впрочемъ, его превосходительство г. генералъ-маіоръ Тевкелевъ сказывалъ мнѣ, что у киргизъ-кайсаковъ о семъ кабаньемъ камнѣ есть разныя суевѣрства, а особливо содержатъ они то, яко бы ихъ колдуны и ворожецы, кладя сей камень въ воду съ нѣкоторыми церемоніями и словами, лѣтомъ — дожди, а зимою бури и всякія непогоды, когда ни похотятъ, могутъ производить, и ежель они, киргизцы, спознаютъ того, кто оный камень при себѣ имѣетъ, почитаютъ его обществу ихъ за вредительнаго человѣка и не токмо бить, но иногда и до смерти убить его стараются»...

Въ ноябрѣ 1759 г. Рычковъ переслалъ къ Миллеру новый камень, встрѣчающійся изрѣдка въ желудкахъ барановъ.

Будучи въ Башкиріи, а также въ своемъ имѣніи, Рычковъ обратилъ вниманіе на весьма рѣдкую въ остальной Европѣ птичку — водянаго воробья (sturnus cinclus, cinclus aquaticus). «Я, писалъ онъ 13 января 1760 года, въ нынѣшнюю мою бытность въ Башкиріи на тѣхъ рѣчкахъ, кои никогда не мерзнутъ, моими глазами видѣлъ родъ водяныхъ воробьевъ, кои въ воду ныряютъ и въ берегахъ гнѣзды свои имѣютъ. Для сей особливости остановившись, съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ они вылетаютъ и паки подъ воду уходятъ. Перья на нихъ черноваты; подъ шеей нѣсколько бѣло; величиною немного побольше обыкновеннаго воробья. Одинъ офицеръ обѣщалъ мнѣ, застрѣливъ ихъ пары двѣ, прислать, кои до васъ отправлю»... 22 іюля 1761 года: «Въ Топографіи Оренбургской означено уже отъ меня, что въ здѣшней

губерніи есть особливой родъ воробьевъ, которые гнѣзда свои имѣютъ и дѣтей выводятъ въ береговыхъ норахъ, куда они не иначе входятъ какъ сквозь воду, и для того избираютъ такія рѣки, которыя зимою или всѣ не мерзнутъ или большія полыньи имѣютъ и быстраго теченія. Я самъ, въ 1760 году въ январѣ мѣсяцѣ будучи въ Башкиріи, на одномъ мѣстѣ долго на нихъ смотрѣлъ, удивляясь, какъ они то изъ воды вылетали и сидѣли при берегахъ и на закраинахъ льда, то паки въ воду, власно какъ бы брошеной камень, повергались и уходили въ свои норы. Нѣкоторые-жъ и въ берегу подъ водою на сучьяхъ имѣвшагося тутъ валежника сидѣли, такъ что ихъ тутъ не очень глубоко сквозь чистую и прозрачную воду видѣть было можно. Величина ихъ побольше обыкновеннаго воробья, но перья темняя и издали почти черными кажутся; подзобокъ, на груди и на брюхѣ перья у нихъ сѣроваты. Подробно всего затѣмъ я не описываю, что при семъ посылаю до васъ онаго въ натурѣ, который на сихъ дняхъ здѣсь у меня въ селѣ (Спасскомъ) застрѣленъ. Вы сами его разсмотрѣть и описать лучше моего можете. Они и въ здѣшнихъ мѣстахъ не на всѣхъ рѣкахъ и изрѣдка усматриваются, такъ что у меня въ селѣ, когда его усмотрятъ, почитаютъ за диковинку. Простой народъ мнятъ здѣсь, якобы кровью и жиромъ ихъ у людей помазанныя ноги и въ самые жестокіе морозы не зябнутъ; но сіе я отъ достовѣрныхъ слышалъ, что обмороженные у людей члены жиромъ ихъ скоро залечиваются»...

Рычковъ, 30 января 1760 года, увѣдомлялъ также Миллера объ употребленіи, которое дѣлаютъ башкиры изъ обыкновенной крапивы: «въ за-уральской Башкиріи будучи, почти во всѣхъ башкирскихъ деревняхъ видѣлъ, что башкирскія бабы и дѣвки, сбирая въ осень крапиву, умѣютъ такъ ее учреждать какъ посконь: прядутъ изъ нея нитки и дѣлаютъ изъ нихъ холстины. Я признаваю, что сіе ихъ обстоятельство и рукодѣлье не недостойно описанія. Ежель потребно, то я могу кудели, нитокъ и холста крапивныхъ на разсмотрѣніе отправить. Мнѣ мнится по куделѣ, что веревки и канаты не хуже пеньковыхъ изъ крапивной кудели могутъ дѣланы быть»...

Миллеръ, какъ видно по отвѣтамъ Рычкова, не рѣдко задавалъ ему дѣлать описанія разныхъ предметовъ, встрѣчавшихся

въ оренбургскомъ краѣ. Такъ 6 апрѣля 1760 года Рычковъ писалъ: «О киргизскихъ овцахъ доношу: вообще одинъ родъ ихъ въ обѣихъ ордахъ, то-есть и въ меньшой и въ средней. Они курдюки имѣютъ круглые и толстые на подобіе большихъ и круглыхъ короваевъ, въ коихъ бываетъ ветчинное и другое сало завернуто, и которые о срединѣ своей имѣютъ раздѣленіе снизу. Помнится мнѣ, въ первой части моей Топографіи оныя овцы уже описаны. Бываютъ изрѣдка пригоняемы отъ нихъ (?) и трухменскія овцы, коихъ здѣсь (въ Оренбургѣ) называютъ и бухарскими. Онѣ величиною не больше обыкновенной русской овцы, ноги имѣютъ короткія, шерсть мягкую и кудрявую. У сихъ курдюковъ нѣтъ, но хвосты длинные и плосковатые. Черкасскія же овцы въ здѣшнихъ мѣстахъ хотя у многихъ есть, но онѣ курдюковъ на здѣшней травѣ не получаютъ, но еще и шерсть свою отмѣняютъ: она становится отъ времени до времени песиговата и жестока. Напротивъ того, киргизскія овцы, когда отгоняютъ ихъ вдаль, бывшіе свои курдюки года черезъ два совсѣмъ теряютъ. Я мню, что тамошнія травы такой состанціи (субстанціи) не имѣютъ, какая въ родящейся на киргизскихъ степяхъ есть; да и здѣсь на хуторахъ годъ отъ году тѣ ихъ курдюки меньше становятся, и овцы мельчаютъ. Можетъ быть, то наше содержаніе въ хлѣвахъ и въ запертыхъ мѣстахъ не сходно съ ихъ натурой»...

24 сентября 1761 года: «между прочаго писали вы о вишневомъ кустарникѣ, кой находится въ Исецкой провинціи: есть-ли онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и пр.? Онагдась позабылъ я на то доносить. Его здѣсь очень много, и вишни случаются такъ крупны, что не хуже садовыхъ и вкусомъ, и величиною. Да и во многихъ дачахъ его не мало. Ежель онъ въ огородъ пересаженъ бываетъ, то какъ кустъ, такъ и плодъ на хорошей землѣ лучше дѣлается. И я вашего мнѣнія, что садовыя шпалеры изъ него могутъ быть не худы, но не надѣюсь, чтобъ онъ выше человѣка вверхъ подниматься могъ»...

«Письма съ пустыми вѣжливостями пишу я, говорилъ Миллеръ Рычкову въ письмѣ своемъ отъ 24 сентября 1761 года, очень не неохотно. Надобно-ли, чтобъ я всегда васъ утруждалъ новыми порученіями? Если да, то вотъ вамъ одно: желаютъ знать

что это за слово *карлукъ*[1]), татарское или калмыцкое и что оно собственно значитъ? Понимать-ли подъ нимъ рыбный пузырь (Blase) или приготовленный рыбій клей? Далѣе, хотятъ имѣть свѣдѣнія: какъ приготовляется рыбій клей? и притомъ получить подробное описаніе всего производства; изъ какихъ рыбъ и изъ какой именно добывается лучшій? изъ одного ли пузыря или и изъ другихъ частей? Изъ всѣхъ ли вмѣстѣ пузырей онъ выдѣлывается или изъ каждаго отдѣльно?

«О клеѣ я, отвѣчалъ на это Рычковъ 21 октября 1761 г., уповаю вамъ услужить нарочитымъ описаніемъ. Изъ письма вашего выписавъ, посылаю я въ Оренбургъ къ моему корреспонденту, дабы онъ о всемъ, подробнѣе освѣдомясь, меня увѣдомилъ. Сіе я, получа, постараюсь въ порядокъ привесть и къ вамъ сообщить. Мнѣ весьма пріятно, когда вы мнѣ предлагаете о такихъ матеріяхъ, кои я исполнить въ состояніи нахожусь»...

20 ноября 1761 года Рычковъ выслалъ къ Миллеру обѣщанное «Описаніе, какъ въ Яицкомъ городкѣ клей дѣлается», и имъ воспользовался нашъ академикъ въ статьѣ своей «О рыбьемъ клеѣ»[2]). Изъ нея узнаемъ, что французскій ученый Дю Гамель, по порученію парижской Академіи Наукъ, обращался къ Миллеру о сообщеніи достовѣрныхъ свѣдѣній, какъ приготовляется рыбій клей въ Россіи, о чемъ въ тѣ времена мало знали за границею.

Въ февралѣ 1762 года Рычковъ, получивъ отъ своего пріятеля, командира Сакмарской дистанціи, маіора Пазухина, кость и полагая, что она должна принадлежать къ остову какой нибудь допотопной огромной птицы, послалъ кость въ Академію; но здѣсь, по отзыву адъюнкта Протасова, кость эта оказалась частью передняго ребра, сросшагося по какому нибудь случаю съ грудною костью у оленя или лося[3]).

29 іюня 1762 года Рычковъ писалъ къ Миллеру:

«Послѣ дождливыхъ погодъ, продолжавшихся здѣсь съ мѣсяцъ,

---

[1]) О словѣ Carluck oder Hauszblasen упоминается у Штраленберга на стр. 323 «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia»...

[2]) Ежемѣсячныя сочиненія, декабрь 1763 года, стр. 483—495.

[3]) Протоколы 1762 года подъ 15-мъ апрѣлемъ, въ архивѣ академической конференціи.

на поляхъ появилось здѣсь такое множество червей, что прежде никогда ихъ столько не видано. Они шли и по дорогамъ стадами въ такомъ множествѣ, что почти всю землю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрывали. Сперва напали они на посѣянные конопли, на горохъ и на макъ, и гдѣ нападали тутъ все на-чисто поѣдали. Усматриваны уже были они и на другомъ хлѣбѣ, особливо на ячменѣ, на овсахъ и полбѣ, а частію и на ржѣ, и всѣхъ здѣшнихъ обывателей привели-было въ отчаяніе хлѣбовъ (sic), да инаково и быть не могло бъ, ежели бъ сія многочисленная гадина съ такою жъ алчбою и безъ разбору все пожирать стала, какъ сперва начала. Послѣ того какъ миновались мокрыя погоды и сильные дожди, оставя хлѣбы, стала она жрать траву лебеду, осотъ и другія мягкія. А понеже сихъ травъ и между посѣянныхъ хлѣбовъ было весьма много, то оставляя хлѣбъ въ цѣлости, оную траву на многихъ десятинахъ всю пожрала и хлѣбъ такъ, какъ выполола. Я самъ съ великимъ удивленіемъ смотрѣлъ на одну десятину посѣяннаго у меня проса, кое было еще не полото и заросши травою, кою крестьяне называютъ осотъ. Сей десятины одну половину оныя черви такъ чисто выпололи, что ни одной травинки въ ней не осталось, а просо все въ цѣлости. Однимъ словомъ — руками такъ чисто нигдѣ не выполото; а другая половина осталась съ травою и выполота бабами. Нынѣ оной гадъ почти весь уже пропалъ — видно, что отъ сухихъ и жаркихъ дней. И такъ отъ чаемаго вреда Богъ спасъ. Величина оныхъ червей съ небольшимъ въ дюймъ, цвѣтомъ темносѣрые съ желтоватыми полосками вдоль ихъ, а нѣкоторые были и зеленоватые»...

19 сентября 1762 года Рычковъ увѣдомлялъ Миллера, что намѣренъ поднести президенту Академіи Наукъ клыкъ мамонта, необыкновенный по величинѣ ($2^1/_2$ аршина) и вѣсу (1 пуд. 30 фунтовъ) и что на рудникахъ Твердышева найдено окаменѣлое дерево въ 160 пудъ. Послѣднее Рычковымъ описано въ статьѣ «О мѣдныхъ рудахъ и минералахъ»[1]). 30 января 1763 года онъ же писалъ Миллеру: «Я слышалъ, что окаменѣлаго дерева большую шкуку, у Твердышева въ Оренбургѣ имѣющуюся, разсудили вы взять въ Академію, и о томъ отъ васъ въ

[1]) Труды Вольнаго экономическаго общества, часть IV, стр. 56.

правительствующій сенатъ взнесено доношеніе; но жаль, что резолюція продолжается и какъ бы способное къ переѣзду время совсѣмъ не прошло. Она конечно болѣе 100 пудъ и достойна того, чтобъ ей быть при Академіи для очевиднаго доказательства тѣмъ, которые претворенію изъ существа въ существо спорятъ. Я чаю, можно-бъ и цѣлое дерево обрыть и вынуть, но на то уже не малой коштъ понадобится. Перевозъ онаго могъ бы поштучно учиненъ быть, которыя по привозѣ на мѣсто собрать и составить не трудно. Но вѣдаю, что у насъ такія дѣла не безъ труда исполнить»...

Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» [1]) была помѣщена статья «О травахъ, изъ которыхъ краски дѣлаются». Здѣсь въ концѣ было упомянуто о растущей въ Украйнѣ травѣ Polygonum Polonicum, на которой въ началѣ лѣта находятъ красные шарики Coccus Polonicus, окрашивающіе въ алый цвѣтъ и замѣняющіе потому кошениль. Прочитавъ это Рычковъ, 29 іюня 1763 года, писалъ къ Миллеру: «Въ здѣшней сторонѣ такіе шарички находятся на кореньѣ травы, изъ которой растетъ ягода клубника. Изъ оныхъ шаричковъ выходятъ червячки или коровки, наполненныя самою алою краскою; но тѣ шарички подъ кореньемъ не красные, но синеваты; только тогда бываютъ красны, когда ихъ поджарятъ. Я, сравнивая ихъ съ кошенилемъ (по нашему: канцелярское семя), признаваю ихъ за сущую ту краску. Въ Кинельской черкасской слободѣ находящіеся черкасы [2]), да и здѣсь, собирая оные шарички изъ подъ клубники во свое время, красятъ шерсть и другія вещи въ самую хорошую и кармазину подобную краску. Я велѣлъ нынѣ домашнимъ моимъ робятамъ немного оныхъ шариковъ собрать, которые на ваше разсмотрѣніе при семъ нынѣ посылаю. Они по бо́льшей части мелковаты, но сіе можетъ быть отъ сего, что еще не поспѣли; однакъ червочки изъ нихъ уже выходили, а нѣкоторые между ими и такой величины, какъ я въ самой хорошей кошенили видалъ. Сказываютъ, что сіи червочки, побывши на клубничныхъ кореньяхъ, переходятъ на коренья другихъ травъ, получаютъ другой видъ и другаго цвѣта краску производятъ.. Ежель вы признаете

[1]) Апрѣль, 1762 г., стр. 454—459.

[2]) Такъ въ то время обыкновенно называли малороссовъ.

за надобно, то я постараюсь о семъ больше развѣдать и, сдѣлавъ описаніе, оное до васъ сообщу. Извольте посмотрѣть въ Гюбнеровомъ натуральномъ лексиконѣ подъ словомъ кошениль, Cochenille, то найдете великое сходство оныхъ шариковъ съ сею краскою, съ тою токмо разностію, что въ Америкѣ сбираютъ ихъ на нѣкоторыхъ деревьяхъ. Я мню, что въ здѣшней и въ казанской губерніи не мало сей краски можно сбирать, когда бы собираніе оныхъ введено было въ обычай. Одну вѣточку приложилъ я при семъ нарочно, дабы могли вы видѣть, какъ оные шарички или червочки подъ корешкомъ сидятъ. Когда краску дѣлаютъ, то изсушивши ихъ полегоньку, толкутъ. Думаю, что также надобно и съ ними поступать, какъ кошениль употребляютъ. Однакъ я отпишу въ черкасскую слободу нарочно о семъ, чтобъ меня увѣдомили»...

Вѣроятно, что чтеніе этого письма Рычкова навело Миллера на мысль: не происходитъ ли названіе Червонной Руси отъ червца (coccus polonicus), о чемъ и было имъ высказано въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ [1]). Сверхъ того, 4 августа 1763 года, онъ писалъ къ Рычкову: «открытіе такого неизвѣстнаго въ натуральной исторіи предмета, какъ кошениль въ оренбургской и казанской губерніяхъ и притомъ на кустикахъ земляники (und an Erdbeer-Stauden), заслуживаетъ великой признательности. Я не премину огласить это во всеобщую извѣстность для вашего прославленія; но предварительно необходимо болѣе разысканій и свѣдѣній, изъ которыхъ горный совѣтникъ и профессоръ химіи г. Леманъ обѣщалъ составить статью для пересылки къ вамъ [2])»...

«Я, отвѣчалъ на это Рычковъ 31 августа 1763 года, радъ что здѣшній coccus, находящійся подъ кустиками клубничника (сія ягода и видомъ, и вкусомъ отмѣнна отъ той земляники, коя у васъ въ сторонѣ родится и называется Erdbeere, хотя подлинно того же роду, но другой специсъ новый—о томъ уповаю извѣстны). Когда г. совѣтникъ и профессоръ Леманъ сочинитъ объ

---

[1]) Іюль, 1763 г., стр. 96: «Во времена великаго князя Владиміра Великаго былъ въ той странѣ городъ Червень и тамошніе городы вообще червенскими городами назывались. Отчего сіе? Не по червѣ ли, или по инсекту (coccus polonicus), красную краску производящему, коей и въ Малой Россіи довольно?»...

[2]) V портфель писемъ историографа Миллера къ разнымъ особамъ.

ней свое предложеніе, то не премину я онымъ клубочкамъ и червячкамъ описаніе сдѣлать, поелику развѣдать о нихъ можно».... 5 сентября 1763 года: «...При семъ прилагаю краткое описаніе, которое я сдѣлалъ, освѣдомясь у кинельскихъ черкасъ; да и пробу онаго, отъ нихъ же присланную... Черкасы называютъ то червецъ. И мѣсяцъ іюнь, въ коемъ оной собирается, по старинному ихъ нарѣчію червецъ же именуется»...

Въ слѣдствіе этого описанія адъюнктомъ Академіи по части естественныхъ наукъ Кёльрейтеромъ составлена была статья, о которой Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру отъ 20 декабря 1763 года отозвался: ...«приложенное описаніе г. доктора Кёльрейтера о червецѣ я прочиталъ. Оно такъ сочинено какъ ученому человѣку сочинять надлежитъ, а особливо примѣчаніе о самомъ червочкѣ весьма тщательно, и на будущее лѣто послужитъ мнѣ къ наблюденіямъ моимъ способомъ. 5 пунктовъ, на концѣ онаго прилагаемые, кажется, что въ моемъ краткомъ описаніи отвѣтствованы». Ниже будетъ еще сказано, что Рычковъ свои наблюденія надъ червцемъ, вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ статьи Кёльрейтера, послалъ потомъ въ Вольное Экономическое Общество, которое помѣстило это въ «Трудахъ» своихъ. Далѣе, изъ протоколовъ академической конференціи видно, что 20 августа 1767 года директоръ Академіи, графъ Владиміръ Орловъ предложилъ на разсмотрѣніе академиковъ присланные отъ Рычкова образцы клубники (potentilla), вмѣстѣ съ водящимися на нихъ насѣкомыми (coccus). 23 августа аптекарь и почетный членъ Академіи Модель сообщилъ ей результаты сравненій кошениля американскаго, польскаго и оренбургскаго: оказалось, что послѣдній, уступая во многомъ первому, далеко однако превосходилъ польскій.

15 ноября 1763 года Рычковъ писалъ къ Миллеру: «Въ надеждѣ вашей ко мнѣ благости и дружбы, прилагаю я при семъ три плитки, изъ коихъ бѣловатая почитается здѣсь за самородную флюсовую извѣстку и употребляется у меня при мѣдномъ моемъ заводѣ съ хорошимъ успѣхомъ и дѣйствомъ вмѣсто сженой извѣсти. Она лежитъ въ горѣ; по бо́льшей части мелка такъ, какъ мука; а между тѣмъ есть и куски на подобіе камня, но весьма мягкіе, изъ коихъ я плиточку для способности къ посылкѣ ножемъ обрѣзалъ. Желтоватыя жъ двѣ плитки изъ такой же мягкой ма-

теріи состоятъ и въ мѣдиплавильной печкѣ вмѣсто флюса служатъ. Но мнѣ разсудилось ихъ послать до васъ на разсмотрѣніе: не будутъ ли онѣ сходствовать съ галмеемъ? Покорно прошу васъ ихъ разсмотрѣть и увѣдомить меня по вашему свѣдѣнію, за какую матерію почитать ихъ надлежитъ. Обѣ оныя матеріи неподалеку одна отъ другой и въ высокой горѣ находятся отъ села моего верстахъ въ шести. Я бы радъ былъ, когда бъ то настоящій галмей оказался, котораго, сколько мнѣ извѣстно, у насъ въ государствѣ еще понынѣ не отыскано. Еще покорно прошу прислать ко мнѣ для пробы и виду кусочекъ каменнаго угля самово хорошаго. Есть здѣсь и онаго признаки. Чего ради съ настоящимъ углемъ хочется мнѣ ихъ сличить, а по сличеніи бъ до васъ на разсмотрѣніе и ихъ послалъ».

Что писалъ въ отвѣтъ на это письмо Миллеръ не извѣстно, такъ-какъ въ черновой его перепискѣ не уцѣлѣло многихъ изъ его писемъ къ Рычкову.

20 декабря 1763 года было напечатано «Извѣстіе о сочиняемой россійской минералогіи», въ которомъ объявлено было, что Ломоносовъ намѣренъ «сочинить описаніе рудъ и другихъ минераловъ, находящихся на всѣхъ россійскихъ заводахъ», а потому къ заводчикамъ была обращена просьба о доставленіи академику образцевъ имѣвшихся у нихъ рудъ. Какъ скоро дошло о томъ свѣдѣніе до Рычкова, то онъ, 1 мая 1764 года, отправилъ къ Ломоносову чрезъ Миллера описаніе мѣдныхъ рудъ своего завода, которымъ Ломоносовъ остался доволенъ[1]). По смерти его оно было препровождено Рычковымъ (въ іюлѣ 1766 года) въ Вольное Экономическое Общество и тамъ напечатано въ «Трудахъ», о чемъ будетъ указано ниже.

1 сентября 1767 года Рычковъ послалъ къ Миллеру описаніе землянаго зайца, (lepus minitus или dipus jaculus). Этого описанія не сохранилось при письмѣ, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «прилагаю описаніе землянаго зайца, котораго я теперь имѣю у себя живаго и, смотря на него, оное учинилъ. Звѣрокъ весьма куріозный, а особливо когда скачетъ, то больше схожъ на прекрасную птичку, нежель на звѣрочка. Ежель не умретъ и

[1]) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, приложеніе къ VIII т. Записокъ Академіи Наукъ, № 7, стр. 71—73.

оказія будетъ, намѣряюсь послать его зимой къ графу Володиміру Григорьевичу (Орлову). Два чучелка послалъ уже я къ Ивану Ивановичу Тауберту, хотя они и были попорчены».

Въ засѣданіи академической конференціи 2 ноября 1767 года разсматривалась эта посылка Рычкова, и академикъ Палласъ высказалъ по этому случаю свое предположеніе, что въ оренбургскомъ краѣ должны еще найтись неизвѣстныя животныя, которыя ожидаютъ описаній [1]).

«Для поощренія въ Россіи земледѣльства и экономіи», въ 1765 году составилось въ Петербургѣ Вольное Экономическое Общество. Членами учредителями его являются или первѣйшіе изъ тогдашнихъ сановниковъ: графы Орловы, Воронцовы, Чернышевы, или люди, приближенные къ императрицѣ, каковыми были: Адамъ Олсуфьевъ, баронъ Александръ Черкасовъ, Григорій Тепловъ, или, наконецъ, академики: Леманъ, Фалькъ и распоряжавшійся судьбами Академіи, совѣтникъ ея Иванъ Тауберть [2]). Послѣдній былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Рычковымъ, а потому неудивительно, что съ самого начала существованія Общества онъ былъ избранъ въ число членовъ его.

«При окончаніи сего 1765 года, разсказываетъ Рычковъ въ своихъ Запискахъ, получилъ я ордеръ отъ г. тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Адама Васильевича Олсуфьева изъ Санктпетербурга отъ 10 числа ноября, коимъ онъ увѣдомилъ меня, что 2 числа того жъ (мѣсяца) выбранъ я въ члены Вольнаго Экономическаго Общества для поощренія въ Россіи земледѣлія и домостройства, при которомъ сообщилъ онъ и письмо ея императорскаго величества, коимъ изволила она то общество аппробовать и подтвердить. Сіе избраніе, безъ всякаго моего исканія учиненное, и пріобщеніе меня къ толь знатному обществу, въ которомъ знатнѣйшія особы и многіе сенаторы присутствуютъ, почитаю я въ нынѣшней моей приватной деревенской жизни не только знат-

---

[1]) Протоколы 1767 г. въ архивѣ академической конференціи.

[2]) Исторія И. Вольнаго Экономическаго Общества съ 1765 по 1865 годы, СПБ. 1865 г., стр. 1—4.

нымъ приключеніемъ, но и за промыслъ Божій, ведущій меня явно къ продолженію службы»...

Эта надежда на поступленіе вновь на службу при посредствѣ вліятельныхъ и сановныхъ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества, а также и горячность, съ какою обыкновенно принимался Рычковъ за всякое новое дѣло, сдѣлали то, что въ первые годы существованія общества онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ его по доставленію сельско-хозяйственныхъ статей.

«Я, писалъ онъ къ Миллеру, 5 февраля 1766 года, уже пять піесъ отправилъ въ собраніе Экономическаго Общества. Г. Клингштетъ [1]) пишетъ ко мнѣ нынѣ, что тѣ, кои получены и въ собраніи читаны, приняты изрядно... Весьма полезно, когда бъ и во всѣхъ губерніяхъ экономическія собранія учредить разсудили. Въ здѣшней (оренбургской) я въ состояніи лучшихъ людей къ тому привесть, ежель мнѣ оное рекомендовано будетъ, а паче, когда я буду въ Оренбургѣ. Надобно токмо разсмотрѣніе имѣть въ сочиненіяхъ ихъ человѣку искусному, ибо многіе хорошо мыслятъ, но не всѣ такъ пишутъ, чтобъ годилось въ публику или въ вышнее собраніе»....

31 марта 1766 года: «Полезное бъ было дѣло, ежели бъ въ собраніи нашего общества должность секретарская такому человѣку прилежному была поручена какъ вы, милостивый государь! Отъ сего очень много зависитъ. Повѣрьте, милостивый государь мой и другъ, я бы самъ отъ того не отрекся для споспѣшества полезнымъ намѣреніямъ нашего общества, ежели бъ мнѣ дали жалованье, или бъ для полученія онаго причислили бы меня къ такому мѣсту, чтобъ я, получая отъ моего жалованья, безъ нужды содержаться могъ. Недостатки мои и не малолюдное семейство мое не дозволяютъ мнѣ безъ онаго служить»...

---

[1]) Тимофей Ивановичъ фонъ-Клингштетъ вице-президентъ юстицъ коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ и членъ-основатель Вольнаго экономическаго общества. Къ нему обращалась иногда Екатерины II, требуя мнѣній его о разныхъ отрасляхъ управленія; онъ подавалъ представленія касательно просвѣщенія и торговли въ Россіи. Нѣкоторыя изъ его статей помѣщены въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. См. «Алфавитный указатель статей, напеч. въ Трудахъ», В. Всеволодова (СПБ. 1849 года) стр. 113, 114.

25 ноября 1769 года Вольное Экономическое Общество присудило Рычкову серебряную медаль за сообщеніе туда разныхъ сочиненій и опытовъ. 20 января 1770 года, оно выразило своему сочлену удовольствіе за доставленные имъ «колпакъ и ширинку холста, которые сдѣланы изъ пуха травы кипрейника», а женѣ его выдана тогда же золотая медаль «въ знакъ благодарности за оказанное усердіе нашему обществу сообщеніемъ какъ прежняго [1]), такъ и нынѣшняго новаго рукодѣлія». Увѣдомляя о томъ Рычкова, Таубертъ писалъ 21 января 1770 года: «Я поздравляю ее (Алену Денисьевну Рычкову) съ ея отличною честію, о которой извѣстна уже всемилостивѣйшая государыня, и которая всемѣрно возбудить должна и другихъ дворянскихъ женъ къ подражанію ея примѣру»...

«Что̀ жена моя, говорилъ Рычковъ въ письмѣ къ Миллеру 24 февраля 1770 года, удостоена золотой медали, о семъ она и я имѣемъ уже извѣстіе чрезъ Ивана Ивановича Тауберта... Я недавно медаль получилъ съ вырѣзаніемъ на оной моего имени при письменномъ благодареніи, но серебряную. Жена моя счастливѣе меня, но я ей не завидую»...

31 октября 1770 года, Таубертъ снова увѣдомлялъ Рычкова: «Вчера Экономическое наше Общество праздновало генеральнымъ собраніемъ всѣхъ членовъ день своего учрежденія въ домѣ его сіятельства графа Захара Григорьевича Чернышева. Сколь скоро въ исходѣ перваго часа пополудни всѣ члены съѣхались, то во первыхъ читано было письмо ея императорскаго величества къ обществу, которымъ оное подъ высочайшее свое покровительство всемилостивѣйше принять соизволила. Потомъ объявлено было президентомъ о розданныхъ по разнымъ задачамъ медаліяхъ. Изъ оныхъ опредѣлены вамъ, милостивому государю моему, одна большая золотая, а г. капитану Болотову такая-жъ по задачѣ о сочиненіи наказа для деревенскаго управителя. Сердечно васъ поздравляю сею отличною честію. Бывшіе въ семъ комитетѣ члены: его сіятельство графъ Романъ Ларіоновичъ (Воронцовъ), Григорій Николаевичъ Тепловъ, полковникъ Александръ Андреевичъ Волковъ и я тѣмъ довольно доказали, сколько

[1]) Рычковъ прежде прислалъ образчики издѣлій изъ козьяго пуха.

мы всѣ готовы вашимъ заслугамъ при всякомъ случаѣ отдать справедливость. Теперь уповаю вы перестанете завидовать любезной вашей супругѣ и оставите сію страсть одному ея полу»...

Изъ диплома на эту послѣднюю медаль (3 ноября 1770 года) видно, что сочиненіе Рычкова было представлено подъ девизомъ: «вѣкъ жить — вѣкъ учиться и трудиться», а Болотовъ, авторъ извѣстныхъ Записокъ, свою рукопись снабдилъ девизомъ: «устрой его въ дѣлахъ, яко же подобаетъ ему; аще не послушаетъ, всади его въ оковы [1])».

Полагаю не лишнимъ сообщить здѣсь описаніе статей Рычкова, напечатанныхъ въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ и нынѣ вниманія по заключающимся въ нихъ подробностямъ. Онѣ непремѣнно пригодятся со временемъ для исторіи оренбургскаго края, а между тѣмъ, будучи помѣщены въ сельско-хозяйственномъ изданіи, могутъ остаться не замѣченными.

«Труды», частъ II, 1766 года: a) стр. 63 — 68. «Опытъ о козьей шерсти». Здѣсь предлагается пряденіе и вязаніе изъ козьяго пуха (или подсада), какъ новый способъ извлекать выгоду изъ козъ. По словамъ Рычкова выходитъ, что онъ первый ввелъ въ употребленіе подобныя издѣлія. Извѣстно, что вязанные изъ мягкой козьей шерсти платки, чулки и другія вещи приготовляются донынѣ въ одномъ только оренбургскомъ краѣ, откуда ихъ вывозятъ въ Петербургъ и за границу. b) Стр. 89 — 101; «О мануфактурахъ изъ хлопчатой бумаги и изъ верблюжей шерсти». Извѣстія о попыткахъ къ разведенію хлопчатой бумаги въ южныхъ мѣстахъ оренбургскаго края при помощи хивинцевъ, бухарцевъ и ташкентцовъ, въ странахъ которыхъ она произрастаетъ въ изобиліи. Для этой цѣли подъ Оренбургомъ въ 1745 году была основана татарская слобода Сеитова, такъ названная по имени татарина Сеита Хаялина. Цѣна бумажнаго хлопка въ Оренбургѣ была во времена Рычкова: въ сыромъ видѣ 10—15 копѣекъ за фунтъ; въ пряжѣ 30 — 40 коп. Въ концѣ статьи говорится о

---

[1]) Указанія объ этомъ можно найти въ Запискахъ Рычкова; также въ подлинномъ дипломѣ и письмахъ къ нему Тауберта и А. Нартова, сохраняющихся въ семейныхъ бумагахъ Д. Н. Рычкова.

полотнахъ изъ верблюжьей шерсти и о выгодѣ отъ сбыта ея за границу.

Часть IV, 1766 года: c) Стр. 30—56, «О мѣдныхъ рудахъ и минералахъ, находящихся въ Оренбургской губерніи». Это самое описаніе, какъ сказано выше на стр. 101, Рычковъ посылалъ Ломоносову. d) Стр. 57—64, «Опытъ о березовой водѣ».

Часть V, 1767 года: e) Стр. 43—59, «Опыты виннаго куренія на домашній расходъ» — разсказъ о гонкѣ спирта изъ молока и сыворотки. f) Стр. 70—77, «О дѣлѣ юфтей». Сообщается о выдѣлкѣ въ Россіи юфти. Статью эту первоначально не рѣшались печатать, о чемъ Рычковъ писалъ къ академику Штелину: «Я радъ, что сочиненіе мое о юфтяхъ втунѣ не осталось. Графъ Романъ Ларіоновичъ (Воронцовъ) сказывалъ мнѣ нѣкоторыя обстоятельства, для чего оно прежде напечатано не было, но мнѣ мнится, что тѣ причины не подлежатъ большому уваженію. Много околичностей при семъ дѣлѣ, для которыхъ въ другихъ государствахъ манифактуру сію размножить невозможно» [1]). g) Стр. 150—196, «О содержаніи пчелъ»; объ этомъ же предметѣ: часть IX, 1768 г., стр. 1—27, «Первое продолженіе о пчелахъ»; стр. 139—163, «Выпись изъ разныхъ писателей о пчелахъ и краткія объ нихъ примѣчанія»; часть XI, 1769 года, стр. 1—34: «Третіе продолженіе о пчелахъ». Всѣ эти статьи примѣчательны, какъ первое обстоятельное описаніе русскаго пчеловодства. Здѣсь можно найти разсказы и повѣрья нашихъ старинныхъ пчеляковъ, описанія ухода ихъ за пчелами и, наконецъ, состояніе въ XVIII столѣтіи этого промысла, процвѣтавшаго въ старинной Руси. Конечно, Рычковъ, не будучи ученымъ естествоиспытателемъ, внесъ въ свои разсказы много невѣроподобнаго, но тѣмъ не менѣе они и въ наше время полезны для изученія старинныхъ повѣрьевъ и пр. Для наблюденій своихъ Рычковъ, какъ видно изъ его статей, пытался устраивать стеклянные ульи. «Г. Таубертъ совѣтывалъ мнѣ, писалъ онъ къ Штелину, 24 мая 1767 года, чтобъ я сочиненіе мое о пчелахъ согласилъ съ описаніемъ Реомюровымъ и другихъ иностранныхъ писателей. Но мнѣ разсудилось напередъ то описать, какъ сіе содержаніе у насъ произво-

[1]) Записки Академіи Наукъ, т. VII, стр. 125.

дится. Другіе могутъ описать иностранныя описанія и примѣчанія. Я собственными моими опытами нашелъ, что оныя описанія съ натурою нашихъ пчелъ не во всемъ сходны, что означится и въ піесѣ моей. По изданіи ея въ публику, можно всякому своими испытаніями увѣриваться и продолжать сію экономію съ лучшимъ наблюденіемъ, которая и въ самыя наши древнія времена обществу великую пользу дѣлала и нынѣ приносить можетъ. Весьма полезно, ежебъ особо напечатанные экземпляры ко мнѣ пожалуете пришлете. Они многихъ возбудятъ къ примѣчаніямъ и представленіямъ о семъ полезномъ дѣлѣ»... [1]). 30 іюня 1767 года онъ же къ Миллеру: «до села Спасскаго доѣхалъ я (изъ Москвы) и съ женою моею благополучно. Теперь утѣшаюсь деревенскимъ житьемъ и дѣлаю опыты мои надъ пчелами, примѣчая движенья ихъ, посадя нѣсколько съ матками ихъ въ стеклянныя банки, а и улья нарочно для того по близости покоевъ моихъ поставилъ. По сіе время описаніе мое нахожу довольно справедливымъ»...

Часть VI, 1767 года: і) Стр. 56—68, «Примѣчанія о прежнемъ и нынѣшнемъ земледѣліи». По мнѣнію Рычкова земледѣліе въ старину было въ лучшемъ состояніи: «правители и самые хорошіе помѣщики почитали у насъ за первый пунктъ къ чести и благоденствію умножать въ крестьянахъ охоту къ земледѣлію и, живучи въ деревняхъ своихъ умѣренно, сами были въ томъ предводители и надзиратели. Такимъ многолѣтнимъ искусствомъ и присмотромъ, безъ сомнѣнія, извѣдали они всѣ правила земледѣлія... Прежде, когда процвѣтало и избыточествовало у насъ земледѣліе, самые лучшіе люди считали себѣ въ честь умножать оное и поощрять къ тому крестьянъ, а притомъ и жили въ деревняхъ своихъ умѣренно и бережно. Но нынѣ живущіе въ оныхъ молодые помѣщики за честь ставятъ себѣ то, когда выстроютъ себѣ пространные домы, уберутъ ихъ богато, имѣютъ при себѣ не малое число офиціантовъ и ливрейныхъ служителей, а къ тому для выѣзду нарядной, двойной, или еще и тройной экипажъ. Не давно и суще не болѣе двадцати лѣтъ назадъ, знатные, разумные и заслуженные штабъ-офицеры и дворяне не малопомѣстные, изъ которыхъ многіе были мнѣ друзьями и пріятельми, имѣли у себя

[1]) Записки Академіи Наукъ, т. VII, стр. 125.

домы посредственные, слугъ при себѣ человѣка по два или по три въ простомъ, но въ чистомъ платьѣ; для выѣзду одну или двѣ простыя-жъ, токмо хорошія, крѣпкія и спокойныя коляски съ принадлежностью. Однимъ словомъ: все было у нихъ надобное въ надлежащей умѣренности и крѣпости. Напротивъ того нынѣ дѣти ихъ и наслѣдники, имѣя тожъ число крестьянъ или еще и меньше и чинъ субалтерна или не выше капитанскаго, живучи въ деревняхъ своихъ уволенными отъ службы, не жалѣя себя и крестьянства своего, свою возможность употребляютъ въ тѣ излишества, о коихъ выше упомянуто... Надобно признаться, что нынѣшнія помѣщичьи деревни начинаютъ уже украшаться хорошими домами, убранными покоями, отчасти жъ и регулярными садами, вмѣсто того, что прежде за довольное украшеніе считали въ нихъ умѣренной, но спокойной домъ съ принадлежностьми, огородъ и садъ простой, но плодовитой; за самое жъ лучшее почитали хорошія житницы и на гумнахъ множество хлѣбныхъ кладей и одоньевъ. О прочемъ въ разсужденіи нынѣшняго деревенскаго житья не вступаю уже въ подробности, дабы не раздражить мнѣ тѣмъ многихъ моихъ знакомцевъ, сосѣдей и пріятелей»... k) Стр. 69—83, «О кошенилѣ и червецѣ», а также въ IX части 1768 года, стр. 164—173, «Прибавленіе къ сочиненію о кошенилѣ и червецѣ»; часть XV, 1770 года, стр. 80—87, «О размноженіи россійскаго червеца». Что объ этомъ предметѣ переписывался Рычковъ съ Миллеромъ, о томъ говорено выше на стр. 98. Въ первой статьѣ, кромѣ своихъ наблюденій, Рычковъ приводитъ способъ добыванія и употребленія червеца въ краску малороссіянами, жившими на рѣкѣ Кинели въ тогдашней оренбургской губерніи. l) Стран. 84—112, «О сбереженіи и размноженіи лѣсовъ». Здѣсь говорится о различныхъ родахъ деревьевъ въ Россіи и объ употребленіи каждаго изъ нихъ. При этомъ замѣчено, что въ Башкиріи вмѣсто пеньки и поскони употребляютъ крапиву: «они, ее подкашивая, мочатъ, стелютъ и треплютъ равномѣрно почти такъ, какъ у насъ со льномъ, съ коноплями и посконью поступаютъ... Сіе употребленіе въ Башкиріи есть самое старинное. Крапивные паруса, упомянутые въ Лѣтописи препод. Нестора, на стран. 26 (отъ 904 по 907 г.) не могутъ ли разумѣться за такія крапивныя холстины? Сіе оставляю на разсмотрѣніе другимъ»... (Ср. выше стр. 94).

Часть VII, 1767 года: m) Стр. 1 — 25, «О способахъ къ умноженію земледѣлія въ Оренбургской губерніи». Въ этой статьѣ сообщены довольно любопытныя извѣстія о нравахъ и хозяйствѣ башкиръ, киргизовъ, калмыковъ, а также о переселеніи (около 1740 года) въ оренбургскій край, по распоряженію правительства, малороссіянъ. n) Стр. 111—212, «Отвѣты на экономическіе вопросы, касающіеся до земледѣлія по разности провинцій кратко и по возможности изъясненные въ разсужденіи оренбургской губерніи». И здѣсь есть полезныя свѣдѣнія для исторіи не только сельскаго хозяйства, но и состоянія цѣлаго края и его разнородныхъ обитателей въ прошломъ столѣтіи.

Часть IX, 1768 года: o) стр. 74 — 82, «О травяныхъ корешкахъ и семянахъ, пригодныхъ къ винной сидкѣ». p) Стр. 82 —91, «О горячей угольной землѣ», гдѣ описаны опыты Рычкова съ каменнымъ углемъ, отысканнымъ въ дачахъ одной татарской деревни. Выше было уже приведено его письмо 1763 г., въ которомъ просилъ Рычковъ Миллера о доставленіи образчика каменнаго угля. Въ 1769 г. онъ писалъ къ академику Штелину: «Вы весьма меня одолжите, когда пришлете ко мнѣ нѣсколько экземпляровъ повторенной печати (т. е. втораго изданія) наставленія вашего къ сысканію каменныхъ угольевъ. Я того мнѣнія, что они въ здѣшней губерніи въ разныхъ мѣстахъ сысканы быть могутъ, когда приложится о томъ стараніе»...[1]).

Часть XIII, 1769 года: q) Стр. 44 — 64, «О травяномъ пухѣ и о домашнемъ его употребленіи вмѣсто хлопчатой бумаги и пр.» и «О краскѣ изъ травы кипрейника и о пухѣ изъ той же и еще изъ другой травы въ прибавленіе къ прежнему». r) Стр. 100—112, «О урожаѣ хлѣба» въ 1769 году.

Часть XV, 1770 года: s) Стр. 66—70, «О стручкахъ перечныхъ», которые разводили жители г. Самары. t) Стр. 71—75, «О крапивной кудели и о употребленіи въ пряжу и въ другія экономическія надобности»; также въ части XVIII, 1771 года, стр. 215—226, «О крапивномъ холстѣ». Ср. выше статью подъ буквою l.

Часть XVI 1770 года: u) Наказъ прикащикамъ

---

1) Записки Академіи Наукъ, т. VII, кн. 2, стр. 126.

Часть XVII, 1771 года: w) Стр. 167—174, «О пряжѣ изъ ветошекъ и тряпицъ и о употребленіи оной въ разныя рукодѣлія».

Часть XX, 1772 года: x) Стр. 25—61, «Описаніе Илецкой соли», съ подробнымъ планомъ Илецкой защиты и тогдашнихъ соляныхъ копей. Это первое и притомъ довольно подробное историческое описаніе илецкаго солянаго промысла, тѣмъ болѣе имѣющее цѣну, что авторъ во время составленія статьи былъ главнымъ начальникомъ соляной части въ Оренбургѣ. Въ письмѣ Рычкова къ Миллеру 27 октября 1771 года между прочимъ читаемъ: «давно уже писали ко мнѣ изъ Экономическаго Общества о сочиненіи описанія илецкой соли. Нынѣ я вздумалъ оное написать, бывъ уже дважды по должности моей на мѣстѣ добыванія ея... Я почти исторически тутъ писалъ, не вступая ни въ какія физическія мои примѣчанія. Г. Академіи профессоръ Палласъ и докторъ Лепехинъ, будучи тамо, оное уже исполнили»...

Часть XXIV, 1773 года: y) Стр. 171—177, «Способъ къ сбереженію съѣстныхъ вещей отъ поврежденія и гнилости». Рычковъ предлагаетъ здѣсь для храненія припасовъ ящики со стѣнками изъ пластинокъ соли. z) Стр. 178 — 184, «О спиртѣ изъ вербовныхъ цвѣтовъ и изъ травы, называемой воробьиной».

Послѣднею статьею, посланною Рычковымъ въ Вольное Экономическое Общество, была подъ заглавіемъ «О приготовленіи въ пищу во время крайней нужды говяжьихъ и бараньихъ кожъ». Здѣсь сообщалось, что во время шестимѣсячной осады Оренбурга отъ Пугачева цѣны на хлѣбъ и вообще на всѣ съѣстные припасы возвысились до такой степени, что четверть ржи продавалась по 140 и 150 руб. Рычковъ, желая помочь бѣднымъ и неимущимъ жителямъ, придумалъ вываривать желе или студень изъ коровьихъ и бараньихъ кожъ и печь изъ нихъ булки, пироги и пр. Онъ при этомъ ссылался на весь городъ, что его изобрѣтеніе тамъ принесло пользу, потому что приготовленные по его способу хлѣбъ, студень и пр. продавались гораздо дешевле обыкновенныхъ и, по свидѣтельству докторовъ, нисколько не были вредны. Статью свою Рычковъ подписалъ полнымъ именемъ, а не скрылъ его, какъ требовалось то уставомъ Экономическаго Общества, подъ какимъ либо девизомъ. Поэтому, 5 января 1775 года, ему было дано знать, что хотя ему и слѣдовало бы

назначить за его полезное изобрѣтеніе золотую медаль, однако сдѣлать этого нельзя по несоблюденію означеннаго правила. Рычковъ отвѣчалъ на это Обществу, что ему именно необходимо было сказать, что его опыты удались въ тяжелую оренбургскую осаду: «къ тому жъ разсуждалъ, что она писана была мною не по задачѣ Экономическаго Общества, но единственно по моимъ опытамъ, а потому и мнилъ я, что нѣтъ резону скрывать въ ней имя такого сочинителя, который всѣ свои силы употребилъ съ нѣкоторымъ еще и расходомъ (претерпѣвая при томъ отъ самолюбивыхъ людей критику), въ пользу здѣшняго общества, утомленнаго тогда крайнею нуждою и опасностію»... Рычковъ, по обыкновенію своему, обратился къ Миллеру съ просьбою похлопотать за него у вліятельныхъ членовъ Экономическаго Общества, чтобы ему была выдана удержанная медаль. «Я, писалъ онъ къ Миллеру 5 марта 1775 года, въ разсужденіи бывшей здѣсь нужды и изобрѣтенія моего къ отрадѣ и пользѣ здѣшняго города, ожидалъ-было себѣ хорошаго за то воздаянія, но вмѣсто онаго и обыкновенную медаль у меня удержали. Разсудите, не убавится-ль или и не угаснетъ ли вовсе къ таковымъ трудамъ и изобрѣтеніямъ въ доброжелательныхъ людяхъ охота?»... Кажется, что домогательство Рычкова осталось неисполненнымъ отъ Экономическаго Общества; покрайней мѣрѣ 16 апрѣля 1775 года онъ писалъ къ Миллеру: «правда, что я огорченъ отъ экономическаго собранія удержаніемъ золотой медали, мнѣ присвоенной, и не знаю, могу-ль себя преодолѣть, чтобъ впредь піесы мои въ оное посылать».

Переписка Рычкова съ Миллеромъ, кромѣ сообщеній по части исторіи, географіи и естественныхъ произведеній оренбургскаго края, заключается по бо́льшей части въ изъявленіяхъ преданности и расположенія къ историографу, а также въ извѣстіяхъ объ исполненіи взаимныхъ порученій.

Въ самомъ началѣ возникновенія этой переписки, именно 18 февраля 1759 года, Рычковъ писалъ къ Миллеру: «я истинно за особли́вое мое удовольствіе почитаю съ такимъ ученымъ и честнымъ мужемъ, какъ ваше высокоблагородіе есть, дружество

и письменное сношеніе имѣть и пользѣ общей, елико знанія моего есть, споспѣшествовать. О пересылкѣ мѣсячныхъ книжекъ покорно вашего высокоблагородія прошу; изъ находящихся же въ реестрѣ (академической книжной лавки) ежель 5 и 6 томы роленовой Исторіи вышли изъ печати, то оные прислать. А сверхъ того, буде въ книжной лавкѣ находятся на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующія, а именно: Homers Werke (Ilias), 3 Theile mit Kupfern in 4^0, Frankf. 1753 — R. 18. Jablonski, Allgemeines Lexicon der Künste und Wissenschaften — 4, 50, Sara, Kunst stets fröhlich zu seyn — 35 [1])».

«Я оныя выбралъ изъ имѣющагося у меня реестра печатаннаго при Академіи 1755 году, но ежель нынѣ оныхъ книгъ въ наличности нѣтъ, покорно прошу выписать. А особливо желательно мнѣ имѣть у себя Гомерову поэму всю, ежель она есть на нѣмецкомъ языкѣ, ибо въ латинскомъ я весьма недостаточенъ. Кромѣ сихъ, ежель изъ моральныхъ новыми лучшими авторами меня снабдите, то почту я за великое ваше одолженіе. Деньги обязуюся съ должнымъ благодареніемъ пересылать, или, по приказанію вашему, эквивалентомъ изъ здѣшнихъ вещей служить. Гомера, ежель изволите достать, прошу въ самой лучшій переплетъ положить; прочія жъ и здѣсь могутъ переплетены быть. Пересылка же ихъ, ежель нарочныхъ къ намъ не случится, можетъ, уповаю, и на ординарной почтѣ учинена быть; потребно только увязать ихъ бережно и адресовать на мое имя такъ, какъ и письма изволите надписывать, припечатывая печатью академическою»...

24 декабря 1759 года: «Извѣстно мнѣ, что вы съ его высокородіемъ г. бригадиромъ Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ имѣете дружеское и честное обхожденіе. Я почелъ бы себя весьма счастливымъ, когда бъ удостоился причтенъ быть въ число его друзей и услужниковъ. Буде не противно, прошу васъ,

---

[1]) Въ послѣдствіи времени Рычковъ уже не любилъ вовсе книгъ для легкаго чтенія. Такъ напр., 18 іюля 1773 г., онъ писалъ къ Миллеру: «Сказки арабскія и другія симъ подобныя не дѣлаютъ мнѣ удовольствія: я ихъ отдалъ моимъ дочерямъ. Онѣ охотно такія пустоши читаютъ. Изъ обертки оныхъ книгъ видѣлъ я, что отпечатывается лексиконъ русской географической»... а потому просилъ о покупкѣ его для себя.

какъ моего милостивца и друга, рекомендовать меня его высокородію при засвидѣтельствованіи моего должнѣйшаго почтенія».

Въ началѣ же своей переписки съ Миллеромъ, Рычковъ пересылалъ черезъ него поклоны Василью Кириловичу Тредьяковскому и женѣ его, Марьѣ Филиповнѣ. Послѣдняя была дочь протоколиста Филипа Сибилева, служившаго въ оренбургской экспедиціи въ одно время съ Рычковымъ.

Когда Рычковъ узналъ, что Миллеръ переходитъ на службу въ Москву, то писалъ къ нему, 15 января 1765 г.: «я твердо надѣюсь, что и въ тамошнюю вашу бытность нелишусь любезной и полезной мнѣ вашей корреспонденціи. А между тѣмъ вы же не оставите меня и въ томъ, какъ оную продолжать съ Академіею и къ кому адресъ мой имѣть»... 2 іюня 1765 года: «будете ли вы что въ Москвѣ печатать, пожалуй увѣдомить, дабы я и мои сочиненія, какія когда случатся, для того къ вамъ сообщить могъ». 5 февраля 1766 г.: ....«позвольте мнѣ признаться: я сумнителенъ былъ нѣсколько, не получая вашихъ писемъ на мои, къ вамъ посыланныя, и сіе самое было причиною, что я пересталъ было къ вамъ писать, дабы не трудить васъ напрасно при многихъ вашихъ окупаціяхъ; но въ разсужденіи дружбы ни малого сумнѣнія у меня не было. Дай Боже все по вашему желанію, и корреспонденція бъ наша также продолжаться могла какъ и прежде. Иванъ Ивановичь Таубертъ ко мнѣ благосклоненъ и корреспонденція моя по Академіи съ нимъ [1])»... 8 октября 1766 года: «увѣрьтесь, милостивый государь мой, что никакая корреспонденція больше не можетъ меня веселить какъ та, которую я съ вами имѣлъ и желаю имѣть»...

30 іюня 1767 года [2]): «Г. Шлецеръ пишетъ ко мнѣ, требуя моей корреспонденціи, и обѣщаетъ сочиненія мои, переводя, сообщать отъ себя шведской и геттингенской Академіямъ, къ чему

---

[1]) Переписка Рычкова съ Таубертомъ пока не отыскана, за исключеніемъ немногихъ писемъ послѣдняго. Они хранятся въ семейныхъ бумагахъ Д. Н. Рычкова, о которыхъ упоминалось выше. Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру 9 іюня 1771 года, такъ говорилъ по случаю смерти Тауберта: «о кончинѣ Ивана Ивановича Тауберта перваго вашего письма не получилъ. Узналъ впервые изъ нынѣшняго: очень, крайне сожалѣю и не могъ удержаться отъ слезъ, лишившись столь любезнаго и полезнаго друга»...

[2]) Съ 1767 г. Рычковъ писалъ къ Миллеру въ Москву по такому адресу: «домъ его за Яузскимъ мостомъ, идучи на гору, первыя каменныя низмянныя полаты на лѣвой сторонѣ, гдѣ прежде бывала аптека».

онъ разныя матеріи мнѣ предложилъ. Я не знаю его состоянья. Иванъ Ивановичъ Таубертъ пишетъ ко мнѣ, дабы я о томъ васъ спросилъ, а онъ самъ моральный его характеръ не весьма выхваляетъ. Покорно прошу увѣдомить меня дружески, могу ль я съ нимъ вступить въ корреспонденцію и какъ далеко оную распространять». 1 сентября 1767 года: «Г. Шлецеръ дважды ко мнѣ писалъ, и я ему также отвѣтствовалъ; впрочемъ буду я слѣдовать вашему совѣту [1])»... Въ послѣдствіи времени, Рычковъ, въ порывѣ раздраженнаго авторскаго самолюбія, отзывался неблагопріятно о Шлецерѣ за его разборъ «Опыта Казанской Исторіи», о чемъ было уже говорено выше въ гл. V, на стран. 78, 79.

Всѣ сыновья Рычкова, по тогдашнему обыкновенію, были съ малолѣтства записаны въ разные полки. Одинъ изъ нихъ, Николай Петровичъ, родился, какъ видно изъ записокъ отца, въ 1746 году отъ первой его жены [2]) и числился сначала въ драгунскихъ троицкомъ, потомъ въ ревельскомъ, наконецъ пензенскомъ пѣхотномъ полкахъ. Въ послѣднемъ молодой Рычковъ, въ 1763 году, произведенъ былъ въ прапорщики, а въ 1767 году выпущенъ въ отставку съ чиномъ капитана. О немъ старикъ Рычковъ писалъ къ Миллеру 14 января 1767 года: «вручитель сего, сынъ мой Николай, котораго не изволили еще видывать. Рекомендую его въ вашу милость и призрѣніе въ надеждѣ той дружбы и милости, которыми вы меня жалуете, уповая, что онъ полезными вашими совѣтами и наставленіями, какъ молодой человѣкъ, будетъ пользоваться»... 26 іюня 1767 года: «извѣстенъ я, что сынъ мой Николай, по старанію моему, опредѣленъ въ команду г. профессора Палласа, о чемъ и самъ г. профессоръ ко мнѣ пишетъ»... [3]).

«Команда Палласа» была ничто иное, какъ одна изъ пяти

---

[1]) Къ сожалѣнію въ черновой перепискѣ Миллера не сохранилось письма его о томъ, какъ поступать въ сношеніяхъ съ Шлецеромъ.

[2]) П. И. Рычковъ былъ женатъ два раза: въ первый — на Анисьѣ Прокофьевнѣ Гуляевой, скончавшейся въ 1751 г.; второй разъ — въ 1752 г. на дочери симбирскаго помѣщика, отставнаго капитанъ-поручика преображенскаго полка Дениса Никитича Чирикова, Аленѣ Денисьевнѣ.

[3]) 14 сентября 1771 года въ письмѣ къ Миллеру Рычковъ, говоря о сынѣ своемъ Николаѣ и Палласѣ, прибавлялъ: «они съ нимъ великіе друзья»...

ученыхъ экспедицій, которыя были снаряжены, по волѣ императрицы Екатерины II, Академіею Наукъ въ 1768 году, а окончили свои разысканія въ 1773 году. Эти экспедиціи, въ силу данныхъ имъ отъ Академіи пространныхъ инструкцій, обязаны были обращать вниманіе на все, что имѣло отношеніе къ климату, почвѣ, естественнымъ произведеніямъ, промысламъ, ремесламъ, обычаямъ, преданіямъ, языкамъ и т. п. Счастливый выборъ ученыхъ, ихъ неутомимое рвеніе и благородная любовь къ наукамъ, все это произвело то, что добытыми въ эти путешествія результатами справедливо гордилась и донынѣ гордится наша Академія Наукъ.

Молодой Рычковъ, состоя въ распоряженіяхъ Палласа и получая изъ казны 200 рубл. въ годъ жалованья, объѣздилъ въ 1769 и 1770 годахъ часть нынѣшнихъ губерній: казанской, оренбургской, уфимской, вятской и пермской. Не имѣя ученой подготовки, въ чемъ откровенно сознавался самъ, онъ выказалъ однако много добросовѣстности и усердія при вышолненіи данной ему инструкціи, такъ-что его описанія и донынѣ могутъ служить съ пользою въ особенности по значительному количеству довольно точныхъ для своего времени чертежей и извѣстій о древнихъ городищахъ и объ устныхъ преданіяхъ, съ ними связанныхъ [1]); также о нравахъ, обычаяхъ и занятіяхъ разнородныхъ обитателей проѣханныхъ имъ странъ [2]); наконецъ о состояніи горнаго дѣла въ названныхъ губерніяхъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Трудъ Н. Рычкова напечатанъ на счетъ Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: «Журналъ, или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ россійскаго государства 1769 и 1770 году» (СПб., 1770, въ 4°) и «Продолженіе Журнала, или дневныхъ записокъ путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ россійскаго государства 1770 г.» (СПб., 1772, въ 4°). О третьей книжкѣ описанія путешествія Н. Рыч-

[1]) Какъ напр.: о развалинахъ болгарскаго города Булумера въ пригородѣ Билярскѣ; о чертовѣ городищѣ близъ Елабуги; о развалинахъ Старой Казани; о городищѣ около г. Чердыни и о мн. др.

[2]) Какъ-то: въ I части о черемисахъ, стр. 78—94; 152—156; о тептяряхъ 129—142; о вотякахъ, 156—166. Во II-й части помѣщены извлеченія изъ вятской лѣтописи «О древностяхъ города Хлынова и вятской страны», стр. 36—52; подробности о соляномъ промыслѣ въ Соликамскѣ, стр. 95—107 и пр.

кова, изданной около того же времени, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ [1]).

Всѣ ученые, которые участвовали въ оренбургскихъ ученыхъ экспедиціяхъ, долгомъ считали побывать въ селѣ Спасскомъ или видѣться съ владѣльцемъ его въ Оренбургѣ. Первый, посѣтившій Рычкова въ его имѣніи, былъ академикъ Лепехинъ. Онъ, какъ отмѣчено въ запискахъ Рычкова, пріѣхалъ туда съ сыномъ его Николаемъ 30 августа 1768 года, послѣ осмотра мѣстъ по рѣкѣ Черемшану.

«Время, говоритъ по этому случаю Лепехинъ, было уже позднее и для растенія мало надежное; почему я за полезное для меня призналъ просить совѣта у г. статскаго совѣтника Петра Ивановича Рычкова, мужа отмѣнными любопытными упражненіями у насъ знаменитаго, который въ то время жительствовалъ въ селѣ своемъ Спасскомъ, отстоящемъ въ ста верстахъ отъ Черемшанской крѣпости, куда я на другой день и пріѣхалъ... По пріѣздѣ нашемъ въ Спасское село, г. статскій совѣтникъ П. И. Рычковъ принялъ меня съ особливою благосклонностью и ласкою, гдѣ между разговорами о моемъ путешествіи совѣтовалъ мнѣ предпріять возвратный путь къ Волгѣ по Соку, которая рѣка по самой срединѣ ставропольской провинціи протекаетъ; но чтобы оный путь съ большимъ успѣхомъ могъ быть совершенъ, совѣтовалъ требовать изъ бугульминскаго вѣдомства отставного вахмистра Василья Кривцова и выборнаго въ селѣ Сокъ-Кармалѣ новокрещеннаго мордвина Айткула, которыхъ онъ, г. статскій

---

[1]) Николай Петровичъ Рычковъ, какъ видно изъ писемъ отца его къ Миллеру въ 1772 г., въ этомъ же году былъ переименованъ въ коллежскіе ассессоры и назначенъ «на Ахтубу къ новозаводимымъ тамъ шелковымъ заводамъ главнымъ директоромъ» ... «онъ инструкцію имѣетъ не отъ мануфактуръ-коллегіи, но за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ; денежнаго жалованья 500 р. въ годъ, притомъ еще разныя выгоды»... «Ахтубинская шелковая фабрика зачата была въ государствованіе Елизаветы Петровны, но пришла скоро въ разстройку. А деревья тутовыя, какъ увѣряютъ нѣкоторыя, еще при Петрѣ Великомъ посажены, кои нынѣ устарѣли и листье ихъ для червей почитаютъ не полезнымъ»... «Сынъ мой Николай (писано въ сентябрѣ 1772 года) могъ уже до сорока крестьянскихъ семей, подчиненныхъ ему, склонить на то, что каждой изъ нихъ шелковой промыселъ добровольно своимъ семействомъ урокомъ производить обязался, что у Двора совсѣмъ невѣроятнымъ казалось. Заводъ отъ Царицына верстахъ въ 30-ти на здѣшней, т. е. на луговой сторонѣ Волги, отъ устья Ахтубы вверхъ не знаю сколь далеко»...

совѣтникъ, прежде употреблялъ для пріиска мѣдной руды по Соку. Получа такія наставленія, немедленно отправилъ я солдата въ Черемшанскую крѣпость за моимъ обозомъ, а остатки дня препроводилъ въ разсматриваніи любопытныхъ его (т. е. Рычкова) упражненій надъ пчелами, котораго сообщества таинствы испытуя, употреблялъ онъ улей съ стеклянными окошками, сдѣланный на подобіе того, какой въ такихъ же упражненіяхъ употребляемъ былъ славнымъ насѣкомыхъ испытателемъ Реомюромъ».

«По утру, въ провожаніи г. статскаго совѣтника, пошли мы на ближайшія противъ его села горы, гдѣ по подгорью попалося намъ въ великомъ изобиліи воробьиное семя[1])».... Находя разведеніе его невыгоднымъ для сельскихъ хозяевъ, Лепехинъ совѣтуетъ сѣять подсолнечники (helianthus annuus), такъ-какъ кромѣ масла, стебли ихъ можно употреблять на топливо, и потомъ продолжаетъ: «Съ горъ возвратились мы часу во второмъ по полудни, гдѣ г. статскій совѣтникъ приказалъ приготовить намъ постной столъ изъ такихъ рыбъ, какія въ небольшой, мимо его села протекающей рѣчкѣ Майтанкѣ водятся. Рыбы сіи тѣмъ бо́льшаго примѣчанія достойны, что намъ ихъ прежде нигдѣ видѣть не случилося. Это были пеструшки (salmo fario) и кутема (salmo lacustris). Послѣ обѣда предметомъ нашего осмотра были алебастровыя горы, верстахъ въ четырехъ отъ села находящіяся»... Алебастръ оказался смѣшаннымъ съ сѣрными частицами, «что̀ самъ г. статскій совѣтникъ съ немалымъ своимъ уроно̀мъ извѣдалъ въ новопостроенной каменной церкви, отчего весь иконостасъ такъ почернѣлъ, какъ бы онъ уже за долгое время былъ позолоченъ. По возвращеніи съ алебастровыхъ горъ, показывали намъ близь села Спасскаго остатки двухъ рудниковъ, принадлежащихъ ему же, г. совѣтнику»... За тѣмъ у Лепехина слѣдуютъ тѣ самыя извѣстія, которыя Рычковъ помѣстилъ въ посланной имъ прежде Ломоносову, а потомъ напечатанной въ «Трудахъ Экономическаго Общества» статьѣ, см. выше стр. 106.

«8 числа, пишетъ Лепехинъ, г. статскій совѣтникъ пріуготовилъ намъ любопытное зрѣлище. Призвавъ одного башкирца,

[1]) Lithospermum officinale, о которомъ, какъ видѣли выше на стран. 110, Рычковъ прислалъ статью въ Вольное Экономическое Общество.

приказалъ ему показать способъ, какъ они лазятъ въ свои борти и сохраняютъ соты отъ лакомыхъ до меду медвѣдей»... И здѣсь подробности у Лепехина приведены тѣ же, которыя помѣстилъ Рычковъ въ своихъ статьяхъ о пчеловодствѣ, напечатанныхъ въ тѣхъ же «Трудахъ». Лепехинъ не пропустилъ также распрашивать и о крапивѣ (urtica sibirica), изъ которой у башкиръ дѣлались холсты, о чемъ прежде Рычковъ сообщалъ и Миллеру и Вольному Экономическому Обществу. «Позднее время, заключаетъ Лепехинъ, не дозволило болѣе медлить въ Спасскомъ селѣ. И такъ выѣхали оттуда въ село Борисоглѣбское»...[1]).

«Октября 4 числа (1768 года), отмѣчено въ Запискахъ Рычкова, пріѣхалъ ко мнѣ г. профессоръ Палласъ для совѣтованія о дѣлахъ, до его экспедиціи принадлежащихъ, а 11 числа того жъ поѣхалъ онъ отъ меня для осмотру по р. Соку лежащихъ мѣстъ. А сынъ мой Николай на другой день отправленъ отъ него въ Оренбургъ»...

Въ знаменитомъ «Путешествіи по разнымъ провинціямъ россійской имперіи»[2]) Палласъ разсказываетъ: «пятаго числа (октября) проѣхали мы по лежащей отъ Кичуя почтовой дорогѣ деревню Малую Бугульму на рѣчкѣ того же имени и прибыли въ Спасское село, въ которомъ обыкновенно живетъ прославившійся своими сочиненіями и по заслугамъ почтенія достойный г. статскій совѣтникъ Рычковъ, гдѣ я по причинѣ ласковаго принятія и весьма пріятнаго обхожденія онаго преученаго мужа, пробылъ до 11 числа сего мѣсяца. Помянутое село стоитъ на превеселомъ мѣстѣ, которое окружаютъ горные, отчасти лѣсомъ оброслые увалы. Почти въ срединѣ села бьетъ большой чистый ключъ и течетъ по бѣлому мергелю, который примѣчанія достоинъ наипаче по тому, что скотъ охотно его ѣстъ, хотя и не находится въ немъ соляныхъ частицъ»... За тѣмъ слѣдуютъ упоминанія о рыбѣ кутемѣ (salmo lacustris) и о водяномъ воробьѣ (sturnus cinclus). О послѣднемъ Палласъ сказалъ то же самое, что (см. выше стр. 93) писалъ Рычковъ въ письмахъ къ Миллеру. Далѣе Палласъ описываетъ земляного зайца (lepus minutus, dipus jaculus),

---

[1]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Т. III, Спб. 1821 г. Записки академика Лепехина, стр. 144, 201, 204—210.

[2]) Изд. 2-ое, Спб. 1809 г. ч. I, стр. 148.

выхухоль (sorex moschatus), сѣрный городокъ, червецъ (coccus polonicus), водящійся на кустахъ клубники (polentilla reptans)[1]). Всѣ эти описанія знаменитаго естествоиспытателя послѣ извѣстныхъ уже намъ, первоначальныхъ извѣстій Рычкова о тѣхъ же предметахъ, не представляютъ ничего новаго.

Проводивъ изъ Спасскаго ученыхъ гостей своихъ, Рычковъ писалъ 7 ноября 1768 года къ Миллеру: «г. профессоръ Палласъ жилъ у меня здѣсь больше недѣли, а прежде его былъ г. докторъ Лепехинъ и жилъ столько же. Я уповаю, довольны они моими совѣтами. Они зимуютъ въ Симбирскѣ».

Въ 1769 году, въ оренбургскую губернію пріѣзжали, также по порученію Академіи Наукъ, астрономы: Моритъ Ловичъ[2]). Вольфангъ Людовикъ Крафтъ[3]) и младшій сынъ знаменитаго математика, артиллерійскій поручикъ Христоформъ Ейлеръ[4]). Изъ писемъ къ Миллеру Рычкова оказывается, что всѣ эти ученые долгомъ сочли побывать въ селѣ Спасскомъ, чтобы видѣться съ владѣльцемъ его. По вступленіи вновь на службу, будучи уже въ Оренбургѣ, Рычковъ познакомился съ членами другой ученой экспедиціи, равномѣрнымъ образомъ снаряженной Академіею Наукъ, — Іоанномъ Петромъ Фалькомъ и Іоанномъ Готлибомъ Георги. О нихъ-то Рычковъ писалъ къ Миллеру 28 октября 1770 года: «письмо къ г. аптекарю Георги вчерась

---

[1]) Ibid., стр. 234, 235, 283, 308, 309.

[2]) Его астрономическія наблюденія въ Гурьевѣ напечатаны въ «Collectio omnium observationum, quae occasione transitus Veneris per solem A. MDCCLXIX ...fuerunt». Petropoli MDCCLXX. Ловичъ занимался потомъ геодезическими работами по устройству канала между Волгою и Дономъ и въ августѣ 1773 г. былъ умерщвленъ сообщниками Пугачева. Bacmeister's Russische Bibliothek, III, 414—416.

[3]) Плодомъ путешествія этого академика въ оренбургскій край были, между прочимъ, помѣщенныя въ Novi Commentarii Academiae Petropolitanae статьи: T. XIV, pars secunda, pp. 555—569: «Determinatio longitudinis geographicae observatorii orenburgensis; T. XV, pp. 571 sq.: Observationes astronomicae annis 1769, 1770 institutae, una cum determinationibus geographicis aliquot locorum Imperii Rossici inde deductis», гдѣ есть точное опредѣленіе широты и долготы г. Уфы. Кромѣ того Крафту принадлежитъ «Auszug aus den Beobachtungen, welche zu Orenburg bey Gelegenheit des Durchgangs der Venus vorbey der Sonnenscheibe angestellt worden sind»... S.P.burg, 1769.

[4]) Христоформъ Ейлеръ прохожденіе Венеры чрезъ Солнце наблюдалъ въ Орской крѣпости; онъ также производилъ астрономическія наблюденія въ Яицкомъ городѣ. Ср. Collectio omnium observationum quae occasione transitus Veneris etc. и Russische Bibliothek von Bacmeister, I, 296.

же я отослалъ. Онъ и г. профессоръ Фалькъ, какъ слышу, здѣсь; но ко мнѣ рѣдко ходятъ, хотя и недалеко отъ меня живутъ»... И въ постскриптумѣ: «Г. Георги теперь у меня былъ, сказывалъ, что г. профессоръ Фалькъ боленъ, зачѣмъ и ѣхать нынѣ не можетъ»[1]).

Любовь Рычкова къ наукамъ не могла не быть извѣстна Академіи, и этимъ можно объяснить себѣ, почему всѣ бывавшіе въ оренбургской губерніи академики, посыланные отъ ученаго общества, искали случая видѣться съ гостепріимнымъ владѣльцемъ Спасскаго. Его знаніе края и обширныя, вслѣдствіе давняго пребыванія тамъ, связи конечно были очень полезны путешественникамъ въ такой отдаленной сторонѣ. Пишущій эти строки, самъ уроженецъ оренбургской губерніи, позволяетъ себѣ занести здѣсь одну черту изъ семейныхъ воспоминаній. Изъ нихъ впервые онъ услыхалъ о Рычковѣ, такъ какъ въ царствованіе императрицы Екатерины II секундъ маіоръ Николай Николаевичъ Пекарскій служилъ въ Уфѣ по соляной части, которою въ оренбургскомъ краѣ завѣдывалъ Рычковъ. Этотъ Пекарскій, какъ подчиненный его, любилъ въ разговорахъ съ своими дѣтьми вспоминать объ умѣ и знаніяхъ своего начальника, казавшихся отставному секундъ маіору необыкновенными, а также и о томъ, что на немъ, по порученію Рычкова, въ бытность въ Уфѣ нашихъ академиковъ, лежала обязанность показывать «ученымъ вояжерамъ» (такъ называлъ ихъ мой дѣдъ) уфимскія окрестности, почему онъ, между прочимъ, ѣздилъ съ ними осматривать и ту удивительную пещеру, которая впервые была описана его начальникомъ (см. выше, стр. 61).

До 1770 года въ изданіяхъ Академіи Наукъ небыло помѣщено ни одного изслѣдованія о водящихся въ Россіи насѣкомыхъ. Иностранные ученые замѣчали этотъ пробѣлъ въ энтомологіи, и знаменитый Линней писалъ по этому поводу къ академику Эрику

---

[1]) Фалькъ, ученикъ Линнея, пріѣхавшій въ Россію по его рекомендаціи, страдалъ ипохондріею: во время путешествія, онъ ревностно старался о выполненіи своихъ обязанностей, но ему все казалось, что своими трудами наноситъ только вредъ и безчестіе Академіи. Въ 1774 г. въ Казани Фалькъ кончилъ жизнь свою пистолетнымъ выстрѣломъ. Изданіемъ въ свѣтъ его Записокъ занимался Георги, и онѣ изданы и на русскомъ языкѣ въ IV-мъ томѣ «Полнаго собранія путешествій по Россіи».

Лаксману: «Insecta ex omnibus fere orbis terrarum partibus accepi et nuperrime etiam magnam collectionem illarum quae Caput Bonae Spei abit, de Russicis autem et Sibiricis insectis entomologis nihil constat. Maximopere vellam ut nonulla eorum mittere». Это побудило Лаксмана заняться русскими насѣкомыми и обратиться при томъ къ Рычкову съ просьбою о содѣйствіи ему въ разысканіяхъ по этому предмету. «Писалъ ко мнѣ, говоритъ Рычковъ въ письмѣ къ Миллеру 18 ноября 1770 г., изъ Петербурга г. профессоръ Лаксманъ, увѣдомляя, что онъ намѣренъ издать въ публику собраніе его насѣкомыхъ, у насъ въ имперіи находящихся. Онъ не довольно знаетъ ихъ общія и особенныя званія, проситъ меня, чтобъ я учинилъ въ томъ ему вспоможеніе. Увѣдомьте меня, милостивый государь мой, о его обстоятельствахъ и можно ль мнѣ содержать съ нимъ въ томъ и въ прочемъ корреспонденцію?»

Въ семейныхъ бумагахъ потомка Рычкова уцѣлѣлъ и черновой отвѣтъ его къ Лаксману: «Намѣреніе ваше издать въ публику собраніе ваше о инсектахъ, у насъ въ имперіи находящихся, весьма похвально и полезно, а наипаче ежели бъ оное изъяснено было притомъ микроскопическими примѣчаніями, а потомъ и физическими разсужденіями, каковыя мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ видать случалось. У насъ по се время ни одной книги о сей матеріи нѣтъ. Не знаю, государь мой, въ состояніи ль я собрать наименованія тѣмъ изъ сихъ животныхъ, которымъ, кромѣ генеральныхъ, никакихъ особенныхъ именъ у насъ нѣтъ; однакъ по возможности моей для толь полезнаго зданія стараться не отрицаюсь, когда экземпляры сихъ животныхъ отъ васъ получу. Между тѣмъ прилагаю при семъ реестръ тѣмъ, кои мнѣ теперь на память пришли; но сіи имена у насъ по бо́льшей части генеральныя на цѣлый родъ. Спеціальныя званія подлинно вновь вымышлять у насъ надобно»...

Въ XIV т. (pars prior) Novi Commentarii Academiae Petropolitanae, стр. 593 — 604 напечатано Лаксма́номъ «Novae insectorum species» съ двѣнадцатью изображеніями разныхъ насѣкомыхъ. Статья эта и есть первое научное изслѣдованіе по части русской энтомологіи.

Рычковъ былъ также въ перепискѣ съ историкомъ княземъ

Михаиломъ Михайловичемъ Щербатовымъ [1]) и зналъ Козицкаго, бывшаго адъюнкта Академіи, а потомъ служившаго при кабинетѣ императрицы Екатерины II. О немъ-то Рычковъ писалъ къ Миллеру 28 января 1776 года: «Здѣсь очень много говорятъ о несчастливой кончинѣ Григорья Васильевича Козицкаго. Покорно прошу, съ какими обстоятельствами и по какой причинѣ оная ему учинилась — увѣдомить. Мнѣ мнится, что онъ былъ человѣкъ разумной и надобной. Сказываютъ, что онъ самъ себя изкололъ ножемъ [2])»...

VII.

1770 — 1773 годы.

Бѣгство калмыкъ изъ русскихъ предѣловъ въ Китай. Неудовольствіе на Рычкова оренбургскаго губернатора за описаніе этого событія. Извѣстія о возмущеніи на Яикѣ. Избраніе Рычкова въ Москвѣ въ члены Вольнаго россійскаго собранія.

Богатыя соляныя копи, при которыхъ только въ XVIII-мъ столѣтіи построена русская крѣпостца, подъ названіемъ Илецкая Защита, были доступны, до окончательнаго покоренія и умиренія оренбургскаго края, всѣмъ и каждому. «Всякъ для себя ѣздилъ за солью, говоритъ Рычковъ, ломалъ и бралъ ее на мѣстѣ добыванія, сколько кому вознадобилось, да и ссужаться имъ между собою было не запретно»... Уже Кириловъ, этотъ первый «на-

---

[1]) Такъ въ письмѣ къ Миллеру 26 декабря 1774 г. Рычковъ писалъ: «Письмо мое къ его сіятельству князю Михайлѣ Михайловичу Щербатову покорно прошу при случаѣ отдать и подкрѣпить меня въ его милости»...

[2]) Увольненіе Козицкаго изъ службы совпадаетъ съ тою эпохою, когда князь Григорій Григорьевичъ Орловъ потерялъ вліяніе при дворѣ и, вмѣстѣ съ своими братьями, удалился отъ дѣлъ. Козицкому покровительствовали Орловы. Поручикъ Васильевъ въ своемъ дневникѣ такъ занесъ о самоубійствѣ Козицкаго: «Статскій совѣтникъ Григорій Васильевичъ Козицкій, причинившій самъ себѣ смерть, отпѣтъ былъ въ церкви Григорія Богослова, что между Петровки и Дмитровки. Сему доброму и ученому человѣку, буди вѣчная память. Причина его смерти меланхолія, и хотя нѣсколько покололъ себя ножемъ въ бокъ и, сказываютъ сдѣлалъ 32 раны, только наконецъ въ памяти отцу духовному исповѣдалъ все.» Отеч. Записки, 1856 г., т. CV, № 4, отд. I, стр. 506.

чинатель» въ дѣлѣ утвержденія русскаго господства въ краѣ, въ 1734 году обращалъ вниманіе правительства на добываніе илецкой соли, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ: «славная илецкая соль отъ сего города (Оренбурга) имѣетъ быть въ близости, кою-де въ приращеніе высочайшихъ интересовъ употребить можно». Но башкирцы еще не были усмирены окончательно, а потому и солью продолжали всѣ пользоваться по старинѣ безданно и безпошлинно. Въ 1753 году однако учреждено было особое соляное коммиссарство и опредѣлено съ того времени соль продавать отъ казны по 35 коп. за пудъ, добываніе котораго обходилось отъ $4^1/_2$ до 6 копеекъ. Послѣ того одинъ только годъ за башкирцами было оставлено право брать соль даромъ: въ 1754 году оно было уничтожено, а въ вознагражденіе за то съ нихъ прекращено взиманіе ясака въ 2054 руб. 78 коп. ежегодно. 8 февраля 1770 года окончательно утвержденъ былъ докладъ о мѣрахъ къ увеличенію дохода казны отъ распространенія илецкой соли внутри Россіи. Тогда-то получило начало главное правленіе оренбургскихъ соляныхъ дѣлъ, а начальство надъ нимъ ввѣрено было Рычкову[1]).

Весь 1770 годъ прошелъ у новаго начальника въ заботахъ и хлопотахъ объ увеличеніи дохода казны. Въ январѣ 1771 года онъ по служебнымъ дѣламъ ѣздилъ въ Москву, откуда вернулся въ оренбургскій край 26 января 1771 года, а 17 слѣдующаго февраля писалъ къ Миллеру: «не задолго до пріѣзду моего сюда, произошло въ здѣшней сторонѣ бечаянное происшедшее (sic): вольскіе калмыки во многихъ тысячахъ и едва не всѣ, встревожась, съ женами, и съ дѣтьми и со скотомъ перешли черезъ рѣку Яикъ на киргизскую сторону, учиня не мало злодѣйствъ, и, какъ слышно усильствомъ пробираются на тѣ мѣста, гдѣ прежде зюнгорцы, ихъ однородцы, кочевали. Вотъ какая чудная революція! Вы легко можете понять, какое при сихъ обстоятельствахъ свѣдѣніе и проницаніе надобно. Сіе я единственно для вашего знанія сообщаю»...

Надобно думать, что въ началѣ въ Россіи не ясно понимали все значеніе этого событія. Это можно видѣть изъ отвѣта Рыч-

[1]) «Описаніе илецкой соли» въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, часть XX. стр. 29—40.

кова Миллеру 7 апрѣля 1771 года: «калмыки вольскіе не для отмщенія киргизцамъ чрезъ Яикъ перешли, но съ хуждшимъ намѣреніемъ, причиня напередъ великія злодѣйства. Между прочаго жъ и ту роту драгунскую обманомъ съ собою захватили, коя обыкновенно при ихъ намѣстникѣ находилась. Они, кромѣ малой части всѣ взволновались и теперь, какъ сказываютъ, въ вершинахъ уже Эмбы находятся, ежель еще не далѣе. Сей револьтъ въ системѣ здѣшнихъ заграничныхъ дѣлъ великую перемѣну дѣлаетъ и могутъ отъ него быть дурныя послѣдованія, ежель поступлено будетъ не съ такимъ предусмотрѣніемъ, какъ должно. Я не пріобщенъ къ этимъ дѣламъ, да и приватно не спрашиваютъ моего объ нихъ мнѣнія, хотя я въ подобныхъ сему случаяхъ довольно уже искусился и могу выговаривать, что здѣшнія заграничныя обстоятельства не меньше мнѣ извѣстны, какъ и внутреннія. Опасаюсь крайне того, чтобъ вспомня обо мнѣ, что я здѣсь, не заставили меня трудиться въ нихъ тогда, когда не будетъ уже способа обратить ихъ въ лучшую сторону. И мои силы совсѣмъ оскудѣваютъ. Самому мнѣ вызываться на то непристойно и не буду».

«Со всѣхъ сторонъ производятъ не малолюдные наряды. Главный корпусъ опредѣляется въ степь изъ Орской крѣпости, надъ которымъ командиромъ главнымъ полковникъ Траубенбергъ. Съ нимъ же командированъ и старшій мой сынъ Андрей, въ сергіевскомъ полку подполковникомъ находящійся. Не знаю, какой они возмогутъ поискъ сдѣлать, имѣя людей и лошадей, крайне изнуренныхъ, а особливо въ нынѣшнее время, когда вездѣ великое разлитіе водъ и притомъ многіе недостатки».

«Вотъ, милостивый государь мой, нынѣшнее состояніе здѣшнихъ главныхъ и самонужнѣйшихъ дѣлъ. Увидимъ, что будетъ послѣ. Изъ сего легко вамъ понять, могу ль я продолжать оренбургскую исторію и писать о такихъ дѣлахъ, о какихъ со мною, да и ни съ кѣмъ здѣсь не говорятъ, а содержатъ ихъ въ вышнемъ секретѣ. Всѣ сіе написалъ я къ вамъ, какъ истинному другу и милостивцу, единственно для вашего свѣдѣнія».

Удаленіе калмыковъ изъ предѣловъ Россіи принадлежитъ, безспорно, къ любопытнѣйшимъ событіямъ нашей исторіи XVIII столѣтія. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого переселенія на-

рода не съ Востока на Западъ, какъ обыкновенно происходили подобныя переселенія въ давнія времена, но съ Запада на Востокъ, становится очевиднымъ тѣсная связь этого происшествія съ тѣми волненіями, которыя послѣдовательно, почти одно за другимъ, возникали въ восточныхъ предѣлахъ европейской Россіи и подъ конецъ разрѣшились пугачевщиною. Поэтому удаленіе калмыковъ изъ Россіи стоитъ внимательнаго и всесторонняго изученія; но здѣсь слѣдуетъ говорить о немъ на столько, на сколько это можетъ служить объясненіемъ переписки Рычкова съ Миллеромъ въ продолженіи 1771 года.

Упомянутый въ предыдущей главѣ сынъ Рычкова, Николай Петровичъ, какъ только узналъ, что изъ Орской крѣпости отправляется отрядъ въ киргизскую степь для преслѣдованія калмыковъ, то поспѣшилъ присоединиться къ нему для «изслѣдованія достопамятныхъ мѣстъ, находящихся во владѣніи киргизъ-кайсацкаго народа и собранія продуктовъ, находимыхъ въ той странѣ». Такимъ образомъ Николай Рычковъ является современнымъ свидѣтелемъ и въ нѣкоторой степени участникомъ событій, бывшихъ прямымъ послѣдствіемъ переселенія калмыковъ.

Въ изданныхъ Академіею Наукъ 1772 года «Дневныхъ Записках путешествія капитана Николая Рычкова въ киргизъ-кайсацкой степѣ (sic) 1771 году[1])», авторъ, между прочимъ, разсказываетъ, что отъ намѣстника калмыцкаго ханства Убаши было послано къ киргизъ-кайсацкому хану нѣсколько калмыковъ, изъ которыхъ одинъ увѣрялъ, что переселеніе его единовѣрцевъ послѣдовало единственно по волѣ ихъ властителей и что народъ идетъ за ними противъ своего желанія. Киргизцы, попавшіе въ плѣнъ къ калмыкамъ и потомъ бѣжавшіе отъ нихъ, разсказывали, что послѣдніе «съ жалостнымъ воплемъ» вспоминаютъ о Волгѣ и что главнѣйшею причиною удаленія ихъ съ береговъ ея были наущенія ихъ ламы Лаузина Ланчина[2]), который, пользуясь ихъ суевѣріемъ, заклиналъ народъ именемъ боговъ возвратиться въ Зюнгорію. Какъ свидѣтельство калмыка, такъ и разсказъ киргизцевъ до нѣкоторой степени должны быть справедливы, но изъ нихъ

[1]) Въ 4°, на 104 страницахъ.

[2]) Вениаминъ Бергманъ, поправляя Рычкова, называетъ этого ламу Loosang Dschaltzan.

нельзя еще понять окончательно причины переселенія такой огромной массы народа. Палласъ[1]) при описаніи бѣгства калмыковъ прежде всего ссылается на «Дневныя Записки» Николая Рычкова, потомъ говоритъ о вліяніи на народъ духовныхъ ихъ, которые стращали калмыковъ, что русскіе намѣрены вводить у нихъ христіанство, земледѣліе и рекрутство; наконецъ намекаетъ, что было множество другихъ второстепенныхъ причинъ и неизбѣжныхъ обстоятельствъ, по которымъ калмыки считали себя обиженными отъ русскаго начальства. Все это ускорило удаленіе калмыковъ съ Волги.

Китайскій князь Циши[2]) всю вину этого событія приписываетъ внушеніямъ мятежныхъ единоплеменниковъ ихъ изъ поколѣній Дербетовъ, Хаитовъ и Хошутовъ[3]), которые, послѣ пораженія ихъ китайцами въ Зюнгоріи, въ 1756 году перешли на жительство къ волжскимъ калмыкамъ. «Сіи-то самые нечестивые пришельцы, говоритъ названный китайскій писатель, хитрыми своими совѣтами успѣли обольстить слабаго Убаши, тургутскаго (т. е. калмыцкаго) хана, и склонить къ тому, что онъ рѣшился, оставивъ навсегда Россію, бѣжать въ Зюнгорію»... О. Іоакинѳъ, въ своемъ «Историческомъ обозрѣ Ойратовъ или калмыковъ» (СПб., 1834 года) на стр. 229 — 230, и г. Левшинъ въ «Описаніи киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей (СПб., 1832 года), ч. II, стр. 250—252, повторили только извѣстія китайскаго сочинителя.

Наиболѣе обстоятельное описаніе удаленія калмыковъ изъ Россіи составлено Веніаминомъ Бергманомъ въ его статьѣ, подъ заглавіемъ «Versuch zur Geschichte der Kalmüken Flucht von der Wolga»[4]). Здѣсь все приписано интригамъ и хитрымъ внушеніямъ Цёбекъ-Дорджи, родственника тогдашняго намѣстника калмыцкаго ханства Убаши. Н. Нефедьевъ въ сочиненіи

---

[1]) Samlungen historischen Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, Petersb. 1776, I, Th., SS. 88—90.

[2]) Переводъ его съ китайскаго подлинника, сдѣланный С. Липовцовымъ, помѣщенъ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ Григорія Спасскаго, 1820 года, часть XII, стр. 168—188.

[3]) О. Іоакинѳъ называетъ ихъ: Дурботъ, Хойтъ и Хошотъ, а предводителя ихъ — Сэрынъ Тайцзи Чжуньгарскій.

[4]) Bergman's Nomadische Streifereien unter den Kalmüken, Riga 1804, Th. I, SS. 139—246.

«Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ» (СПб., 1834 г.), на стр. 67, 68, повторяетъ вкратцѣ предположеніе Бергмана, не указывая, впрочемъ, на первоначальный источникъ.

Подполковникъ Кишинскій, бывшій приставомъ при помянутомъ Убаши, нестерпимою гордостью и надменнымъ обращеніемъ съ нимъ много способствовалъ, по словамъ Бергмана, къ скорѣйшему осуществленію калмыками намѣренія покинуть навсегда русскіе предѣлы. Астраханскій губернаторъ Бекетовъ имѣлъ о томъ достовѣрныя извѣстія, а потому и предупреждалъ Кишинскаго, но этотъ не обращалъ на то никакого вниманія. Въ концѣ 1770 года Бекетовъ былъ въ Петербургѣ, и къ этому-то времени долженъ относиться, «всеподданнѣйшій докладъ[1]), подписанный графомъ Никитою Панинымъ, княземъ Александромъ Голицынымъ, графомъ Григорьемъ Орловымъ и Никитою Бекетовымъ. Въ этомъ, по многимъ отношеніямъ любопытномъ документѣ подробно разсматриваются жалобы Убаши на стѣсненія калмыцкаго народа отъ иностранныхъ колонистовъ, начавшихъ селиться при Екатеринѣ II по луговой сторонѣ Волги. Замѣчательно, что Кишинскій соглашался, что это стѣсненіе дѣйствительно существуетъ, но не отъ однихъ иностранныхъ колонистовъ (извѣстно, что ими завѣдывалъ и вообще распоряжался о переселеніи иностранцевъ въ Россію всесильный тогда графъ Григорій Орловъ), но и вообще отъ сильнаго прилива всякаго рода переселенцевъ, начавшихъ въ недавнія только времена занимать тѣ страны. Названныя лица въ помянутомъ докладѣ подтвердили это, прибавивъ, что точно переселенцы стали захватывать земли, которыми дотолѣ пользовались безраздѣльно одни калмыки. По этимъ уваженіямъ въ докладѣ представлялось, чтобы снять карту мѣстностей, обитаемыхъ калмыками, и потомъ постановить о недопущеніи тамъ на будущее время новыхъ поселеній. На докладѣ было уже написано «поручить астраханскому губернатору, а впрочемъ быть по сему», но это рѣшеніе нельзя было исполнить: 5 января 1771 года калмыки съ семействами и стадами своими тронулись съ береговъ Волги въ древнюю отчизну свою Зюнгорію (см. IV приложеніе).

---

[1]) Безъ года и числа, въ дѣлахъ Государственнаго Архива, разрядъ XVI.

Рычковъ относился неодобрительно къ распоряженіямъ мѣстнаго начальства касательно погони за калмыками: его видимо оскорбляло, что оренбургскій губернаторъ не только не просилъ совѣтовъ, но даже ничего не говорилъ ему о томъ. Такъ 14 апрѣля 1771 года Рычковъ, извѣщая Миллера, что въ Оренбургѣ о калмыкахъ ничего неизвѣстно, прибавилъ: «да едва и есть ли здѣсь знающіе прямо ихъ намѣренія. Кажется мнѣ, что предпріемлемые на то наряды очень коловратны (kräbsgängig) происходятъ»... За тѣмъ въ продолженіи апрѣля и мая 1771 года Рычковъ писалъ къ Миллеру о томъ, что ему сообщали изъ степи сыновья его Андрей и Николай. Такъ какъ въ «Дневныхъ Запискахъ» послѣдняго весь походъ русскаго отряда описанъ полнѣе, то и не настоитъ надобности передавать здѣсь писемъ о томъ старика Рычкова, который 9 іюня 1771 года увѣдомилъ Миллера: «команды, отправленныя для преслѣдованія калмыкъ, не возмогши ничего надъ ними произвесть, за великимъ ихъ отдаленіемъ, будучи отъ походу степнаго, а паче отъ худыхъ водъ и за недостаткомъ провіанта принуждены возвращаться на линію. Нѣкоторые уже и возвратились (въ томъ числѣ и дѣти мои), изнуренные крайнимъ голодомъ и болѣзньми. Словомъ—едва спаслись они отъ погибели и возвратились въ жалостномъ состояніи»...

24 іюня 1771 года: «...вы давно уже изволили ко мнѣ писать, чтобъ сообщить вамъ извѣстіе о побѣгѣ волскихъ калмыкъ. Мнѣ не можно, по нынѣшнимъ здѣшнимъ обстоятельствамъ, сдѣлать описаніе, справливаясь съ происходившими о томъ дѣлами; но развѣдывалъ я отъ пріѣзжавшихъ сюда изъ Астрахани, изъ Яицкаго городка изъ изъ другихъ мѣстъ; также и отъ бывшихъ въ партіяхъ (изъ сихъ въ главной двое дѣтей моихъ было), а съ того и сочинено краткое извѣстіе, которое при семъ къ вашему высокоблагородію посылаю [1]). Ежель разсудите вы изъ того что-либо передать публикѣ, то прошу васъ имени моего тутъ не употреблять. Я не знаю и не могу провидѣть, чимъ дѣло сіе оканчается. Сынъ мой большой (Андрей) командированъ на сибирскую линію для подкрѣпленія оной въ нужномъ случаѣ съ тѣмъ корпусомъ, которой въ степи былъ... Другой сынъ здѣсь и лежитъ

[1]) Этого описанія не сохранилось при письмѣ.

боленъ отъ понесенныхъ въ томъ походѣ великихъ трудностей».

8 сентября 1771 года: «...для меня ничего на семъ свѣтѣ нѣтъ пріятнѣе какъ споспѣшествовать высочайшимъ интересамъ. Удовольствіе мое было чрезвычайное, что сочиненіе мое о уходѣ калмыкъ стараніемъ вашимъ до высочайшаго свѣдѣнія дошло. Выходъ зюнгорскихъ калмыкъ въ Россію, бывшій въ 1758 году, былъ въ бытность мою при здѣшнихъ губернскихъ и заграничныхъ дѣлахъ[1]); могу сказать и то, что — подъ моимъ распоряженіемъ; но нынѣ къ этимъ дѣламъ ни малѣйшаго приступа имѣть мнѣ не можно. ...Теперь вспомнилъ я одно разумнаго человѣка изреченіе о книгахъ (Монтанье, кн. 2, часть 9): тѣ однѣ исторіи прямо добрыми назвать можно, которыя отъ такихъ людей писаны, кои сами въ правленіи дѣлъ были или знатное участіе въ нихъ имѣли. Римскія исторіи почти всѣ такія[2]). Ежель вы хотите другу своему еще сдѣлать честь и благодѣяніе, употребите въ своемъ представленіи оную Монтаніеву рѣчь. Вспомните къ ней мои о здѣшнихъ мѣстахъ сочиненія и представьте отъ себя, какъ вы сами лучше признаете. Я въ угодность высочайшей и всемилостивѣйшей моей монархини, сколько силъ моихъ есть и будетъ, трудиться не престану».

14 сентября 1771 года: «сынъ мой Андрей, находящійся на иртышской линіи съ корпусомъ, пишетъ ко мнѣ отъ 16 августа изъ Шулбинскаго форпоста слѣдующее: «г. маіоръ Зейфертъ, посыланной для развѣдыванія о калмыкахъ, пріѣздомъ своимъ рѣшилъ наше сумнѣніе. Калмыки вообще приняты въ подданство китайское. Слѣдственно дѣло наше рѣшено». Весьма разумна была пропозиція ваша о посылкѣ по симъ дѣламъ въ Китай нарочьного»... 29 сентября 1771 года: «большой мой сынъ пишетъ, что онъ получилъ уже ордеръ съ командою своею назадъ слѣдовать и надѣется въ ноябрѣ здѣсь быть. Повторяетъ, что калмыки приняты въ подданство китайское и потому посылка нашихъ войскъ безплодно окончилась; но при лучшемъ ихъ рас-

---

[1]) Рычковъ напоминаетъ здѣсь о зюнгорцахъ, которые, будучи разбиты китайцами, переселились изъ Зюнгоріи на берега Волги къ калмыкамъ.

[2]) Рычковъ это мѣсто изъ Опытовъ Монтаня привелъ на 71, 72 стран. своего «Введенія къ астраханской топографіи».

поряженіи могли бъ они желаемой успѣхъ имѣть; токмо знающихъ здѣшнія мѣста и способы въ совѣтъ на то не призывали[1])».

Надобно думать, что Рычковъ не ограничился порицаніемъ мѣръ мѣстныхъ властей въ письмахъ къ Миллеру, но высказывался такимъ же образомъ и при другихъ случаяхъ. Въ провинціи подобные пересуды быстро расходятся въ обществѣ и составляютъ насущную потребность его. Неудивительно, что оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ, о которомъ сначала Рычковъ говорилъ съ отличной стороны, узналъ объ отзывахъ послѣдняго, отчего послѣдовала перемѣна въ ихъ отношеніяхъ. Такъ 10 ноября 1771 года Рейнсдорпъ писалъ къ Миллеру: «я постоянно сообщаю г. статскому совѣтнику Рычкову часть содержанія вашихъ писемъ, и это потому, что я, не говоря о другихъ добрыхъ качествахъ, очень хорошо знаю образъ его мыслей и не нахожу благоразумнымъ сообщать ему безразлично всякія новости[2])»...

Еще болѣе раздосадованъ былъ Рейнсдорпъ, когда узналъ отъ самого Миллеръ, что Рычковъ переслалъ къ нему описаніе объ удаленіи калмыковъ. «Усмотрѣвъ изъ вашего письма отъ 28 декабря, писалъ Рейнсдорпъ къ исторіографу 19 января 1772 года, что г. статскій совѣтникъ Рычковъ составилъ историческое сочиненіе о бѣгствѣ калмыковъ, я удивляюсь болѣе тому, что этотъ человѣкъ, изъ суетной довѣрчивости въ силу своего пера, взялъ на себя описаніе о событіяхъ, которыя для него были совершенно сокрыты, почему это описаніе должно быть полно невѣрностей. Вся переписка по этому дѣлу какъ въ военной, такъ и въ государственной коллегіяхъ считается тайною. Всѣ предписанія и донесенія пишутся по секрету, и полное собраніе бумагъ заключается въ кипѣ документовъ изъ пятидесяти дестей. Это и

---

[1]) Далѣе изъ письма Рычкова отъ 17 ноября 1771 года видно, что тогда же онъ послалъ къ Миллеру «ко описанію о уходѣ калмыхъ окончаніе», составленное по извѣстіямъ его сына Андрея, который слышалъ ихъ отъ киргизовъ и маіора Зейферта.

[2]) ...«Habe ich... dem H. Etats-Rath Rytschkow jederzeit einen Theil von Inhalte Dero Schreiben communiciret, weil ich bey einer gantz genauen Kentnisz seiner Denkungs Art (ohngeachtet aller übrigen guten Eigenschafften) nicht rathsame befunden habe, ihm alle Neuigkeiten ohne Unterschied mitzutheilen». См. XXII портфель писемъ къ исторіографу Миллеру въ архивѣ академической конференціи.

есть чистѣйшій источникъ, изъ котораго можетъ быть почерпнутъ истинный ходъ этого непріятнаго событія. Впрочемъ, у меня образовалось изъ трехълѣтняго опыта почти математическое доказательство, что у этого человѣка неограниченное себялюбіе есть любимая страсть. Изъ тщеславія онъ выказывается признательнымъ; но какъ скоро произносится сообразный съ истинною приговоръ его пустымъ проектамъ или безвкуснымъ компиліціямъ, то низкая зависть направляетъ его къ самымъ чернымъ поступкамъ для того, чтобы коварно придуманнымъ злословіемъ возбудить сомнѣніе къ проницательности возражателя. Это настоящій портретъ Тартюфа! Впрочемъ я отдаю всю справедливость его, хотя и невоздѣланному уму»... [1]).

Николай Рычковъ, оканчивая описаніе въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ» [2]) удаленія калмыковъ изъ Россіи, сказалъ: «калмыцкой побѣгъ былъ источникомъ, родившимъ различное зло и разрушившимъ спокойствіе народовъ, обитающихъ въ оренбургской губерніи. Излишно бы было изчислять весь вредъ, проистекшій изъ сего случая. Всякой, вошедъ въ связь сего дѣла и изчисля убытки, нанесенные казнѣ отправленіемъ двухъ многолюдныхъ корпусовъ противу сихъ мятежниковъ, разрушеніе на тотъ годъ

---

[1]) ...«Da ich aus Eur Hochwohlgebohrnen schätzbaren Schreiben vom 28 Decembre ersehe, dasz der H. Etats-Rath Rytschkow eine historische Verfassung vom Abzuge der Kalmüken zusammen getragen, so wundert mir nichts mehr als dasz dieser Mann, aus eitelem Vertrauen auf seine Stärke in der Feder, eine Beschreibung unternommen hat, deren Anecdoten ihm gäntzlich verborgen sind, und die folglich voller Unrichtigkeiten seyn musz. Der gantze Verlauf dieser Sachen ist so wohl vom Reichs- als Krieges-Collegio als eine geheime expidition tractiret worden. Alle ordres und raports sind no секрету expediret, und die Samlung aller Chartequen beträgt einen Stoss acten von 50 Buch Papier welches wohl die reineste Qwelle bleibet, aus welcher der wahre Zusammenhang dieses unangenehmen Vorfalles, geschöpfet werden könnte. Im übrigen habe ich aus einer dreyjährigen Erfahrung, fast Mathematische Beweise, dasz eine unumschränkete Eingeliebe die lieblings Leidenschafft dieses Mannes ausmachet. Er scheinet aus Eitelkeit dankbahr, so bald man aber seine seichten projecte oder seine abgeschmackten compilationes pflichtmässig beurtheilet, so lenket ihn der finstere Neyd zu den schwärtzesten Anschlägen, um die Einsichten eines Wiedersprechers, durch heimtückische erdichtete Verleumdungen zu ahnen, dieses ist die wahre Abschilderung eines Tartuffe! Im übrigen lasze ich seinem, ob zwar ungebildeten Genie alle Gerechtigkeit wiederfahren»... XXII портфель писемъ историографа Миллера.

[2]) СПб. 1772 года, стр. 99. 100. Г. Нилъ Поповъ, въ сочиненіи «Татищевъ и его время», на стр. 353, приписалъ ошибочно это описаніе погони за калмыками Петру Рычкову.

коммерціи и съ нею наилучшей части доходовъ оренбургской губерніи, и, наконецъ, самую пользу, бывшую отъ сего скотоводствующаго народа, легко понять можетъ, сколь много сіе смятеніе нанесло вреда и сколь потеря сія должна намъ быть чувствительна»...

Начало слѣдующаго 1772 года въ оренбургской губерніи ознаменовалось новыми смутами. «Вы, писалъ старикъ Рычковъ къ Миллеру 19 января того года, довольно уже знаете исторію о побѣгѣ калмыковъ. Теперь у насъ въ сторонѣ такой же чрезвычайной случай произшелъ. Яицкіе казаки, по многимъ своимъ прежде-бывшимъ дерзостямъ, до такой отважности дошли, что бывшаго у нихъ въ городкѣ генерала-маіора Михаила Михайловича фонъ Траубенберга (человѣка честнаго и добраго) съ нѣсколькими офицерами и съ частію его команды убили до смерти. Вы легко можете понять, какія по сей причинѣ могутъ быть въ здѣшней сторонѣ вновь движенія. Сіе случилось 12 числа сего мѣсяца. Что впредь будетъ изъ сего, не премину я васъ увѣдомить»... 16 февраля 1772 года: «башкирцы спокойны, а возмутились яицкіе казаки, убивъ до смерти генералъ-маіора Траубенберга. О семъ ожидается здѣсь резолюція, что̀ повелѣно будетъ дѣлать?» За тѣмъ въ письмахъ Рычкова краткія извѣстія о пріѣздѣ генералъ-маіора Фреймана для усмиренія яицкихъ казаковъ и при этомъ предупрежденія, что ему, Рычкову, неизвѣстны всѣ подробности, такъ какъ онъ не имѣетъ доступа къ подлиннымъ бумагамъ объ этомъ дѣлѣ. 10 мая 1772 года онъ извѣщалъ исторіографа: «Здѣсь у насъ все по прежнему. Состояніе яицкаго, вамъ уже извѣстнаго дѣла..... весьма критично; ибо никакихъ обстоятельствъ онаго въ достовѣрность не знаю. Время покажетъ намъ, чимъ сіе дѣло кончится. Какъ бы не сдѣлалось оно наконецъ похожимъ на калмыцкое». Говоря послѣднее, Рычковъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду какія нибудь основанія, такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что сами яицкіе казаки намѣревались передаться въ подданство турецкому султану, и о томъ же подавалъ имъ мысль Пугачевъ, когда еще не принималъ на себя самозванства[1]). 7 іюля 1772 года: «здѣсь нѣтъ у насъ ничево новаго

[1]) «Допросы Пугачева» въ Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. москов., 1858 г., кн. II, матер., стр. 6, 7.

хорошего. Яицкія дѣла, какъ слышно, что далѣ, то гаже (je länger, je ärger); но обстоятельно увѣдомить мнѣ васъ нынѣ не можно, ибо я ни мало къ нимъ не участенъ»... 14 іюня 1772 г.: «Здѣсь обстоитъ все по прежнему. Яицкое дѣло вскрылось тѣмъ, что собравшись они тысячахъ въ десяти, отважились препятствовать идущему къ нимъ подъ командою г. генералъ-маіора Фреймана корпусу (кой состоялъ въ трехъ тысячахъ); не допустя его до своего городка верстъ за 60, выжгли степь. Окружа его со всѣхъ сторонъ своимъ людствомъ, требовали, чтобъ онъ къ нимъ не ходилъ, а возвратился бъ назадъ; но сей искусной генералъ, простоявъ на безводномъ мѣстѣ сутки, дабы степной пожаръ угасъ, не смотря на ихъ многолюдство, пошелъ къ городку прямо и отбивая ихъ отъ корпуса пушками, принудилъ ихъ самихъ возвратиться назадъ. Они, прибывъ въ городокъ, думали было противиться; но многіе отъ того отреклись, изъ за чего главные ихъ зачинщики человѣкъ съ 300 бѣжали, а прочіе отъ побѣгу удержаны и покорились, и г. Фрейманъ безпрепятственно съ командою своею вступилъ въ ихъ городокъ. Вотъ на чемъ яицкое наше дѣло вскрылось. Надобна была неустрашимость и храбрость противу превосходнаго людства, кою г. генералъ маіоръ дѣйствительно исполнилъ (sic). Теперь потребенъ разумъ и хорошее распоряженіе, какимъ образомъ поступить въ изслѣдованіи бывшаго безпокойства и въ установленіи между оными людьми наилучшихъ порядковъ»... 21 іюня 1772 года: «О яицкомъ дѣлѣ, чимъ оно кончилось, я къ вамъ уже писалъ. Къ тому сіе служитъ въ прибавокъ, что и бѣжавшіе казаки всѣ переловлены. Слѣдствіе о ихъ бунтѣ и злодѣйствахъ производимо будетъ здѣсь. Весь сей нерегулярный корпусъ имѣетъ быть учрежденъ на другомъ уже основаніи».

12 іюля 1772 года: «У насъ развѣ сіе одно новымъ почесть, что о яицкихъ мятежникахъ коммиссія уже здѣсь начата и пойманныхъ злодѣевъ (коихъ со сто человѣкъ сюда привезено) допросы производятся. Главные изъ нихъ говорятъ, что послѣднее ихъ намѣреніе было бѣжать съ женами и дѣтьми на Каспійское море и тамъ усилиться; особливо же намѣревались они завладѣть Астработомъ или Хивою»...

Зимою 1772 года Рычковъ собрался было ѣхать по дѣламъ

службы въ Москву, но при этомъ случаѣ губернаторъ нашелъ возможность хотя отчасти выместить Рычкову за его пересуды и поспѣшное доставленіе въ столицы описанія событій во ввѣренной Рейнсдорпу губерніи. «Что до ѣзды моей къ вамъ въ Москву надлежитъ, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ декабрѣ 1772 года, то хотя и получилъ я отъ главнаго моего командира, т. е. отъ Михайла Яковлевича Маслова, формальной ордеръ и думалъ я по сіе число быть уже въ дорогѣ; однакъ, сверхъ чаянія моего, сдѣлалось въ томъ небольшое запинаніе. Иванъ Андреевичъ, здѣшній г. губернаторъ, не имѣя у себя отъ Михаила Яковлевича никакого о томъ сообщенія, на репортъ мой къ нему поданной съ прошеніемъ дозволенія и подорожной, отозвался мнѣ предложеніемъ своимъ, что онъ при нынѣшнихъ, якобы многодѣльныхъ у меня въ коммиссіи обстоятельствахъ къ отъѣзду моему согласиться не можетъ»...

Рейнсдорпъ съ своей стороны писалъ Миллеру 24 декабря 1772 года: «г. статскій совѣтникъ Рычковъ еще здѣсь и теперь не можетъ еще отправиться во первыхъ потому, что этого не допускаютъ новыя соляныя учрежденія, а во вторыхъ онъ меня обошелъ, какъ хозяина дома, и просилъ о дозволеніи безъ моего вѣдома [1])».

Рычкова видимо огорчало это происшествіе. 20 декабря 1772 года писалъ онъ къ Миллеру: «унынie и слабость моего духа по штилю сего письма узнать изволите. Трудно противъ рожна прать. Простите меня въ худости моихъ выраженій».

Рейнсдорпъ могъ только отдалить поѣздку Рычкова, который въ январѣ 1773 года отправился-таки въ Москву. Здѣсь, учрежденное при московскомъ университетѣ учено-литературное общество — Вольное Россійское Собраніе предложило ему званіе своего члена. Въ письмѣ къ Рычкову по этому поводу, между прочимъ, говорилось: «Вольное Россійское Собраніе, совершенно извѣстное, съ какою ревностію вспомоществовали всегда с. петер-

[1]) «H. E. R. Rytschkow ist noch hier und wird auch vor der Hand nicht reysen können, weil es vors erste die neuen Saltz Einrichtungen nicht erlauben, und weil er zweitens mir als Wirth vom Hause vorbey gegangen ist, so dasz er ohne mein Vorwiszen um Urlaub gebethen hat»... XXII портфель писемъ къ истор. Миллеру въ архивѣ академической конференціи.

бургской Академіи Наукъ и Вольному Экономическому Обществу, основательно питаетъ себя надеждою, что если предложеніе вами будетъ принято, то сообщенія ваши не менѣе принесутъ пользы и чести, какъ донынѣ приносили обоимъ упомянутымъ мѣстамъ»... Внеся это письмо въ свои записки, Рычковъ отмѣтилъ также тамъ: «марта 2 числа имѣлъ я честь въ первые присутствовать въ Вольномъ Россійскомъ Собраніи московскаго университета. Къ сему предводителемъ моимъ былъ самъ тайный совѣтникъ и кураторъ Иванъ Ивановичъ Мелиссино, и одинъ изъ профессоровъ говорилъ на русскомъ языкѣ касающуюся до меня рѣчь»...

Покинувъ Москву въ началѣ марта, Рычковъ заѣхалъ въ село Спасское, гдѣ оставался за распутицею довольно долгое время; 28 апрѣля 1773 года пріѣхалъ въ Оренбургъ и оттуда 15 мая извѣщалъ, между прочимъ, Миллера: «Вчерась обѣдалъ я у г. губернатора. Могу сказать вамъ, какъ моему истинному другу, что онъ нынѣ ко мнѣ очень хорошъ и благосклоненъ, и старается самъ о построеніи для меня казеннымъ коштомъ весьма хорошаго и покойнаго дому».

VIII.

1773 — 1777 годы.

Пугачевщина. Записки о ней Рычкова. Враждебныя отношенія къ нему оренбургскаго губернатора. Послѣднія работы Рычкова по описанію оренбургскаго края. Кончина.

До сентября 1773 года письма Рычкова къ Миллеру не отличались особенною занимательностью. По бо́льшей части въ нихъ шла рѣчь о покупкѣ разныхъ книгъ и о печатаніи Вольнымъ Россійскимъ Собраніемъ при московскомъ университетѣ «Введенія къ астраханской топографіи».

Въ сентябрѣ 1773 года словоохотливый въ перепискѣ съ исторіографомъ Рычковъ вдругъ сдѣлался скрытнымъ и таинственнымъ. 3 числа того мѣсяца онъ писалъ: «мы никогда еще въ такомъ безпокойствѣ не находились какъ нынѣ; а въ чемъ оно состоитъ, о томъ увѣдомлю васъ впредь». Однако въ слѣдующемъ

письмѣ отъ 5 сентября нѣтъ никакого разъясненія помянутому безпокойству, и есть только обыкновенное извѣстіе: «у насъ здѣсь все по прежнему: засуха еще продолжается, отчего и хлѣбъ дорожаетъ. Я съ дѣтьми по сіе число здоровъ» и пр. 12 сентября Рычковъ все письмо наполнилъ о книгопродавцѣ Веверѣ, о глинѣ, находимой при Чебаркульской крѣпости и пр., и мимоходомъ замѣтилъ: «теперь нѣтъ у насъ ничего новаго». 19 сентября: «здѣсь у насъ нѣтъ ничего новаго. Да и что можетъ быть въ такой отдаленности достойное къ вашему увѣдомленію? Вы насъ онымъ не оставляйте»... Наконецъ 26 сентября Рычковъ рѣшился сдѣлать такой неясный намекъ при упоминаніи о тамошнемъ губернаторѣ: «не знаю, будетъ-ли онъ къ вамъ сегодня писать за недосугомъ своимъ по причинѣ нѣкотораго, вновь около Яицкаго городка оказавшагося безпокойства, куда посылаетъ онъ команды». Вновь оказавшееся безпокойство происходило отъ появленія въ окрестностяхъ Яицкаго городка Пугачева. Здѣсь въ первый разъ 15 августа 1773 г. одинъ пьяный казакъ разболталъ, что у нихъ на хуторахъ проживаетъ царь Петръ Ѳедоровичъ [1]), что̀ и побудило тамошняго коменданта подполковника Симонова посылать команды для поимки самозванца. Извѣстно, что эти поиски кончились ничѣмъ, и 5 октября Пугачевъ началъ осаду Оренбурга.

«Наши обстоятельства, писалъ оттуда Рычковъ къ Миллеру 25 ноября 1773 года, такія, какихъ сначала здѣшняго города не бывало, и я отъ роду моего не видывалъ. Долговременное неполученіе писемъ моихъ даетъ вамъ идею, сколь трудно находить способъ къ отправленію отсюдова писемъ; а почты ординарной уже съ два мѣсяца нѣтъ отъ насъ въ отправленіи. Супостатъ нашъ, не малое число людей и около ста артиллерійскихъ орудій имѣющій, многократно уже покушался на взятье города; но всегда былъ отбиваемъ, и нынѣ стоитъ отъ насъ недалеко, т. е. въ Бердской слободѣ. Помощь наша отъ Господа, сотворшаго небо и землю: мы всю нашу надежду имѣемъ на него. Когда спасемся отъ злодѣевъ, тогда буду я писать обстоятельнѣе и постараюсь ваше любопытство удовольствовать.... Въ нынѣшнее стропотное наше время сдѣлалъ я описаніе съ имѣющейся у меня

[1]) «Записка полковника Пекарскаго» Москвитянъ 1841 г. № 6, истор. матеріалы, стр. 440, 441.

старинной и невразумительной почти тетради о бунтѣ Стеньки Разина и его единомышленниковъ [1]). Оно по его подробностямъ гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ какъ я читывалъ у нашихъ и иностранныхъ писателей. Какъ скоро отворится у насъ безопасный проѣздъ, то я сіе описаніе перешлю къ вамъ»...

Безопаснаго проѣзда, о которомъ писалъ Рычковъ, пришлось ожидать долго. «Мы, сообщалъ онъ Миллеру 4 декабря 1773 года, еще и по нынѣ въ осадѣ отъ злодѣевъ. Недавно покушались они овладѣть Верхне-Озерною крѣпостью, дѣлали къ ней сильные приступы; однакожъ отбиты съ немалымъ урономъ. Къ нашему городу не дѣлаютъ они нынѣ приступовъ, зная, что городъ теперь въ хорошемъ оборонительномъ состояніи. Мнятъ принудить они насъ къ сдачѣ хлѣбнымъ недостаткомъ, коего мы еще не имѣемъ, а между тѣмъ ожидаемъ съ вашей стороны помощи. Г. Каръ и Фрейманъ сюда еще не бывали»... Только въ концѣ марта 1774 года побѣда князя Голицына надъ мятежниками освободила Оренбургъ отъ долговременной осады. «Бѣдственное наше состояніе, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ апрѣлѣ того года, съ начала октября понынѣ продолжавшееся, не допущало меня къ пріятнѣйшей съ вами перепискѣ. Въ какой мы нуждѣ и крайности находились, теперь не достаетъ мнѣ времени описывать: изъ приложенной вѣдомостцы продажному здѣсь хлѣбу и харчу легко вамъ узнать, далеко-ль мы были отъ погибели [2]). Теперь избавились мы отъ злодѣевъ божескимъ и монаршескимъ защищеніемъ, стараніемъ же его сіятельства князя Петра Михайловича Голицына и его превосходительства Ѳедора Юрьевича Фреймана».

«Во время осады, когда нечего было дѣлать, описалъ я астра-

---

[1]) Повидимому Рычковъ любилъ останавливаться на тѣхъ событіяхъ изъ прошедшаго, которые напоминали ему настоящее. Такъ въ 1772 г., когда во всей Россіи были толки о моровой язвѣ, онъ послалъ къ Миллеру списокъ «о бывшемъ въ Россіи во время царя Алексѣя Михайловича моровомъ повѣтріи».

[2]) Объ этой вѣдомости Рычковъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ объ оренбургской осадѣ; но вѣроятно Пушкинъ не имѣлъ ее въ доставленныхъ ему спискахъ Записокъ, почему она и не помѣщена при «Исторіи пугачевскаго бунта». Ср. «Сочиненія Пушкина» изд. П. В. Анненкова, т. VI, стр. 487 и 556. По этой причинѣ означенная вѣдомость помѣщена мною въ приложеніи V.

ханской бунтъ Стеньки Разина и его сообщниковъ. Сіе извѣстіе прилично къ астраханской исторіи, а потому и прилагаю я оное при семъ на ваше дружеское разсмотрѣніе. Не разсудите-ль вы сообщить его общему нашему милостивцу, Ивану Ивановичу Мелиссино? Можетъ быть прикажетъ онъ его напечатать въ историческихъ издаваемыхъ нынѣ отъ университета сочиненіяхъ[1])...

Въ исторической литературѣ о пугачевщинѣ Рычковъ занимаетъ видное мѣсто какъ авторъ записокъ объ этомъ событіи. Подобно современнику своему, полковнику Пекарскому, также описывавшему мятежъ, Рычковъ былъ только очевидцемъ осады г. Оренбурга, и потому въ запискахъ обоихъ этихъ лицъ особенно обстоятельно занесены разныя подробности сейчасъ названнаго эпизода изъ пугачевскаго бунта. Разница же между ними та, что Рычковъ свою лѣтопись составилъ тотчасъ послѣ осады, употребляя литературные пріемы, соблюдая искусственность въ изложеніи и вмѣщая притомъ оффиціальныя бумаги разныхъ вліятельныхъ лицъ, которыя знали его какъ извѣстнаго литератора. Михаилъ Николаевичъ Пекарскій въ пугачевщину былъ четырнадцатилѣтнимъ сержантомъ; сочинялъ свою записку по памяти въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, безъ всякой литературной обработки. Онъ не распространялся о малоизвѣстныхъ ему военныхъ дѣйствіяхъ главныхъ начальниковъ, но изъ сыновней любви къ памяти отца своего, Николая Николаевича, занесъ, напр., въ свое описаніе, что при осадѣ г. Уфы во время одной вылазки отбита у мятежниковъ пушка маіоромъ Пекарскимъ[2]).

Записки Рычкова, какъ и бо́льшая часть матеріаловъ русской исторіи XVIII столѣтія, изданы съ описками и безъ критической оцѣнки. Пушкинъ, напечатавшій ихъ при своей Исторіи пугачевскаго бунта, мало былъ знакомъ съ біографіею ихъ автора, котораго считалъ академикомъ. Митрополитъ Евгеній[3]) Записки

[1]) Здѣсь Рычковъ разумѣетъ періодическое изданіе «Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія», въ которомъ, однако, не было напечатано извѣстіе Рычкова.

[2]) «Записка полковника Пекарскаго о бунтахъ яицкихъ (что нынѣ уральскіе) казаковъ и о самозванцѣ Емельянѣ, донскомъ казакѣ Пугачевѣ» напечатана въ Москвитянинѣ 1841 года, № 6, истор. матер., стр. 438 — 468. Подлинникъ хранится нынѣ въ Публичной Библіотекѣ, куда поступилъ изъ погодинскаго древнехранилища.

[3]) «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», II, стр. 159.

П. И. Рычкова о пугачевскомъ бунтѣ приписалъ сыну его Николаю. Въ весьма недавнее время часть этихъ записокъ и притомъ любопытнѣйшая, на основаніи невѣрныхъ и произвольныхъ соображеній, приписана была Матвѣю Чернышеву, никогда не думавшему прибавлять ни одной строки къ лѣтописи Рычкова[1]).

Мысль составить описаніе осады Оренбурга первый подалъ Рычкову князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, побѣдитель Пугачева. «Его сіятельство, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ апрѣлѣ 1774 года, бывъ здѣсь въ городѣ недолго, весьма благосклонно со мною обошелся. Я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ: рекомендовалъ мнѣ сдѣлать описаніе злодѣйской осады въ бытность тутъ губернатора»...

Въ маѣ 1774 года: «...Его сіятельство князь Петръ Михайловичъ ко мнѣ очень благосклоненъ и просилъ меня разсмотрѣть и въ порядокъ привесть походныя его записки со всѣми дѣйствами, до освобожденія Оренбурга и многихъ здѣшнихъ мѣстъ учиненными, что̀ я уже и сдѣлалъ, чѣмъ онъ весьма доволенъ былъ. Уповаю, что сей журналъ скоро онъ и отправитъ. Дѣла и распоряженія его всѣ достойны великой славы. Словомъ погибли бъ мы здѣсь, ежели-бъ не спасъ насъ его сіятельство, разбивъ предводителя и самозванца Пугачева на двухъ сраженіяхъ.

«Что касается до описанія того, сколько мы претерпѣли, то не надѣюсь я, дабы его превосходительство г. губернаторъ согласился на письмо ваше давать мнѣ потребныя къ тому извѣстія изъ имѣющихся у него. Да и самъ онъ немного ихъ имѣетъ, ибо коммуникація сюда и отсѣль совсѣмъ была пресѣчена. Я, по елику видѣлъ самъ и слышалъ отъ другихъ, содержалъ у себя для памяти и собственнаго моего свѣдѣнія ежедневную записку, чтобъ со временемъ можно было составить изъ нея сего бѣдственнаго нашего времени описаніе; но опасаюсь, какъ бы тѣмъ не подвергнуть мнѣ себя у друзей моихъ еще бо́льшему нареканію противъ того, какому подверженъ былъ сынъ мой Николай за описаніе похода, бывшаго за бѣжавшими калмыками. Я люблю правду и не могу инако не только писать, но и говорить. Прошу васъ, какъ моего истиннаго друга, сказать мнѣ на сіе ваше мнѣніе».

---

[1]) Русскій Архивъ 1865 года, № 3, стр. 335, 336.

За тѣмъ, послѣ краткихъ извѣстій о дальнѣйшихъ движеніяхъ Пугачева, прибавлено: «Жена его, на коей онъ женился на Яикѣ (была она тамъ великая волочайка, а собой недурна), и кою онъ называлъ царицею, и всѣ тамошніе злодѣи также ее признавали, поймана, и скоро, уповаю, сюда будетъ привезена... Село мое Спасское и еще двѣ деревни, близь онаго имѣющіяся, злодѣями совсѣмъ разорены, не только домы, но и церкви разграблены. Убытку мнѣ по меньшей мѣрѣ тысячъ на десять рублевъ. Пуще всего сожалѣю я объ моей библіотекѣ, коя отъ злодѣевъ сожжена и истреблена».

8 мая 1774 года: «Новаго у насъ ничево нѣтъ кромѣ сего, что Пугачева жена, на коей онъ женился въ Яицкомъ городкѣ, сюда привезена. Другая его жъ жена и съ дѣтьми содержится въ Казани. Здѣшнія барыни изъ любопытства видѣть въ предупомянутой отмѣнную красоту ѣздятъ ее смотрѣть; но на мои глаза не нашель я никакого чрезвычайнаго въ ней хорошества»...

19 мая 1774 года: «Вчерась пріѣхалъ сюда въ городъ его сіятельство г. генералъ-поручикъ и кавалеръ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Щербатовъ, да и обѣдали мы вчерась всѣ вмѣстѣ у здѣшняго г. прокурора Ушакова на именинахъ жены его. Его сіятельство васъ довольно знаетъ, о чемъ самъ мнѣ сказывалъ. За столомъ, не нарочно сдѣлался у насъ разговоръ о исторіи здѣшняго осаднаго времени. Его сіятельство разсуждалъ, что надобно оной быть безпристрастной и упредить, чтобъ французы и другіе иностранные народы не издали въ публику о сей нашей осадѣ и о самозванцѣ Пугачевѣ несправедливыхъ извѣстій. Всѣ согласовали, что я къ оному сочиненію способнѣе другихъ. Я отзывался, что текущихъ или настоящихъ временъ исторію всякому сочинителю, а наипаче справедливому и безпристрастному писать сумнительно. Притомъ надобно имѣть обо всемъ полное свѣдѣніе и пр. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ отзывался, чтобъ я, написавъ оную какъ самовидѣцъ многихъ бывшихъ дѣлъ, не издавалъ ее нынѣ въ публику. Всѣ на то согласовали, а г. губернаторъ, сидя подлѣ меня, сказывалъ, что вы къ нему писали, дабы онъ снабдилъ меня потребными къ тому извѣстіями и пр.; да и обѣщалъ свои журналы и анекдоты, принадлежащіе къ тому, сообщить. Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ журналъ свой мнѣ уже

поручилъ, и оной уже изготовленъ по освобожденіе Оренбурга отъ осады. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ тожъ обѣщалъ, а потому и всему отъ онаго труда невозможно мнѣ было отговориться. Я при случаѣ сдѣлаю тому напередъ планъ и покажу имъ, да и вамъ пришлю. Вы, какъ мой истинный другъ, не худо сдѣлаете, когда въ этомъ подкрѣпите и исходатайствуете какое нибудь къ тому одобреніе. Довольно бъ было для меня ежели бъ сіе дѣло пристойнымъ образомъ Академія или кто изъ знатныхъ господъ мнѣ отрекомендовали, ибо я опасаюсь какъ бы, принявшись за оное, не придти мнѣ въ слабость и безсиліе. Весьма уже началъ я оскудѣвать въ моихъ силахъ по причинѣ ввѣренныхъ мнѣ здѣшнихъ соляныхъ дѣлъ, въ великую разстройку злодѣями приведенныхъ, и не знаю, достанетъ ли моихъ силъ, возстановить оныя и привесть въ тотъ порядокъ, въ которой они отъ меня были приведены»...

29 мая 1774: «Иванъ Андреевичъ (губернаторъ Рейнсдорпъ) далъ уже мнѣ списывать свой журналъ. Князя Петра Михайловича журналъ имѣю жъ. Ежель поотдосужусь, буду я изъ нихъ и изъ моихъ записокъ составлять описаніе. Не знаю, буду-ли я ободренъ чимъ нибудь по претерпѣннымъ мною великимъ разореніямъ. По сіе время питаютъ меня еще одними обѣщаніями. Весьма много бъ споспѣшествали къ моей пользѣ, ежели-бъ нашли случай изъясниться о томъ съ Петромъ Дмитріевичемъ Еропкинымъ и съ Михайломъ Яковлевичемъ Масловымъ, моимъ шефомъ»... Въ PS: «доношу вамъ, милостивому государю моему: я съ моей стороны всѣ способы употребляю привлекать къ себѣ благосклонность его превосходительства Ивана Андреевича; но сей, весьма мною любимой человѣкъ отвращаемъ бываетъ людьми, суще не достойными его милости, привыкшими къ самолюбію и ласкательству. Я не могу быть таковъ, какъ они, и никогда такимъ не бывалъ: черное не называю бѣлымъ. Вотъ вамъ, любезной мой другъ и милостивецъ, причины тому, для чего я часто выдерживаю огорченія и возбуждаю противу себя ненавистниковъ добру. Изъ сего краткаго вы все прочее понять и разсудить можете по вашему во всѣ дѣла проницанію».

Въ іюлѣ 1774 года у Рычкова была уже готова первая часть его Записокъ, гдѣ онъ описалъ о яицкихъ казакахъ, волненіяхъ въ Яицкомъ городкѣ и первое появленіе Пугачева до его

приближенія къ Оренбургу, т. е. до 1 октября 1773 года. Послѣ того Рычковъ сдѣлался боленъ, и потому работа его остановилась. 3 сентября 1774 г.,ославъ первую часть Миллеру, онъ писалъ: «каждая часть будетъ въ себѣ содержать теченіе мѣсячнаго времени. Изъ послѣдующихъ увидите вы, милостивый государь мой, много чуднаго, и я сумнѣваюсь, описывая справедливо все, какъ (бы) не сдѣлать себѣ предосужденія. У меня приготовлено уже къ перепискѣ октябрь, ноябрь и декабрь. Осталось приготовить январь, февраль и мартъ. Прочее въ другомъ томѣ будетъ описывано... Прошу васъ дать мнѣ ваше мнѣніе и совѣтъ, ежель сіе издавать въ публику годится, то гдѣ напечатать? Не лучше-ль въ Академіи, гдѣ вы о томъ, чрезъ кого пристойно, постараться можете»... Черезъ 8 дней Рычковъ уже сообщилъ, что описаніе осады имъ уже почти окончено, а 18 сентября 1774 года имъ же писано къ Миллеру:

«Два извѣстія имѣю вамъ теперь сообщить ко взаимному нашему удовольствію. Первое, что Пугачевъ съ сообщниками его, ниже Царицына верстъ со сто (Царицынымъ завладѣть онъ не могъ) г. полковникомъ Михельсономъ совершенно разбитъ, какъ то вы изъ приложенной при семъ съ приказу копіи усмотрѣть изволите. А другое еще того важнѣе, что и самъ онъ, Пугачевъ, пойманъ его жъ сообщниками и связанной привезенъ уже въ Яицкой городокъ, гдѣ теперь и содержится. Онъ, послѣ пораженія его г. Михельсономъ, пробирался къ Яицкому городку, слѣдовательно снова къ намъ и въ Башкирію; и будучи верстахъ въ 50 отъ Яицкаго городка на узеняхъ (узенями называются тѣ мѣста, кои, начинаясь вблизи онаго городка, пошли къ самому Каспійскому морю, гдѣ великіе болота, камыши и кустарники), имѣя при себѣ сообщниковъ не болѣе 150 человѣкъ, оными своими сообщниками связанъ, отъ коихъ по увѣдомленію въ Яицкой городокъ, посланною за нимъ командою и тѣми его сообщниками привезенъ въ городокъ и отданъ находящемуся тутъ по слѣдственной секретной коммиссіи гвардіи капитанъ-поручику Маврину. Вотъ, милостивый государь мой, извѣстіе новое, которымъ каждый вѣрный сынъ отечества обрадованъ быть долженъ. Сей великой злодѣй въ алатырскомъ, въ саранскомъ и въ пензенскомъ уѣздахъ ужасное множество дворянъ съ ихъ фамиліями погубилъ и несмѣтныя причи-

нилъ губительства и разоренія. Даруй Боже, чтобъ изъ сего здѣсь поскорѣе возстановлена была тишина и спокойствіе; но злодѣй почти всю чернь возмутилъ, а притомъ башкирцовъ и киргизцовъ»...

P.S. «Теперь снова посѣщенъ я печалью, но такою, которой для меня больше быть не можетъ: сынъ мой старшій (34 лѣтъ), тотъ, который былъ полковникомъ и синбирскимъ комендантомъ, деташированъ былъ съ малою командою на скопившихся около Синбирска злодѣевъ. Онъ трафилъ на многочисленную толпу злодѣевъ. Онъ тутъ скончался — убитъ оными злодѣями. Сдѣлайте въ такомъ случаѣ своему другу отраду и утѣшеніе. Кончина его тѣмъ хороша, что онъ жизнь положилъ за отечество».

Потерю сына описалъ Рычковъ и въ своихъ Запискахъ, которыя за послѣдніе особенно годы не отличались пространными извѣстіями: «Во время бывшей г. Оренбургу отъ злодѣя Пугачева шестимѣсячной осады, не только въ ежедневномъ страхѣ и погибели весь городъ, слѣдовательно и я съ женою и дѣтьми и со всѣми домашними находился, но и село мое Спасское съ двумя деревнями сообщниками злодѣя разорены, и бывшіе тамъ пожитки, а при томъ святыя церкви и немалая моя бывшая тамъ библіотека расхищена; и хуторъ мой подгородній, называвшійся тогда Маловскимъ, самимъ злодѣемъ ограбленъ и вызженъ; которое мнѣ разореніе, по самой меньшей цѣнѣ считая, гораздо больше двадцати тысячъ. Но все оное, хотя и великое разореніе не столько меня огорчило, какъ безвременная кончина старшаго моего сына. Сей мой любезной и долголѣтней жизни достойной сынъ, будучи въ г. Синбирскѣ полковникомъ и комендантомъ, зная, что отъ возмущенія Пугачева въ синбирскомъ уѣздѣ едва не вся чернь взволновалась и устремилась на убійство и ограбленіе дворянъ, да и самой уже городъ угрожаемъ былъ отъ нихъ нападеніемъ и погибелью, для охраненія по возложенной на него должности, какъ комендантъ и вѣрный сынъ отечества, собравъ изъ гарнизона, до прибытія его въ великой разстройкѣ бывшаго, около ста человѣкъ, да столько жъ изъ улановъ и копейщиковъ, недавно составленныхъ изъ помѣщичьихъ слугъ и крестьянъ, съ одною пушкою (ибо и всѣхъ при семъ городѣ было только двѣ), выступили противъ оныхъ скопляющихся въ уѣздѣ мятежниковъ и бунтовщи-

ковъ. Онъ имѣлъ счастіе сбить и разсыпать двѣ злодѣйскія толпы многолюдныя: одну—въ селѣ Озеркахъ, гдѣ оные злодѣи дважды на команду его нападали, а другую—подъ деревней, называемой Щучья, въ коей живутъ новокрещены и нѣсколько помѣщичьихъ мужиковъ. Узнавъ же, что подъ пригородомъ Корсуномъ, верстъ со ста отъ Синбирска, есть еще злодѣйское сборище, въ коемъ находилось ихъ болѣе 700 человѣкъ, имѣя у себя предводителемъ помѣщика Кондакова слугу, который отъ Пугачева названъ былъ полковникомъ и коего прозванье было Фирсовъ. И хотя корсунскіе жители передались всѣ на сторону злодѣевъ, однако онъ, не уважая великаго ихъ людства, пошелъ туда и вступилъ съ ними въ сраженіе. Слабая его команда здѣсь поколебалась; нѣкоторые передались злодѣямъ, а другіе побѣжали назадъ. Притомъ бывшій гарнизонный капитанъ Крыжанъ убитъ былъ напередъ, а онъ самъ, какъ начальникъ, имѣя при себѣ не болѣе уже 20 человѣкъ, сколько силъ его было, оборонялся; былъ тутъ раненъ двумя тяжкими ранами въ спину и руку. Видя жъ, что ничего надъ тѣми злодѣями одержать было ему невозможно, устремясь на нихъ въ послѣднее, одному изъ нихъ саблею снесъ голову, а другаго умертвилъ своими жъ руками, изъ за чего остервенѣвшіе злодѣи, бросившись на него, окончили его жизнь копьями и саблями своими. При семъ его смертномъ случаѣ два сѳлдата, бывшіе при немъ, скололи штыками двухъ злодѣевъ, коихъ они, поймавъ, отсѣкли имъ головы и положили одну подлѣ головы, а другую въ ногахъ у покойнаго и обще съ ними подвизавшагося командира. Тѣло его погребено тогда въ Корсунѣ при тамошней церкви; сынъ же его, а мой внукъ до самой кончины при немъ находился, а потомъ двумя доброжелательными уланами (кои были изъ людей его родственниковъ) спасенъ отъ погибели. Все оное происходило сего 1774 года 26 числа августа».

Въ 1774 году неудовольствія между губернаторомъ Рейнсдорпомъ и Рычковымъ снова возобновились по поводу составленія послѣднимъ описанія оренбургской осады. Когда до Оренбурга дошло свѣдѣніе, что графъ Петръ Ивановичъ Панинъ назначенъ былъ главнокомандующимъ оренбургской, казанской и нижегородской губерній, то Рычковъ (14 августа 1774 г.) обратился къ Миллеру: «Его сіятельству, уповаю, надобны будутъ люди, на-

чало и составъ прежнихъ учрежденій и намѣреній знающіе. Я хотя и знакомъ его сіятельству бывалъ, но давно; мнѣ мнится, что я, по свѣдѣнію здѣшнихъ дѣлъ и народовъ, могъ бы употребленъ быть нынѣ съ пользою высочайшихъ интересовъ и съ моимъ авантажемъ, но самому на то набиваться дурно. Нѣтъ ли вамъ, милостивый государь мой, дороги и способу рекомендовать меня его сіятельству?»... Миллеръ, а также Еропкинъ (Петръ Дмитріевичъ [1]) говорили графу Панину о Рычковѣ, и вслѣдствіе того онъ былъ потребованъ въ Симбирскъ для личныхъ объясненій съ графомъ по дѣламъ оренбургской губерніи. Рычковъ туда отправился изъ Оренбурга 13 сентября 1774 года.

Этотъ вызовъ долженъ былъ еще болѣе разсердить Рейнсдорпа, и досада его дѣйствительно видна въ желчныхъ выходкахъ противъ Рычкова въ письмѣ къ Миллеру отъ 16 октября: «г. Рычковъ получилъ отъ меня и другихъ генераловъ всѣ матеріалы для пугачевской исторіи. Дѣйствительно онъ написалъ ее и показывалъ разнымъ лицамъ, но для меня его хартія до сихъ поръ остается тайною, изъ чего я съ увѣренностью вывожу, что онъ, по своему обыкновенію, наполнилъ ее сказками и лжами. Онъ нашелъ способъ быть вызваннымъ въ Симбирскъ отъ его сіятельства графа Панина. Нѣсколько книгъ съ бумагами, наполненными легкомысленными проектами, суть его путевые спутники; но такой проницательный мужъ (гр. Панинъ) непремѣнно сорветъ маску съ его глупости. Короче — только въ могилѣ такой человѣкъ разстанется съ своей черной душой [2])».

Что касается до Рычкова, то изъ его писемъ того времени къ Миллеру можно судить, какъ онъ былъ доволенъ и вызовомъ

---

[1]) Изъ письма Рычкова къ Миллеру 27 ноября 1774 г., видно, что первый сообщилъ Еропкину первую часть составленнаго имъ описанія оренбургской осады, которую этотъ и передалъ графу Панину.

[2]) ...«H. Rytschkoff hat alle Materialen zur Historie des Pugatschew von mir und andere General erhalten, er soll sie würklich geschrieben, und verschiedenen gezeiget haben. Für mich ist diese Charteque aber bisz dato ein Geheimnisz und ich schliesse folglich mit Gewiszheit dasz er selbige nach Gewonheit mit Lügen und Märchen ausgefüllet. Er hat einen Canal gefunden, dasz ihn der H. Gr. Pan. Erl. nach Simbirsk verlanget. Einige Bücher mit windige Projecte angefüllete Papiere sind seine Reyse Gefährten, ein so einsichtsvoller Mann wird aber ohnfehlbar seiner Thorheit die Larve abziehen. Kurtz dieser Mensch wird von seiner schwartzen Seele erst im Grabe geschieden werden»... XXII портфель писемъ къ исторіографу Миллеру въ архивѣ академической конференціи.

и пріемомъ главнокомандующаго. Такъ въ письмѣ изъ Симбирска 24 октября 1774 года читаемъ: «Графъ Петръ Ивановичъ принялъ меня благосклонно и содержитъ милостиво. Изъясненія мои о состояніи нашей губерніи, какъ я примѣтилъ, были ему угодны; но съ чимъ и сколь скоро отсюдова отпуститъ онъ меня, о томъ только еще не знаю. Можетъ статься, что къ нынѣшнимъ моимъ солянымъ дѣламъ нѣкоторую часть возложитъ онъ на меня и другихъ, о чемъ впредь вамъ донесу».

«Супостата и злодѣя нашего Пугачева, уповаю, скоро увидите вы въ Москвѣ. Онъ отсѣль на сихъ дняхъ отправляется. Удивленія достойно, что столь плюгавой мужиченко могъ надѣлать великое множество злодѣйствъ».

«Здѣсь нынѣ такое людство, что каждодневно вижу маленькую Москву [1]). И обѣдаемъ у его сіятельства человѣкъ до шестидесяти и болѣе».

Въ другомъ письмѣ также изъ Симбирска въ октябрѣ 1774 года: «находясь здѣсь, пользуюсь я милостями графа Петра Ивановича и радуюсь, что трафилъ на такого человѣка, который во все проницаетъ и узнаваетъ существо всякаго дѣла. Таковому угождать и нравиться не трудно. Ласкаю себя надеждою, что пріѣздъ мой сюда въ разсужденіи государственной, а притомъ и моей собственной пользы будетъ не въ тунѣ; но не могу еще донесть, сколь долго продержитъ меня при себѣ его сіятельство. Можетъ статься, что пробуду при немъ и до ево отсѣль отбытія».

«Злодѣя Пугачева на сихъ дняхъ отправили къ вамъ въ Москву. Сіе чудовище мерзкое, уповаю, вы тамъ увидите. Я его здѣсь видѣлъ и съ нимъ говорилъ».

Графъ Панинъ отпустилъ Рычкова изъ Симбирска въ ноябрѣ мѣсяцѣ. 31 октября 1774 года было написано отъ главнокомандующаго къ оренбургскому губернатору, что на Рычкова возложено составленіе «историческихъ екстрактовъ» и для того ему должны быть открыты всѣ дѣла о киргизцахъ и башкир-

---

[1]) Въ бытность въ Симбирскѣ, Рычковъ досталъ, какъ онъ говоритъ, «нарочитое извѣстіе» объ этомъ городѣ, которое послалъ въ распоряженіе Миллера при письмѣ 12 февраля 1775 года.

цахъ [1]). Увѣдомляя о томъ Миллера, 20 ноября 1774 года, Рычковъ писалъ:

---

[1]) Вотъ иструкція, или, какъ называлъ Рычковъ, пункты, данные ему для составленія историческихъ екстрактовъ:

1. Какое отъ Двора и министерства предписаніе когда было въ разсужденіи какъ политическаго со онымъ народомъ наблюденія, такъ и какой образъ поведенія съ ними былъ предписанъ и употреблялся отъ оренбургскаго начальства.

2. Съ котораго времени вступленіе сего народа въ подданство россійское и какимъ образомъ произошло, а съ того времени и по нынѣшнее ихъ возмущеніе какіе когда поступки были, какъ отъ нашихъ къ нимъ начальниковъ, такъ и отъ нихъ въ повиновеніи и въ противностяхъ къ скипетру россійскому.

3. Сколько въ которомъ году со времени вступленія ихъ въ подданство, кромѣ нынѣшняго возмущенія, бывали-ли или нѣтъ отъ сего народа какія гдѣ впаденія, въ которомъ именно году въ наши границы; что они въ оныхъ когда вреднаго причинили.

4. Ко отвращенію и стражи отъ того сколько гдѣ воинскихъ нашихъ полевыхъ и гарнизонныхъ командъ содержалось.

5. Какія воинскія дѣйствія, когда тѣ наши команды при впаденіяхъ онаго народа въ наши границы производили и какое потому бывало сношеніе и расположеніе съ начальствомъ сихъ ордъ.

6. Тѣ наши воинскія команды съ котораго времени, по чьимъ повелѣніямъ убыли или ослабѣли, и сколько ихъ гдѣ оставалось противу прежняго оныхъ расположенія при начинаніи нынѣшняго произшедшаго въ семъ краю возмущенія.

7. Сколь многочисленны нынѣ могутъ быть поставляемы всѣ киргизскія орды.

8. Подъ какими названіями гдѣ которая изъ нихъ орда свое кочеваніе обыкновенно въ какое годовое время имѣетъ.

9. Отъ временъ учрежденія оренбургской съ симъ народомъ торговли по сложному о всякомъ году вычисленію показать, сколько по той сложности въ каждой годъ вступало казеннаго, какого именно отъ коммерціи съ тѣми народами дохода; насупротивъ того сколько жъ въ каждомъ году должно было полагать казенныхъ издержекъ на содержаніе полевыхъ войскъ и гарнизоновъ, употребленныхъ только на предохраненіе сей коммерціи.

10. По сложности же каждаго года вступившихъ пошлинъ, какая сумма ежегодно обращалась отъ обѣихъ сторонъ въ торговли.

11. При самомъ окончаніи онаго екстракта въ какомъ настоящемъ положеніи сей народъ находиться будетъ своими поступками противу Россіи въ сравненіи того, какое онъ имѣлъ до наступленія нынѣшняго возмущенія.

Другой екстрактъ о башкирцахъ, въ которомъ бы показано было:

1. Со времени учрежденія оренбургской губерніи какія о семъ народѣ отъ Двора и отъ прочихъ высшихъ правительствъ предписанія были въ разсужденіи управленія онымъ. 2. На какія онъ части, подъ какое начальство, съ какими основаніями раздѣленъ. 3. Съ того временіи какое оному переписное счисленіе было ли и когда. 4. Въ какомъ числѣ онъ сначала и, наконецъ, предъ нынѣшнимъ послѣднимъ возмущеніемъ былъ. 5. Какую съ котораго времени подать въ казну платилъ. 6. Какія гдѣ службы, для чего, въ какомъ числѣ отправлялъ, и служивые какое казенное содержаніе при какомъ случаѣ имѣли или нѣтъ. 7. Не было-ль какихъ сначала особыхъ о семъ народѣ учрежденій

«Пугачевъ и сообщники его главные изъ Синбирска при мнѣ отправлены. Съ помянутымъ злодѣемъ разговаривая, нашелъ я въ немъ самаго отважнаго и предпріимчиваго казака. Въ разговорахъ его со мною примѣчалъ я въ немъ невѣжество́ и умѣнье притворять себя ко всему. Когда я упомянулъ ему объ моемъ сынѣ, который убитъ подъ Корсуномъ его сообщниками, и не могъ притомъ удержаться отъ слезъ, то и онъ сталъ плакать, показывая видъ сожалѣнія. Впрочемъ признавалъ онъ себя виноватымъ передъ Богомъ и государынею; но хотѣлъ еще вины свои заслуживать, ежель государыня повелитъ и пр.»...[1]).

«Описаніе оренбургской осады въ публику издать конечно такъ сходнѣе, какъ вы по совѣту съ его превосходительствомъ Иваномъ Ивановичемъ М(елиссино) писать ко мнѣ изволили; но что́ я въ мое сочиненіе вносилъ, сіе все такая правда, которую и дѣлами, и людьми доказать можно. Не угодно-ль будетъ его превосходительству или вамъ изъ онаго сочинить другое такою методою, какъ пристойно для публики. Мое пускай останется въ архивѣ. Оно у меня все уже написано, и графъ одинъ списокъ взялъ въ свою канцелярію, чтобъ соединить его съ генеральнымъ обо всемъ бунтѣ описаніемъ, которое сочиняетъ у него г. Веревкинъ. Но сіе все, уповаю, не будетъ въ публикѣ, развѣ екстрактъ изъ онаго и то, уповаю, не скоро. И такъ нужно упредить изданіемъ въ публику такого, какъ вы судите, чтобъ иностранные писатели несправедливаго и невмѣстнаго не напечатали. Я къ вамъ буду сообщать списки съ моево, какъ я сочинилъ. Вы изъ

и ему запрещеній, а потомъ перемѣны или запущенія когда воспослѣдовавшихъ о несодержаніи у себя кузнецовъ и прочаго удобнаго къ вооруженію безъ позволенія правительствъ. 8. Сколько отъ вступленія ихъ подъ правленіе оренбургской губерніи когда было отъ нихъ бунтовъ, подъ какими именно предлогами, кѣмъ, когда они усмирены, какое за каждое ихъ возмущеніе было имъ наказаніе и прощеніе на какихъ основаніяхъ. 9. При сочиненіи сего екстракта всѣ-ли безъ изъятія онаго народа старшины и селенія найдутся во обращеніи къ прежнему подданническому повиновенію или кто, гдѣ и когда еще оставаться будетъ въ супротивности. 10. Какую сверхъ положенныхъ казенныхъ податей имѣетъ ли или нѣтъ выгоду или пользу отъ сего народа россійская имперія или партикулярно подданные ея величества.

Подписалъ: графъ Петръ Панинъ.

[1]) Это же самое, но только съ бо́льшими подробностями Рычковъ внесъ въ 3-е прибавленіе къ своей лѣтописи, «Сочиненіе А. С. Пушкина», изд. П. Анненкова, т. VI, стр. 521—522.

него что̀ надобно выбирать можете, а напечатать не изволите-ль, не упоминая писателя. Что̀ его превосходительство (Мелиссино) на сіе скажетъ, о томъ прошу меня увѣдомить».

«Начало яицкихъ казаковъ отъ донскихъ въ Топографіи Ор. хотя изъ словесныхъ объявленій, однакъ достовѣрно показано. Они долгое время и состояли подъ вѣдомствомъ донскихъ казаковъ, что̀ изъ дѣлъ можно доказать; но вы сіе распространить и поправить можете по вашему свѣдѣнію»...

Въ настоящее время еще неизвѣстно, гдѣ хранятся работы Рычкова, предпринятыя имъ по порученію графа П. Панина для собранія свѣдѣній о киргизцахъ и башкирцахъ. Но что эти работы были начаты, то видно изъ писемъ Рычкова къ Миллеру. Такъ 4 декабря 1774 года онъ уже писалъ: «какъ я, такъ и приказные мои служители всѣ заняты у меня возложенными на меня отъ графа Петра Ивановича дѣлами, изъ коихъ одна часть на сихъ дняхъ къ нему и отправляется». 25 декабря 1774 года: «его сіятельство первымъ моимъ трудомъ, по предписанію его чиненнымъ, столько доволенъ былъ, что пожаловалъ мнѣ отъ имени ея величества 2000 руб. Вы знаете, милостивый государь, сколь они полезны оскудѣвшему отъ разоренія и ослабѣвающему въ силахъ своихъ человѣку. Я не успѣлъ еще ево и благодарить, почувствовавъ отъ великаго восхищенія нѣкоторой припадокъ: онъ награждаетъ и обнадеживаетъ меня не по моимъ меритамъ. При случаѣ внушите ему, милостивый государь мой, глубочайшую мою благодарность, кая во вѣкъ мой будетъ со мною»... 5 февраля 1775 года (послѣ извѣстія о своемъ болѣзненномъ положеніи): «Всего мнѣ досаднѣе теперь, что я не могу отправлять возложенныхъ на меня отъ его сіятельства должностей такъ, какъ мнѣ желательно. Севодни едва могъ я отправить къ нему одно дѣло, по повелѣнію его мною сочиненное. Оно составляетъ инструкцію учрежденной здѣсь отъ его графскаго сіятельства пограничной и иновѣрческой экспедиціи, въ которую угодно было ему опредѣлить меня членомъ. Я надѣюсь, что она, или по меньшей мѣрѣ первая ея часть, до ординскихъ дѣлъ принадлежащая, разсматривана будетъ у васъ въ коллегіи, а потомъ и далѣе»...

По распоряженію графа Панина, оставшемуся въ полной силѣ и послѣ увольненія его отъ главнаго управленія оренбург-

скою, казанскою и нижегоротскою губерніями, Рычковъ, кромѣ завѣдыванія по прежнему соляною частію, принималъ, вмѣстѣ съ оренбургскимъ губернаторомъ, участіе по управленію заграничными дѣлами и инородцами въ краѣ. Неудивительно, что это не могло нравиться Рейнсдорпу: кромѣ того, что онъ лично не былъ расположенъ къ Рычкову, его самолюбіе по необходимости должно было страдать отъ назначенія ему помощника, такъ какъ тѣмъ самымъ высказывалось недовѣріе правительства къ силамъ и опытности начальника губерніи. По всей вѣроятности Рейнсдорпъ писалъ о томъ Миллеру, а этотъ въ свою очередь уговаривалъ Рычкова жить въ мирѣ. Покрайней мѣрѣ объ этомъ можно догадываться изъ слѣдующаго мѣста письма Рычкова отъ 19 февраля 1775 года: «вы, милостивый государь мой, многажды уже дѣлали мнѣ напоминанія къ согласію, которое я всегда наблюдалъ и наблюдаю; нынѣшнее ваше письмо и увѣщаніе, чтобъ я не созидалъ моего счастія ко вреду другихъ, довольно уже даетъ мнѣ знать, въ разсужденіи ково изволите писать. Я по крайней моей возможности стараюсь сохранять честь всѣхъ людей, а наипаче тѣхъ, отъ коихъ я еще и одолженъ бывалъ; но разсудите, милостивый государь мой, чего нѣтъ, можно-ли сказать, что оно есть, и что есть, можно-ли выговорить, что нѣтъ? Я во всю мою жизнь ласкателемъ и клеветникомъ не бывалъ; держусь справедливости и резону во всѣхъ моихъ поведеніяхъ... Научите вы, милостивый государь мой, меня, какъ въ такихъ обстоятельствахъ поступать. По благоразумію вашему надѣюсь вы сами иначе мнѣ не присовѣтуете. Я бы могъ больше изъясняться, но въ разсужденіи моей скромности и привычки къ терпѣнію всякое своенравіе сношу. Но позволь мнѣ покинуть сію матерію: тоска, отъ болѣзни происходящая, помрачаетъ мои рѣчи»...

Съ своей стороны Рейнсдорпъ писалъ къ Миллеру 28 іюля 1775 года: «если не избавлюсь прежде отъ нелѣпаго Рычкова и Оренбурга, то ничто въ мірѣ не удержитъ меня въ началѣ сентября мѣсяца просить графа Петра Ивановича объ отзывѣ»... [1]).

[1]) ...«Wenn ich nicht eher von den Hals unsinnigen Rytschkow und von Orenburg erlöset werde, so soll mich nichtes in der Welt abhalten den H. Graffen Peter Iwanowitsch um meine Zurückberufung im Anfange des Septembre Monathes zu bitten»...

Въ 1775 году въ письмахъ Рычкова чаще стали повторяться жалобы на нездоровье и слабость силъ. Болѣзненное его состояніе еще болѣе увеличилось отъ паденія на крыльцѣ, причемъ онъ раздробилъ себѣ ногу, такъ что потомъ уже не могъ ходить безъ клюки съ одной стороны и поддержки съ другой. Впрочемъ болѣзни и старость не могли измѣнить обычныхъ занятій Рычкова. Онъ въ 1775 году намѣревался приняться за сочиненіе статей «о коммерческихъ матеріяхъ»; писалъ продолженіе Оренбургской Исторіи на 1774 и 1775 годы, а въ 1776 году не на-шутку принялся-было за новый трудъ, о которомъ 28 января 1776 года такъ сообщалъ Миллеру: «Мнѣ разсудилось вмѣсто прибавленія къ вашему географическому лексикону [1]) собрать особливой на здѣшнюю губернію лексиконъ такъ, чтобъ ни едино жительство и обстоятельство, примѣчанія достойное, упущено въ немъ не было. Его превосходительство г. губернаторъ недавно сіе жъ самое рекомендовать изволилъ, и я разослалъ уже во всѣ присутственныя здѣшнія мѣста справки о присылкѣ потребныхъ къ оному извѣстій. Сей одной здѣшней губерніи лексиконъ можетъ служить образчикомъ и для другихъ губерній. Я можетъ быть найдусь въ состояніи изъяснить оный моими дополненіями и приложеніемъ потребныхъ къ тому ландкартъ. Съ одного моего запроса, посланнаго въ уфимскую провинціальную канцелярію, для свѣдѣнія вашего прилагаю при семъ копію, а все собравъ и приведши въ порядокъ, для надобнаго употребленія по разсмотрѣнія вашемъ, къ вамъ же, милостивому государю моему, сообщу»...

4 февраля 1776 года: «я къ вамъ на предварившей почтѣ послалъ, помнится, копію съ того моего запроса, по которому желательно мнѣ собрать отовсюду извѣстія къ сочиненію здѣшней губерніи географическаго и историческаго лексикона. Сіе зачалъ я по согласію съ Иваномъ Андреевичемъ, г. губернаторомъ; но есть уже здѣсь безпокойныя головы, которыя почитаютъ сіе за ненадобное дѣло, служащее къ отягощенію люда. И хотя я отъ такихъ безпутныхъ толковъ не имѣю опасенія, но чтобъ во правду не произошло изъ того помѣшательствъ, покорно прошу

[1]) «Географическій Лексиконъ россійскаго государства» собранный воеводою г. Вереи Ѳедоромъ Полуниным ъ,—изданъ съ дополненіями и поправками Миллеромъ въ Москѣ 1773 года, въ 8°.

васъ отписать къ его превосходительству отъ себя, чтобъ и онъ въ томъ мнѣ способствовалъ съ своей стороны и не допущалъ бы безпокоить меня отъ такой негодной и вредной критики. Слышу, что здѣшній прокуроръ принимаетъ въ ней участіе, слушая приказныхъ служителей самыхъ подлыхъ душей. Вотъ каковы здѣшніе обстоятельства и какъ помогаютъ полезнымъ дѣламъ!»...

Можно-ли было ожидать тогда Рычкову содѣйствія отъ Рейнсдорпа, это лучше всего видно изъ письма его къ Миллеру 11 марта 1776 года, гдѣ онъ, между прочимъ, говорилъ: «не довольно того, что я въ Оренбургѣ уже потерялъ нѣжно любимую жену и пять дѣтей и подвергаюсь ежедневнымъ коварнымъ происканъ нашего здѣшняго человѣконенавидца г. Р***, такъ какъ теперь мои страданія опять возобновились по случаю смерти тринадцатилѣтняго мальчика, подававшаго большія надежды. Я умолкаю»...[1]).

«Къ сочиненію здѣшняго географическаго лексикона, писалъ Рычковъ 17 марта 1776 года, на запросы мои изъ разныхъ мѣстъ получилъ уже я извѣстія, въ томъ числѣ изъ уфимской провинціи за всю сію провинцію. Правда, что не всѣ они съ полными обстоятельствами, но разомъ въ совершенство такое сочиненіе не можно привести: оно время отъ времени можетъ дополнено быть. По одной присланной изъ Уфы считается 521 жительство, а всѣхъ уповаю около двухъ или трехъ тысячъ будетъ. При началѣ такихъ дѣлъ встрѣчающіяся затрудненія и недостатки надобно преодолѣвать терпѣніемъ. Теперь изъ всѣхъ вѣдомостей выбираютъ у меня подъ алфавитъ одни званія, а потомъ уже станутъ дѣлать и описанія, которыя я елико возможно поправлять и дополнять буду. Это правда, что такая книга въ каждой губерніи не только для общенароднаго, но и для канцелярскаго употребленія весьма надобна и полезна»... 24 марта 1776 года: «о вспомоществованіи въ сочиненіи здѣшняго географическаго лексикона нѣтъ уже нужды писать вамъ къ его превосходительству здѣш-

[1]) ...«Es ist nicht genug dasz ich eine zärtlich geliebte Ehegattin und fünf Kinder in Orenburg bereits verloren habe, und dasz ich denen täglichen Schicanen unseres hiesigen Menschen-Feindes H. R*** ausgesetzet binn, denn mein Leid muste noch neulich durch den Todt eines Hoffnungs vollen Knaben von 13 Jahren vollen kommen gemacht werden, ich schweige!»..

нему г. губернатору. Я уже большую часть до сего принадлежащихъ извѣстій собралъ; осталось получить изъ исецкой только провинціи и изъ ставропольскаго вѣдомства. Критику на вопросы превозмогъ я моимъ терпѣніемъ»...

5 мая 1776 года Рычковъ послалъ къ Миллеру первую букву своего Словаря, прося притомъ совѣтовъ у исторіографа. Около того же времени онъ донесъ объ этомъ трудѣ тогдашнему генералъ-прокурору, князю Вяземскому, который одобрилъ предпріятіе Рычкова. Въ Запискахъ его занесено, что это одобреніе принесло ему пользу и въ матеріальномъ отношеніи. Подъ 1776 годомъ тамъ записано: «Впрочемъ домашнее мое упражненіе состояло бо́льшею частію въ сочиненіи топографическаго словаря на всю оренбургскую губернію, къ чему я побужденъ былъ письмомъ его сіятельства, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, генералъ-прокурора и разныхъ орденовъ кавалера, князя Александра Алексѣевича Вяземскаго; котораго первую часть отъ литеры А по литеру М и отправилъ я декабря 8 числа съ приношеніемъ моимъ къ его сіятельству, приложа притомъ по его совѣту и просительное мое письмо къ ея императорскому величеству о моихъ нуждахъ и недостаткахъ къ содержанію своему».

«1777, февраля, обрадованъ я былъ полученіемъ отъ его сіятельства на просьбу отвѣтнаго письма съ приложеніемъ притомъ копіи съ ея величества указа, даннаго правительствующему сенату, по которому ея величеству угодно было пожаловать мнѣ за службу и труды 15,000 рублей. Легко понять, въ какой восторгъ приведенъ я былъ сею великою и не по заслугамъ моимъ оказанною ко мнѣ высочайшею милостію»...

«Теперь я, писалъ Рычковъ къ Миллеру, 9 февраля 1777 года, изъ самой, могу сказать, крайней нужды, при великихъ моихъ недостаткахъ и сумнительствахъ, вдругъ сталъ снабженъ да и обогащенъ. Я весьма слабъ моимъ здоровьемъ. Сверхъ болѣзни въ ногѣ моей, мучитъ меня еще и лихорадка; однакожъ не взирая на оную, выѣзжаю еще къ моимъ должностямъ. Мое здоровье теперь не столько уже нужно для меня и для моихъ домашнихъ, развѣ не гожусь ли я сколько нибудь для отечества... Лексиконъ топографической на здѣшнюю губернію я уже окончилъ и надѣюсь

вторую часть онаго чрезъ двѣ почты отправить къ его сіятельству» [1]).

Подъ конецъ переписки свой, два старика Миллеръ и Рычковъ, такъ точно обмѣнивавшіеся между собою письмами въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ, вдругъ было поссорились. Миллеру надоѣло исполнять частыя порученія Рычкова о разсылкѣ писемъ послѣдняго по знакомымъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. 16 февраля 1777 года Рычковъ извинялся въ причиненныхъ Миллеру безпокойствахъ отъ подобныхъ порученій. «Сожалѣю крайне, говорилъ онъ при этомъ случаѣ, что вы отъ моей неосторожности приведены въ нѣкоторой родъ алтераціи, вѣдая, что такое состояніе намъ, старикамъ, нездорово»... До 20 апрѣля 1777 года Рычковъ крѣпился и не писалъ, а въ этотъ день онъ извѣщалъ своего пріятеля: «Молчаніе мое происходило отъ послѣдняго вашего письма, но какъ я чистосердечно васъ люблю и почитаю, то и не могъ оставить безъ увѣдомленія, что всемилостивѣйшей и прозорливой нашей монархинѣ угодно было 14 марта пожаловать меня главнымъ командиромъ въ Екатеринбургѣ къ тамошнимъ заводскимъ правленіямъ»...

Нѣсколько дней спустя по прибытіи въ Екатеринбургъ къ новой должности, 23 іюля 1777 года Рычковъ по нѣмецки увѣдомилъ о томъ Миллера; потомъ 17 августа и 9 сентября онъ сообщалъ ему же, что слабъ здоровьемъ и лежитъ въ постели, а 11 ноября того же года Алена Денисьевна Рычкова писала къ исторіографу: «Пріятное письмо ваше къ любезному вашему другу Петру Ивановичу, пущенное отъ 18 октября, получено мною 7 ноября, которое уже не застало его въ живѣ, ибо по произволенію Божію, къ несносному моему мученію скончался онъ октября 15 дня, и я осталась теперь со всѣми моими дѣтьми въ наигорестнѣйшемъ состояніи. Надѣюсь, что и вы, такъ какъ бывшій другъ покойному моему Петру Ивановичу, примете соучастіе въ моемъ несчастіи»...

Тѣло Рычкова перевезено изъ Екатеринбурга въ село Спасское и похоронено при построенной имъ тамъ церкви.

---

[1]) Д. В. Полѣновъ сказывалъ пишущему эти строки, что у него въ имѣніи хранится часть этого лексикона Рычкова. Уцѣлѣлъ-ли еще гдѣ нибудь полный списокъ послѣдняго труда его, неизвѣстно.

Въ предпослѣдній годъ жизни Рычкова нѣмецкій писатель Іоганнъ Георгъ Крюницъ (Krünitz, род. 1728 † 1796 г.), бывшій членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, обращался къ нему съ просьбою о доставленіи его портрета для приложенія его въ гравюрѣ къ издаваемой имъ съ другими учеными «Oekonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats-, Stadt-, Haus- u. Landwirthschaft in alphabetischer Ordnung»... «Они, писалъ поэтому поводу Рычковъ къ Миллеру 26 мая 1777 г., столь много меня восхваляли, что я не могъ имъ отказать въ ихъ требованіи, а потому и посылаю я присемъ письмо мое и тотъ требованной чертежъ, тушью сдѣланной (каково́ могли ево скопировать здѣсь съ моего портрета)».... Въ XXX части названнаго изданія, вышедшей въ Берлинѣ въ 1784 году помѣщенъ гравированный портретъ съ подписью «Peter Rietzkow»—такъ Рычковъ всегда подписывался самъ по нѣмецки. Что же касается до приложеннаго къ настоящей біографіи портрета его, то онъ срисованъ съ современнаго портрета мясляными красками, хранящагося у правнука его, Д. Н. Рычкова.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Сенатскій докладъ о винахъ Татищева.

Къ стр. 13.

По вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, бывшій начальникъ и покровитель Рычкова, В. Н. Татищевъ просилъ «отставить» учрежденную надъ нимъ слѣдственную коммиссію и притомъ старался доказать, что онъ былъ жертвою гоненій Бирона, Остермана и гр. Головкина. По поводу этого прошенія, въ сенатѣ былъ составленъ докладъ слѣдующаго содержанія:

«Въ 1739 г., по протестамъ полковниковъ, что нынѣ бригадиры, Алексѣя Тевкелева и Ивана Бардекеевича и казанскаго купца Семена Иноземцова на тайнаго совѣтника Василья Татищева въ чинимыхъ имъ, Татищевымъ, въ бытность его въ оренбургской экспедиціи главнымъ командиромъ въ противность указовъ и непорядочныхъ поступкахъ, во взяткахъ и обидахъ; также, что онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, представлялъ на вышеозначеннаго Бердекеевича о нерадѣтельныхъ его поступкахъ и во взятьѣ лошадей, скота и прочаго, — учреждена была коммиссія, изъ которой въ сенатѣ для разсмотрѣнія поданы екстракты со мнѣніемъ, что онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, на него, Бардекеевича, представлялъ неосновательно и тѣмъ его подъ слѣдствіе привелъ напрасно, за что по сентенціи 1740 году сентября 19 приговорено его, тайнаго совѣтника Татищева, лишить всѣхъ чиновъ, а его, Бардекеевича, отъ того слѣдствія освободить безъ всякаго штрафа и учиненнаго ему ареста въ подозрѣніе не причитать, и заслуженное жалованье, что онъ во время аресту не получалъ, ему выдать, на что въ томъ же 740 году октября 25 дня и конфирмація была. А что касается до него, тайнаго совѣтника Татищева, и о другихъ, о томъ, по рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, представить о каждомъ порознь со мнѣніемъ. А по собраніи потребныхъ къ тому справокъ, разсматривано, по которымъ онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, въ неисправленіи должности своей, въ непорядочныхъ поступкахъ въ противность указовъ и во многихъ взяткахъ, а бригадиръ Тевкелевъ и города Казани купецъ Семенъ Иноземцевъ въ нѣкоторыхъ на тайнаго совѣтника Татищева недоказа-

тельствахъ явились виновны, за что по силѣ указовъ и государственныхъ правъ и подлежали штрафовъ (sic), но по мнѣнію той коммиссіи, по силѣ состоявшихся вашего императорскаго величества всемилостивѣйшихъ указовъ, тѣхъ штрафовъ не положено. А что касалось до ущербу интересовъ вашего императорскаго величества и взятковъ, оное положено взыскать.

И по разсмотрѣнію въ сенатѣ тайный совѣтникъ Татищевъ явился виновенъ, а именно:

1. Для житья своего въ городѣ Самарѣ построилъ домъ съ огородами и пришпективою улицею, и прочее строилъ собою безъ указу, и для того ломалъ обывательскіе домы, а на тѣ строенія деньги употреблялъ и обывателямъ платилъ казенныя, которыхъ издержано 2645 руб. 89 к. съ половиною. Онъ же, Татищевъ, покупалъ въ Сибири на казенныя жъ деньги золото и серебро на дѣло посуды для трактованія хановъ. А какъ того ему употреблять не велѣно, то золото и серебро взялъ себѣ по цѣнѣ на 2050 руб. 91 коп. Въ то число заплатилъ 1000 руб., а достальные обѣщалъ заплатить изъ жалованья.

2. Въ 738 году, въ бытность свою въ Оренбургѣ, при отправленномъ въ Ташкентъ караванѣ, въ противность указомъ, посылалъ свои товары.

3. По смѣнѣ бывшаго въ Москвѣ отъ оренбургской экспедиціи коммиссаромъ брата своего роднаго, дворянина Никифора Татищева, не взявъ его, какъ прочіе для счету въ оренбургскую канцелярію были биранны, отправилъ къ нему въ Москву нарочно изъ Самары бухгалтера, и протоколиста Маркова, безъ канцелярскаго опредѣленія, плетьми сѣкъ.

4. Во время прибытія въ Оренбургъ къ присягѣ Абулхаиръ-хана выдалъ жалованье непорядочно: прежде ему, хану, и султанамъ и старшинамъ и Средней ордѣ; а Меньшая орда отъ выдачи прежде ихъ Средней ордѣ жалованья поставили себѣ за обиду, и, пришедъ отъ того во огорченіе, между собою при раздачѣ жалованья поссорились. И бывшій тогда въ Оренбургѣ Меньшей орды знатной и первой старшина Букенъ-бай батырь, поставя то себѣ за обиду жъ, не учиня присяги, отъѣхалъ и всѣхъ прибывшихъ киргизцовъ съ Абулхаиръ-ханомъ безъ мала съ 1000 человѣкъ къ присягѣ не привелъ, а приведены только одни старшины съ 50 человѣкъ. А жалованье въ роздачу производилъ онъ, Татищевъ, одинъ безъ общаго съ Тевкелевымъ согласія и безъ канцелярскаго опредѣленія; а протоколъ о томъ уже сочинилъ и закрѣпилъ одинъ послѣ того спустя нѣсколько времени.

5. Россійскимъ купцамъ въ Оренбургѣ лошадей и верблюжью шерсть покупать запрещалъ и бралъ съ нихъ взятки волками, и овчинками, и лошадьми на 195 руб.

6. Въ новостроющихся лучшихъ трехъ городкахъ въ Красносакмарскѣ, Красноборскѣ и въ Бузулукѣ отдалъ питейную продажу на откупъ одному купцу Издеберскому противъ прежняго платежа съ уменьшеніемъ въ годъ по 50 р. 21 копейкѣ.

7. Въ 737 году купя себѣ шесть лошадей сѣрыхъ, а за негодностью взялъ въ казенныя безъ оцѣнки и свыше положеныхъ въ статьѣ лѣтъ и выдалъ деньги за каждую по 15 рублевъ.

8. Въ томъ же году, подъ образомъ покупки перстня, съ подполковника Бахметева взялъ денегъ 300 руб. и въ то число отдалъ 200 р., а достальныхъ 100 р. не заплатилъ.

9. Пойманнаго съ отгонными крадеными отъ Абулханръ хана лошадьми башкирца отпустилъ безъ слѣдствія и взялъ двѣ лошади; такожъ съ киргизцовъ и ханскихъ дѣтей бралъ лошадьми жъ—всего 7 лошадей.

10. Съ двухъ казаковъ взялъ двѣ лошади.

11. Съ атамана Кабанки и есаула Бородина и отъ старшинъ взялъ 40 волковъ да двѣ лошади.

12. Съ купца Кубыликина взялъ за выдачу за поставочное подрядное вино денегъ во взятокъ 300 р.

13. Купленныя ему красныхъ кожъ 50 юфтей, кои привезены были въ Оренбургъ на казенномъ коштѣ, продалъ въ казну, и сверхъ покупной цѣны взялъ у каждой юфти по рублю.

14. Воровъ и бунтовщиковъ башкирцовъ двухъ человѣкъ, взявъ съ нихъ дву иноходцевъ, изъ подъ караула отпустилъ.

15. Главныхъ бунтовщиковъ-заводчиковъ, башкирскихъ старшинъ Аппъ-бая, Юсупа Никаева, не отославъ въ коммиссію башкирскихъ дѣлъ къ слѣдствію и розыску, по просьбѣ вѣрныхъ старшинъ отпустилъ.

16. По силѣ учиненнаго въ 736 году консиліума—о выступленіи для скорѣйшаго прекращенія и искорененія башкирскаго бунта, въ 737 году весною ранѣе всѣмъ командамъ,—не исполнилъ и назначенныхъ къ тому консиліуму 3000 человѣкъ крестьянъ не собралъ, и по границѣ къ опредѣленнымъ въ крѣпостяхъ заводамъ и деревнямъ офицерами не распредѣлилъ и отъ того учинилъ великую оплошность.

17. Онъ же, Татищевъ, въ 737 году на полковника, что нынѣ бригадиръ, Бардекеевича, въ бывшій Кабинетъ якобы о нерадѣтельныхъ его поступкахъ и во взятыхъ башкирскихъ лошадей, скота и прочаго во удержаніи у себя, представлялъ неосновательно, и тѣмъ его, Бардекеевича, привелъ подъ слѣдствіе и держанъ былъ подъ арестомъ, о чемъ показано выше сего.

(Слѣдуетъ выписка изъ законовъ о взяточникахъ и лихоимцахъ).

Въ 737 году, въ опредѣленіи тайнаго совѣтника Татищева, генералъ-маіора, что потомъ былъ генералъ-лейтенантъ, Соймонова и прочихъ написано: съ башкирцевъ подарки и взятки брать запретить, чтобъ отъ того какого вреда не произошло. А офицеромъ ни до какихъ башкирскихъ пожитковъ ни подъ какимъ видомъ не касаться, дабы изъ того вреднаго лакомства, невиннымъ разоренія и въ дѣйствахъ военныхъ, яко же и справедливости вреда не учинилось. Да сентября 2 дня того-жъ 737 году въ посланномъ къ тайн. сов. Татищеву изъ бывшаго Кабинета указѣ написано: публиковать при всѣхъ тамошнихъ войскахъ съ тако-

вымъ изъясненіемъ, что хотя который офицеръ въ малѣйшемъ какомъ лакомствѣ явится, тотъ смертью казненъ быть имѣетъ. И оныя екзекуціи, ежели таковыя обрящутся дѣйствительно, для постраху (sic) другимъ и чтобъ сами башкирцы видѣли, что такіе лакомые поступки чинятся противно указомъ, и тѣмъ бы скоряе къ надлежащему наказанію и перестанію отъ бунта приведены были, и, не списываясь, надъ ними учинить главному командиру.

И хотя помянутаго тайнаго совѣтника Татищева за вышепоказанные, учиненные его противные поступки, по силѣ вышеписанныхъ указовъ, подлежало лишить всѣхъ чиновъ и учинить смертную казнь, но по силѣ состоявшихся вашего императорскаго величества всемилостивѣйшихъ 1741 декабря 15 и 1744 годовъ іюля 15 чиселъ указовъ, то ему упустить, ибо онъ, Татищевъ, вышеписанные противные поступки чинилъ до тѣхъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшихъ указовъ.

А понеже онъ, Татищевъ, нынѣ обрѣтается въ астраханской губерніи губернаторомъ, которому за вышепоказанными подозрѣніи въ той губерніи губернаторомъ, по разсужденію сенатскому, уже быть не можно. Того ради вашему императорскому величеству сенатъ всеподданнѣйше представляетъ, не соизволите ли ваше императорское величество указать его, Татищева, изъ той губерніи перемѣнить, а на мѣсто его опредѣлить губернатора другаго. А хотя по вышеписаннымъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшимъ указомъ и повелѣно посланныхъ за показанныя въ тѣхъ указахъ вины на каторгу и въ ссылки свободя, годныхъ и указомъ непротивныхъ по прежнему опредѣлить въ службу и къ дѣламъ; но понеже онъ, Татищевъ, не токмо по вышеписанному дѣлу явился во многомъ преступленіи и взяткахъ, но и прежде того по дѣлу жъ, слѣдующемуся о московскихъ денежныхъ компанейщикахъ, явился во взятьѣ съ нихъ взятковъ и въ 1734 г. особливымъ именнымъ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны указомъ въ томъ прощенъ. Но онъ, Татищевъ, и за тѣмъ, какъ выше сего показано, паки поступалъ противно и бралъ взятки жъ. И для того сенатъ, видя его, Татищева, не воздержна и опасаясь, дабы отъ того въ интересахъ вашего императорскаго величества не послѣдовало впредь какого упущенія и ущербу, затѣмъ ему, Татищеву, губернаторомъ быть не можно; такожъ и впредь ни къ какимъ дѣламъ его не опредѣлять. И о томъ сенатъ у вашего императорскаго величества всеподданнѣйше проситъ всемилостивѣйшаго указу. Что же онъ, Татищевъ, какъ выше сего показано, на строеніе въ Самарѣ двора и прочаго употреблялъ казенныя деньги, оныя, буде то строеніе оренбургской губерніи не надобно, такожъ и за золотую и серебряную взятую имъ посуду достальныя деньги, ежели понынѣ отъ него не заплачены, и издержанныя на коммиссію и взятыя имъ взятки опредѣлено взыскать съ него, Татищева.

29 сентября 1745 г., генералъ прокуроръ князь Никита Трубецкой докладывалъ императрицѣ, что на мѣсто Татищева, по ея повелѣнію, въ Астрахань назначенъ Брылкинъ «а онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, напредъ сего просилъ, чтобъ его изъ Астрахани для излеченія болѣзни отпустить, того ради нынѣ оному тайному совѣтнику, по смѣнѣ изъ Астрахани, ѣхать и жить до указу въ деревняхъ его, а въ Санктпетербургъ не ѣздить».

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Письмо Татищева къ Рычкову 1749 года.

Къ стр. 18.

Государь мой Петръ Ивановичъ.

Въ началѣ поздравляю васъ наступающимъ праздникомъ. Ваше присланное описаніе народовъ многое мнѣ удовольствіе принесло, ибо въ немъ много того, чего до днесь или не знали, или вовсе смятно разумѣли. Однако-жъ какъ оное есть первое сочиненіе, такъ много требуетъ дальшего и внятнѣйшаго увѣдомленія. Для того я что упамятовалъ, записавъ кратко, вамъ посылаю, либо способъ дастся что либо дополнить или изъяснить. И если что пріобрѣтете, то прошу мнѣ сообщить, вамъ же сіе годится къ сочиненію оренбургскаго описанія, которое, какъ я вамъ прежде писалъ, требуетъ многой дополнки.

Я объ ономъ съ бывшимъ у меня недавно съ членомъ Академіи[1]) разсуждалъ, чтобъ оное напечатать; но онъ, прочитавъ мое напомненіе черное, сказалъ, что оное описаніе онъ видѣлъ у президента и усмотря, что многаго недостаетъ, а другое въ избытокъ пространно, для того уничтожилъ. И для того совѣтую вамъ оную негдѣ передѣлать, а многое старое останется, къ чему и дополнить многое можете. По которомъ я о напечатаніи и награжденіи вашего труда всеконечно надѣюся вамъ услужить.

Ваша лавдкарта хотя преизрядно сочинена: не взирая на малые недостатки и погрѣшности, довольно служитъ, а со временемъ одно мѣсто, по другомъ исправлять можно. Мой совѣтъ вамъ, если годится, чтобъ не дѣлать одну, но раздѣлить на три или четыре и всѣ по одному масштабу то вамъ легче переправлять и дополнять.

Другое: весьма нужды при оныхъ описанія, ибо все изобразить въ картахъ неудобно. Мнѣ видится при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ нѣкто былъ достаточный географъ, что онъ, не имѣя ученыхъ въ землеописаніи и астрономіи описателей, велѣлъ предѣлы описывать. Въ началѣ дороги, потомъ рѣки ово съ сущею, ово со сказанною мѣрою, и оная его географія, или большой чертежъ нынѣ пользуетъ не мало. А понеже Сибирь и Башкирь тогда, яко недовольно свѣдомыя, недостаточно описаны,

[1]) Татищевъ, кажется, разумѣетъ здѣсь Григорія Теплова, который былъ въ 1749 году въ Москвѣ при президентѣ Академіи Наукъ, графѣ Кирилѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ.

того ради я по ландкартамъ взялъ для примѣра р. Обь описать, которой начало вамъ приложилъ, чтобъ геодезисты вашего вѣдомства могли рѣки знатныя описать по оному, яко Яикъ, Бѣлую, Самару, Тоболъ и другія, кто гдѣ будетъ, а при каждой впадающія, тогда намъ легче карты поправлять и обстоятельную географію сочинить.

При описаніи никто лучше реестра не сочинитъ, какъ самъ авторъ; хотя нѣколико видится трудно, но зная то искусство или способъ, не трудно. Для того я вамъ образецъ приложилъ всѣ достопамятныя имена или дѣла писать одно подъ другое, показуя главы, статьи, или страницы при каждомъ. И какъ на всю книгу напишешь, тогда разрѣзавъ все, выбрать начинающіяся съ А и расклавъ по порядку, писать на бѣло. И тако одна по другой буквы разберутся. И какъ я такихъ нѣколико имѣлъ нужду дѣлать, то я имѣю столько ящиковъ, сколько буквъ, чтобъ бумажки по разобраніи не утратились. Я токмо по столу раскладу, а человѣкъ у меня пишетъ на бѣло, чрезъ что можно скоро безъ труда сдѣлать. Бумаги на оное у меня всѣ односторонныя, полълиста на четыре столбца, какъ я нынѣ на первую часть исторіи сдѣлалъ слишкомъ 7,000 словъ. А что одно имя въ одной главѣ въ разныхъ §§ или въ разныхъ главахъ, то всѣ нумеры при оном положены, иначе было бы пространнѣе болѣе нежели вдвое или втрое, понеже нѣкоторое имя разъ пять или шесть упоминаемо съ разными обстоятельствы. И сіе можетъ вамъ годится.

За тѣмъ желаю вамъ здравіа и пребываю
вамъ, моему государю,
охотнымъ слугою
В. Татищевъ.

С. Болдино
Дек. 1749.

Напомненіе на присланное описаніе народовъ, что въ описаніи географическомъ наблюдать нуждно.

1. Имя чтобъ положено было точно по изреченію тому, какого оное языка, или какъ тотъ народъ самъ именуется, не премѣняя кончаніе, яко вмѣсто Оралъ—Оралцъ, Ташкентъ, Ташкенцы и пр. ибо изъ того иногда смятеніе происходитъ, какъ преславный географъ Мартиніе примѣтилъ.

2. Понеже многимъ народамъ, областямъ или знатнымъ урочищамъ отъ постороннихъ разныхъ народовъ разныя и самимъ именованнымъ невѣдомыя имена даются, яко Россіи древнее и правильное званіе Русь, у грекъ—Россосъ и Славаносъ; у полякъ—Москва и московиты; у финновъ—Венеенма; у эстовъ—Улима; у литвы — Креветаки; у шведовъ—Бармія и Гордорики; у датчанъ—Остергардъ и Остерунгъ; у европскихъ—Рутени, Руци, Рутикли, у татаръ—Урусъ и пр. Оныя, сколько извѣстно, всѣ, а притомъ, настоящаго наипаче, и другихъ знаменованія положить, напр. Казань татар. котелъ, Орь—ухо, Саратовъ татар. Саратау, то есть желтая гора.

3. Различать обстоятельства: область, предѣлъ, градъ и пр. Область

значитъ цѣлое владѣніе, яко Русь, Польша, Германія и пр. Предѣлъ: Великая Русь, Литва, Саксонія, и всѣ, яко губерніи и провинціи съ уѣзды, заключаются въ единой области.

Грады хотя бо̀льшею частію съ ихъ присуды едино имя имѣютъ, и особливо невѣдущіе пользы исторіи и географіи, оставя древнія предѣловъ званія, отъ градовъ новопостроенныхъ именуютъ.

Народъ есть особное отъ оныхъ, ибо хотя видимъ большею частію въ древности отъ государей или вождей проимяновались. Другіе, оставя свое жилище, къ другимъ перешедъ, имя тѣхъ обладанныхъ пріали. А многіе отъ рѣкъ или горъ, при которыхъ обитаютъ, имя получили. Однакожъ народъ есть весьма особное отъ области, предѣла и града, хотя нѣкогда и оные пріемлютъ, но бываетъ въ одномъ предѣлѣ или градѣ разные народы, напримѣръ Месчора пред. древніе жители Мордвы, или по ихъ Мори, потомъ русскими обладаны и населены. Напослѣдокъ нѣколико 1000 нагайцевъ поселено, что во многихъ находится, яко въ Астрахани числится четырнадцать народовъ.

4. Въ землеописаніи или географіи главныя два обстоятельства, яко: собственно географія и гидрографія. Первая описуетъ земли, вторая воды со всѣми принадлежностями. Однако онѣ такъ связаны, какъ земля и вода единъ шаръ составляютъ; такъ, описуя одно, не можно другаго не коснуться, а особливо воды на(и)болѣе границами положеній, и всѣ жилища великія и малыя строятся при водахъ, яко: моряхъ, заливахъ, озерахъ и рѣкахъ, а нѣкоторыя на островахъ и кругомъ обняты. А для сочиненія обстоятельствъ и правильныхъ ландкартъ нуждно рѣки такъ описать, чтобъ ихъ истокъ и устье, по малой мѣрѣ тѣхъ, которыя для жилищъ положить нуждно, а притомъ и долготу теченія объявить.

6 [1]). Качества географіи иногда кратки, иногда пространны со всѣми принадлежащими обстоятельствы, яко астрономическое, физическое, политическое и историческое. Въ астрономическомъ нуждно по вѣрнымъ наблюденіямъ, а въ недостаткѣ того по вычетомъ разстояній, градусы широты и долготы объявить.

Въ физическомъ состояніи воздуха и земли, отъ которыхъ происходятъ всѣ довольства, обиліе и недостатки, какъ отъ подземныхъ, такъ и поверхнихъ плодовъ; въ подземныхъ не токмо руды крущцовъ, но камни и земли во что либо полезные. А потому богатства и убожества оныхъ познаваются, хотя иногда прилежность и лѣность не меньшею причиною бываютъ; но сіе до политическаго принадлежитъ.

Политическое описаніе представляетъ порядокъ правительства гражданскаго, духовнаго и пр. Потомъ народы, ихъ нравы, рукодѣлія и промыслы, сила военная, селенія и укрѣпленія.

Строенія, по качеству, званіями раздѣляются: 1. грады; 2. городки или остроги; 3. крѣпости; 4. слободы; 5. монастыри; 6. села; 7. пу-

[1]) Въ подлинникѣ 5-го пункта нѣтъ.

стыни; 8. деревни. Сіи всѣ обстоятельствами рознятся. Градъ имѣетъ присудъ; городки и остроги, малыя укрѣпленія безъ присуда; крѣпости для защиты границъ съ присудами или безъ присуда, но гварнизонъ содержатъ. Слободы собственно тѣ, гдѣ купечество живутъ, магистрату градскому подсудно, хотя при томъ и поселянство.

Историческое: описанія отъ начала всѣ премѣны и приключенія, счастливыя или напастенныя, касающіяся точно описаннаго.

7. Симъ порядкомъ если предпріемлю градъ описать, то нуждно его имя со знаменованіемъ изъяснить. 2[1]). Ежели извѣстно по наблюденіямъ или по исчисленію широту и долготу градусовъ. 3. Въ какой области или предѣлѣ. 4. При какой водѣ и съ которую сторону разумѣя внизъ по теченію. 5. Отстояніе другихъ знатныхъ мѣстъ. 6. Имѣетъ ли присудъ и какъ далеко границы и съ кѣмъ по порядку положеній, начавъ отъ Сѣвера, на Востокъ, Югъ и Западъ. 7. Какое правительство. 8. Число обывателей сколько извѣстно. 9. Онаго привольства и недостатки. 10. Промыслы и рукодѣлія. 11. Укрѣпленіе и безопасность природная и хитростная. 12. Приключенія онаго; кѣмъ, когда построенъ и потомъ что претерпѣлъ или знатное учинилъ. Ежели присудъ имѣетъ, то и въ ономъ знатное не преминуть, напримѣръ: торжища, негдѣ токмо седмичныя, въ другихъ годовыя, въ иныхъ обоя; оныхъ время, когда бываютъ, колико продолжаются, откуда купцы пріѣзжаютъ, какіе товары знатнѣйшіе, какія способности, пользы и препятства пріѣзжающимъ и пр.

8. Воды, моря, заливы, озера, рѣки судоходныя или малыя рѣчки и ручьи, при которыхъ знатныя жилища или въ исторіи упоминаемы родники или ключи отмѣнные, яко горячіе и студеные, лекарственные и вредные, нефтяные, сѣрные, купоросные, квасцовые и пр. Особливо роды животныхъ и другихъ дивностей, въ нихъ находящихся.

9. Сіе хотя весьма все нуждно, но разсудя тѣ обстоятельства и народовъ состояніе, съ которыми вы вашъ трудъ имѣете, что оные никакого въ томъ знанія и ума просвѣщенія науками нуждными не имѣютъ, а баснословіемъ и самохвальствомъ преисполнены, то не токмо трудно у нихъ о всемъ допытаться, но и получа извѣстіе не меньше труда истину познать, которымъ многіе описыватели сихъ странъ вѣроятностію обманувся, многія басни внесли. Однакожъ нельзя и всему не вѣрить. Для того надобно токмо, порядокъ всякаго урочища памятуя, не одного, но разныхъ спрашивать, и потомъ изъ оныхъ вѣроятнѣйшее вносить, чрезъ что хотя не вскорѣ, но лучшее познаніе о сихъ пріобрѣтемъ.

Сколько же я неяснаго, или недостаточнаго и сумнительнаго нахожу, то вамъ для памяти и разсмотрѣнія здѣ напомяну:

1. Что ахунъ сказуетъ о горахъ имайскихъ, рѣкѣ Таръ и проч. оное видимо взято отъ европскихъ писателей, которое мало доказательства имѣетъ.

---

[1]) Перваго пунктѣ въ текстѣ нѣтъ.

2. О Татаръ-Ханѣ и Туркѣ, правнукахъ Афетовыхъ, присвоеніи Руси и Германіи къ татарамъ вымышлено по принятіи магометанскаго закона и есть сущая басня, что наиболѣе Афета обитаніе при Волгѣ и Яикѣ обличаетъ, но сіе остается токмо въ ихъ сказаніи, ибо нѣкогда и басни случаются къ знанію нужны.

3. Алатай горы, мню, тѣже, что сиоирскія и зюнгоры именуютъ Алтай и Алтытау, т. е. шестимѣсячныя, что Плиній и Птоломей уже слышали, якобы за оными народъ шесть мѣсяцъ спятъ. Сіи горы, отдѣлясь отъ Урала, къ Востоку Сибирь отъ Юга ограничили. И тѣмъ сіе паче утверждается, что оные киргизы при границѣ Сибири между рѣкъ Иртыша и Оби купно съ каракалы находятся. А по описанію вашему якобы не далеко отъ Ташкента, слѣдственно или иные, или неправильно сказано.

4. Алюнскій предѣлъ, или область, и другіе многіе по описаніямъ Кирилова всѣ недостаточны, а паче другимъ географамъ неизвѣстны. Оныя надобно разсмотрѣть, съ какихъ извѣстій онъ взялъ, и знаютъ ли бухары, торгующіе съ Индіею или въ тѣ страны? Оные могутъ обстоятельнѣе сказать.

5. Аралъ морце еще недостаточно описано, а знаніе его весьма нуждно, особливо какъ изъ Каспійскаго, такъ изъ онаго видимыхъ протоковъ нѣтъ, однакожъ въ описаніи Соймонова Каспійскаго моря на восточной сторонѣ въ заливъ Карабугасъ сильное теченіе, великое и непрестанное, слѣдственно оное неинуда какъ въ Сѣверное или Восточное подъ землею. Потому потребно навѣдываться о Аральскомъ, не имѣетъ-ли гдѣ такого знака на западной сторонѣ или междо островами. О солености воды и рыбахъ хотя въ описаніи Оренбурга упомянуто, но есть ли керпы, бѣлуги, лососи, которые кромѣ морь не водятся, того не написано. Рѣки, въ оное текущіе Аму, Сыръ, Куваканъ, нуждно внятнѣе начало и долготу теченій со впадающими описать.

6. Бухаръ градъ описанъ, но недостаточно, ибо воды при ономъ не упомянуто. Бухаріи же большую и меньшую потребно каждую особно описать.

7. Караколъ народъ, мню, тотъ народъ, который по рѣкѣ сего имени, текущей слѣва въ рѣку Катунъ при границѣ Кузнецкой за горами Алтай. Близь оныхъ и вышеупомянутые киргизы обитаютъ.

8. Кипчакъ. Въ исторіи о Чингизѣ, которую мнѣ въ Сибири съ татарскаго перевели, написано шесть знатныхъ родовъ. Междо оными Катай, Кипчакъ, Табынъ, Аіли знатнѣйшіе положены и они почти во всѣхъ областяхъ по малой мѣрѣ въ Крыму, Нагаяхъ астраханскихъ, у кайсакъ и башкиръ знатны.

Имя же Кипчакъ мнѣ переводчикъ якобы съ сегодайскаго перевелъ конюхъ, или коней пасущій, которое въ описаніи положенному несогласно, а потребно внятнѣе изъяснить.

9. Мещерякъ имя получили отъ пред. Месчоръ; но оба (?) татарскіе, и что значитъ неизвѣстно. Они рода нагайскихъ татаръ, поселенныхъ

царемъ Іоанномъ II-мъ въ Месчорѣ, а пототъ при Годуновѣ во время бунта башкиръ переведено 500 и названы служивые. Видно, что они сначала жалованье получали. Тептери же пахотные крестьяне, бобуль или неимущіи и у насъ въ книгахъ писцовыхъ упоминаемы, по калмыцки называются байгушъ.

NB. Мещоране частію въ Тамбовской, частію въ Елецкой провинціи, грады Темниковъ, Кадомъ, Елатма и Касимовъ.

10. Татары нынѣ въ губерніи московской почти нѣтъ. Въ Москвѣ была особая слобода. Въ Романовѣ поселенъ былъ изъ Месчоры внукъ князя Юсупа нагайскаго, котораго помощію Астрахань взята. И Романовымъ до днесь князь Юсуповъ владѣетъ, токмо въ обоихъ магометанъ почти нѣтъ.

11. Въ Ташкентской области 7 городовъ, а въ описаніи токмо 6 Знатно одинъ писцомъ пророненъ. Сверхъ сего въ описаніи Оренбурга о Ташкентѣ и Туркестандѣ пространнѣе, по съ симъ нѣчто разное положено.

12. Трухмени—историкъ русскій, описуя нашествія Тосхусъ и Аккодай хановъ, сыновей Чингизовыхъ, раздѣляетъ татаръ на 4 рода: монгулы, торки, т. е. турки, татара и трухмени.

Трухмени обитаютъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря отъ предѣла персидскаго Астрабатъ до рѣки Кумы; преходно междо онымъ Огурчинскіе острова владѣютъ. Въ 1744 году прислали пословъ въ Астрахань, прося, чтобъ ихъ принять въ подданство и для торгу построить у нихъ въ Тюкъ Карагаѣ или Мангишлакѣ крѣпость, обѣщевая къ тому помощь чинить. Токмо я, отправя ихъ къ высочайшему двору, самъ отлучился, и что съ ними учинено не знаю.

13. Чеготаи другіе именуютъ Чегоды, у европейцовъ Загатаи, область или королевство. Абулфеда, владѣтель сирійскій, въ географіи его именуетъ Масалкнагаръ (?) или Загатай, въ которомъ главный градъ Самарканда, и кромѣ онаго въ области той 47 гр. съ показаніемъ градусовъ широты и долготы положилъ, но притомъ все пространство оной области весьма не велико, ибо сказуетъ 20 пара саигъ длина и 10 широта или русскихъ 60 длина и 30 поперегъ.

Астраханскіе и бухары ученые сказываютъ, яко бы чегодайскій языкъ есть старѣйшій и полнѣйшій во всѣхъ татарскихъ языкахъ, а прочіе всѣ болгарскимъ испорчены, и онаго всѣ прилежатъ научиться.

Прочіе недостатки или погрѣшенія въ именахъ по вышеописанному легко усмотрѣть можете.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

О картахъ оренбургской губерніи 1752 года.

Къ стр. 63, 64.

Рукописное собраніе картъ оренбургской губерніи съ текстомъ первой части «Оренбургской Топографіи» Рычкова озаглавлено такъ: «Ландъкарты или чертежи географическія на которыхъ представляется оренбургская губернія съ смѣжными къ ней мѣстами. Сочинены въ оренбургѣ по опредѣленію оренбургской губернской канцеляріи декабря дня 1752 года при оренбургскихъ географическихъ дѣлахъ из разныхъ прежнихъ и новыхъ описаній чрезъ геодезіи прапорщика Красильникова с товарищій. Для лутчаго жъ оныхъ ландкартъ изъясненія пріобщено к ним краткое особое гисторическое описаніе подъ именемъ Топографіи Оренбургской губерніи впредь для вѣдома к дополненію жъ и поправленію отъ искуснѣйшихъ еже все собрано въ оренбургѣ изъ разныхъ описаній русскихъ и іностранныхъ и по извѣстностямъ въ губернской канцеляріи имѣющимся 1755»[1]).

О главномъ составителѣ этихъ картъ прапорщикѣ Красильниковѣ изъ переписки Рычкова съ Миллеромъ видно только, что онъ занимался и послѣ составленіемъ картъ оренбургскаго края и въ 1758 году былъ подпоручикомъ геодезіи. Его не должно смѣшивать съ Андреемъ Дмитріевичемъ Красильниковымъ, бывшимъ также сначала прапорщикомъ, и съ 1749 г. поручикомъ геодезіи, а въ 1753 года адъюнктомъ нашей Академіи, извѣстнымъ многочисленными и весьма вѣрными для своего времени астрономическими наблюденіями.

Слѣдующія подробности о каждой изъ означенныхъ картъ въ отдѣльности доставлены академикомъ Д. М. Перевощиковымъ:

I. «Карта генеральная оренбургской губерніи и смежныхъ къ ней мѣстъ, изъ которыхъ простирающееся въ Полуденную Азію по обстоятельствамъ о коммерціи оной губерніи нарочно до самаго Индостана показаны». По масштабу 105 верстъ въ градусѣ. Карта замѣчательна тѣмъ, что географическія долготы считаются отъ меридіана, проходящаго чрезъ

[1]) Въ заглавіи здѣсь сохранено правописаніе подлинника.

Ставрополь и на полградуса къ Западу отъ Астраханн. На ней изображены: 1) Ставропольское управленіе. 2) Провинціи: уфимская и исетская. 3) Степь кочующихъ киргизъ-кайсаковъ, меньшой и среднай орды. 4) Каспійское и Аральское моря со слѣдомъ рѣки, вытекавшей изъ втораго въ первое. 5) Рѣки Сыръ-Дарьи и Аму-Дарья. 6) Форты по рѣкамъ Самарѣ и Яику, и 7) означены мѣста владѣній хивинскихъ и бухарскихъ.

Въ исетской провинціи показаны городъ Челябинскъ и линія форговъ по рѣкѣ Ую между ея устьемъ въ Тоболъ и Яикомъ.

Самара: широта 53° (53° 11′), долгота 0° 30′ (67° 45′).
Уфа: широта 54° 40′ (54° 43′), долгота 5° 30′ (73° 36′).
Оренбургъ: широта 52° 0′ (51° 45′), долгота 6° (72° 46′).

Очерки Каспійскаго и Аральскаго морей весьма не сходны съ ихъ изображеніями на картѣ оренбургскаго края 1851 года.

Астрахань: широта 46° 30′ (46° 21′), долгота 0° 30 (65° 42′)
Баку: широта 41° 22′ (40° 22′).
Дербентъ: широта 42° 30′ (42° 4′).

Судя по времени изданія карты (1752 г.), географическія широты показаны довольно удовлетворительно.

II. «Карта ставропольскаго вѣдомства, въ которомъ крещеные калмыки между Закамской линіи и рѣки Черемшана съ жительствомъ и кочевками расположены».

Границы: съ Запада — Волга; съ Юга — Волга и Сокъ; съ Сѣверо-Запада и Сѣвера — Черемшанъ; съ Востока и Юго-Востока редуты и, кажется, ровъ. Масштабъ: 10 верстъ въ $^1/_2$°. Средина «вѣдомства» почти вся пустая и поселенія находятся по его границамъ.

Ставрополь: широта 53° 32′ (53° 28′), лежитъ при рукавѣ Волги.

III. «Карта, представляющая отъ Оренбурга большую московскую дорогу до Кичуйскаго фельдшанца и всю Закамскую линію и отъ онаго жъ внизъ по рѣкѣ Яику до Яицкаго казачья городка, а по Самарѣ до г. Самары новопостроенныя крѣпости и съ ставропольскимъ вѣдомствомъ и смежными къ тому мѣстами». Масштабъ 30 верстъ въ $^1/_2$°. Замѣчательна подробнымъ изображеніемъ рѣкъ: Иргиза, Самары съ редутами по ней, Сока, Кинели, Яика, Сакмары и пр

IV. «Карта генеральная уфимской провинціи и Башкиріи, съ показаніемъ смежныхъ съ ней мѣстъ». Масштабъ тотъ же. Замѣчательна по обстоятельности изображенія рѣкъ: Бѣлой, Дёмы и многихъ другихъ.

V. «Карта уфимской провинціи казанской и осинской дорогъ съ смежными мѣстами». Та же самая карта, что̀ и предыдущая, съ бо́льшими топографическими подробностями.

VI. «Карта уфимской провинціи сибирскія дороги и смежныхъ той дорогѣ мѣстъ». Распространеніе предыдущей карты къ Востоку.

VII. «Карта уфимской провинціи нагайской дороги и смежныхъ той

дорогѣ мѣстъ». Распространеніе той же карты къ Югу. И такъ уфимская провинція изображена на четырехъ картахъ.

VIII. «Карта исецкой провинціи съ зауральскою Башкиріею, съ частію екатеринбургской вѣдомству сибирской губерніи и уфимской провинціи принадлежащихъ мѣстъ». Она замѣчательна подробнымъ изображеніемъ теченіярѣкъ: Исеть, Теча, Міясъ и пр. и множествомъ озеръ. Означены города: Челябинскъ, Шадринскъ, Далматовъ. Тутъ же изображена рѣка Тоболъ, протекающая по ялуторовскому уѣзду.

IX. «Карта Верхояицкой, Сакмарской, Орской и Уйской дистанцій съ показаніемъ на тѣхъ дистанціяхъ имѣющихся крѣпостей, редутовъ и другихъ селеній съ смежными къ ней мѣстами». Замѣчательныя рѣки: Сакмара и Яикъ съ фортами.

X. «Карта нижней яицкой дистанціи до Гурьева городка и до Каспійскаго моря и кочевыхъ мѣстъ киргизъ-кайсацкой меньшой орды съ частію Аральскаго моря». Яикъ съ фортами, и рукавъ Волги при ея устьѣ весьма любопытны, но не сходны съ картою 1851 года.

XI. «Карта пріобщенная, на которой наибольшая часть Каспійскаго и Аральскаго морей съ смежными къ нимъ мѣстами представлены». Ничѣмъ не замѣчательна.

XII. Карта безъ заглавія, на которой изображены всѣ три киргизскія орды, не замѣчательна и походитъ болѣе на брульонъ, чѣмъ на карту отдѣланную. Здѣсь между прочимъ отмѣчена «Развалина стараго города Джикента», о которомъ, какъ о новооткрытомъ толковали нѣкоторое время въ газетахъ въ началѣ нынѣшняго 1867 года.

Въ заключеніе слѣдуетъ напомнить, что Татищевъ давалъ Рычкову наставленія, какъ должны составлять геодезисты карты оренбургской губерніи, о чемъ см. выше на стр. 161 и 163.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

О причинахъ удаленія изъ Россіи калмыковъ.

Къ стр. 125, 126.

Въ мартѣ 1767 года сенатъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о мѣрахъ для размежеванія земель калмыцкихъ отъ тѣхъ, на которыхъ жили русскіе переселенцы, объяснялъ: «Коллегія иностранныхъ дѣлъ поданнымъ въ сенатъ доношеніемъ изъясняетъ, коимъ образомъ вступили въ ту коллегію отъ намѣстника ханства калмыцкаго Убаши и отъ астраханскаго губернатора, генералъ-маіора Бекетова, также и отъ находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ подполковника Кишенскаго представленія, что тѣ мѣста, гдѣ напредъ сего калмыки кочевали, заняты селеніями и въ близости оныхъ калмыкъ кочевать не допускаютъ, и происходятъ съ обѣихъ сторонъ непрестанныя ссоры, грабежи и драки; захватываютъ другъ у друга людей и скотъ, а иногда дѣлается смертное убійство и въ скотѣ великая утрата. И потому намѣстникъ ханства домогается, чтобъ то селеніе уничтожено было. А подполковникъ Кишенскій представляетъ, не соизволено-ль будетъ всѣ тѣ заселенныя мѣста освидѣтельствовать и около оныхъ, по пропорціи жителей, отмежевать при посланныхъ отъ намѣстника ханства людяхъ, дабы калмыки, будучи свѣдомы о точныхъ границахъ тѣхъ жительствъ, впредь кочевьемъ во оныя не входили; а и россійскіе калмыкамъ подъ видомъ ихъ дачь за потраву сѣнныхъ покосовъ и прочихъ угодій такъ, какъ нынѣ, притѣсненій дѣлать не могли. Съ которымъ подполковника Кишенскаго разсужденіемъ и астраханскій губернаторъ согласенъ»... Сенатъ полагалъ, что для снятія на карту всѣхъ земель, о которыхъ рѣчь шла въ докладѣ, необходимо отправить офицеровъ изъ инженернаго корпуса; но когда спросили о томъ гр. Григорія Орлова, бывшаго тогда фельдцейгмейстеромъ, то онъ отозвался, что у него недостатокъ въ инженерныхъ офицерахъ. За такимъ отзывомъ, размежеваніе не было еще осуществлено и въ концѣ 1769 года что̀ видно изъ слѣдующаго документа.

Ея императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ.

Разсмотрѣвъ мы, нижеподписавшіеся, произшедшія отъ намѣстника ханства калмыцкаго жалобы, о случившемся, по предъявленію его, утѣсненіи калмыцкому народу въ нужномъ и необходимомъ, по образу жизни сего народа, перехожденіи съ одного мѣста на другое отъ заведенныхъ по луговой сторонѣ Волги изъ иностранцевъ селеній, а равнымъ образомъ разобравъ и представленія находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ подполковника Кишенскаго, которыми онъ дополнилъ, что такое утѣсненіе хотя и дѣйствительно настоитъ, но не больше отъ селеній, изъ иностранцевъ учрежденныхъ, какъ и отъ всѣхъ другихъ, по луговой же сторонѣ недавно начавшихся изъ разнаго званія людей и отъ присвоенія жителями горнаго берега Волги хотя и старыми, но многихъ мѣстъ на луговой сторонѣ лежащихъ, которыми они напредь сего отнюдь не пользовались; а наконецъ сдѣлавъ и соображеніе съ сими жалобами и представленіями полученнымъ извѣстіямъ чрезъ канцелярію опекунства иностранныхъ и подполковника Кишенскаго о всѣхъ разныхъ селеніяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя изъ иностранцевъ учреждены, и о занятыхъ ими мѣстахъ, примѣчаемъ: съ одной стороны, что калмыки свои причины имѣютъ жалобы приносить, но съ другой и способы къ поправленію того нетрудные находимъ.

Калмыки, пришедъ въ 1630 году на Волгу, чаятельно сперва почитаемы были буде не за непріятелей, по меньшой мѣрѣ произвели нужду быть отъ нихъ въ осторожности. Потомъ же, когда они по привольству волгскихъ мѣстъ навсегда на оныхъ остались, то хотя въ 1673, 1677 и 1684 году и взяты отъ нихъ называемыя по тогдашнему времени записи о бытіи имъ въ здѣшнемъ подданствѣ и о спокойномъ обращеніи, но точныхъ мѣстъ для ихъ пребыванія назначивано не было, можетъ быть для того, что ни они о томъ не заботились по пространству волгскихъ, по большой части тогда въ пустѣ лежавшихъ, ни со здѣшней стороны. Слѣдовательно такіе для нихъ отводы дѣлать ни малѣйшаго случая и повода не представлялось.

Продолженіемъ времени, и что далѣе, то болѣе, пріучаясь калмыки къ послушанію и къ разумѣнію должностей подданства, толь меньше напротивъ того въ сомнѣніи приходить могли и отъ новыхъ поселеній, въ близости ихъ пребыванія напредь сего заводимыхъ, когда всегда еще и при томъ для нихъ довольно мѣстъ оставалось.

Они, восходя до Самары, хотя и давно уже ниже сего города, на луговой сторонѣ Волги лежащаго, разныя селенія находятся, ни сами въ томъ тѣсноты однакоже не чувствовали, ни тамошнимъ жителямъ безпокойства не причиняли, да и нынѣ взаимныхъ жалобъ не слышно, хотя также калмыки иногда и до тамошнихъ мѣстъ доходятъ.

Занятыя и нынѣ подъ иностранцевъ выше и ниже Саратова на луговой сторонѣ мѣста не долженствовали ихъ тревожить, состоя не въ

такомъ пространствѣ, чтобъ дѣйствительное отъ нихъ утѣсненіе произошло, но дѣло состоитъ въ томъ, что они отъ сихъ селеній, какъ напослѣди начавшихся, взяли только причину къ своимъ представленіямъ, а прямое существо ихъ жалобъ составляютъ по бо́льшей части, какъ и подполковникъ Кишенскій доносилъ, захваченныя горнаго берега жителями многія мѣста на луговой сторонѣ по неизвѣстному вовсе или сомнительному праву, и разныя, вновь же начавшіяся и на сей самой сторонѣ, сверхъ состоящихъ иностранцевъ, селенія безъ всякаго однакожъ имъ отводу, коликою мѣрою земли они владѣть должны, почему въ ихъ произволеніи и остается на всѣ тѣ мѣста калмыкъ не допускать, гдѣ они ихъ видѣть не хотятъ, и гдѣ они однакожъ напредь сего располагались.

Въ такихъ обстоятельствахъ находятся всѣ жители горнаго берега, начиная отъ самарскаго уѣзда до самаго города Царицына, которые противъ всякаго своего жилища на луговой сторонѣ въ займищахъ или лугахъ завели отчасти хлѣбопашество, а больше сѣнные покосы; а притомъ и дубовскаго волгскаго войска казаки, которымъ данною изъ военной коллегіи въ 1734 году на ихъ мѣста привиллегіею не токмо на луговой сторонѣ сѣнныхъ покосовъ имѣть запрещено было, но ни для чего къ притѣсненію калмыкъ на оную переѣзжать не велѣно, какъ сами тамъ захватили, такъ и стоящему въ Царицынѣ астраханскому драгунскому полку не мало сѣнныхъ покосовъ отвели по полученному недавно отъ военной коллегіи разрѣшенію, и дабы калмыки къ онымъ не приближались, по всѣмъ займищамъ поставили грани; хотя напредь сего въ бытность на Царицынской линіи не одного, но и многихъ полковъ, они безъ луговой стороны обходились.

Заведенныя же вновь на луговой сторонѣ селенія состоятъ изъ раскольниковъ, малороссіянъ, не помнющихъ родства, приписныхъ къ ахтубинскому шелковому заводу, также и къ дворцовымъ волостямъ, и изъ оныхъ послѣднія поселяются по бо́льшей части по рѣкѣ Иргизу, по которой калмыки всегда располагались.

Калмыцкому народу сколько нужна для зимы простирающаяся отъ горнаго берега Волги степь, находя они для себя и для скота своего защиту и убѣжище отъ стужи, нѣкоторые при Каспійскомъ морѣ въ камышахъ, а множайшіе при Кумѣ рѣкѣ въ тамошнихъ лѣсахъ и закрытыхъ мѣстахъ, столько необходима уже и луговая для мѣста, чтобъ пока они на сей сторонѣ остаются, на горной въ то время выростающая трава для будущей зимы сохранена быть могла.

Статься можетъ, что калмыки, дѣлая нынѣ переходы свои съ одного мѣста на другое, нѣсколько смятно, не обжидая одинъ улусъ другаго и располагаясь также непорядочно, хотя стараніе и прилагается ввесть у нихъ и въ томъ установленіе, да и впредь продолжаемо быть имѣетъ, тѣмъ самымъ меньше и сберегаютъ скотопажитныя мѣста, нежели сколько хранить ихъ должны были бъ, а вытравливаютъ и вытаптываютъ больше,

нежели уже по необходимой нуждѣ требовалось бы. Совсѣмъ тѣмъ, какъ пріобученіе ихъ къ бережливости въ семъ случаѣ и къ разборчивости зависитъ еще отъ продолженія времени, а и тогда однакожъ они, по множеству скота своего, въ чемъ ихъ главнѣйшее имущество состоитъ, безъ довольныхъ, скотопажитныхъ и водою привольныхъ мѣстъ обойтись не могутъ, для чего и что свѣжихъ водъ внутри степи по луговой сторонѣ, сколько извѣстно, или очень мало, или почти нѣтъ, слѣдовательно долженъ быть тамъ недостатокъ и въ травѣ, выгорая оная скоро отъ жару какъ натурально малую влагу имѣющая, они и держатся при Волгѣ и при падающихъ въ оную рѣчкахъ,—то и нужно, видится, такія распоряженія принять, чтобъ они дѣйствительно оскудѣнія не имѣли ни въ водѣ, ни въ скотскихъ кормахъ, и въ томъ во всемъ единожды навсегда съ тамошними жителями, къ взаимному ихъ успокоенію, разведены были.

Что касается до заведенныхъ изъ иностранцевъ селеній при рѣчкахъ Караманахъ и Тарлыкахъ, то оставляя ихъ тутъ для того, что, какъ и выше донесено, оныя калмыкъ въ ихъ распоряженіяхъ не утѣсняютъ, да и переведеніе ихъ на всякое другое мѣсто не можетъ быть безъ убытка и сверхъ того безпокойства и изнуренія людей, разсуждается только отвесть подъ нихъ землю по берегу Волги хотя и всю, отъ рѣки Еруслана до рѣки Иргиза простирающуюся, дабы съ обѣ стороны ихъ дачи живыя межи имѣли; но въ ширину напротивъ того назначить столько, чтобъ однако же вершины нѣкоторыхъ рѣчекъ, чрезъ сіи мѣста протекающихъ, хотя на небольшое разстояніе остались за межою, имѣя калмыки въ тамошней водѣ нужду во время ихъ перехода съ рѣки Еруслана на рѣку Иргизъ, а притомъ дабы они свободно проѣзжать могли между селеній къ городу Саратову для продажи скота своего и покупки разныхъ вещей, и для того жъ и къ селу Малыковкѣ, то для города Саратова назначить прогоны отъ того и другаго поселенія, оставляя въ срединѣ Покровскую малороссійскую слободу и отводя къ оной потребное количество земли, каждый прогонъ шириною по нѣскольку верстъ, а для села Малыковки при рѣкѣ, называемой Вертубѣ, на одну версту, а затѣмъ все мѣсто отъ рѣки Вертубы до рѣки Иргиза и по ней на пятьдесятъ верстъ, считая отъ волгскаго берега, занято быть можетъ для иностранныхъ же поселенцевъ.

Вокругъ сихъ дачъ имѣютъ быть отъ находящейся въ Саратовѣ конторы опекунства сдѣланы грани, чтобъ калмыки за оныя ни подъ какимъ видомъ не входили и не располагались, и скота своего не пускали, а впрочемъ ни тѣмъ, ни другимъ взаимно обходиться и вещи свои продавать запрещенія не дѣлать, чтобъ калмыки, перенимая отъ поселенцевъ иностранныхъ разныя рукодѣлія, по мѣрѣ того и суровости своей, будучи еще по большей части всѣ изъ нихъ подлые оной наполнены, убавлять могли, а и поселенцы привычку дѣлали смотрѣть на нихъ безъ страха и противности. Пока жъ до того дойдетъ, то дабы ничего не оставить безъ употребленія къ ихъ взаимному разведенію служащаго и къ охраненію

поселенцевъ, могутъ въ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ селеніяхъ отъ стороны находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ командира и нарочные содержаны быть изъ офицеровъ или другихъ людей, а притомъ и каждому калмыцкому владѣльцу, селенія проходящему, отъ него жъ подтверждаемо будетъ за своимъ улусомъ смотрѣть, чтобъ ни отъ кого обидъ не происходило, опредѣляя, буде за нужно усмотрится, и нарочныхъ отъ каждаго улуса, пока который въ близости отъ поселеній будетъ, для надзиранія и опознанія калмыкъ, безпокойство иногда причиняющихъ.

Но какъ всѣ такія распоряженія, касаясь единственно до иностранныхъ поселенцевъ и калмыкъ, предоставляютъ нужду въ разсмотрѣніи, по колику калмыцкій народъ дѣйствительно утѣсненнымъ находится отъ заведенныхъ уже, и распространяющихся и еще и вновь заводимыхъ селеній изъ разнаго званія, кромѣ иностранцевъ, людей и отъ присвоенія жителями горнаго берега Волги многихъ мѣстъ луговой стороны, или калмыки, привыкнувъ токмо на всю обширность, прежде впустѣ лежавшую, смотрѣть, мечтаютъ безъ основанія быть въ утѣсненіи, то остается нынѣ же и сіе послѣднее изслѣдованіе предпріять.

Оно наилучше кажется исполнено быть можетъ, когда всѣ крѣпости жителей горнаго берега, которые нынѣ луговою стороною пользуются, а притомъ основанія и намѣренія, для какихъ и новыя на луговой сторонѣ жилища кромѣ состоящихъ изъ иностранцевъ заведены и умножаются, также и сколько которому въ дачу земли назначено и необходимо потребно, въ точное разсужденіе приняты будутъ, и потомъ которыя изъ нихъ крѣпости на мѣста ими владѣемыя имѣютъ, то по крѣпостямъ, а у которыхъ нѣтъ, то по настоящей нуждѣ, соображая притомъ съ другой стороны и необходимую нужду въ тамошнихъ мѣстахъ и для калмыцкаго народа, сколько дѣйствительно такая настоять будетъ, извѣстная мѣра земли для всякаго жилища отведется, и такимъ образомъ точная дача къ однимъ мѣстамъ назначится и обмежуется, дабы прочія затѣмъ пажити и воды калмыцкому народу въ употребленіе назначены были, кромѣ рыбныхъ ловель состоящихъ на оброкѣ, и тѣмъ оной въ своихъ жалобахъ успокоился и зналъ впредь о своихъ мѣстахъ; но уничтоженіе и переведеніе какихъ либо начавшихся уже селеній имѣетъ быть совсѣмъ тѣмъ, въ разсужденіи неминуемаго затруднительства, слѣдствіемъ крайней только необходимости, предоставляемой здѣшнему разсмотрѣнію.

Въ высочайшемъ вашего императорскаго величества сонзволеніи состоитъ препорученіе сего не безважнаго и скораго исполненія требующаго дѣла астраханскому ли губернатору, находясь всѣ вновь заведенныя жилища въ порученной ему губерніи и калмыцкій народъ въ точномъ его вѣдомствѣ, или всемилостивѣйше угодно будетъ и нарочную для того персону назначить и отправить повелѣть; но кто бъ къ тому употребленъ ни былъ, надобно будетъ къ нему опредѣлить и двухъ, или трехъ человѣкъ межевщиковъ для отводу дачъ и снятія на планы, которые послѣ сего перваго дѣла могутъ потомъ положить на карту и все

пространство земли, лежащее между рѣкъ Волги и Яика, начиная отъ Самары и до Каспійскаго моря съ означеніемъ всѣхъ рѣчекъ и озеръ и другихъ привольныхъ и примѣтныхъ мѣстъ и безводныхъ степей, каковой по нынѣ снято не было, а безъ оной въ самую подлинность и неизвѣстно, сколько дѣйствительно тамошнія мѣста неудобны, или между многими неудобными есть однакоже нѣкоторыя и удобныя къ занятію, или же по крайнѣй мѣрѣ къ назначенію калмыкамъ, вмѣсто употребляемыхъ подъ селенія въ близости отъ Волги лежащихъ, которыми нынѣ единственно они пользуются.

Такая нужная карта и скоро, и удобно однакожъ окончена быть можетъ, не требуясь притомъ астрономическая строгость въ положеніи каждаго мѣста и урочища подъ точный градусъ, а только описаніе всѣхъ мѣстъ и примѣрное разстояніе одного отъ другаго.

Между тѣмъ пока разсмотрѣніе учинено будетъ о правѣ горнаго берега жителей, пользующихся луговою стороною, и земли назначатся заведеннымъ вновь на сей послѣдней сторонѣ селеніямъ, а тѣмъ всѣмъ и снимаемою картою всего пространства между Волги и Яика достовѣрное свѣдѣніе получится, могутъ ли быть тамъ и еще селенія заведены безъ утѣсненія калмыцкаго народа, нужно кажется будетъ общее учинить запрещеніе, чтобъ впредь до времени на заведенныхъ по нынѣ новыми жителями не умножать, и никакихъ вновь не заводить, съ такимъ еще сверхъ того опредѣленіемъ, дабы и межи отводимымъ подъ поселенія также и горнымъ жителямъ по настоящей нуждѣ на луговой сторонѣ землямъ впредь до точнаго разсмотрѣнія и утвержденія непремѣнными почитаемы не были, что все однакожъ здѣсь всеподданнѣйше представляемое подвергаемъ монаршему вашего императорскаго величества благоизобрѣтѣнію.

Графъ Панинъ.
К. Александръ Голицынъ.
Графъ Г. Орловъ.
Никита Бекетовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Реестръ, по какимъ цѣнамъ въ городѣ Оренбургѣ во время злодѣйскаго облежанія хлѣбъ и другіе съѣстные припасы продавались 1774 года.

	Въ январѣ.		Въ февралѣ.		Въ мартѣ.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Муки аржаной и пшеничной } четв.	отъ 30	—	отъ 50	—	отъ 75	—
Крупъ разныхъ и солоду } четв.	до 50	—	до 75	—	до 140	—
Изъ муки аржаной хлѣбъ печеный одинъ фунтъ	—	отъ 15 до 20	—	отъ 20 до 25	—	отъ 25 до 33 и до 40
Масло коровье фунтъ	—	отъ 40 до 50	—	отъ 50 до 90	1	20
Масло деревянное фунтъ	—	35	—	40	—	отъ 50 до 60
Масло конопляное фунтъ	—	50	—	60	—	60
Сало баранье и говяжье, годное въ пищу, пудъ	2	—	2	—	2	40
Медъ сырецъ фунтъ	—	30	—	35	—	отъ 35 до 50
Яицъ десятокъ	—	15	—	20	—	25
Гусь одинъ	—	70	1	20	1	20
Утка	—	35	—	60	—	60
Курица	—	20	—	25	—	35 и 60
Мясо говяжье и баранье пудъ	3	25	3	75	отъ 5 до 6	—
Мясо лошадиное пудъ	—	80	1	20	3	50
Молока ведро	—	80	1	20	1	20
Рыбы щучины фунтъ	—	15	—	20	—	отъ 25 до 35
Рыбы мелкой	—	9	—	12	—	20
Икры соленой фунтъ	—	—	—	—	—	90
Сѣна возъ	7	—	9	—	20	—
Кожи коровьи боевыя	—	40	—	60	1 и 2	60
Сахаръ кенарской фунтъ	—	25	—	35	1	—
Капусты ведро бѣлой	1	50	2	—	3	50
Капусты ведро черной	—	80	—	90	2	20
Огурецъ соленой одинъ	—	3	—	5	—	10
Луку сотня	—	80	—	90	2	50

	Марта съ 17 по 22 число.		Съ 20 по 23.		Съ 23 то есть со дня побѣгу злодѣя изъ Бердской слободы по 24 число.		Съ 24 числа.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Мука аржаная и пшеничная также солодъ и крупы пудъ.....	отъ 10 до 8	--	отъ 13 до 13	—	отъ 7 до 6	—	—	отъ 80 до 50
Хлѣбъ печеной фун.	—	отъ 15 до 20	—	отъ 20 до 25	—	отъ 12 до 10	—	отъ 7 до 5
Сахаръ кенарской..	—	80	—	90	—	90	1	—
Рыбы свѣжей крупной фунтъ.....	—	35	—	30	—	30	—	30
— — мелкой...	—	25	—	23	—	20	—	20
А прочіе припасы продавались въ пропорціи противъ вышеписанныхъ цѣнъ, а многихъ и совсѣмъ въ продажѣ не было.								

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

А.

Абдрахимановъ, Махмудъ, ахунъ, занимавшійся переводами съ восточныхъ языковъ, стр. 12, 13, 17, 26, 29, 31, 86, 87, 164.
Абубекиръ, турецкій географъ, стр. 31.
Абулгази Мухамедъ Багадуръ-ханъ, стр. 18, 19, 20, 30, 81, 86, 87.
Абулфеда, стр. 166.
Абулхаиръ-ханъ, стр. 6, 157, 158.
Августъ, цезарь, стр. 21, 22.
Адодуровъ, Василій Евдокимовичъ, стр. 51.
Аишъ-бай, башкирскій старшина, стр. 158.
Айткула, мордвинъ, стр. 116.
Академія Наукъ, стр. III, 8, 18, 27, 28, 29, 40, 41, 42, 43, 71, 88, 89, 115, 119, 120, 121, 122.
Александръ Македонскій, стр. 22.
Анна Іоанновна, императрица. Снаряженіе по ея повелѣнію оренбургской экспедиціи, стр. 6.
Анна Комнина, стр. 17.
Апичъ, конректоръ школы при лютеринской кирки въ Москвѣ, стр. 23.
Апраксинъ, графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ, стр. 83.
Астрахань, городъ, стр. 16, 79, 80.
Аѳанасій Великій, стр. 17.

Б.

Байеръ, академикъ, стр. 23.
Бардекеевичъ, Иванъ, стр. 156, 158.
Бароній, стр. 78.
Бартеньевъ, П. И., стр. III.
Башкиры, народъ, стр. 93, 94, 108, 109, 146, 147, 148, 149, 158, 159.
Бекетовъ, Никита, астраханскій губернаторъ, стр. 127, 170, 174, 175.
Бергманъ, Веніаминъ, стр. 125, 126, 127.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петровичъ, стр. 34, 51.
Бичуринъ см. Іоакинѳъ.
Болотовъ, авторъ Записокъ, стр. 105.
Бонде, графъ, стр. 2, 4.
Бородинъ, Андрей Никитичъ, войсковой атаманъ, 91, 93.
Бородинъ, есаулъ, стр. 158.
Брылкинъ, астраханскій губернаторъ, стр. 160.
Букенъ-бай, старшина, стр. 157.
Бѣлосельскій, князь Михаилъ Андреевичъ. Оговоръ его Столѣтовымъ въ словѣ и дѣлѣ, стр. 11; знакомство съ Рычковымъ, 34.

В.

Васильевъ, поручикъ, авторъ дневника стр. 122.
Венетъ, Павелъ, стр. 17.
Веревкинъ, Мих. Ив., стр. 49, 148.
Владиміръ, великій князь, стр. 21.
Владиміръ II, великій князь, стр. 21.
Волковъ, Александръ Андреевичъ, стр. 104.
Волковъ, Дмитрій, стр 72.
Воронцовъ, графъ Романъ Ларіоновичъ, стр. 104, 106.
Воронцовы, графы, члены-основатели Вольнаго Экономическаго Общества, стр. 102.
Вотяки, народъ, стр. 115.
Всеволодъ I, великій князь, стр. 21.

Всеволодъ II, великій князь, стр. 21.
Вяземскій, князь, генералъ-прокуроръ, стр. 152.

Г.

Газе, Генрихъ, пасторъ, стр. 68.
Георги, Іоаннъ Готлибъ, академикъ, стр. 119, 120.
Георгій II, великій князь, стр. 21.
Геродотъ, стр. 15, 22, 23, 78.
Глинскій, Михаилъ, стр. 21, 22.
Гмелинъ, Іоаннъ-Георгъ, академикъ, стр. 62, 65, 88, 89.
Голицынъ, князь Александръ, стр. 127, 175.
Голицынъ, князь Петръ Михайловичъ, стр. 137, 139, 140, 141.
Гуляевъ, Прокофій Даниловичъ тесть П. Рычкова по первой его женѣ, стр. 5.

Д.

Давыдовъ, Аѳанасій Романовичъ, оренбургскій губернаторъ, стр. 45.
Дегинь, стр. 78.
Делиль, Николай-Іосифъ, академикъ, Его переписка съ Ив. Кириловымъ, стр. 7.
Дергэмъ, Вильямъ, англійскій писатель, стр. 10.
Державинъ, сомнительность въ возможности сношеній его съ П. Рычковымъ, стр. II.
Джакентъ или Джикентъ, городъ, развалины его, стр. 169.
Димитрій, св., Ростовскій, стр. 39, 50.
Дю-Гамель, французскій академикъ, стр. 96.
Дюканжъ, стр. 78.

Е.

Ейлеръ, Христоforъ, стр. 119.
Екатерина II, императрица. Замыслы въ пользу ея гр. Бестужева-Рюмина, стр. 51. Представленіе ей Рычкова, 54. Посвященіе его труда, 76.
Елизавета Петровна, императрица, стр. 11, 32, 116.
Елизенъ, Вильямъ, директоръ ямбургскихъ и жабинскихъ казенныхъ заводовъ, стр. 4, 5.
Ербло, стр. 78.
Еропкинъ, Петръ Дмитріевичъ, сенаторъ, стр. 55, 141, 145.

И.

Ибрагимъ, турецкій географъ, стр. 31.
Издеберской, купецъ, стр. 157.
Изяславъ II, великій князь, стр. 21.
Илецкая соляная защита, стр. 55, 56, 110, 122, 123.
Индія — проекты торговли съ нею, стр. 6, 8, 32, 51, 52.
Иноземцовъ, Семенъ, купецъ, стр. 156.

І.

Іоакинеъ, о. Бичуринъ, стр. 126.
Іоаннъ Златоустъ, стр. 17.
Іоаннъ II, Васильевичъ, стр. 21, 166.
Іоаннъ Васильевичъ, царь, стр. 73, 74, 79, 161.

К.

Кабанка, атаманъ, стр. 158.
Казанская губернія, стр. 51, 56, 57, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 115.
Казань, городъ, стр. 49, 51, 54, 55, 89.
Калмыки, народъ, стр. 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 170, 171, 172, 173, 174, 175.
Кальме, Августъ, стр. 22.
Карпеинъ, стр. 17.
Карамзинъ, Н. М., о мѣстѣ его рожденія, стр. 64.
Каръ, генералъ, стр. 136.
Кёльрейтеръ, адъюнктъ Академіи, стр. 100.
Киргизы, народъ, стр. 81, 93, 95, 125, 146, 147, 148 149, 157, 165.
Кириловъ, Иванъ Кириловичъ, начальникъ оренбургской экспедиціи, стр. IV, 5, 6. Заслуги его русскому просвѣщенію, 7. Сношенія съ Академіею Наукъ и неудачи по управленію оренбургскимъ краемъ, стр. 7, 8, 165.
Кишенскій, или Кишинскій, подполковникъ и приставъ при калмыцкомъ намѣстникѣ ханства, стр. 127, 170, 171.
Клингштетъ, Тимофѣй Ивановичъ, членъ-основатель Вольнаго Эконом. Общ., стр. 103.
Кожинъ, Александръ, стр. 82, 83.
Козицкій, Григорій. Подробность о его смерти, стр. 122.
Кондаковъ, помѣщикъ, стр. 144.
Константинъ Брадатый, стр. 24.
Коптяжевъ, секретарь, стр. 15.
Корфъ, баронъ, президентъ Академіи Наукъ, стр. 8.

Красильниковъ, прапорщикъ геодезіи, стр. 64, 167.
Красильниковъ, Андрей Дмитріевичъ, адъюнктъ Академіи, стр. 167.
Крафтъ, Вольфгангъ Людовикъ, академикъ, стр. 119.
Крашенинниковъ, академикъ, стр. 76.
Кривцовъ, Василій, вахмистръ, стр. 116.
Крюницъ, Іоганнъ Георгъ, стр. 154, 155.
Кубыликинъ, купецъ, стр. 158.
Кудрявцевъ, Нефедъ Никитичъ, стр. 89.
Куникъ, Аристъ Аристовичъ. Пріобрѣтеніе имъ для академической библіотеки списка Записокъ П. Рычкова, стр. III.
Куроѣдовъ, подполковникъ, стр. 84.

Л.

Лаксма́нъ, Эрикъ, академикъ, стр. 120, 121.
Ларунсъ Батламююсъ, восточный писатель, стр. 31.
Лаузинъ Ланчинъ, см. Лозангъ Джальцанъ.
Левшинъ, И. А., стр. 126.
Леманъ, академикъ, стр. 99, 100, 102.
Лепехинъ, академикъ. Его описаніе путешествія, стр. III, 110, 116, 117, 118, 119.
Линней, стр. 120.
Ловичъ, Морицъ, академикъ, стр. 119.
Лозангъ, Джальцанъ, калмыцкій лама, стр. 125.
Ломоносовъ. Знакомство съ Рычковымъ, стр. 34, 35. Недовольство имъ за сношенія съ Миллеромъ, 36. Нападки Ломоносова на Миллера за Рычкова, 44, 46, 61. Временное увольненіе изъ Академіи, 72. Посылка къ нему Рычковымъ сочиненія о рудахъ, 101, 106, 116.
Лонгиновъ, Абрамъ, крестьянинъ, вышедшій изъ повиновенія Рычкова, стр. 50.
Лопухинъ, Авраамъ, стр. 3.
Лызловъ, авторъ скиѳской исторіи, стр. 74, 75, 78, 80.
Любегнонъ, стр. 24.

М.

Мавринъ, канитанъ-поручикъ гвардіи, стр. 142.
Макарій, митрополитъ, стр. 121.
Малиновскій, см. Платонъ.
Марковъ, протоколистъ, наказанный плетьми Татищевымъ, стр. 157.
Мартиньеръ, Антоній-Августинъ, стр. 17.
Масловъ, Михаилъ Яковлевичъ, стр. 134, 141,
Менинскій, Францъ, стр. 15.
Мелиссино, Иванъ Ивановичъ, стр. 148.
Мещеряки, народъ, стр. 163, 165, 166.
Миллеръ, Г. Ф., академикъ. Переписка его съ П. Рычковымъ, стр. II, III. Отзывъ о немъ Татищева, стр. 28, 29. Помѣщеніе имъ статей Рычкова въ академическомъ журналѣ, 35, 36, 37, 38, 39, 40. Ходатайство о назначеніи Рычкова въ почетные члены, 40—43. Подозрѣнія въ наговорахъ на него Ломоносова, 46, 47. Совѣтъ Рычкову жить въ деревнѣ, 52. Намѣреніе издать сочиненія Рычкова по нѣмецки, стр. 59. Ученыя задачи Милл. въ Ежемѣс. Соч., 69, 70, 71. Доставленіе Миллеру Рычковымъ различныхъ историко-географическихъ извѣстій объ оренбург. краѣ, 80—87. Похвала Рычкову за описаніе выхухоли и открытіе въ оренбург. губерніи червеца, 89, 99. Рекомендація Рычкова графу П. Панину, 144, 145. Совѣты Рычкову, 150. Размолвка съ Рычковымъ, 154.
Михельсонъ, полковникъ, стр. 142.
Мнишекъ, Марина, стр. 79.
Монтань, стр. 129.
Мордва, народъ, 163.
Мстиславъ Великій, стр. 21.

Н.

Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ. Главный командиръ оренбургской комиссіи, стр. 20. Его покровительство Рычкову, 31, 32, 33. Увольненіе отъ управленія оренбургскою губерніею, 45. О свиданіи его съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ, 82.
Несторъ, лѣтописецъ, стр. 25, 79, 80, 108.
Нефедьевъ, Н., стр. 126, 127.
Никаевъ, Юсупъ, башкирскій старшина, стр. 158.

О.

Оболенскій, кн. М. А., стр. 60, 139.
Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ, членъ-основатель Вольн. Экон. Общества, стр. 102.
Орбини, стр. 78.
Оренбургскій край, стр. 8, 56, 57, 58,

59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 80, 81, 85, 98, 99, 105, 107, 108, 109, 115, 116, 119, 120, 150, 151, 152, 153, 156, 157, 158, 159, 167, 168, 169.
Оренбургъ, городъ, стр. 6, 13, 32, 38, 45, 49, 52, 55, 84, 97, 105, 110, 111, 119, 136, 137, 138, 139, 140, 152, 157, 168, 176, 177.
Орловъ, графъ Владиміръ Григорьевичъ, стр. 102.
Орловъ, графъ Григорій, стр. 54, 102, 122, 127, 171, 175.
Осокинъ, заводчикъ, стр. 25.

П.

Пазухинъ, маіоръ, командиръ сакмарской дистанціи, стр. 96.
Палласъ, академикъ. Его описаніе путешествія по Россіи, стр. III. Намѣреніе переводить Оренбургскую Топографію Рычкова, стр. 67, 68. Его описанія естественныхъ произведеній Оренбургскаго Края, стр. 88, 102, 110. Отношенія къ сыну Рычкова, Николаю, 114, 115. Посѣщеніе с. Спасскаго. 118, 119. Извѣстія о калмыкахъ 126.
Панинъ, графъ Никита, стр. 127, 175.
Панинъ, графъ Петръ, стр. 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150.
Пейсонель, стр. 78.
Пекарскій, Михаилъ Николаевичъ, авторъ записки о пугачевскомъ бунтѣ, стр. 138.
Пекарскій, Николай Николаевичъ, секундъ-маіоръ, стр. 120, 138.
Перевощиковъ, Дмитрій Матвѣевичъ, академикъ, стр. 167, 168, 169.
Пестриковъ, геодезистъ, 74, 75, 77.
Петръ Великій. Его расположеніе къ Ивану Тамезу и покровительство полотняному производству въ Москвѣ стр. 3. Намѣренія его относительно торговли съ Индіею, 6, 51, 65. Узнаетъ лично Кирилова, 7. Бунтъ въ его царствованіе въ Астрахани, стр. 79. Посылка имъ князя Черкасскаго въ Хиву, 83. О посадкѣ тутовыхъ деревъ, стр. 116.
Петръ III, императоръ, стр. 51.
Петръ Могила, стр. 24, 25.
Пеутингеръ, Конрадъ, стр. 14.
Платонъ Малиновскій, архіепископъ московскій, стр. 15.
Плиній, стр. 18, 78, 165.
Поликарповъ, Ѳедоръ, его лексиконъ треязычный, стр. 12.
Полунинъ, Ѳедоръ, авторъ Географическаго Лексикона, стр. 151.
Порфирогенитъ, Константинъ, стр. 15, 17, 18, 19.
Протасовъ, академикъ, стр. 96.
Птоломей, Клавдій, стр. 14, 15, 17, 165.
Пугачевъ, Емельянъ, стр. 132, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144 145, 146, 147, 148, 149, 150.
Пуффендорфъ, стр. 24.

Р.

Разинъ, Степанъ, стр. 79, 137, 138.
Разумовскій, графъ Кириллъ Григорьевичъ. Ходатайство у него Татищева за Рычкова, стр. 28. Назначаетъ Рычкова членомъ-корреспондентомъ, 43, 97, 161.
Рейнсдорпъ, Иванъ Андреевичъ оренбургскій губернаторъ, стр. 55, 130, 131, 134, 135, 140, 141, 145, 150, 151, 152.
Реомюръ, стр. 117.
Ригельманъ, инженеръ-капитанъ, стр. 83.
Риндеръ, докторъ въ Оренбургѣ, стр. 92, 93.
Родде, переводчикъ въ Ригѣ, стр. 69.
Воръ, фонъ-, стр. 39.
Рычкова, Анисья Прокофьевна, первая жена П. Рычкова, стр. 5, 114.
Рычкова, Елена Денисьевна, вторая жена П. Рычкова, стр. 104, 114, 154.
Рычкова, Капитолина, урожд. Свѣшникова, мать П. Рычкова, стр. 2.
Рычковъ, Андрей Петровичъ. Письма его къ академику Миллеру, стр. II, 128, 129. Смерть: 143, 144.
Рычковъ, Дмитрій Николаевичъ, владѣлецъ нѣкоторыхъ писемъ и бумагъ предка его, Петра Ивановича Рычкова, стр. III, 14, 105.
Рычковъ, Иванъ Ивановичъ, отецъ П. Рычкова, стр. 2, 7.
Рычковъ, Михаилъ, дядя П. Рычкова, стр. 2.
Рычковъ, Николай Петровичъ сынъ П. Рычкова. Его сочиненія и путешествія, стр. 61, 114, 115, 116, 118. Извѣстія его о бѣгствѣ калмыковъ, 125, 126, 128, 131, 139.
Рычковъ, Николай, авторъ «Отрывка изъ Записокъ Рожновыхъ», стр. I, II.
Рубриквусъ, стр. 17.
Рюрикъ, стр. 21.

С.

Савари, Филемонъ, стр. 19.
Савичъ, Василій, сотникъ сумскаго полка, стр. 51.

Савичъ, Данила, директоръ казанской гимназіи, стр. 51.
Саипъ-Гирей, ханъ казанскій стр. 74, 78.
Самара, городъ, стр. 10, 11, 83, 109, 157, 168.
Свенске, К. Ѳ., стр. 8.
Святополкъ, великій князь, стр. 21.
Святополкъ II, великій князь, стр. 21.
Сеитовъ, Абдулъ, стр. 26.
Сеитъ Хаялинъ, основатель Сеитовой татарской слободы подъ Оренбургомъ, стр. 105.
Сибилевъ, Филипъ, отецъ жены Тредіаковскаго, стр. 113.
Симбирскъ, городъ, стр. 143, 144, 145, 146.
Соймоновъ, генералъ-лейтенантъ, стр. 31, 158.
Соймоновъ, Ѳ. И., стр. 37, 165.
Сократъ, стр. 17, 40.
Стамкенъ, голштинскій министръ, стр. 2.
Столѣтовъ, Егоръ, стр. 11.
Страбонъ, стр. 78.
Страленбергъ. О поправкѣ его погрѣшностей, стр. 19, 79, 81, 89, 91.
Строгановъ, баронъ Александръ Сергѣевичъ, стр. 89, 90.
Стрыковскій, стр. 21.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ, стр. 112.
Сухаревъ, сибирскій губернаторъ, стр. 82.

Т.

Тамесъ или Тамсенъ, Иванъ Павловичъ, директоръ полотняныхъ фабрикъ, стр. 3, 4.
Татары, народъ, стр. 15, 17, 18, 20, 29, 30, 31, 86, 87, 165.
Татищевъ, Василій Никитичъ. Переписка съ П. Рычковымъ, стр. II, III. Его любовь къ наукамъ, 8, 9. Покровительство Рычкову и переписка съ нимъ по части русской исторіи, 8—28, 161—166. Заботы о татарско-калмыцкой школѣ и о переводахъ съ восточныхъ языковъ, стр. 11, 12. Злоупотребленія его по службѣ, 13, 14. Его мнѣніе о картѣ азіатскихъ владѣній, смежныхъ съ оренбургскимъ краемъ, 16. Критика сочиненія Рычкова, 19. Ходатайство за Рычкова въ Академіи, 27, 28, 29, 40. Рукописныя его сочиненія у Рычкова, 85, 86. Докладъ о его преступленіяхъ противъ должности, 156—159. Запрещеніе въѣзда въ Петербургъ, 160. Наставленія его Рычкову для составленія географическаго описанія, стр. 162—166.
Татищевъ, Евграфъ Васильевичъ, стр. 86.
Татищевъ, Никифоръ, стр. 157.
Таубертъ, совѣтникъ Академіи, стр. 42, 75, 102, 104, 113, 114.
Твердышевъ, заводчикъ, стр. 97.
Тевкелевъ, Алексѣй Ивановичъ, генералъ-маіоръ. Представленіе его и Рычкова о распространеніи торговли до Индіи, стр. 32, 52. Дружба съ Рычковымъ, 53. Его свидѣтельство о титулѣ бѣлый царь, 70. Жалобы на Татищева, 156, 157.
Тепловъ, Григорій Николаевичъ, стр. 28, 29, 52, 102, 104, 161.
Тептяри, народъ, стр. 115, 166.
Тициусъ, стр. 91.
Толстой, Иванъ, стр. 55.
Толстой, Матвѣй, стр. 55.
Траубенбергъ, Мих. Михайл., полковникъ, стр. 124, 132.
Тредіаковская, Марія Филипповна, стр. 113.
Тредіаковскій, Василій Кириловичъ, стр. 113.
Трубецкій, князь Никита Юрьевичъ, стр. 66, 160.

У.

Убаши, намѣстникъ калмыцкаго ханства, стр. 126.
Уразлинъ, оренбургскій переводчикъ, стр. 31.
Уральскъ, см. Яицкій городокъ.
Урусовъ, князь Василій Алексѣевичъ, правитель оренбургскаго края, стр. 10, 11, 31, 83.
Уфа, городъ, стр. 85, 119, 120, 168.

Ф.

Фалькъ, академикъ, стр. 102, 119, 120.
Фирсовъ, пугачевскій полковникъ и крестьянинъ помѣщика Кондакова, стр. 144.
Флавій, Іосифъ, стр. 22.
Фрейманъ, Ѳедоръ Юрьевичъ, генералъ-маіоръ, стр. 132, 133, 136.
Фялпусъ, восточный писатель, стр. 31.

Ц.

Циши, китайскій писатель, стр. 126, 127.
Цёбекъ-Дорджи, калмыцкій владѣлецъ, 126.

Ч.

Черемисы, народъ, стр. 115.
Черкасовъ, баронъ Александръ, членъ-основатель Вольн. Экон. Общества, стр. 102.
Черкасскій, кн. Александръ Бековичъ, стр. 82, 83.
Черкасскій, князь Алексѣй Михайловичъ, канцлеръ, стр. 11.
Чернышевы, графы, члены-основатели Вольнаго Экономическаго Общества, стр. 102, 104.
Чингизъ, стр. 165.

Ш.

Шаппъ, аббатъ, стр. 45.
Шлецеръ, академикъ. Его замѣтка о прожектерахъ временъ Екатерины II, стр. 51. Его разборъ сочиненій Рычкова, 67, 75, 77, 78, 79. О перепискѣ его съ Рычковымъ и отзывъ о Шлецерѣ Тауберта, стр. 113, 114.
Штелинъ, академикъ. стр. 42, 106, 109.
Шуваловъ, Ив. Ив., стр. 50.
Шумахеръ, совѣтникъ академической канцеляріи. Письма къ нему Рычкова, стр. II, 26, 27. Отзывы Шумахера о Рычковѣ Татищеву 28, 29.

Щ.

Щербатовъ, князь Михаилъ Михайловичъ, стр. 121, 122.
Щербатовъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ, стр. 140, 141.

Э.

Эминъ, стр. 80.

Ю.

Юсуповъ, князь Борисъ, стр. 21, 166.
Юсупъ, князь ногайскій, родоначальникъ Юсуповыхъ, стр. 166.

Я.

Яицкій городокъ, стр. 85, 132, 133, 141, 142, 169.
Ярополкъ II, великій князь, стр. 21.

Ѳ.

Ѳеодосій, архіепископъ Новгорода и Пскова, стр. 25.

ПОПРАВКИ.

Стран.	*Напечатано.*	*Должно быть.*
6	Абуилъ-хаиръ	Абулъ-хаиръ.
9	Астраахни	Астрахани
17	именованованы	именованы
22	учиннть	учинить
23	разумѣли,	разумѣли.
29	нышнемъ	нынѣшнемъ
38	непечатана	напечатана
91	Комментаріяхъ	Комментаріяхъ,
97	шкуку	штуку
99	Erdbeer-Stauden	Erdbeer-Standen
102	самого	самаго
119	Вольфангъ	Вольфгангъ
128	коловратны	коловратно
128	изъ изъ другихъ	и изъ другихъ.
130	калмыхъ	калмыкъ
133	Астработомъ	Астрабатомъ
167	изъ разныхъ опи-	изъ разныхъ описа-
172	Царицынской липіи	Царицынской линіи.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 2.

ЛИТОВСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

СЪ ПЕРЕВОДОМЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

И. А. ЮШКЕВИЧА.

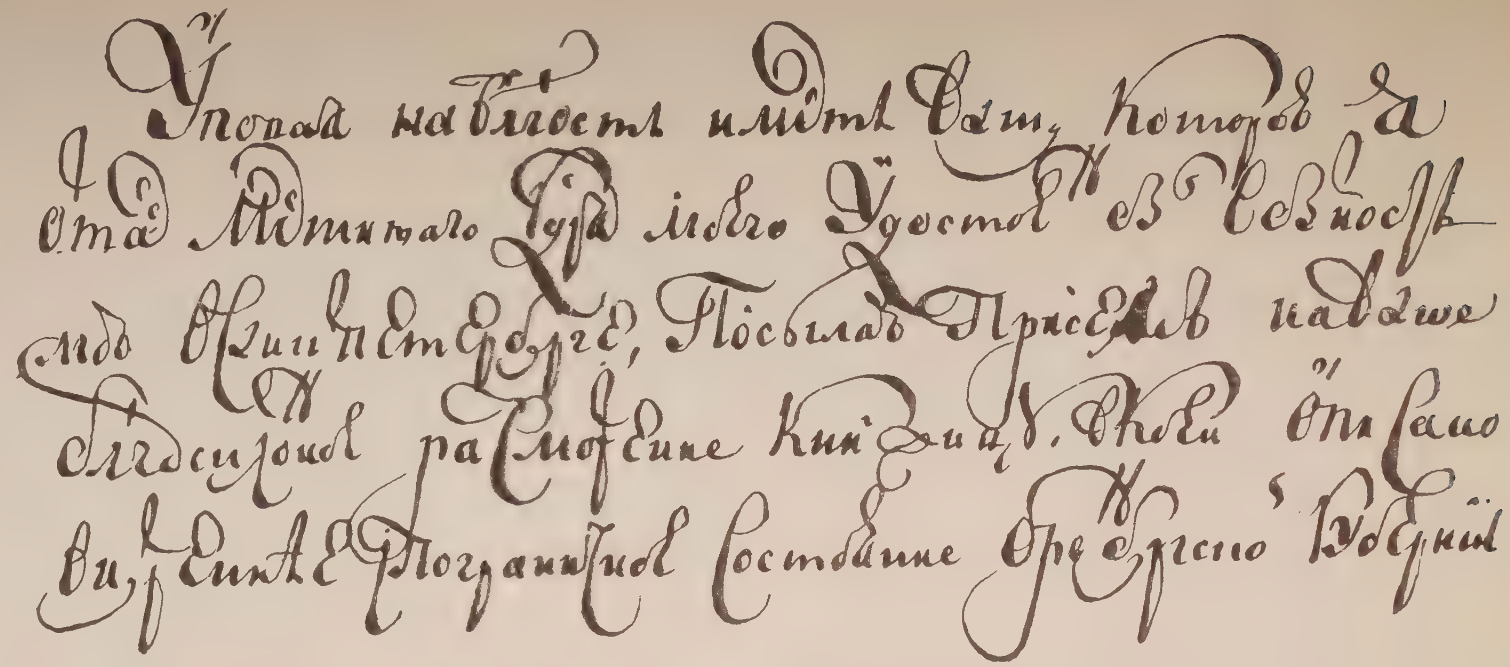
САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 8 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 6 Іюля 1867 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

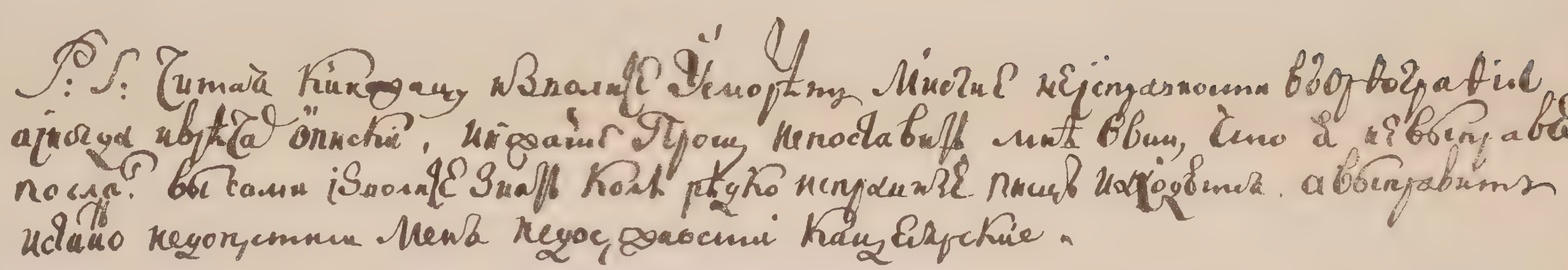
I.

Изъ письма Рычкова къ Ломоносову, 2 Февраля 1755 года.



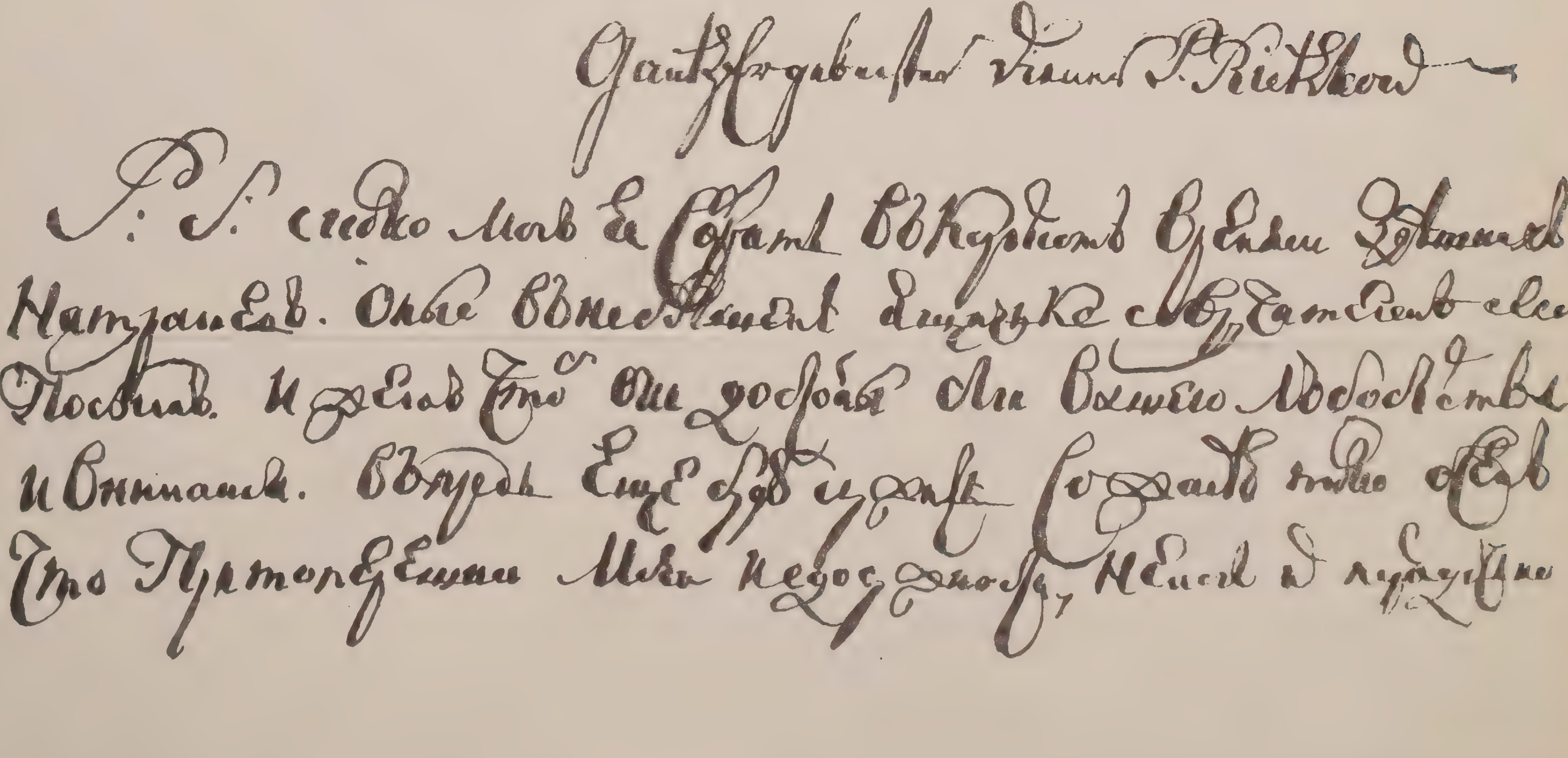
II.

Приписка къ предъидущему письму.



III.

Изъ письма Рычкова къ Г. Ф. Миллеру, 23 Іюля 1777 года.



Лит. Н. Бреге. С. П. Б. Больш. Мещ. прот. Ломбарда № 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		СТРАН.
1.	Атлек сакалас	5
2.	Ажӯле, ажӯлėлі	6
3.	Вој Дıеве, Дıеве	7
4.	Ко тујеј, кунįгėлі	10
5.	Ко тау тевутėлі	—
6.	Вој ту анжӯле, ужаунінке	11
7.	Ажумінė Јургєліс	13
8.	Ужмітіко уждєрėјė	14
9.	Гоштауте, гоштауте	15
10.	Бітутė, лінго	16
11.	Чıуто, чıутėле	17
12.	Nе жıурėкıет ант манęс	18
13.	Анксті рітą, рітєлį	19
14.	Шермукшнėліс гражус	20
15.	Ду баландıу клане гėрė	22
16.	Ауга бєржєліс ант кална	23
17.	Вісі бајорај	24
18.	Ką ту веркі, панєла?	25
19.	Мусу лінај несėті	26
20.	Ауга гірıо клєвєліс	29
21.	Діді дівај радос ір стебуклај	—
22.	Ужугіно тėус сунєлį	31
23.	Угін манę мотінėла	33
24.	Тетуші мано	—

25. Сėjau rutą 34
26. Сėд зуjкėліс пілкас 36
27. Oj ту, стразде, страдзėлі . . . . . —
28. Гėрıау алутį гэлтоną 38
29. По тėвėлıу вартајс . . . . . —
30. Вој діді, діді 39
31. Мергėлė, рудакėлė 40
32. Кукў гірıо гэгужėлė . . . . . —
33. Кą дірб жıобріс ругıусе 41

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ОПЫТЪ ПРИМѢНЕНІЯ РУССКОЙ АЗБУКИ КЪ ЛИТОВСКОМУ ЯЗЫКУ.

Звуковая сторона литовскаго языка, какъ языка кореннаго, имѣетъ свой отличительный характеръ, свои особенности, для выраженія которыхъ нужны и особенные буквенные знаки, приличные натурѣ литовскаго языка.

Но при этомъ не должно упускать изъ виду то обстоятельство, что литовскій языкъ раздѣляется на мѣстные говоры, которые хотя въ извѣстной степени и понятны всѣмъ литовцамъ, но при рѣчи о литовскомъ алфавитѣ нельзя однако оставить ихъ безъ вниманія; потому что литовскій алфавитъ изъ русскихъ буквъ, примѣненный къ одному какому-либо литовскому говору, былъ бы вполнѣ доступенъ только для извѣстной части литовцевъ, а не для всѣхъ, или по крайней мѣрѣ не для большинства ихъ, и могъ бы повести не-литовца къ невѣрному и одностороннему пониманію натуры и отличій литовскаго языка.

Живой литовскій языкъ раздѣляется на четыре мѣстныхъ говора: жмудскій или жямайтскій, восточно-литовскій, ейрёгольскій и прусско-литовскій. Въ звуковомъ отношеніи поименованные говоры представляютъ слѣдующія различія:

а) Звукъ ę (= ę у г. Шлейхера) въ жмудскомъ и прусско-литовскомъ говорахъ произносится какъ русское е, иногда съ

примѣсью звука а, въ восточно-литовскомъ же и ейрёгольскомъ— какъ ja (я). Напр. гєрс, хорошій; кєљс, дорога читается по-жмудски герс, кеље, по-литовски-же — гярс, кяљс.

б) Носовые звуки ą, ę, ę, į, ų во всѣхъ говорахъ въ извѣстныхъ случаяхъ сохранили свой носовой характеръ; въ жмудскомъ говорѣ часто они произносятся съ особенною силою.

в) Звукъ ў въ жмудскомъ читается какъ у, въ прочихъ литовскихъ говорахъ — какъ у͡о, а въ ейрёгольскомъ часто даже — какъ о. Напр. дўк дўнос, дай хлѣба, жямайты произносятъ дук дунос, литовцы же дуок дуонос и док донос.

г) Согласныя зубныя д и т въ жямайтскомъ говорѣ весьма часто, смягчаясь, не переходятъ въ д и ч. Напр. по-жмудски говорится: ант аугąтıо мєдıо, на растущемъ деревѣ, по-литовски-же — ант аугąчıо мєдıо.

д) Звукъ ıе (= ё г. Шлейх.) въ жмудскомъ говорѣ произносится какъ і протяжно, въ литовскихъ же говорахъ — какъ е также протяжно. Напр. вıена дıена, одинъ день, читается по-жмудски віна діна, по-литовски-же — вена дена.

е) Согласный звукъ j, заканчивая слогъ, въ жмудскомъ говорѣ часто отпадаетъ, въ литовскихъ же говорахъ удерживается. Напр. вајкај, дѣти; пеjлеj, ножи, по-жмудски говорится в'ака', пе'ле'.

ж) Вообще жямайты любятъ твердое произношеніе, литовцы же — мягкое. Такъ выраженіе: ір турıу реjкалą, жямайты читаютъ: ъір туру рэ'калą.

з) Отличительную черту восточно-литовскаго говора составляетъ господствующее употребленіе звука л (лъ) вмѣсто смягченнаго љ (ль). Напр. слова: саулė, солнце; аглė или эглė, ель; шірдєлėлė, сердечко, восточные литовцы читаютъ: саулэ, аглэ или эглэ, шірдєлэлэ.

Въ слѣдущемъ литовскомъ алфавитѣ изъ русскихъ буквъ, кромѣ звуковыхъ отличій литовскаго языка отъ русскаго, приняты еще во вниманіе означенные мѣстные литовскіе говоры. Всѣхъ литовскихъ буквъ 36. Онѣ суть:

Аа, Ąą, Ḃб, Вв, Гг, Дд, Ḑḑ, Ээ, Ее, Ėė, Єє, Ǝǝ, Ęę, Жж, Зз, Іі, Įį, ы, Јј, Кк, Лл, Љљ, Мм, Nн, Оо, Пп, Рр, Сс, Шш, Тт, Чч, Цц, Уу, Ų̆ų̆, Ŷŷ, ı.

Литовскіе звуки, которыхъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ, суть слѣдующія:

гласныя носовыя буквы: Ąą, Ǝǝ, Ęę, Įį, Ų̆ų̆,
гласныя: Ėė, Єє, Ŷŷ,
согласныя: Ḑḑ, Јј, Љљ,
смягчительный знакъ ı.

Они произносятся слѣдующимъ образомъ:

Носовое ą произносится въ ейрёгольскомъ говорѣ какъ французское en (ан), въ жмудскомъ большею частью какъ у͡н, иногда какъ о͡н, въ восточно-литовскомъ же большею частію какъ о͡н, рѣже какъ у͡н. Напр. рąстас, бревно; грąштас, буравъ, читаются по-ейрёгольски ра͡нстас, гра͡нштас, по-жмудски ру͡нстас, гру͡нштас, рѣже ро͡нстас, тро͡нштас, у восточныхъ же литовцевъ ро͡нстас, гро͡нштас, рѣже ру͡нстас, гру͡нштас.

Носовыя: твердое ǝ и мягкое ę произносятся какъ французское in, un. Напр. тęсти, тянуть; пęкі, пять.

Носовое į въ жмудскомъ говорѣ произносится съ особенной силой. Напр. грįшті, воротиться; лįсті, лезть; трįс, три.

Носовое ų также сохраняетъ носовой характеръ, въ особенности же у жямайтовъ. Въ словахъ напр. скųстıес, жаловаться; сıųсті, посылать, носовое ų произносится съ замѣтнымъ участіемъ носоваго органа.

Гласная ė (съ точкою сверху) произносится мягко, какъ русское е, но протяжно. Бėгті, бѣжать; гулėті, лежать, вėлас, поздній.

О произношеніи смѣшаннаго є и гласной ŷ смотри выше въ статьѣ о говорахъ буквы а и б.

Согласная ḑ состоитъ изъ д и ж; въ произношеніи они сливаются въ одинъ звукъ. Ḑıаугıŷс, радуюсь; ḑıусту, сохну.

Согласная ј представляетъ слѣдующія различія. Въ началѣ слога она облекаетъ гласную, какъ напр. въ словахъ јоју, ѣду

верхомъ; jаунас, молодой; Јонас, Иванъ (ёю, Яунас, Ёнас). Въ концѣ слога она замѣняетъ русское й съ краткимъ. Напр. эjну, иду; леjдаj, ты пустилъ; зуjкеj зайцы (эйну, лейдай, зуйкей). Въ срединѣ слога она имѣетъ значеніе русскаго ь въ словахъ: бью, пью, шью. Напр. бjаурус, гадкій; пjауну, рѣжу; пjуклас, пила (бьяурус, пьяуну, пьюклас).

Согласная л произносится какъ латинское или французское l. Напр. калбѐті, говорить; гульті, лечь; паколь, пока (кальбѐти, гульти, паколь).

Смягчительный знакъ ı (ı безъ точки) не выражаетъ никакаго звука. Онъ служитъ для смягченія согласныхъ въ сочетаніи ихъ съ гласными а, о, у, ў и двугласною ау, каковы напр. бıа, мıо, нıу, шıў, кıау и т. под. Напр. мıлу, люблю; дарıау, я дѣлалъ; шıокс, сякой; шıўми, симъ.

Знакъ ıе, образовавшійся изъ смягчительнаго знака ı, и гласной е (ıе = ё г. Шлейхера), въ жмудскомъ говорѣ произносится какъ і, протяжно, въ литовскихъ же говорахъ какъ е. Напр. пıева, лугъ; снıегс, снѣгъ жямайты читаютъ пива, снигс, литовцы-же — пева, снегс (ср. ст. о говорахъ бук. д).

Прочія буквы произносятся такъ какъ и въ русскомъ языкѣ.

Твердое ы встрѣчается только въ восточно-литовскомъ говорѣ. Такъ напр. въ 28 пѣсни 4 строфѣ мы читаемъ:

Аглынѐлі сѐдѐjау,
Аглынѐлі тупѐjау.
Аглынѐлі вajкѕлıус перѐjау.

Изъ нижеслѣдующихъ 34 пѣсенъ 14, 15, 16, 17, 18, 22, 27, 32, 33, 34 принадлежатъ къ жмудскому говору; 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 29, 30 и 31 — къ ейрёгольскому; а 1, 7, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26 и 28—къ восточно-литовскому.

Жмудскія пѣсни почти всѣ списаны отъ пѣсенницъ Колтынянскаго прихода, ейрёгольскія—близъ м. Ейрёголо, а восточно-литовскія — въ окрестностяхъ г. Поневѣжа.

1.

1. Атлек сакалас
Ант эжерѐлю,
2. Nус'лєjд сакалас
Ант эжерѐлю.
3. Таме эжере
Руту ловєлѐ.
4. Тоje ловєлѐ'
Гулі тѐвєліс.
5. Шоне тѐвєлю
Дукрєлѐ сѐде,
6. Галвą шукўje,
Плаукус лаjдоje.

* * *

7. Ко ту, тѐвєлі,
Далєс не скірі?
8. Ко ту, матула,
Крajтю не крауні?
9. Ко ту, бролєлі,
Лауку не лiдi?
10. Ко ту, сесула,
Jўсту не ауді?

* * *

11. Мѐнў-тѐвєліс
Далєлес скірѐ.
12. Саула-матула
Крajтєлį клоje.

Прилетаетъ соколъ
На озеро,
Спускается соколъ
На озеро.
На этомъ озерѣ
Руты *) гряда.
На этой грядѣ
Батюшка лежитъ.
Возлѣ батюшки
Дочка сидитъ,
Голову чешетъ,
Волосы распускаетъ.

* * *

Почему ты, батюшка,
Мнѣ доли не выдѣляешь?
Почему ты, матушка,
Приданаго не копишь?
Почему ты, братецъ,
Меня въ полѣ не провожаешь?
Почему ты, сестрица,
Кушаковъ не ткешь?

* * *

Мѣсяцъ–батюшка
Долю выдѣлялъ.
Солнце-матушка
Приданое готовила.

---

*) Рута, *растеніе*, принадлежность каждаго палисадника при литовскихъ избахъ.

13. Сѐтін *)-бролѐліс
Лауку лідѐје.
14. Жвајгждѐ-сѐсула
Јўстѐлес аудѐ.
15. Дѐ'мѐд— бернѐліс
Вајніка вітѐ.

Сетин-братецъ
Въ полѣ провожалъ.
Звѣзда-сестрица
Кушаки ткала.
Божье дерево — мой милый
Вѣнокъ сплеталъ.

2.

1 Ажўле, ажўлѐлі,
Карпіту лапѐлу,
Ко тује аугај?
Аш ір ужаугау
Відурі гірѐлѐс.
2. Ант ір атэјна
Трįс кіртујѐлеј
Жада тавę кірсті,
Шакѐлес гѐнѐті,
Струнѐлус струнўті:
Іш леменѐлю
Лентѐлес скальдіті,
Струнѐлус даріті.
3. Мотінѐлѐ сѐдѐс,
Су свѐтѐлеје кальбѐс.
Сѐд мано мочіутѐ,
Кај данґује саулѐ.
* * *
4. Ажўле, ажўлѐлі,
Карпіту лапелу,
Ко тује аугај?
Аш ір ужаугау
Відурі гірѐлѐс

О дубъ, дубочекъ,
Съ зубчатыми листьями,
Зачѣмъ ты росъ?
Я и выросъ
Посреди рощи.
Вотъ и приходятъ
Три дровосѣка.
Хотятъ тебя рубить,
Вѣтки обрубить
Утварь наготовить:
Изъ ствола
Досокъ напилить,
Утварь дѣлать.
Матушка будетъ сидѣть,
Съ гостями бѣседовать.
Сидитъ моя матушка,
Какъ на небѣ солнце.
* * *
О дубъ дубочекъ,
Съ зубчатыми листьями,
Зачѣмъ ты росъ?
Я и выросъ
Посреди рощи.

*) Сетінас, *созвѣздіе.*

5. Ант ір атэjна
Трįс картуjėлej
Жада тавę кірсті
Шакєлес гєнėті,
Струнєлыус струнўті:
Іш леменėлıо
Лентєлес скальдіті,
Струнєлыус даріті.

Вотъ и приходятъ
Три дровосѣка.
Хотятъ тебя рубить,
Вѣтки обрубить,
Утварь наготовитъ:
Изъ ствола
Досокъ напилить,
Утварь дѣлать.

6. Тėвутėліс сėдėс,
Су свєтєлejс кальбėс.
Сėд мано тėвутėліс,
Кај дангуje мėнўліс.

Батюшка будетъ сидѣть
Съ гостями бесѣдовать.
Сидитъ мой батюшка,
Какъ на небѣ мѣсяцъ.

* * *

7. Ажўле, ажўлėлі,
ір т. т.

О дубъ, дубочекъ,
и такъ далѣе.

Токıу павejзду саугėс į бролį, į свсę.

Такимъ образомъ поютъ къ брату, къ сестрѣ.

Į бролį гале:
Кај дангуje сėтинас
Į сıаję:
Кај дангуje жвајгждė.

Обращаясь къ брату на концѣ прибавляютъ:
Какъ на небѣ сėтінас.
Къ сестрѣ:
Какъ на небѣ звѣзда.

3.

1. Вој Дıеве, Дıеве,
Дıевулıау ману!
Во ір поварė
Ін крігą joті.

Ой Боже, Боже,
Боже мой милый!
Вотъ и велѣли
На войну выступать.

2. Ін крігą joті,
Жіргą балноті,
Ін крігą joті,
Жіргą балноті.

На войну выступать,
Коня сѣдлать,
На войну выступать,
Коня сѣдлать.

3. Тѐвєліс сєнас
Бролєліс мажас,
Рода нерода
Рејкс бролıуј јоті.

Батюшка старъ,
Братецъ малъ,
Хотя нехотя,
Надо брату ѣхать.

4. Вıена сєсєлѐ
Бролєлį ренгѐ
Антра сєсєлѐ
Жіргą балноју

Одна сестрица
Братца готовила,
Другая сестрица
Коня сѣдлала.

5. Во ші трєчıоjі,
Јаунıаусıоjі,
Бролєлıуј јојант,
Вартус аткѐлѐ.

А вотъ третья,
Самая младшая,
Уѣзжающему братцу
Ворота отворила.

6. Бролужѐлі!
Добілѐлі!
Во ką парнеші
Трім сєсєрѐлѐм?

Ты, мой братецъ,
Ты, голубчикъ!
Что ты принесешь,
Тремъ сестрицамъ?

7. Вıенај парнешıу
Ауксу жıедєлį,
Антрај парнешıу
Шілку кускєлę,

Одной принесу
Золотое кольцо,
Другой принесу
Шелковый платокъ,

8. Во шıај трєчıајај,
Шıај јаунıаусіајај,
Перлу вајніką,
Сідабру сегтą.

А этой третьей,
Самой-то младшей,
Жемчужный вѣнокъ,
Серебрянную пряжку.

9. Эјме, сєсєлѐс,
Ант аукштą калną,
Ант аукштą калną,
Бролєлį лаукті.

Пойдемте, сестрицы,
На холмъ высокій,
На холмъ высокій
Дожидаться братца.

10. Мєс парстовѐјом
Аукштą каљнєлį,
Мєс паррімојом
Ӯсıу творєлес.

Мы изстояли
Высокій холмикъ,
Мы истерли
Осинныя ограды.

11. Парбѣг жіргѣліс,
Паршукштўја
Шалѐ кільвѣлѐс
Парсвірўја.

Прибѣгаетъ конь,
Запыхиваётся,
Съ боковъ стремена
Перевѣшиваются.

12. Эјме, сѣсѣлѐс,
Жіргѣлį гаудіті,
Жіргѣлį гаудіти,
Бролѣлу клаусті.

Пойдемте, сестрицы,
Коня ловить,
Коня ловить,
О братцѣ спросить.

13. Жіргужѐлі!
Јўдбѐрѐлі!
Во кур падѐјеј
Мусу бролѣлį?

Конь нашъ милый!
Черногнѣденькій!
О куда ты дѣвалъ
Нашего братца?

14. Јусу бролѣліс
Крігужѐ кірстас,
Крігужѐ кірстас,
По коју мінтас.

Вашъ братецъ
Въ битвѣ изрубленъ,
Въ битвѣ изрубленъ,
Ногами попранъ.

15. Жіргужѐлі!
Јўдбѐрѐлі!
Во кај парбѐгај
Токį кѣлѐлį?

О конь нашъ милый!
Черногнѣденькій!
О какъ ты перебѣжалъ
Такую дорогу?

16. Дѣвінѣс упес
Плауктіе плаукіау,
Во шę дѣшімтą
Дугнужіу нѐрјау.

Девять рѣкъ
Плывя, я проплылъ,
А въ этой десятой
Ко дну я нырялъ.

17. Воj, оj, оj, Дѣве!
Дѣвулјау мусу!
Во кас мумс падѐс
Бролу гедѐті?

Вой, ой, ой, Боже!
Боже нашъ милый!
О кто намъ поможетъ
Оплакивать брата?

18. Саулѣлѐ рустѐ
Атсакідама:
Таj аш падѐсіу
Бролу гедѐті.

Солнышко скорбѣло
Отвѣчая:
Я помогу
Оплакивать брата.

Дєвінıус рітус	Девять утровъ
Міглужėј эјсıу,	Во мглѣ я пойду,
Во шį дєшімтą	А въ это десятое
Nej н'ужтєкėсіу.	Я и не взойду.

4.

Ко тујеј, кунįгелі*), судајчіо!	Что ты милый кунингъ, Судайчё!
Судајчіо, судајчıутėле!	Судайчё, судайчıутеле!
Ілгај памıегėлі?	Долго спалъ?
Мıėгą бемıегąтıем	Когда ты спалъ,
Ішкірто карєлıус,	Изрубили ратниковъ,
Ішпілė пілєлę.	Расхитили припасы.
Катро тау, кунįгėлі,	Чего тебѣ, милый кунингъ,
Даугıау пагајлėје?	Болѣе жалко?
Nе тајп гајла ман пілєлėс,	Не столь мнѣ жалко припасовъ,
Кај ман гајла карєлıу.	Сколько мнѣ жалко ратниковъ.
Аш пілєлę супіљсıу	Я припасы соберу
Двєјејс, трєјејс мєтєлејс,	Въ два, въ три года,
О карєлıу небужаугінсıу	А ратниковъ не выросчу
Nej дєшімтіс мєтєлıу.	И въ десять лѣтъ.

5.

Ко тау, тėвутėлі, судајчıо!	Что ты, батюшка, судайчё!
Судаучıо, судачıутėле!	Судаучё, судаучютеле!
Ілгај памıегėлі?	Долго ты спалъ?
Мıегą бемıегąтıем,	Когда ты сталъ,
Ужважıаво свєтелеј,	Наѣхали гости,
Ішвєжė Сунєлį.	Увезли Сына.
Катро тау, тėвутėлі,	Кого тебѣ, батюшка,
Даугıау пагајлėје?	Болѣе жалко?

*) Князь, старшій въ родѣ.

Ne tajп gajla man žirgėlio
Kajп man gajla sunėlio.
Aš žirgėlį nupirksiu
Ir pirmajsiajs mėtėlejs
O sunėlį nebužaugįsiu
Nej dėšimtis mėtėlių.

* * *

Ko tujej, motinėlė,
Ilgaj pamiegėlė?
Miegą bemiegątej,
Užvažiavo svetėlių,
Išvežė dukrėlę,
Ir dukrėlės krajtėlį.
Katro tau, motinėlė,
Daugiau pagajlėjė?
Ne tajп gajla man krajtėlo
Kaj man gajla dukrėlės.
Aš krajtėlį sukrausiu
Dvejejs, trejejs mėtėlejs,
O dukrėlės nebužaugįsiu
Nej dėšimtis mėtėlių.

Не столь жалко мнѣ коня
Какъ мнѣ жалко сына.
Я коня куплю
И въ первые *) годы,
А сына не вырощу
Ни въ десять лѣтъ.

* * *

Что ты матушка,
Долго спала?
Когда ты спала,
Наѣхали гости,
Увезли дочку,
И дочерино приданное.
Чего тебѣ, матушка,
Болѣе жалко?
Не столь жалко мнѣ приданнаго,
Какъ мнѣ жалко дочки.
Я приданное скоплю
Въ два, три года,
А дочки не вырощу
И въ десять лѣтъ.

6.

Voj tu, anžųle, užaunįnke,
Užavaj rįtą, vakarėlį,
Užavaj rįtą, vakarėlį,
Kol užaugįnaj dėvinės šakas
Kol užaugįnaj devinės šakas,
Vo šį dėšiatą viršunėlę
Visas dėvinės vėtružė lauže
Nor, Dieve, lajkik viršunėlę!

Ой ты, дубъ шумящій,
Ты шумѣлъ утромъ вечеромъ,
Ты шумѣлъ утромъ вечеромъ,
Пока выростилъ девять вѣтвей.
Пока выростилъ девять вѣтвей
И эту десятую вершину.
Всѣ девять буря сломала,
Сохрани, Боже, хоть вершину!

*) въ годъ, два.

5. Норс ір карвєлуј інсітупті,
Рітс, вакарєліс пабрукўті.

Хоть было бы гдѣ голубю присѣсть,
Утромъ вечеромъ поворковать.

* * *

6. Вој ту, тєвєлі, дусаунінке,
Дусавај рітą вакарєлі,
7. Дусавај рітą, вакарєлі,
Коль ужаугінај дєвінєс дукрас
8. Коль ужаугінај дєвінєс дукрас,
Во шį дєшімтą сунужєлі.
9. Вісас дєвінєс шалужę лєјдај,
Нор, Дієве, лајкік сунужєлі!
10. Норс ір жіргужіус павадіоті,
Смутną шірдєлę сурамінті.

Ой ты, батюшка вздыхающій,
Ты вздыхалъ утромъ, вечеромъ,
Ты вздыхалъ утромъ, вечеромъ,
Пока выростилъ девять дочерей,
Пока выростилъ девять дочерей,
И этого десятаго сына.
Всѣхъ девяти ты выпустилъ въ люди,
Сохрани, Боже, хоть сына.
Хоть было бы кому коней взнуздать
Печальное сердце утѣшить.

* * *

11. Вој ту, лепєлє, ужанінкє,
Ужавај рітą, вакарєлі,
12. Ужавај рітą, вакарєлі,
Коль ужаугінај дєвінєс шакас,
13. Коль ужаугінај дєвінєс шакас,
Во шę дєшімтą віршунєлę.
14. Вісас дєвінєс вєтружє лаужє,
Нор, Дієве, лајкік віршунєлę.
15. Норс, ір гєгутеј інсітупті,
Рітс, вакарєліс пакукўті.

Ой ты, липа шумящаа,
Ты шумѣла утромъ, вечеромъ
Ты шумѣла утромъ, вечеромъ,
Пока выростила девять вѣтвей,
Пока выростила девять вѣтвей,
Вотъ эту десятую вершину.
Всѣ девять буря сломала,
Сохрани, Боже, хоть вершину.
Хоть было бы гдѣ кукушкѣ присѣсть
Утромъ, вечеромъ, покуковать.

* * *

16. Вој ту, мочіутє, дусаунінкє,
Дусавај рітą, вакарєлі,
17. Дусавај рітą, вакарєлі,
Коль ужаугінај дєвінųс сунус,
18. Коль ужаугінај дєвінųс сунус,
Во шę дєшімтą дукружєлę.

Ой ты, матушка вздыхающая,
Ты вздыхала утромъ, вечеромъ,
Ты вздыхала утромъ, вечеромъ,
Пока выростила девять сыновей,
Пока выростила девять сыновей,
И эту десятую дочку.

19. Вісус дєвінıус вајскужį лєдај,	Всѣхъ девяти ты отправила въ войско,
Nор, Діеве, лајкік дукружėлę!	Сохрани, Боже, хоть дочку!
20. Nорс ір гальвєлеј пајıешкоті,	Хоть было бы кому головушку *поддержать*,
Смутną шірдєлą сурамінті.	Печальное сердце утѣшить.

7.

Ажумінė Јургєліс Мартєлеј мыслę.	Загадалъ Егорушка невѣсткѣ загадку.
Чıутєле, чіута, лінаго!	Чютеле, чюта, линаго!
Кас, тар, бėга, бėга бе којєлıу?	Кто, говоритъ, бѣжитъ, бѣжитъ безъ ногъ?
Кас, тар, ауга, ауга бе шакнєлıу?	Что, говоритъ, растетъ, растетъ безъ корней?
Кас, тар, јўдас, јўдас — недажітас?	Кто, говоритъ, черенъ, черенъ — непокрашенъ?
5. Кас, тар, балтас, балтас — невєлėтас?	Кто, говоритъ, бѣлъ, бѣлъ — невыбѣленъ?
Кас, тар, маргас, маргас — не рашітас?	Кто, говоритъ, пестръ, пестръ — невыкрашенъ?
Атамінė мартєлė Јургєле мįслę.	Отгадала невѣстка Егорушки загадку.
Ундєнėліс бėга, бėга бе којєлıу,	Водица бѣжитъ, бѣжитъ безъ ногъ,
Акменėліс ауга, ауга бе шаккєлıу,	Камень ростетъ, ростетъ безъ корней,
10. Варнєліс јўдас, јўдас — недажітас,	Воронъ черенъ, черенъ — некрашенъ,
Гуљбєлė балта, балта — невєлėта,	Лебедь бѣлъ, бѣлъ — невыбѣленъ,
Генєліс маргас, маргас — нерашітас.	Дятель пестръ, пестръ — невыкрашенъ.
Віса тава, Јургєлі, тава мįслė.	Вотъ вся твоя, Егорушка, загадка.

Примѣчанія. Послѣ каждой строки долженъ слѣдовать припѣвъ:

Чıутеле, чıута, лінаго; чютеле, чютıа, линаго.

8.

1. Ужмітіко, уждєрėје
Каљне рıешутėлеј,
Каљне рıешутај,
Кальне рıешутėлеј.

Удались, уродились
На горѣ орѣшки,
На горѣ орѣхи,
На горѣ орѣшки.

2. Nуміскı̨сіу, нубраукı̨сıу
Каљне рıешутėлıус,
Каљне рıешутус,
Каљне рıешутėлıус.

Я себѣ нащиплю, себѣ наберу,
На горѣ орѣшковъ,
На горѣ орѣховъ,
На горѣ орѣшковъ.

3. Сумідėјау, суміскінıау
Каљне рı̨ешутėлıу,
Каљне рıешуту.
Каљне рıешутėлıу.

Я себѣ набрала, себѣ нащипала,
На горѣ орѣшковъ,
На горѣ орѣховъ,
На горѣ орѣшковъ.

* * *

4. Ужмітіко, уждєрėје
Лауко добілėлеј,
Лауко добілај,
Лауко добілėлеј.

Удался, уродился
На полѣ трилистникъ,
На полѣ трилистникъ,
На полѣ трилистничекъ.

5. Nусėјė, нудулєно
Баљті бролутėлеј,
Баљті бролєлеј,
Баљті бролутėлеј.

Посѣяли, *завершили*
Бѣлые братцы,
Бѣлые братья,
Бѣлые братцы.

6. Nуміпјове, нутрашкєно
Лауко добілėлıус,
Лауко добілус,
Лауко добілėлıус.

Скосили, свалили
На полѣ трилистники
На полѣ трилистники,
На полѣ трилистнички.

7. Сумігрėбė, судулєно
Болтос сєсєрėлėс,
Балтос сєсутėс,
Балтос сєсєрėлėс.

Сгребли себѣ, *довершили*
Бѣлыя сестрички,
Бѣлыя сестрицы,
Бѣлыя сестрички.

8. Сумігрėбė, сумідėје
Лауко шıенєлı̨,
Лауко шıенєлı̨,
Лаукєле шıенєлı̨.

Сгребли, сложили
На полѣ сѣно,
На полѣ сѣно,
На полечкѣ сѣно.

* * *

2. Ужмітіко, уждєрėјė
Каљне ругєлеј,
Каљне ругєлеј,
Каљнєлі ругєлеј.
10. Nусėје, нудулєно
Балтос сєсєрėлėс,
Балтос сєсутėс,
Балтос сєсєрėлėс.
11. Nупјовė, нубрашкєно,
Балтос сєсєрėлėс,
Балтос сєсутėс,
Балтос сєсєрėлėс.

* * *

Удалась, уродилась
На горѣ ржица,
На горѣ ржица,
На горочкѣ ржица.
Засѣяли, *завершили*
Бѣлыя сестрицы,
Бѣлыя сестрицы,
Бѣлыя сестрички.
Скосили, свалили
Бѣлыя сестрички,
Бѣлыя сестрицы,
Бѣлыя сестрички.

Такимъ образомъ поется о пшеницѣ, ячменѣ и прочихъ посѣвахъ.

9.

Гоштауте, гоштауте!
Гоштауте рілıо!
Аш регıау
Дідıус дівус.
Лауке калнас.
5. Ант то кално
Ду бєржічıу
Двішакąтıу.
Ант ту бєржу
Дві гєгуті
10. Бекукўјент.
Мєс не гєлėс,
Тėво дукрėс.
Ко јус, дукрєлėс,
Грауđеј веркėт?

Гоштауте, гоштауте!
Гоштауто рилё!
Я видѣлъ
Великое диво.
На полѣ гора.
На этой горѣ
Двѣ березы
Съ двумя вѣтвями.
На этихъ березахъ
Двѣ кукушки
Себѣ кукуютъ.
Мы не кукушки,
Мы отца дочери.
Что вы, дочери,
Горько плачете?

Јог прірішо
Кајп прі стёбо
Ір імінё
Кајп į пурвą.
Клаусё бєрнасъ:
Кас тај стёбас?
— Јаунас бєрнас.
Кас тај пурвас?
— Варгюс дєнос.

Насъ привязали,
Ровно къ столбу,
И втоптали
Словно въ грязь.
Спрашивалъ молодецъ:
Что это за столбъ?
— Молодой мужъ.
Что это за грязь?
— Тяжелые дни.

10.

Бітутё, лінго!
Бітё, лінго лінаго!
1. Кас бітę мокё
Лінго, бітутё!
Ану гражıу мокслелıу?
Бітутё, лінго!
Бітё, лінго, лінаго!
2. Бітутіс мокё
Ану гражıу мокслелıу
Лінго, бітутё!
Бітё, лінго, лінаго!
3. Сıук, сıук, бітутё,
Анўс гражıус корєлıус.
Лінго, бітутё!
Бітё, лінго, лінаго!
4. Нешк, нешк, бітутё,
Анą салду мєдутį.

* * *

Свсулё, лінго лінаго!
Свјё, лінго лінаго!

Пчелка, линго!
Пчела, линго, линаго!
Кто пчелу выучилъ
Линго, пчелка!
Этому прекрасному искуству?
Пчелка, линго!
Пчела, линго, линаго!
Пчела-*самецъ* выучилъ
Этому прекрасному искуству.
Линго, пчелка!
Пчела линго лінаго!
Строй, строй, пчелка,
Эти прекрасные соты.
Линго, пчелка!
Пчела, линго, линаго!
Нсси, неси, пчелка,
Этотъ сладкій медъ.

* * *

Сестрица, линго!
Сестричка, линго, линато!

Кас сєсутę мокė
Лінго, сєсутė!
Ану гражıу дарбєлıу?
Сєсутė, лінго!
Сєjė, лінго, лінаго!
Мочıутė мокė
Ану гражıу дарбєлıу.
Лінго, сєсутė!
Сєjė, лінго, лінаго!
Верпк, верпк, дукрєлė,
Анус балтус линєлıус.
Лінго, сєсутė
Сєjė, лінго, лінаго!
Аўск, ауск, дукрєлė,
Анас плонас дробєлес:
Лінго, сєсутė!

Кто сестрицу выучилъ
Линго, сестрица!
Этимъ прекраснымъ работамъ?
Сестрица, линго!
Сестричка, линго, линаго,
Матушка выучила
Этимъ прекраснымъ работамъ.
Линго, сестрица!
Сестричка, линго, линаго!
Пряди, пряди, дочка,
Этотъ бѣлый ленъ.
Линго, сестрица!
Сестричка, линго, линаго!
Тки, тки, дочка,
Эти тонкія полотна.
Линго, сестрица!

11.

1. Чıуто, чıутєле!
Руто, рутєле!

Страздас тупėjė
Аглєлės віршунė.

Nе страздас тупėjė
Аглєлės віршунė;
Бролутіс стовėjė
Ант аукшто каљнєлıо,
Жіргєлį балноjė.

2. Кур jосі, бєрнелі,
Кур jосі, jаунасіс?
Пас саво мергелę.

3. Паклаусıу мергелės,
Паклаусıу рожелės:

Чюто, чютеле!
Руто, рутеле!

Дроздъ сидѣлъ
На вершинѣ ели.

Не дроздъ сидѣлъ
На вершинѣ ели;
Братецъ стоялъ
На высокомъ холмѣ,
Коня сѣдлалъ.

Куда поскачешь, мой милый,
Куда поскачешь молоденькій
Къ своей дѣвицѣ.

Спрошу дѣвицу,
Спрошу розочку:

	Бег мокі, мергєлė,	Умѣешь-ли, дѣвица,
	Бег мокі, рожєлė,	Умѣешь-ли, розочка,
	Двініту, тріниту,	Двунитныя, трехнитныя,
	Шєшніту, рашіту?	Шестинитныя, писанныя? *)
4.	Аш моку, бєрнєлі,	Я умѣю, мой милый,
	Аш моку, јаунасај,	Я умѣю, молоденькій,
	Двініту, тріниту,	Двунитныя, трехнитныя,
	Шєшніту, рашіту.	Шестинитныя, писанныя.
5.	Бег мокі, бєрнєлі,	Умѣешь-ли, мой милый,
	Бег мокі, јаунасај,	Умѣешь-ли, мой молодой,
	Јаутєлус пајунгті,	Воловъ запречь,
	Даљгєлус ішплакті?	Косы отбить?
6.	Аш моку, мергєлė,	Я умѣю, дѣвица,
	Аш моку, рожєлė,	Я умѣю, розочка,
	Јаутєлус пајунгті,	Воловъ запречь,
	Даљгєлус ішплакті	Косы отбить.

12.

	Nе журєкіет ант манęс панєлєс.	Не глядите на меня, дѣвицы,
	Ашај эсму жаљнєрју бєрнєліс.	Я солдатскій молодецъ.
	Жіба, твіска прієш аną шоблєлė.	Блеститъ, сверкаетъ на немъ сабля.
	Кајп аш јојау пар лігус лаукєлус,	Когда я скакалъ по ровнымъ полямъ,
5.	Ір прійојау ант тєво дварєло,	Я прискакалъ къ отцовской усадьбѣ,
	Ір прагідо тєвєло гајдєлеј	И запѣли батюшкины пѣтухи.
	Ар ман јоті, ар ман чіонај стоті?	Скакать-ли мнѣ, или здѣсь стать,
	Ар гајдєлју гледачіу клаусіті?	И пѣніе пѣтуховъ послушать?
	Ір прійојау ант жалę гірєлę.	И я прискакалъ къ зеленой рощѣ.

*) ткани ткать.

Чілба, вілба гірєлѣс паукштєлеj. Чирикаютъ, поютъ лѣсныя птички.

Ар ман joті, ар ман чіонај стоті? Скакать-ли мнѣ, или здѣсь стать,
Ар паукштєлıу чілбąчіу клаусіті? И пѣніе птичекъ послушать?
Nej ман joті, nej ман чіонај стоті, Ни мнѣ скакать, ни мнѣ здѣсь стать,
Nej пауштєлıу чілбąчıу клаусіті. Ни пѣнія птичекъ послушать.

Кајп ащ jojау пар жалę гірєлę, Когда я скакалъ по зеленой рощѣ,
Nусірєшкıау путіно шакєлę. Я себѣ сломалъ калиновую вѣтку,
Nе тıек чіонај путіно вўгєлıу, Не столько здѣсь калиновыхъ ягодъ,
Кіек ішбіра гајлıу ашарєлıу. Сколько вылилось горькихъ слезъ.

Стові вајскас, кај сауса нендрєлė, Стоитъ войско, какъ сухой тростникъ,
Лака кулкос, кај пілкос бітєлѣс, Летаютъ пули, какъ сѣрыя пчелки,
Грıува кунај, кај мішку шекштєлеj, Валятся тѣла, какъ лѣсные стволы,
Крінта галвас, кај мішку лапєлеj, Падаютъ головы, какъ лѣсныя листья,
Тєка крəујес, кај сраује упєлė. Течетъ кровь, какъ стремнистая рѣчка.

Мусу бролıо жіргас арцавојė, Нашего брата конь скакалъ,
Пулкорėлеj шалі мадравојė. Командиры возлѣ гарцовали.

13.

Анксті рітą, рітєлį Утромъ рано, раненько,
Шėрıау бėрą, жіргєлі, Я кормилъ гнѣдаго коня,
Ір ішгірдау баландėлį И я услышалъ голубя
Бėро жірго стајнєлі. Въ конюшнѣ гнѣдаго коня.

Та тај сєнас тетушіс То-то старый батюшка
Сунулајчıус будіна : Сыновей будилъ :

Кєљкıет, кєљкıет, сунулајчеј,
Бролєлį палідėті.

Встаньте, встаньте, сыновья,
Братца проводить.

3. Кад ішэјту бролэліс,
Тасај вісу мажıаусіс,
Кад памауту ман жіргєлį
Муштінıемс каманėлıемс.

Чтобы вышелъ братецъ,
Этотъ самый младшій,
Чтобы взнуздалъ мнѣ коня
Наборными уздами.

4. Кад ішэјту бролєліс,
Тасај мана вірıаусіс,
Кад балноту жіргєлį
Шıў тімінıу баљнєлıу.

Чтобы вышелъ братецъ,
Тотъ мой самый старшій,
Чтобы осѣдлалъ коня
Этимъ темноцвѣтнымъ сѣдломъ

5. Ант жіргєлıо седėдамос
Į кіљпєлį спірдамос:
Ір судıеву мотінėлеј
Ір мıелам тетушėлıуј!

На конѣ сидя,
Въ стремена опираясь:
И прощай, матушка,
И милый батюшка.

6. Про вартєлıус јодамас,
Кєпурėлę кєлдамас:
Ір судıеву бролужėлıемс
Ір вісај гімінėлеј!

Чрезъ ворота скача,
Шапку поднимая:
И прощайте, братцы,
И вся моя родня.

7. Кад аш јојау пар лауką,
Пар лігıўсıус лаукєлıус,
Спінда мана пінтінėліс,
Швıесıосėс падкавėлėс.

Когда я скакалъ по полю,
По ровнымъ полямъ,
Лучилась моя шпора
И свѣтлыя подковки

14.

1. Шєрмукшнėліс гражус,
Шермукшнėліс жалıас,
Шермукшнėлıо жалі лапај,
Раудонос ўгєлėс.

Рябинушка красивая,
Рябинушка зеленая
Рябинушки зеленыя листья,
Красныя ягоды.

* * *

2. Прашė манę піршті,
Прашė не ужміршті,

* * *

Просилъ меня сватать,
Просилъ не забыть,

Прашѐ клаусті, ішсіклаусті,
Ар мок верпті, аусті?

3. О бѣрнѣлі мана!
О јаунасіс мана!
Кас ішмокіс верпті, аусті,
Кад матушѐс нѣра.

4. О панѣлѐ мана!
О јауноји мана!
Кукў гіріој гѣгужѐлѐ,
О кас ана ішмокѐ?

5. О бѣрнѣлі мана!
О јаунасіс мана!
Ант то іра Дѣеву лѣјста —
Гірѣлѣј каукўті.

* * *

6. Прашу манѣ піршті.
Прашу не ужміршті,
Прашу клаусті, ішсіклаусті,
Ар мок арті, пјауті?

7. О панѣлѐ мана!
О јауноји мана!
Кас ішмокѐ арті, пјауті,
Кад тетушіо нѣра.

8. О, бѣрнѣлі мана!
О, јаунасіс мана!
Ульбаун гірѐј баландѐліс,
Кас ана ішмокѐ?

9. О, панѣлѐ мана!
О, јауноји мана!
Ант то іра Дѣеву лѣјста —
Гірѣлѣј ульбауті.

Просилъ спросить-распросить,
Умѣешь-ли прясть, ткать?

О молодчикъ мой!
О юный мой!
Кто выучитъ прясть, ткать,
Когда нѣтъ матушки.

О дѣвица моя!
О юная моя!
Кукуетъ въ рощѣ кукушка,
А кто ее выучилъ?

О молодчикъ мой!
О юный мой!
То ей Богомъ дано —
Въ рощѣ куковать.

* * *

Проситъ меня сватать,
Проситъ не забыть,
Просить спросить-распросить,
Умѣетъ-ли орать, косить?

О, дѣвица моя!
О, юная моя!
Кто выучитъ орать, косить,
Когда нѣтъ батюшки.

О, молодчикъ мой!
О, юный мой!
Воркуетъ въ рощѣ голубокъ,
Кто его выучилъ?

О дѣвица моя!
О, юная моя!
На то есть воля Божія —
Въ рощѣ ворковать.

15.

1. Ду баландіу клане гєрė — Два голубя въ лужѣ пили,
Бегєрдаму судумојо: — И, пивши, задумались:
Ар мумс гєрті, ар не гєрті? — Пить-ли намъ, или нѣтъ?
Ар спарнєлıус папласноті? — Иль крыльями похлопать?
Гєркıем, гєркıем, кајп пагєрсма, — Пьемте, пьемте, какъ напьемся,
Ір спарнєлıус папласносіем. — И крыльями похлопаемъ.

2. Ду бролєлıу келıу јојо — Два братца дорогой скакали,
Бејодаму судумојо: — И, скача, задумались:
Ар мумс јоті, ар не јоті? — Скакать-ли намъ, или не скакать?
Ар жіргєлıус нубалноті? — Иль коней разсѣдлать?
Јокıем, јокıем, кајп прijосıем, — Скачемте, скачемте, какъ прискачемъ,
Ір жіргєлıус нубалносма. — И коней разсѣдлаемъ.

3. Дві сєсєлі свірне сıува — Двѣ сестрицы въ клети шили,
Бесıудамас судумојо: — И, шивши, задумались:
Ар мумс сıуті, а не сıуті? — Шить-ли намъ, или не шить?
Ар не сıутус дованоті? — Или нешитое подарить?
Сıукıем, сıукıем, кајп пасıусма, — Шьемте, шьемте, какъ сошьемъ,
Ір пасıутус дованосма. — И сшитое подаримъ.

4. Дві бітєлі мєдą нєшė, — Двѣ пчелки медъ несли,
Бенешдамас судумојо: — И, несши, задумались:
Ар мумс нешті, ар не нешті? — Нести-ли намъ, или не нести?
Ар добілєс сувальгіті? — Или на дятлинѣ съѣсть?
Нешкıем, нешкıем, кајп парнешма, — Несемте, несемте, какъ принесемъ,
Ір парнєшус сувальгісма. — И, принесши, съѣдимъ.

5. Не јок, бролі, павасарі, — Не скачи, братецъ, въ весеннюю пору.
А јок, бролі, рудєнєлі, — А скачи, братецъ, въ осеннее время,
Кад бус алус падарітас, — Когда пиво будетъ сдѣлано,

Jауні свѣтej супрашіті; Молодые гости созваны,
Бус ругѣлej жальмесѣлѣс, Когда рожь будетъ въ росткахъ,
Жалюс рутос гарбаносе. Зеленыя руты въ кудряхъ.

16.

1. Ауга бѣржѣліс ант кална, Ростетъ береза на горѣ,
Во цо тў бѣржѣлу, во по тў бѣржѣлу, А подъ той березой, а подъ той березой,
Во по тў бѣржѣлу бѣрнѣліс. А подъ той березой молодчикъ.
Шіва кепурѣлѣ лізгѣjѣ, Свѣтлая шапка ярилась,
Бѣржу лапѣлej блізгѣjѣ. Листья березы блестѣли.

2. Атjој девіні пар лауką, Пріѣзжаетъ девять черезъ поле,
Девіні бѣрнѣлej, девіні бѣрнѣлej, Девять молодчиковъ, девять молодчиковъ,
Девіні бѣрнѣлej пар лауką. Девять молодчиковъ черезъ поле.

3. Сурішо жіргус прі жюгрю, Привязали коней къ палисаднику.
О патіс бѣрнѣлej, о патіс бѣрнѣлej, А сами молодчики, а сами молодчики,
О патіс бѣрнѣлej—į свірną. А сами молодчики — въ клеть.

4. Ішлаужѣ жіргај жюгрѣлус, Разломали кони палисадникъ,
О патіс бѣрнѣлej, о патіс бѣрнѣлej, А сами молодчики, а сами молодчики,
О патіс бѣрнѣлej рутѣлес. А сами молодчики руты.

5. Бѣгсіу пар кіемą текіна, Побѣгу черезъ дворъ бѣгомъ,
Скунсіўс матушѣлej, скунсіўс матушѣлej, Буду жаловаться матушкѣ, буду жаловаться матушкѣ,
Скунсіўс матушѣлej вергдама. Буду жаловаться матушкѣ съ слезами.

6. Атжелс вішнѣлѣс іш шакну, Выростутъ вишни изъ корней,
О жалюс рутѣлѣс, о жалюс рутѣлѣс, А зеленыя руты, а зеленыя руты,
О жалюс рутѣлѣс іш груду. А зеленыя руты изъ зеренъ.

7.	О Ку *) ту теjп смутна,	Отчего ты такъ грустна,
	О ку ту теjп смутна, о ку ту теjп смутна,	Отчего ты такъ грустна, отчего ты грустна,
	О ку ту теjп смутна вајкшчіоjі?	Отчего ты такъ грустна гуляешь?
8.	Ар лаукі канклу скąбąчіу,	Ждешь-ли ты гуслей звучащихъ,
	Арба музікėлу, арба музікėлу,	Или музыкантовъ, или музыкантовъ
	Арба́ музікėлу гріжąчіу?	Или музыкантовъ играющихъ?
9.	Nej лаукіу канклу скąбąчіу,	Ни я жду гуслей звучащихъ,
	Nej музікėлу, nej музікėліу,	Ни музыкантовъ, ни музыкантовъ,
	Nej музікėлу гріжąчіу.	Ни музыкантовъ играющихъ.
10.	Лаукіу бролєлį парjојент;	Я жду братца скачущаго;
	Парнеш ваjнікėлį, парнеш ваjнікėлį,	Онъ приноситъ вѣнокъ, онъ приноситъ вѣнокъ,
	Нарнеш ваjнікėлį, паршвітрў.	Онъ приноситъ вѣнокъ, ужъ мелькаетъ.

17.

1.	Вісі бојорај	Всѣ дворяне
	Į Рįгą јоја,	Въ Ригу скачутъ,
	Мусу бролєлеj	Наши братцы
	Жіргą балноја.	Коня сѣдлаютъ.
2.	Ој, дievулėлау!	Ахъ, Боже мой!
	Нiера кам јоті,	Не кому скакать.
	Бролєліс мажас,	Братецъ малъ,
	Тетушіс сєнас.	Батюшка старъ.
3.	Ој, дievулėлау!	Ахъ, Боже мой!
	Nіера кам јоті,	Не кому скакать,
	Nіера кам јоті,	Не кому скакать,
	Жіргą балноті.	Коня сѣдлать.

*) Ку Жям. вм. кą.

4. Ант аукшта кална
Ауга лепелė,
По та лепеле
Стікла лангėліс.

На высокой горѣ
Ростетъ липа,
Подъ тою липой,
Стеклянное окошко.

5. Аш прастовėjау
Каљне ленкėлę,
Аш пражіурėjау
Стікла лангėлį.

Я изстояла
На горѣ долину,
Я изглядѣла
Стеклянное окошко.

6. Парбėг жіргėліс
Пар жалę ланкą,
Свірў кіљпėлė
Шалė жіргėлį.

Прибѣгаетъ конь
По зеленому лугу,
Качается стремя
Съ боку коня.

7. Кірта галъвėлę,
Кајп капустėлę;
Вірст леменėліс.
Кајп анжўлėліс.

Рубили головы,
Какъ капусту;
Валится туловище,
Какъ дубъ.

18.

1. Кą ту веркі, панėлə?
Кą ту веркі, јауноји?
Прісіверксі ріто дieną,
Кад паліксі тујен вiена.

Что ты плачешь, дѣвица?
Что ты плачешь, молодая?
Наплачешься завтра днемъ,
Когда останешься ты одна.

2. Неберасі тетушіа,
Ані сєнос матушёс,
Неберасі вајнікėлį
Уж гєлтону касєлу

Не найдешь батюшки,
Ни старой матушки,
Не найдешь вѣнка
За русыми косыньками.

3. Накті мiегą не мiегојо
Ваљгіті не галėјо,
Кад пар такį ілгą чёсą
Тавęс не регėјо.

Ночью она не спала,
Кушать не хотѣла,
Такъ какъ долгое время
Тебя не видала.

4. Ауга кіеме клєвєліс,
По тетушіа вартєлеjс;
По тў жалıу клєвслајчıу
Гуль бєрнєліс јаунасіс.

Растетъ на дворѣ кленъ
У батюшкиныхъ воротъ;
Подъ этимъ зеленымъ кленомъ
Лежитъ молодой мой милый.

5. Пуск памажі, вејєлі,
Nе пајудік клєвєло
Nе појудік клєвєлајчіо,
Nе пабудік бєрнєло.

Дуй тихонько, вѣтерокъ,
Не качай кленышка,
Не качай кленышка,
Не разбуди моего милаго.

6. Пасікѐла вѐјєліс,
Јудін клєво шакєлэс
Јудін клєво шакітѐлас,
Будін јауна бєрнєлі,

Поднялся вѣтерокъ,
Качаетъ клена вѣтки,
Качаетъ клена вѣтки,
Будитъ юнаго голубчика.

7. Јанкєті рітą, рітєлі
Крінт ну клєво расєла,
Кринт ір мано ашарѐлас
Пар шį скајстą вејдєлі.

Рано утромъ, раненько,
Падаетъ съ клена роса,
Падаютъ и мои слезы
По этому ясному лицу.

19.

1. Мусу лінај не сѐті,
Дар лінєлэј не сѐті.
Дајлілıу, дајлілıу,
Дајлілıуте, дајлілıу.

Нашъ ленъ не посѣянъ,
Еще ленокъ не посѣянъ.
Дайлилю, дайлилю,
Дайлилюте, дайлилю.

2. Пасѐс мум бролıукај,
Пасѐс мум јаунєјі.
Дајлілıу, дайл. . . .

Посѣютъ намъ братцы,
Посѣютъ намъ молодые.
Дайлиллю, дайл. . . .

3. Мусу лінај не рауті,
Дар лінєлэј не рауті.
Дајлілıу, дајл. . . .

Нашъ ленъ не сорванъ,
Нашъ ленокъ не сорванъ.
Дайлилю, дайл. . . .

4. Мум нураус сєсутѐс,
Мум нураус јауносюс.
Дајлілıу дајл. . . .

Намъ сорвутъ сестрицы,
Намъ сорвутъ молодыя.
Дайлилю, дайл. . . .

5. Мусу лінај не вешті,
Дар лінєлэј не вешті.
Дајлілу, дајл. . . .

Нашъ ленъ не свезенъ,
Еще ленокъ не свезенъ.
Дайлилю, дайл. . . .

6. Парвеш мум бролукај,
Парвеш мум јаунеји.
Дајлілу, дај. . . .

Привезутъ намъ братцы,
Привезутъ намъ молодые.
Дайлилю, дайл. . . .

7. Мусу лінај не каршті,
Дар лінєлэј не каршті.
Дајлілу, дајл. . . .

Нашъ ленъ не обитъ,
Еще ленокъ не обитъ.
Дайлилю, дайл. . . .

8. Мум нукарш бролукај,
Мум нукарш јаунеји.
Дајлілу, дајл. . . .

Намъ объютъ братцы,
Намъ объютъ молодые.
Дайлилю, дайл. . . .

9. Мусу лінај не мєркті,
Дар лінєлэј не мєркті.
Дајлілу, дајл. . . .

Нашъ ленъ не моченъ,
Еще ленокъ не моченъ.
Дайлилю, дайл. . . .

10. Мум памєркє бролукај,
Мум памєркє јаунеји.
Дајлілу, дајл. . . .

Намъ помочутъ братцы,
Намъ помочутъ молодые.
Дайлилю, дайл. . . .

11. Мусу лінај не клоті,
Дар лінєлэј не клоті.
Дајлілу, дајл. . . .

Нашъ ленъ не постланъ,
Еще ленокъ не постланъ.
Дайлилю, дайл. . . .

12. Мум паклос сєсутєс,
Мум паклос јајносіос
Дајлілу, дајл. . . .

Намъ постелютъ сестрицы,
Намъ постелютъ молодыя.
Дайлилю, дейл. . . .

13. Мусу лінај не імті,
Дар лінєлэј не імті.
Дајлілу, дајл. . . .

Нашъ ленъ не убранъ,
Еще ленокъ не убранъ.
Дайлилю, дайл. . . .

14. Мум суімс сєсутєс,
Мум суімс јоуносіос.
Дајлілу, дајл. . . .

Намъ уберутъ сестрицы,
Намъ уберутъ молодыя.
Дайлилю, дайл. . . .

15. Мусу лінај не вешті,
Дар лінєлэј не вешті.
Дајлілу, дајл.

Нашъ ленъ не свезенъ,
Еще ленокъ не свезенъ.
Дайлилю, дайл. . . .

16. Мум парвещ бролукај,
Мум парвеш јауніеји.
Дајлілу, дајл. . . .

Намъ свезутъ братцы,
Намъ свезутъ молодые.
Дайлилю, дайл. . . .

17. Мусу лінај не мінті,
Дар лінєлэј не мінті.
Дајлілу, дајл. . . .

Нашъ ленъ не мятъ,
Еще ленокъ не мятъ.
Дайлилю, дайл. . . .

18. Мум ішмінс бролукај,
Мум ішмінс јауніеји.
Дајлілу, дајл. . . .

Намъ сомнутъ братцы,
Намъ сомнутъ молодые.
Дайлилю, дайл. . . .

19. Мусу лінај не плукті,
Дар лінєлэј не плукті.
Дајлілу дај....

Нашъ ленъ не чесанъ,
Еще ленокъ не чесанъ.
Дайлюли, дайл. . . .

20. Мум нуплукс сєсутєс,
Мум нуплукс јауносіос.
Дајлілу дај. . .

Намъ вычешутъ сестрицы,
Намъ вычешутъ молодыя.
Дайлюли, дайл. . . .

21. Мусу лінај не верпті.
Дар лінєлэј не верпті.
Дајлілу дај. . . .

Нашъ ленъ не пряденъ,
Еще ленокъ не пряденъ.
Дайлилю, дайл. . . .

22. Мум суверпс сєсутєс,
Мум суверпс јауносіос.
Дајлілу дај. . . .

Намъ спрядутъ сестрицы,
Намъ спрядутъ молодыя.
Дайлилю, дайл. . . .

23. Мусу дробєс на аустос
Дар дробєлєс не аустос.
Дајлілу дал. . . .

Наши полотна не тканы,
Еще полотна не тканы.
Дайлилю, дайл. . . .

24. Мум ішаус сєсутєс,
Мум ішаус јауносіос.
Дајлілу дај. . . .

Намъ соткутъ сестрицы
Намъ соткутъ молодыя.
Дайлилю, дайл. . . .

20.

1. Ауга гіріо клєвєліс,
Пагірėје ужалėліс.
Ој угін, угін матітė дукрėлэ,
Кај даржėлэ рутелэ.

Растетъ въ рощѣ кленышекъ,
Возлѣ рощи дубокъ.
Ой раститъ, матушка, дочку,
Какъ руту въ палисадникѣ.

2. Эјн матутė пар двара,
Дукрєла прıе шалалэс;
Ој нежадėк манę, мотінėла,
Да аш јауна дукрєла.

Идетъ матушка чрезъ дворъ,
Дочка возлѣ нея.
Ой не выдавай меня, матушка,
Еще я молодая дочка.

3. Да не вершıу лінєлıу,
Ne ішаудıу дробєлıу,
Ој да не сėју даржєлі рутєлıу,
Ne пінıау вајнікėлі.

Еще и не пряду льна,
Не могу ткать полотна,
Ой еще я не сѣю въ саду руты,
Не сплела вѣнка.

4. Ішэјо васарėла,
Атєјна рудєнėліс,
Ој атјоја јаунıејі свєтєлеј
Пас мано дуктєрėлėс.

Минуло лѣто,
Приходитъ осеннее время,
Пріѣзжаютъ молодыя гости
Къ моей дочкѣ.

5. Ір суверпıау лінєлıус,
Ір ішаудıау дробєлас,
Ој аш пасėјау даржєлі рутєлэс
Nупініад вајнікėлі.

И я отпряла ленъ,
И выткала полотна,
Ой я посѣяла въ палисадникѣ руты,
Я сплела вѣнокъ.

6. Кў сėді уж стало?
Кў жıурі пар лангєлі?
Ој арцавоја јўдбėрас жіргєліс
Ант аукштојо каљнєлıо.

Что ты сидишь за столомъ?
Что смотришь въ окошко?
Ай играетъ черногнѣдый коникъ
На высокомъ холмѣ.

21.

1. Діді дівај радос ір стебуклај,
Кад васарą эжерај ужшало.
Кур гірдісма бėрўсıус жіргєлıус?

Великое диво и чудеса явились,
Что лѣтомъ озера замерзли.
Гдѣ мы будемъ поить гнѣдыхъ коников?

Кур нушвіесма аукєу пінтінѐлес? — Гдѣ почистимъ золотыя стремена.

2. Тєк саулєлѐ жемę жібурдама, — *Восходитъ солнце, землю освѣщая,*
Ужсілєjда лєдą тірпідама; — *Закатывается, ледъ расплавляя;*
Відурѐлі жіргєлус гірдісма, — Въ срединѣ будемъ коней поить,
Пакраштєлѐ піптінѐлус швіесма. — На берегу стремя чистить.

3. Аш непрастас татушю сунєлє, — Я не простой батюшкинъ сынъ,
Аш непрастą скірєу сау панєлę; — Я не простую возму себѣ дѣвицу:
Іш Палангос пірксіу сау жіргєлį, — Въ Палонгѣ куплю себѣ коня,
Іш бајору імєіу сау панєлę, — Изъ боярскаго роду возму себѣ дѣвицу.

4. Жвенг жіргєліс Палангос мѐстєлѐ, — Ржетъ конь въ городкѣ Полонгѣ,
Верк мергєлѐ бајору шалѐлѐ; — Плачетъ дѣвица въ околодкѣ дворянскомъ;
Аш жіргєлуј дўсіу авіжѐлу, — Я коню дамъ овсеца,
О панєлеj руту вајнікѐлį. — А дѣвицѣ рутовый вѣнокъ.

5. Аш жіргєлį į кітą мајніс1у, — Я коня на другаго помѣняю,
О панєлę тą пачią маљдісіу; — А дѣвицу ту самую буду *любить*;
Кад аш јојау пар жалę гірєлę, — Когда я скакалъ по зеленой рощѣ
Пасілаужіау путєлю шакєлę. — Я выломалъ себѣ калиновую вѣточку.

6. Nе тіек іра путєлу ўгєлу, — Не столько на ней калиновыхъ ягодъ,
Кіек тęн кріто граудіу ашарѐлу. — Сколько тутъ падало горькихъ ея слезъ.

22.

1. Ужугіно тѣус сунєлį,
Пожадѣjо į вајскєлį
Пар вартус ішjодамс,
Галъвєлę палінкдамс:

Выростилъ отецъ сына,
Назначилъ его въ войско.
Выѣзжая черезъ ворота,
Голову склоняя:

2. Судєу мielај мотінѣлеj
Ір сєнам тетушѣлуj!
Пар уліčę jодамс,
Баљсєлу раудодамс:

Прощай, милая матушка,
И старый батенька!
По улицѣ скача,
И громко плача:

3. Судєу мано сєсутѣлај
Ір вісом гімінѣлом
Палідѣк, панітѣла,
Пар шу̊с лігу̊с лаукєлус.

Прощай, моя сестрица,
И вся моя роденька!
Проводи, красная дѣвица,
По этимъ равнымъ полямъ.

4. Пар лаукєлį лідѣјау,
Меjлус жодлус кальбѣјау:
Ар сугріші, бєрнужѣлį,
Шіам мielам руденѣлі?

По полю я проводила,
Милыя слова я говорила:
Воротишься-ли, добрый молодецъ,
Въ эту милую осень?

5. Гріштіе галь не сугрішіу,
Ланкітіе не ланкісіу,
Атрашісіу громатѣлę
Сідабро печентѣлэ.

Воротиться-то не ворочусь,
Посѣтить-то не посѣщу;
Напишу грамоту
Съ серебряною печаткою.

6. Паду̊к mielај матутеj
Ір сєнам тетушѣлуj,
Паду̊к мано панітѣлај
Шеj меjлоjеj шірдєлэj.

Отдай милой матушкѣ,
И старому батюшкѣ,
Отдай моей красной дѣвицѣ,
Этому милому сердечку.

7. Парскајта мотінѣла
Ір сєнс тетушѣліс,
Не парскајте панітѣла;
Суграудіно шірдєлэ.

Прочитала матушка,
И старый батюшка,
Не прочитала красная дѣвица;
Огорчило ей сердечко.

8. Кад аш эјау ант содо,
Ант шіо жалюо содєлю,
Чіаушка соде лакштінгєла—
Nебіер мано бєрнєлю.

Когда я пошла въ садъ,
Въ этотъ зеленый садикъ,
Щебечетъ въ саду соловьюшка —
Нѣтъ моего милаго.

9. Кад аш эјау ант лауко,
Ант шіос лігіос лаукєлєс;
Аре лауко артојєлеј —
Nебіер мано бєрнєлю.

Когда пошла на поле,
На это ровное поле,
Пашутъ въ полѣ пахари —
Нѣтъ моего милаго.

10. Кад аш эјау ант гірєс,
Ант шіос жалюс гірєлэс;
Кукўј гірю гєгутєлас —
Nебіер мано бєрнєлю.

Когда я пошла въ рощу,
Къ эту зеленую рощу;
Кукуютъ въ рощѣ кукушки —
Нѣтъ моего милаго.

11. Кад аш эјау ант ланкос
Ант шіос жалюс ланкєлэс;
Пјауна шіенą шіеншјовєлеј—
Nебіер мано бєрнєлю.

Когда я вышла на лугъ,
На этотъ зеленый лугъ;
Косятъ траву косари —
Нѣтъ моего милаго.

12. Кад аш эјау ант стајнєс,
Ант жіргєлю стајнєлэс,
Ір жіргєлю јўдрєрєлю —
Nебіер мано бернєлю.

Когда я пошла въ конюшню,
Въ конюшню милаго коня,
И коня черногнѣдаго —
Нѣтъ моего милаго.

13. Кад аш эјау ант даржо,
Ант рутєліу даржєлю,
Ір рутєлу, лелијєлу —
Nебіер мано бєрнєлю.

Когда я пошла въ палисадникъ,
Въ рутовый палисадникъ,
И рутовый и лилейный —
Нѣтъ моего милаго.

14. Ціт не верк, дукрєла,
Nе раудок, јаунојі,
Атэјс шалтас рудєнєліс,
Атјос кітс ір бєрнєліс.

Тише, не плачь, доченька,
Не сѣтуй, молодая,
Придетъ холодное осеннее время,
Пріѣдетъ другой и молодчикъ.

15. Кад ір шімтас бєрнєлу
Кад ір антрас шімтєліс, —
Nе нурамінс ман шірдєлэс,
Кајп тас вієнс бєрнєліс.

Ежели-бъ и сто молодчиковъ,
Ежели-бъ и другая сотня, —
Не успокоятъ мнѣ сердечка,
Какъ этотъ одинъ, мой миленькій.

23.

1. Угін манę мотінėла,
   Угін манę мажулялę.
2. Угіндама мотінėла
   Дідєль варгą ір турėјо.
3. Nактį мєгą не ужміго,
   Дієнą дарбą не падірбо.
4. Nактį ранкас нугулėјо,
   Дієнą кєлус нусėдėјо.
5. Ір ужугус мотінėла
   Ір палајдė памарėлен.
6. Памарėлė вајкшчіодама,
   Угітėлас ранкіодама;
7. Сальдас вўгас сербентėлу,
   Да сальдеснес жємўгєлу.
8. Мілі манę тетушėліс,
   Лабіау мілі мотінėла.
9. Скінтау, пінтау вајнікėлį
   Трію даржу жолінėлу.
10. Шіт атјоја тріс бєрнєлеј
    Дėль то вієно вајнікėліо.
11. Дўк, матутė, свечіам мідаус,
    Nе дўк мано вајнікėлį.
12. Брангус мано вајнікėліс
    Трію даржу жолінėлу.

Ростить меня матушка,
Ростить меня маленькую.
Ростя меня, матушка
Большое горе имѣла.
Ночью глазъ не сомкнула,
Днемъ отъ работы отрывалась,
Ночью руки отлежала,
Днемъ колѣни отсидѣла.
И выростила матушка,
И пустила на взморье.
По взморью гуляя,
Ягодки я собирала;
Сладкія ягоды черной смородины,
Еще слаще земляники.
Любить меня батюшка,
Еще больше — матушка.
Я рвала *цвѣтки*, я плела вѣнокъ
Изъ цвѣтковъ трехъ садовъ.
Вотъ скачутъ три красавца
За этимъ однимъ вѣнкомъ.
Дай, матушка, гостямъ меду,
Не давай моего вѣнка.
Дорогъ мой вѣнокъ
Изъ цвѣтковъ трехъ садовъ.

24.

1. Тетуші мано!
   Сєнс тėвутėлі!
   Катрą дўсі ман жіргєлį
   Пас панєлą јоті?
2. Сунуті мано!
   Діді артојėлі!

Батюшка мой!
Старый батенька!
Котораго дашь ты мнѣ коня
Скакать къ красной дѣвицѣ?
Сынокъ мой!
Ты большой пахарь!

Шірвą, жіргą, дімо балнą —
Пас панєлą јоті.
3. Пар лаукєлį јојау,
Вėјєліс шіраво,
Кај ужмінıау акменėлį
Угнєла жібėјо.
4. Пар гірєлə јојау,
Гірєла скамбėјо,
Вісу мєдįу раса кріто
Ант мано жіргєлıо.
5. Ант лауко ішјојау,
Саулала тєкėјо,
Вісу мєдıу раса дıуво,
Ант мано жіргєлıо.
6. Ант дварєлıо јојау,
Ант мурəлıу шовıау,

Кад не жіргас, кад не балнас,
Буче патс прапўлęс.
7. Ішəјн панітėла
Іш аукшто свірнəлıо
Манę јауną мілėдама,

Жірго пріəјдама:
8. Веск жіргą ант стајнıос,
Балнą інг пакајў,
Манę јауną бєрнужėлį
Ант аукшто свірнєлıо.

Сиваго коня, красное сѣдло —
Скакать къ красной дѣвицѣ.
Черезъ поле я скакалъ,
Вѣтерокъ шумѣлъ,
Когда на камышекъ наступалъ,
Огонекъ сверкалъ.
Черезъ рощу я скакалъ,
Въ рощѣ гудѣло,
Со всѣхъ деревьевъ роса падала
На моего коня.
На поле я выѣхалъ,
Солнышко всходило,
На деревьяхъ роса осыхала,
И на моемъ коникѣ.
На барскій дворъ я скакалъ,
Въ каменную стѣну я выстрѣлилъ.
Ежелибъ не конь, ежели бъ не сѣдло,
То я бы пропалъ.
Выходитъ красная дѣвица
Изъ высокой клети,
Меня молодаго съ любовью встрѣчая,
И къ коню подходя:
Веди коня въ конюшню,
Неси сѣдло въ горницу,
Меня юнаго молодчика
Веди въ высокую клеть.

25.

1. Сėјау рутą, сėјау мėтą,
Сėјау лелijėлą,
Сėјау саво јаунас дıенас
Драуге су рутєлəм.

Я сѣяла руту, я сѣяла мяту,
Я сѣяла лилію,
Я посѣяла свои юные дни
Вмѣстѣ съ рутою.

2. Діго рута, діго мѣта,
Діго лелійѣла.
Діго мано јаунос дienос
Драуге су рутѣлэм.

Взросла рута, взросла мята,
Взросла лилія,
Взросла моя молодость
Вмѣстѣ съ рутою.

3. Ауго рута, ауго мѣта,
Јауго лелійѣла,
Јауго мано јаунос дienос
Драуге су рутѣлэм.

Росла рута, росла мята,
Росла лилія,
Росла моя молодость
Вмѣстѣ съ рутою.

4. Жіді рута, жіді мѣта,
Жіді лелійѣла,
Жіді мано јаунос дienос
Драуге су рутѣлэм.

Цвѣла рута, цвѣла мята,
Цвѣла лилія,
Цвѣла моя молодость
Вмѣстѣ съ рутою.

5. Скінiау рутą, скінiау мѣтą
Скінiау лелійѣлą,
Скінiау саво јаунас дienас
Драуге су рутѣлэм.

Я срывала руту, я срывала мяту,
Я срывала лилію,
Я срывала свои юные дни
Вмѣстѣ съ рутою.

6. Пінiау рутą, пінiау мѣтą,
Пінiау лелійѣлą,
Пінiау саво јаунас дienас
Драуге су рутѣлэм.

Я плела руту, я плела мяту,
Я плела лилію,
Я плела свои юные дни
Вмѣстѣ съ рутою.

7. Дѣшчiау рутą, дѣшчiау мѣтą,
Дѣшчiау лелійѣлą,
Дѣшчiау саво јаунас дienас
Драуге су рутѣлэм.

Я носила руту, я носила мяту,
Я носила лилію,
Я носила свои юные дни
Вмѣстѣ съ рутою.

8. Вітo рута, вітo мѣта,
Вітo лелійѣла,
Вітo мано јаунос дienос
Драуге су рутѣлэм.

Вяла рута, вяла мята,
Вяла лилія,
Вяла моя молодость
Вмѣстѣ съ рутою.

9. Дiуво рута, дiуво мѣта,
Дiуво лелійѣла,
Дiуво мано јаунос дienос,
Драуге су рутѣлэм.

Сохла рута, сохла мята,
Сохла лилія,
Сохла моя молодость
Вмѣстѣ съ рутою.

26.

1. Сѐд зуjкѐліс пілкас
Ант эжѐс, ант эжѐс,
Пріэд лигі валѐс
Сау мıежıу, сау мıежıу,
О тıе стрельчej не регѐjѐ
Jог зуjкѐліс тęн сѐдѐjѐ
Спакајнej, спакајнej.

2. Стрельчej токę рода
Падарѐ, падарѐ,
Діді пулкą жмонıу
Суварѐ, суварѐ.
Падарісім мѐс че пıетус,
Судраскісма зуjкıо рejтус,
Тејп ір бус, тејп ір бус.

3. Атлѐjсім грejтўсıус
Чıон куртус, чıон куртус,
Варісім іш мıежıу
Тус буртус, тус буртус.
Кајп стрельчej сушуко: са, са,
Зуjкіс сау нугарą каса,
Ак, бѐда, ак, бѐда!

4. Кајп тік стрельчej зуjкį
Паматѐ, паматѐ,
Тўjаус зуjкіс аусіс
Пастатѐ, пастатѐ.
Вісі шаукѐ дідıу балсу:
Зуjкıо небрег jау нı аусу,
Пабѐго, пабѐго.

Сидитъ зайчикъ сѣрый
На межѣ, на межѣ,
Наѣдается вдоволь
Ячменя, ячменя,
А эти охотники не видѣли,
Что зайчикъ тамъ сидѣлъ
Спокойно, спокойно.
Охотники такой совѣтъ
Держали, держали,
Большую толпу людей
Согнали, согнали.
Сдѣлаемъ мы здѣсь обѣдъ,
Разорвемъ зайца ляшки,
Такъ и быть, такъ и быть.
Спустимъ быстрыхъ
Гоньчихъ собакъ, гоньчихъ собакъ,
Будемъ гнать изъ ячменя
Этого воришку, этого воришку.
Какъ охотники закричали: са, са,
Заяцъ себѣ спину чешетъ,
Ахъ, бѣда, ахъ, бѣда!
Какъ только охотники зайца
Увидѣли, увидѣли,
Сейчасъ заяцъ уши
Навострилъ, навострилъ.
Всѣ кричали густымъ басомъ:
Зайца не видать ужъ и ушей,
Побѣжалъ, побѣжалъ.

27.

1. Оj ту стразде, страздѐлі,
Ту мандрасіс паукштелі!

Ой ты дроздъ, дроздочекъ,
Ты умнѣйшая птичка!

Ту гіедојеј гірюј лаздінѐлі.
2. Ар лаздінус аугінај?
Ар рѣшутус брандінај?
Ар каљнѐлі ўгѐлэс сірнінај?
3. Nej лаздінус аугінау,
Nej рѣшутус брандінау,
Nej каљнѐлі ўгѐлэс сірпінау.
4. Аглынѐлі сѐдѐјау,
Аглынѐлі тупѐјау,
Аглынѐлі вајкѐлус перѐјау.
5. Аш аукштај лакюјау,
Віршунѐлэмс скрајојау,
Лѐјдау балсą į жалę гірѐлą.

6. Ант жѣмѐлэс вајкшчюјау,
Вобалэлус ранкюјау,
Саво мажус вајкѐлус жівіјау.

7. Јау дѣнѐла іљгесні
Ір саулала шіљтесні,
Іш бѣржѐлу судала текѐјо.
8. Аш спарнѐлус суплојау;
Клаусік, мѣлас артојау,
Таjсік, таjсік науję жагрѐлэ.
9. Јау жѣмѐлэ пракіуро,
Дѣаугес вісос натурос;
Ір ланкѐлэ жалюўті прадѐјо.
10. Пѣменѐлеј трубіјо,
Авітѐлэс ганідамі:
Шкуд, шкуд, шкуд, балтос авітѐлэс.

Ты пѣлъ въ лѣсу, въ орѣшникѣ.
Иль орѣшникъ ты ростилъ?
Иль орѣхи ты ядрилъ?
Иль на горѣ ягоды вызрѣвалъ?
Ни орѣшникъ я ростилъ,
Ни орѣхи я ядрилъ,
Ни на горѣ ягоды я не вызрѣвалъ.
Въ ельникѣ я сидѣлъ,
Въ ельникѣ я присѣдалъ,
Въ ельникѣ я дѣтей высиживалъ.
Я высоко леталъ,
По верхушкамъ кружилъ,
Подавалъ я голосъ въ зеленую рощу.
По землѣ я ходилъ,
Жучковъ я собиралъ,
Своихъ маленькихъ дѣтушекъ я питалъ.
Уже денекъ длинѣе,
И солнышко теплѣе,
Изъ березки березовица капала.
Я крылышки сложилъ;
Слушай, милый пахарь,
Исправляй, исправляй новую соху.
Ужъ земля разрыхлилась,
Радуются всѣ твари;
И лугъ зазеленѣлъ.
Пастушки трубили,
Пася овечки:
Шкудъ, шкудъ, шкудъ, бѣлыя овечки!

28.

1.	Гѐрıау алутį гєлтоną,	Я пила пивцо желтое,
	Кад бучıау балта, раудона.	Чтобы быть бѣлою, румянною.
2.	Уж балто стало сѐдѐıау,	За бѣлымъ столомъ я сидѣла,
	Раудона рожıа жідѐјау.	Алою розою я цвѣла.
3.	Деверіс тарѐ ужгєрдамс:	Деверь сказалъ за̄ круговою чашею:
	Бук свејка, мусу мартєлѐ!	За твое здоровье, наша невѣстка!
4.	Nе праманікі вардєлį,	Не нарекайте имя,
	Во аш не јусу мартєлѐ.	Я не ваша невѣстка,
5.	Пęкıу бролıу сєсєлѐ,	Я пяти братьевъ сестра,
	Сєнос мочıутѐс дукрєлѐ.	Старой матушки я дочка.
6.	Маргој лінгєлѐј лінгу̂та,	Въ красивой колыбели баюкана,
	Балто ранко нєшıота,	На бѣлыхъ рукахъ вынянчена,
7.	Ант балту ранку нєшıота,	На бѣлыхъ рукахъ вынянчена,
	Мејлејс жодєлејс каљбįта.	Милыми словами угулюкана.

29.

1.	По тѐвєлıу вартајс,	У батюшкиныхъ воротъ,
	Мотінѐлѐс вартајс,	Матушкиныхъ воротъ,
	Тęн ішдіго жолінѐлеј,	Тамъ выросли сочныя травы,
	Баљті добілѐлеј.	Бѣлые трилистники.
2.	Лєјскіт жіргєлıус	Пустите кониковъ
	Į жалę ланкєлę,	Въ зеленый лужекъ,
	Пріганікіт бѐрус жіргус	Попасите гнѣдыхъ коней
	Жалıоје ланкєлѐј.	Въ зеленомъ лужкѣ.
3.	Жіргај пріганіті,	Кони попасены,
	Стајнıој пастатіті;	Въ конюшнѣ поставлены;
	Ој јау мусу сєсерѐлѐ	Ой ужъ наша сестрица
	Сєнеј парѐдіта.	Давно наряжена.
4.	Уж сталєлıо сѐді,	За столомъ сидитъ,
	Тріс жвакєлѐс дєга,	Три свѣчки горятъ,

Вајнікєліс ант гаљвєлѐс,
Паті кајп рожєлѐ.
5. Атэјна черкєлѐ
Пар балтą сталєлį,
Вој, ој, ој, дıевулѐлıау!
Рејкс ман ją ішгєрті.
6. Гєртıе ішгєрсıу,
Але не пакєљсıу,
Толі мано мотінѐлѐ,
Пешчıа не парэјсіу.
7. Кас манı норі гауті,
Тас тур анкеті кєљті;
Јау сєнеј не дабар
Кајп прадѐјау аугті;
8. Кајп прадѐјау аугті,
Плонас дробес аусті,
Кас мєтєлį по шімтєлį
Дробıу вўлектѐлıу.

Вѣнокъ на головѣ,
Сама, какъ розанчикъ.
Приходитъ чарочка
По бѣлому столу,
Ой, ой, ой, Боже мой!
Придется мнѣ ее выпить.
Пить-то я выпью,
Но не вынесу,
Далеко моя матушка,
Пѣшкомъ я не приду.
Кто мнѣ хочетъ нравиться,
Тотъ долженъ рано вставать;
Уже давно, не теперь
Я начала рости;
Какъ я начала рости,
Тонкія полотна ткать,
Всякой годъ по сотенкѣ
Локтей полотна.

30.

1. Вој діді, діді
Гірıос мєдєлеј
Мажі мусу бролєлеј.
2. Вој ужаугс, ужаугс
Мусу бролєлеј
Ішкірс гірıос мєдєлıус.
3. Гірєлıој кірто,
Пагірѐј ташѐ,
Ант вешкєлıо вєжѐ.
4. Вој будавосім
Nауją лајвєлę.
Ант кєтурıу кєртєлıу,
5. Ант кєртужѐлıу
По гєгужѐлę

Ой великія, великія
Лѣсныя деревья,
Малые наши братцы.
Ой, выростутъ, выростутъ
Наши братцы,
Вырубятъ лѣсныя деревья.
Въ рощѣ рубили,
Возлѣ рощи тесали,
На большую дорогу везли.
Ой, мы будемъ строить
Новую лодку.
На четырехъ углахъ,
На уголкахъ
По кукушкѣ

Кукаво рітс вакарѐліс.
6. Толеј кукаво,
Коль ішкукаво
Сѐнос мотнос дукрѐлę.

Куковали утромъ вечеромъ.
До тѣхъ поръ куковали,
Пока выкуковали
У старой матушки дочку.

31.

1. Мергѐлѐ, рудакѐлѐ,
Веду не гівѐнсма;
Свѐтс аре шѐмајс јаутејс,
Веду — вобалѐлејс.
2. Мергѐлѐ, рудакѐлѐ,
Веду не гівѐнсма;
Свѐтс сѐја сѐтувѐлѐмс,
Веду — ракундѐлѐмс.
3. Мергѐлѐ, рудакѐлѐ,
Веду не гівѐнсма;
Свѐтс пјовѐ су даљгѐлѐмс,
Веду-су пејлѐлејс.
4. Мергѐлѐ, рудакѐлѐ,
Веду не гівѐнсма;
Свѐтс вѐжа вѐжімѐлѐмс,
Веду-су глебѐлѐмс.

Дѣвушка кареокая,
Намъ не вести хозяйства;
Люди пашутъ сѣрыми волами,
А мы — жучками.
Дѣвушка кареокая,
Намъ не вести хозяйства;
Люди сѣютъ кузовами,
Мы же — плетушками.
Дѣвушка кареокая,
Намъ двумъ не хозяйничать;
Люди жнутъ косами,
Мы же — ножами.
Дѣвушка кареокая,
Намъ двумъ не хозяйничать;
Люди везутъ телѣгами,
Мы же — носилками.

32.

1. Кукў гіріо гѐгужѐлѐ,
Верк не вѣена сіратѐлѐ.
2. Ціт, не веркі, сіратѐлѐ,
Nебсулауксі матушѐлѐс.
3. Ту салауксі саулę тѐкант,
Nе матушę анксті кѐлант.
4. Гуль матушѐ ант лентѐлѐс,
Дѐг жвакѐлѐс прі гальвѐлѐс.
5. Дѐг жвакѐлѐс прі гальвѐлѐс,
Верк дукрѐлѐ прі шалѐлѐс.

Кукуетъ въ рощѣ кукушка,
Плачетъ не одна сирота.
Тише, не плачь, сиротинька,
Не дождешься матушки.
Ты дождешься солнечнаго выхода
А не матушки рано вставшей.
Лежитъ матушка на доскѣ,
Горятъ свѣчки при головушкѣ.
Горятъ свѣчки при головушкѣ,
Плачетъ дочка возлѣ матушки.

6. Вој, матушė, матушėлė,
Ар не ілга ші накτėлė?
7. Ар не ілга ші накτėлė?
Ар не кιетас паталėліс?
8. Дробулėлė ант лентėлės,
Падушкėлė по гальвėлės.
9. Сусірінко сусėдėлej,
Ішвеж муна матушėлę.
10. Ішвеж муна матушėлę,
Палікс мунę сіратėлę.
11. Палікс мунę сіратėлę.
Кајп гєгужėлę кукўjанчę.

Ой матушка, матушка,
Не долга-ли эта ночь?
Не долга-ли эта ночь?
Не тверда-ли постель?
Простыня на доскѣ,
Подушка подъ головушкой.
Собрались сосѣди,
Вывезутъ мою матушку.
Вывезутъ мою матушку,
Оставятъ меня сироту.
Оставятъ меня сироту,
Какъ кукушку кукующую.

33.

1. Кą дірб жюбріс ругіўсе,
Жюбралајтіс ругіўсе?
Кą дірб жюбріс жюбралајтіс

Ругіўсе, ругіўсе?
2. Скєн жюбрєліс варпелес,
Жюбралајтіс варпєлес;
Скєн жюбрєліс, жюбралајтіс
Варпєлес, варпелес.
3. Кą дібр жюбріс іш варпу,

Жюбралајтіс іш варпу?
Кą дірб жюбріс, жюбралајтіс

Іш варпу, іш варпу?
4. Сук жюбрєліс ліздєлį,
Жюбралајтіс ліздєлį;
Сук жюбрєліс, жюбралајтіс
Ліздєлį, ліздєлį.
5. Кајп мєс жюбрį прігаусма,

Что дѣлаетъ коростель во ржи
Коростелекъ во ржи?
Что дѣлаетъ коростель коростелекъ
Во ржи, во ржи?
Щиплетъ коростель колосья,
Коростелекъ колосья;
Щиплетъ коростель, коростелекъ
Колосья, колосья.
Что дѣлаетъ коростель изъ колосьевъ,
Коростелекъ изъ колосьевъ?
Что дѣлаетъ коростелъ, коростелекъ
Изъ колосьевъ, изъ колосьевъ?
Вьетъ коростель гнѣздо,
Коростелекъ гнѣздо;
Вьетъ коростель, коростелекъ
Гнѣздо, гнѣздо.
Какъ мы коростеля поймаемъ,

Жюбралайтį прігаусма?
Кајп мес жюбрį, жюбрамайтį
Прігаусма, прігаусма?
6. Паімк жюбрю ліздєлį,
Жюбралайчю ліздєлį;
Паімк жюбрю, жюбралайчю
Ліздэлį, ліздэлį.
7. Парэјс жюбріс ір патсај,
Жюбралайтіс ір патсај;
Парэјс жюбріс жюбралайтіс
Ір патсај, ір патсај.

*
* *

8. Кą дірб пана даржєлі,
Панџлайтė даржєлі?
Кą дірб пана, панџлайтė
Даржєлі, даржєлі?
9. Скєн панєлė рутєлес
Панџлайтė рутєлес;
Скєн панєлė, Панџлайтė
Рутєлес, рутєлес.
10. Кą дірб пана іш руту,
Панџлайтė іш руту?
Кą дірб пана, панџлайтė
Іш руту, іш руту?
11. Пін панєлė вајнікą,
Панџлайтė вајнікą;
Пін панєлė, панџлайтė
Вајнікą, вајнікą.

Коростелька поймаемъ?
Какъ мы коростеля, коростелька
Поймаемъ, поймаемъ?
Возьми коростеля гнѣздо,
Коростелька гнѣздо;
Возьми коростеля, коростелька
Гнѣздо, гнѣздо.
Придетъ коростель и самъ,
Коростелекъ и самъ;
Придетъ коростель, коростелекъ
И самъ, и самъ.

*
* *

Что дѣлаетъ дѣвица въ палисадникѣ,
Красная дѣвица въ палисадникѣ?
Что дѣлаетъ дѣвица, красная дѣвица
Въ палисадникѣ, въ палисадникѣ?
Рветъ дѣвица руту,
Красная дѣвица руту;
Рветъ дѣвица, красная дѣвица
Руту, руту.
Что дѣлаетъ дѣвица изъ руты,
Красная дѣвица изъ руты?
Что дѣлаетъ дѣвица, красная дѣвица
Изъ руты, руты?
Плететъ дѣвица вѣнокъ,
Красная дѣвица вѣнокъ;
Плететъ дѣвица, красная дѣви
Вѣнокъ, вѣнокъ.

12. Кајп мєс паną прігаусма,
Панѵлајтė прігаусма?
Кајп мєс паną, панѵлајтę
Прігаусма, прігаусма?
13. Паімк панос вајніką
Панѵлајтėс вајніką;
Паімк панос, панѵлајтėс
Вајніką, вајніką.
14. Парэјс пана ір паті,
Панѵлајтė ір паті;
Парэјс пана, панѵлајтė
Ір паті, ір паті.

Какъ мы дѣвицу возьмемъ,
Красную дѣвицу возьмемъ?
Какъ дѣвицу, красную дѣвицу,
Возьмемъ, возьмемъ?
Возьми дѣвицы вѣнокъ,
Красной дѣвицы вѣнокъ;
Возьми дѣвицы, красной дѣвицы
Вѣнокъ, вѣнокъ.
Придетъ дѣвица и сама,
Красная дѣвица и сама;
Придетъ дѣвица, красная дѣвица
И сама, и сама.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 2.

ЛИТОВСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

СЪ ПЕРЕВОДОМЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

И. А. ЮШКЕВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 8 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 10 іюля 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

КОРЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ НАЗВАНІЯХЪ РОДСТВА У СЛАВЯНЪ.

П. ЛАВРОВСКАГО.

Читано въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности 26 Января и 3 Февраля 1867 года.

Въ ряду выраженій, опредѣленіе понятій которыхъ сопровождается особенно богатыми результатами въ сравнительномъ языкознаніи, безспорно, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ термины родства. Отмѣтить по возможности полное количество ихъ и указать на коренное ихъ значеніе, подъ руководствомъ строгихъ и точныхъ правилъ современной науки языкознанія, тоже самое, что опредѣлить первобытную, по крайней мѣрѣ, основную идею, какую соединялъ древнѣйшій человѣкъ съ разными степенями родственности, а такое опредѣленіе само въ себѣ должно уже заключать и данныя о взглядѣ его вообще на связь родственную. Этотъ же выводъ, въ свою очередь, не можетъ не разъяснить передъ нами значенія и свойствъ первоначальной семьи, изъ которой, сообразно съ тѣмъ или инымъ характеромъ ея, развились такія или иныя родовыя отношенія, только сравнительно позднѣйшими уже своими проявленіями входящія въ собственно такъ называемую исторію.

Понятно послѣ этого, почему и новѣйшіе ученые филологи въ изслѣдованіяхъ своихъ не забывали терминовъ родства, почему и историки позднѣйшіе не уклоняются отъ пользованія результатами такихъ изслѣдованій.

Такъ какъ славянскій народъ составляетъ самостоятельную часть племени арійскаго и какъ славянскій языкъ довольно давно

принятъ въ пособіе и западными учеными въ ихъ сравнительно-лингвистическихъ изысканіяхъ, то не удивительно, что многія и изъ славянскихъ выраженій родства получили уже надлежащее объясненіе. Но это касается исключительно выраженій общихъ съ другими индо-европейскими народами. Между тѣмъ у Славянъ успѣлъ образоваться еще въ доисторическую пору значительный запасъ особыхъ терминовъ, которые должны обратить на себя тѣмъ большее вниманіе, что въ нихъ можетъ по преимуществу высказаться и особенность семейнаго и родоваго быта и своебытность взгляда на разнообразіе родственныхъ отношеній. Обильная масса словъ съ поразительно заботливымъ опредѣленіемъ отдѣльныхъ членовъ самыхъ отдаленныхъ степеней родства служитъ лучшимъ доказательствомъ бытовой важности родственныхъ связей у Славянъ.

Предлагая въ настоящее время собраніе подобныхъ терминовъ съ посильнымъ объясненіемъ ихъ, я считаю не лишнимъ захватить и тѣ выраженія, значеніе которыхъ давно обслѣдовано и уяснено. Дѣлаю это, во первыхъ, для того, чтобы родственная терминологія Славянъ представляла по возможности нѣчто цѣльное, во вторыхъ потому, что не всѣ термины и ближайшаго и общаго родства попали въ изслѣдованія западныхъ ученыхъ, наконецъ, въ послѣднихъ до того разбросаны свѣдѣнія и часто такъ не согласны выводы, что сведеніе ихъ въ одно цѣлое нельзя не признать удобнымъ.

Отъ какихъ либо общихъ выводовъ я удерживался, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что для объективной ихъ истины требуется весьма много условій, выходящихъ далеко за границы исключительной лингвистики; тѣмъ не менѣе, я считалъ не лишними частныя замѣчанія, какія, казалось, вытекали необходимо изъ подробнаго объясненія отдѣльныхъ словъ. Подобныя замѣчанія, хотя и носятъ на себѣ не рѣдко характеръ субъективности, не всегда однакоже лишены значенія по крайней мѣрѣ матеріала при общихъ выводахъ. На этомъ основаніи, и въ способѣ изложенія я не только не чуждался указаній историческихъ, а напротивъ хватался за каждое свидѣтельство, какое только удавалось подмѣтить мнѣ, и сопоставлялъ его объясненіямъ лингвистическимъ. Такое направленіе казалось не неважнымъ въ томъ отно-

шеній, что посредствомъ его можно бы легко опредѣлить постепенное ослабленіе родовыхъ связей чрезъ замираніе и окончательное исчезновеніе изъ жизни терминовъ родства. Къ сожалѣнію, отсутствіе подробнаго словаря, который бы обнималъ выраженія древней и старой письменности въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, дѣлаетъ желательную полноту въ этомъ отношеніи рѣшительно невозможною. Потому же самому я прибѣгалъ кое-когда и къ народной словесности, съ одной стороны способной до нѣкоторой степени очертить объемъ семьи или народа въ настоящій моментъ, съ другой — своими эпитетами и объяснительными выраженіями часто опредѣляющей первобытный или коренной смыслъ забытаго въ основномъ своемъ значеніи родственнаго термина.

Родство у Славянъ рѣзко распадается на два вида: 1) родство кровное, въ тѣсномъ смыслѣ *родство*, въ основаніи котораго лежитъ связь посредствомъ рожденія отъ одной первоначальной четы; 2) родство свойственное или *свойство*, образуемое посредствомъ брака членовъ двухъ отдѣльныхъ, чужихъ семей. Языкъ славянскій явственно отдѣляетъ это различіе какъ значеніемъ, такъ и происхожденіемъ самыхъ названій, и не только при общемъ опредѣленіи родства, но и въ частныхъ обозначеніяхъ отдѣльныхъ членовъ.

Разсмотримъ прежде первый видъ родства и начнемъ съ терминовъ *мужъ* и *жена*, составляющихъ основу послѣдующей семьи и многочисленнаго рода.

I. ВЫРАЖЕНІЯ ДЛЯ КРОВНАГО РОДСТВА, ВЪ НИСХОДЯЩЕЙ И ВОСХОДЯЩЕЙ ЛИНІЯХЪ.

Мужъ, ст. слав. мѫжь приравнивается Шимкевичемъ (1) къ скр. мануджа; къ тому же склоняется и Шлейхеръ (2): «мѫжь homo, wol auss skr. manuǵa (mann geborner)», не отвергая, впрочемъ, возможности и самостоятельнаго славянскаго образованія отъ корня man (-слав. мьн.), при посредствѣ гортаннаго окончанія. Что касается перваго мнѣнія Шлейхера, то нельзя не замѣтить, что въ словѣ мѫжь не видно ни малѣйшаго признака сложности, подобно слову manuǵa, явившемуся въ санскритѣ изъ господ-

ствовавшаго миѳа о рожденіи человѣчества послѣ всемірнаго потопа отъ Ману, спасеннаго за высокорелигіозную жизнь. Отсюда человѣкъ-manúga т. е. рожденный отъ Ману. Самое опущеніе звука *у* послѣ *н* едва-ли не способно говорить противъ тожества слав. мѫжь съ скр. manúga. Миклошичъ (3) производитъ слово мѫжь непосредственно отъ корня мьн (-скр. man-думать, мыслить), съ гортаннымъ усиленіемъ г, сближая, такимъ образомъ, слав. мѫжь съ готскимъ manna, съ нѣм. mann.

Не имѣя ничего противъ формальной стороны такого производства, остановимъ свое вниманіе на смыслѣ, придававшемся и придающемся слову мужъ въ степеняхъ возраста человѣческаго: здѣсь встрѣчаемъ понятіе силы, крѣпости, мощи, въ слѣдствіе чего образовались и слова мужество, мужественный, мужаться и т. п. Самое слово мужъ употреблялось, а частію употребляется и теперь, какъ синонимъ человѣка крѣпкаго, сильнаго; возмужалый — тотъ, кто достигъ до извѣстной степени возраста, неразлучнаго съ физическою крѣпостью человѣка. Въ опредѣленіяхъ послѣдовательнаго возраста человѣческаго, какъ предлагаются они въ старинныхъ памятникахъ, мужъ занимаетъ мѣсто самаго зрѣлаго, самаго цвѣтущаго возраста, именно время отъ 29 до 35 года (4).

Казалось бы, послѣ этого, и въ корнѣ сущ. мужъ можно ожидать основнаго значенія силы, крѣпости, подобно латинскому vir, тожественному по значенію съ слав. мужъ и объясняемому скр. глаголомъ vîr — быть сильнымъ, крѣпкимъ, откуда существ. vîraḥ — герой. Не удобнѣе ли сопоставить и слав. мужь съ глагольнымъ корнемъ máḥ, въ значеніи расти, быть сильнымъ (crescere, potentem esse). Боппъ (5) сравниваетъ съ нимъ готск. mag, нынѣшнее нѣм. mögen, и существ. mahst, а также и слав. могу, мошти. Образованіе изъ корня máḥ существительнаго мѫжь не противорѣчитъ звуковымъ законамъ слав. языка, требующаго перехода г въ ж передъ темою на ja: изъ мѫг (-máḥ) произошло мѫжь-мѫгja, какъ изъ бог образовалось прилагательное божь посредствомъ богja. Опущеніе носоваго звука въ глаголѣ могу и удержаніе его въ существ. мѫжь, при одинаковости корня, могло бы найти оправданіе и въ томъ, что въ самомъ санскритѣ употребительны обѣ формы máḥ и maḥ.

Переходъ отъ кореннаго значенія расти къ силѣ, господству и къ возрасту, соединяющему въ себѣ эту силу, объясняется и оправдывается другимъ скр. глаголомъ vṛdh, прежде всего съ значеніемъ crescere, потомъ augere; и какъ въ языкахъ родственныхъ удержалось въ развившихся изъ этого корня словахъ понятіе власти, господства (какъ въ готск. и слав. valda, влада), такъ въ самомъ санскритѣ выразился въ словѣ vṛddha переходъ понятія расти къ возрасту: vṛddha означаетъ возмужалаго человѣка, старца, adultus, senex. Не забудемъ, что съ понятіемъ старца въ древнее время не только не соединялось идеи слабости, дряхлости, а, напротивъ, выражалась мысль объ установившейся, о возросшей крѣпости и мужествѣ. Въ скр. словѣ sthavira, при общемъ значеніи устойчивый, твердый (stabilis, firmus), находимъ и значеніе старика, senex. Такимъ почитался и у Римлянъ senex; таково было значеніе и седьмой степени возраста у Славянъ, старчества, не переходившаго за 56-й годъ отъ рожденія, какъ видѣли выше ([6]).

При подобномъ взглядѣ на происхожденіе и основное значеніе слова мужъ было бы понятно, почему оно у Славянъ не замѣтно въ общемъ значеніи человѣкъ, какъ это было съ словомъ manuǵa, или что встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ mensch, а выражало и выражаетъ собою только людей извѣстнаго положенія, именно свободныхъ, сильныхъ, владѣвшихъ полнымъ правомъ гражданства, иногда воиновъ. Въ такомъ смыслѣ весьма обыкновенно встрѣчается оно и въ древней письменности, и не только русской, но и вообще славянской. Для примѣра укажу нѣсколько случаевъ: «и нача (Ростиславъ) думати съ Святославомъ и съ Мьстиславомъ... и съ мужи своими, хотя поити Чернигову»; для заключенія договора съ Греками, «посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники»,— здѣсь, очевидно, послѣдніе сопоставляются съ мужами Игоря; «начаша праздновати всимь новымъ городомъ вси мужи новгородци», — и тутъ мужи не то, что люди. Забой, задумавши освободить Чеховъ отъ ига нѣмецкаго, bystro spěčhaše ot muže k mužu, ot silna k silnu, po všickej vlasti, гдѣ мужъ, конечно, употребленъ въ смыслѣ сильнаго, вліятельнаго, и едва-ли выраженіе ot silna k silnu не справедливѣе понимать въ смыслѣ обычной въ поэзіи славянской

тавтологіи; въ такомъ лишь значеніи является и слѣдующее обращеніе Забоя, когда высказываетъ онъ планъ своего заговора: mužie bratrských srdec i jiskerných zrakóv! Юнгманъ предлагаетъ въ своемъ словарѣ не одинъ примѣръ синонимичности словъ мужъ и воинъ ([7]). И до сихъ поръ въ Бѣлоруссіи подъ именемъ мужа понимается староста, а глаголъ мужевать въ великорусской народной поэзіи употребляется въ значеніи разсуждать, размышлять: «и мужевалъ тутъ старой, разговаривалъ».

Но какъ латинское vir отъ общаго понятія перешло къ частному, къ обозначенію супруга, какъ homo во французскомъ l'homme стало обозначать и человѣка вообще и супруга въ частности, или какъ малороссіянка называетъ своего мужа чоловикомъ, такъ и въ языкѣ славянскомъ слово мужъ получило частный смыслъ супруга. Это перенесеніе значенія способно еще больше подкрѣпить коренной смыслъ существ. мужъ, какъ человѣка взрослаго и, по отношенію къ женѣ, сильнаго, господина.

Вмѣстѣ съ существительнымъ мужъ употребляется и слово супругъ. Послѣдній терминъ кажется намъ гораздо древнѣе уже потому, что болѣе вещественъ, матеріаленъ, обозначая и въ историческую пору пару воловъ, соединенныхъ, сопряженныхъ однимъ ярмомъ ([8]). Конечно, пріуроченіе понятія связи отъ животныхъ къ супружеской четѣ между людьми могло совершиться и позднѣе, въ историческое время, даже въ періодъ христіанства; но несомнѣнность брака у Славянъ въ язычествѣ, при употребленіи слова супругъ съ его производными примѣнительно къ человѣку уже въ древнихъ памятникахъ старославянскихъ, говоритъ скорѣе въ пользу господства этого выраженія за долго до христіанства. Нельзя, однакоже, не замѣтить, что слова супругъ и супруга остались чуть-ли не исключительно у Славянъ русскихъ, будучи вовсе неизвѣстны въ примѣненіи къ мужу и женѣ у другихъ Славянъ. Но идея вещественной связи, по крайней мѣрѣ въ понятіи жены, предлагаетъ примѣры и въ языкѣ иныхъ народовъ: вспомнимъ латинскія conjunx и uxor отъ jungere, скр. jug (-соединять); въ нарѣчіи Ведъ jošâ, jošit, jošana (женщина, жена) отъ корня ju, съ тѣмъ же значеніемъ соединять, откуда и сложное сущ. скр. gôjuga, готск. gajuk (ярмо, пара воловъ) вполнѣ равносильное слав. сѫпрѫгъ.

Но въ языкахъ индоевропейскихъ, въ понятіи супруги, жены, гораздо извѣстнѣе, распространеннѣе и общѣе другая идея, идея рожденія. Происхожденіе самаго славянскаго слова жена давно уже опредѣлено положительно отъ корня gan, откуда скр. ǵan, греч. γεν-νάω, лат. gi-gno, и т. д., всѣ съ значеніемъ рождать. Отсюда, для обозначенія существа раждающаго образовались термины: скр. ǵanî или несклоняемое ǵam, греч. γυνή, слав. жена, прус. литов. ganna, готск. kuni и т. д. Такимъ образомъ, коренное понятіе жены есть раждающая и, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ необходимое условіе произведенія дѣтей: образованія семьи. На основаніи этого-то условія находимъ въ старой Руси и названіе жены семьей, семьишкой. Такъ въ письмѣ одной женщины къ своему мужу читаемъ: «государю моему Петру Ѳеанасьевичу семъишка твоя, Марьица, челомъ біетъ» хотя у нея, какъ видно изъ письма, и нѣтъ дѣтей вовсе ([9]). Замѣчательно, что нѣсколько подобный же переходъ значенія находимъ и въ скр. словѣ griha, которое съ понятіемъ дома, жилища соединяетъ и понятіе жены. Идея рожденія выразилась и въ скр. словѣ для женщины — strî, по мнѣнію Потта происходящемъ отъ su (generare, рождать) ([10]).

Конечно, при господствѣ участія въ образованіи языка впечатлительности человѣка отъ качества предмета или такого—иного проявленія его въ жизни, народъ не могъ ограничиться однимъ выраженіемъ и въ настоящемъ случаѣ. И въ славянскомъ языкѣ находимъ мы нѣсколько, восходящихъ къ глубокой, языческой старинѣ и своимъ образованіемъ иногда свидѣтельствующихъ о самомъ способѣ бракѣ у Славянъ. Христіанство, говоря вообще, отвергло такіе термины, по крайней мѣрѣ низвело ихъ къ значенію незаконныхъ женъ, наложницъ, часто просто къ значенію распутныхъ существъ. Но не разомъ могло совершиться такое превращеніе; и въ этой маленькой сферѣ тоже была своего рода борьба, поддерживавшая прежнее значеніе языческихъ терминовъ и въ позднюю пору исторіи, сберегшая его для нѣкоторыхъ словъ у нѣкоторыхъ поколѣній славянскихъ до настоящаго времени. Въ числѣ такихъ выраженій встрѣчаемъ: ведомая, веденица, ведовица, водимая, хоть, женима. Что касается до словъ, происходящихъ отъ вести, водить, то отдаленная древность

ихъ рѣшительнѣе всего свидѣтельствуется самымъ способомъ брака у Славянъ язычниковъ, совершавшагося посредствомъ увода дѣвицъ, какъ говорятъ объ этомъ не только древніе памятники русскіе, но и продолжающійся обычай доселѣ у нѣкоторыхъ раскольниковъ и у Сербовъ, даже православныхъ. Но уже съ первыхъ вѣковъ христіанства, въ первыхъ памятникахъ письменности церковно-славянской, выраженія веденица, ведовица (11) употребляются или по отношенію къ язычникамъ, или въ случаяхъ многоженства, разумѣется, незаконнаго въ глазахъ христіанина. Такъ: «бысть ѥмоу жень ведениць седмь сьть», но тутъ же находимъ и прибавленіе: «хотии триста», что очевидно доказываетъ, что взглядъ на бо̀льшую законность веденицъ, сравнительно съ обыкновенными наложницами, еще продолжался. Это различіе существовало и у русскихъ Славянъ языческихъ, какъ видно изъ словъ Нестора о В. К. Владимірѣ: «и быша ему водимыя», подъ чѣмъ разумѣются собственно жены, въ отличіе отъ 800 наложницъ (12). Существительное хоть, какъ замѣтно изъ выше приведеннаго примѣра, и примѣнительно къ язычеству употреблено въ смыслѣ наложницы, но нѣтъ основанія сомнѣваться въ значеніи за нимъ, въ языческое время, настоящей жены уже потому, что на Руси, напримѣръ, синонимомъ жены является слово хоть еще въ XII столѣтіи, какъ въ словѣ о Полку Игоревѣ, гдѣ хотью называется Ольга Глѣбовна, жена князя Всеволода, а чешское chot употребляется и въ настоящую пору вмѣсто общеупотребительнаго жена. Между тѣмъ, въ памятникахъ церк. славянскихъ слово хоть уже не выходитъ изъ значенія наложницы, какъ въ приведенномъ прежде примѣрѣ и во множествѣ другихъ (13); какъ распутная, прелюбодѣйка, живетъ хотница и донынѣ въ хорватскомъ нарѣчіи. Съ упроченіемъ христіанства, съ освященіемъ брака церковью, все больше и больше утверждалась за терминомъ жена исключительность законной жены, такъ что даже и выраженіе женима, столь неразрывно связанное по формѣ и происхожденію съ послѣднимъ, употребляется въ церковныхъ памятникахъ только какъ синонимъ наложницы (14). О терминѣ кавъка, какъ рѣдкомъ и исключительномъ для ц. слав. памятниковъ, гдѣ попадается онъ въ смыслѣ наложницы, мы ничего сказать не можемъ.

Такимъ образомъ, слово жена, отъ общаго понятія, заключеннаго въ его корнѣ, существа раждающаго, перешло къ болѣе тѣсному — замужней женщинѣ, и стѣснилось еще болѣе въ періодъ христіанства, начавши обозначать жену въ единоженствѣ, одну законную жену.

Мужъ и жена по отношенію къ родившимся отъ нихъ дѣтямъ становятся отцемъ и матерью.

Во множествѣ языковъ (если только не во всѣхъ на земномъ шарѣ) не только уже родственныхъ по племенному происхожденію народовъ, но совершенно чужихъ другъ другу, даже противоположныхъ по своему строю и развитію, выраженія для упомянутыхъ понятій отзываются замѣчательною близостью, поразительнымъ сходствомъ, едва не до тожества. Понятно, слѣдовательно, что первая причина такого явленія должна крыться въ какомъ либо общемъ, прирожденномъ человѣку основаніи. И трудно отрицать мнѣніе о физіологической необходимости дѣтей прежде всего произносить именно тѣ звуки, изъ которыхъ образовались названія для отца и матери. Едва-ли легко и утверждать, что названія эти обязаны происхожденіемъ своимъ не дѣтямъ, а уже взрослымъ, самимъ родителямъ, какъ потому, что требовательнѣе они для первыхъ, такъ еще болѣе по общему сходству выраженій, которое не можетъ, кажется, не указывать на прирожденное единство голосовыхъ органовъ, не успѣвшихъ еще оразнообразиться въ развитіи и направленіи своемъ мѣстными и національными условіями. Четыре сочетанія звуковъ господствуютъ главнымъ образомъ въ сходственныхъ названіяхъ отца и матери, это па и та, ма и на, съ ихъ обратными слогами: ап и ат, ам и ан ([15]). Если же дѣйствительно названія изъ этихъ сочетаній произошли отъ дѣтей, то, очевидно, искать въ нихъ какого либо значенія въ моментъ ихъ образованія было-бы трудомъ совершенно напраснымъ. Но какъ нельзя отвергать, что въ послѣдствіи народъ соединилъ и съ ними опредѣленное значеніе и, на его основѣ, образовалъ цѣлыя семейства словъ, то, въ сущности, важность остается таже самая, если бы данныя сочетанія составили и взрослые люди, слѣдовательно, въ самомъ рожденіи словъ, съ извѣстнымъ смысломъ, именно потому, что въ приданномъ смыслѣ полу-животнымъ звукамъ ребенка народъ выразилъ

все таки свой взглядъ на взаимное отношеніе родителей къ дѣтямъ. Такимъ образомъ, вскрытіе первоначальнаго значенія и этихъ словъ не лишено научнаго интереса.

Имѣя въ виду славянскій языкъ и выше приведенныя сочетанія звуковъ, слѣдуетъ замѣтить вообще, что а) всѣ они господствуютъ и у Славянъ, какъ у другихъ народовъ, б) что какъ у послѣднихъ, такъ и у Славянъ, одни и тѣже сочетанія служатъ для названія обоихъ родителей, — въ одномъ нарѣчіи отца, въ другомъ матери, иногда того и другой въ одномъ и томъ же нарѣчіи. Уже это одно обстоятельство доказываетъ довольно убѣдительно, что основной взглядъ на отца и мать, относительно дѣтей, не вызывалъ особеннаго различія. Фактическій разборъ подтвердитъ это положеніе.

Общеупотребительнѣйшее выраженіе у всѣхъ Славянъ для мужа, въ такомъ случаѣ, есть отецъ, ст. славянская форма отьць. Если бы славянская письменность и вовсе не сохранила намъ первоначальной формы этого слова, то уже одинъ взглядъ на его образованіе, еще болѣе производные отень, отній, отеникъ([16]), неисчезнувшіе и доселѣ изъ языка русскаго, останутся навсегда положительнымъ свидѣтельствомъ уменьшительной его формы и происхожденія отъ отъ. Но первыя строки одного изъ наидревнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ, Суда Любушина, предлагаютъ и фактическое подтвержденіе справедливости теоретическаго вывода: vsak ot swej čeledi vojevodi. Этимъ указываютъ они на коренную форму от и на употребленіе ея нѣкогда всѣми Славянами. Какъ коренная форма, слово от и должно быть принято въ соображеніе при опредѣленіи родственныхъ терминовъ въ другихъ языкахъ и того основнаго значенія, какое утвердилось за нимъ въ индоевропейскомъ племени.

Господство въ родственныхъ языкахъ для понятія отца корня па дало поводъ нѣкоторымъ пріурочивать къ нему и слово отъ и объяснять его потерею въ началѣ звука п, въ концѣ звука р ([17]). Согласіе на подобное объясненіе потребовало бы слишкомъ много натяжекъ самаго ненаучнаго свойства, а потому объясненіе это давно и отвергнуто, какъ несостоятельное ([18]). При томъ, какъ ни преобладаетъ господство корня па, въ языкахъ родственныхъ, все же не исчезъ вполнѣ изъ нихъ и соот-

вѣтствующій корень славянскому. Такъ, въ готскомъ языкѣ находится выраженіе atta, въ значеніи отца; сюда же можно и, кажется, должно отнести и греч. ἄττα, какъ названіе, употреблявшееся дѣтьми, при обращеніи ихъ къ старикамъ, и древнелатинское atta, какъ, по свидѣтельству Феста, дѣти называли отца (19). Въ санскритѣ также извѣстно это слово въ формѣ attâ, но въ значеніи матери, а не отца. Принимая, впрочемъ, въ соображеніе одинаковость названія для отца и матери вообще въ языкахъ, даже, какъ увидимъ, и въ самомъ славянскомъ, едва-ли сдѣлаемъ ошибку, допустивъ, что и древне индѣйскій языкъ имѣлъ слово atta для названія отца.

Но какъ бы высоко ни поднимались мы въ древность, основное значеніе термина atta, а слѣдовательно и нашего отецъ, не встрѣтитъ удовлетворительнаго объясненія. Самый санскритъ остается въ этомъ отношеніи молчаливымъ, предоставляя свободное поле для произвольныхъ догадокъ и предположеній. А какъ послѣднія не могутъ быть терпимы въ наукѣ, то едва-ли и не основательнѣе будетъ допустить, что дѣтское сочетаніе звуковъ въ обратномъ слогѣ at не развило изъ себя въ языкѣ семейства словъ, къ которымъ привязалъ бы народъ какое-либо опредѣленное значеніе. По крайней мѣрѣ, сопоставленіе atta съ глаголомъ ад (ѣсть), что дѣлаетъ Диффенбахъ, едва-ли должно имѣть цѣну, бо́льшую личной догадки; не убѣдительнѣе и сближеніе этого термина съ предлогомъ ati, означающимъ чрезвычайно, весьма, слишкомъ, что, какъ будто, говоритъ въ пользу коренной идеи высокости, верховности, съ точки зрѣнія дѣтей — почтенія и уваженія, хотя бы и близко къ ней подходило санскр. выраженіе для родителей — gurû, родственное съ прилагат. guru (gravis, eximius).

Употребительнѣе въ арійскихъ языкахъ обозначеніе отца словами, происходящими отъ прямаго слога ta, посредствомъ его удвоенія: польское и чешское tatuś, tatuń, tata, tatek, tatïk, русское — тятя, литов. tẽtis tajtis, греческое τάτα, гомерич. τέττα и т. д.; этотъ же корень господствуетъ съ полною силою и въ германскихъ нарѣчіяхъ, и въ англійскомъ языкѣ, даже въ цыганскомъ, — въ послѣднихъ съ превращеніемъ t въ d (20). Главное значеніе остается всюду отецъ, хотя кое гдѣ въ не славянскихъ

языкахъ и переходитъ къ опредѣленію иныхъ родственниковъ. Подобно сочетанію at, и значеніе образовательнаго слога ta, кажется, не пріобрѣло себѣ опредѣленнаго понятія, какое легло бы въ основу происшедшихъ отъ него новыхъ выраженій; даже и тутъ точно также не видно послѣднихъ, что̀ снова приводитъ къ мысли о дѣтскомъ образованіи самыхъ терминовъ atta и tata. Одинъ звательный падежъ tâta уцѣлѣлъ въ санскритѣ съ спеціальнымъ значеніемъ: любезный, другъ, но и оно слишкомъ обще, чтобы пріурочивать его къ понятію объ отцѣ, со стороны дѣтей.

Послѣ сказаннаго объ общемъ распространеніи однихъ и тѣхъ же названій на отца и мать, не придется удивляться и тому, что терминъ tata является и для обозначенія матери, какъ это мы видѣли въ скр. tâta (мать) и въ гот., греч., лат. atta (отецъ). Такъ, древне-нѣмец. tota, литов. tetta, слав. тётя, teta, tetka. Правда, современное значеніе приведенныхъ словъ уже не относится къ матери, а къ ближайшей ея родственницѣ, сестрѣ, но это служитъ новымъ подтвержденіемъ происхожденія подобныхъ названій отъ дѣтей, не различавшихъ точно степеней родства: въ послѣдующее время, при желаніи разграничить ихъ точнѣе, удержались для матери другія сочетанія, а сочетаніе ta примѣнилось къ теткѣ. Тоже должно замѣтить и о муж. родѣ. Если у однихъ Славянъ для брата отца и матери образовались выраженія изъ другихъ корней, какъ покажемъ, также опредѣляющихъ первоначально отца, то у Хорватовъ и Хорутанъ находимъ термины tetac, tetec, очевидно заимствованные отъ tata — отецъ. Подобному заимствованію не могло не способствовать и перегласованіе a въ e. Съ такими явленіями придется встрѣтиться не разъ намъ и при другихъ корняхъ.

Но самое распространенное сочетаніе въ языкахъ родственныхъ для отца, есть па (-pa), съ образовательнымъ окончаніемъ дѣйствующихъ лицъ tar, видоизмѣняемымъ въ каждомъ языкѣ согласно съ особенными его законами: скр. pitṛ, первоначальное patar, греч. πατηρ, латин. pater, готск. fadar, древ. нѣмец. fatar и т. д. На первый взглядъ, изъ всѣхъ арійцевъ одни Литовцы и Славяне не имѣютъ выраженія изъ того же корня. Но достаточно немного вникнуть въ терминологію славянскую и сообразить этимологическое ея происхожденіе, чтобы и въ настоя-

щемъ случаѣ не выдѣлять изъ общаго состава Индо-европейцевъ по крайней мѣрѣ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, слав. батя, при всемъ разногласіи значеній въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, можетъ объясняться только происхожденіемъ отъ кореннаго сочетанія ба, видоизмѣнившагося, по общему родству губныхъ, изъ па. Придавая слишкомъ много значенія звуку б и опираясь на значеніе слова батя, въ чешскомъ и мадьярскомъ языкахъ употребляемаго вмѣсто братъ, покойный Ганка не задумывался отожествлять его съ послѣднимъ, объясняя очень просто выпускомъ р передъ а ([21]). Повидимому, не прочь былъ склониться къ такому отожествленію батя съ братомъ, и въ происхожденіи и въ значеніи, и знаменитый Гриммъ; по крайней мѣрѣ онъ уклонился отъ своего мнѣнія ([22]). Но ежели и несомнѣнно опущеніе р въ концѣ слова братъ (вмѣсто братръ) въ наибольшей части нарѣчій славянскихъ, то было бы непростительнымъ скачкомъ заключать отсюда и къ выпуску р въ серединѣ слова (батя вм. братя), гдѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ причинъ его, и на что не сохранилось ни малѣйшаго доказательства ни изъ древней исторіи языка славянскаго, ни въ нынѣшнемъ употребленіи говоровъ славянскихъ. Тогда какъ форма слова батя не оправдываетъ объясненія выпускомъ р, значеніе въ немъ брата изъ первоначальнаго отца, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, объясняется и подтверждается самымъ бытомъ Славянъ. Переходною ступенью является при этомъ значеніе бати у Словаковъ, именно старшаго брата, который въ патріархально-родовомъ быту Славянъ заступалъ обыкновенно мѣсто отца, въ случаѣ его смерти. Напрасно Шафарикъ полагалъ, что значеніе брата въ разсматриваемомъ словѣ сохранилось только у Мадьяръ (batya) ([23]): оно существуетъ не только у Словаковъ, но и у Сербовъ (бата), и у Чеховъ (batia, batjcěk, batek-братъ матери), даже иногда и у Русскихъ ([24]), и не только въ настоящее время, а было и въ старину, какъ видно изъ лѣтописи ипатьевской: «Романъ Ростиславичь посылаетъ изъ Смоленска попа своего къ Изяславу, река тако: отдаваетъ ти батя Черниговъ» ([25]). Переходу значенія бати отъ отца къ старшему брату соотвѣтствуетъ вполнѣ переходъ значенія отъ матери къ старшей сестрѣ, занимающей также мѣсто матери, послѣ ея смерти, относительно младшихъ сестеръ; отсюда скр. attî,

очевидно родственное съ attâ (мать), означаетъ старшую сестру. На этомъ основаніи, и толкованіе Ганкой выраженія batjo въ слѣдующемъ мѣстѣ краледварской рукописи: batjo ty mluvi k niem oteckymi slovy — старшимъ братомъ ([26]) кажется намъ вѣроятнѣйшимъ и справедливѣйшимъ, такъ какъ слова эти произносятся умирающимъ отцемъ. Но ежели въ приведенномъ случаѣ, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ, батя и означаетъ брата, все же значеніе это есть уже второстепенное, заимствованное отъ отца; на это указываетъ не только происхожденіе самаго слова отъ кореннаго сочетанія ба (-па), но и господство употребленія его въ этомъ смыслѣ у всѣхъ Славянъ: русск. батя, батюшка, батенька, болг. башта, словац. бача, серб. бата и т. д.; происшедшія отсюда термины: болг. баштина, великорус. батьковщина означаютъ наслѣдство, доставшееся именно отъ отца. Замѣтимъ, что и сирійское bat значитъ также отецъ. Едва-ли требуетъ разъясненія употребленіе кое-гдѣ въ Моравіи слова бача въ смыслѣ начальника, предводителя пастуховъ, во время выгона скота на пастбище: пастухи образуютъ изъ себя общину, задругу, какъ бы семью, подчиняющуюся выбранному старшему.

Въ образованіи своемъ отъ основнаго корня ба, существительное батя отступаетъ отъ указаннаго выше термина для отца: въ немъ встрѣчаемъ мы не удвоеніе, какъ въ tata, а особый образовательный суффиксъ та, тя. Но сербское бабо (отецъ) сберегло и въ настоящемъ случаѣ образованіе посредствомъ удвоенія, и въ то же время представило ближайшую форму къ обще-европейскому дѣтскому названію папа, столь очевидно происходящему отъ сочетанія па. Выраженіе бабо не можетъ не быть важно для филолога по несомнѣнному родству съ обще-славянскимъ названіемъ баба, бабица, бабка: понятно, если бабо, происходя отъ ба (па), означаетъ отца, то и баба должно было означать первоначально мать, и какъ тета, тетка, отъ сочетанія та, съ теченіемъ времени уступили мѣсто для названія матери другому корню, такъ и баба, вмѣсто матери, стало обозначать мать матери или отца, а потомъ и всякую женщину, хотя непремѣнно замужнюю. Здѣсь снова находимъ мы оправданіе положенію, что первоначальныя термины для родителей были общи

какъ для отца, такъ и для матери. Въ родственныхъ языкахъ, корень па, кажется, нигдѣ не обнаружилъ примѣненія къ матери.

Какъ наиболѣе распространенное, сочетаніе па глубже проникло въ языкъ индо-европейскій и рано сдѣлалось основою для образованія иныхъ словъ. Самыя формы pitŕ, πατηρ, patĕr и т. д., очевидно, противорѣчатъ слабымъ органамъ дѣтей и ясно обнаруживаютъ уже отчетливое чутье къ установившемуся значенію образовательныхъ приставокъ: дитя точно также не могло идти далѣе папа, какъ не пошло оно дальше atta или tata. Понятно, что при такомъ условіи къ сочетанію па не замедлилъ привязаться и опредѣленный смыслъ, сдѣлавшее уже и самое сочетаніе данныхъ звуковъ корнемъ. Этотъ смыслъ, находящійся въ основѣ всѣхъ развившихся изъ него словъ, есть питать, кормить, оберегать, охранять. Къ такому значенію могло привести народъ отнесеніе тѣми же дѣтьми сочетанія па къ указанію на хлѣбъ, на пищу. Стоитъ только сравнить бѣлор. и польск. папа (хлѣбъ), литов. papas (сосецъ женской груди). Отсюда явились и слова, означающія оберегателя, покровителя и господина, какъ скр. patiḥ, со всѣми его сложными и производными, такъ близко подходящее по образованію къ слав. батя, или греч. δεσπότης, въ послѣдней составной части. Идея питанія такъ тѣсно срослась со взглядомъ народа на отца, что вызвала для послѣдняго обыкновеннѣйшій эпитетъ кормильца, какъ въ говорѣ и словесности простаго народа, или питателя, какъ, напр., въ сербскомъ Родословѣ епископа Даніила: коею зълобою мою прогнѣвахъ тебе благааго питателя моего, говоритъ Стефанъ Душанъ своему отцу, Стефану Дечанскому ([27]).

Обратный слогъ ап, по видимому, не встрѣчается въ терминологіи отца; по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ индоевропейскихъ языковъ не предлагаетъ ни одного слова для отца или матери, которое бы указывало на сочетаніе ап именно въ этомъ видѣ. Но ежели принять во вниманіе подвижность губныхъ звуковъ при взаимной ихъ мѣнѣ другъ на друга, то едва-ли не будетъ основательно въ сочетаніи ав видѣть только измѣненіе первоначальнаго ап отъ па. А сочетаніе ав очень распространено, и прежде всего въ примѣненіи къ отцу. Распространенность его

доказывается и тѣмъ, что, на равнѣ съ па, и ав сдѣлалось корнемъ въ языкѣ, образовавшимъ изъ себя семейство словъ, въ основѣ которыхъ лежитъ идея охраненія, помощи, защиты. Правда, одинъ санскритъ удержалъ этотъ корень для понятія отца, — âvuka, за то рѣдкій языкъ индоевропейскій не сберегъ его для обозначенія другихъ старшихъ родственниковъ, не выходя, впрочемъ, изъ степеней дяди и дѣда, или тетки, въ примѣненіи того же корня къ женщинѣ. Вспомнимъ латин. avus, atavus, avunculus, готск. avô, литов. avynas и т. д. И въ слав. языкѣ осталось отъ него нѣсколько родственныхъ названій, которыя мы укажемъ на своемъ мѣстѣ; здѣсь же замѣтимъ, что ежели ни па, ни обратное сочетаніе ап не обнаруживаютъ примѣненія къ матери, то ав, приравниваемый нами къ ап, своими названіями, отнесенными къ старшей роднѣ именно женскаго пола, даетъ достаточное ручательство, что и отъ него существовали нѣкогда термины для матери.

Третье звуковое сочетаніе, обращенное при посредствѣ удвоенія въ названіе для отца, есть на. Впрочемъ, въ этомъ смыслѣ нана является лишь въ немногихъ языкахъ, перешедши въ большинствѣ къ обозначенію дѣда. Съ лужицкимъ nan и словацкимъ nanjo, употребляющимися въ значеніи отца, можно сопоставить албанское nan, nanna, [28] въ томъ же значеніи; между тѣмъ, персид. nânâ, кимвр. nain означаютъ уже дѣда. Гораздо живучѣе удержалось это сочетаніе въ примѣненіи къ матери, особенно укрѣпившись въ славянскихъ языкахъ. Такимъ образомъ въ польскомъ нарѣчіи, на ряду съ mama, извѣстно и nana[29]; въ малорусскомъ неня, ненька; сюда же можно отнести и ирланд. naing, также мать. Но и съ этимъ корнемъ большинство языковъ образовало выраженіе для обозначенія другой родственницы, именно тетки, или женщины, заступающей мѣсто матери. Такъ, греч. νάννη и νέννα — тетка, рус. няня, нянька, откуда няньчить. Такому перенесенію значенія не могло не способствовать вошедшее въ особую силу для обозначенія матери звуковое сочетаніе ма у всѣхъ народовъ индоевропейскаго племени. Что касается до обратнаго слога, ан, то онъ еще менѣе распространенъ въ языкахъ индоевропейскихъ; съ значеніемъ отца попадается онъ, кажется, въ одномъ осетинскомъ языкѣ

(ana, anna); другіе случаи его употребленія относятся уже къ названію дѣда и бабки, какъ въ древне-германскомъ anô и anâ (30).

Господству сочетанія ра въ индоевропейскихъ языкахъ для обозначенія отца вполнѣ соотвѣтствуетъ, если еще не превосходитъ своею распространенностью и общностью у всѣхъ народовъ арійскихъ, четвертое сочетаніе ma, почти исключительно назначенное служить терминомъ для матери. Дѣйствительно, кромѣ грузинскаго mama, отецъ, нѣтъ ни одного языка, который бы образовалъ изъ него названіе отца. Но и этотъ единичный остатокъ достаточенъ, чтобы оправдать мысль объ общности дѣтскихъ названій, изъ одного и того же звуковаго сочетанія, для обоихъ родителей. Преобладающая сила сочетанія ma въ языкѣ обнаружилась одинаковыми явленіями съ разсмотрѣннымъ нами господствомъ ра. И тутъ точно также народъ не ограничился первобытнымъ и безсмысленнымъ образованіемъ посредствомъ удвоенія (мама), а соединилъ съ сочетаніемъ ma образовательный суффиксъ tar и, придавши ему свойственную идею, сдѣлалъ его корнемъ для образованія новыхъ словъ. И тогда какъ выраженіе mama, подобное papa, осталось лишь въ дѣтскомъ лексиконѣ, языкъ взрослыхъ, и чрезъ нихъ языкъ литературы, удержали новообразованную форму, которая безъ исключенія во всѣхъ языкахъ поражаетъ доселѣ своимъ сходствомъ, не смотря на всѣ перевороты, въ нихъ совершавшіеся, и на послѣдующее развитіе особыхъ законовъ звукосочетанія. Большая часть ихъ сохранила оба характеристическихъ звука окончанія, t и r, и только нѣкоторые ограничились какимъ-либо однимъ изъ двухъ, и то далеко не во всѣхъ случаяхъ этимологическихъ измѣненій. Такъ: скр. mâtar (имен. mâtâ), греч. μητηρ, лат. mater, англосакс. modor, древне нѣмец. môter, литов. móte (род. motere), церков. слав. мати (род. матере). Не будемъ, однакоже, думать, чтобы значеніе матери исключало всякое другое въ разсматриваемомъ корнѣ; противъ такой исключительности говорятъ рѣшительно: албанск. motra, въ смыслѣ сестры, литов. motere, съ значеніемъ женщины вообще. Слѣдовательно, и тутъ, какъ и въ выше приведенныхъ выраженіяхъ, языкъ слѣдовалъ общему пути, распространяя одно и то же названіе на различныя однородныя

лица, чему толчокъ данъ былъ тѣми же первоначаляными образователями этихъ названій, дѣтьми. Тѣмъ не менѣе, преобладающее господство значенія въ сочетаніи ma осталось за матерью, и къ нему, въ силу этого господства, не замедлила пріурочиться соотвѣтствующая идея.

Въ санскритѣ корень mâ является въ значеніи мѣрить, измѣрять; но такое значеніе есть уже второстепенное: въ немъ не замѣтно уже опредѣленнаго отношенія къ положенію матери относительно дѣтей. Соображая латинское выраженіе для женскихъ грудей mamma, mammae (Франц. mammelles) и сопоставляя его съ литов. papas (въ томъ же значеніи), съ польскимъ и др. слав. papa (хлѣбъ), отразившимися и на приданномъ значеніи корню pa (кормить, покровительствовать и т. п.), и здѣсь можно было бы всего скорѣе ожидать идею кормленія, что еще ближе сходствовало бы съ назначеніемъ матери. Вспомнимъ при этомъ и русское названіе для кормилицы — мамка, въ которомъ такъ наглядно выступаетъ сочетаніе мама въ значеньи матери и которое такъ родственно съ переходомъ значенія малорос. неня, неньки къ великорус. няня, нянька. Но древнѣйшій народъ видимо сосредоточилъ свое вниманіе на важнѣйшей и существеннѣйшей дѣятельности матери, на рожденіи; эту идею онъ и придалъ первоначально корню mâ, что несомнѣнно по значенію сложнаго глагола nirma (efficere, creare) и что еще явственнѣе выразилось въ попадающемся въ Ригвѣдѣ существительномъ mâtar, въ муж. родѣ, въ значеніи — творецъ, производитель, создатель ([31]). Согласно съ этимъ взглядомъ на мать, какъ на существо раждающее, и народная словесность обыкновеннѣе всего сопровождаетъ ее эпитетами, заключающими въ себѣ ту же идею, въ родѣ того, какъ: «ты мати, мати, порода моя».

Обратное сочетаніе отъ ma-am извѣстно гораздо менѣе. Во всякомъ случаѣ, если бы было и трудно согласиться съ происхожденіемъ отъ него скр. ambâ (-мать), уменьш. ambika, то едвали можно сомнѣваться въ ближайшей съ нимъ связи латин. amita (-тетка) и древ. нѣмецкаго amma (-кормилица).

Эта идея рожденія, отнесенная по преимуществу къ названію мать, сдѣлалась общею идеею и для обоихъ родителей, въ терминологіи всѣхъ языковъ арійскихъ. Какъ славянское слово

родитель, очевидно происходитъ отъ родъ, родить, и одинаково можетъ быть отнесено и къ отцу и матери (родительница), такъ скр. ǵanitar (отецъ), ganitrî (γενετηρ, γενετωρ и γενέτειρα, латин. genitrix происходятъ отъ общаго корня gan, рождать.

Оставляя въ сторонѣ необъяснимое для насъ слово ljolja, употреблявшееся въ значеніи отца Славянами люнебургскими ([32]), и обобщая сказанное нами о названіяхъ для отца и матери, можемъ отмѣтить, что а) у Славянъ сохранились всѣ тѣ сочетанія, которыя существуютъ у родственныхъ народовъ въ тѣхъ же случаяхъ, б) что сочетанія эти въ разсматриваемомъ ихъ примѣненіи принадлежатъ первоначально дѣтскимъ органамъ и состоятъ изъ двухъ звуковъ, согласнаго съ гласнымъ, в) что въ нихъ участвуютъ согласные звуки прежде всего доступные этимъ органамъ, именно зубные и губные съ носовымъ н, г) что сочетанія эти, въ примѣненіи своемъ къ обозначенію родителей, брались въ прямомъ и обратномъ видѣ, д) что по безсознательному происхожденію ихъ нельзя и думать о какомъ либо понятіи, принадлежащемъ имъ въ моментъ самаго происхожденія, е) что нѣкоторыя сочетанія, какъ ta и at, pa и ap, такъ и остались безъ понятія въ языкѣ, другія же получили его уже сравнительно позднѣе и чрезъ это сдѣлались корнями въ языкѣ, образовавшими изъ себя новыя слова, какъ pa и av, ma и am, ж) наконецъ, что почти всѣ указанныя сочетанія не ограничились примѣненіемъ только къ отцу и матери, а перешли въ названія и другихъ родственниковъ, не выходя, однакоже, изъ степеней ближайшихъ: брата и сестры, дяди и тетки, дѣда и бабки, кормилицы и няньки.

Понятія рожденія и питанія, заключенныя въ названіяхъ отца и матери, сами собою предполагаютъ новыя существа, рожденныя и вскормленныя. Только при существованіи послѣднихъ могли явиться въ жизни данныя понятія, а слѣдовательно выразиться и въ языкѣ: мужъ и жена могли стать отцемъ и матерью лишь тогда, когда родились у нихъ дѣти. Въ силу какой идеи получили названіе послѣднія, относительно отца и матери; какая идея высказалась въ названіи дѣтей и по отношенію ихъ другъ къ другу, — вопросы, которые не могутъ считаться лишенными основанія уже потому, что такія названія, очевидно

имѣютъ виновниками своего происхожденія родителей, дѣйствовавшихъ въ этомъ случаѣ не по внушенію животнаго инстинкта, подобно дѣтямъ, а подъ вліяніемъ установившихся законовъ языка, съ неизбѣжнымъ обозначеніемъ опредѣленнаго понятія въ каждомъ его словѣ. Имѣя въ виду языкъ славянскій, и здѣсь будемъ мы прибѣгать къ родственнымъ языкамъ на столько, на сколько окажутся они необходимыми для объясненія перваго.

Господствующее названіе для рожденныхъ отъ мужа и жены у всѣхъ славянскихъ народовъ есть дѣти. Коренная основа этого слова состоитъ въ слогѣ дѣ. Звукъ д въ языкѣ славянскомъ, соотвѣтствуя тому же звуку въ родственныхъ языкахъ самаго древнѣйшаго вида, обыкновенно соотвѣтствуетъ и соединенію его съ придыхательнымъ h въ послѣднихъ: скр. dhûma, madhu, vidhava и др. въ славянскомъ звучатъ: дымъ, медъ, вьдова и т. д. Звукъ ѣ, нѣкогда двогласный, соотвѣтствуетъ первобытному ai, видоизмѣнившемуся въ санскритѣ въ двогласное è. Принимая въ соображеніе эти свойства языка славянскаго, мы смѣло можемъ сопоставлять коренной слогъ дѣ, въ словѣ дѣти, съ первоначальною формою dhai, равносильною въ санскритѣ съ dhê. Это санскритское dhê существуетъ съ значеніемъ пить, питаться молокомъ, и дало отъ себя не мало производныхъ выраженій, находящихъ себѣ родство и въ другихъ соплеменныхъ языкахъ, гдѣ, какъ и въ санскритѣ, удержалось то же основное значеніе. Ежели, такимъ образомъ, сопоставимъ, съ одной стороны, эти производныя, какъ: dhâtrî, кормилица, dhênu, млекодающая корова, съ другой — сблизимъ готск. daddjan, кормить молокомъ, давать груди, и слѣдующія выраженія греческаго языка, въ которомъ органически и постоянно замѣняется скр. dh посредствомъ θ, а скр. ê посредствомъ η: θῆ-ση, кормить грудью, θη-λη, женскія груди, то едва-ли будетъ основательно сомнѣніе относительно кореннаго понятія славянскаго названія дѣти, какъ существъ, питаемыхъ груднымъ молокомъ.

Такимъ образомъ, коренная идея питанія въ словѣ дѣти есть одна изъ идей, которая придана и названію родителей, по крайней мѣрѣ отца. Естественная связь между тѣми и другими способна лишь оправдывать такое соотношеніе: родители питаютъ,

дѣти питаются; первые имѣютъ значеніе дѣйствующихъ, послѣдніе страдательное.

Для большаго разъясненія и оправданія этой идеи не лишне остановиться и на латинскомъ терминѣ foetus, тѣмъ болѣе, что корень этого слова, при внимательномъ взглядѣ на его происхожденіе, откроетъ идею питанія для жены или женщины вообще, замѣненную въ другихъ языкахъ идеею рожденія, какъ въ словахъ: жена и мать. Въ опредѣленіи кореннаго значенія латин. femina мы именно рѣшаемся отступить отъ замѣчанія Потта, утверждающаго, будто femina означаетъ рождающая (die Gebärende), а не питающая (die Säugende) ([33]). Замѣтимъ, что санскритское dh столь же послѣдовательно переходитъ въ латинскомъ языкѣ въ f ([34]), какъ въ греческомъ въ θ, въ славянскомъ въ d: dhûma-fumus, dhîra-firmus и др.; двоегласное же ai, равное скр. ê, замѣняемое въ латинскомъ посредствомъ oe (прежде ai, потомъ ae), не даромъ такъ строго удерживалось въ древнемъ правописаніи: faemina и faetus-foetus. На этомъ основаніи, мы позволяемъ себѣ смѣло сближать корень fae, въ данныхъ латинскихъ выраженіяхъ, съ скр. dhê, а черезъ это foetus съ славян. дѣти, и видѣть въ значеніи обоихъ первоначальную идею питанія, кормленія ([35]).

Идея питанія, въ примѣненіи къ дѣтямъ, выразилась въ индо-европейскихъ языкахъ и въ другихъ корняхъ. Такъ, скр. bâlâ, дитя, отъ bal, кормить, питать; такъ, въ языкѣ кельтскомъ употребленъ съ этою цѣлью корень al, замѣтный въ латинскомъ alimentum, откуда въ гаэльскомъ нарѣчіи ala, питаніе, кормленіе, въ валлійскомъ же al означаетъ молодыхъ животныхъ, кормимыхъ матерью, глаголъ alu — имѣть, кормить молодыхъ дѣтей ([36]). Отнесеніе этого корня къ животнымъ не можетъ противорѣчить нашему сравненію: и собственное выраженіе дѣти мы обыкновенно примѣняемъ къ животнымъ для обозначенія новорожденнаго, молодаго ихъ поколѣнія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ нарѣчіи валлійскомъ нѣкогда общій терминъ для людей и животныхъ удержался за послѣдними. Болѣе развитая жизнь, далеко отошедшая отъ патріархальнаго быта, въ которомъ непосредственное, чувственное воззрѣніе производило столь разнообразное богатство частныхъ выраженій для каждаго

знакомаго вида, должна была неизбѣжно вытѣснять ихъ больше и больше и замѣнять названіями родовыми, общими (37). И нашъ, такъ называемый, образованный языкъ видимо тратитъ обиліе частныхъ терминовъ и въ разбираемомъ случаѣ, употребляя вмѣсто спеціально назначенныхъ для того или иного рода животныхъ названія общія для всѣхъ, не исключая и людей.

Если въ названіи дѣти языкъ славянскій сохранилъ одну изъ идей, приданныхъ названію родителей, именно питаніе, то менѣе употребительный въ народѣ славянскомъ терминъ чадо удержалъ другую идею, рожденіе, особенно распространенную въ германскомъ языкѣ. Покойный Шимкевичъ въ основаніе понятія чадо поставилъ идею дѣйствія, сравнивши его съ синонимическимъ словомъ ребенокъ (-робенокъ), по мнѣнію его, отъ робити, польск. robić, и сблизивши съ глаголомъ чинить, польск. czyn, czynić (38). Послѣднее сближеніе, конечно, справедливо; но коренное значеніе слова не всегда можетъ быть тождественно съ позднѣйшимъ, современнымъ: внутренняя часть слова подвержена такъ же измѣненію, какъ и внѣшняя его оболочка, и тѣмъ быстрѣйшему, чѣмъ подвижнѣе самая мысль. Считаемъ излишнимъ распространяться о связи между корнемъ существ. чадо, ст. слав. чадо, глаголомъ чьн, откуда чати, и другимъ глагольнымъ корнемъ кън, котораго первый составляетъ только смягченный видъ, согласно съ свойствами слав. звукосочетанія: объ этомъ говорено не разъ и много (39). Скажемъ только, что какъ въ родственныхъ языкахъ тождественные корни: въ праязыкѣ gan, въ скр. ǵan, въ греческ. γεν (въ γεννάω, γένος и др.), въ лат. gen (въ genus), въ древне герман. kan, въ готск. kin, являются съ основнымъ значеніемъ рождать, производить; такъ точно и въ основѣ славян. кън (въ къназь)-кон и смягченнаго чьн-ча должна заключаться первоначально таже идея рожденія, и какъ въ готск. kind, такъ и въ славянскомъ отъ ча-чьн образовалось чадо. Замѣтимъ, что и нѣмецкое knabe, означающее теперь дитя мужескаго пола, мальчика, едва ли первоначально не имѣло общаго значенія дитяти; по крайней мѣрѣ и оно не можетъ имѣть иного корня, кромѣ kan, kin, какъ основательно, по нашему мнѣнію, заявилъ о томъ г. Лемке (40).

Оправданіе дѣйствительности идеи рожденія въ названіи

чадо находимъ мы и въ другихъ нѣкоторыхъ терминахъ индоевропейскихъ языковъ. Такъ готское слово barn, дитя, стоитъ въ неразрывной связи съ глаголомъ bairan, рождать, отсюда и въ Ульфилиномъ евангеліи barne-barna, дѣти-дѣтей (kindes-kinder), отсюда же и названіе для отца bêruseis и для предковъ bêrusiôs. Подобное оправданіе встрѣчаемъ и въ кельтскихъ нарѣчіяхъ, хотя идея рожденія и относится въ частности къ сыну или дочери: въ гаэльскомъ gineadh и geneadh, рождать и рождаться, gein, рожденный, сынъ, gnae, человѣкъ, женщина; въ валлійскомъ — geni, рождаться, genill, поколѣніе, genett, дочь ([41]).

Менѣе этимологической ясности представляетъ славянское выраженіе ребенокъ — робенокъ, которое, впрочемъ, вполнѣ ясно указываетъ на первообразную форму робъ и на родство съ рабъ. Толкованіе Шимкевича и сближеніе имъ этого выраженія съ глаголомъ робить можно принять развѣ только подъ условіемъ обратнаго пониманія, т. е. что не отъ робить (дѣлать, производить) перешло значеніе къ робу и рабу, а на оборотъ, отъ труда раба образовалось значеніе въ производномъ глаголѣ. Этимологическая темнота не отнимаетъ, однакоже, права, безъ малѣйшаго нарушенія этимологическихъ законовъ языка, сопоставить существ. робъ, рабъ съ скр. arbha, въ значеніи дѣти, поколѣніе, потомство, а въ языкѣ Вѣдъ въ смыслѣ малый: перестановка въ славян. языкѣ согласныхъ звуковъ, особенно плавныхъ, впередъ гласныхъ, начинающихъ коренное слово въ родственныхъ языкахъ, довольно обыкновенна (сравнимъ, напр. лодиа-алдиа, ралик, рус. роля, ролья; рало, ратай и др. съ корнемъ ar, который и остается въ томъ же видѣ въ соотвѣтствующихъ выраженіяхъ родственныхъ языковъ: греческ. ἄρουρα, ἄροτρον, лат. arvum, aratrum и т. д.). Съ этимъ словомъ arbha сопоставляютъ и греч. ὀρφανός (нищій), лат. orbus (лишенный), и готск. arba (наслѣдство), arbja (наслѣдникъ), нынѣшнее нѣмецкое der Erbe ([42]). Идея малости, приданная выраженію arbha въ діалектѣ Вѣдъ, столь естественная для понятія ребенокъ, весьма легко и вполнѣ согласно со взглядомъ патріархально-народнымъ, способна объяснить и переходъ значенія къ рабу, такъ какъ съ понятіемъ малости у народовъ древ-

нихъ не отдѣлялось и понятіе слабости, бѣдности, ничтожности. На этомъ основаніи и самыя сословія дѣлились на большихъ людей и малыхъ, или большихъ, добрыхъ и худыхъ, т. е. бѣдныхъ. Согласно, быть можетъ, съ непривлекательнымъ воззрѣніемъ старины на жену, образовался и терминъ роба (жена) въ словацкомъ нарѣчіи ([43]). Изъ обозрѣнія сказаннаго о терминахъ дѣти и чадо не трудно вывести заключеніе, что и въ нихъ заключены обѣ идеи, питанія и рожденія, какія пріурочены народомъ къ названію родителей, отца и матери.

Но дѣти могутъ быть двухъ половъ, сыновья и дочери. Какое впечатлѣніе, какая идея руководила человѣкомъ въ томъ и другомъ названіи. Казалось бы, скорѣе всего и здѣсь встрѣтить туже общую идею рожденія, заключенную въ общемъ понятіи чадо-kind. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ нѣкоторыхъ родственныхъ языковъ ее и находимъ мы въ обоихъ терминахъ. Такъ, скр. tanaja (сынъ) и tanajâ (дочь) указываютъ на корень tan, въ значеніи творить, рождать; припомнимъ кельтскія нарѣчія, въ которыхъ также отмѣтили мы туже идею въ названіяхъ и сына и дочери. Она же всецѣло принадлежитъ и господствующему, наиболѣе распространенному термину для сына во всѣхъ арійскихъ языкахъ.

Тождественность происхожденія славян. сынъ съ скр. sûnus, готск. sunus, древ. нѣмец. sunu, sun, нынѣшнимъ sohn, литов. sunas едва ли кто рѣшится отрицать; признавая же эту тождественность, нельзя не согласиться и съ способомъ образованія этого слова, и съ кореннымъ значеніемъ его. Образовалось же оно отъ глагольнаго корня su, рождать, посредствомъ приставки nu, равносильной въ настоящемъ случаѣ съ причастнымъ окончаніемъ прошедшаго времени страдательнаго залога ta. Такая равносильность въ данномъ словѣ всего очевиднѣе опредѣляется и посредствомъ слова suta (сынъ), собственно причастія прошедшаго страдательнаго отъ того-же su; такимъ образомъ, основное значеніе сынъ есть — рожденный. Женскій родъ того же причастія и того же глагола перешелъ въ санскритѣ въ названіе для дочери, и sutâ значитъ дочь.

Видно, идея рожденія представлялась наиболѣе естественною и пригодною въ понятіи древнѣйшаго человѣка для дѣтей, даже

и при различеніи ихъ пола; въ славянскихъ нарѣчіяхъ удержалась она и въ синонимическихъ словахъ, происходящихъ отъ другаго корня. Такъ, въ соотвѣтствіе русскимъ пасынокъ и падчерица, встрѣчаемъ у Поляковъ paserb, paserbica, у Хорутанъ, Хорватовъ и Сербовъ пасторак, пасторка и пасторкиња. Эти слова происходятъ отъ корня ser, также въ значеніи рождать (44).

Впрочемъ, въ терминѣ для дочери, всѣ почти родственные языки, не исключая и санскрита, соединили другую идею, и ее сдѣлали наиболѣе господствующею, сколько можно судить по преобладающему, въ нѣкоторыхъ же языкахъ исключительному, господству самаго названія. Названіе это въ славянскомъ языкѣ есть дочь, одно и тоже по корню своему во множествѣ языковъ, съ требуемымъ только видоизмѣненіемъ звуковъ, согласно съ особенными законами каждаго языка. Скр. duhitṛ, греч. θυγάτηρ, готск. dauhtar, древне-нѣм. tochtar, нынѣш. tochter, литов. duktĕ, къ которому такъ близко древне персидское duckte; древнѣйшая форма въ слав. языкѣ есть дъшти, образовавшаяся изъ болѣе первичной дъкти (45). Не видя основанія сомнѣваться въ единствѣ происхожденія приведенныхъ выраженій, можно для опредѣленія кореннаго значенія смѣло обратиться къ скр. duhitṛ, въ которомъ, по глубокой древности памятниковъ языка, не могла такъ сильно затмиться основная идея, какъ это замѣчаемъ въ языкахъ съ гораздо позднѣйшею сравнительно исторіею.

Существительное duhitṛ несомнѣнно образовалось изъ глагольнаго корня duh и приставки tar, ослабленной въ tṛ, обозначающей дѣйствующее лице (46). Глаголъ duh значитъ доить, равный по формѣ и по смыслу готскому tuh; отсюда, существительное duhitṛ должно выражать понятіе о лицѣ, которое доитъ. Лассенъ, принимая въ соображеніе пастушескій бытъ Арійцевъ, въ этомъ бытѣ думаетъ видѣть единственный поводъ къ такому названію дочери, на которой, по его мнѣнію, лежала обязанность доенья коровъ: auf das ursprüngliche Hirtenleben geht auch die Benennung duhitri, θυγάτηρ, tochter, d. h. Melkerin; es war ihr Amt in der alten Familie der Hirten (47). Не можемъ не согласиться съ нимъ, что опредѣленіе понятія duhitṛ значеніемъ питающаяся грудью (quae mammam sugit), сосущая

грудь, какъ полагаютъ нѣкоторые, едва ли основательно, такъ какъ и дѣти мужескаго пола не могутъ въ одинаковой степени съ дочерьми обойтись безъ молока матери. При томъ duh и не значитъ питаться или сосать. Но, съ другой стороны, не легко допустить въ первобытной жизни, отъ которой, разумѣется, идетъ названіе дочери, столь отчетливое распредѣленіе занятій, противорѣчащее даже и современнымъ порядкамъ въ тѣхъ странахъ и у тѣхъ народовъ, гдѣ существуютъ остатки пастушескаго быта и гдѣ доенье коровъ, какъ и другихъ животныхъ доимыхъ, далеко не исключительно составляетъ обязанность не только дочерей, но и вообще женщинъ. Другая, по нашему убѣжденію, идея и въ словѣ duhitṛ. Славянскія нарѣчія въ отысканіи этой идеи, думаемъ, не могутъ не быть посредниками. Въ нихъ глаголъ доить, тожественный съ скр. duh, значитъ не только безотносительно извлекать молоко изъ грудей, вымени, но и относительно, извлекать для питанія, кормить молокомъ. Такъ въ нарѣчіи старославянскомъ, откуда и доитель, въ смыслѣ питатель, кормитель, доилица и доильница — кормилица; такъ и въ сербскомъ, откуда дојкиња, кормилица, мамка; не справедливо было бы отрицать тоже самое и въ санскритѣ, и тѣмъ больше, что утверждать устойчивое однообразіе въ древнѣйшее время въ какомъ бы то ни было словѣ подъ вліяніемъ взгляда на позднѣйшіе языки — не совсѣмъ послѣдовательно. Санскритскій, напримѣръ, глаголъ dhê или dhâ, родственный по корню съ duh, ([48]) означаетъ вообще пить, питаться, и однакоже происшедшее отсюда dhâtṛ, какъ сказано выше, имѣетъ значеніе питательницы, кормилицы, а готское daddja, тожественное съ dhê, значитъ уже кормить молокомъ, давать грудь, съ чѣмъ только и можно сопоставить сербское дадија ([49]). Такимъ образомъ, и въ словѣ duhitṛ ничто не препятствуетъ видѣть тоже значеніе, что и въ dhâtṛ, или въ серб. дојкиња, т. е. кормилица, и объяснять такое названіе идеей будущаго положенія дочери, какъ матери, а слѣдовательно и кормилицы, питательницы своимъ молокомъ. Пиктэ, склоняясь къ мнѣнію Лассена, затрудняется пристать къ объясненію, подобному нашей догадкѣ, по тому соображенію, что въ такомъ случаѣ не было бы видно отношенія дочери къ родителямъ, которое, по его мнѣнію, непремѣнно должно быть: а родители, конеч-

но, не могутъ назвать свою дочь нашей питательницей (50). Но, во первыхъ, на столько же закрыто отношеніе это и въ объясненіи Лассена; во вторыхъ, едва ли безусловно и необходимо выраженіе такого отношенія въ терминахъ для дѣтей. Послѣднее было бы основательно, если бы слово созидалось и примѣнялось къ данному предмету въ первый моментъ появленія предмета; но существительное duhitŕ, какъ и множество другихъ, могло получить жизнь въ періодъ значительной опытности народа, тѣмъ скорѣе при такомъ состояніи народа могло оно примѣниться къ дочери. Въ этомъ отношеніи, мы ничего не имѣемъ и противъ предположенія Боппа (51), будто duhitŕ значило первоначально вообще женщину, что находитъ оправданіе и въ основномъ значеніи латин. mulier, сопоставляемаго Лассеномъ съ mulgere, доить (52).

Взаимныя другъ къ другу отношенія рожденныхъ дѣтей, сыновей и дочерей, выразилъ народъ арійскій особыми названіями, распространенными съ большею или меньшею исключительностью по всему индоевропейскому племени. Названія эти братъ и сестра. Постараемся отыскать и въ нихъ коренную идею.

Существительное братъ, подобно многимъ другимъ родственнымъ терминамъ, также одинаково звучитъ въ языкахъ индоевропейскихъ: скр. bhrâtŕ, готск. brôthar, древне верх. нѣм. pruodar, нын. нѣм. bruder, лат. frater, литов. brolis (53); въ греческомъ языкѣ, правда, утвердилось другое слово, ἀλελφός, но ежели взять въ соображеніе существ. φρατρία, братство, то, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что и въ немъ когда-то жило выраженіе φρητήρ или φρατήρ или φράτωρ. Во всѣхъ однакоже языкахъ, кромѣ уменьшительной формы литовскаго, господствуетъ въ окончаніи звукъ р; онъ принадлежалъ нѣкогда и цер. слав. нарѣчію, какъ, напр., въ Глаголитѣ Клоца и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, особенно глаголитскихъ; слышенъ и до-нынѣ въ нарѣчіяхъ западно-славянскихъ, хотя и въ превращеніи уже въ шепелеватое ŕ, какъ въ польскомъ, по крайней мѣрѣ въ производныхъ словахъ braterski и braterstwo, и въ чешскомъ. Все это, очевидно, заставляетъ съ увѣренностью допускать, что и въ остальныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, утратившихъ это р съ незапамятныхъ поръ, было оно также всеобще въ доисторическое

время. Такимъ образомъ, коренная форма и русскаго языка должна быть братръ.

Относительно кореннаго значенія этого слова вопросъ нѣсколько сложнѣе. Боппъ положительно говоритъ, что корень скр. bhrâtṛ не извѣстенъ (54). Уважая мнѣніе знаменитаго филолога, не можемъ, однакоже, не позволить себѣ высказать сближеніе bhrâtṛ съ другимъ существительнымъ санскритскимъ, совершенно сходнымъ по подбору звуковъ и также выражающимъ понятіе родства, — это bhartṛ. Въ формальномъ отношеніи на близость обоихъ словъ уже было указано г. Бетлингомъ (55) и повторено въ слѣдующихъ выраженіяхъ Лассеномъ: bhrâtṛ-bhrâtar ist aus bhartar (-bhartṛ) durch Umstellung von ar zu ra entstanden (56). Существительное же bhartṛ, имѣя въ основаніи своемъ глагольный корень bhṛ — bhar (носить, поддерживать, питать), означаетъ прежде всего того, кто поддерживаетъ, кормитъ, далѣе господина и, наконецъ, мужа, супруга. Взглядъ на взаимныя отношенія членовъ первобытнаго семейства только въ состояніи оправдать признаваемое формальное родство словъ bhartṛ и bhrâtṛ и повести къ заключенію о родствѣ и тождествѣ въ первобытное время и самаго значенія. Г. Пиктэ думаетъ видѣть въ однокоренномъ названіи мужа и брата только общность основной идеи — покровительства и питанія, что братъ, значитъ, разсматривался какъ естественный покровитель сестры, какъ при жизни родителей, такъ и послѣ смерти ихъ. Но намъ кажется, что сходство названій ограничивается не одною общею идеею, а указываетъ на тождество и самыхъ предметовъ, другими словами, что братъ и мужъ нѣкогда были выраженіями синонимичными. При мысли или вовсе о несуществованіи множества семействъ въ первыя времена человѣчества, или ограниченности числомъ и разбросанности, враждебности, естественно, дѣти одной четы, сыновья и дочери, братья и сестры, могли стать въ отношенія мужей и женъ. Исторія древнѣйшаго человѣчества, не исключая и Ветхаго Завѣта, говоритъ объ этомъ ясно, какъ скоро касается первобытной эпохи. Отсюда, при двоякомъ отношеніи одного и того же лица, понятна и возможность, даже неизбѣжность и двухъ понятій въ одномъ и томъ же названіи этого же лица. Такимъ образомъ, слово bhartṛ

стало означать и мужа и брата, хотя для послѣдняго значенія и не замедлила утвердиться другая форма, отличенная отъ первой лишь усиленіемъ слабаго ar въ râ, столь обыкновенно употребительнымъ въ санскритѣ, даже безъ измѣненія кореннаго значенія. Намъ нѣтъ надобности рѣшать, когда произошло подобное отличеніе въ формѣ: тогда-ли, когда исчезла необходимость, въ слѣдствіе размноженія семействъ, ограничиваться браками между братьями и сестрами, когда вошло въ обычай, а потомъ въ законъ допускать соединеніе между лицами чужими или отдаленнѣйшаго родства, или еще прежде, въ періодъ безразличія въ бракахъ, — заключеніе наше объ упомянутыхъ названіяхъ ни мало отъ этого не пострадаетъ. Позволимъ себѣ только предположить, что формальное различіе въ словѣ могло состояться и въ одной семьѣ, въ силу различнаго возраста брата и способности его быть мужемъ: при отношеніи единственно братскомъ къ сестрѣ, онъ могъ называться bhrâtar, когда-же дѣлался мужемъ — bhartar. Какъ бы то ни было, но единство происхожденія обоихъ словъ не подлежитъ сомнѣнію, а слѣдовательно и въ названіи братъ необходимо допустить идею защиты и питанія. Взглянемъ на происхожденіе и значеніе ближайшаго къ брату названія — сестра.

И въ этомъ названіи сходится большая часть языковъ индоевропейскихъ, хотя и съ такимъ звуковымъ отличіемъ, которое значительно затрудняетъ положительность въ опредѣленіи корня слова и производитъ въ мнѣніяхъ ученыхъ то разногласіе, которое иногда приближается къ личнымъ догадкамъ и предположеніямъ. Существенное отличіе состоитъ въ звукѣ т (t), котораго вовсе не видно въ однихъ языкахъ, и при томъ древнѣйшихъ, и который является необходимымъ въ другихъ. Къ первому разряду относятся: скр. svasṛ (-svasar), зенд. ganhar, лат. soror вм. sosor, а это вм. svosor; литов. sessů (род. sessers, множ. sesseres); ко второму —языки германскіе и славянскіе: готское svistar, др. нѣм. süestar, нынѣш. schwester, обще славян. сестра. На этомъ основаніи, одни изъ филологовъ признаютъ ближайшими къ коренной формѣ германскія и славянскія нарѣчія, и ихъ берутъ въ основу своихъ объясненій, какъ, напр., Поттъ ([57]), утверждающій сложность этого названія изъ мѣстоимѣнія sva

(свой) и существительнаго strî (происшедшаго чрезъ сокращеніе изъ sutrî, отъ глагольнаго корня su, рождать), въ значеніи женщина, жена; по такому толкованію, сестра означала бы свою жену. Къ этому же, очевидно, склоняется и Боппъ ([58]). Другіе, напротивъ, хотятъ видѣть болѣе первоначальной чистоты въ формахъ санскрита и латинскаго языка, и если не прочь допускать и въ нихъ звукъ т, только выброшенный, то никакъ не думаютъ придавать ему значеніе въ самостоятельномъ корнѣ, а лишь въ окончаніи. Такъ Веберъ, переходя отъ svasṛ черезъ svasar къ svastar, предполагаетъ послѣднее образовавшимся изъ suastar, а это происшедшимъ изъ соединенія двухъ корней: su, хорошо, прекрасно, и as, быть, существовать, и образовательной приставки tar (-tṛ), участвующей въ названіяхъ санскритскихъ и при родственныхъ именахъ, какъ для отца, брата и др. Отсюда, по его мнѣнію, svasṛ, сестра, означаетъ хорошо существующую, дружелюбную, или, съ причиннымъ значеніемъ, доставляющую счастіе, заботливую ([59]). Не говоря уже ничего противъ отвлеченности значенія, едва-ли согласной съ воззрѣніями столь глубокой древности, изъ какой несомнѣнно идетъ слово сестра, мы позволимъ себѣ замѣтить касательно формальной стороны, что едвали основательно брать за образецъ первобытнѣйшей чистоты слова германскій и славянскій языки, сравнительно съ санскритомъ, зендомъ и латинскимъ, и не потому, чтобы мы не допускали возможности сохраниться крѣпче и чище той или иной формѣ въ языкахъ сравнительно новѣйшихъ, а потому, что звукъ т въ окончаніи существ. сестра въ славянскомъ языкѣ легко можетъ быть объясненъ весьма обычною его вставкою между с и р, какъ, на оборотъ, звучное д вставляется между звучными з и р: страженіе вм. сраженіе, страмъ вм. срамъ, пестрый вм. песрый, ноздри вм. нозри (изъ носри). Слѣдовательно, надобно бы было прежде доказать, что въ данномъ словѣ слав. языка звукъ т не есть евфоническая вставка и что форма сестра подкрѣпляетъ, такимъ образомъ, первобытность германской svistar, süestar, а не противорѣчитъ ей. Въ противномъ случаѣ, одни германскія нарѣчія ни въ какомъ случаѣ не въ силахъ перевѣсить согласія санскрита, зенда, латинскаго, литовскаго и славянскаго, который евфоничностью звука

т только подтверждалъ бы непринадлежность этого звука основной формѣ. Вотъ почему намъ и кажется гораздо вѣрнѣе взглядъ на образованіе разсматриваемаго названія, предложенный г. Пиктэ. Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи, онъ принимаетъ скр. svasṙ (svasar) за исходную форму, и видитъ въ ней болѣе древнее окончаніе ar (-ṙ), равносильное болѣе распространенному и позднему tar (-tṙ), какъ çâsar, повелитель, rathêshtar, воинъ, dêvar, деверь и др. Болѣе убѣдительности, на нашъ взглядъ, заключаетъ въ себѣ и толкованіе г. Пиктэ о происхожденіи самаго слова и его первоначальномъ значеніи. По такому толкованію, svasṙ составлено изъ предлога sa, вмѣстѣ, съ, и глагольнаго корня vas, обитать, жить, такъ что svasṙ означало бы первоначально живущую вмѣстѣ (съ братомъ, прибавляетъ Пиктэ). Звукъ a въ предлогѣ могъ утратиться точно такъ же, какъ утратилось u въ strî, изъ sutrî ([60]). Не имѣя сами ничего сказать новаго, мы только отмѣтимъ бо̀льшую вѣроятность и меньшую степень натяжекъ въ послѣднемъ объясненіи.

До сихъ поръ названія родства не выходили изъ круга самыхъ ближайшихъ лицъ: мужа и жены, отца и матери, сыновей и дочерей. Это количество родственныхъ лицъ неизбѣжно должно было умножиться, какъ скоро и послѣдніе, сыновья и дочери, дѣлались мужьями и женами. Образуя новую семью въ старой семьѣ, съ новыми дѣтьми, тѣмъ самымъ вводили они и новыя отношенія этого молодаго поколѣнія къ старому, которыя требовали и новыхъ названій, съ больше или меньше опредѣленнымъ выраженіемъ такихъ отношеній. Послѣднія естественно должны были выразиться въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи прямомъ, при указаніи взаимныхъ отношеній между дѣтьми дѣтей, съ одной стороны, и родителями родителей, съ другой, и въ направленіи боковомъ, между дѣтьми дѣтей и братьями и сестрами родителей. Остановимся прежде на первомъ.

Идя по нисходящей линіи отъ отца и матери къ дѣтямъ и отъ этихъ къ ихъ дѣтямъ, мы находимъ отношенія послѣднихъ къ первымъ и обратно выраженными въ слав. языкѣ словами: внукъ — внука и дѣдъ — баба.

Старославянскія формы унукъ — унука, сохранившіяся безъ приставнаго придыхательнаго в и въ нѣкоторыхъ живыхъ

нарѣчіяхъ, яснѣе указываютъ на коренное значеніе, опредѣляя прямо происхожденіе отъ унъ, произносимаго въ русск. языкѣ юнъ, юный. Это названіе развилось, кажется, уже на почвѣ чисто славянской, соотвѣтствуя въ родственныхъ языкахъ инымъ словамъ. Наиболѣе распространенное изъ нихъ удержалось и въ славянскомъ языкѣ, только при обозначеніи иного родства, и мы остановимся на немъ, когда коснемся послѣдняго. Ежели сообразимъ соотвѣтствіе славянскаго унъ-юнъ санскитскому ûna, въ смыслѣ малый, слабый, то увидимъ, что народъ славянскій обозначилъ родственное отношеніе внуковъ къ отцу и матери ихъ родителей идеей молодости, юности, и съ тѣмъ вмѣстѣ малости и слабости ([61]).

Обратному отношенію ближе всего было выразиться въ такомъ терминѣ, который бы содержалъ противоположную идею, идею величины и старости. Нѣкоторые языки, дѣйствительно, эту идею и заключаютъ, прилагая только ее къ понятію отца. Отсюда, скр. pitâmaha, греч. μέγας πατήρ, нѣм. gross vater, т. е. великій, большой отецъ. Другіе, напротивъ, ограничиваются терминомъ, заимствованнымъ просто и только отъ отца, какъ латин. avus([62]); сюда, полагаемъ, принадлежитъ и славянскій языкъ, съ своимъ выраженіемъ дѣдъ. Мы уже сказали на своемъ мѣстѣ, что основной корень та, въ названіи отца, тата, въ нѣкоторыхъ языкахъ замѣняется посредствомъ звучнаго д, откуда произошло дад, съ тѣмъ-же значеніемъ отца. Такое-то видоизмѣненіе позволяемъ мы себѣ видѣть и въ словѣ дѣдъ, вполнѣ соотвѣтствующемъ, по формѣ, скр. tâta ([63]), гдѣ долгое а послѣдовательно превратилось у Славянъ въ ѣ. И какъ значеніе tâta отъ первоначальнаго отецъ перешло къ обозначенію человѣка почтеннаго, уважаемаго, такъ и литовское dědas, соотвѣтствующее нашему дѣдъ, и по формѣ и по значенію, употребляется и въ смыслѣ престарѣлаго человѣка, въ обращеніи къ которому патріархальный бытъ не отдѣляетъ извѣстнаго почтенія. Въ томъ же санскритѣ понятіе дѣда выражается и посредствомъ âryaka, что значитъ собственно почтенный человѣкъ, отъ ârya. Съ существительнымъ dědas соединено въ литовскомъ языкѣ и прилагательное didis, въ значеніи большой. Мы рѣшаемся, однакоже, думать, въ противность г. Гильфердингу, что не dědas

получило свое значеніе отъ прилагательнаго didis, а, на оборотъ, послѣднее обязано первому. Полагаемъ также, что нѣтъ нужды пріискивать какой либо особый знаменательный корень для дѣда и dědas и въ санскритѣ, какъ это дѣлаетъ Пиктэ, сопоставляя приведенныя слова съ скр. dhâ, dhi, въ значеніи питать, покровительствовать (64). Такое словопроизводство можно признать развѣ только въ такомъ смыслѣ, въ какомъ pitŕ производятъ отъ pa, т. е. что изъ дѣтскаго сочетанія pa, обратившагося въ названіе отца, въ послѣдствіи образовался корень съ соотвѣтственнымъ значеніемъ питать. Въ настоящемъ случаѣ, участвуетъ такимъ же образомъ сочетаніе та, давшее тата, съ видоизмѣненіемъ въ да (дада), чего не отрицаетъ и г. Пиктэ. Быть можетъ, что и изъ этого сочетанія образовался корень да и dha.

Что въ выраженіи дѣдъ заключалась первоначально идея объ отцѣ, кромѣ лат. avus, собственно отецъ, видно изъ соотвѣтствующаго ему термина женскаго пола, баба. О коренномъ тожествѣ баба и папа говорено нами выше; тамъ же указано и на замѣну кое-гдѣ послѣдняго первымъ, при отнесеніи этого слова къ отцу. Но славянскій языкъ преимущественно пріурочилъ выраженіе баба къ названію матери родителей, какъ соотвѣтствующее дѣду. Это соотвѣтствіе идетъ и дальше: какъ дѣдъ, дѣдушка обозначаетъ у Славянъ, кромѣ опредѣленной степени родства, и всякаго старика, такъ и баба, бабушка служитъ для обозначенія старухъ (65). Мы видѣли, какъ названія отца и матери переходятъ къ значенію няньки, кормилицы (мр. неня — мать, словацк. nanjo — отецъ, вр. няня, нянька); тоже встрѣчаемъ и въ названіи баба, какъ въ сербскомъ нарѣчіи, гдѣ бабица означаетъ няньку: ђе је много бабица килава су деца (66). Здѣсь невольно просится на сближеніе и скр. papu, одинаково происходящее отъ сочетанія pa, наравнѣ съ papa, pitŕ, pater, и означающее няньку. Подобный переходъ значенія не могъ не поддерживаться простымъ бытомъ народа, въ которомъ одною изъ существенныхъ обязанностей бабки есть уходъ за дѣтьми. Въ жизни семейно-родовой, разительные примѣры которой предлагаютъ намъ и теперь поселенія сербовъ и хорватовъ на военной границѣ, гдѣ на долю каждаго молодаго члена, безъ различія пола, воз-

лагается старѣйшиной часть хозяйственныхъ занятій, требующихъ свѣжихъ силъ, наблюденіе за дѣтьми само собою становится обязанностью престарѣлыхъ членовъ.

На основаніи сказаннаго о терминахъ дѣдъ и баба, едва ли мы не въ правѣ съ положительностью утверждать, что первоначальная идея въ нихъ не отдѣлялась отъ отца и матери, какими и могли представиться, дѣйствительно, дѣдъ и баба своимъ внукамъ; что только въ послѣдствіи связалось съ ними отдѣльное значеніе, съ указаніемъ на опредѣленную степень родства, а съ этимъ вмѣстѣ исключительно къ нимъ примѣнились и самыя слова, по крайней мѣрѣ въ славянскомъ языкѣ, и что только за этимъ пріобрѣли они и болѣе общій смыслъ — старика и старухи. Общія названія перваго боковаго родства, надѣемся, еще сильнѣе подтвердятъ нашу мысль; но, держась прямой нисходящей и восходящей линій родства, остановимся прежде на выраженіи въ славянскомъ языкѣ отношеній между дѣтьми внуковъ и родоначальниками — родителями.

Въ этомъ случаѣ, какъ вообще Славяне, такъ и въ частности Русскіе не употребляютъ особыхъ словъ, а повторяютъ тѣже названія: внукъ, внука, дѣдъ, баба съ приставной частицей пра, единичной или двойной, смотря потому, разумѣются ли отношенія между родителями родоначальниками и дѣтьми внуковъ и т. д. Что касается до частицы пра, употребляющейся и въ литовскомъ, какъ pradĕdas (прадѣдъ), встрѣчающейся и въ санскритѣ, хотя и не прямо для обозначенія степени родства, какъ prabhava, начало, поколѣніе, семейство, prasava, рожденіе, потомство, поколѣніе, то ею обозначается отдаленность, если справедливо предположеніе Боппа, что она образовалась изъ пара ([67]) (para). Съ этимъ объясненіемъ согласовалось бы и лат. at, въ atavus (прадѣдъ), которое, по мнѣнію Курція ([68]), соотвѣтствуетъ скр. ati, съ тѣмъ же смысломъ отдаленности. Въ такомъ случаѣ, прадѣдъ значилъ бы отдаленный дѣдъ, прапрадѣдъ — еще болѣе отдаленный. Такъ точно и прабаба и прапрабаба, правнукъ и праправнукъ. Утроеніе пра, кажется, не употреблялось на Руси, по крайней мѣрѣ въ древнее время: вмѣсто прапрапрадѣда встрѣчаемъ выраженіе пращуръ. Такъ, Борисъ Александровичъ тверской говорилъ князю Василію Темному: «а которые

земли и воды потягли къ нашей вотчинѣ, къ Твери и къ Кашину, при моемъ пращурѣ, при В. К. Михаилѣ Ярославиче и при моемъ прапрадѣде, при В. К. Александрѣ Михаиловичѣ.....» ([69]). Даже самое удвоеніе пра не вездѣ было въ ходу, какъ видно изъ слѣд. мѣста ипатіевской лѣтописи ([70]): «начало княженія въ Кіевѣ князя великаго Дюргя сына Владимира Мономаха, внука Всеволожа правнука Ярославля, пращюра великаго Володимира, крестившаго всю землю русскую». Отчисленіе термина пращуръ къ лицу нисходящей линіи я считаю очевидною ошибкой и отношу его къ Владиміру святому, прапрадѣду Георгія владіміровича, названному здѣсь пращуромъ ([71]). Подобное различіе значенія пращура, равносильнаго въ одномъ памятникѣ прапрадѣду, въ другомъ прапрапрадѣду указываетъ, полагаемъ, на смѣшеніе этихъ родственныхъ терминовъ, которое легко могло произойти отъ рѣдкости употребленія ихъ, въ слѣдствіе слишкомъ уже отдаленнаго родства. Какъ бы то ни было, но выраженіе пращуръ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, есть самая высшая степень восходящаго родства.

Коренное значеніе слова щуръ довольно темно. Въ старинной письменности церк. славянской оно означало кузнечика, въ нынѣшнемъ употребленіи у Славянъ значеніе довольно разнообразно, переходя отъ насѣкомаго къ ужу и даже къ крысѣ. Сближеніе этого слова съ скр. çura (герой, мужъ), предложенное и объясненное г. Буслаевымъ, во всякомъ случаѣ, кажется намъ гораздо согласнѣе съ свойствами языка славянскаго, нежели сравненіе его съ скр. sthûra (человѣкъ), приведенное г. Гильфердингомъ ([72]). Такимъ образомъ, по первому объясненію, въ словѣ пращуръ сливались бы въ одно двѣ идеи: о предкѣ и о героѣ; подобное сліяніе нашло-бы подтвержденіе и въ понятіяхъ древнѣйшаго и патріархальнаго народа вообще о предкахъ, возводимыхъ не только въ рядъ героевъ, но и домашнихъ божествъ: они являлись покровителями дома, очага, рода; ихъ боготворили въ качествѣ пенатовъ. Нынѣшнее значеніе щура не только не опровергаетъ такого понятія о предкахъ, а скорѣе подтверждаетъ и оправдываетъ его: въ этомъ значеніи заключается олицетвореніе душъ умершихъ въ тѣхъ насѣкомыхъ и животныхъ, которыя тѣсно связаны съ домомъ, которыя, въ

силу такаго олицетворенія, пользуются и благоговѣйнымъ почеомъ ([73]). Сила и общераспространенность почтенія и боготворенія предковъ выразилась и въ первые вѣка христіанства у Славянъ, въ перенесеніи терминовъ прадѣда и дѣда на Бога: «аще ли мя твориши прадѣдом или дѣдом себѣ, то чему мя не чтеши, якож добри уницы прадѣды и дѣды чтят.» ([74]) На боготвореніе предковъ указываютъ и примѣры производства язычниками своего рода и народа отъ боговъ, какъ, напр., въ Словѣ о Полку Игоревѣ: стри божи внуци, дажьбожь внукъ и т. п.

Боковое отношеніе между дѣтьми дѣтей и братьями и сестрами ихъ родителей выразилось у Славянъ точно также особыми названіями. Наиболѣе общія изъ этихъ названій, наиболѣе распространенныя и въ настоящее время суть: дядя и тетка. Коренное значеніе обоихъ сводится къ тому же понятію отца, изъ котораго образовались термины для дѣда и бабки. Что касается до слова дядя, то въ немъ нельзя не видѣть подобнаго же видоизмѣненія древнѣйшаго тата, какъ и въ дѣдъ; въ звукѣ ꙉ легко могъ скрываться и носовой звукъ, слышный доселѣ въ значительной части нарѣчій славянскихъ, какъ дундо въ нарѣчіяхъ сербскомъ, хорватскомъ, хорутанскомъ, словацкомъ и лужицкомъ. Въ самомъ старославянскомъ нарѣчіи попадается форма дѧдѧ ([75]). Не говоря о замѣнѣ звука т посредствомъ д, о чемъ сказано выше, замѣтимъ, что переходъ кореннаго а въ славян. языкѣ въ ѧ и ѫ довольно обыченъ, какъ и усиленіе а въ ѣ. Такимъ образомъ, корень сад, обращаясь въ славян. языкѣ въ сѣд, является и въ видѣ сѧд. Примѣнимость идеи отца къ дядѣ, неоднократно указывавшаяся нами прежде, подтверждается и ближайшимъ къ нему по родству тета — тетка, единство происхожденія котораго съ тата не можетъ подлежать сомнѣнію ([76]). Литовскій языкъ служитъ близкимъ поясненіемъ; въ немъ также находится выраженіе teta, съ значеніемъ сестры отца или матери, и въ тоже время tetis, отчикъ tėtajtis, tėtàtis, tėtùttis, отецъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ терминъ для дяди есть лишь легкое звуковое видоизмѣненіе выраженія для отца, именно vetter.

Послѣ того, что говорено нами о сліяніи идеи отца и матери въ самыхъ названіяхъ въ языкахъ родственныхъ, изъ которыхъ одни удержали извѣстный корень для выраженія отца, другіе

тотъ же корень для матери, и наоборотъ, не можетъ казаться особенно страннымъ отнесеніе идеи отца къ сестрѣ отца или матери, т. е. къ теткѣ. Русскій языкъ, сколько извѣстно, съ первой поры исторіи, не дѣлалъ точнаго различія въ выраженіяхъ дядя и тетка, употребляя первое одинаково и для мужа тетки, или матери сестры, второе и для жены дяди, брата отцова. Принимая, однакоже, въ соображеніе другія нарѣчія и говоры славянскіе, едва-ли мы въ правѣ отрицать строгое нѣкогда отличеніе родства въ древней Руси и въ этомъ отношеніи. Такъ, въ сербскомъ и хорватскомъ нарѣчіяхъ доселѣ еще мужъ называется тетак (хорв. tetac); Бѣлоруссы же и Малоруссы именуютъ жену дяди — дядина (дзядзина) ([77]). Сводя, въ заключеніе, сказанное о названіяхъ: дѣдъ и баба, дядя и тетка, приходимъ къ тому выводу, что во всѣхъ нихъ содержится общая идея отца — матери, и что первое и два послѣднихъ суть только видоизмѣненія древнѣйшаго тата, какъ баба есть подобное же видоизмѣненіе общеупотребительнаго папа. Такимъ кореннымъ значеніемъ дяди легко объясняется и значеніе слова дядька, какъ воспитателя, пѣстуна, одинаково извѣстнаго и въ древнее и въ нынѣшнее время ([78]).

Названія дядя и тетка, какъ выражающія понятія слишкомъ общія, безъ различія разнообразныхъ оттѣнковъ родства, не удовлетворяли Славянъ, — и въ ихъ языкѣ съ незапамятныхъ поръ усматриваемъ мы нѣсколько новыхъ терминовъ, въ сущности для тѣхъ же понятій, только болѣе точно и подробно опредѣляющихъ самыя мелкія особенности. Вниманіе къ подобному разграниченію родства въ одной и той же степени необходимо должно вести къ заключенію о происхожденіи его въ пору совмѣстной жизни цѣлаго рода, потому что только при такомъ условіи понятною становится потребность болѣе точнаго и опредѣленнаго выдѣленія родичей, а черезъ это и избѣжанія смѣшенія и недоразумѣній. Изъ наблюденія надъ постепеннымъ вымираніемъ родственныхъ названій въ послѣдующее, сравнительно позднѣйшее, историческое время жизни Славянъ, когда семейно-родовой бытъ ихъ видимо распадался, смѣло можно утверждать, что полнота родственныхъ терминовъ, которые приходится намъ собирать отрывками, относится къ самому полному развитію семейно-родо-

вой жизни. Въ такомъ состояніи для членовъ въ родѣ сама собою представилась надобность выдѣлить изъ общаго понятія дядя брата отца и брата матери; та же, конечно, надобность побуждала къ болѣе строгому опредѣленію и племянниковъ съ племянницами, которые могли быть дѣтьми братьевъ и сестеръ. Эта чуткость къ особенностямъ родственныхъ отношеній и породила особыя выраженія, которыя въ большемъ или меньшемъ количествѣ существуютъ и донынѣ у Славянъ, разумѣется, всего сильнѣе тамъ, гдѣ успѣхи новѣйшей цивилизаціи не проникли слишкомъ глубоко въ старину патріархальную. — Укажемъ прежде частныя названія дядей и тетокъ съ племянниками и племянницами, извѣстныя изъ древнихъ памятниковъ письменности славянской, а затѣмъ взглянемъ, что изъ нихъ уцѣлѣло въ древне-русской жизни.

Дядя по отцу, или братъ отца, именовался у всѣхъ безъ исключенія Славянъ стрыемъ или стрыйцемъ. Происхожденіе этого слова затемнилось, и мы отказываемся опредѣлить его ([79]). Думаемъ, однакоже, что литовское strujus, старикъ, родственно славянскому стрыю и сохранило болѣе общее значеніе. Единственно съ подходящимъ значеніемъ уцѣлѣло это слово, въ нѣсколько измѣненной формѣ, и въ русскомъ простонародьи, какъ въ слѣд. мѣстѣ одной сказки: «объ этомъ яичкѣ строй сталъ плакать, баба рыдать, вереи хохотать» ([80]). Здѣсь строй, вполнѣ соотвѣтствуя правописанію древнихъ папятниковъ старо-славянскихъ стръй (стръıа), употреблено въ смыслѣ нищаго, калѣки, что указываетъ на старость, подобно малорусскому диду, тоже нищему.

Тетка по отцу, или сестра отца, называлась тѣмъ же словомъ, только въ женской формѣ, стрыıа или стрыıа. Вѣроятно, это же выраженіе относилось и къ женѣ стрыя; по крайней мѣрѣ, польско-чешскія: stryjenka, streyna, stryjna, stryna, а также и хорутанское strina до сихъ поръ удерживаютъ это значеніе.

Обратное отношеніе стрыя и стрыи къ дѣтямъ брата выражалось двоякими названіями: сыновья-братаничи или сыновцы, дочери-братаны, братаньны или сыновицы. Общее имя, безъ различія пола, было братучада или собирательное брату-

чадье. Въ этихъ выраженіяхъ обращаютъ наше вниманіе термины сыновецъ и сыновица: своимъ первообразнымъ словомъ и приставками они весьма убѣдительно говорятъ въ пользу указаннаго нами основнаго значенія дяди. Какъ послѣдній представлялся отцемъ относительно племянниковъ и племянницъ, такъ эти, въ свою очередь, являются дѣтьми, только меньшими, сравнительно съ собственными его сыновьями и дочерьми.

Но и у стрыя и стрыни могли быть дѣти, и взаимныя отношенія ихъ къ братучадамъ опредѣлялись также особыми терминами. Исторія языка и простонародное кое-гдѣ употребленіе сберегли для насъ лишь названіе для мужескаго пола, для сыновей стрыя и стрыи, это стрычичъ или, употребляя древнее правописаніе, какъ въ Кормчей книгѣ, стрѣычишть. Впрочемъ, отсутствіе имени для дочери стрыя или стрыи въ дошедшихъ памятникахъ не мало не останавливаетъ насъ утверждать положительно, что въ древности пользовалось всеобщею извѣстностью и слово стрычьна([81]). Такимъ образомъ, то, что называемъ мы въ наше время двоюродными братьями или сестрами по отцу, выражалось въ старину терминами: стрычичи и стрычны. Отсюда въ нарѣчіяхъ польскомъ и чешскомъ и теперь прилагательныя: stryjeczny, streyčeny живутъ съ значеніемъ двоюродный. Нарѣчіе старославянское, въ древнихъ своихъ произведеніяхъ, оставило на память и такія степени стрыйнаго родства, какихъ уже не встрѣчаемъ въ живыхъ говорахъ славянскихъ. Такъ Кормчая книга, имѣвшая, между прочимъ, задачею строго обозначить степени родства для браковъ христіанскихъ, упоминаетъ о стрыѣ великомъ, т. е. братѣ дѣда или бабки, о стрыѣ маломъ, т. е. двоюродномъ братѣ отца или матери. Тутъ же находимъ и прилагательное стрыйный съ присоединеніемъ числительныхъ: первый, второй, третій, для опредѣленія двоюродности, троюродности, четверородности, или втораго, третьяго и четвертаго стрыйнаго родовъ. Само собою разумѣется, что въ соотвѣтствующихъ отношеніяхъ родства женщины удерживали названія: великая стрыня и малая стрыня. Отсюда стрыйный первый братъ есть братъ двоюродный, т. е. стричичь, стрыйный второй братъ — троюродный братъ; тоже и относительно сестеръ: стрыйная третья сестра — сестра четверородная. Хорутан-

ское нарѣчіе, съ поразительною цѣлостью сберегшее родственные термины, употребляетъ для великаго стрыя и стрыи общій терминъ съ приставкою пре, равносильною въ русскомъ языкѣ пра: престрицъ, препрепрестрицъ. Едва-ли основательно сомнѣваться въ общеупотребительности этого способа въ старину и у всѣхъ остальныхъ Славянъ. То же хорутанское нарѣчіе даетъ намъ право допускать во всемъ славянствѣ и господство нѣкогда особыхъ единичныхъ выраженій для троюродныхъ братьевъ и сестеръ: тамъ находимъ мы еще въ свѣжей силѣ, въ рѣкоторыхъ мѣстностяхъ, термины: стрычичичь или стрыничиничь.

Дядя по матери, или братъ матери, назывался также у всѣхъ Славянъ безъ изъятія уемъ или вуемъ; сестра матери или жена уя называлась уйка или вуйка. Коренно́е происхожденіе этого слова гораздо яснѣе. Уже Линде и Юнгманъ сопоставляли его съ латинскимъ avus, хотя послѣднее и осталось у нихъ безъ кореннаго опредѣленія; г. Гильфердингъ сблизилъ уй съ скр. avi, въ значеніи господинъ([82]). Послѣ разбора нами основныхъ корней для названій отца, едва ли можемъ усомниться въ непосредственномъ родствѣ славянскаго термина съ скр. глаголомъ av, защищать, покровительствовать, откуда, какъ видѣли, образовалось въ скр. âvuka, отецъ. Формальная сторона слова ни мало не препятствуетъ этому родству: скр. av вполнѣ обыкновенно замѣняется въ славянскомъ посредствомъ *y*, какъ и наоборотъ ([83]). Корень av, взятый индѣйцами для понятія отца, у Славянъ перешелъ къ обозначенію дяди на томъ же основаніи родственной близости, въ глазахъ младшихъ членовъ рода: отца, дяди и дѣда, на какомъ у древнихъ Германцевъ отнесенъ онъ къ дѣду и бабкѣ. Такъ, въ древ. нѣмецкомъ сѣвер. afi (дѣдъ), въ готск. avô (бабка) ([84]). Вмѣстѣ съ Славянами, этотъ же корень отнесенъ къ дядѣ и теткѣ, также по матери, и Литовцами: awýnas, братъ матери, awynĕne, жена его или сестра матери, т. е. уй и уйка ([85]).

Обратное отношеніе уя и уйки къ дѣтямъ сестры указываетъ на полное соотвѣтствіе родству стрыйному. Въ послѣднемъ сыновья, какъ сказано, называются братаничи, дочери — братаны, братаньны; здѣсь сынъ сестры есть сестреничъ или се-

стричъ; дочь сестры — сестреница или сестричьна. Но въ первомъ случаѣ, при стрыѣ, находимъ и другой терминъ: сыновецъ и сыновица. Старославянское нарѣчіе, при всей древности письменности, не предлагаетъ въ настоящемъ случаѣ полнаго соотвѣтствія. Тѣмъ не менѣе, оно сберегло хотя одинъ терминъ, который даетъ право изслѣдователю утверждать и тутъ господство этого соотвѣтствія, если не въ пору письменности старославянской, то незадолго до ея появленія, — хотя рѣшительно отрицать параллелизмъ и во время письменности было бы не послѣдовательно, такъ какъ далеко же не все могла захватить она изъ жизни народа. А въ Кормчей XIII вѣка читаемъ: «аще кто поиметъ сестреницѣ ли дъщерьшю»; тоже находимъ у Ефрема Сирина, въ памятникѣ XIV вѣка ([86]). Отсюда, позволяемъ заключить во а) что сестреница или дщерша одно и тоже родство; во б) что если употреблялось названіе дщерша, соотвѣтствующее термину сыновица, то, при господствѣ соотвѣтствія братанича и братаны сестричичу и сестричьнѣ, естественно допустить и названіе дщеричь, равносильное сыновцу. Что замѣтили мы о названіяхъ сыновецъ и сыновица, по отношенію къ стрыю и стрыѣ, тоже слѣдуетъ повторить и о дщеричѣ и дщершѣ относительно уя и уйки, т. е. что и тутъ указывается на отеческое и материнское ихъ отношеніе; въ свою очередь, всѣ эти выраженія вмѣстѣ оправдываютъ и другую нашу мысль, какъ языкъ, при одинаковости основнаго значенія, старается оразнообразить различныя отношенія хотя внѣшнимъ видомъ, измѣненіемъ коренныхъ звуковъ, какъ въ словѣ дядя, или присоединеніемъ особыхъ окончаній, какъ дщерша, дщеричь. Общаго имени для дѣтей сестры, подобнаго братучаду, мы не встрѣчаемъ въ памятникахъ, что̀, впрочемъ, едва-ли способно ослабить предположеніе о существованіи нѣкогда термина сестрѣчадо или сестрычадо. Такое предположеніе, однакоже, не можетъ имѣть силы несомнѣнности, по отсутствію этого названія и въ живыхъ говорахъ славянскихъ, и въ старыхъ произведеніяхъ ихъ письменности. Иное дѣло относительно дѣтей уя или уйки.

Нарѣчіе старославянское, сколько удалось подмѣтить намъ, не сохранило терминовъ для отношеній родства между дѣтьми сестры и дѣтьми ея брата или другихъ сестеръ. При словѣ

стрый, мы указали на бывшія въ ходу названія: стрычичь, стрыйный братъ, стрыйная сестра и т. д.; при названіи уй не находимъ имъ соотвѣтствующихъ выраженій въ памятникахъ старо-славянскихъ, повторяю, на сколько извѣстны намъ послѣднія по рукописямъ или по словарямъ. Но что и здѣсь было полное соотвѣтствіе, что и эта линія родства опредѣлялась словами отъ кореннаго уй въ давнее время у всѣхъ Славянъ, доказываютъ разбросанно уцѣлѣвшіе остатки въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ, а частью въ старинныхъ по нимъ памятникахъ. Такъ, въ соотвѣтствіе стрычичу встрѣчаемъ у Хорватовъ уйчичъ или вуйчичъ, сынъ уя; дочь его — вуйчишна, что оправдываетъ предложенное выше мнѣніе о несомнѣнности нѣкогда господства термина стрычна, въ смыслѣ дочери стрыя. Двоюродное родство по ую опредѣляется донынѣ въ польскомъ и хорутанскомъ нарѣчіяхъ прилагательнымъ wujeczny, vujeczev или vujczov; по женской половинѣ, по уйкѣ, прилагательнымъ вуйнинъ. Въ старинномъ польскомъ языкѣ находимъ, въ соотвѣтствіе старо-слав. великому и малому стрыю, названія: starszy wuj, братъ прабабки, stary wuj, братъ бабки ([87]); въ старо-чешскомъ-попадается praujec, какъ терминъ, вполнѣ равносильный польскому stary wuj, т. е. братъ бабы. Отсюда, и двоюродный братъ по польски есть wujeczny brat. Полагаемъ, что неумѣстно сомнѣваться и въ томъ, что степени родства и въ этомъ случаѣ опредѣлялись также, какъ при стрыйномъ родствѣ, т. е. посредствомъ числительныхъ: первый, второй, третій, съ прилагательнымъ уйный. Нарѣчіе хорутанское и тутъ замѣняетъ прилагательныя великій и малый частицею пре (или предлогомъ пред), повторяемою дважды и трижды. Понятно, что и двоюродные братья, по матери, назывались уйчичи, вуйчичи, сестры — уйчишны; троюродные — уйчичичи, уйчичишны ([88]).

Перейдемъ ко второй части вопроса: какія изъ приведенныхъ названій родства являются въ древней жизни русскаго народа и до какого времени держались они въ ней. Само собою понятно, что далеко не относительно всѣхъ названій можно высказываться положительно: письменность древне-русская, составляющая въ настоящемъ случаѣ единственное пособіе, конечно, не могла во всей подробности выразить всѣхъ особенностей жизни, а потому

естественно допустить возможность многихъ въ ней пропусковъ и по части родственныхъ названій, хотя на самомъ дѣлѣ, въ жизни, многія изъ нихъ могли существовать въ такой же силѣ, какъ и у другихъ Славянъ. Но есть и въ письменности очевидные слѣды забвенія нѣкоторыхъ названій, когда частныя родственныя отношенія опредѣляются уже не частными именами, а общими, утвердившимися въ языкѣ до послѣдняго времени. Слѣдовательно, хотя приблизительно, есть основаніе не безъ отвѣта пройти вопросъ: въ полной ли цѣлости представляется намъ родъ въ древней Руси, или уже съ потрясеніемъ, и въ чемъ прежде всего выразилось это потрясеніе.

Названіе стрый употреблялось долгое время въ памятникахъ; принимая же во вниманіе правильность значенія этого слова, являющагося постоянно въ смыслѣ брата отца, слѣдуетъ заключить, что и родство этой степени и линіи не подвергалось колебанію и смѣшенію. Форма стръи, исключительная въ древнѣйшей части лѣтописи Новгородской, вообще отличающейся строгимъ соблюденіемъ древнихъ свойствъ языка ([89]), указываетъ прямо на упомянутое уже нами сходство съ литовскимъ strujus, по родству ъ-ра преимущественно съ звукомъ у. Такъ, подъ 1158 годомъ этой лѣтописи ([90]) читаемъ: «и посла (Мстиславъ Изяславичъ) Ростислава стръя своего Кыеву на столъ»; подъ 1175 годомъ той же лѣтописи: «томь же лѣтѣ вьниде самъ въ Новъгородъ, бився съ стръемъ своимъ Михалкомъ»; подъ 1177 годомъ: «слѣпленъ бысть Мстиславъ Князь отъ стръя своего Всеволода»; подъ 1269 годомъ: «не хочю (говорилъ Дмитрій Александровичъ) взяти стола передъ стръемъ своимъ». Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1164 годомъ: «стрый ти умерлъ, а по Олга ти послати». Впрочемъ, въ послѣдней лѣтописи господствуетъ преимущественно форма строй: «Ростиславъ же поклонися строеви своему Гюргеви и пойде въ Смоленскъ», читаемъ подъ 1155 годомъ. Находимъ и уменьшительную форму стрыйко: стрыйко нашь Швидригайло ([91]). Женскій родъ стрыня составляетъ рѣдкость въ памятникахъ, но и одного случая въ Ипатьевской лѣтописи достаточно, чтобы считать и его столь же обычнымъ терминомъ въ древнее время на Руси, какъ и мужескій родъ стрый. Подъ 1155 годомъ находимъ такое выраженіе: «Ростиславъ же

поима стрыню свою съ собою и поиде къ строеви своему». Этотъ Ростиславъ, Князь Смоленскій, былъ сынъ Мстислава; слѣдовательно, братъ послѣдняго, Юрій Долгорукій, былъ ему стрыемъ, а жена Юрья, о которой идетъ здѣсь рѣчь, должна считаться стрыней. Въ современномъ русскомъ языкѣ самое слово стрый уцѣлѣло какъ рѣдкость, въ формѣ строй, и уже безъ всякаго намека на какое бы то ни было родство.

Столь же обыкновенны въ старину и названія братаничъ и сыновецъ. Первое попадается въ памятникахъ въ двухъ формахъ: братаничь и братанъ: Князь великій Святославъ Ивановичь Смоленскій съ вокупи около себе силу велику, а съ нимъ братаничь его, Князь Иванъ Васильевичь; и онъ (кн. Константинъ Дмитріевичъ) не хотя быти подъ своимъ братаничемъ (т. е. подъ сыномъ В. Кн. Василья Димитр.), и Князь Василій въ зверже нелюбье нань; се Яропълкъ, братъ наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему; и почася молити о братанѣхъ своихъ; прибѣже изъ Царя града братанъ царевъ, Кюръ Андроникъ. Отсюда и названіе дочери брата братанична или братаньна: призва Всеволодъ Гюргевичь Володимера Святославича къ себѣ Володимерю, и вда зань свою братанъну (по другому списку братаничну), Михалкову дочерь. Ипатьевская Лѣтопись, удержавъ и общее названіе для сыновей и дочерей брата — братучадье, съ тѣмъ вмѣстѣ и въ этомъ сложномъ словѣ двоякимъ окончаніемъ отличила первыхъ отъ послѣднихъ: братучадо, сынъ брата, братучада, дочь брата: другій свѣтъ створиша на убьенье его со Александромъ братучадомъ его; бѣ братучада его за нимъ, дочи Александрова, именемъ Настасья ([92]). Всѣ эти выраженія, хотя и не всегда съ строго опредѣленнымъ значеніемъ древности, существуютъ и донынѣ въ языкѣ простаго народа русскаго, образовавшаго и особый при этомъ терминъ братаниха, для обозначенія жены брата ([93]).

Не менѣе въ ходу было и второе названіе сыновецъ съ женскимъ сыновица: и ту пріѣха къ нему (къ кн. Юрью) Святославъ Олговичь, веля ему пріяти въ любовь сыновца своего, Всеволодича; преставися Князь Смоленскыи Давидъ, постригъ ся въ схиму, и сѣде сыновець его въ Смоленску Мьстиславъ; пріѣха къ Святославу Олговичю сыновець его Святославъ Все-

володичь ([94]). Въ нынѣшнемъ языкѣ русскомъ, кажется, безслѣдно пропалъ этотъ терминъ, если позволительно заключать такъ по областному великорусскому словарю, изданному Акад. Наукъ, и по дополненію къ нему.

Видимо слабѣе удерживались и въ старину термины для потомственнаго стройнаго родства: кромѣ существительнаго стрычичь, кажется, не уцѣлѣло въ русской письменности другихъ названій отъ имени стрый: и посла Мстислава по стрыйчича своего ([95]). Самое прилагательное стрыйный, служившее долго у древнихъ Славянъ, отчасти служащее и донынѣ у нѣкоторыхъ поколѣній для обозначенія, при пособіи числительныхъ, двоюродности, троюродности и т. д., какъ видно, забыто было издавна русскимъ народомъ; не замѣтно у него изстари и отличія между великимъ и малымъ стрыемъ, какъ въ старо-славянскомъ, или между старшимъ и старымъ, какъ въ старо-польскомъ. Во всякомъ случаѣ, родство стрыйное сберегалось въ бо̀льшей силѣ, нежели уйное, какъ сейчасъ увидимъ.

Существительное уй, въ значеніи брата матери, было обыкновенно въ древней Руси. Въ лѣтописи Нестора читаемъ: «Володимеръ бѣ отъ Малуши..., сестра же бѣ Добрыня, бѣ Добрыня уй Володимеру; и выиде противу имъ Володимеръ... къ Теребовлю, и угры приведъ, бана, королева уя ([96]). Женскій родъ уйка, прилагательное уйный, равно уйчичъ и другія производныя отъ уй названія родства ни разу не встрѣтились мнѣ при чтеніи чисто русскихъ памятниковъ. Когда сообразимъ, что и по другимъ нарѣчіямъ славянскимъ, не исключая и старо-славянскаго, находимъ въ этомъ родствѣ болѣе забытаго, чѣмъ въ стрыйномъ, то едва ли не въ правѣ заключить о болѣе раннемъ его забвеніи и Русскими, не сберегшими отъ него ни одного термина, съ самой первой поры письменности, кромѣ кореннаго уй. И въ нисшей степени, въ названіяхъ для племянника и племянницы по сестрѣ, замѣчаемъ также больше потерь уже въ глубокой древности. Въ письменности встрѣчается лишь одинъ родъ названій: сестричичь и сестричьна, а о соотвѣтствующихъ сыновцу и сыновицѣ нѣтъ и намека: Изяславъ же посла напередъ Святослава, сестричича своего, Чернигову; послаша Новогородци Кузьму Твердиславля и Олександра Борисовича..., а отъ владыкы сестричича его

Матвея; вельядскій Кумендерь Гостило и сестричичь местеровъ Тимоѳеи. Попадается и форма сестричь: пожаловати игумену и святой братьѣ взяти въ монастырь сестричя моего, Василья Иванова сына Плещеева ([97]).

Изъ всѣхъ частныхъ названій боковаго родства, употреблявшихся въ древнее время на Руси, уцѣлѣли въ говорѣ простаго народа только два, это: братанъ, о которомъ уже сказали мы, и сестренница или сестрія, но съ значеніемъ уже инымъ, именно, двоюроднаго брата и двоюродной сестры. Послѣдній терминъ находимъ съ такимъ значеніемъ еще подъ 1572 годомъ: «а понялъ Князя Володимера дочерь Настасію, сестрію Борисову» ([98]). Вмѣсто остальныхъ названій, какъ для обозначенія племянниковъ съ племянницами, такъ и дядей съ тетками, установились общіе термины, появленіе которыхъ въ языкѣ замѣтно весьма издавна. Самыя слова, кромѣ приведенныхъ двухъ, да рѣдчайшаго строя, кажется, исчезли безслѣдно изъ языка русскаго: въ немъ рѣшительно не слыхать уже ни объ уѣ, ни о сыновцѣ и сыновицѣ, ни о братаннѣ и сестричичѣ, ни о стрынѣ и стрычичѣ. Между тѣмъ, замѣчательнѣйшая часть ихъ принадлежитъ нарѣчію польскому, и всѣ они, безъ исключенія, пользуются полнымъ практическимъ примѣненіемъ у югославянскихъ народовъ, у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ. Само собою понятно, что утративши частныя названія, народъ русскій долженъ былъ замѣнить ихъ другими, болѣе общими; среди такихъ названій наиболѣе древними встрѣчаемъ мы тетку и нетія, за тѣмъ племянниковъ и племянницъ. Что касается до дяди, то позднее его укорененіе въ языкѣ видно уже изъ продолжительнаго сохраненія, какъ показали мы, частныхъ выраженій: уя и стрыя.

Значеніе и происхожденіе слова тетка намъ извѣстно; давнее же его употребленіе вмѣсто стрыни и уйки замѣтно изъ слѣдующихъ мѣстъ: «родися у Князя Всеволода четвертая дчи, и крести ю тетка Олга», читаемъ подъ 1179 годомъ, въ лѣтописи ипатьевской; «пріѣха Мьстиславъ Мьстиславичь и тетка еи (Евфросиньи, дочери Ростислава Рюриковича) Передслава», тамъ же, подъ 1198 годомъ. Замѣнивши такъ рано частныя названія, слово тетка издавна стало употребляться и съ опредѣлительными великій и малый, вмѣсто великая и малая стрыня или уйка,

для обозначенія сестры дѣда или бабки и сестры двоюроднаго дяди. Такое, по крайней мѣрѣ, опредѣленіе находимъ въ Кормчей книгѣ, а трудно допустить, чтобы послѣдняя не сближалась въ этомъ случаѣ, въ спискахъ русскихъ, съ жизнію народа русскаго.

Второе общее названіе, успѣвшее уже утратиться изъ языка русскаго, есть нетій, употреблявшееся въ значеніи племянника, безъ различія происхожденія отъ брата и сестры, съ первыхъ страницъ лѣтописи отечественной. Въ договорѣ Русскихъ съ Греками, 945 года, два раза упоминается нетій Игоревъ; въ лѣтописи Никоновской также читаемъ: «Волкъ же служа царю Мусулману съ нетии своими, рекше съ сестричи» ([99]). Послѣднія объяснительныя слова, очевидно, свидѣтельствуютъ о забвеніи настоящаго смысла нетія и, на оборотъ, о знакомствѣ съ значеніемъ сестрича: и мы видѣли, что послѣдній, дѣйствительно, пользовался правильнымъ употребленіемъ на Руси еще въ XV столѣтіи. Почему объяснитель сопоставилъ нетія съ сестричемъ, а не съ братаничемъ, рѣшить, конечно, не легко, но думаемъ, что онъ не оставался при этомъ безъ вліянія сербскаго нарѣчія. Въ послѣднемъ, въ самомъ дѣлѣ, нећак и жен. нећака употребляются теперь, употреблялись и въ старину въ смыслѣ племянника и племянницы по сестрѣ и, слѣдовательно, вполнѣ соотвѣтствуютъ сестричу и сестренницѣ. Кормчая книга, перенесенная къ намъ отъ южныхъ Славянъ, въ которой читается: сестричищь нети глаголетьсѧ, могла служить объяснителю весьма подручнымъ пособіемъ. Но это, однакоже, не даетъ ни малѣйшаго права предполагать, чтобы нетій и въ старо-русскомъ языкѣ обозначалъ частное, а не общее понятіе: въ пользу именно послѣдняго говорятъ и примѣры старо-славянскаго нарѣчія ([100]), и древнее и нынѣшнее чешское нарѣчіе, въ которомъ уцѣлѣла замѣчательная форма женская: neti, род. neteře, съ значеніемъ вообще племянницы. На тотъ же общій смыслъ указываетъ и происхожденіе, по крайней мѣрѣ родство славянскаго выраженія съ родственнымъ названіемъ другихъ языковъ индоевропейскихъ.

Отрицать коренное родство слав. нетии съ скр. naptŕ, съ латин. nepot (is), съ древне-нѣмецкимъ neft, nefo и съ нынѣшнимъ нѣмецкимъ neffe, родство, указываемое всѣми современными филологами, касавшимися этого предмета, думаемъ, рѣ-

шительно неосновательно. Звуковая сторона не предлагаетъ никакого къ тому повода. Образовательное окончаніе ar, являющееся въ санскритѣ (naptï-naptar) и вовсе невидное въ славянскомъ нетии, оправдывается потерею и въ латинскомъ, и въ древнегерманскомъ, оправдывается утратою, хотя и болѣе позднею и не столь всеобщею, и въ другихъ родственныхъ названіяхъ, напр., въ словѣ братъ. Но чешская форма neti (neteře) осталась и фактическимъ доказательствомъ дѣйствительнаго нѣкогда присутствія приставки ar и въ выраженіи нетии, и въ латинск. nepot, и въ германск. nept. Что касается до отсутствія звука п (-р) передъ т, въ нетии, принадлежащаго и латинскому и нѣмецкому языкамъ, хотя въ послѣднемъ и съ обычнымъ превращеніемъ его въ родственное f, то законы славянскаго звукосочетанія способны объяснить такое отсутствіе самымъ убѣдительнымъ образомъ: выпаденіе губныхъ п и б передъ т — явленіе весьма обыкновенное; стоитъ, напримѣръ, припомнить хотя образованіе неопредѣленнаго наклоненія въ старо-славянскомъ нарѣчіи отъ корней, оканчивающихся на губные: чрѣти, вм. чрьпти, грети, вм. гребти, и др. Такимъ образомъ, и нетии предполагаетъ первоначальную форму нептии.

Гораздо сложнѣе, запутаннѣе и труднѣе вопросъ о происхожденіи слова naptï и основномъ его значеніи. Не удивительно поэтому и замѣчательное разнообразіе въ объясненіяхъ самыхъ первокласныхъ филологовъ, до сихъ поръ не установившихся твердо ни на одномъ рѣшеніи. Послѣднее сводится у каждаго больше къ догадкамъ и предположеніямъ, которыя имѣютъ цѣну только субъективнаго убѣжденія и весьма мало объективной убѣдительности. Подобная нерѣшительность и нетвердость служитъ очевиднымъ доказательствомъ затемненности корня и въ самой древней формѣ слова. По нашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ и звуковой стороны и значенія этого загадочнаго выраженія новѣйшее толкованіе, предложенное господиномъ Пиктэ, давшимъ мѣсто и критической оцѣнкѣ всѣхъ прежнихъ толкованій: Потта, Боппа, Куна, Бенфея, Вебера ([101]). По мнѣнію его, существительное naptï (-naptar) сложено изъ трехъ частей: а) na, вмѣсто gna, ǵna, съ значеніемъ семья, поколѣніе; б) изъ причастія pât (вм. pânt), отъ глагольнаго корня pâ,

съ значеніемъ охранять, оберегать; и наконецъ, в) образовательнаго окончанія ar(=ŕ). Опущеніе звука g (ǵ) въ первой составной части объясняетъ онъ примѣрами изъ санскрита и изъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ такое опущеніе не подлежитъ сомнѣнію, какъ скр. nâ, значеніе, отъ ǵnâ, знать; nâman, имя, отъ того же глагола ǵna; латинск. nomen, natus; англо-саксонск. cnafa, knapa, новоанглійское knave, въ произношеніи теряютъ k, какъ now, вм. know; ирландск. gnia употребляется на ряду съ nia (племянникъ) и т. д. Ослабленіе причастной формы pât объясняется ослабленіемъ въ зендскомъ pitar въ ptar, отъ того же, какъ извѣстно, корня pâ. Коренное значеніе, такимъ образомъ, слова naptŕ должно быть: хранитель, продолжатель семьи, рода, поколѣнія. И это значеніе, какъ ни кажется оно съ перваго взгляда натянутымъ, находитъ поддержку и оправданіе въ соотвѣтственныхъ выраженіяхъ санскрита, какъ: kula dhâraka, сынъ, собственно хранитель племени (изъ kula и dhŕ), или kulavard hana, тоже сынъ, а собственно увеличивающій, умножающій родъ, семью (отъ vŕdh, расти).

Столь общее значеніе, заключенное въ корнѣ существ. naptŕ, слав. нетии, примѣнимое вообще къ младшимъ членамъ рода, объясняетъ, прибавимъ мы, и разнообразное примѣненіе этого термина къ степенямъ родства у разныхъ народовъ. Такъ у однихъ онъ отнесенъ къ сыну ([102]), какъ gnabat у Галловъ, nidr у Скандинововъ; у другихъ къ внуку, какъ у Индѣйцевъ, Римлянъ, отчасти у древнихъ Германцевъ; у третьихъ къ племяннику, какъ у Нѣмцевъ и у Славянъ; у четвертыхъ, наконецъ, къ потомку вообще, какъ въ греческ. выраженіи νέποδες.

Раннее забвеніе Славянами русскими названія нетій, замѣтное изъ рѣдкаго употребленія его въ старину и изъ смѣшенія въ позднихъ памятникахъ съ сестричемъ, до нѣкоторой степени объясняется продолжительнымъ употребленіемъ частныхъ терминовъ, попадающихся въ письменности, какъ видимъ, вплоть до XVI столѣтія. Съ замираніемъ въ языкѣ послѣднихъ, народъ остановился на другомъ общемъ выраженіи, которое, вѣроятно, казалось ему болѣе понятнымъ и удобнымъ, нежели нетій. Быть можетъ, на введеніе новаго общаго термина имѣло вліяніе и неудобство составить изъ прежняго женскій родъ. Какъ бы то ни

было, но съ XVII вѣка, а можетъ быть и съ XVI, входитъ въ письменность названіе племянникъ и племянница, съ нынѣшнимъ его знаменованіемъ; съ этимъ, кажется, вмѣстѣ, изгоняетъ частные термины и общій дядя.

Еще въ половинѣ XV вѣка, названіе племянникъ имѣетъ самый широкій смыслъ, именно лица, принадлежащаго одному и тому же племени, роду, т. е. смыслъ, какой и долженъ прежде всего принадлежать этому слову, согласно съ его образованіемъ и происхожденіемъ отъ существительнаго племя. Въ судебникѣ Іоанна III читаемъ: «а ѣздити недѣлщикомъ и на поруку давати самимъ съ приставными или своихъ племянниковъ и людей посылати съ приставными» ([103]). Въ началѣ XVII столѣтія, тоже самое слово употребляется уже въ современномъ, ограниченномъ значеніи, на ряду съ дядей. Въ грамотѣ 1512 года читаемъ: «а будетъ которые крестьяне, отъ отцовъ дѣти и отъ братьи братья и отъ дядъ племянники... похотятъ взяти»... или подъ 1640 годомъ:» и намъ бы изъ слободъ крестьянъ и отъ отцовъ дѣтей и отъ братьи братью и отъ дядь племянниковъ... велѣть вышускать» ([104]). Такъ какъ и само слово племя входитъ въ рядъ родственныхъ названій, то въ настоящемъ случаѣ находимъ удобнымъ остановиться на основномъ его значеніи, тѣмъ болѣе, что и въ современномъ употребленіи значеніе его далеко не однообразно.

Существительное племя въ языкѣ древнихъ русскихъ памятниковъ обозначаетъ собою совокупность всѣхъ лицъ, сознающихъ единство происхожденія, свою родственность, какъ бы ни была далека она. Съ этой стороны, оно является какъ бы синониномъ роду. На синонимичность обоихъ словъ указываетъ, полагаемъ, и самое происхожденіе.

Ближе всего корень существительнаго племя стоитъ въ связи съ скр. par (-pṛ), съ греко-латинскимъ πλεω, pleo, въ смыслѣ наполнять, умножать, въ страдательномъ значеніи — умножаться, расти. Отъ этого корня образовались и въ родственныхъ языкахъ выраженія, вполнѣ соотвѣтствующія въ славянскомъ не только племени, но и плъку (рус. полку), имѣющему въ основѣ своей тотъ же корень pṛ и означающему первоначально множество, толпу ([105]). Такъ, литов. pulkas и по формѣ и по значенію равное слав. плъкъ, древне-верхне нѣмецкое folc, нынѣшнее нѣ-

мецкое volk, съ обычнымъ переходомъ p въ f, древне-сѣверно германское flockr, латин. populus, образованное посредствомъ удвоенія, наконецъ, греч. πλῆθος, — всѣ съ значеніемъ толпы, множества и, наконецъ, народа. Этотъ естественный переходъ значенія отъ умноженія, нарощенія къ народу находитъ подтвержденіе во многихъ примѣрахъ индоевропейскаго языка. Не говоря уже о словѣ народъ, происходящемъ отъ родъ, которое, по своему корню rudh, рости, означаетъ прежде всего возросшее, умножившееся, сравнимъ корень tu, также рости, отъ котораго пошли слѣдующія выраженія: оское tovto, умбрійское tutu, община, готск. thiuda, летск. tauta, народъ, страна, древне-ирское tuath, народъ, и др. ([106]).

Коренное значеніе слова племя дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ и простонародное русское выраженіе: оставить на племя (о животныхъ), т. е. на приплодъ, на умноженіе. Съ такимъ общимъ значеніемъ умножившагося, возросшаго отъ одного корня, отъ одного родоначальника мы и застаемъ слово племя въ древнѣйшей письменности славянской. Въ Новгородской лѣтописи, подъ 1195 годомъ, читаемъ: и позва Всеволодъ Новгородьцѣ на Черниговъ, на Ярослава и на все Ольгово племя; или въ русской припискѣ къ апостолу XIV вѣка: дахъ книгы си отъ стяжанія своего къ сѣмоу въскресенію собѣ въ здравіе и братіи своеи и подроужію моемоу и чадомъ своимъ и всѣмоу плѣмени своемоу а отцю своемоу на память и мѣри своеи и всѣмоу племени своемоу изъ мѣршимъ ([107]). Равносильнымъ такому значенію слова племя находимъ въ тѣхъ же памятникахъ и существительное родъ: шедъ бо въ гору синайскую (Воишелгъ) отъ отца своего и отъ рода своего... позна истинную вѣру ([108]); въ припискахъ къ рукописямъ церковнымъ не рѣдко встрѣчаемъ замѣну слова племя словомъ родъ. Первоначальное тожество обоихъ существительныхъ знаменательно удержалось до сихъ поръ въ простонародной русской словесности: въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ: оба слова весьма обыкновенно являются въ нихъ нераздѣльно, въ видѣ тавтологіи ([109]). Поэтому нисколько не удивительно, что и существительное племянникъ является въ старину синонимомъ слову родственникъ, слѣдовательно съ общимъ смысломъ, на что примѣры указали мы еще изъ XV столѣтія. Это общее зна-

ченіе сохраняетъ слово племянникъ и донынѣ у Черногорцевъ, которые называютъ имъ всякаго, кто принадлежитъ племени. Согласно съ образованіемъ и съ основнымъ значеніемъ племянника, въ отдаленное время, въ языкѣ русскомъ, явились и выраженія родникъ, родимецъ, въ смыслѣ принадлежащихъ къ тому же роду, родственниковъ: а иные его эргекины родники къ ясачному зимовью не бывали; и намъ тое вотчину отъ тѣхъ ото всѣхъ родимцевъ и отъ иныхъ, кто будетъ вступатца, очищать ([110]). И какъ отъ родъ образовалось существительное родичъ, столь обыкновенное въ древне-русскомъ языкѣ, для опредѣленія происхожденія отъ того же рода, слѣдовательно, тоже родственника, какъ въ слѣд. примѣрѣ: всташа сами на ся и убиша князя велика Миндовга свои родици ([111]); такъ и отъ слова племя съ подобною же цѣлію составилось существительное племичъ, сохранившееся въ языкѣ сербо-хорватскомъ, хотя въ немъ и получило оно частный смыслъ: благородства происхожденія.

Но по мѣрѣ умноженія племени, съ потерею сознанія родства отдѣльныхъ его членовъ, въ силу огромнаго ихъ распложенія и разбросанности въ самой жизни, и слово племя начало выражать понятіе обширнѣйшее, совокупность уже нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ, развившихся изъ одного первоначально рода. Мало по малу, эта обширность понятія перешла въ общность для обозначенія уже цѣлаго народа, — и въ такомъ смыслѣ племя встрѣчается издавна въ памятникахъ русскихъ. Такъ, лѣтописецъ русскій, при описаніи нашествія Татаръ, выражается: «по грѣхомъ нашимъ придоша языци не знаеми, ихъ же добрѣ никто же не вѣсть, кто суть и отколѣ изъидоша и что языкъ ихъ и котораго племене суть и что вѣра ихъ», — здѣсь, очевидно, племя употреблено вмѣсто народъ. Отсюда и иноплеменникъ, обозначавшій сначала человѣка другаго племени, рода, сталъ означать человѣка другой народности, какъ въ словахъ того же лѣтописца: придоша иноплеменницы, безбожніи татарове, на землю Рязаньскую. Одинаковый переходъ въ понятіи и по тѣмъ же основаніямъ совершился и въ словѣ родъ; и оно не только въ сложной съ предлогомъ формѣ, народъ, съ незапамятныхъ поръ получившей тотъ общій смыслъ, съ какимъ исключительно живетъ въ настоящее время у всѣхъ Славянъ, но и въ первообразной, родъ, стало

означать націю, народъ, какъ въ выраженіи договора Игоря съ Греками: мы отъ рода руского, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ древнѣйшаго перевода греч. ἔθνος ([112]). Впрочемъ, еще въ XVI столѣтіи замѣтенъ слѣдъ болѣе тѣснаго и частнаго понятія въ словѣ народъ; въ статутѣ Литовскомъ нѣсколько разъ употребляется оно въ смыслѣ сословія, напр., въ слѣдующемъ постановленіи: «коли бы который съ подданныхъ нашихъ, будучи народу шляхетскаго ([113])»... Отсюда же, по сходству съ иноплеменникъ, составилось выраженіе инородецъ, въ которомъ нѣтъ и намека на первобытное частное понятіе рода, т. е. совокупности лицъ, сознающихъ единство происхожденія. Обобщеніе понятія рода—племени совершилось, конечно, постепенно, послѣдовательно, не раздѣльно съ умноженіемъ рода въ жизни. Связующимъ элементомъ при этомъ, въ обоихъ понятіяхъ, служитъ степень и сила сознанія. Въ племени-родѣ сознаніе единства родственнаго ясно и опредѣленно, отчетливо выразившись въ особыхъ терминахъ для членовъ, составляющихъ родъ; въ понятіи племя — народъ сознаніе это уже утратилось; въ слѣдствіе постояннаго размноженія и раздробленія рода, оно должно было больше и больше затемняться, пока не изгладилось, наконецъ, во все, оставивъ вмѣсто себя темное преданіе и внѣшній связующій органъ, языкъ. На этомъ основаніи, вмѣсто иноплеменникъ или инородецъ, столь же обычнымъ сдѣлался терминъ иноязычникъ. Было врямя, хотя до него и можно доходить только мысленно, посредствомъ наведенія, когда не были иноязычниками и самые далекіе теперь по языку народы: Славяне, Греки, Германцы, и др.; наступило время, когда сдѣлались иноязычниками многіе и изъ Славянъ между собою; вѣчное время, быть можетъ, внесетъ подобное иноязычество и въ отдѣльныя части нынѣ цѣлаго, одноязычнаго народа. Примѣръ перехода значенія племени, какъ рода, къ болѣе общему понятію, хотя и не успѣвшему еще обратиться въ синонимъ народу, предлагаетъ черногорское племе, въ смыслѣ округа, населеннаго уже нѣсколькими родами.

Такимъ образомъ, въ современномъ выраженіи племянникъ-племянница, какъ сынъ или дочь брата или сестры, сохранился очевидный слѣдъ господствовавшаго нѣкогда родоваго быта. Позднее, не раньше XVI вѣка, присоединеніе къ нему этого частнаго,

исключительнаго смысла не можетъ не служить свидѣтельствомъ продолжительной на Руси силы рода. Дѣти братьевъ и сестеръ первые выводятъ семью въ родъ; они служатъ тѣми звеньями, которыя связуютъ членовъ начальной семьи съ членами умножающагося рода — племени; отсюда и понятно, почему, при начавшемся распаденіи этого рода — племени, удержалось именно за ними названіе, принадлежавшее прежде всѣмъ, даже самымъ отдаленнымъ его членамъ.

По всей вѣроятности, въ одно время съ утвержденіемъ въ языкѣ русскомъ слова племянникъ въ частномъ значеніи, вмѣсто древнихъ: братаничъ, сыновецъ и сестричъ, исчезли изъ памяти русскаго народа и частные термины: уй и стрый, замѣнившись общимъ словомъ дядя. По крайней мѣрѣ, съ самаго начала XVII столѣтія, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, терминъ дядя въ общемъ ходу, между тѣмъ какъ древніе уй и стрый не слышны уже вовсе въ русскомъ народѣ.

II. ВЫРАЖЕНІЯ ДЛЯ РОДСТВА СВОЙСТВЕННАГО.

До сихъ поръ имѣли мы въ виду одну семью безъ всякаго отношенія къ другимъ чужимъ; разбирали членовъ ея въ восходящей и нисходящей и боковой линіяхъ, во все не принимая въ соображеніе связи съ другими родами посредствомъ брака. Но въ жизни Славянъ, какъ и всякаго инаго народа, стоявшаго и стоящаго на одинаковой съ ними ступени патріархальнаго развитія, имѣло важное значеніе и это родство, семьи съ семьею, рода съ родомъ, и точно также отличались разнообразныя его степени посредствомъ особыхъ терминовъ.

Связующимъ звеномъ родовъ другъ съ другомъ является женщина, дѣвица, на которую, потому самому, столь долгое время и смотрѣлъ Славянинъ, кое-гдѣ смотритъ и до нынѣ, какъ на принадлежащую не тому роду, гдѣ родилась она, а чужому, въ которой должна войти черезъ замужество. Отсюда понятно, почему родъ считался бѣднымъ, какъ скоро большинство его членовъ состояло изъ дѣвицъ, и на оборотъ, онъ былъ богатъ, если это большинство составляли мужчины: послѣдніе не только не выходили изъ рода, но еще увеличивали его вводомъ въ свой родъ, въ качество женъ, дѣвицъ изъ чужихъ родовъ.

Со вступленіемъ новаго лица въ данный чужой родъ, въ силу патріархальной жизни въ древности, трудно было избѣжать точнаго опредѣленія отношеній не только всѣхъ членовъ этого рода къ новому лицу, но и къ его родичамъ, отъ которыхъ оно отдѣлилось. Вмѣстѣ съ этимъ, подобныя отношенія не могли не отразиться особыми терминами въ языкѣ. Количество такихъ терминовъ въ настоящее время значительно уменьшилось: причина въ позднѣйшей жизни, неизбѣжно сопровождавшейся и сопровождающейся ослабленіемъ и паденіемъ стародавнихъ родственныхъ отношеній. Въ свою очередь, обиліе родственныхъ названій, встрѣчающееся въ первое время исторіи славянской, не можетъ не служить доказательствомъ прочности и широты родственныхъ узъ въ ту пору.

Постараемся разсмотрѣть и термины взаимнаго родства между членами двухъ родовъ, употреблявшіеся въ старину у Славянъ, отчасти слышимые и теперь, и, по возможности, уяснить основную мысль, выражавшуюся въ нихъ.

Соединеніе двухъ родовъ, какъ сказано, совершалось введеніемъ дѣвицы, въ такомъ случаѣ уже невѣсты, въ родъ жениха. Условіемъ ввода былъ бракъ, въ слѣдствіе котораго невѣста и женихъ становились мужемъ и женою. Первый относительно родителей жены своей становился зятемъ, послѣдняя, по отношенію къ отцу и матери своего мужа, дѣлалась снохою. Вотъ самыя начальныя новыя отношенія. Но идея этихъ отношеній въ приведенныхъ славянскихъ словахъ совершенно затемнилась, и для разъясненія ея предстоитъ такая же потребность обратиться къ соплеменнымъ языкамъ, какая была побужденіемъ предыдущихъ сравненій и сближеній.

Родственные языки далеко не всѣ предлагаютъ выраженія, которыя бы соотвѣтствовали славянскому зять и по происхожденію, и по значенію. Ближе всего стоятъ къ нему скр. ǵâmâtṛ, латин. gener, литов. žentas и, быть можетъ, греч. γάμβρος. Звуковое сходство особенно поразительно въ литовскомъ выраженіи, гдѣ все различіе заключается лишь въ темѣ склоненія: здѣсь оно есть a, въ славянскомъ же первоначально i, согласно съ звуковыми особенностями обратившееся въ ь. Я не говорю о литовскомъ слогѣ en, сохранившемся вполнѣ въ

старославянскомъ правописаніи съ носовымъ знакомъ зѧть (-зенть, польск zięć). Что же касается до звуковъ ж и з., то ихъ родство и взаимная мѣна даже въ одномъ языкѣ, даже въ одномъ и томъ же нарѣчіи, въ разныхъ говорахъ, слишкомъ извѣстны, чтобы не дѣлать препятствія къ отожествленію литов. žentas съ слав. зять. Но близость литовскаго названія не объясняетъ ни мало, въ настоящемъ случаѣ, значенія славянскаго: и оно на столько же отдѣлилось отъ коренной формы, что само нуждается въ пособіи другихъ языковъ. Останавливаясь на начальныхъ коренныхъ слогахъ санскритскаго и латинскаго выраженій, не трудно отмѣтить, что въ основаніи ихъ лежитъ сочетаніе ga, gan, такъ какъ скр. звукъ ǵ (-дж) развился изъ первобытнаго g, которое уцѣлѣло въ латинскомъ. Къ этому сочетанію подводятся естественнымъ путемъ и слова славянское и литовское. Звуки ж и з, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, не коренные и принадлежатъ сравнительно позднѣйшей исторіи языка литво-славянскаго. При внимательномъ сравненіи послѣдняго съ языками древнѣйшаго вида, оказывается, что они замѣняютъ коренные ġ (-g) и г. Въ настоящемъ случаѣ находимъ мы ġ въ латинскомъ и, съ обычнымъ измѣненіемъ въ ǵ, въ санскритскомъ. Въ слѣдствіе этого, и въ другихъ словахъ славяно-литовскіе звуки ж—з являются соотвѣтствующими скр. ǵ, латино-греческому g, какъ ǵna, вм. gna, греч, γνω, въ γνῶσις γνώσκω, латин. gna, gno, въ gnarus, cognosco,—въ литовскомъ žinnau, žinnė, въ славянскомъ знаю, знаніе (¹). Соображая такое относительное свойство языка литво-славянскаго, едва-ли мы въ правѣ сомнѣваться въ одинаковомъ происхожденіи словъ зять и žentas съ скр. ǵa, въ ǵâmâtṛ, и съ латин. ge, въ gener, и въ нихъ, какъ въ болѣе сберегшихъ коренный смыслъ, не искать объясненія.

Первая составная часть санскритскаго существительнаго ǵâmâtṛ, очевидно, указываетъ на корень ǵan, образовавшійся изъ gan (сохранившаго первобытный звукъ въ греческомъ языкѣ въ формахъ: γένος, γεννάω, въ латинскомъ — въ словѣ gen-us), въ значеніи рождать, производить. Въ этомъ отношеніи разногласія нѣтъ; совсѣмъ другое относительно второй половины слова: рѣдкій языкоизслѣдователь не предлагаетъ особаго объясненія, изъ которыхъ не одно приходится считать за личную

догадку, а иногда и произвольное предположеніе. Такъ Боппъ разлагаетъ его на ǵâ, вм. ǵâja, женщина, жена, и mâtṛ, мать: qui uxoris matrem tanquam matrem suam habet (2). При такомъ толкованіи пришлось бы допустить слишкомъ сложную идею въ двусложномъ словѣ, а потому въ предположеніи и не трудно подмѣтить произволъ. Лассенъ сравниваетъ ǵâmâtṛ съ jâmaṭṛ, отъ jam (обуздывать, укрощать, соединять), откуда сложный глаголъ upajam, взять въ замужество (uxorem accipere, in matrimonium ducere) (3). На это сближеніе ǵâmâtṛ съ jam, upajam указывалъ въ свое время и Поттъ (4), но тутъ же не скрылъ и сомнѣнія, не нашедши въ греко-латинскомъ языкѣ подобнаго перехода j въ g, какъ въ санскритѣ j въ ǵ, и хотя въ соотвѣтствіе санскр. upajam представилъ гречес. δαμᾶν, первоначально укрощать, потомъ жениться, при всемъ томъ для gâmâtṛ счелъ болѣе основательнымъ подставить корень ǵan. Несмотря на сравненіе съ jâmâtò, и Лассенъ держится того же корня ǵan, отъ чего и ǵâmâtṛ, по его послѣднему толкованію, есть der erzeuger von Kindern, имѣетъ, слѣдовательно, значеніе одинаковое съ выраженіемъ для отца: pitṛ, pater, батя. По мнѣнію Пиктэ (5), словообразованіе существительнаго gâmâtṛ представляется, напротивъ, вполнѣ яснымъ (parfaitement claire); и дѣйствительно, разложеніе имъ даннаго слова на ǵa, въ смыслѣ поколѣніе, потомство, что̀ видно въ словахъ gâvat, имѣющій потомство, и ǵâspati, отецъ семейства, и mâtar, въ муж. родѣ, въ значеніи производитель, отъ mâ, производить, рождать, не только имѣетъ за себя всю силу вѣроятности по отношенію къ понятію, но едвали способно вызвать и какое-либо рѣшительное препятствіе съ внѣшней звуковой стороны. Въ такомъ случаѣ ǵâmâtṛ, зять, означалъ бы того, кто производитъ, распространяетъ родъ, потомство. Подобное значеніе находитъ и фактическое оправданіе въ языкѣ караибскомъ, указанномъ тѣмъ же Пиктэ, гдѣ зять, hibàli muku, собственно значитъ — производящій внуковъ, разумѣется, относительно родителей мужа и жены.

Но ни слав. зать, на литов. zĕntas не предлагаетъ ни малѣйшаго слѣда второй составной части въ санскритскомъ языкѣ (mâtar), слѣдовательно, переносить къ нимъ цѣликомъ и значеніе послѣдняго было бы не совсѣмъ основательно. Санскритъ,

въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть только руководителемъ, пособіемъ; болѣе точное значеніе приходится искать въ самомъ славянскомъ и литовскомъ. Его, полагаемъ, отыскать и не трудно, если примемъ въ соображеніе извѣстный уже корепь и взглянемъ внимательнѣе на приставку. Послѣдняя въ языкѣ славянскомъ есть ть, образовавшееся изъ первоначальнаго ти (-ti), на что указываетъ и особенность склоненія слова зать въ старо-славянскомъ нарѣчіи, объясняемая единственно основною темою на и (-i). Сопоставляя существительное зать съ однородными по формѣ словами: тать, гость, тьсть и др., склоняющимися точно также по темѣ на и (-i), съ увѣренностію можемъ заключать, что приставка ть (-ti) служила и въ славянскомъ языкѣ для обозначенія лицъ муж. рода, подобно санскритской ti, въ pati, господинъ, латинской также ti, въ hosti, греческой τι въ πότι и т. д. Что же касается до литовскаго окончанія ta, то, принадлежа причастію прошедшаго страдательнаго, она не рѣдко черезъ него переходитъ къ существительнымъ, съ означеніемъ также лицъ муж. рода, какъ и славян. ть ([6]). Сопоставляя съ такою приставкою корень ǵan-gan (слав. за, литов. žen), смѣемъ думать, не уклонимся отъ истины, предположивъ въ словахъ зать, zĕntas основное значеніе раждающаго, производящаго. Въ сущности, идея эта ни мало не отличается отъ той, какая заключена въ скр. ǵâmâtṛ, только послѣднее выражаетъ ее съ большею распространенностью. Эта же идея, какъ видѣли выше, принадлежитъ всецѣло и нѣкоторымъ выраженіямъ для родителей, отца и матери, а слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, ежели въ какомъ либо другомъ родственномъ языкѣ встрѣтимъ мы выраженіе, вполнѣ соотвѣтствующее по формѣ славянскому зать и употребляющееся съ значеніемъ отца. За такое выраженіе и позволяемъ себѣ считать скр. ǵati, отецъ, съ обычною утратою носоваго n передъ нѣкоторыми звуками, въ томъ числѣ и передъ t ([7]).

Славянское названіе сноха хотя и затеряло также первоначальную идею, изъ которой образовалось, тѣмъ не менѣе въ внѣшнемъ составѣ своемъ удержало прочнѣе образовательный корень, а потому представляетъ и меньше затрудненій для объясненія, при пособіи родственныхъ языковъ. Ближайшимъ къ нему по звукамъ

стоитъ санскритское snusă, вм. sunusă, изъ существит. sunus, сынъ. Приставку să позволяемъ мы разсматривать за равносильное и родственное окончаніе родит. падежа въ санскритѣ — sja, и какъ существительное manusă, человѣкъ, указываетъ на род. падежъ manusja, отъ manu, собственно принадлежащій Ману, происходящій отъ Ману, такъ и слово śnusă выражало бы прежде всего то, что принадлежитъ сыну.

Взаимная мѣна въ санскритѣ звуковъ s и š на столько обыкновенна, родство ихъ такъ очевидно, проявляясь и въ словообразованіи и во флексіяхъ ([8]), что, думаемъ, едва ли въ окончаніяхъ să и sja не справедливо будетъ видѣть и генетическую связь. Правда, перенося эту связь къ слову snusă, не можемъ не замѣтить, что въ историческую пору санскритскаго языка родительный падежъ отъ темы на u (-у) сблизился съ формою ablativî на ôs, и въ мужскомъ и женскомъ родахъ, но употребленіе нѣкогда общаго окончанія sja и при темѣ u, въ родительномъ падежѣ, удерживалось долго въ нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ въ amušja отъ мѣстоименнаго слова amu, тотъ, сей, и при томъ съ измѣненіемъ зубнаго s въ язычное š ([9]). Родственные другъ съ другомъ въ санскритѣ, звуки s и š одинаково замѣняются и въ славянскомъ языкѣ, именно посредствомъ с и х. Первый способъ замѣны, въ окончаніи словъ, по преимуществу сохранился въ древнѣйшихъ формахъ нарѣчія старо-славянскаго; послѣдній сдѣлался господствующимъ сравнительно въ позднюю пору, и въ этомъ отношеніи языкъ славянскій совпалъ съ Зендомъ, замѣняющимъ упомянутые звуки посредствомъ гортаннаго h. На основаніи этого, вмѣсто šu или su санскритскаго языка, нарѣчія славянскія удержали окончаніе хъ для мѣстнаго падежа множественнаго числа, а въ силу смѣшенія съ нимъ родительнаго множественнаго, и для послѣдняго; потому же самому, санскритское окончаніе аориста sam перешло въ славянскомъ въ хъ, хотя непосредственно соотвѣтственное санскриту славянское съ не погибло безслѣдно и въ томъ и другомъ случаяхъ ([10]).

Языки греческій и латинскій, какъ замѣтно, весьма рано забыли основное значеніе въ словѣ сноха, сколько можно судить по искаженному его виду, съ потерею существеннаго звука s передъ n: νυός, nurus, вм. nusus ([11]). Прочнѣе сохранилось оно

въ древне-нѣмецкомъ языкѣ, который своими формами: snur, snura служитъ какъ бы посредникомъ между санскрито-славянской и греко-латинской формами. Нѣнѣшній нѣмецкій языкъ замѣняетъ выраженіе snura описательнымъ schwiegertochter. Такое явленіе естественнѣе всего обусловливается забвеніемъ древнихъ свойствъ языка; въ силу этого забвенія, исчезло и сознаніе о коренномъ родствѣ сына и снохи (sunu и snura), столь ясномъ въ пору нераздѣльной жизни соплеменныхъ народовъ, когда ихъ языкъ слѣдовалъ общему закону, и мало по малу затемнившемся, со времени ихъ раздѣленія, когда языкъ каждаго изъ нихъ, въ силу различныхъ вліяній, сталъ вырабатывать свои спеціальныя особенности, и въ звукакъ и въ этимологическихъ формахъ. Вслѣдствіе сего, изъ первобытнаго sunu образовались формы: sun, son, sohn, все меньше и меньше казавшіяся родственными съ snura. Отсюда, стремленіе осмыслить выраженіе, сознаніе о происхожденіи котораго, а вмѣстѣ и объ основномъ его значеніи, уже исчезло: отсюда и schwiegertochter, вмѣсто snura. Стремленіе къ подобному же осмысленію становится замѣтнымъ и между нарѣчіями славянскими, съ тѣмъ, однакоже, отличіемъ отъ языка нѣмецкаго, что въ нихъ употреблено не описательное выраженіе, а тоже коренное слово только въ томъ видѣ, какой получило оно въ языкѣ славянскомъ въ отдѣльномъ употребленіи: изъ основнаго sunu въ славян. языкѣ явилась форма сынъ, откуда и вмѣсто сноха, въ нарѣчіи хорутанскомъ, образовалось sinaha (-сынаха), въ польскомъ synowa. Какъ первое, такъ особенно послѣднее довольно наглядно свидѣтельствуетъ о значеніи древняго термина—сноха, представляя какъ бы переводъ его на новѣйшій языкъ, согласно съ требованіями позднѣйшей системы звуковъ и формъ. Окончаніе ова, подобно мужескому овъ, находящееся въ словѣ synowa, выражаетъ тоже свойство принадлежности, какое присуще санскритскому ša (близкому къ sja) въ snusă ([12]). И такъ, основное значеніе термина зять есть раждающій, производящій (поколѣніе, потомство); сноха — принадлежащая сыну, жена сына, сынова ([13]).

Родители перваго, относительно снохи, получили въ славян-

скомъ языкѣ названія свекра и свекрови, родители снохи, по отношенію къ зятю, — тестя и тещи.

Выраженія свекоръ и свекровь, какъ общія всѣмъ кореннымъ языкамъ индоевропейской отрасли, тѣмъ меньше способны затруднять въ объясненіи, чѣмъ съ большею послѣдовательностью можно слѣдить за постепеннымъ видоизмѣненіемъ ихъ формы и чѣмъ прочнѣе выдерживаются въ каждомъ изъ языковъ свойственные имъ и значительно уже уясненные законы фонетики. Приведенныя славянскія выраженія принадлежатъ именно къ разряду такихъ словъ. Въ языкахъ соплеменныхъ представляются они въ такомъ видѣ: скр. çvaçura (свекоръ), çvaçrû (свекровь), греч. ἑκύρος, ἑκυρά, лат. socer, socrus, готск. svaihra (изъ svaihran), svaihrô, древне-нѣмец. suehur, suigar, литов. szeszuras. Санскритское çvaçura съ большею наглядностью указываетъ на сложность своего образованія: первая составная часть его, очевидно, есть çva, вторая — çura. Если послѣднее не возбуждаетъ сомнѣнія, то çva можетъ объясняться только предположеніемъ, правдоподобіе и вѣроятность котораго обусловливаются лишь сравненіемъ съ формами въ остальныхъ языкахъ родственныхъ. Дѣйствительно, не смотря на небный звукъ ç, развившійся въ санскритѣ изъ первобытнаго k, форма слова çva, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ позднѣйшей формаціи, вмѣсто древнѣйшей sva. Надежнѣйшимъ ручательствомъ въ этомъ отношеніи служатъ именно другіе родственные языки, въ томъ числѣ и славянскій. Небное ç санскрита соотвѣтствуетъ въ греко-латинскомъ языкѣ обыкновенно звуку k, какъ это видно и изъ второй половины даннаго слова (çvaçura — ἑκυρ — socer); между тѣмъ въ обѣихъ этихъ языкахъ, въ первой половинѣ слова, находимъ: въ греч. ἑ, равное se, при чемъ v могло быть опущено на общемъ основаніи не любви древнихъ Грековъ къ этому придыхательному звуку (14); въ латинскомъ so, вѣроятнѣе всего, вмѣсто suo или svo, что имѣли случай замѣтить и въ выраженіи soror, вполнѣ соотвѣтствующемъ скр. svasrû. На первоначальное sva вмѣсто çva указываетъ и готскій языкъ съ древне-нѣмецкимъ, а также и славянскій съ литовскимъ, изъ которыхъ послѣдній, одинаково съ греческимъ и латинскимъ, отбросилъ v, какъ поступилъ и славянскій языкъ въ словѣ сестра. Принимая,

такимъ образомъ, во вниманіе большинство языковъ, изъ которыхъ нѣкоторые по письменности восходятъ къ глубокой древности, мы рѣшаемся признать вѣроятнѣйшимъ то объясненіе çva-çura, которое видитъ въ первой части этого слова притяжательное мѣстоимѣніе sva, свой.

Что касается второй половины, çura, то и въ несложномъ видѣ слово это было въ употребленіи у древнихъ Индѣйцевъ (çûra) прежде всего съ значеніемъ человѣка, мужа, отъ глагольнаго корня çur, быть сильнымъ, крѣпкимъ; потомъ человѣка храбраго, мужественнаго, героя, господина. Съ послѣднимъ значеніемъ живетъ оно и въ языкѣ греческомъ, гдѣ санскритскому ç обыкновенно соотвѣтствуетъ k, которое и видимъ въ κύριος, господинъ, повелитель. Латинскій языкъ, на ряду съ греческимъ, не измѣнившій гортаннаго кореннаго, удержалъ это слово въ сложномъ socer (=soker); тоже встрѣчаемъ и въ древне германскомъ, въ которомъ также обычно скр. небному ç соотвѣтствуетъ придыхательный гортанный h, что и есть въ svaihra, suehur. Языкъ славянскій обнаруживаетъ въ отношеніи этого звука знаменательную для исторіи народа въ дописьменную пору непослѣдовательность: въ немъ находимъ въ соотвѣтствіе скр. ç звуки с, к, щ; иногда одно и тоже коренное слово предлагаетъ два звука, дѣлая, такимъ образомъ, невозможнымъ опредѣленіе родства ихъ безъ пособія сравнительнаго метода (15). Такъ и слово çûra извѣстно въ простонародномъ языкѣ русскомъ въ формѣ суръ, съ значеніемъ храбреца, молодца; въ формѣ щуръ, нами уже разсмотрѣнной, наконецъ, въ формѣ коръ (-стар. слав. къръ), равной греческому κυρ, въ κύριος, латин. ker, въ socer, какъ видно въ сложномъ свекръ (=свекъръ). Отсюда, коренное значеніе этого термина есть — свой господинъ, какимъ естественно долженъ былъ стать отецъ мужа для молодой жены, покинувшей свой родъ и вступившей въ чужой, сдѣлавшійся ей теперь своимъ (16). Послѣ этого не требуетъ особаго поясненія и значеніе свекрови: оно тоже самое лишь съ примѣненіемъ къ женѣ свекра, матери мужа (17).

Рѣшаемся думать, что слово çura, съ первобытнымъ гортаннымъ к, уцѣлѣло въ славянскомъ языкѣ не въ одномъ сложномъ свекоръ. По крайней мѣрѣ, попадающееся въ переводахъ

церковныхъ сочиненій слово коуригъ, соотвѣтствующее греческому νυμφαγωγός, слѣдовательно, равносильное нынѣшнимъ выраженіямъ: сватъ, дружка, по мнѣнію нашему, не можетъ имѣть другаго происхожденія, какъ отъ того же çura, греч. κυρ (ος). Примѣнимость кореннаго смысла къ данному значенію коурига, думаемъ, не можетъ встрѣтить затрудненія. Гораздо отдаленнѣе уже отъ этого смысла другое слово, распространенное у всѣхъ Славянъ и которое кажется намъ происходящимъ отъ того же корня: это коуръва, въ значеніи непотребной женщины. Быть можетъ, это значеніе и отсутствіе, на первый взглядъ, посредствующихъ терминовъ и было причиной того, что въ существующихъ объясненіяхъ этого слова, мы не видимъ доселѣ никакой опредѣленности и положительности; встрѣчаемъ, напротивъ, до такой степени произвольныя догадки, не рѣдко противорѣчащія законамъ словообразованія и звуковой системы, что допустить ихъ несравненно труднѣе, нежели предположить даже непосредственный скачокъ въ значеніи отъ çura къ коуръвѣ. Казалось бы, близкое отношеніе славянскаго выраженія къ германскимъ формамъ: hors, готск. huora, древне верх. нѣмецкое, huor, hôrr, huore, средне верх. нѣмец., наконецъ, нынѣшнее нѣмецкое hure, съ тѣмъ же значеніемъ, что и коуръва, могло естественно побудить изслѣдователей къ опредѣленію общаго происхожденія ихъ, съ одной стороны; съ другой, столь очевидною близостью, доходящею до тожества германскихъ формъ съ оканчаніями въ suehur, svaihra, указать на очевидную родственность тѣхъ и другихъ,—и тѣмъ не менѣе, самые нѣмецкіе филологи считаютъ удобнѣйшимъ обратиться лучше къ самымъ туманнымъ и гадательнымъ объясненіямъ и сближеніямъ, нежели взглянуть внимательнѣе и въ этомъ случаѣ на корень çur (-kur), въ тожествѣ котораго съ hur и hrô въ окончаніи сложныхъ словъ (suehur и svaihrô) почти никто изъ нихъ не сомнѣвается ([18]). Причина ясна: отдаленность значенія, доходящаго до противоположности. Между тѣмъ современный смыслъ далеко не можетъ служить порукою того же значенія и въ глубокой древности; напротивъ, каждый языкъ въ состояніи представить не одинъ десятокъ примѣровъ того, какъ древнѣйшій смыслъ даннаго слова переходитъ

въ обратный въ позднѣйшемъ употребленіи, отъ хорошаго къ дурному, и на оборотъ. Отъ нынѣшняго, напримѣръ, значенія польскаго выраженія kobieta, женщина, не легко также заключать къ значенію его, всецѣло соотвѣтствующему общеславянскому слову коуръва, тогда какъ въ произведеніяхъ литературы польской даже 17 столѣтія оно не сомнѣнно ([19]). Встрѣчая же въ новогреческомъ языкѣ существительное κυράνα или κοιράνα, въ значеніи хозяйка дома, госпожа ([20]), родство котораго съ κύριος, а слѣдовательно съ çura; конечно, не возбудитъ ни въ комъ недоразумѣнія, мы рѣшительно не видимъ ни съ какой стороны препятствія сопоставить съ нимъ славянское слово коуръва, а съ этимъ вмѣстѣ и не считать его родственнымъ по происхожденію съ коръ въ свекоръ, съ hur въ suehur, а черезъ это и съ старогерманскими huora, huor, huore, нынѣшнимъ hure. Въ основѣ всѣхъ, такимъ образомъ, приведенныхъ реченій лежитъ одинъ корень, kur, видоизмѣнившійся въ санскритѣ въ çur. Какъ бы, впрочемъ, ни было, но мнѣніе Миклошича о возможности заимствованія Славянами выраженія коуръва отъ нѣмцевъ, въ томъ случаѣ, если hure послѣднихъ родственно съ скр. gâra, свидѣтельствуетъ лишь о крайнемъ увлеченіи ([21]).

Говоря о терминахъ свекоръ и свекровь, вспомнимъ о формахъ чешской и малорусской, оправдывающихъ наше мнѣніе объ образованіи слова сноха и о родствѣ его съ скр. snusă. Свекровь по чешски svegrusĕ, гдѣ g вмѣсто k появилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ языка нѣмецкаго, употребляющаго съ незапамятныхъ временъ гортанные звучные, вмѣсто отзвучныхъ славянскихъ; конечное e, въ še, представляетъ перегласованіе кореннаго a, въ силу позднѣйшаго свойства нарѣчія чешскаго замѣнять широкія гласныя узкими, послѣ смягченныхъ, какъ lud — lid, duša — duše и т. под. Так. образ., svegrusĕ вмѣсто старинной формы svekrusă. Кажется, несомнѣнно, что окончаніе здѣсь ša одного происхожденія и одного значенія съ скр. šă въ snusă, т. е. соотвѣтствуетъ sja съ означеніемъ принадлежности, въ настоящемъ случаѣ жены свекра. Но какъ скр. să въ snusă въ славянскомъ вообще перешло въ ха, такъ и чешскому окончанію ša въ svekrusă находимъ соотвѣтствующее ха въ малорусскомъ нарѣчіи, гдѣ господствующая форма, замѣняющая древ-

нее свекръ, есть свекруха. При такомъ взглядѣ на окончаніе ха, вмѣсто ша, уясняется и значеніе существительныхъ на ха въ названіи женъ по фамиліи мужей, распространенномъ по преимуществу въ нарѣчій малорусскомъ, какъ: смирниха, жена Смирнова, шепиха, жена Шепа, соколиха, жена Соколова, никитиха, жена Никитина; подобное же образованіе иногда приходится слышать изъ устъ Малороссіянъ и отъ фамилій на скій. Едва ли, послѣ этого, покажется лишеннымъ всякаго основанія и предположеніе наше о происхожденіи окончанія ха изъ ша и о соотвѣтствіи послѣдняго окончанію sja, служившему въ прадревнюю пору языка индоевропейскаго для опредѣленія принадлежности вообще, а при имени мужа, въ частности, жены его (22).

Соплеменные народы разобранныя названія, свекоръ и свекровь, относятъ въ одинаковой степени и къ родителямъ мужа и къ родителямъ жены; у Славянъ для обозначенія послѣднихъ искони существуютъ особые термины, хотя, какъ увидимъ, не исключенъ общій смыслъ и первыхъ. Эти особые термины суть тесть и теща. Уединенности ихъ, а черезъ это и затруднительности сравненія, слѣдуетъ приписать затемненность корня и неизвѣстность основнаго значенія. Тому же должна была содѣйствовать и замѣна этихъ названій другими словами среди самихъ Славянъ, какъ у Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Хорутанъ, употребляющихъ вмѣсто тесть существительное пунац, вмѣсто теща — пуница, равно не всегда и не всюду одинаковость значенія тестя и тещи, какъ родителей жены. Въ письменности церковно-славянской первое не однажды является въ смыслѣ зятя, переводя греческое γάμβρος, латин. gener, какъ въ пандектахъ Антіоха (23); послѣднее, теща, въ старыхъ памятникахъ польскаго языка замѣняетъ иногда сноху, употребляясь въ формѣ teyść. (24). Не удивительно поэтому, что нѣкоторые ученые славянскіе, принимая послѣднее значеніе разсматриваемыхъ выраженій за основное, сопоставили славянскія выраженія тьсть и теща съ еврейскимъ tachen, означающимъ зятя. Такъ поступилъ и Юнгманнъ, руководясь, очевидно, чешскими формами: tchan и tchyně (25). Формы эти, конечно, заслуживаютъ вниманія со стороны филолога, но едва ли простое созвучіе съ ними еврейскаго слова даетъ достаточное ручательство

даже въ вѣроятности родства, не только въ несомнѣнности его. Гораздо прочнѣе искать сближенія въ средѣ языковъ родственныхъ.

Сравнивая старославянскую форму тьсть съ только что указанною чешскою tchan, не трудно подмѣтить различіе лишь въ образовательномъ суффиксѣ, такъ какъ х чешское, очевидно, равносильно родственному с. Но эта замѣна показываетъ ясно, что с въ словѣ тьсть принадлежитъ корню, окончаніе же составляетъ ть, одинаковое и въ выраженіяхъ зать, гость, тать и др., и которое, какъ имѣли мы случай видѣть, употребляется Славянами и для обозначенія лицъ. Такимъ образомъ, корень слова есть тьс, гдѣ ь замѣняетъ какой либо одинъ изъ основныхъ гласныхъ звуковъ, именно а или і. Соображая разнообразный характеръ славянскаго звука с, соотвѣтствующаго, между прочимъ, санскритскому kš̃ ([26]), нельзя не остановиться на глаголѣ takš, употребляющемся въ языкѣ Ведъ въ значеніи производить, приготовлять, работать, и составляющемъ желательную форму глагольнаго корня tak, въ смыслѣ поддерживать, переносить. Участіе этого глагола въ образованіи родственныхъ терминовъ очевидно изъ скр. выраженій takman, tôkman, tôka, съ означеніемъ дитя, потомство; еще болѣе изъ зендскаго taokhma, въ смыслѣ сѣмя, поколѣніе, перешедшаго въ персидскомъ въ формы tuchm, tuchum, столь близкія къ чешской tchan (=тъchan). Этотъ же глаголъ въ старо-прусскомъ языкѣ звучалъ tikint, дѣлать, откуда существительное teikusna, твореніе ([27]); въ греческомъ — τέκτω изъ τέκω, рождать, производить, откуда, наравнѣ съ санскритомъ, греческое τέκος, τόκος, τέκνον, дитя. Въ языкѣ славянскомъ отъ первообразной формы tak, кажется, нѣтъ глагола; за то отъ желательной takš явилось тесать, подобно литовскому taszan, съ тѣмъ же значеніемъ. Рѣшаемся думать, что слово тесть идетъ непосредственно отъ первообразнаго tak, хотя по формѣ и нѣтъ препятствія сопоставлять его съ takš; но въ этомъ отношеніи едва ли бы соотвѣтствовало ему значеніе глагола тесать, получившее, конечно, отъ отдаленнѣйшей древности свой техническій, спеціальный смыслъ, такъ какъ въ этомъ только смыслѣ извѣстенъ глаголъ этотъ во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ. Но изъ tak не могло ни-

какимъ образомъ явиться въ славянскомъ тьс (=тес); звукъ k санскритскаго языка прежде всего соотвѣтствуетъ славянскимъ гортаннымъ, и уже посредствомъ нихъ, въ силу чисто славянской фонетики, свистящимъ и шипящимъ. Что и тутъ, дѣйствительно, первоначально слѣдуетъ предполагать звукъ гортанный, наглядньмъ и убѣдительнымъ доказательствомъ служитъ упомянутая форма чешская, tch-an, непосредственно сближающаяся съ скр. глаголомъ tak: согласно съ правописаніемъ старо-славянскимъ, она должна была звучать нѣкогда тъх-анъ, съ глухимъ гласнымъ середи корня. При посредствѣ этой уже формы образовалась и господствующая въ славянскихъ нарѣчіяхъ тьсть, гдѣ переходу х въ с способствовалъ новый суффиксъ ть (=ti), а это, въ свою очередь, потребовало измѣненія широкаго ъ въ узкое ь.

Значеніе, смѣемъ думать, не только не противорѣчитъ нашему производству, а скорѣе поддерживаетъ и подкрѣпляетъ его. Въ названіяхъ отца и матери, какъ сказано выше, господствующая идея есть рожденіе, покровительство; эта же идея лежитъ и въ основаніи глагольнаго корня tak, — а тесть съ тещей суть родители жены. Ежели припомнимъ при этомъ, что и въ названіи зять заключено тоже самое основное понятіе, то не удивимся, встрѣтивши кое-гдѣ изрѣдка терминъ тьсть замѣняющимъ выраженіе зать; съ этимъ вмѣстѣ и тещa могла заступить мѣсто снохи, т. е. жены сына: двѣ отдѣльныхъ семьи соединяются въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, мужчины и дѣвицы, которые завязываютъ собою узелъ новой семьи, новаго рода, имѣющаго стать въ одинаковыя отношія къ той и другой. Но если въ славянскомъ языкѣ форма тьсть способствовала дѣйствительному значенію, то санскритское окончаніе man потребовало страдательнаго, будучи само въ связи съ страдательнымъ причастнымъ окончаніемъ ([28]); отсюда takman значитъ собственно рожденное, дитя. Согласно съ санскритомъ пошелъ и греческій языкъ, образовавшій τέκνον, также въ значеніи чадо, дитя ([29]). На примѣненіе идеи рожденія къ дѣтямъ мы указали выше, при разборѣ выраженій сынъ и чадо.

Образованіе женской формы теща (= старославян. тьшта) отъ тесть (=ст.-слав. тьсть) объясняется вполнѣ естественно требованіемъ славянскаго словообразованія и звукосочетанія. Су-

ществительное тьсть принадлежитъ къ числу немногихъ словъ, сохранившихъ въ формахъ склоненія родственность съ склоненіемъ древнихъ языковъ на тематичное и (=i), подобно словамъ: пѫть, зѧть, гость и др.; въ немъ, какъ и въ послѣднихъ, конечное ь замѣняетъ основное и, такъ что первоначальный видъ слова тьсть долженъ быть тьсти. Въ слѣдствіе приставки родоваго суффикса а для образованія женскаго рода, конечное и превращается въ j и своимъ вліяніемъ, по общему въ славянскомъ языкѣ закону, превращаетъ или смягчаетъ ст въ шт или щ, сливаясь съ ними въ одинъ звукъ. Отсюда тьстја = тьшта или русская форма теща. Попадающуюся форму въ древне-русскихъ памятникахъ: цтя или цьтя, вмѣсто тьстя, какъ въ слѣдующемъ выраженіи: «братъ наистарѣйшій, Романъ, уимаетъ волости у наю, слушая цтя своего, Святослава» ([31]), — объяснить весьма легко, какъ составившуюся отъ сліянія двухъ звуковъ тс, равносильныхъ звуку ц.

Какъ очевидно, Славяне воспользовались и въ этихъ терминахъ родства общимъ корнемъ индоевропейскимъ, но пошли своимъ особымъ путемъ въ примѣненіи ихъ къ степени родства. Выраженія тесть и теща въ томъ смыслѣ, въ какомъ преимущественно употребительны они у Славянъ, принадлежатъ исключительно имъ; для обозначенія родителей жены, по отношенію къ ея мужу, другіе соплеменные народы пользуются тѣми же названіями, какія пріурочены родителямъ мужа по отношенію къ его женѣ, т. е. свекоръ и свекровь. Это находимъ мы въ санскритѣ, латинскомъ, древнемъ и новомъ германскомъ. Безъ сомнѣнія, подобной самостоятельности и особенности данныхъ терминовъ, указывающимъ на сравнительную ихъ новость въ языкѣ, слѣдуетъ приписать и ту неопредѣленность, не устойчивость въ ихъ употребленіи, какая бросается въ глаза наблюдателя надъ совокупностью нарѣчій славянскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, только сравнительною новостью появленія этихъ названій съ господствующимъ значеніемъ и можно объяснить замѣну ихъ кое-гдѣ, какъ напр., у Хорутанъ, свекромъ и свекровью: не есть ли это остатокъ памяти о нѣкогда всеобщемъ употребленіи ихъ, на равнѣ съ Индійцами, Римлянами и Германцами? Въ свою очередь, не о томъ же ли говоритъ и смѣшанность понятій въ выраженіяхъ тесть и

теща, когда примѣняются они и къ зятю съ снохою? Едва ли не этой шаткости должно приписать и распространенность во всемъ юго-славянствѣ, у Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Хорутанъ, особыхъ терминовъ для тѣхъ же понятій. Извѣстно, что у поименованныхъ только что народовъ славянскихъ гораздо въ большемъ ходу названія пунац и пуница, вмѣсто тесть и теща.

Было бы не безполезно и не неважно опредѣлить происхожденіе указанныхъ юго-славянскихъ выраженій, чтобы видѣть, на сколько сродна или отдаленна идея, въ нихъ заключенная, отъ разъясненной идеи въ соотвѣтствующихъ имъ словахъ тесть и теща. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи рѣшить этого вопроса положительно, и только путемъ отрицанія существующаго толкованія, быть можетъ, пособимъ окончательному рѣшенію. Толкованіе словъ пунац и пуница принадлежитъ въ послѣднее время г. Гильфердингу. Въ своемъ сочиненіи «о сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ», онъ сближаетъ пуница съ скр. глаголъ van, любить, откуда vanitâ, женщина. Конечно, значеніе послѣдняго выраженія, какъ оно ни обще, не противорѣчитъ понятію о тещѣ; но уважаемый авторъ должно быть опустилъ изъ виду мужескій родъ, пунац, къ которому vanitâ не имѣетъ уже никакого отношенія. Независимо отъ этого, мы не можемъ не замѣтить, что въ подобномъ сближеніи играетъ роль больше кажущееся созвучіе, съ предположеніемъ при томъ равенства санскритскаго v славянскому п, нежели историческій взглядъ на звуковое развитіе сербо-хорватскаго нарѣчія. Даже допущеніе дѣйствительнаго равенства скр. v славянскому п ни мало не устраняетъ и не ослабляетъ подрывающаго подобное сближеніе вопроса: почему и какимъ путемъ скр. an замѣнилось посредствомъ ун въ сербскомъ нарѣчіи? Такая замѣна не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ. Между тѣмъ, гласный звукъ у, въ пунац, пуница, прежде всего долженъ остановить вниманіе, какъ скоро то или иное явленіе языка касается исключительно Сербовъ и Хорватовъ. И у тѣхъ и у другихъ звукъ у, кромѣ общаго происхожденія и значенія во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, представляетъ и свою спеціальную особенность, развившись изъ древнѣйшаго лъ, какъ: пук, вук, вм. плъкъ, влъкъ. Предположить въ настоящемъ случаѣ именно такое происхожденіе звука у въ дан-

ныхъ терминахъ тѣмъ необходимѣе, чѣмъ неизвѣстнѣе послѣдніе другимъ Славянамъ. Предположеніе это получитъ несомнѣнность, когда примемъ въ соображеніе посредствующую форму, уцѣлѣвшую въ хорутанскомъ нарѣчіи, въ которомъ нерѣдко старо-слав. лъ, согласно съ русскимъ языкомъ, обращается въ ол; существительное же polnica, въ значеніи теща, попадается въ переводѣ Новаго Завѣта Трубера и указываетъ на плънъ = серб. хорватск. пун. ([32]). Такимъ образомъ, уже не пунац или пуница приходится сравнивать съ скр. van и vanitâ, а плънац или плъница; но противъ такого сравненія, надѣемся, возстанетъ не послѣ другихъ и самъ г. Гильфердингъ ([33]).

Новыя отношенія между двумя родами не ограничились новыми названіями только для главныхъ лицъ, родоначальниковъ, для родителей мужа и жены. Патріархальность быта не разлучна съ силою и живостью родственнаго чувства, а потому не могла не вызвать болѣе широкаго и точнаго опредѣленія и дальнѣйшихъ отношеній между родственниками соединенныхъ чужихъ родовъ. Братъ мужа не могъ въ такой же силѣ быть братомъ и для жены, подъ вліяніемъ этого быта; уравненіе замѣчается лишь въ позднѣйшей жизни народа, напр. русскаго, часто уже не отличающаго вовсе брата отъ деверя: родственныя отношенія, входившія въ составъ существенныхъ условій древнѣйшаго быта народнаго, всецѣло его проникавшія, необходимо вызывали и строгое отличіе разнообразныхъ степеней, что, въ свою очередь, неизбѣжно отражалось и на языкѣ. Отсюда, какъ для брата и сестры мужа, такъ и на оборотъ, для брата и сестры жены, какъ скоро роды вступили въ связь посредствомъ брака ихъ членовъ, образовались и особыя выраженія, въ первомъ случаѣ деверь и золовка, во второмъ — шуринъ и своякиня. Три первыхъ названія родились на почвѣ обще индо-европейской, и донынѣ, съ свойственными каждому отдѣльному языку видоизмѣненіями, распространены по всѣмъ составнымъ частямъ нѣкогда не раздѣльнаго племени.

Существительное деверь находитъ себѣ соотвѣтствующія выраженія, и по формѣ и по значенію, во всѣхъ коренныхъ языкахъ родственныхъ; такъ: скр. dêvar или dêvi, греч. δαήρ (= δᾱερ δᾱ-ερ), латин. levir, съ обращеніемъ d въ l ([34]), литов.

dĕweris, англо-саксон. tacur, tacor, древ. герм. zeihhur([35]). Не смотря, однакоже, на распространенность этого слова и на исключительное его значеніе брата мужа въ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ и литовскомъ, коренное его происхожденіе, а съ этимъ и основная идея до такой степени затемнены, что нѣкоторые изъ филологовъ признали лишнимъ даже и пускаться въ его объясненіе([36]). Но для правильнаго взгляда на происхожденіе слова не неважно и то понятіе о лицѣ, имъ обозначаемомъ, какое высказывается въ жизни народной; во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать этого условія хотя бы и въ качествѣ пособія. Посмотримъ, какую роль придаетъ деверю славянскій народъ.

Съ большею или меньшею распространенностью, выраженіе деверь знакомо всѣмъ Славянамъ до настоящаго времени: болгар., серб., хорват., хорутан. девер, чешск. deveř, польск. dziewierz. Далеко однакоже не всюду замѣчаемъ одинаковое значеніе. У однихъ Славянъ, какъ у Чеховъ и Поляковъ, деверемъ называется и братъ жены, вмѣсто русскаго шурина; у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ, деверь вообще тотъ, кто приводитъ къ алтарю жениха и невѣсту, слѣдовательно, равнозначущъ русскому дружкѣ. У Сербовъ, кромѣ того, означаетъ друга и секунданта, какъ въ слѣдующей пѣсни:

па ђевери од њи одступише,
и они се ударат стадоше.

Такое разнообразіе въ значеніи уяснится само собою, ежели мы вглядимся внимательнѣе въ обрядъ браковъ у Славянъ, доселѣ удержавшихъ такъ много знаменательныхъ обычаевъ, способныхъ поднять насъ къ глубочайшей старинѣ и тѣмъ облегчить уразумѣніе первоначальнаго смысла самыхъ выраженій. Дружкомъ и по сіе время обыкновенно бываетъ жениховъ братъ, замѣняемый ближайшимъ его родственникомъ или лучшимъ другомъ въ томъ только случаѣ, когда брата не имѣется или почему либо онъ признается неспособнымъ. Обязанность дружка состоитъ въ главномъ распоряженіи всѣми сложными обычаями при свадьбѣ, особенно при разгульномъ свадебномъ угощеніи; онъ же съ мечемъ стоитъ и около двери спальни молодыхъ. Послѣдняя обязанность брата женихова была, между прочимъ, поводомъ произво-

дить и самое слово деверь отъ двери ([37]). Понятно, что при замѣнѣ брата кѣмъ-либо другимъ, и названіе деверя, принадлежащее первому, могло перенестись на послѣдняго; отсюда значеніе деверя у Сербовъ и Хорватовъ, кромѣ брата жениха, и вообще того, кто ведетъ молодыхъ къ алтарю, у Хорутанъ — der für die Braut bestimmte Hochzeitdirector. А такъ какъ замѣнить въ подобномъ случаѣ брата всего скорѣе могъ или другъ жениха, или братъ невѣсты, то слово деверь, какъ у тѣхъ же Сербовъ, стало обозначать и друга, и брата невѣсты — жены, какъ у Чеховъ. Согласно съ этимъ, употребляется и слово женскаго рода, образовавшееся у Славянъ чешскихъ и сербскихъ: deveryně или deveřině первыхъ означаетъ сестру мужа и жены, деверуша послѣднихъ жену деверя и тоже, что у Нѣмцевъ kranzjungfrau ([38]). Впрочемъ, значеніе деверя у Чеховъ, равно и у Поляковъ, скорѣе можетъ говорить въ пользу забвенія ими первоначальнаго смысла слова и, въ силу этого, смѣшенія съ названіемъ шуринъ; на это очевидно указываетъ и постепенная потеря въ языкѣ ихъ самаго выраженія деверь, вмѣсто котораго, и у тѣхъ и у другихъ, столь же обычно употребляется нѣмецкое schvager, одинаково для брата мужа и для брата жены, слѣдовательно, вмѣсто славянскаго деверь и шуринъ. Принимая въ соображеніе древнѣйшіе языки, а также господствующеее по сіе время значеніе деверя у Славянъ и исключительное обозначеніе имъ брата мужа, по отношенію къ женѣ, въ древнѣйшую пору, можемъ смѣло заключить, что это значеніе и есть первоначальное, основное; всѣ остальныя развились уже позднѣе, подъ вліяніемъ частныхъ условій каждаго поколѣнія славянскаго.

Всматриваясь въ должность деверя при свадьбахъ славянскихъ, при всей ея сложности и многосторонности, нельзя не отмѣтить господствующаго въ ней направленія — распространять и поддерживать веселье и разгулъ: деверь шутитъ, остритъ, заводитъ игры; ему принадлежитъ главный надзоръ за невѣстой, ухаживанье за нею; онъ же и главный ея руководитель ([39]). Подобный характеръ деверя въ состояніи дать по крайней мѣрѣ толчекъ искать въ смыслѣ самаго выраженія что либо указывающее на него ([40]). Максъ-Миллеръ, а за нимъ и Пиктэ не задумываются производить скр. dêvar отъ div, свѣтить, потомъ играть, шутить;

пособіемъ имъ при этомъ служитъ и скр. терминъ родства bhâma, означающій мужа сестры и происходящій отъ глагола bha съ значеніемъ, подобнымъ глаголу div. Идея веселости, радости не чужда родственныхъ терминовъ, какъ замѣтно и изъ скр. названія сестры мужа nandinî, собственно радующая. Мы позволимъ себѣ только нѣсколько ограничить непосредственный корень существительнаго деверь, производя его не прямо отъ div, господствующее значеніе котораго весьма далеко, а отъ dêv, уже второобразнаго глагола, употребительнаго съ исключительнымъ смысломъ играть, шутить. Присоединимъ къ этому, что и самое слово dêva является не рѣдко съ значеніемъ дитяти, любящаго играть (41) Допуская такое толкованіе слова деверь, мы далеки отъ того, чтобы признавать наличный характеръ деверя въ обрядовыхъ обычаяхъ Славянъ за основаніе къ названію: это потребовало бы признанія подобныхъ обычаевъ въ нераздѣльной еще жизни народовъ арійскихъ, что было бы слишкомъ смѣло и крайне сомнительно; напротивъ, мы охотнѣе готовы предположить обратное явленіе, что нынѣшній обрядовый характеръ деверя развился, быть можетъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ первобытнаго и, безъ сомнѣнія, очень долго сознававшагося основнаго значенія. Быть можетъ, ранніе браки востока, ставившіе младшаго мужнина брата въ положеніе соучастника въ играхъ съ женою послѣдняго, были первымъ основаніемъ къ такому названію; нельзя безусловно отрицать и вліяніе на него переворота въ отношеніяхъ между двумя родами, прежде чуждыми, часто враждебными, дѣлавшимися посредствомъ брака отдѣльныхъ членовъ ихъ близкими, родственными, что согласовалось съ общею радостью, весельемъ (42). Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни казалась шаткою эта догадка, все же она имѣетъ больше за себя, нежели производство Диффенбаха (43), отнесшаго слово dêvar къ скр. глагольному корню ju, связывать, соединять. Ни со стороны внѣшней, звуковой, ни со стороны понятія нельзя оправдать такого производства безъ самыхъ насильственныхъ натяжекъ (44).

Названіе золовка, принадлежащее сестрѣ мужа, также всеобще распространено въ мірѣ славянскомъ, хотя въ позднѣйшую пору и замѣтно въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ вытѣсненіе его другими словами. Старо-славянская форма, вѣроятно, ближайшая къ

основнвму корню есть злъва; рядомъ съ нею стоитъ болгарская залва, за нею полногласная русская форма золовка, малорусская уменьшительная зовиця, сербо-хорватская заова, зава, хорутанская zava, zavična, zvična, словацкая zolvice, чешская zelva, zelvice, употребительная только въ простомъ народѣ, и то изрѣдка, замѣняясь чаще, подобно нарѣчію польскому, нѣмецкимъ словомъ szwagrowa. Замѣна эта есть явленіе довольно новое у Поляковъ; по крайней мѣрѣ, еще въ XVI столѣтіи образцовые писатели и поэты польскіе не чуждались славянскаго выраженія. Вѣроятно тоже самое было и у Чеховъ ([45]).

Основная идея существительнаго золовка могла бы, повидимому, весьма легко объясниться сопоставленіемъ съ несомнѣнно родственнымъ выраженіемъ греческимъ и латинскимъ γάλως и glos, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ; но и въ нихъ одинаково оказывается утраченнымъ коренное происхожденіе; они являются у самыхъ древнихъ писателей уже исключительно съ тѣсно ограниченнымъ смысломъ опредѣленнаго родства. И здѣсь, слѣдовательно, всего ближе было бы обратиться къ санскриту, который оказывалъ и намъ, въ настоящемъ трудѣ, свое пособіе, и который скорѣе могъ бы привести къ желаемой цѣли, владѣя письменностью отдаленнѣйшихъ временъ. Но и санскритъ, въ словѣ золовка, осторожными филологами признается неспособнымъ безъ натяжекъ, которыхъ мы постоянно стараемся избѣгать, помочь опредѣленію кореннаго смысла въ такой степени, чтобы не возбуждать подозрѣній и сомнѣній въ изслѣдователѣ. По крайней мѣрѣ существительное cjâla, съ которымъ еще въ 1836 году ([46]) сравнивалъ Поттъ γαλως, glos и золовка, извѣстно съ инымъ значеніемъ, съ значеніемъ брата жены, и стоитъ такъ уединенно, особнякомъ, что гораздо основательнѣе, полагаемъ, отказаться вовсе отъ пріисканія кореннаго смысла, чѣмъ допускать предположенія, неимѣющія никакой объективной опоры. Обратимъ вниманіе, что поттово сравненіе не выдерживаетъ критики и со стороны звуковой: сродство скр. ç съ греко-латинскимъ g и съ слав. з такъ необыкновенно, что можетъ оправдываться развѣ чрезъ мѣру свободнымъ и ненаучнымъ обращеніемъ со звуками. Невѣроятность родства γαλως, glosu золовка съ cjâla доказывается еще положительнѣе мнѣніемъ Максъ-Миллера, уяснив-

шаго, еще въ 1856 году, образованіе небнаго ç въ скр. словѣ çjâla изъ зубнаго s, которое ни въ какомъ уже случаѣ не могло преобразиться въ греческомъ и латинскомъ въ g. Съ этимъ, какъ замѣтно, вполнѣ соглашается и Курціусъ (47). Съ этой точки зрѣнія и мы гораздо охотнѣе послѣдовали бы за Пикте, поставившимъ славянское, греческое и латинское выраженія совершенно отдѣльно отъ çjâla и не домогавшимся подыскивать какой-либо корень санскритскій (48), еслибы славянскій терминъ своимъ образованіемъ и своимъ звуковымъ отношеніемъ къ родственнымъ языкамъ не давалъ законнаго права къ естественному сближенію. Быть можетъ, понятное и отчасти извинительное невниманіе къ спеціальнымъ условіямъ славянскаго словообразованія со стороны германскихъ филологовъ и было причиною того, что имъ не удалось изъ предѣловъ одного греко-латинскаго языка подойти къ болѣе прямому пути.

Старославянская форма злъва, лежащая въ основѣ всѣхъ остальныхъ формъ нарѣчій славянскихъ, указываетъ прежде всего на первообразное злъв, которое гласнымъ л въ корнѣ своемъ свидѣтельствуетъ о корнѣ въ санскритѣ также съ гласнымъ л, или, по ближайшему родству его съ r, которое весьма обыкновенно и замѣняется первымъ, съ гласнымъ r; въ остальныхъ языкахъ родственныхъ слѣдовало-бы ожидать звукъ l или r, предшествуемый однимъ изъ чистыхъ гласныхъ: a, o, e, и. Въ греческомъ, дѣйствительно, и находимъ γαλω (49). Что касается до начальнаго согласнаго въ корнѣ, то онъ долженъ соотвѣтствовать въ санскритѣ славянскому з и греческому γ, а такой звукъ можетъ быть только g или равносильный ему, изъ него развившійся, ǵ (дж). Но при этомъ невозможно оставить безъ вниманія сербохорватскую форму заова. Соображая звуковую систему этого нарѣчія, по отношенію къ нарѣчію старославянскому, мы съ полнымъ правомъ можемъ замѣнить его, по правописанію послѣдняго, посредствомъ зълва, изъ котораго только и могла образоваться форма заова, такъ какъ старо-славянскому злъва соотвѣтствовало бы въ нынѣшнемъ сербскомъ и хорватскомъ зува, по общему и неизмѣнному правилу обращать гласное л (=ст. слав. лъ) въ у, какъ: влъкъ-вук, плъкъ-пук и т. под. Но зълва требуетъ уже въ корнѣ непремѣнно чистаго гласнаго, послѣ начальной со-

гласной, а потому и предполагаемый въ соотношеніе къ славянской формѣ злъв санскритскій корень gṛ или gl долженъ принять иной видъ, съ гласнымъ между g и r или l. Этотъ гласный звукъ, во первыхъ, необходимо считать короткимъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ изъ него не образовалось бы слабое ъ въ славянскомъ языкѣ; во вторыхъ, имъ можетъ быть только а или у, потому что лишь эти звуки соотвѣтствуютъ гласному ъ. Мы позволяемъ себѣ видѣть этотъ корень въ санскритскомъ словѣ gar, смѣняемомъ въ большинствѣ словъ на gur или даже gurv, съ значеніемъ: возносить, поднимать, высоко ставить. Отсюда, прилагат. guru, въ смыслѣ высокій, почтенный, достоуважаемый. Тожественность gar и gur очевидна и изъ упомянутаго прилагательнаго, которое въ сравнительной и превосходной степеняхъ является съ a: garîjas, garišta. Это прилагательное (guru) въ женскомъ родѣ звучитъ gurvî. Слѣдуя обратному пути, подставляя вмѣсто санскритскихъ соотвѣтствующіе славянскіе звуки, получимъ зълва, такъ какъ долгое î въ окончаніяхъ женскаго рода замѣняется въ славянскомъ обыкновенно черезъ а (срав. ǵanî-жена). Что касается до отношенія упомянутаго прилагательнаго, къ понятіямъ родства, то необходимо обратить вниманіе: 1) на подобное-же значеніе, съ понятіемъ почтенія и уваженія, въ терминахъ свекоръ и свекровь, на образованіе atta, въ смыслѣ почтенный, отъ слова отецъ; 2) на употребленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ санскритской литературы выраженія guru въ качествѣ существительнаго и съ видимымъ примѣненіемъ къ родству, почему Бопп для такихъ случаевъ и выразилъ его значеніе слѣдующимъ образомъ: guru, subst., magister et quaevis utriusque sexus persona propinquae cognationis causa imprimis veneranda; 3) не забудемъ и двойственнаго числа gurû, попадающагося въ значеніи: parentes (=родители) ([50]). Принимая въ соображеніе, съ одной стороны, равенство звуковъ а и u (въ прилаг. guru), мы легко поймемъ и греч. α въ γάλως; соображая, съ другой, женскій родъ gurvî, убѣдимся, что в въ слав. злъва принадлежитъ корню; это в мы смѣло подразумѣваемъ и въ греч. выраженіи, въ которомъ оно должно предполагаться въ качествѣ дигаммы, въ косвенныхъ падежахъ: родит. γαλο-ος вм. γαλοϝος, и именительный гомерическій γαλοως, вм. γαλοϝως. Нарѣчіе старо-

славянское, очевидно, слѣдуя господствующему употребленію, установившемуся въ немъ относительно корней съ гласнымъ р̥—л̥, и въ настоящемъ случаѣ сотетаніе ар или ур превратило въ гласное л̥ (=р̥) ([51]) и такимъ образомъ составило форму злъва ([52]).

Относительно высказаннаго нѣкогда г. Аксаковымъ производства золовки отъ прилагательнаго золъ, злой замѣтимъ, что такое производство можетъ имѣть основаніе только въ случайномъ и ненормальномъ отношеніи родственницъ (жены брата и сестеръ мужа) въ современномъ быту народа, а не въ исторіи языка и даже не въ историческомъ развитіи самыхъ отношеній упомянутыхъ родственницъ. Какъ бы ни смотрѣли на наше сближеніе съ guru, но несомнѣннымъ для насъ остается то, что существительное злъва возникло не на славянской почвѣ, а въ эпоху совмѣстной жизни народовъ индоевропейскихъ; на это убѣдительно указываютъ греч. γαλως и латин. glos, отвергать родство которыхъ съ славянскимъ терминомъ едва-ли рѣшится самая строгая филологія.

Третье названіе, возникшее также въ эпоху общей жизни народовъ арійскихъ, есть шуринъ, съ значеніемъ брата жены. Основная форма этого названія въ славян. языкѣ должна быть шура, что и встрѣчается въ нарѣчіи сербскомъ, съ тѣмъ-же значеніемъ, какое принадлежитъ и русскимъ Славянамъ. На нее же указываетъ и старо-русское слово шурія, въ собирательномъ смыслѣ, въ выраженіи: «а что оу Ондрѣя вытягальная грамота и рядная с шоуріею своею, ино дас Ондрѣи. ([53]). Нарѣчія западно-славянскія окончательно забыли этотъ терминъ, замѣнивъ его нѣмецкимъ швагеръ, общимъ для родства между братьями и сестрами мужа и жены: такъ у Чеховъ, Лужичанъ и даже у Поляковъ. Но что существительное шуринъ забыто только ими, будучи знакомо въ древнее время и имъ, на равнѣ съ Славянами восточными и южными, видно изъ господствующаго употребленія въ XVI еще столѣтіи у Поляковъ слова szurzy (родит. szurzego).

Происхожденіе этого названія, думаемъ смѣло, должно быть отнесено къ тому же коренному выраженію, какимъ объяснили мы выше слово свекоръ. Коренное санскр. çura также послѣдовательно, не нарушая звуковыхъ законовъ, могло появиться въ славянскомъ въ формѣ шура, какъ и въ формахъ съ начальными

звуками с, к и щ, вмѣсто небнаго ç. Въ такомъ случаѣ, и здѣсь основная идея есть: господинъ, герой, что, съ одной стороны, весьма знаменательно объясняется обычнымъ скр. терминомъ для этого понятія — âtmavîra, изъ âtman (свой) и vîra (мужественный человѣкъ, герой), или прилагательнымъ çvaçurja ([54]), столь наглядно указывающимъ на одинаковость идеи въ шуринѣ и свекрѣ, съ другой — оправдывается характеромъ шурина въ обрядовой части свадебъ славянскихъ. Дѣйствительно, въ свадебныхъ обрядахъ до сихъ поръ, особенно у Славянъ русскихъ, сѣверныхъ и южныхъ, шуринъ представляется въ качествѣ распорядителя судьбою своей сестры, невѣсты. Онъ выводитъ ее на показъ жениху; его проситъ зять отдать свое суженое, онъ продаетъ сестру; онъ обуваетъ ее къ вѣнцу; онъ же первый встрѣчаетъ молодыхъ послѣ вѣнца и отворяетъ ворота свадебному поѣзду; его, наконецъ, откупаютъ з покути, съ передняго угла, куда садится онъ рядомъ съ своей сестрой, какъ вѣрнѣйшій ея защитникъ и хранитель ([55]). Также и у Сербовъ; братъ невѣсты не прежде передаетъ сестру деверю, какъ получитъ денежный окупъ; деверь не прежде получитъ и приданое невѣсты, какъ выкупивъ его у ея брата ([56]). Все это, перенесенное въ отдаленную эпоху браковъ посредствомъ похищенія, увода, не можетъ не характеризовать брата невѣсты дѣйствительнымъ и крѣпкимъ ея стражемъ, съ оружіемъ въ рукахъ преслѣдующимъ ея похитителей, что на самомъ дѣлѣ и происходитъ доселѣ съ отмичарами сербскими. Понятно, что, съ точки зрѣнія жениха, шуринъ естественно становился господиномъ, властелиномъ его невѣсты, будущей жены. Съ такимъ понятіемъ легко могло соединиться и понятіе любезности, пріятельства, какъ скоро женихъ достигалъ своей цѣли, получалъ свою невѣсту отъ ея брата. На такое-то значеніе указываетъ областное слово шурка, употребляющееся въ тверской губерніи въ смыслѣ милый, любезный, и, конечно, одного происхожденія съ шуринъ.

Четвертое названіе, соотвѣтствующее въ родственныхъ степеняхъ золовкѣ, есть свѣсть, т. е. сестра жены, по отношенію къ ея мужу. Терминъ этотъ принадлежалъ нѣкогда всѣмъ Славянамъ, сохраняясь въ большинствѣ ихъ и до настоящаго времени. Его находимъ мы въ памятникахъ старо-славянскихъ, въ

формахъ свьсть и свѣсть; онъ занимаетъ видное мѣсто и въ кормчей книгѣ; господство его въ древности у русскихъ оправдывается частымъ присутствіемъ въ русской письменности ([57]); въ формѣ свѣсь живетъ онъ и донынѣ въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи. Что касается южной Россіи, то единственно только онъ и употребляется для обозначенія сестры жены, въ видѣ свисть, съ уменьшительною формою свистонька. Съ тѣмъ же значеніемъ находимъ мы его и у Сербовъ и Хорватовъ, въ формѣ сваст, и у Хорутанъ—сиваст. Въ нарѣчіяхъ западныхъ, у Чеховъ, Поляковъ, и Лужичанъ, и это родство обозначается въ настоящее время нѣмецкимъ названіемъ швагрова; но не такъ было въ старину. У Поляковъ świésć встрѣчаемъ въ полной силѣ еще въ XVI столѣтіи, какъ, напр., въ хроникѣ Стрыйковскаго: poslal Mendog do świeści, siostry żony swojej, aby przyjechała na pogrzeb siostry; чешское swĕst отмѣчено Вацерадомъ, попадается не разъ и послѣ въ письменности, хотя и въ разнообразномъ значеніи родства посредствомъ брака. По Вацераду, оно означаетъ и сестру жены, и сестру мужа (золовку), и жену брата; въ послѣднее время, ко всему этому присоединилось и значеніе свекрови. Въ современномъ нарѣчіи чешскомъ, равно и польскомъ, слово это погибло вовсе, замѣнившись упомянутымъ уже нами выраженіемъ žvagrova. Принимая въ соображеніе господство значенія у наибольшей части Славянъ существительнаго свѣсть, какъ сестры жены, его же находя у Чеховъ въ XIII столѣтіи и послѣ, можемъ смѣло утверждать, что обобщеніе понятія свѣсти у послѣднихъ не есть исконное, а произошло уже въ слѣдствіе ослабленія родственныхъ названій, что, въ свою очередь, могло быть результатомъ только потрясенія и самаго быта родоваго.

Происхожденіе слова свѣсть, а съ этимъ и коренной смыслъ его, полагаемъ, опредѣлить не трудно, если взять во вниманіе равносильное ему и замѣнившее его современное русское названіе и вообще другіе термины родства посредствомъ браковъ. Употребительнѣйшее выраженіе въ сѣверной Россіи для сестры жены теперь есть своякиня, своячина, свояченица. Въ основаніи всѣхъ этихъ словъ, очевидно, лежитъ мѣстоимѣніе свой; оно же несомнѣнно и въ соотвѣтствующемъ названіи мужскаго рода

своякъ, попадающемся и въ церк. славянскихъ памятникахъ, едва ли, впрочемъ, не подъ вліяніемъ русскаго говора ([58]); свояками называются въ настоящее время мужья, женатые на родныхъ сестрахъ. Въ нарѣчіяхъ чешскомъ, польскомъ и сербо-хорватскомъ рус. своякъ замѣняется свакомъ, въ чемъ нельзя не видѣть только иной формы того же самаго слова, образовавшейся посредствомъ обычнаго стяженія оя въ а, какъ въ пас изъ поясъ, сва изъ своя, ка изъ коя, стана изъ стояна и множество другихъ случаевъ, принадлежащихъ особенно сербохорватскому нарѣчію ([59]). Это же а рѣшаемся мы видѣть и въ сербохорватскомъ выраженіи сваст, хорутан. сиваст; въ нарѣчіяхъ чешскомъ, польскомъ, старо-славянскомъ, древнемъ и областномъ русскомъ стяженное а усилилось, по примѣру множества случаевъ въ языкѣ славянскомъ, въ ѣ, откуда и произошло свѣсть, съ переходомъ же ѣ въ и малорусское свисть. Единство происхожденія свѣсти черезъ сваст съ свакомъ очевидно изъ лужицкаго нарѣчія, въ которомъ вм. свѣсть употребляется свака. Можно бы на первый взглядъ видѣть въ сваст не стяженіе оя въ а, а первобытную тему мѣстоименія свой, санскр. sva; такое предположеніе, повидимому, оправдалось бы и древностью вообще родственныхъ названій, образованіе которыхъ относится въ большинствѣ къ порѣ нераздѣльной жизни индоевропейцевъ; но противъ подобнаго мнѣнія нельзя не выставить и нѣкоторыхъ сомнѣній. Такъ, въ то время, какъ родственные языки не предлагаютъ намъ тожественныхъ по формаціи терминовъ, тема скр. мѣстоимѣнія sva употребляется лишь съ короткимъ а, сохраненіе котораго въ томъ же видѣ въ славянскомъ языкѣ составляло бы необыкновенный случай. Между тѣмъ долгота а въ сваст до сихъ поръ слышится въ говорѣ Сербовъ, оправдывается она и формою свѣсть; эта же долгота указываетъ ясно на долгое а въ темѣ. На этомъ основаніи, мы и позволили себѣ выше замѣтить, что происхожденіе разсматриваемаго термина совершилось собственно на славянской почвѣ и обязано стяженію двухъ гласныхъ звуковъ въ одинъ долгій. Отсюда понятно, что и окончаніе сть принимаемъ мы за образовательную приставку, какъ въ словахъ: старость, младость и т. п.

Къ мѣстоименному же корню свой находимъ мы еденственно

справедливымъ отнести и существительныя сватъ, сватья, свaха, за ними и глаголъ сватать и существительное сватьба. Объясняется это, во первыхъ, тѣмъ, что какъ серб. свак соотвѣтствуетъ рус. своякъ, гдѣ очевидно мѣстоимѣніе свой, такъ и древне-русскому сватьство, встрѣчающемуся, между прочимъ, въ уставѣ Владиміровомъ, соотвѣтствуетъ нынѣшнее свойство, въ смыслѣ родства между двумя родами, соединенными посредствомъ брака; во вторыхъ, значеніемъ въ древне-русскомъ языкѣ глагола свататься, въ смыслѣ сближаться, сговариваться, осваиваться, какъ, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ лѣтописи: Изяславъ сватаѣтся со Всеславомъ мысля на наю ([60]). При такомъ объясненіи происхожденія словъ: сватъ, свататься, сватьба, мы отступаемъ отъ догадки Шимкевича, полагавшаго возможнымъ производить эти слова отъ глагола веду на томъ основаніи, что жена называлась иногда, въ древнее время, на Руси, водимая, какъ Бошняками доселѣ называется доведена, а также и на попадающемся въ старину правописаніи сватьба ([61]). Замѣчательно, что такое производство повторено въ 1858 году однимъ изъ молодыхъ чешскихъ филологовъ, г. Новотнымъ ([62]).

Говоря о происхожденіи свѣсть отъ свой, полагаемъ умѣстнымъ остановиться и на другихъ выраженіяхъ родства, образовавшихся изъ того же мѣстоименія, что, надѣемся, подтвердитъ еще болѣе мнѣніе наше и относительно образованія свѣсть и сватьба.

Мѣстоименіе свой во всѣхъ родственныхъ языкахъ, даже въ простомъ своемъ видѣ, служитъ общимъ терминомъ для названія родственниковъ. Такъ, скр. svaka, составленное изъ sva и суффикса ka, означаетъ propinquus, proximus, подобно тому какъ mamaka (собств. мой) употребляется дѣтьми въ значеніи родителей ([63]); это напоминаетъ употребленіе Славянами мой-моя, вм. мужъ-жена. Вмѣстѣ съ svaka, въ смыслѣ родственника ([64]), извѣстно въ санскритѣ съ тѣмъ же значеніемъ и сложное svaǵana, изъ sva и ǵana (рожденный). Тоже находимъ и въ латинскомъ suus, и въ слав. свой, какъ въ пословицѣ русской: *свой своему* по неволѣ другъ. Отсюда въ старо-славянскомъ своить и своѥшь уже исключительно родственникъ, родичъ; серб. свойта собраніе, совокупность родныхъ ([65]). Но, кажется, съ незапамятныхъ поръ,

языкъ славянскій обозначеніе родства посредствомъ сложныхъ и производныхъ отъ свой отнесъ преимущественно къ опредѣленію отношеній двухъ родовъ, соединенныхъ бракомъ между ихъ отдѣльными членами. Особенно послѣдовательны при этомъ нарѣчія церковно-славянское и русское, въ которыхъ явственно отличаются два термина: родство, для восходящей и нисходящей, прямой и боковой линій, и свойство, для двухъ родовъ или семей, породнившихся, сдѣлавшихся своими, черезъ бракъ. Отсюда, въ первомъ случаѣ утвердилось названіе родственникъ или родичъ, во второмъ—своить, своишь или свойственникъ. Это общее названіе, съ различными видоизмѣненіями формы, сдѣлалось терминомъ и для частныхъ степеней свойственнаго родства, различныхъ у разныхъ славянскихъ народовъ. Такъ, въ русскомъ, наряду съ своякиня, какъ сказано, стоитъ своякъ, т. е. мужъ жениной сестры, тогда какъ соотвѣтствующимъ ему, въ сербскомъ нарѣчіи, словомъ свак Сербка называетъ мужа своей сестры ([66]). Впрочемъ, у Сербовъ употребительна и форма свояк, вмѣсто свак, что убѣдительно свидѣтельствуетъ въ пользу происхожденія послѣдняго отъ свой, какъ и въ пользу тожественности происхожденія свасти съ свакомъ. Въ самомъ значеніи ихъ очевидное соотвѣтствіе: свастью называетъ мужъ сестру своей жены; свакомъ называетъ каждая Сербка мужа родной своей сестры. Различіе, слѣдовательно, у Русскихъ съ Сербами, въ этомъ отношеніи, состоитъ только въ томъ, что Сербы въ названіи свааст, какъ Лужичане въ свака, не усилили а въ ѣ, что, кромѣ русскаго нарѣчія, произошло въ чешскомъ и польскомъ, имѣющихъ свѣсть, и въ томъ, что Русскіе не стянули оя въ а въ выраженіи своякъ, какъ Сербы въ свак. Замѣна свѣсти посредствомъ своякиня едва ли не обязана формѣ своякъ, въ которой виднѣе сохранился коренной смыслъ по нагляднѣйшему сбереженію кореннаго мѣстоимѣнія. Само собою понятно, что чешское слово svak точно также не могло удержать однообразія въ значеніи, какъ и сродное ему svĕst', — и его употребленіе встрѣчаемъ мы и въ смыслѣ мужа сестры, и въ смыслѣ шурина, деверя и др.

Существительное сватъ, съ женскимъ родомъ сватья, которыя, не задумываясь, относимъ мы также къ корню свой, имѣютъ

самое разнообразное значеніе, но съ неизмѣнимымъ у всѣхъ Славянъ ограниченіемъ родства между двумя родами или семьями. На Руси прежде всего сватами называютъ другъ друга отцы мужа и жены, какъ сватьями ихъ матери, за симъ сватами величаютъ и тѣхъ, кто при бракѣ заступаетъ мѣсто отца, или кто испрашиваетъ жениху невѣсту и предлагаетъ невѣстѣ жениха. Поэтому въ Сербіи сватами называютъ всѣхъ, кто отправляется вмѣстѣ съ женихомъ за невѣстою. У Чеховъ сватъ является столь же неопредѣленнымъ значеніемъ, какъ свакъ, выражая то общее понятіе родственника, хотя непремѣнно при содѣйствіи брака, то брата мужа или жены, т. е. шурина или зятя, подобно послѣднему. Не уступаетъ чешскому разнообразію и употребленіе термина сватъ въ польскомъ нарѣчіи; въ нарѣчіяхъ же хорватскомъ и хорутанскомъ не рѣдко сватомъ обозначается даже женихъ. Въ соотвѣтствіе свату во второмъ его русскомъ значеніи, для женщины употребляется слово сваха, т. е. лице, устраивающее бракъ посредствомъ взаимнаго предложенія жениха и невѣсты. Въ томъ же значеніи живетъ оно и у Чеховъ и Поляковъ. И какъ у Русскихъ стало обозначать это слово не рѣдко женщину, мѣшающуюся не въ свое дѣло, такъ точно и у послѣднихъ находимъ его въ этомъ смыслѣ въ слѣдующихъ стихахъ Шимановича:

Dobry on bordzo człowiek, by go nie psowała
Domowa swacha, ta go właśnie osiodłała ([67]).

Разнообразію значеній приведенныхъ словъ удивляться мы не будемъ, ежели сообразимъ общность понятія кореннаго мѣстоименія, изъ котораго всѣ они образовались. Само собою понятно, что при этомъ общемъ основномъ понятіи, каждый членъ двухъ семей, связанныхъ между собою въ лицѣ двухъ членовъ бракомъ, есть свой другу, свойственникъ, свакъ, своякъ, сватъ, или, въ женскомъ родѣ, свѣсть, свака, сватья, сваха. Но каждый народъ, удержавъ одну форму для общаго понятія, другія обратилъ въ частные термины, сообразно личнымъ своимъ желаніямъ. Отсюда неизбѣжно должно было появиться то разногласіе въ ихъ значеніи, о какомъ только что говорили мы. Но это же самое разнообразіе, распространившись не только на нарѣчія, по

отношенію ихъ другъ къ другу, а и на каждое отдѣльное нарѣчіе, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ развитія его изъ одного общаго понятія, выражавшагося нѣкогда всѣми этими словами, и лишь съ теченіемъ времени, частью при совмѣстной еще жизни, частью по разъединеніи славянскихъ народовъ, усвоившими частное значеніе.

Относительно внѣшняго разнообразія словъ нами уже высказано замѣчаніе на своемъ мѣстѣ; здѣсь прибавимъ только, что и независимо отъ стяженія оя въ а могли образоваться слова: свакъ, сваха, сватъ, а изъ послѣдняго сватьство, сватать, именно посредствомъ опущенія й въ мѣстоименіи свой и усиленія о въ а. По крайней мѣрѣ такой способъ образованія можетъ находить подтвержденіе въ формѣ существительнаго свотво, въ смыслѣ свойство, какъ въ слѣд. выраженіи: «сказаніе хытро о чювьствехъ телесныхъ и о душевьнѣмъ свотвѣ» ([68]). Съ опущеніемъ того же й составилось, вѣроятно, и существительное свобода, соотвѣтствующее скр. svâira, имѣющему въ основаніи также мѣстоименіе sva и означающему буквально—господинъ надъ собою, самъ себѣ господинъ ([69]).

Представленными и, по мѣрѣ силъ, разъясненными названіями не ограничивается еще количество терминовъ въ языкѣ славянскомъ для междуродоваго или семейнаго родства. Мы видѣли одну сторону отношеній жены и мужа къ ихъ братьямъ и сестрамъ, выраженныхъ названіями деверь и золовка, шуринъ и свѣсть. Обратное отношеніе послѣднихъ къ первымъ, деверя и золовки къ женѣ (брата), шурина и свѣсти къ мужу (сестры), произвели выраженія: ятровь и своякъ.

Слово ятровь доселѣ сохраняется въ областномъ русскомъ говорѣ какъ названіе жены брата со стороны золовки и деверя; въ древнее время оно было всеобще употребительнымъ, что можно замѣтить изъ частой встрѣчи этого слова въ памятникахъ лѣтописныхъ и законодательныхъ: поимають мачехи своя и ятрови; а жену его, свою ятровь, и съ дѣтми везоша въ Рязань; Богу же бывшю поспѣшнику, Лестко не помяну вражды, но съ великою честью прія ятровь свою и дѣтятѣ ([70]); аще безъ вины свекорь біеть сноху или деверь ятровь ([71]) — во всѣхъ этихъ случаяхъ значеніе ятрови тоже самое, жены брата. Но какъ брать-

евъ можетъ быть двое и больше и всѣ они могутъ быть женатыми, то понятно, что жены ихъ, по отношенію ко всѣмъ братьямъ мужей своихъ, т. е. къ деверьямъ, должны быть тоже ятровями. Отсюда естественъ переходъ термина ятровь отъ жены брата къ опредѣленію взаимныхъ отношеній всѣхъ женъ братьевъ: здѣсь, полагаемъ, причина, почему ятровями стали называть другъ друга жены двухъ и болѣе братьевъ. Въ такомъ значеніи живетъ это слово у Сербовъ и Хорватовъ, какъ видно и въ слѣд. пословицѣ: bile se jetervice (жены братьевъ) preko svekervice ([72]). Въ настоящее время терминъ этотъ въ языкѣ русскомъ все больше и больше выходитъ изъ употребленія, даже въ быту простаго народа. У Великоруссовъ не слыхать его почти нигдѣ, у Малоруссовъ ятровка произносится кое-гдѣ, но какъ воспоминаніе о какомъ то старомъ родствѣ; у Бѣлоруссовъ ятрувка живетъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ не разъ попадается въ пѣсняхъ народныхъ ([73]). Нельзя не думать, что скоро придетъ время, когда и это выраженіе также забудется всюду, какъ забыто оно Чехами, употреблявшими нѣкогда и его, сколько можно судить по словарю Вацерада, въ которомъ объясненіе его вполнѣ сходится съ значеніемъ русскимъ и сербо-хорватскимъ: jatrvenice — janitrices, duorum fratrum inter se uxores, или Поляками, jątrew которыхъ попадается довольно обыкновенно еще въ XVI столѣтіи.

Происхожденіе и основное значеніе слова ятровь или, по правописанію старо-славянскому, ıатръı (родит. ıатръве) едвали представляютъ особое затрудненіе, если сообразить соотвѣтствующій терминъ въ скр. языкѣ, въ которомъ jâtŕ является съ тѣмъ же значеніемъ и съ тѣмъ же образованіемъ, какъ и въ славянскомъ языкѣ. Корень слова, очевидно, есть jam, равный въ ст.-слав. им, въ имѫ, и ıа, въ ıати, съ разнообразными значеніями, между которыми занимаютъ видное мѣсто и управлять, укрощать, поддерживать. Послѣдняя часть слова состоитъ изъ того же суффикса tŕ (tar), на который не разъ приходилось указывать намъ и въ другихъ терминахъ родства, какъ на выражающій собою дѣйствующія лица. Долгота звука ja обязана всего вѣроятнѣе выпуску носоваго m (вм. jamtŕ) ([74]); въ славянскомъ языкѣ послѣдній не погибъ, какъ видно изъ ст.-слав. формы

ıатръı и польской jątrew. Мы не имѣемъ ничего противъ положенія Поктэ, видящаго въ выраженіи jâtĭr, съ господствующимъ значеніемъ жены мужнина брата (mariti fratris uxor), идею о помощницѣ, соучастницѣ въ трудѣ, какою естественно должна казаться жена втораго брата, по отношенію къ женѣ перваго. Съ этимъ вмѣстѣ вполнѣ соглашаемся и съ тожественностью происхожденія латин. термина janitrix, во множ. janitrices, какъ выражали взаимныя свои отношенія у древнихъ Римлянъ жены двухъ братьевъ ([75]). Понятно, что ятровь относительно родителей ея мужа есть сноха; отсюда легко образовалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ великой Россіи и выраженіе сношеница, смѣнившее собою старинное ятровь: сношеницами въ Владимірской, напр., губерніи называются жены братьевъ, т. е. ятрови ([76]).

Соотвѣтствующій терминъ ятрови для мужескаго пола есть своякъ. Происхожденіе этого слова, а съ нимъ и коренное значеніе нами разсмотрѣно. Видѣли мы и то, что своякъ есть только особая русская форма употребительнаго у другихъ Славянъ существительнаго свакъ; упомянули, между прочимъ, и о томъ, что прежде всего своякъ или свакъ означаетъ вообще своего, свойственника, потомъ, въ частномъ смыслѣ, мужа сестры. Отсюда понятенъ переходъ къ тому значенію, какое исключительно соединено съ словомъ своякъ въ нарѣчіи русскомъ и какое, на ряду съ значеніемъ мужа сестры, извѣстно и другимъ Славянамъ, какъ Сербамъ и Хорватамъ, именно—взаимное обозначеніе двухъ лицъ, женатыхъ на родныхъ сестрахъ. Какъ ятровь отъ первоначальнаго понятія жены мужнина брата (= деверя), при нѣсколькихъ женатыхъ братьяхъ, перешло къ взаимному названію женъ послѣднихъ, такъ точно и своякъ или свакъ отъ понятія мужа сестры, при нѣсколькихъ замужнихъ сестрахъ, сдѣлался взаимнымъ терминомъ для мужей послѣднихъ.

Здѣсь умѣстно отмѣтить и синонимическое выраженіе для свояка, господствующее у югославянскихъ народовъ: Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ; ово — пашанац, пашеног и въ сокращенномъ видѣ паш. Къ сожалѣнію, мы находимъ себя внѣ возможности дать какое либо удовлетворительное объясненіе происхожденія этого термина и первобытнаго кореннаго его значенія.

Понятно, что отсутствіе подобнаго названія у родственныхъ народовъ составляетъ главное препятствіе; за то, въ свою очередь, отсутствіе это служитъ и убѣдительнымъ доказательствомъ позднѣйшаго происхожденія самого названія, обязаннаго, вѣроятно, единственно народамъ югославянскимъ (77).

Этимъ мы можемъ и заключить исчисленіе и объясненіе терминовъ родства и свойства, извѣстныхъ и общеупотребительныхъ въ мірѣ славянскомъ. Не рѣшаемся утверждать, чтобы ихъ не было больше; напротивъ, скорѣе склоняемся въ пользу того, что среди многочисленнаго нашего племени живетъ не одинъ еще пятокъ подобныхъ терминовъ, не станемъ отрицать и того, что въ ряду послѣднихъ, быть можетъ, не одно выраженіе восходитъ своимъ образованіемъ къ глубокой старинѣ совмѣстной жизни народовъ индоевропейскихъ и своимъ кореннымъ значеніемъ способно освѣтить не одну ея сторону, сокрытную исторіей; но такія названія или вращаются въ узкой мѣстности, оставаясь доселѣ не тронутыми ни древнѣйшею, ни новѣйшею письменностью Славянъ, или и попались случайно въ послѣднюю, но не были нами замѣчены. Въ замѣнъ такихъ, невольно опущенныхъ нами названій, взглянемъ, хотя бѣгло, на тѣ выраженія, которыми опредѣлилъ народъ славянскій членовъ, связующихъ отдѣльные роды, стоящихъ какъ бы на рубежѣ между родствомъ и свойствомъ и, своимъ соединеніемъ, производящихъ взаимность между тѣмъ и другимъ. Чѣмъ розобщеннѣе между собою рисуются роды въ древнѣйшей жизни, тѣмъ знаменательнѣе, конечно, долженъ былъ представляться и актъ ихъ объединенія, а черезъ то и важнѣе для изслѣдователя терминологія, опредѣляющая воззрѣніе глубокой старины какъ на самый актъ, такъ и на лицъ, занимающихъ въ немъ главное мѣсто.

Актъ самаго соединенія двухъ родовъ или семей выражается въ современныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ весьма различными терминами. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ исключительно однимъ и вовсе неизвѣстны въ другихъ; тѣмъ не менѣе, почти всѣ они заслуживаютъ вниманіе изслѣдователя и способны, хотя и въ видѣ намековъ, бросить новый свѣтъ на отдаленнѣйшую эпоху. Въ ст. славянскомъ нарѣчіи общеупотребительнѣйшее выраженіе для этого акта было бракъ; оно же существуетъ и у русскихъ

Славянъ, преимущественно на сѣверѣ. Коренной смыслъ этого слова слишкомъ простъ и не выражаетъ собой ничего больше, кромѣ взятія, потому что едва ли можетъ быть сомнѣніе въ происхожденіи его отъ корня бра-бер, въ скр. bhar-bhṛ. Чѣмъ проще и незатѣйливѣе идея событія, обставленнаго съ давнихъ временъ самыми сложными обрядами, тѣмъ естественнѣе, думаемъ, предположить глубокую ея древность, когда послѣднія не успѣли еще укорениться въ жизни и сдѣлаться необходимѣйшимъ условіемъ брака. Подобная идея не стоитъ уединенно въ славянскомъ языкѣ; она же очевидна и въ скр. выраженіи vid, совершать бракъ, жениться или выходить замужъ, собственно-же: пріобрѣтать, получать. Отсюда, vêttar, женихъ, собственно пріобрѣтающій, берущій. Этотъ корень замѣтенъ и въ греч. языкѣ, въ выраженіи, относящемся также къ браку, именно въ словѣ ἔδνον, вмѣсто ϝέδνον, съ значеніемъ подарка невѣстѣ отъ жениха. Сюда же позволяемъ себѣ отнести и слав. вѣно, съ тѣмъ же самымъ, какъ извѣстно, значеніемъ, гдѣ ѣ служитъ поднятіемъ кореннаго и, какъ въ скр. vêttar, а д опущено передъ н, по весьма обычному правилу языка славянскаго ([78]). Оправданіемъ нашего мнѣнія могутъ служить и древне германскія выраженія: weotoma, weotuma, witma, wittemon, приданое, указывающія собою на тотъ же корень vid, посредствомъ германскаго wit ([79]).

Словомъ бракъ и ограничиваются всѣ славянскіе термины съ понятіемъ простымъ, общимъ и неопредѣленнымъ; рядъ другихъ выраженій вводитъ уже замѣтно какой либо частный оттѣнокъ, относящійся преимущественно къ способу брака. Такъ, чешское sňatek, происхожденіемъ своимъ отъ sníti, сходиться, откуда и sněm, сходка, собраніе, невольно напоминаетъ слѣдующее замѣчаніе Нестора о древнѣйшемъ бракѣ у Славянъ, такъ прозрачно рисующее первобытный на него взглядъ народа: «схожахуся на игрища... и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся». Идея схожденія, простаго физическаго соединенія, какъ первобытный способъ брака, даетъ себя чувствовать и въ греческ. терминѣ γάμος, бракъ (слѣдовательно тоже что чешское sňatek), имѣющемъ въ основѣ своей корень gam, съ значеніемъ идти, подходить, а потомъ соединяться съ женщиной.

Но по мѣрѣ того, какъ жизнь возвышалась нравственно и отбрасывала обычаи звѣринскіе при бракѣ, обставляя послѣдній все большею человѣчностью и болѣе чистою обрядностью, и новые термины для брака заимствовались уже отъ новыхъ обычаевъ. Къ нимъ слѣдуетъ отнести ст. слав. обрѫченіе, въ смыслѣ испрашиванья невѣсты, откуда обрѫчьникъ, женихъ, и обрѫчьница, невѣста. Корень этого сложнаго выраженія, конечно, есть рука, свидѣтельствующій объ установившемся уже обычаѣ передавать руку невѣсты жениху въ знакъ брака. Обычай этотъ восходитъ къ отдаленной старинѣ и принадлежитъ началомъ своимъ, безъ сомнѣнія, нераздѣльной еще жизни цѣлаго арійскаго племени. Санскритскія выраженія для брака: karagraha, pânigraha означаютъ собственно взятіе руки; нѣтъ надобности и распространяться о томъ, какое значеніе имѣетъ рука и донынѣ въ брачныхъ обрядахъ во всей Европѣ. У Индійцевъ строго опредѣлялось и лице, которое обязано было передавать руку невѣсты жениху, въ случаѣ отсутствія отца ([80]). Польское gody, въ смыслѣ брака, являющееся въ чешскомъ уже съ опредѣлительнымъ прилагательнымъ svatebni hody, въ томъ же значеніи брака, сватьбы, переноситъ насъ снова въ глубокую древность и къ обрядности, свидѣтельствующей о пастушескомъ бытѣ народа. Вполнѣ основательно, думаемъ мы, сопоставляетъ славянское выраженіе Пиктэ съ скр. gôdâna, обозначающимъ приданое невѣсты, выдававшееся вмѣстѣ съ послѣднею съ извѣстными обрядами и состоявшее первоначально изъ коровъ (gô); отсюда эпитетъ Индра gôda или gôdatra, т. е. доящій коровъ. Въ древне-германскомъ faderfio, въ англо-саксонскомъ faedhering feoh, собственно скотъ отца, потому же самому стали обозначать приданое, выдававшееся отцемъ дочери при ея замужествѣ ([81]). Распространеннѣе, однакоже, всѣхъ этихъ терминовъ извѣстны у Славянъ выраженія веселье и свадьба. Останавливаться на нихъ излишне, такъ какъ значеніе перваго вполнѣ ясно, а происхожденіе втораго разсмотрѣно нами выше. Замѣтимъ только одно, что въ обозначеніи соединенія двухъ родовъ весельемъ нельзя отрицать идеи радости въ слѣдствіе прекращенія непріязненности, враждебности прежде чужихъ родовъ, чѣмъ объясняетъ г. Миллеръ и нѣкоторые термины свойствен-

наго родства ([82]). Дѣйствительность такой враждебности, по крайней мѣрѣ отчужденности проникаетъ насквозь и доселѣ свадебныя пѣсни Славянъ, изображающія съ одной стороны жениха чужбининомъ, чужимъ человѣкомъ, даже черной тучей, съ другой — представляя опасенія за будущую жизнь молодой въ чужой семьѣ. Враждебностью, конечно, можно только объяснять и обычай умычки, увода невѣсты. Радость, так. образомъ, отъ перемѣны отношеній, отъ умноженія силы связью съ новымъ родомъ понятна; и если веселье, весилье теперь скорѣе говоритъ въ пользу разгульнаго пиршества во время свадьбы, то само послѣднее первоначально могло быть естественнымъ послѣдствіемъ союза семей ([83]).

Главныя дѣйствующія лица въ актѣ брака, очевидно, суть невѣста и женихъ. Понятія, соединяемыя съ этими названіями въ настоящее время у Славянъ, едва ли мыслимы и a priori для древнѣйшей поры, когда получили выражающія ихъ реченія свое образованіе. Взглядъ на ихъ происхожденіе и сопоставленіе ихъ съ синонимическими терминами убѣдятъ въ этомъ еще больше.

Словомъ невѣста опредѣляемъ мы то состояніе дѣвицы, въ какомъ находится она отъ помолвки до вѣнца. Но такое состояніе не согласно съ эпохою, когда бракъ былъ дѣломъ случайнымъ, зависѣвшимъ отъ минутнаго распоряженія, когда не существовало ни обычаевъ предварительнаго ознакомленія, ни сложной обрядности, обставившей бракъ въ позднѣйшее время. А между тѣмъ, далеко не въ первобытную пору бракъ рисуется простымъ схожденіемъ молодыхъ людей обоего пола, умычкой дѣвицы во время игрищъ или при другомъ случайномъ свиданіи. Кромѣ свидѣтельства Нестора, о томъ же говоритъ и обычай сербскаго отмичарства, на тоже указываетъ и арабское сказаніе, въ силу котораго покрытіе женихомъ головы невѣсты, какъ бы случайно и мимоходно ни произошло оно, было достаточнымъ символомъ брака ([84]). При такихъ условіяхъ, дѣвица прямо становилась женою и слово невѣста могло выражать развѣ первый моментъ брачной жизни, но уже ни въ какомъ случаѣ то, что понимается подъ нимъ теперь. Тоже подтверждаетъ и коренное происхожденіе его. Обыкновенно сопоставляютъ славянское выраженіе невѣста съ скр. глаголомъ viç, входить, вступать, въ сложной формѣ

niviç, жениться, uxorem ducere. Основное, слѣдовательно, значеніе невѣсты есть вошедшая (въ чужой домъ?) или введенная; другими словами, невѣста есть молодая жена, только что вступившая въ бракъ. Это видимъ мы и въ скр. терминѣ для невѣсты navavarikâ, собственно молодая жена; вѣроятно, не безъ родства съ этимъ терминомъ и латинское слово noverca. Первобытное значеніе невѣсты не вполнѣ утратилось и до нынѣ у Славянъ, сколько видно изъ названія невѣсткой жены сына, со стороны родителей ея мужа. Съ этимъ значеніемъ живетъ слово невѣстка въ той части русскаго народа, которая не употребляетъ уже частныхъ названій; не рѣдко приходится слышать, какъ невѣсткой зовутъ молодую жену въ семьѣ не только свекоръ съ свекровью, но и деверья и золовки. Въ польскомъ нарѣчіи такое понятіе о невѣсткѣ встрѣчаемъ уже въ 16-мъ столѣтіи ([85]). Лишь съ перемѣною условій брака, съ измѣнившимися обыкновеніями въ немъ, народъ сталъ соединять съ словомъ невѣста идею, какая утвердилась за нимъ въ настоящее время, и какой рѣшительно не видно въ корнѣ слова.

Точно также и соотвѣтствующее невѣстѣ выраженіе — женихъ указываетъ собою на лице уже соединенное съ женою и вовсе не опредѣляетъ того положенія молодаго человѣка, какое принадлежитъ жениху въ современномъ быту. И какъ отъ невѣста произошло старо-славянское названіе невѣстникъ, какъ синонимъ жениха, такъ отъ послѣдняго, въ нарѣчіи малорусскомъ, образовалось синонимическое невѣстѣ — женышина, уже простымъ отношеніемъ къ слову жена отрицающее въ древности въ невѣстѣ идею дѣвичества. Что невѣста въ начальной жизни народа соотвѣтствовала понятію жены, кромѣ кореннаго значенія и приведенныхъ сближеній и сравненій, видно и изъ соотвѣтствующаго выраженія ninka, употреблявшагося Славянами древанскими вмѣсто невѣста, что ясно изъ уцѣлѣвшей отъ нихъ пѣсни, изображающей свадьбу животныхъ: kati mes ninka bejt? Telka mes ninka bejt (-кто будетъ невѣстой? Телка будетъ невѣстой). А мы знаемъ уже, что словами неня, нянька, ненька Славяне обозначали, отчасти обозначаютъ и теперь, мать и того, кто заступаетъ ея мѣсто, во всякомъ случаѣ уже женщину; слѣдовательно, въ древанскомъ выраженіи ninka уже заключена идея

жены, какъ существа раждающаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и матери. Подобное же явленіе, одинаково свидѣтельствующее о первоначальной быстротѣ брака, при отсутствіи того переходнаго состоянія дѣвицы, въ какомъ находится она невѣстою въ наше время, замѣтно и въ названіи зять. И это слово, въ уменьшительной формѣ zantik (=зятикъ), употреблялось у тѣхъ же Древанъ въ смыслѣ жениха, хотя происхожденіе его прямо говоритъ объ обозначаемомъ имъ лицѣ, какъ о человѣкѣ женатомъ: kati mes zantik bejt? strezik (стрижъ) mes zantik bejt, — читаемъ въ той же пѣсни. Не необыкновенна замѣна жениха зетомъ, ѣдущимъ за своею невѣстою, и въ пѣсняхъ южныхъ Сербовъ.

Точность родоваго быта, отразившаяся въ такомъ множествѣ родственныхъ названій, съ неменьшею строгостью обнаружилась и въ опредѣленіи особаго вида родственности, который не подходитъ прямо ни къ родству, ни къ свойству Я разумѣю при этомъ слова, обозначающія отношенія дѣтей матери къ ея мужу и дѣтей отца къ женѣ, и обратно. Слова эти отчимъ и мачиха съ одной стороны, пасынокъ и падчерица — съ другой. Происхожденіе ихъ и коренный смыслъ не требуютъ остановки, такъ какъ всѣ они очень ясно указываютъ на простыя слова: отецъ, мать, сынъ и дочь, изъ которыхъ образовались посредствомъ приставокъ и окончаній и которыя нами разсмотрены на своемъ мѣстѣ. Въ такой формѣ застаемъ мы ихъ съ первой поры письменности славянской, сколько можно судить по древнѣйшимъ памятникамъ церковно-славянскимъ; въ этомъ же видѣ встрѣчаемъ мы ихъ и въ древней русской лѣтописи ([86]). О томъ, какими словами и съ какимъ кореннымъ значеніемъ замѣнены пасынокъ и падчерица у другихъ Славянъ, сказано выше. Изъ всѣхъ приведенныхъ выраженій, сколько мнѣ извѣстно, одно слово мачиха встрѣчается въ другой формѣ, именно матерша, какъ въ слѣд. мѣстѣ кормчей книги: о совокупляющихся съ двома братами, ли съ сестрами своими, ли съ матершами([87]). Это различіе касается, впрочемъ, единственно приставки, ни мало не измѣняя характера значенія. Окончаніе ша, которое одно, въ настоящемъ случаѣ, могло бы придавать особый оттѣнокъ значенію, — такъ какъ звукъ р, удержанный въ матерша, погибъ въ мачиха потому, что послѣднее образовано не изъ темы матер, а уже изъ формы

именит. падежа мати, — тожественно окончанію ха, что старались доказать мы, по поводу образованія существительнаго сноха. Оба окончанія, въ словахъ личныхъ женскаго рода, одинаково опредѣляютъ принадлежность. Въ древне-русскомъ языкѣ находимъ и названіе сына мачихи мачешичемъ, какъ въ лѣтописи ипатьевской: Володимировичъ же и Володимиръ мачешичь, не успѣвша ему ничтоже, воротишася опять ([88]).

Совокупность всѣхъ членовъ родства и свойства, отмѣченныхъ столь подробно, до мелкихъ оттѣнковъ, въ отношеніяхъ особыми выраженіями, обнималась общими терминами въ языкѣ славянскомъ: ближикъ и ужика. Если первое указываетъ собою на близость жизни, подобно греч. πλήσιος, то второе свидѣтельствуетъ прямо объ общей связи всѣхъ родственныхъ членовъ, происходя, очевидно, отъ уже, веревка, связь, и будучи родственно съ словомъ узы (=старослав. жза), откуда узелъ. Таже идея связи заключена и въ скр. выраженіи bandhu, съ одинаковымъ общимъ значеніемъ родственника, отъ глагольнаго корня bandh, связывать. Къ тому же понятію сводится и серб. врвник, несомнѣнно одного происхожденія съ врьвъ, вервь, веревка ([89]), и означающее также родственника, слѣдовательно, предполагающее въ основѣ связь, узы, соединяющіе всѣхъ членовъ рода въ одну цѣлую единицу. Отсюда, вполнѣ логично и необходимо заключеніе объ образованіи древне-русской верви, въ смыслѣ союза, общины, изъ первобытнаго рода, представлявшаго собою отдѣльное недѣлимое, жившее особо отъ другихъ подобныхъ недѣлимыхъ и которое, въ силу размноженія своего и потери сознанія о первоначальной родственности, претворилось въ быту государственномъ въ особую административную единицу, выбиравшую себѣ представителя, въ качествѣ старшины, старосты, кнеза, подобно тому, какъ родъ избиралъ со смертію родоначальника главу изъ старѣйшихъ или способнѣйшихъ членовъ. И какъ на Руси вервь, община, округъ продолжало долго напоминать своимъ устройствомъ и круговымъ обязательствомъ передъ закономъ о своемъ развитіи изъ семьи и рода, такъ и okolina чешская, являющаяся съ тѣмъ же характеромъ, даетъ себя чувствовать въ законодательствѣ чешскомъ еще въ XV — XVI вѣкахъ; даже польское ополье, не смотря на раннее укорененіе

чуждыхъ началъ въ жизни государственной, предлагаетъ достаточно ясные слѣды своего существованія въ XIV столѣтіи (90). Термины околина и ополье для насъ важны въ томъ отношеніи, что тожествомъ устройства своего съ древне-русскою вервью, убѣждаютъ въ совокупности рода и въ самомъ географическомъ размѣщеніи и тѣмъ окончательно рѣшаютъ дѣло объ образованіи общинъ и цѣлыхъ округовъ изъ одной первоначально семьи.

Оканчивая подборъ и объясненіе терминовъ родства и свойства въ языкѣ славянскомъ, считаемъ не лишнимъ высказать и нѣкоторыя мысли, возникавшія въ насъ во время труда. Не предлагаемъ ихъ въ качествѣ неоспоримыхъ выводовъ, а какъ положенія, способныя дать толчокъ болѣе свѣдущимъ къ дальнѣйшимъ соображеніямъ и обстоятельнѣйшимъ заключеніямъ. Положенія эти относятся частью къ исторической и позднѣйшей жизни Славянъ, частью къ нѣкоторымъ указаніямъ на устройство ихъ древнѣйшаго, доисторическаго быта.

Въ первомъ случаѣ, не можетъ не остановить вниманія каждаго изслѣдователя неравномѣрное распредѣленіе по отдѣльнымъ поколѣніямъ славянскимъ названій кровнаго и свойственнаго родства, какъ, въ свою очередь, нельзя не подмѣтить и вообще паденія и исчезновенія и тѣхъ и другихъ всюду, по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени. Послѣдній фактъ, впрочемъ, слишкомъ понятенъ и не требуетъ особеннаго углубленія: чѣмъ сильнѣе проникаютъ въ народъ начала новой жизни, неразлучной съ общительностью, враждебною патріархально родовой замкнутости, тѣмъ, естественно, необходимѣе ослабленіе широкихъ узъ родства и ограниченіе ихъ лишь тѣснымъ кругомъ ближайшихъ родичей, а съ этимъ и неизбѣжнѣе забвеніе стараго обилія названій, потерявшихъ уже практическую силу. Лучшимъ, хотя и въ обратномъ смыслѣ, доказательствомъ могутъ служить тѣ поколѣнія славянскія, которыя продолжаютъ жить на прежнемъ положеніи патріархальности, какъ большая часть юго-Славянъ: Сербовъ, Болгаръ и Хорватовъ. У нихъ, по преимуществу, живетъ почти ненарушимо и весь обильный словарь родственныхъ терминовъ. Между тѣмъ у другихъ славянскихъ народовъ, не исклю-

чая и русскаго, недосчитывается уже бо́льшая ихъ часть, въ слѣдствіе замѣны нѣсколькихъ частныхъ названій однимъ общимъ. При этомъ одни поколѣнія обратили забывчивость свою преимущественно на родство свойственное, другія на кровное. Уже это одно служитъ ручательствомъ неодинаковаго ихъ взгляда на то и другое родство.

Такъ у Славянъ западныхъ, особенно у Поляковъ, потеря отразилась преимущественно на названіяхъ свойства. И у Чеховъ и у Поляковъ не слышны уже болѣе ни шуринъ, ни деверь, ни своякъ, вмѣсто которыхъ употребляется одно выраженіе, при томъ не славянскаго происхожденія, швагеръ; подобнымъ же образомъ женскій родъ — швагрова замѣняетъ у нихъ золовку, свѣсть и ятровь. Напротивъ, русскій народъ съ гораздо большею выдержанностью сберегъ донынѣ свойственные термины. Въ то время какъ большая половина названій родства погибла и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, выраженія для свойства, за немногими исключеніями, живутъ на всемъ пространствѣ русскаго простонародья. Конечно, принимая въ соображеніе постепенность забвенія ихъ въ мѣстахъ открытыхъ, гдѣ сильнѣе дѣйствуетъ если не общественность, то общежительность съ неразлучнымъ вредомъ для патріархальной неподвижности, можно съ вѣроятностью предполагать, что и эта полнота близка къ тому же разрушенію, какое замѣтно въ образованномъ классѣ народа. Вѣроятность скорой утраты и терминовъ свойства подкрѣпляется аналогіей съ совершившимися уже потерями въ названіяхъ родственныхъ. И тутъ точно также начало потерямъ положено было передовою частью народа, сколько можно судить по неупотребленію ихъ въ письменности XVI и послѣдующихъ вѣковъ и по сохраненію нѣкоторыхъ изъ нихъ въ простомъ народѣ, при забвеніи, по крайней мѣрѣ при рѣшительномъ неупотребленіи образованными людьми: послѣдніе, дѣйствительно, изгнали изъ своего словаря и ятровь, и свѣсть, и шурина и свояка, даже деверь, зять, свекоръ съ свекровью и тесть съ тещею являются какою то рѣдкостью, анахронизмомъ. Когда бы, впрочемъ, ни исчезли термины свойства въ русскомъ простонародьѣ, но то остается для насъ несомнѣннымъ, что свойственное родство удерживается въ немъ гораздо крѣпче, что не можетъ не вести къ

заключенію о предпочтеніи его въ понятіяхъ народа передъ кровнымъ родствомъ. Обратное явленіе встрѣчаемъ у Славянъ западныхъ, чешскихъ и польскихъ. Тогда какъ у Русскихъ уцѣлѣли особые термины послѣдняго лишь для самыхъ ближайшихъ степеней, для дочери, сына, внука, бабы, тетки, дяди, дѣда и племянника, сохраняясь для свойства почти въ первобытной полнотѣ; у Чеховъ и Поляковъ послѣдніе существуютъ въ трехъ — четырехъ названіяхъ, и то скорѣе въ видѣ провинціализмовъ; термины-же кровнаго родства опредѣляютъ донынѣ и стрыйную и уйную степени, въ восходящей и нисходящей линіяхъ. Мы замѣтили, что видовыя названія уй и стрый, съ женскими родами, сестричичъ, братаничъ и сыновецъ, сестрична и сыновица употребляются въ Чехіи и Польшѣ и теперь, не оставивъ отъ себя и слѣда въ самой отдаленной глуши русскаго простонародья.

Объяснить такую противоположность востока съ западомъ въ мірѣ славянскомъ, конечно, не легко Но рѣшаемся думать, что не вполнѣ лишены основанія и слѣдующія соображенія. Предпочтенію или укрѣпленію свойства въ понятіяхъ народа на востокѣ едва ли не во многомъ способствовало христіанство. Оно поставило бракъ на степень высокаго таинства и придало столь важное значеніе производимому посредствомъ него родству. Духовенство, какъ извѣстно, неоднократно и съ особенною силою ставило этотъ предметъ цѣлью своихъ нравственныхъ поученій, постоянно стараясь искоренить взглядъ на него язычества. Самыя постановленія церковныя не могли не вести народъ къ тому же высокому мнѣнію о брачныхъ узахъ, съ положительною опредѣленностью исчисляя отдаленныя степени свойства, при которыхъ запрещался бракъ. Христіанство въ этомъ отношеніи скрѣпляло свойство и задерживало его отъ тѣхъ послѣдствій естественнаго развитія общества, какія не замедлили проявиться въ родѣ. Послѣдній, въ силу такого развитія, все больше и больше съуживался и изъ нераздѣльной совокупности нѣсколькихъ семей переходилъ въ одну семью. При этомъ, понятно, оказались излишними и многія названія, обязанныя прежней совмѣстной жизни. Для народа казалось уже достаточнымъ ограничиться одними общими терминами, вмѣсто частныхъ, видовыхъ, господствовавшихъ въ періодъ крѣпости родоваго быта. Въ слѣдствіе этого дядя замѣ-

нилъ уя и стрыя тетка, уйку и стрыню, племянникъ — сестричича и братанича, племянница — сестричну и братану. Не станемъ отрицать, что и на западѣ славянскомъ церковь также заботилась о возвышеніи брака и объ искорененіи во взглядѣ на него языческихъ понятій; но тамъ давно уже предѣлы свойства, въ которыхъ могъ состояться брачный союзъ, свелись въ тѣсныя рамки, ограничившись лишь ближайшими степенями. Это одно не могло не произвести особыхъ послѣдствій. Но гораздо важнѣйшее, по нашему мнѣнію, имѣло вліяніе на паденіе, съ одной стороны, свойственныхъ названій и на упроченіе, съ другой, кровнаго родства у западныхъ Славянъ, раннее выдѣленіе сословій и особое положеніе дворянскихъ родовъ. По мѣрѣ того, какъ простой народъ терялъ больше и больше свою независимость и переходилъ изъ положенія свободныхъ землевладѣльцевъ въ сословіе простыхъ работниковъ, правильнѣе рабовъ, всецѣло подчиненныхъ волѣ или произволу дворянъ землевладѣльцевъ, что окончательно утвердилось, напр., въ Польшѣ въ первыхъ годахъ XVI вѣка, дворянство употребляло всѣ средства, чтобы связать какъ можно прочнѣе свои роды и тѣмъ упрочить за собою большую политическую силу. Эта связь, выражаясь видимымъ образомъ въ одномъ гербѣ для всѣхъ членовъ одного рода, изъ сколькихъ бы отдѣльныхъ семей ни состоялъ онъ, скрѣплялась и законодательными постановленіями о неотторженности отъ него недвижимаго имущества. Заботливость объ исключительной принадлежности такого имущества данному роду произвела полное отчужденіе отъ наслѣдства въ немъ лицъ женскаго пола, не исключая и дочерей, даже и въ томъ случаѣ, когда не было ближайшихъ наслѣдниковъ братьевъ, сыновей, племянниковъ, внуковъ. Какъ бы ни была далека степень родства, но каждый родичъ пользовался преимущественнымъ правомъ на наслѣдство передъ дочерью, не теряя этого права даже и тогда, когда недвижимое имущество было продаваемо самимъ владѣльцемъ; ему стоило только внести уплаченную за имѣніе сумму, чтобы возвратить его снова въ прежній родъ. Ничего подобнаго, кажется, не было на востокѣ. Этотъ порядокъ съ совмѣстною, большею частью на одномъ кускѣ земли, жизнью всѣхъ семей одного дворянскаго рода, доходившихъ числомъ до нѣсколькихъ десятковъ еще въ XVI и XVII

столѣтіяхъ, при полномъ сознаніи своего единства, не могъ не содѣйствовать продолжительному отличенію степеней родства, сохранившему въ памяти и самые термины родственные. Такъ думаемъ мы о причинѣ столь замѣчательной противоположности, въ этомъ отношеніи, между восточными и западными Славянами, не скрывая своего желанія встрѣтить болѣе положительное и подробное ея объясненіе.

Взглядъ на родственныя названія способенъ вести къ заключеніямъ и о доисторической жизни и не только однихъ Славянъ, но всего племени арійскаго. Такъ, самое бѣглое вниманіе къ количеству названій, отличающихъ столь строго и точно мелкіе оттѣнки родственности, не можетъ не убѣдить въ глубочайшей древности развитія брачной жизни и въ преимущественномъ господствѣ одноженства. Полигамія никогда не въ состояніи породить такой прочности семейныхъ отношеній и столь широкаго сознанія родовыхъ связей до отдаленнѣйшихъ степеней: а мы видѣли, что наибольшая часть терминовъ отличается общностью происхожденія у всѣхъ народовъ индоевропейскихъ, и слѣдовательно возникла въ нераздѣльной еще ихъ жизни. Подобное же положеніе брака и семьи или рода указываетъ убѣдительно на высокую относительно ступень образованія этихъ народовъ еще за долго до самостоятельнаго появленія каждаго изъ нихъ въ исторической жизни. Разборъ кореннаго значенія нѣкоторыхъ выраженій, дѣйствительно, возводитъ такое положеніе брака до быта пастушескаго, какъ это видно изъ разсмотрѣнныхъ терминовъ для самаго понятія брака. Тѣже выраженія рисуютъ намъ и послѣдовательное развитіе и очищеніе его отъ простаго захвата дѣвицы къ сложной обстановкѣ разнообразными, часто поэтическими обрядами. Цѣлые вѣка, безъ сомнѣнія, проходили прежде, чѣмъ одинъ способъ брачныхъ соединеній успѣвалъ смѣняться другимъ. Исконной чистотѣ взгляда на бракъ, конечно, слѣдуетъ приписать и расширеніе семьи въ родъ, связывавшій тѣсными узами любви и дружбы всѣхъ разнообразныхъ его членовъ; о такомъ характерѣ связи говоритъ коренное понятіе родственныхъ названій. Въ этомъ же свойствѣ рода должно искать основанія тому, что онъ послужилъ образцемъ первоначальнаго общественнаго устройства цѣлаго народа славянскаго. Образованіе русской **верви**, чеш-

ской околины, польскаго ополья, бывшихъ зародышами позднѣйшаго государства, обязано единственно размноженію рода: тѣ же патріархальныя начала любви и почтенія къ старшимъ, какія руководили управленіемъ послѣдняго, перешли всецѣло и на верви, околины, ополья; и они точно также представляли самостоятельныя единицы относительно другъ друга, какими жили роды, пока соединеніемъ подъ властью одного правителя, князя, не образовали самостоятельной государственной единицы, не утративъ, однакоже, на первое время, своего внутренняго самоуправленія. Выраженія околина и ополье предлагаютъ, съ другой стороны, новое доказательство той непреложной для безпристрастнаго ума истины, что народы славянскіе за долго до сліянія отдѣльныхъ поколѣній въ государства были вполнѣ осѣдлыми воздѣлывателями своихъ полей, распредѣленныхъ первоначально по родамъ, разросшимся съ теченіемъ времени въ округи или общины, т. е. въ верви, околины, ополья.

Послѣ всего сказаннаго нами, едва ли заслуживаютъ опроверженія натянутыя усилія польскаго историка, Шайнохи, доказать, что значеніе рода у Славянъ обязано только христіанству, что w pogaństwie nie było dalszych krewnych, что cała rodzina pogańska składała się tylko zojca i synów, что pogaństwo nie znało ani rodziny, ani dziedziczności w pozniejszem znaczeniu słowa ([91]). Такія заключенія свидѣтельствуютъ только о непростительномъ увлеченіи національною новизною, при томъ возникшею не изъ туземныхъ началъ, и о небрежномъ отношеніи къ дѣйствительной наукѣ о старинѣ. У Славянъ языческихъ потому именно и не была, да и быть не могла наслѣдственность въ *позднѣйшемъ смыслѣ*, что родъ былъ слишкомъ крѣпокъ и совокупенъ и не допускалъ общаго имущества до раздѣла въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ. А что издавна нѣтъ слѣдовъ такаго быта въ польскомъ простонародьѣ, то, конечно, г. Шайнохѣ извѣстна причина, лишившая такъ давно не—шляхту польскую всякой тѣни не движимаго имущества.

ПРИМѢЧАНІЯ:

къ первому отдѣленію.

---

(1) Корнесловъ русскаго языка. Спб. 1842.

(2) Formenlehre d. kirch. Slawisch. Sprache. 1852, стр. 111.

(3) Lexicon Palaeoslov. graeco-latin. Vindobonae, 1862—1865.

(4) Въ такихъ опредѣленіяхъ, подъ именемъ «коло родства человѣча», приводится семь степеней въ слѣд. порядкѣ: младенецъ до 7 лѣтъ, отроча до 14, дѣтище до 21, юноша до 29, мужъ до 35, срѣдовѣченъ до 42, старецъ до 56; за этимъ идетъ матерство безъ указанія границы. См. Описаніе рукоп. Румянц. Музея. Востокова, Спб., 1842, стр. 4.

(5) Glossarium Sanscritum. Berolini, 1847.

(6) См. примѣч. 4.

(7) Ипатіев. лѣтоп., стр. 76, подъ 1154 годомъ; договоръ съ Греками, лаврент. лѣт., стр. 19; Извѣстія 2-го отд. Акад. Н., 1857, 293, Минея Празднич., № XXXIX; Краледвор. рукоп.: Забой, Славой и Людекъ; Slovnik česko-německý, подъ словомъ muž.

(8) И другы рече: сѫпрѫгъ воловьнꙑихъ коупихъ пѧть, остром. Еванг., 107, б; се, брате, вѣ соупроуга бꙗховѣ, единоу браздоу тѧжаща,—предсмертныя слова св. Кирѵлла, обращенныя къ брату, св. Меѳодію. Šafař. Pamàtky dřevn. písemn. Jihoslovanů, 1851, стр. 5 житія св. Меѳодія.

(9) Дополненія къ актамъ историч. 1, № 231, письмо 2-е, тоже и въ письмѣ третьемъ; въ письмѣ шестомъ: семъишка твоя крушка съ дѣтми, много челомъ бью. Въ письмѣ первомъ, гдѣ мать пишетъ сыну, понятно, такаго выраженія уже не встрѣчаемъ.

(10) Etymolog. Forschungen, 1, 126, по старому изданію. Съ этимъ соглашается и Боппъ, ставя посредствующею формою между strî и su существ. sôtrî, изъ котораго образовалось первое. Срв. Lassen, Indisch. Alterth. 1, 813.

(11) См. Miklosich, Lexicon pal. slov. grec. latin и Востокова, Словарь церков. слав. языка, подъ словами веденица, ведовица.

(12) Полн. Собр. Рус. лѣтоп., 1, 34. Между тѣмъ, въ церк. славян. письменности слово водима попадается, какъ доселѣ извѣстно, только въ смыслѣ распутной женщины.

(13) Miklos., Lexicon pal. slov., подъ словомъ хоть.

(14) Описан. рукоп. Синод. Библіот. 1, 110, 109; также Лексиконъ Миклошича.

(15) Buschmann: über den Naturlaut, въ Abhandlungen (philolog. historische) der königlichen Akademie de Wissenschaften zu Berlin. 1853, 391 — 425.

(16) Срв. Новгород. перв. лѣтоп., стр. 35; Новгород. третью, 240; Лѣтоп. Переяслав., стр. 49, 61, 73, 18.

(17) Bopp. Glossar. Sanscr.. стр. 217.

(18) Grimm, Gesch. d. Deutsch. Sprache: die annahme, dass otz″ (=otec) ein ursprüngliches potz″ (=potec) vertreten, scheint bedenklich, weil auch das charakteristische r des schlusses abgeht und kaum durch z ersetzt wird. стр. 186.

(19) atavus quia atta est avi, id est pater, ut pueri usurpari solent. Срв. Pott. Etymolog. Forsch. 2, 315.

(20) Grimm, Gesch. d. Deutsch. Spr., 189.

(21) Königinhof. Handschrift, 1829, 72.

(22) Grimm, тамъ-же.

(23) Serbische Lesekörner, 1833, 137.

(24) Словарь живаго великорус. языка, Даля.

(25) Лѣтоп. Ипат., стр. 89, подъ 1161 годомъ.

(26) Забой, Славой и Людекъ.

(27) Животи Краљева и архиепископа Српских. Даничић, Загреб. 1866, стр. 211.

(28) Pictet: Les origines Indo-europ., 2, 350.

(29) Срв. Отчеты 2-му Отдѣл. Акад. Н. кандидата Микуцкаго, тетрадь 2-я, Сбп., 1855, № 6-й, стр. 5. Понятно, что мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, касательно производства лужицкаго nan (отецъ) отъ nana (мать). Изъ нашего изложенія, надѣемся, ясно, что и то и другое названія одинаково и самостоятельно образованы изъ общаго кореннаго сочетанія na.

(30) Pictet. Тамъ-же, стр. 350.

(31) Тамъ-же, стр. 349. На значеніе рождать въ корнѣ mâ указываетъ и Боппъ. Срв. его Gram. Sanscr., 1845, § 124, прим. Тоже принимаетъ и Миклошичъ: Die Wurzel des Altslovenisch., 1857.

(32) См. статью Malého, Časap. česk. Mus., 1857, 2 svaz, стр. 165.

(33) Pott, Etymol. Forsch., 1, 230.

(34) Срв. Lateinisches f für altes dh, замѣтка Курція въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforsch., 11, 398 — 400.

(35) Значеніе foemina, какъ питающая грудью, die Säugende, подобно скр. dhênu, a foetus — питаемаго, der Säugende, der gesäugt werdende, наравнѣ съ скр. dhêtu, срв. у Керна, въ Zeitschr. für vergleich. Sprachforsch. 7, 274.

(36) Ferienschriften, Heinr. Leo, 1847, 1, 7.

(37) Вотъ какъ говоритъ Гриммъ: Die Sprache der Nomaden enthält einen reichtum manigfacher ausdrücke für schwert und waffen und für die viehzucht in jeder lage, welche dem gebildeten zustand hernach lästig oder überflüssig erscheinen: das begatten, trächtig sein, gebären, sterben, schlachten wird fast bei jedem vieh anders und eigens benannt, wie der jäger am verschiedenen wild den gang und einzelne glieder des leibs mit abweichenden wörtern zu bezeichnen pflegt. Dieser in freier luft lebenden hirten auge sieht weiter, ihr ohr hört schärfer, wie sollte nicht überall ihre rede sinnliche anschauung und fülle gewonnen haben? Gesch. der Deutsch. Sprache, 1, 14.

(38) Корнесловъ Шимкевича, 1, 73.

(39) Какъ на болѣе подробное и ясное изложеніе, укажемъ на сочиненіе г. Буслаева, о вліяніи христіанства на славян. языкъ, стр. 161 — 163; Срезневскаго — Мысли объ исторіи рус. языка, стр. 140 — 144.

(40) Въ Archiw für Studien der neueren Sprache und Literatur, Herrig, 9 Bd, 1851 стр. 472.

(41) Ferienschriften, Heinr. Leo, 1, 16.

(42) Срв. Lassen. Indisch. Alterth., 1, 813, прим. 1.

(43) Не беремся рѣшать, на сколько основательна догадка Боппа о родствѣ arbha съ garbha, въ значеніи чрево, животъ. См. его Glossar. Sanscr. подъ словомъ arbha. Впрочемъ, дальше мимоходной догадки Боппъ нейдетъ.

(44) Доказывать дѣйствительность такаго происхожденія, равно и способъ образованія изъ этого корня формы пасторак у Славянъ южныхъ нахожу излишнимъ послѣ обстоятельнаго обслѣдованія этихъ словъ Шафарикомъ. См. Славян. Древности, въ рус. переводѣ, т. 1, кн. 1, стр. 274 — 299.

(45) Переходъ изъ кти въ шти обязанъ установившемуся съ незапамятныхъ поръ обычаю слав. языка смягчать к въ ш какъ въ этомъ окончаніи, такъ и въ окончаніи кть; отсюда: пешти изъ пекти, решти изъ ректи, или ношть изъ основной формы нокть, соотвѣтствующей скр. nactam (отъ неупотребительной nacta, т. е. ночью), латин. noct-is, греч. νυκτ-os и т. д. Звукъ ъ въ дъшти вполнѣ по-старо-славянски замѣняетъ короткое коренное и въ санскритѣ, какъ, въ свою очередь, вполнѣ согласно съ фонетикой рус. языка замѣняется въ послѣднемъ посредствомъ о. Звуки гортанные г, к, х, представляя такое множество случаевъ, и въ корняхъ и во флексіяхъ, взаимной мѣны другъ съ другомъ, въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ, точно также замѣняются одинъ другимъ и въ отношеніи языковъ родственныхъ между собою.

(46) Срв. Bopp, Gramm. d. Sanscr. Spr., § 124. Распространенность его въ языкѣ очень велика; въ примѣръ приведу: âhartṙ, приготовитель; yaštṙ, жертвоприноситель; dâtṙ, даятель. nêtṙ, водитель, вождь; mânajitṙ, почитатель, и др. Очевидно, окончаніе это одинаково, и по происхожденію и по значенію, съ греко-латинскими τωρ, τηρ, tor и съ слав. тель. Замѣна этимъ тель первообразнаго тер видна въ самомъ существительномъ дочь, въ древнѣйшей его формѣ: косвенные падежи ст. славян. существительнаго дъшти — дъштере, дъштери и т. д. говорятъ ясно объ основѣ дъштер, изъ которой произошли послѣднія формы и которая стянулась въ именит. падежѣ въ дъшти, подобно существ. мати изъ матер (родит. матере и т. д.), равному скр. mâtar, греч. μητηρ. лат. mater.

(47) Indisch. Alterth., 1, 513, прим.

(48) Срв. Pott, Etym. Forsch., 1, 229; Miklosich, Die Wurzeln des altslow. Wien, 1857.

(49) Изъ всѣхъ славян. нарѣчій, кажется, въ одномъ сербскомъ уцѣлѣло это слово, въ значеніи кормилицы, няньки, и то какъ рѣдкость, попадаясь лишь въ пѣсни миѳическаго происхожденія, гдѣ нагорная вила, соглашаясь съ мнѣніемъ юноши, что его любезная красивѣе ея, объясняетъ такое превосходство незатѣйливымъ своимъ воспитаніемъ:

мене је гора родила,
у зелен листак повила,
јутрена роса падала,
мене је вилу дојила,
од горе вјетриц пувао,
мене је вилу шикао:
то су ми биле дадије. Карадж.,

Пјесме, 1845, 1, 191.

(50) Quant à une troisième hypothèse, qu' il (Bopp) propose encore comme la plus plausible, savoir que duh aurait ici l'acception causative de allaiter, et que duhitar aurait désigné primitivement la femme en général, avant de passer à la fille, on peut objecter, ce semble, l'absence de tout rapport aux parents, tandisqu' un nom de parenté doit exprimer quelque rapport spécial. Comment un père ou une mère auraient — ils appelé leur fille ma nourrice? Les orig. Indoeurop. 2, 354 — 355.

(51) Vergleich. Grammatik, 1, 299.

(52) Antholog. Sanscr., 262.

(53) Литовское brolis образовалось, по мнѣнію Боппа, черезъ опущеніе t и перемѣну r на l (Glossar. Sanscr. подъ словомъ bhrâtṙ; срв. Pott, Etymol. Forsch. 2, 111), что, впрочемъ, справедливо можетъ опровергаться замѣчаніемъ Нессельманна, видящаго въ окончаніи lis обычный суффиксъ уменьшительныхъ именъ, а въ формѣ brolis сокращеніе изъ brotelis; конечное r въ литовскомъ могло утратиться также точно, какъ утратилось оно въ большинствѣ славян. нарѣчій, и было-бы непослѣдо-

вательно видѣть его превращеніе въ l въ такой приставкѣ, которая имѣетъ въ языкѣ самостоятельное значеніе, именно въ уменьшительныхъ именахъ. Срв. Schleicher, Litauische Grammatik, Prag, 1856, стр. 130 — 131. Звукъ t дѣйствительно и существуетъ въ существ. brotuszis, въ значеніи двоюроднаго брата. Pictet, 2, 362.

(54) Glossar. Sanscr., подъ bhrâtṛ.

(55) См. его Хрестоматію, стр. 283.

(56) Indisch. Altersh., 1, 813. Пикте, вѣроятно, подъ вліяніемъ замѣчаній Бетлинга и Лассена, сопоставляя оба выраженія bhartṛ и bhrâtṛ, уже прямо объявляетъ, что «quant à la signification étymologique de ce nom du frère, elle est si claire, qu' aucun dissentiment ne s'est produit à son sujet. Les orig., Ind. А положительное утвержденіе Боппа radix incerta?

(57) Etymol. Forsch. 1, 126; 2, 554; Schleicher, Formenlehre d. Kirch.-Slaw. Spr., 175.

(58) Glossar. Sanscr., подъ словомъ svasṛ, а также vergleich. Gram. 1, 299.

(59) Zeitschrift für vergleich, Sprachforsch. 5, 235.

(60) Les origin. Indoeurop. 2, 365 — 366.

(61) Сопоставленіе понятій молодости и слабости, бѣдности, худобы, обыкновенно во всѣхъ языкахъ и, конечно, зависитъ отъ преимущественнаго, если не исключительнаго вниманія древнѣйшаго человѣка къ силѣ физической. Отсюда-то и образовалась синонимичность выраженій молодой, юный, малый и слабый, бѣдный, худой, какъ напр., въ слѣд. выраженіи: что ради ни боле ни-хоуже (меньше) числомъ суть евангелиа. Рукоп. Пчелы, Времянникъ, кн. 25, стр. LXXII. Срв. нашу замѣтку въ текстѣ, подъ словомъ ребенокъ.

(62) Срв. выше, подъ корнемъ av для названія отца.

(63) Срв. Гильфердинга, матеріалы для сравнит. словаря, изд. 2-мъ отдѣл. Акад. Н., листъ XXVX, стр. 451.

(64) Les origin. Indoeurop. 2, 367.

(65) Срв. Hanuš, Nàstin Slohovědy, 1864, Praha, стр. 83: baba тоже, что dospelà, dorostlà, velkà, какъ děd, т. е. didi, лит. didis.

(66) Сербск. пословицы Карадж., 74.

(67) Glossar. Sanscr. подъ pra, срв. para remotior, ulterior, posterior. Шлейхеръ это pra признаетъ за тему, изъ которой въ языкахъ индо-европейскихъ образовалось числительное порядочное для единицы. Записки Акад. Н., Спб., т. 10, стр. 57, статья: темы именъ числительныхъ въ литовскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

(68) Dem scr. ati (ultra, nimis) entspricht, wie allgemein anerkannt wird, gr. ἔτι, lat. et und auch wohl at in atavus. Cf. atimâtras übermässig, atirâtras übermächtig. Curtius, Grundzüge d. griechisch. Etymol., 1858, 1, 61.

(69) Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ подъ 1451 годомъ, 1, № 76; срв. №№ 88, 89.

(70) Стр. 45, подъ 1149 годомъ.

(71) Думаю такъ, не смотря на лексиконъ Миклошича, который въ опредѣленіи значенія: праштоуръ proneporis filius, т. е. праправнукъ, руководился единственно слѣд. мѣстомъ Кормчей: оть правноука родивы се глаголеть се праштоуръ. Одна Кормчая и при томъ однимъ мѣстомъ едва-ли въ состояніи пересилить господствующее значеніе пращура, какъ родственника въ восходящей линіи среди русскихъ Славянъ какъ въ старину, такъ и въ настоящее еще время. Востоковъ, по нашему мнѣнію, поступилъ основательнѣе, опредѣливши пращура однимъ терминомъ δίσπαπος, прадѣдъ.

(72) О вліяніи христ. на слав. языкъ, Буслаева, 149 — 152; Гильфердингъ, Матер. для сравнит. Словаря, лист. XXVIII, стр. 434. Для оправданія родства щура съ sthûra требовалось-бы какъ можно больше примѣровъ, такъ какъ переходъ скр. sth въ слав. въ щ (-шт) вообще необыкновененъ.

(73) Значеніе предковъ и ихъ боготвореніе у народовъ, стоящихъ на низшей ступени развитія, равно и олицетвореніе ихъ въ образахъ и истуканахъ, а также и въ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ подробно и отчетливо изложено въ сочиненіи: Forschungen über die Urgeschichte der Menschheit und die Entwickelung der Civilisation von Tyler. Leipzig, 1866, преимущественно въ шестой главѣ (стр. 136 — 192) подъ заглавіемъ Bilder und Namen.

(74) Православ. Собесѣдникъ, январь, 1858, 157 — 158, Слово о постѣ. На тоже боготвореніе въ язычествѣ намекаетъ и обратное значеніе дѣдъ, дѣдка въ христіанствѣ, въ смыслѣ нечистаго, дьявола; доказывать, полагаемъ, нѣтъ надобности, какъ обожаемые нѣкогда предметы, съ переворотомъ религіознымъ, перешли къ противоположному значенію.

(75) Lexicon Pal. slov. Miklosich, подъ словомъ дѣдъ.

(76) Срв., между прочимъ, Гильфердинга, Матер. для словаря, листъ XV, стр. 239.

(77) См. Южно-русскія пѣсни, изд. Метлинскимъ, стр. 206.

(78) Наутрѣя же увѣдавши княгини и съвѣтъ створи съ Мирославомъ съ дядькомъ... Данила же возмя дядька передъ ся, изыде изъ града. Лексик. Академич.

(79) Гильфердингъ, въ Матер. для Словаря, сближаетъ съ скр. sthûra, человѣкъ, мужчина; Юнгманнъ, въ своемъ чешскомъ лексиконѣ, сопоставляетъ съ скр. strî, женщина, жена. Какъ то, такъ и другое сближеніе въ одинаковой степени не легко, по нашему мнѣнію, вяжутся съ стрыемъ и по формѣ и по значенію.

(80) Собраніе сказокъ Аѳанасьева, вып. 4, стр. 82.

(81) Мы уже окончили свою статью, какъ попалась намъ въ руки замѣчательная книга, изданная въ память извѣстнаго хорутанскаго дѣятеля, Водника, подъ заглавіемъ: Spomenik Vodnikov, 1859, Lajbach; а въ этой книгѣ съ особеннымъ интересомъ прочитали наблюденіе Золо-

кара надъ употребительными донынѣ названіями родства у Хорутанъ; здѣсь то нашли мы и фактическое подтвержденіе нашей догадки: Хорутане, дѣйствительно, до сихъ поръ знаютъ стрычну. См. отдѣльную статью въ упомянутой книгѣ: Slovenski Rodovnik, 254—260.

(82) Матер. для словаря, листъ XX, стр. 318.

(83) Срв. savja, лѣвый, и церк.-слав. шоуи. Матер. для Словаря, тамъ же, стр. 316—319; Schleicher, Formenl. d. Kirch.-Slav. Sprache, 76—77.

(84) Lottner, Zeitschrift für vergleich. Sprachforsch., 7, 165.

(85) Litauische Grammatik, 144; Pictet, Les orig. Indoeurop., 2, 349, къ тому же корню относитъ и нѣмец. oheim, дядя.

(86) См. Словарь церк.-слав. языка Востокова.

(87) Porządek Sądów i Spraw miejskich prawa Magdeburskiego. Przemysł, 1760, 125.

(88) Справедливость и этого предположенія оправдывается тою же статьею Залокара, въ которой приведены въ замѣчательной полнотѣ существующія до сихъ поръ родственныя названія у хорутанскихъ Славянъ.

(89) О языкѣ сѣверн. рус. лѣтописей, Спб., 1852, 148—156.

(90) Новгород. первая лѣтоп., стр. 13, 16, 61; Ипатьевская, стр. 78—92.

(91) Акты историч. 1, № 42, стр. 86, подъ 1448 годомъ.

(92) Новгород. четвертая, стр. 92, подъ 1386 год.; Новгород. первая, стр. 109, подъ 1419; Акты относящіеся до юрид. быта Россіи, 1, № 63, стр. 448; подъ 1549 год. акты истор., 1, № 650; Новгор. первая, стр. 6, подъ 1132 год.; Ипатьев., стр. 78, подъ 1155; тамъ же, стр. 93, подъ 1165 год.; стр. 121, подъ 1179; тамъ же, стр. 170; стр. 185, подъ 1251.

(93) Толковый Словарь живаго великорус. языка, Даля, подъ словомъ братъ.

(94) Лаврент. лѣтоп., стр. 147, подъ 1154 год.; срв. Новгород. первая, стр. 11, подъ 1185; Лѣтоп. Переяслав., стр. 71; тамъ же, стр. 104, подъ 1198; Ипат., стр. 77—78, подъ 1155.

(95) Истор. Госуд. Россійск., Карамзина, т. 3, прим. 54.

(96) Лаврент. лѣтоп., стр. 135, подъ 1143 год.

(97) Тамъ же, стр. 137; Новгород. первая, стр. 79, подъ 1339; тамъ же, стр. 109, подъ 1420 год.; срв. Акты истор. 1, №№ 38, 71, подъ 1446 и 1462 годами; акты до юрид. быта, стр. 151.

(98) Новгород. вторая лѣтоп., стр. 172.

(99) Никонов. лѣтоп., 5, 88.

(100) Lexicon Pal. Slov. Miklos: нетин fratris filius vel sororis.

(101) Les origin. Indoeurop. 2, 355—359.

(102) Срв. gnabat, тамъ же, стр. 357, прим. 2.

(103) Акты истор. 1, 152.

(104) Дополн. къ актамъ историч. 1, № 167, стр. 296; Акты истор. 3. № 211, стр. 367;

(105) Гильфердингъ сопоставляетъ славян. племя, которое пишетъ онъ, вопреки даннымъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, черезъ ѣ (плѣма), съ скр. prî, любить. Едвали останется онъ при прежнемъ мнѣніи, сообразивши родственные языки и сравнивши происхожденіе другихъ синонимичныхъ выраженій какъ въ славянскомъ, такъ и въ другихъ родственныхъ языкахъ.

(106) Zeitschr. für vergl. Sprachforsch. 7, 166, статья Лоттнера. Сюда же можно бы было поставить и сербо-хорват. traha, порода, племя, которое г. Гильфердингъ производитъ отъ скр. tṛh (см. Матер. для словаря), рости, еслибы такое значеніе корня tṛh не возбуждало сомнѣнія.

(107) Новгор. первая лѣт., стр. 23; Опис. рукоп. синод. библіотеки 1, № 46, стр. 296.

(108) Новгород. первая лѣт., стр. 58. подъ 1265 год.

(109) Такъ въ пословицѣ: родъ — племя близко, а свой ротъ ближе.

(110) Акты истор., 4, 473; срв. Дополн. къ актамъ историч., 4, 268; Акты, относящ. до юридич. быта, 1, № 63, стр. 456.

(111) Новгород. первая лѣтоп., стр. 58.

(112) О вліяніи христіанства на слав. языкъ, Буслаева, 154.

(113) Временникъ Общ. Ист. и Древн., кн. 19, статутъ литовскій, стр. 68.

Ко второму отдѣленію.

(1) Слѣдуетъ, однакожс, замѣтить, что скр. ǵ соотвѣтствуетъ и въ славянскомъ языкѣ, подобно литовскому, гораздо чаще звуку ж, чѣмъ з. Такъ: ǵiv—жить (и здѣсь ǵ вм. кореннаго g, на что указываетъ и литов. gywas, живой, и готск. qvivs, тоже), ǵanî — жена и др. Впрочемъ, славян. языкъ предлагаетъ примѣры обоюднаго перехода g въ ж и з въ одномъ и томъ же словѣ; напр., зрьно и жрѣновъ отъ корня ǵrî, тереть, мельчить. Glossar. Sanscr. Бопна.

(2) Glossar. Sanscr. Bopp, подъ словомъ ǵâmâtr.

(3) Indisch. Alterthumskunde, 1, 813, примѣч. 1.

(4) Etymol. Forsch. 1, 261—262.

(5) Les origin. Indoeurop., 2, 371.

(6) Litauisch. Gramm., Schleicher., стр. 99, 115.

(7) Указывая на выраженія, родственныя славянскому зать въ другихъ языкахъ, мы привели условно и греческ. γάμβρος. Условность наша основана на сомнительности первоначальнаго значенія корня γαμ, изъ котораго образовалось γαμβρος. Что дѣйствительно въ основѣ этого слова лежитъ корень γαμ, сомнѣваться нельзя, уяснивши его образованіе. Звукъ β, повидимому, принадлежащій корню, смущать не можетъ, какъ обычная вставка между носовымъ губнымъ μ и ρ, требуемая особенностями греческаго звукосочетанія, какъ въ силу такого же требованія вставляется въ томъ же греч. языкѣ и δ между язычнымъ носо

вымъ ν и тѣмъ же ρ, напр., въ ἀνδρός. Подобную вставку β встрѣчаемъ и въ другихъ словахъ, какъ: ἄμβροτος, ἀμβροσία, μεσημβρία и т. д. Такимъ образомъ γάμβρος вм. γάμρος, какъ ἄμβροτος вм. ἄμροτος, отъ корня mṛ (-mar, литов. mirti, слав. мрь-ти), изъ котораго явилось, тожественно съ греч. μ по формѣ и по значенію, санскритское слово amṛta, т. е. ἀμβροσιά, вм. ἀμροσια, или какъ μεσημβρία изъ μέσος и ἡμέρα. Въ латинскомъ gener сохранился коренной носовой звукъ n; вставка послѣ него d передъ r оказалась излишнею, при удержаніи гласнаго e: gener — generi; но она стала необходимою съ утратою этого e, какъ видно изъ франц. gendre. Что же касается до значенія корня γαμ, въ γάμβρος, то мнѣніе не одинаково. Большинство филологовъ не затрудняется сопоставлять его съ gan, ǵan, а слѣдовательно γάμβρος съ gener, слѣдовательно съ зять, объясняя, такимъ образомъ, μ переходомъ изъ первоначальнаго ν (-n); но Пикте (Les orig. indoeurop., 2. 334) находитъ такой переходъ весьма необыкновеннымъ, по крайней мѣрѣ, когда не требуется онъ вліяніемъ послѣдующихъ губныхъ, и сближаетъ въ силу этого греч. γαμ съ скр. gam, въ значеніи идти, соединяться съ женщиной, откуда производитъ онъ и γάμος, γαμεῖν. На это позволимъ мы себѣ сказать слѣдующее: а) переходъ n въ m далеко не исключительно ограничивается вліяніемъ губныхъ; тотъ же корень gan въ литов. языкѣ является обыкновенно въ формѣ gam или, съ ослабленіемъ a въ i, gim, какъ въ prigimtis, существо, природа (Срв. Schleicher, Litauisch. Gramm. стр. 116: radix gan, die sonst im litauish gam lautet); б) значеніе соединенія съ женщиной (coire cum faemina) весьма производное и встрѣчается, сколько извѣстно, въ глаголѣ сложномъ upagam, и притомъ не безъ существительнаго жена, женщина, какъ strijam upagantum; в) при этихъ сомнѣніяхъ невольно обратимся и къ соотвѣтствующимъ словамъ въ родственныхъ языкахъ, въ которыхъ, какъ видѣли, въ основѣ термина для зятя лежитъ корень именно gan=ǵan; наконецъ, г) нельзя не обратить вниманія и вообще на идею первобытныхъ терминовъ родства у народовъ индоевропейскихъ, которая въ наибольшей части сводится къ рожденію и въ которой не замѣтно указанія на что-либо плотское, чувственное. Вотъ почему мы рѣшаемся думать, что и греч. γάμβρος идетъ отъ того же корня gan, рождать.

(8) Bopp, Sanscr. Gram. §§ 77—81.

(9) Тамъ же, § 129, стр. 69.

(10) Такъ уцѣлѣло оно въ мѣстоименныхъ формахъ насъ, васъ, равно въ старинныхъ окончаніяхъ для мѣстнаго падежа въ древне-чешскомъ нарѣчіи, какъ: dolas, lužas, polas и др. (срв. Počatkové staročeské mluvnice, Šafař, стр. 32). Сохранилось и въ формахъ аориста: приѣсъ, начасъ и др., вм. позднѣйшихъ: приѣхъ, начахъ.

(11) Подобная же утрата спереди s произошла въ греч. и латин. языкахъ въ выраженіяхъ, соотвѣтствующихъ слав. снѣгъ: niх и νέφω;

литов. snẽgas, готск. snaivs, др. нѣм. sne (род. snewes), — очевидно, отъ корня snu, течь, капать (-fluere, stillare).

(12) Не даромъ Іоаннъ Экзархъ Болгарскій въ своемъ примѣненіи греческой грамматики Іоанна Дамаскина къ языку славянскому и не употреблялъ другой формы для родительнаго падежа, какъ форму прилагательныхъ притяжательныхъ: муж. овъ, жен. ина. См. Іоан. Экзархъ Болгар., Калайдовичъ, Москва, 1824, стр. 77.

(13) Мы не затруднились опустить въ текстѣ объясненіе слова снoха, представленное Поттомъ (Elymol. Forsch. 1, 230) и Веберомъ (Indis. Stud., 5, 260). Хотя первый, въ своемъ толкованіи со стороны значенія, и не предлагаетъ ничего несообразнаго съ общимъ характеромъ общихъ названій родства у народовъ индоевропейскихъ, тѣмъ не менѣе, сторона звуковая едва-ли способна выдержать строгую критику. Поттъ разлагаетъ слово sunuša на предлогъ sam (-съ) и глаголъ vas, обитать, жить, въ причастіи прошедшемъ ušita, такъ что основная форма была бы sanvasâ. Но почему же была бы взята форма причастная и притомъ прошедшаго времени? Далѣе, если и возможенъ переходъ an (-am) въ u въ санскритѣ, то какъ объяснить переходъ am въ un; еще болѣе, какъ допустить безслѣдную потерю цѣлаго слога (an, am) въ славянскомъ языкѣ, или равносильнаго ему носоваго ж? Что касается до корня snu, течь, подставляемаго Веберомъ, объясняющимъ понятіе sunuša тѣмъ, что снoха какъ бы растекается изъ боязни и почтенія къ свекру, то, думаемъ, нѣтъ нужды доказывать несостоятельность его въ настоящемъ случаѣ.

(14) Срв. Compendium der vergleich. Grammatik, Schleicher, I, 57—58.

(15) Срв. Гильфердингъ: объ отношеніи языка славян. къ языкамъ родственнымъ. Москва, 1853, стр. 45 и слѣд.

(16) Едва-ли основательно сомнѣніе въ томъ, что древнѣйшая форма ст.-слав. нарѣчія должна быть свекъръ, а не свекръ, какъ попадается въ памятникахъ. Гласный звукъ въ срединѣ между к и р доказывается всѣми родственными языками, а характеръ его опредѣляется свойствомъ гласнаго и въ послѣднихъ, обращаемаго обыкновенно въ ст.-слав. нарѣчіи въ ъ, какъ скоро это и короткое, опредѣляется новѣйшими гласными о и е, слышными въ именит. падежѣ современныхъ нарѣчій славянскихъ, и бѣглостью ихъ въ другихъ падежахъ: свекоръ — свекра, sveker—svekra.

(17) Ст. славян. форма свекръı, слышная отчасти и донынѣ въ говорахъ народныхъ, сохранила по своему образованію всю близость къ скр. çvaçrû, латин. socrus, въ которыхъ долгое и весьма часто и съ незапамятныхъ поръ соотвѣтствуетъ въ слав. звуку ы. Происхожденіе нынѣшней рус. формы свекровь обязано начавшейся также съ незапамятныхъ поръ потери склоненія на тему û, какъ муж. такъ и женск. рода, и смѣшенію его съ склоненіемъ на темы согласныя, подобно склоненію словъ: камы, матп и др. Чрезъ это во всѣхъ падежахъ явился слогъ ов=ъв, образовавшійся изъ разложенія ы (=û): свекръве,

свекръви и т. д.; форма, так. образомъ, свекръвь=въ рус. нарѣчіи свекровь есть собственно винит. падежъ единств. числа принята для именительнаго подобно тому, какъ вм. црькы явилась церковь, потомъ даже церква, — послѣдняя степень новизны, сблизившей это слово въ склоненіи съ общимъ склоненіемъ для женск. рода на а. Такое стремленіе языка уподообразить по возможности склоненія замѣтно въ равной степени и въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ; напр., въ чешкомъ находимъ svekra и svekrev, и если русскій языкъ не успѣлъ изъ свекровь образовать свекрова, по образу церква, то нарѣчіе сербо-хорватское давно уже забыло и вторичную форму, замѣнивъ ее позднѣйшею свекрва.

(18) Zeitschr. für vergl. Sprachf. 6, 13; 7, 188; 11, 164.

(19) Описаніе семи рукоп. Император. Публич. Библіот. Москва, 1859, стр. 89.

(20) Ross: Italiker und Gräken, Halle, 1858, стр. 15 прим.

(21) Si scr džâra huc spectat, slavi a germanis vocabulum hoc sunt mutuati. Lexic. palaeosl., стр. 324, подъ словомъ куръва. Džara (=ǵara) значитъ прелюбодѣй и, очевидно, происходитъ отъ ǵâ, ǵaja, женщина вообще. Если ǵ, образовавшееся изъ первобытнаго g, и соотвѣтствуетъ въ германскомъ звуку h, то никогда не замѣняется посредствомъ к въ славянскомъ; объяснять же послѣднее родствомъ съ германскимъ h черезъ заимствованіе слова мы не въ правѣ уже по одному тому, что существ. коуръва распространено у всѣхъ Славянъ и, слѣдовательно, на столько же должно считаться кореннымъ и самобытнымъ славянскимъ, на сколько hure нѣмецкимъ. Вопросъ можетъ касаться первобытнаго родства, а не заимствованія; если же такъ, то и въ основѣ нѣмецкаго h должно искать такой звукъ, который-бы равнялся славянскому к, а такимъ есть к, равный санскрит. ç.

(22) Павскій, въ своихъ филолог. наблюденіяхъ, 2, 96—100, разсматривалъ окончаніе ха не раздѣльно отъ предыдущихъ образовательныхъ гласныхъ (аха, яха, оха, еха, уха, юха, иха); но если и допуститъ, что каждая изъ гласныхъ придаетъ особый оттѣнокъ въ значеніи, то все таки ха имѣетъ свой общій смыслъ, принадлежащій одинаково всѣмъ сочетаніямъ и только различно оттѣняемый различными образовательными гласными. Слѣдующее мѣсто: «странно, что наше производственное иха усвоено только женщинамъ низшаго состоянія и самкамъ маловажныхъ животныхъ» обнаруживаетъ вполнѣ односторонній взглядъ автора на языкъ письменный и образованнаго класса по отношенію къ народному: свобода перваго располагать объемомъ и составомъ послѣдняго вовсе не даетъ права дѣлать изъ языка письменнаго норму и непременно подчинять ей языкъ народный. Мы видѣли, что окончаніе ха въ говорѣ простонародномъ прилагается къ женщинамъ рѣшительно всѣхъ состояній, — и такая общность должна служить исходною точною при опредѣленіи даннаго явленія, а не случайный и прихотливый выборъ такъ называемаго образованнаго класса.

(23) См. Lexicon palaeoslov. Miklos., подъ словомъ тьсть.

(24) Porządek sądów i spraw miejskich prawa Magdeburgsk., стр. 132. Срав. Słownik Lindego.

(25) См. его Slovnik česko-německý.

(26) Schleicher: Formenlehre d. Kirch.-Slaw. Spr., стр. 98.

(27) Bopp, Glossar. Sanscr., подъ словомъ takš.

(28) Срв. Буслаева историч. грам. рус. языка, 1, § 55, стр. 108—109.

(29) Предполагая посильное объясненіе происхожденія названій тесть и теща, упомянемъ о производствѣ ихъ г. Микуцкимъ. Онъ сближаетъ слово тесть съ литов. выраженіемъ ôszwis, предполагая въ немъ начальный звукъ t потерянным (собственно tôszwis). Это же t какъ въ славянскомъ языкѣ, такъ и въ предполагаемой формѣ литовскаго замѣняетъ коренное d, которое является въ скр. глаголѣ daç, съ значеніемъ дать. См. отчетъ 4-й, стр. 23. Но замѣтимъ прежде всего, что то daç, которое разумѣетъ г. Микуцкій, имѣетъ долгое a, которое удерживается обыкновенно и въ славян. языкѣ и не замѣняется посредствомъ глухихъ гласныхъ, какъ a короткое. Кромѣ того, указанное значеніе слишкомъ обще; гораздо чаще является глаголъ daç въ смыслѣ бить, поражать, убивать. Не удивительно, что отъ него и нѣтъ ни одного производнаго, которое бы заключало въ себѣ понятіе о какомъ либо родствѣ; значительнѣйшая часть производныхъ употребляется въ смыслѣ разбоя, разбойника. Не зависимо отъ всего этого, нельзя не пожелать уясненія причины и перехода d въ m (=t), особенно въ началѣ слова.

(30) Но въ доисторическую еще пору эту тему на и (=i) языкъ славянскій началъ смѣшивать въ склоненіи съ темою ja, перешедшею у Славанъ также въ ь, или послѣ гласныхъ въ и; такъ: кънязь (изъ кънагјъ), шоуи (= скр. savja) и др. Одно существ. нжть выдержало въ ст. слав. нарѣчія формы склоненія на тему и (=i) въ большей цѣлости, хотятак же не безъ исключеній; другія слова обнаруживаютъ въ рукописяхъ лишь обмолвки въ пользу этого склоненія, какъ особеннаго отъ темы ja; напр., родит. затѣ (тожественный съ скр. на ês: krmês), дател. зати, тьсти (см. Miklos Formenl. d. altsloven. Spr., стр. 8—9). Нынѣшнія нарѣчія слили уже обѣ темы въ одну, подвергая одинаковому измѣненію въ склоненіи слова зять и мужь, и только слово путь до сихъ поръ держится какимъ-то особнякомъ, сближаясь въ склоненіи то съ словами муж. рода на ь, то женскаго на ь. Но какъ бы ни утожествились оба склоненія, форма именит. падежа такихъ словъ, какъ путь, тесть, зять и др., будетъ всегда указывать на тему и, потому что въ этомъ только случаѣ конечныя согласныя могутъ оставаться безъ соотвѣтствующаго смягченія. Въ противномъ случаѣ, когда бы и въ нихъ окончаніе ь утожествилось ь-рю въ словахъ мжжь, кънязь и др., т. е. вмѣсто основнаго и приняли бы они ja, то должны бы образоваться формы зашть, тьшть, пжшть, въ слѣдствіе извѣстнаго вліянія йотацизма, какъ въ кънязь, вм. кънагь, въ божь, вм. богь.

(31) Лаврент. лѣтоп., стр. 164, подъ 1180 годомъ.

(32) Спб., 1853, стр. 247.

(33) Выраженія плънац — плъница (= пунац — пуница) по звуковой сторонѣ ближе всего стоятъ къ прилагательному плънъ (= серб. хорват. пун). Но какъ вяжется значеніе это съ понятіемъ о тестѣ и тещѣ? Происхожденіе и этихъ названій едва ли не слѣдуетъ отнести къ древнѣйшимъ остаткамъ языка, на равнѣ съ другими родственными терминами; а ежели такъ, то не заключалась ли и въ корнѣ прилагательнаго плънъ какая либо еще идея (кромѣ обилія, полноты), которая, быть можетъ, съ теченіемъ времени совершенно изгладилась, будучи вытѣснена новѣйшимъ и ограниченно узкимъ значеніемъ? Корень прилагат. плънъ соотвѣтствуетъ въ санскритѣ pṛ, pâr и pûr. Во всѣхъ этихъ формахъ одного и того же глагольнаго корня, кромѣ значенія implere, извѣстно не меньше и значеніе satiare, sustentare, servare, т. е. то самое, какое развилось изъ терминовъ для отца и матери. Далѣе этой догадки идти мы себѣ не позволяемъ.

(34) Какъ ни рѣдокъ этотъ переходъ d въ l, но относитель но латинскаго языка примѣровъ такъ достаточно, что сомнѣніе въ родствѣ levir съ скр. dêvar едва ли будетъ основательно. Припомнимъ при этомъ латин. lacrima, соотвѣтствующее греч. δάκρυ, готск. tagrs, скр. daçru; Ulysses, греч. Οδυσσευς; lingua и sella равныя древне-латинскимъ dingua и sedda; ole o вмѣсто odeo. Сюда относятъ и lignum, греч. λιγνύς, сопоставляемыя съ скр. dah (urere, жечь). Соотношеніе между d и l замѣтно и въ meditare, греч. μελετᾶν. По всеобщему родству звука l съ звукомъ r, не слѣдуетъ пропускать замѣну послѣднимъ того же d, какъ: arbiter, вм. adbiter, meridies вм. medidies. Гораздо необыкновеннѣе это явленіе въ другкхъ родственныхъ языкахъ. Сюда, б м., должно отнести переходъ двойнаго d въ двойное l въ древне-верхнѣмецкомъ: vaddjus — vall (-vallum). Тутъ же умѣстно поставить и готск. silubr, слав. срѣбро, лит. sidabras. Нельзя не сравнить по поводу перехода d въ l и сложнаго санскр. слова sumṛlîka (виновникъ радости), составленнаго изъ кр. mṛd, частицы su и окончаніе îka. Тоже слово, съ тѣмъ же значеніемъ въ Сама Ведѣ является въ формѣ sumṛidika. См. Regnier, Etude sur l'idiome des Vedas. Paris, 1855, стр. 188.

(35) Гортанный звукъ въ германскомъ едва ли даетъ право, при вниманіи къ отсутствію его во всѣхъ остальныхъ языкахъ, признавать его необходимость въ первобытномъ корнѣ, какъ, кажется, принимаетъ Миклошичъ, основываясь на изслѣдованіи въ Zeitshrift für vergleich. Sprachf. 7, 172 (см. Lexicon pal. slov., подъ словомъ дѣверь). Справедливѣе, думаемъ, видѣть въ подставляемой имъ основной германской формѣ daigvar звукъ g явившимся уже на почвѣ исключительно германской, что принимается и другими изслѣдователями: der guttural im deutschen erklärt sich aus einem vordeutschen aus v entstandenen gv. Grundform daivar

(Ueber die Prosodie im griechisch. Rhein. mus. 1845, 253). Тоже повторено Курціемъ и въ его Grundzüge de griech. Etym., 1, 197.

(36) Lassen, Indis. Alterth. 1, 813.

(37) Такое производство представилъ въ 1835 году Макаровъ. См. Телескопъ, т. 30-й, смѣсь, стр. 370—373.

(38) Не забудемъ, что въ пѣсняхъ сербскихъ и деверь часто не разлученъ съ вѣнцемъ невѣсты: док. ђевер дође, венац донесе,

ђевер ће доћи, венац донети.

Или въ слѣдующихъ словахъ, которыми невѣста отвѣчаетъ матери на призывъ ея возвратиться изъ-подъ вѣнца, — что теперь уже поздно, слѣдовало бы звать прежде:

док нисам стала уз милог кума,
уз милог кума и уз девера;
док није био прстен на руци,
прстен на руци, венац на глави. Караджк. Пјесме, 1, 156

(39) Указываю на замѣчательную статью: Bugarski narodni običaji, помѣщенную въ Archiv za povjestnicu jugoslavensku, 1865, кн. 8, стр. 272, примѣч. Здѣсь собраны всѣ частности деверевой должности.

(40) Авторъ упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи хорватской статьи дѣйствительно, подъ вліяніемъ столь непрерывнаго занятія деверя невѣстой — дѣвицей, смѣло ставитъ и самый терминъ въ родственную связь съ дѣвой: rieč djever proizlazi od djeve; djever čovjek, koji se zanima oko djeve. Тамъ же, стр. 271, прим. Но авторъ увлекся односторонностью взгляда; деверь остается деверемъ и тогда, когда дѣвица — невѣста становится женщиной, женой брата. Если даже и допустить существованіе подобной же обрядности, съ тѣмъ же характеромъ въ ней деверя, и въ эпоху нераздѣльной жизни народовъ индо-европейскихъ, отъ которой, очевидно, идетъ общее у нихъ названіе, что, впрочемъ очень сомнительно; то и въ такомъ случаѣ не легко согласиться, чтобы кратковременная и случайная роль была основаніемъ вѣковѣчнаго названія, исключительно обращеннаго на одно лице брата мужа.

(41) Mythologie comparée, стр. 42; Les origin. indoeurop. 2,374.

(42) Такимъ образомъ объясняетъ г. Миллеръ названія nandin, dêvar и даже jâtar. См. опытъ историч. обозр. рус. словесности, Спб., 1866, 126. Очевидно, онъ исходитъ отъ браковъ посредствомъ уводовъ, кражи дѣвицы, какъ изображается этотъ бракъ въ древнихъ свидѣтельствахъ славянской исторіи и отчасти въ современныхъ обычаяхъ народныхъ. Но упомянутыя названія такъ древни, что невольно пожелаешь для подтвержденія ихъ такимъ путемъ и болѣе древнихъ свидѣтельствъ о характерѣ самаго брака. Не есть-ли уводъ, кража, похищеніе уже позднѣйшее явленіе? По крайней мѣрѣ, въ названіяхъ родства нѣтъ ни малѣйшаго положительнаго намека. Не неумѣстенъ и слѣд. вопросъ: почему же именно идея радости пріурочена исключительно лишь брату и сестрѣ мужа, а не другимъ родственникамъ?

(43) Диффенбахъ, 1, 125—126.

(44) Противъ сближенія слова деверь съ скр. dêv можно возразить указаніемъ на господствующее правописаніе черезъ е послѣ d, тогда какъ согласно съ скр. dêvar слѣдовало-бы ожидать непремѣнно ѣ, которое и находится въ существ. дѣва. Но вина въ этомъ лежитъ на шаткости отечественнаго правописанія. Что и въ славян. языкѣ въ разсматриваемомъ словѣ долженъ быть двоегласный ѣ доказывается смягченіемъ д въ польскомъ нарѣчіи: dzievierz и юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ произношеніемъ Сербовъ: ђевер и дивер. Нѣсколько случаевъ употребленія этого выраженія въ памятникахъ церковно-славянскихъ, отмѣченныхъ Миклошичемъ, говорятъ также въ пользу ѣ; въ словарѣ Востокова слово деверь пропущено.

(45) Такъ, напр., въ слѣдующихъ стихахъ Шимановича:

Zołwicei bratove u jednego stołu,
i swiekry i niewistki jadają pospołu. Издан. Бобровича, Лейпцигъ, 1837, стр. 51. Срв. Slovnik Юнгмана, подъ словомъ zelwa.

(46) Etymol. Forsch., 1, 131.

(47) Grundzüge d. griech. Etymol. 1, 143.

(48) Впрочемъ, Пикте не отказался отъ предположенія основнаго смысла, не выходя, однако же, изъ предѣловъ греко-латино-славянскаго языка, сопоставляя γάλως, а слѣдовательно и славянскую золовку, съ прилагательными γαλερός, γαληνός, ясный, свѣтлый, съ глаголомъ ἀγάλλω, украшать, и съ существительнымъ γλῆνος, украшеніе, звѣзда, γλήνη, молодая дочка, и указывая на славянское слово злъчь (жолчь), объясненное имъ посредствомъ прилагательнаго splendida: sela conduirait à la notion de lumière et de beauté, et à une signification analogue à celle de belle-soeur. Les orig. indoeurop. 2,375. Но предположеніе и останется предположеніемъ, пока не подтвердится научными доводами. Укажемъ и на толкованіе въ Zeitschrift für vergl. Sprachforsch. 4, 399.

(49) О Русскомъ полногласіи, Извѣстія 2-го Отд. Акад. Н., 5-й вып. 7-го тома.

(50) Ср. Bopp, Glossar., подъ словомъ guru.

(51) О рус. полногласіи, тамъ-же.

(52) Нарѣчія чешское и польское (zołwa, zelva), можно-бы думать, уже развили свои формы изъ старо-славянской, путемъ позднѣйшей замѣны гласныхъ р̀—л̀ посредствомъ обычныхъ гласныхъ (о—е) съ согласными р—л, еслибы только чешское нарѣчіе, удержаніемъ гласнаго л по сіе время, подобно старославянскому, не говорило скорѣе въ пользу сохраненія гласнаго въ корнѣ санскритскомъ (gar-gur) и греческомъ (γαλ). Что касается формы золова, то едва-ли не обязана она двойственностью гласнаго о, передъ л и послѣ него, столь широко охватившему рус. языкъ свойству полногласія, образуя и золова кокъ-бы изъ злава, подобно другимъ случаямъ, какъ изъ корня тлък явилось толкъ, а черезъ тлачити — толочить, тлака — толока.

(53) Акты относящ. до юрид. быта, 1, № 63, стр. 440 (XV вѣка).

(54) Pictet, Les origin. indoeur. 2, 370.

(55) Ты-ли шуринъ дорогой

Проводи ее (невѣсту) ко мнѣ. Сахар., Сказанія Гус. Народа, 1, Пѣсн. свадеб., стр. 128. Или: Ахъ шуринъ мой, шуринъ ласковый!

Ты отдай мой даръ мое суженое,

Мое суженое, мое ряженое. Тамъ-же, стр. 137. При передачѣ сестры братомъ поется:

Братецъ постарайся,

Братецъ поломайся.

Не продавай сестру,

Ни за рубль, ни за золото. Тамъ-же стр. 162. На предложеніе сватовъ со стороны жениха отдать имъ невѣсту за деньги, братъ ея возражаетъ: я на те, сваты, не соглашаюсь; я качаны крав, да свою сестру годовав, а вам за тры копійкы ддам? Не ддам! Народ. южно-русск. пѣсни. Метлин., стр. 166.

Родимый ты мой братецъ,

Куда ты меня обуваешь,

Куда ты меня снаряжаешь?

Обуваетъ меня, снаряжаетъ

Въ чужу дальнюю сторонушку,

Къ чужому отцу съ матерью,

Къ чужому роду племени. Сахар., тамъ-же, стр. 163.

Старшій братику! Одчыны воритця

До кинця —

Иде твоя сестриця

Одъ винця. Народ. южнорус. пѣсни, Метлин., 170.

Треба зятю, треба зятю

Сим день молотыты,

Щоб шурына, щоб шурына

З покутя зкупыты. Тамъ-же, стр. 194.

(56) Позлати, ђевере, ако хоћеш да ти дам оваку баницу. Карадж., Ковчежић, Беч, 1849, стр. 78. Срв. тамъ-же, 51.

(57) Напримѣръ: и на утріи преставися княгини ярославляя, свѣсть великого князя Всеволода. Лѣт. Переяслав., подъ 1201, стр. 105.

(58) Lexicon pal. slov., Miklos.

(59) Срв. Kolo, članci za literaturu, umjetnost i narodni život, Zagreb, 1853, 9, 119, статья: kratak nauk o jugoslavenskom jeku. Sladović. Г. Гильфердингъ пріурочиваетъ слово свѣсть, вмѣстѣ съ невѣста, къ корню viç, входить. Согласиться съ этимъ не легко уже потому, что начальное с принадлежитъ корню; если же допустить въ немъ приставку и, разумѣется, съ характеромъ предлога съ, скр. sa, sam, въ такомъ случаѣ останется непонятнымъ значеніе свѣсти, которая никакъ не могла быть сожительницею мужа сестры, оставаясь въ своемъ родѣ —

семьѣ до тѣхъ поръ, пока не выходила за-мужъ въ иной родъ, чужой какъ для себя, такъ и для сестрина мужа. Матер. для словадя, лист. XX, стр. 211.

(60) Лаврент. лѣтоп. 78, подъ 1073 годомъ.

(61) Корнесловъ, 2, 48. Въ опроверженіе подобной догадки считаемъ достаточнымъ сказать слѣдующее: а) слова сватъ, сватать, безспорно, принадлежатъ одному корню съ сватьба, которое образовано помощью суффикса ба, подобно существ. гостьба, гридьба, крадьба и т. п. Но въ такомъ случаѣ т есть коренной звукъ, д же въ новѣйшемъ рус. правописаніи и произношеніи есть ни что иное, какъ замѣна отзвучнаго т соотвѣственнымъ звучнымъ д, въ силу вліянія послѣдующаго звучнаго б. Правда, современное русское правописаніе вообще не основывается на произношеніи, руководясь обыкновеннѣе этимологіей; но тамъ, гдѣ корень затемнился, гдѣ, какъ въ словѣ свадьба, и между учеными возникаетъ несогласіе въ происхожденіи его, выговоръ становится существеннымъ руководителемъ и для правописанія. Такъ, если мы выговариваемъ молодьба, а пишемъ все-таки молотьба, то этимъ обязаны очевидности происхожденія слова отъ молотить. Въ существит. свадьба корень не сознается больше, — и правописаніе подчинилось выговору. Тоже видимъ съ изба, гдѣ оба звука з и б употреблены вмѣсто отзвучныхъ с и п, сколько можно судить по старинному правописанію истопка. По этому-то, въ старослав. нарѣчіи и господствуетъ правописаніе сватьба, только изрѣдка, и то сравнительно въ позднихъ памятникахъ, смѣняясь посредствомъ — свадьба. б) Родство существит. сватьба съ словами сватъ, сватать опредѣляется правописаніемъ и произношеніемъ его у Сербовъ (боснійскихъ), которые знаютъ и пишутъ только сватба. в) Указаніе на названіе жены водимой едва-ли способно подтвердить производство словъ сватъ, сватьба отъ веду: ни одно нарѣчіе славянское ни въ древнемъ, ни въ новомъ видѣ не представляетъ ни одного термина для жены, близкаго къ слову сватъ, между тѣмъ какъ послѣднее извѣстно у всѣхъ Славянъ для обозначенія разныхъ степеней брачнаго родства. Притомъ нельзя опустить изъ виду и формы этого слова въ польскомъ и чешскомъ нарѣчіяхъ: и въ томъ и въ другомъ начальный звукъ с (въ сватъ, свѣсть) произносится весьма отчетливо, что было-бы странно, особенно въ устахъ Поляка, если бы слова эти происходили отъ веду, разумѣется, уже съ предлогомъ съ, съ незапамятныхъ временъ смѣненнымъ на зъ.

(62) Beiträge zur vergleich. Sprachforsch., 2, 267. Впрочемъ, взглядъ г. Новотнаго признанъ несостоятельнымъ тутъ-же редакторомъ Куномъ. Срв. примѣч.

(63) Напр., въ слѣд. словахъ, обращенныхъ Сатьяваномъ къ Савитри: purâ mâm ûćatus ćaj va râtrâs utthâja mâmakan. Bopp, Diluvium, стр. 38, стих. 2.

(64) Какъ въ Nal. и Damajant, Bopp, стр. 24, стих. 42; стр. 25; стих. 5.

(65) Срв. Lexicon pal. slov. Miklos. Въ сербской пѣсни читаемъ:

Е те жеља обузела
На банове, на ђедове
На те мудре родитеље
И на вељу својту твоју:
На синове, на стричеве
И на милу браћу твоју. Марадж., 1, № 150.

(66) Іа бих њему своју секу дала,
Секу дала њега сваком звала. Тамъ-же, № 325.

(67) Издан. Бобровича, стр. 109.

(68) Описан. рукоп. Румянц. Муз., № 231, стр. 286.

(69) Срв. Pictet, de l'affinité des langues celtiques avec le sanscrit, 1837, стр. 27.

(70) Лѣтоп. Переяслав., стр. 4, 99; Ипатьев., стр. 156, подъ 1202 годомъ.

(71) Уставъ Ярослава, Истор. Рус. церкви, Макарія, стр. 2, 357.

(72) Neven, 1852, стр. 318.

(73) См. статью Киркора въ Вѣстн. Географ. Общ., 1857, кн. 6.

(74) Срв. Bopp, Glossar., подъ словомъ jâtŕ.

(75) Pictet, Les orig. indoeurop. 2, 334—335; срв. тамъ-же, 375.

(76) «Извѣстно, что крестьяне, женивъ сыновей своихъ, принимаютъ молодую къ себѣ во дворъ, гдѣ она и живетъ съ мужемъ своимъ у свекора съ свекровью и въ кругу деверьевъ и золовокъ, если есть у мужа братья и сестры, и съ сношеницами, если братья мужа тоже женатые». Владимірск. Сборникъ Тихонравова, 1857, стр. 41. — Изъ сказаннаго о словѣ ятровь едва-ли не слѣдуетъ заключить объ ошибкѣ въ академическомъ словарѣ, объясняющемъ ятровь женою деверя или шурина. Ни въ древнемъ языкѣ русскомъ, ни въ остаткахъ употребленія этого слова въ современномъ говорѣ бѣлорусскомъ, ни въ сербскомъ, хорватскомъ и хорутанскомъ нарѣчіяхъ, гдѣ донынѣ живетъ оно въ полной силѣ, ни въ памятникахъ старо-славянскихъ, ни въ старо-чешскомъ и въ старо-польскомъ нарѣчіяхъ нѣтъ свидѣтельства, чтобы ятровью называлась жена и шурина.

(77) Объ употребленіи выраженій пашанац и пашеног у Сербовъ см. Словарь Караджича; paš, pašanac и pašenog у Хорватовъ — статью Вебера: ustroj našega jezika, въ Neven, 1856, стр. 215; тѣхъ же словъ у Хорутанъ — статью Клуна, въ рус. Бесѣдѣ, 1853, кн. 3, стр. 89.

(78) Напр., вянуть вм. вяднуть, глянуть вм. гляднуть и др. Срв. Историч. Граммат. Буслаева, 1, 79—80. Миклошичъ, въ своемъ старо-славян. лексиконѣ, подъ словомъ вѣно, указываетъ на сближеніе Курціемъ латин. venum съ скр. vasna, цѣна, отъ van, покупать; но и онъ не опустилъ случая замѣтить о сомнительности такого производства.

(79) Pictet, Les orig. indoeurop. 2, 333—334.

(80) Weber, Indisch. Stud. 5, 310.

(81) Pictet, тамъ-же, 337—338.

(82) Опытъ Историч. Обозрѣнія рус. словесности, Спб. 1866, 1, 126. Отчужденность родовъ высказалась и во взглядѣ народномъ на дочь, какъ на чужое добро, въ противоположность сыну, какъ умножающему, обогащающему свой родъ. Таковы русскія пословицы: дочь — чужое сокровище; холь да корми, учи да стереги, да въ люди отдай; сынъ въ домъ глядитъ, дочь изъ дому; сынъ глядитъ въ домъ, а дочь глядитъ вонъ.

(83) Чешскій терминъ snúbení мы принимаемъ за переводъ съ латинскаго (connubium); что же касается до лужицкаго kwas, то оно служитъ свидѣтельствомъ перехода отъ частнаго понятія къ общему.

(84) О миѳическ. вѣрованіи Славянъ въ облако и дождь. Учен. Зап. 2-го Отд. Ак. Н., кн. 7, вып. 2.

(85) Ale pierwej pod ziemię śmiercią Aphar wzięty, nim wdomu swym niewiastki nadobne ogląda. Szymonowicz, издан. Бобровича, стр. 32—33.

(86) Привожу по примѣру на каждое выраженіе: приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячь, отчимъ Святославль Володимирича (Ипат. лѣт., стр. 86, подъ 1159 годомъ); на ту же осень посла отець Мьстислава противу мачесѣ (тамъ-же, стр. 73, подъ 1153 годъ); явися знаменье.... надъ гробомъ княгыниномъ... юже уби свой пасынокъ (Новгород. первая, стр. 54).

(87) Баронъ Розенкампфъ, Кормчая, 1, 111, прим. 44.

(88) Стр. 78; срв. Лѣтоп. Переяслав., стр. 72, подъ 1155 годомъ.

(89) Объ отношеніи слав. выраженія врьвь къ подобно-звучнымъ словамъ въ родственныхъ языкахъ см. Мысли объ исторіи рус. языка, Срезневскаго. Спб. 1850, стр. 135—136.

(90) Geschichte Polens v. Roeppell, 1, 615, 2-е приложеніе.

(91) Szajnocha, Szkice historyczne, Lwów, 2, 272.

УКАЗАТЕЛЬ ОБЪЯСНЕННЫХЪ СЛОВЪ.

Родъ, 51—53.
Родичь, родникъ, роднмецъ, родственникъ, 52.
Народъ, 51.
Инородецъ, 53.
Племя, 50 51, 107, прим. 105.
Племичь, 52.
Племянникъ, племянница, 46, 50—54, 97.
Ближикъ, ужикъ, 93.
Родители:
Отецъ, 10.
Тятя, 11.
Батя, 13.
Папа, 14—15.
Нанъ, 16, 33.
Отчимъ, 92.
Мать, 17.
Мама, 17.
Нана, неня, няня, 16, 33.
Мамка, 18.
Мачиха, 92.
Мачешичь, 93.
Дѣти:
Дитя, дѣти, 20—22.
Ребенокъ, 22—23.
Чадо, 22.
Сынъ, 24, 118, прим. 82.
Сыновецъ, 38, 44, 54.
Сыновица, 38, 44, 46.
Сынова, 60.
Пасынокъ, 25.
Сноха, Сынаха, 55, 58—60, 109, пр. 76.
Дочь, 25, 118, прим. 82.
Дщеричь, 41.
Дщерша, 92.
Братъ—сестра:
Братъ, 13, 27.
Братана, 38, 44, 46, 97.
Братаниха, 44.
Братаничь, 38, 44, 54, 97.
Братаничьна, 44.
Братучадо, 38, 44.
Братучадье, 38, 44.
Сестра, 29, 30, 61.
Сестрія, 46.
Сестричь, 40—41, 46—49, 54.
Сестричьна, 41, 45.
Сестреничь, 40.
Сестреница, 41, 46, 47.
Сестричичь, 45—47, 97.
Сестричичьна, 97.
Сестрычадо, 41.
Дядя—тетка:
Дядя, 36, 46, 50, 54.
Дядина, 37.
Дѣдъ, 32—33, 105, прим. 74.
Прадѣдъ, 34.
Тета, 12, 14, 36, 46, 97.
Тетка, 97.
Тетакъ, тетацъ, 12, 37.
Баба, 14, 33.
Прабаба, 34.
Уй, вуй, 40, 45—46, 54 97.
Уйка, вуйка, 40, 46, 97.
Уйчичь, 42, 45.
Уйчишна, 42.

Уйчичичь, Уйчичишна, 42.
Стрый, 38, 43, 46, 54, 79, 97.
Стрыйко, 43.
Стрыйецъ, 38.
Стрыя, стрыня, 38, 43—44, 46, 97.
Стрычна, 39, 106, прим. 81.
Стрычичь, стрыйчичь, 39, 45—46.
Стрычичичь, 40.
Стрыничиничь, 40.
Нетій, 46, 47.
Внукъ, внука, 31—32.
Правнукъ, 34.
Бракъ, 87—88.
Обрученіе, свадьба, веселье, снятекъ, свадебные годы, 89.
Мужъ, 3—6, 28.
Жена, 7.
Супругъ, супруга, 6.
Свекоръ, 61—65, 109, прим. 16.
Свекровь, 61—65, 109, прим. 17.
Шуринъ, 77—78, 115, прим. 55.
Шуръ, 105, прим. 72.
Пращуръ, 34, 35, 105, прим. 71.
Тесть, Теща, 61, 65—69, 111, прим. 29.
Пунацъ, Пуница, 69—70, 112, прим. 33.
Свойта, 117, прим. 65.
Своить, Своять, Своякъ — свакъ, Своякиня — свака, Сватъ — сватья, Свойственникъ, 81—84, 116, пр. 61.
Свѣсть, 78—80, 115, прим. 59.
Зять, 55—58, 107, прим. 7.
Женихъ, женищина, 91—92.
Паш, пашанац, пашеног, 86—87, 117.
Деверь, 70—73, 112, 113, 114.
Золовка, 73—77, 114, прим. 48, 52.
Ятровь, 84—86.
Невѣста, 90, 115, прим. 59.
Вѣно, 117, прим. 78.
Вервь, 93, 98—99, 118.
Околина, 94, 99.
Ополье, 94—99.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 4.

РЕДАКТОРЪ, СОТРУДНИКИ И ЦЕНЗУРА

ВЪ

РУССКОМЪ ЖУРНАЛѢ

1755—1764 ГОДОВЪ.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 10-го декабря 1867 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

РЕДАКТОРЪ, СОТРУДНИКИ И ЦЕНЗУРА ВЪ РУССКОМЪ ЖУРНАЛѢ 1755—1764 ГОДОВЪ.

Академика П. П. Пекарскаго.

«Ежемѣсячныя сочиненія» — этотъ первый учено-литературный журналъ въ Россіи заслужилъ болѣе, чѣмъ какое либо другое періодическое изданіе XVIII вѣка, похвалъ и одобренія позднѣйшихъ изслѣдователей. «Вся Россія, говоритъ о немъ митрополитъ Евгеній [1]), съ жадностію и удовольствіемъ читала сей первый русскій ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводныхъ, а большая половина русскихъ любопытнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и другихъ...» Покойный В. А. Милютинъ, напечатавшій три обширныя статьи о томъ же изданіи [2]), называлъ его «однимъ изъ лучшихъ журналовъ, какіе только издавались въ Россіи и въ прежнее, и въ нынѣшнее время... «Ежемѣсячныя сочиненія», продолжаетъ онъ, не только пріохотили къ чтенію русскую публику, не только распространили въ ней множество полезныхъ свѣдѣній и ближе познакомили ее съ прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ Россіи, но и положили прочное начало отечественной журналистикѣ. Своимъ примѣромъ они доказали пользу періодическихъ изданій и побудили другихъ писателей вступить также на поприще

---

[1]) Словарь русскихъ свѣт. писателей, Москва, 1845 г., т. II, 67.

[2]) Современникъ 1851 года, томы XXV и XXVI, «Очерки русской журналистики».

журнальной дѣятельности, до той поры совершенно имъ неизвѣстное»[1])...

Милютинъ обстоятельно познакомилъ читателя съ содержаніемъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» и разсмотрѣлъ всѣ статьи его на основаніи данныхъ, которыя доставило само изданіе. Но, кромѣ извѣстій, добытыхъ изъ этого источника, есть еще другія, касающіяся закулисной такъ-сказать стороны въ жизни журнала, стороны, которую обыкновенно и изъ современниковъ знаютъ немногіе, а большинство публики остается о ней почти всегда въ полнѣйшемъ невѣдѣніи. Между тѣмъ здѣсь-то и слѣдуетъ искать разгадку многихъ недоумѣній, часто возбуждаемыхъ при чтеніи той или другой журнальной статьи; здѣсь объясняются разныя темныя мѣста, ключь къ пониманію которыхъ затерянъ, если ограничиваться только однѣми печатными страницами журнала.

Извѣстно, что академикъ Миллеръ былъ редакторомъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Читая нынѣ это изданіе, увидимъ, что онъ въ то же время былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ его и помѣстилъ тамъ много статей. Все это, однако, не разрѣшаетъ еще вопроса: каково было участіе Миллера при помѣщеніи въ журналѣ статей другихъ писателей, и въ какія отношенія былъ онъ поставленъ къ нимъ?

Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» участвовали всѣ современные писатели, пользовавшіеся бо̀льшею или мѐньшею извѣстностью. Они рѣдко скрывали свои имена, а потому ихъ сотрудничество не подлежитъ ни какому сомнѣнію; но, кромѣ сочиненій этихъ лицъ, въ журналѣ попадается много и такихъ, подъ которыми нѣтъ никакихъ подписей. Правда, что бо̀льшая часть подобныхъ статей переводныя; однако переводная литература въ Россіи прошлаго вѣка, за скудостью въ оригинальныхъ произведеніяхъ, пользовалась значеніемъ и имѣла несомнѣнную долю вліянія и на словесность, и на общество. Въ старину обязанность переводчика была труднѣе и почетнѣе, чѣмъ нынѣ. Труднѣе потому, что тогда русскій литературный языкъ только-что начиналъ образовываться, и

[1]) Современникъ, 1851 г., т. XXV, отд. II, стр. 2, 3 и 17.

притомъ сколько нибудь сносныхъ пособій для изученія иностранныхъ языковъ почти не существовало вовсе. Почетнѣе — такъ какъ переводчикъ оказывалъ рѣдкую въ старину услугу, когда знакомилъ читателей съ произведеніями недоступныхъ для большинства читателей иностранныхъ литературъ въ переводахъ, переданныхъ хорошимъ языкомъ и близкихъ къ подлиннику. По этимъ причинамъ въ настоящее время не будетъ суетнымъ любопытство знать: кто могли быть безыменные переводчики и другіе невидные сотрудники въ журналѣ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени?

Наконецъ, въ журналистикѣ и литературѣ есть еще одна сторона, которой нельзя никакъ упускать изъ виду при исторической оцѣнкѣ журналовъ и вообще всѣхъ литературныхъ произведеній данной эпохи — это степень возможности, предоставленной писателю, высказывать свои мнѣнія относительне религіи, политики и литературы; другими словами — знать цензурныя требованія того времени, въ которое явилось разсматриваемое произведеніе.

При просмотрѣ старинныхъ матеріаловъ въ архивахъ Академіи Наукъ, мнѣ встрѣчались разныя свѣдѣнія о началѣ и продолженіи изданія «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Несмотря на отрывочность ихъ, въ нихъ можно найти отвѣты на высказанные выше вопросы, почему свѣдѣнія эти, при помощи нѣкоторыхъ, уже изданныхъ матеріаловъ, разработаны въ настоящей статьѣ.

Со втораго года существованія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», т. е. въ 1728 году, при нихъ, въ видѣ приложеній, стали издаваться отъ Академіи Наукъ такъ-называвшіяся «Примѣчанія». Здѣсь помѣщались статьи самаго разнороднаго содержанія, оригинальныя и переводныя, но непремѣнно изложенныя, конечно для своего времени, легко и понятно, стало быть доступно для большинства читателей. Эти «Примѣчанія» прекратились въ смутное для Академіи Наукъ время въ 1742 году и потомъ болѣе не

возобновлялись; тѣмъ не менѣе они такъ пришлись по вкусу читателей, что долгое время спустя ихъ перепечатали и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Объ нихъ вспомнили и при основаніи перваго русскаго учено-литературнаго журнала.

22 ноября 1754 года, непремѣнный секретарь и академикъ Миллеръ, который въ 1728 г. первый придумалъ издавать вышепомянутыя литературныя прибавленія къ «Петербургскимъ Вѣдомостямъ», заявилъ въ академическомъ засѣданіи предложеніе президента Академіи, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго объ изданіи въ предстоявшемъ 1755 году ученаго періодическаго журнала (de ephemeride quadam erudita) на русскомъ языкѣ по образцу издававшихся прежде «Примѣчаній» къ Вѣдомостямъ. Академикамъ предоставлялось обсудить, быть ли предположенному журналу ежемѣсячнымъ или еженедѣльнымъ, а также рѣшить и о статьяхъ, долженствовавшихъ войти въ составъ его.

Академики единогласно признали всю полезность подобнаго изданія для любителей чтенія, и каждый обѣщалъ свое сотрудничество по тѣмъ наукамъ, которыми занимался. Вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено: журналу быть ежемѣсячнымъ, такъ какъ этотъ срокъ признавался болѣе удобнымъ для того, чтобы не разбивать всякой объемистой статьи на нѣсколько; допустить къ сотрудничеству въ журналѣ лицъ, хотя бы и не принадлежащихъ къ Академіи, но посвятившихъ себя литературѣ [1]); исключить вовсе изъ журнала статьи богословскія и вообще всѣ, касающіяся до вѣры, а равнымъ образомъ статьи критическія или такія, которыми могъ бы кто-нибудь оскорбиться [2]).

Нѣкоторое разнорѣчіе въ мнѣніяхъ обнаружилось, однако, при подписаніи протокола. Ломоносовъ высказалъ тогда мысль, что статьи, предназначенныя въ журналъ, надлежало, прежде изданія

---

[1]) Utile enim visum cuilibet litterarum cultori, etiam extra Academiam pro suis ingenii partubus dummodo ita ut decet comparati sint locum permittere.

[2]) Exilent quoque omnia scripta critica vel quae aliquo modo famam alicujus laedere aut contra aliquem scripta videri possint.

въ свѣтъ, представлять въ академическое собраніе. Тредіаковскій, соглашаясь съ распоряженіями, изложенными въ протоколѣ, возразилъ противъ Ломоносова, что представленіе статей на предварительный просмотръ можетъ подать поводъ къ пререканіямъ и напрасной тратѣ времени [1]).

Надобно думать, что возбужденный Ломоносовымъ о предварительной цензурѣ журнала вопросъ въ началѣ не обратилъ на себя особеннаго вниманія; по крайней мѣрѣ о немъ пройдено вовсе молчаніемъ въ предложеніи академическому собранію, данномъ отъ имени графа Разумовскаго 12 декабря 1754 года. Здѣсь давалось знать академикамъ, что, согласно ихъ заключенію, будетъ издаваться на русскомъ языкѣ журналъ, подъ названіемъ «Санктпетербургскія академическія примѣчанія» и что «сіе дѣло поручается подъ смотрѣніе секретарю конференціи», т. е. Миллеру. Онъ обязывался заботиться о статьяхъ для журнала и соблюденіи порядка при доставленіи ихъ отъ академиковъ. Въ случаѣ недостатка такихъ статей, книжку журнала дозволялось «дополнять какимъ ни есть переводомъ чьимъ бы то ни было, или стихами, въ которыхъ, по усмотрѣнію, соединено будетъ полезное забавному». Очевидно, что журналъ предназначался исключительно для большинства читающей публики, такъ какъ именно было оговорено: «изъ высокихъ наукъ, яко-то: изъ астрономическихъ наблюденій и изчисленій, изъ физики, математическими вычетами изъясняемой, изъ анатомическихъ примѣчаній, которыхъ разумѣть невозможно безъ знанія совершеннаго самой анатоміи, и ничего тому подобнаго въ помянутыя книжки не вносить» [2]).

Того же 12 декабря, графъ Разумовскій далъ знать академической канцеляріи, что съ 1755 года отъ академическаго со-

---

[1]) Tamet si huic conventui interesse non potui, писалъ Тредіаковскій, propter adversam valetudinem; tamen sententiae omnium collegarum subscribo lubens. Neque tamen censeo, ut scripta collegarum ante editionem legantur in conventu, id que propterea, ne detur ansa altercationibus neve fiat iactura temporis. См. латинскіе протоколы конференціи за 1754 годъ въ академическомъ архивѣ ея.

[2]) III портфель историографа Миллера «Матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ 1751—1764 годовъ» въ архивѣ академической конференціи.

бранія будутъ издаваться ежемѣсячно «книжки на россійскомъ языкѣ, подъ именемъ «Санктпетербургскія примѣчанія» въ числѣ 2000 экземпляровъ [1]); что для печатанія ихъ долженъ быть назначенъ особый типографскій станъ въ полное распоряженіе Миллера, и что, наконецъ, каждая книжка журнала «по примѣру газетовъ» должна была раздаваться изъ книжной лавки въ послѣднюю почту мѣсяца. Надобно напомнить, что въ описываемое время академическая канцелярія съ Шумахеромъ, Тепловымъ и Таубертомъ не только управляла самовластно всѣми хозяйственными дѣлами Академіи, но постоянно вмѣшивалась и въ ученыя занятія ея членовъ. Миллеръ чаще другихъ академиковъ имѣлъ по этому поводу столкновенія съ канцеляріею, а потому, взявъ на себя изданіе журнала, вѣроятно самъ выговорилъ условіе — невмѣшательство канцеляріи въ это дѣло. По крайней мѣрѣ графъ Разу-

---

[1]) Въ первый годъ существованія Ежемѣсячныхъ сочиненій расходилось каждый мѣсяцъ отъ 600 до 700 экземпляровъ; въ послѣдующіе годы они распродавались отъ 500 до 700 экз.; по этому въ январѣ 1758 года академическая канцелярія велѣла печатать журнала въ количествѣ 1250 экземпляровъ. «А дабы отъ прежнихъ лѣтъ остающіеся, сверхъ ординарнаго завода, 800 экз., яко впередъ имѣющій уже быть дефектъ совсѣмъ въ макалатуру не обратились и отъ того не послѣдовалъ напрасный казенный убытокъ, того ради гг. присутствующіе въ канцеляріи за благо разсудили оныя мѣсячныя сочиненія считать особливою (книжкою?) и окончить декабремъ мѣсяцемъ прошлаго 1757 года, а нынѣшняго 1758 года печатать продолженіе издаваемыхъ разныхъ матерій подъ инымъ приличнымъ титуломъ...» (Архивъ академической канцеляріи, картонъ № 18 и книга № 228). Съ 1758 года дѣйствительно нѣсколько измѣнено заглавіе журнала, а именно: «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія», тогда какъ прежне заглавіе было: «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія». Впрочемъ это измѣненіе въ заглавіи было единственною перемѣною, и все прочее въ журналѣ оставлено въ прежнемъ видѣ. Въ 1763 и 1764 годахъ онъ назывался «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ». Распоряженіе канцеляріи впослѣдствіи оказалось, однако, не совсѣмъ разсчетливымъ: журналъ сохранилъ и послѣ цѣнность книги и находилъ покупателей, такъ-что пришлось дѣлать второе его изданіе годовъ 1758—1762. Замѣтимъ кстати, что многіе жалуются на чрезвычайную рѣдкость, напримѣръ Оренбургской топографіи Рычкова и нѣкоторыхъ статей Миллера, не воображая, что онѣ напечатаны въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», которыя и донынѣ есть въ продажѣ въ книжномъ складѣ при Академіи Наукъ. Все изданіе 1755—1764 годовъ въ двадцати томахъ стоитъ нынѣ 15 рублей.

мовскій въ помянутомъ ордерѣ канцеляріи предписывалъ: «а о сочиненіяхъ, входящихъ въ помянутыя ежемѣсячныя книжки, и переводахъ и наблюденіи въ томъ порядка особливымъ ордеромъ отъ меня приказано въ собраніе академическое...»

На запросъ канцеляріи объ объемѣ книжки журнала, что́ было нужно при назначеніи годовой цѣны его по подпискѣ, Миллеръ, 16 декабря 1754 года, отвѣчалъ, что каждая книжка будетъ заключать въ себѣ кругомъ 6 листовъ; а какъ при нихъ иногда будетъ необходимо помѣщать гравюры, то, по мнѣнію Миллера, было необходимо «положить напримѣръ за каждый мѣсяцъ по 15 коп., что̀, кажется, для читателей будетъ не дорого, а для Академіи не убыточно...» Получивъ такой отзывъ, канцелярія сдѣлала слѣдующій примѣрный разсчетъ издержкамъ на журналъ по типографіи:

«За наборъ съ листа по 3 руб., а за 6 листовъ. . . .	18 р.	—
«За напечатаніе съ листа по 1 коп., а за 6 листовъ.	—	6 к.
«За бумагу по деньгѣ за листъ.	—	3 »
Итого . .	18 р.	9 к.

«А чрезъ цѣлый годъ, т. е. всѣ 12 выходовъ учинятъ 217 р. 8 к.

«Ежели оной будетъ печатано 2000 экземпляровъ, то обойдется экземпляръ каждаго мѣсяца, состоящій въ 6 листахъ, по $8^1/_2$ копеекъ, а чрезъ весь годъ по 1 р. 2 к.»

Впослѣдствіи времени годовая цѣна журналу была назначена въ 2 рубля, слѣдовательно дешевле «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», за которыя годовые подписчики платили 2 руб. 50 коп. Сверхъ этого разсчета, въ канцеляріи академической было постановлено: 1) нужныя при изданіи журнала иностранныя періодическія сочиненія выдавать Миллеру изъ книжной академической лавки, а тѣхъ, которыхъ тамъ не будетъ на лицо, выписывать изъ за-границы на счетъ Академіи Наукъ. 2) Не печатать въ журналѣ ни одной статьи безъ разрѣшительной подписи Миллера [1]).

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 194.

14 декабря 1754 года, Миллеръ прочиталъ въ академическомъ собраніи приготовленное имъ предисловіе къ первой книжкѣ журнала, которое и было выслушано безъ возраженій со стороны академиковъ [1]). Но мѣсяцъ спустя (11 января 1755 года), Ломоносовъ потребовалъ къ себѣ въ корректурѣ заглавный листъ и предисловіе журнала и заявилъ въ академическомъ собраніи, «что сей титулъ и предисловіе при дворѣ Ея Императорскаго Величества очень раскритикованы и надлежитъ-де оба перемѣнить. А особливо о титулѣ сказалъ онъ, что хотя назвать книгу санктпетербургскими штанами, то сіе таковожъ прилично будетъ, какъ имя «Примѣчаній», потому что и стихи вноситься будутъ, а стихи-де не примѣчанія». Миллеръ возражалъ, что журналу дано заглавіе по латинской пословицѣ a potiori fit denominatio, но Ломоносовъ тѣмъ не удовлетворился и приступилъ къ разбору предисловія. Уже на первой строкѣ ему не понравилось выраженіе «ученые журналы», Миллеръ, по свидѣтельству Шлецера, въ спорахъ съ своими противниками отличался не столько уступчивостью, сколько язвительностью, и, защищая въ настоящемъ спорѣ помянутое выраженіе, примолвилъ: «ежели г. Ломоносовъ то не знаетъ, то надлежитъ-де ему поучиться!» Эти слова окончательно разсердили Ломоносова, и онъ сталъ упрекать Миллера, что онъ его посылаетъ учиться въ школу, «а онъ-де человѣкъ такой, что ему-де съ нимъ равняться никакъ не возможно»! При этомъ Ломоносовъ утверждалъ, что на иностранныхъ языкахъ можно сказать Journal litteraire, Gelehrte Zeitungen, но по русски такъ не говорится. Въ споръ вмѣшался другой недругъ Ломоносова, Тредіаковскій: этотъ утверждалъ, что если говорятъ: ученое собраніе, ученыя дѣла, ученыя письма, то стало быть можно сказать и ученый журналъ. По свидѣтельству Миллера, въ продолженіе этихъ пререканій, ему много досталось отъ Ломоносова «безчестныхъ порицаній», о которыхъ онъ умалчиваетъ только «для краткости». Свое донесеніе президенту Акаде-

[1]) Протоколы академической конференціи за 1754 годъ.

міи объ этомъ событіи Миллеръ оканчиваетъ догадкою, что «можетъ быть г. Ломоносовъ не доволенъ тѣмъ, что дѣло сіе положено на меня, и онъ развѣ думаетъ, что онъ гораздо лучше оное исправить можетъ». Въ такомъ случаѣ конференцъ-секретарь предлагалъ возложить на Ломоносова обязанности по изданію журнала, «токмо, чтобъ онъ обязался, что за нимъ никогда остановки не будетъ...» Если же журналъ останется въ рукахъ его, Миллера, то онъ просилъ, чтобы ему быть внѣ зависимости отъ критики Ломоносова, такъ какъ у него съ нимъ «великая ссора была» по поводу диссертаціи о происхожденіи руссовъ [1]).

По отпечатаніи первой книжки журнала [2]), который вслѣдствіе указанія Ломоносова на неточность первоначально даннаго заглавія, сталъ выходить подъ титуломъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», Миллеръ, 26 января 1755 года, писалъ къ графу Разумовскому, что для изданія журнала хотя и предполагалось назначить въ распоряженіе Миллера всѣхъ студентовъ, переводчиковъ и магистровъ, однако на дѣлѣ переводами для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» занимаются только два студента, за работами которыхъ наблюдалъ самъ Миллеръ. «Корректуры хотя правитъ корректоръ Барсовъ, однако осталось бы много погрѣшностей, ежели бы я, продолжаетъ Миллеръ, за оными не смотрѣлъ, понеже подлинники не всѣ такъ ясно и исправно написаны, чтобъ кто, не разумѣющій матеріи, по онымъ исправлять могъ. А сочинять, и переводы править и за корректурами смотрѣть для одного человѣка, хотя сколько охотно я все то дѣлаю, не надежно. Того ради необходимо кажется, чтобъ еще кто другой опредѣленъ былъ для исправленія какъ переводовъ, такъ и корректуръ, и чтобъ

---

[1]) Черновое донесеніе, все писанное рукою Миллера хранится въ III-мъ портфелѣ его: «Матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ» 1751 — 1764 годовъ, и напечатано г. В. Ламанскимъ въ его «Ломоносовъ и петербургская Академія Наукъ», Москва, 1865 г., стр. 98 — 100.

[2]) О выходѣ ея въ свѣтъ Шумахеръ, академическій совѣтникъ, писалъ 11 февраля 1755 года къ знаменитому Ейлеру, прекрасно знавшему русскій языкъ: «Наши русскія ежемѣсячныя сочиненія воспріяли свое начало. Первый мѣсяцъ ихъ имѣю честь здѣсь представить. Удержатся ли они — это покажетъ время: при теперешнихъ обстоятельствахъ трудно угодить на каждаго...»

былъ россійской націи и изъ профессоровъ, чтобъ совершенно на него полагаться было можно, и чтобъ всѣ переводчики и магистры и къ переводамъ опредѣленные студенты точно по его приказамъ и то въ скоромъ времени исполняли» [1]). Неизвѣстно, послѣдовало ли тогда какое нибудь распоряженіе по этому ходатайству Миллера, только впослѣдствіи, именно въ 1759 г. «для поправокъ штиля» статьи «Ежемѣсячныхъ сочиненій» въ рукописи должны были посылаться къ академику Никитѣ Попову [2]).

Въ концѣ 1760 года, Миллеръ снова представлялъ графу Разумовскому, что на немъ одномъ лежитъ изданіе журнала: изъ прочихъ академиковъ мало кто доставлялъ статьи, а переводчики и корректоры такъ плохо исполняли свое дѣло, что Миллеру приходилось все исправлять самому.

«И всѣ сіи неизчетные труды принялъ я на себя, писалъ редакторъ, и исправлялъ уже близко шести лѣтъ не по моей должности, но только стараясь чрезъ то угождать вашему высокографскому сіятельству и для общей пользы, потому что я увидѣлъ, что при Академіи нѣтъ никого, кто бы хотѣлъ такіе труды взять на себя, и ежели бы я оные не исправлялъ, то конечно было бы отъ того опасаться остановки въ толь полезномъ дѣлѣ, или по крайней мѣрѣ лишенія пользы для читателей; также неминуемаго нареканія Академіи, ежели худые и съ оригиналами не согласные переводы, еще и съ прибавкою безчисленныхъ типографскихъ погрѣшностей въ свѣтъ окажутся. Что же сіе дѣло не надлежитъ до настоящей моей должности, которою я Академіи обязанъ, оное явствуетъ потому, что отъ иностраннаго человѣка требовать не можно, чтобъ онъ зналъ по русски въ такой градусъ, чтобъ издавать книги на россійскомъ языкѣ, а меньше того, чтобъ онъ поправлялъ переводы, русскими переводчиками чиненные; да еще меньше, чтобъ человѣкъ моего званія исполнялъ должность типографскаго корректора, что̀ совсѣмъ противно добропорядочной эконо-

[1]) III-й портфель Миллера, «Матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ».
[2]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 242.

міи, которая учитъ, чтобъ человѣка, на большомъ жалованьѣ служащаго, не употребить (sic) къ такимъ дѣламъ, которыя кто на меньшемъ жалованьи отправлять можетъ. Между тѣмъ во все оное время, что издаваніемъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» я упражняюсь, не упустилъ я и ничего того, что до настоящихъ моихъ должностей, яко конференцъ-секретаря и исторіографа, слѣдуетъ, чему самыя мои дѣла свидѣтели, которыя при Академіи всякому извѣстны» [1])...

Это представленіе имѣло послѣдствіемъ то, что графъ Разумовскій въ ордерѣ академической канцеляріи, 23 октября 1760 года, писалъ: «профессоръ и исторіографъ г. Миллеръ, будучи при конференціи академической секретаремъ, отправляетъ всѣ сіи три должности съ похвалою; а сверхъ того съ немалымъ трудомъ въ поправкѣ, въ переводахъ и собственныхъ сочиненіяхъ ежемѣсячныя книжки издаетъ въ печать и симъ образомъ заслуживаетъ поощренія и впредь къ таковымъ же трудамъ. Того ради чрезъ сіе рекомендую ему, г. Миллеру, продолжать все сіе съ прежнимъ раченіемъ не токмо по должности секретаря академическаго и исторіографа, но и въ изданіи въ печать «Ежемѣсячныхъ сочиненій», въ которыхъ наппаче стараться онъ долженъ, чтобъ матеріи вносимы были для публики важнѣйшаго содержанія...» За тѣмъ слѣдовало распоряженіе о прибавкѣ Миллеру къ годовому его жалованью 200 рублей.

До самаго конца изданія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» Миллеръ не переставалъ жаловаться на малое содѣйствіе ему въ этомъ дѣлѣ... «Текущихъ дѣлъ толь много, писалъ онъ къ Соймонову, 17 іюня 1764 года, что едва оныхъ сносить могу. Ваше превосходительство едва себѣ представите, что и реестры полугодовые къ сочиненіямъ, за неимѣніемъ никакой помощи, я же сочиняю. Просилъ я не токмо г. президента, но и самую всемилостивѣйшую Государыню, чтобъ секретарскую должность съ меня снять и из-

[1]) Черновое, неоконченное донесеніе Миллера въ III-мъ портфелѣ его «Матеріаловъ къ исторіи Академіи Наукъ».

даванія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» (къ коимъ однакожъ матеріи подавать я обѣщалъ) приказать другому, дабы мнѣ упражняться въ одной исторіи и географіи россійской; но не могъ я получить желанное, истощая силы свои по бо̀льшей части на дѣла, которыя многіе другіе исправлять могли, а самое важное за тѣмъ остается [1])...»

1 января 1765 года, Императрица Екатерина II, по докладу Бецкаго, назначила Миллера въ Москву главнымъ надзирателемъ въ тамошній Воспитательный Домъ [2]). Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, исторіографъ (27 февраля 1765 года) напоминалъ, между прочимъ, академической канцеляріи, что онъ весьма бы желалъ о безостановочномъ и безъ него продолженіи изданія «Ежемѣсячныхъ сочиненій», для чего и обѣщалъ доставить на цѣлый годъ содержанія для нихъ, а въ слѣдующіе годы содѣйствовать этому дѣлу; «но, прибавляетъ онъ, охотника къ принятію на себя труда изданія между господами членами не сыскалось; да сверхъ того, г. статскій совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ продолженіе «Ежемѣсячныхъ сочиненій» *оспорилъ*, и на мѣсто оныхъ предложилъ изданіе экономическихъ и физическихъ сочиненій по четвертямъ года, на что всѣ члены согласились. Но кому быть издателемъ оныхъ, того не опредѣлено, и учинено ли тому начало неизвѣстно...» На подлинномъ представленіи Миллера Ломоносовъ написалъ противъ слова *оспорилъ:* «Опять грубость и клевета: иное предложить, а иное оспорить [3])!»

На это предложеніе Миллера, академическая канцелярія (28 февраля 1765 года) отвѣчала распоряженіемъ: «изъ академическаго собранія требовать отъ каждаго письменнаго объявленія, намѣренъ ли кто одинъ собою, или согласясь съ нѣкоторыми другими членами, продолжать «Ежемѣсячныя сочиненія», или быть издавателемъ предложенныхъ вновь г. статскимъ совѣтникомъ

---

[1]) V портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1763—1764 годовъ.

[2]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 288.

[3]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 737.

Ломоносовымъ экономическихъ и физическихъ сочиненій [1])...» Въ современныхъ бумагахъ не отыскано отвѣта академическаго собранія, но и безъ него положительно извѣстно, что послѣ Миллера не издавались «Ежемѣсячныя сочиненія», а равнымъ образомъ не выходило въ свѣтъ такого періодическаго изданія, какое предлагалъ Ломоносовъ. 9 октября 1766 года Миллеръ, поздравляя Ейлера, старѣйшаго изъ академиковъ по заслугамъ и лѣтамъ, съ пожалованіемъ ему дома отъ Императрицы Екатерины II, писалъ: «но когда же я получу извѣстіе, что въ Академіи произошли дѣйствительныя улучшенія? Объ этомъ я, конечно, вздыхаю также сильно, какъ и всякой, ежедневно видящій настоящее положеніе ея. Скоро ли буду имѣть я случай и въ этомъ принести вамъ покорнѣйшее мое поздравленіе? Дѣло идетъ не объ одной Академіи, но и о рѣшительномъ преобразованіи такъ называемыхъ университета и гимназіи; въ особенности послѣднюю необходимо на столько улучшить, чтобы и значительные родители отдавали въ нее на воспитаніе своихъ дѣтей. За тѣмъ главный предметъ заботъ — пріуготовительная школа (Pflanz Schule), въ которой бы образовывались переводчики полезныхъ книгъ. Нынѣ недостатокъ въ нихъ не вѣроятенъ: сколько терзался я, издавая въ продолженіи десяти лѣтъ русскій журналъ? Безъ сомнѣнія по этой причинѣ никто не нашелся, чтобы продолжать его [2]).»

Было замѣчено выше, что въ предварительныхъ распоряженіяхъ объ изданіи «Ежемѣсячныхъ сочиненій» допускалось сотрудничество писателей, не принадлежавшихъ къ Академіи. Въ прошломъ столѣтіи не было въ обычаѣ платить журнальнымъ сотрудникамъ за ихъ литературные труды. Впрочемъ, несмотря на то, а также, что въ тѣ времена считалось особеннымъ почетомъ ви-

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 288.

[2]) VI портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1765—1766 годовъ.

дѣть въ печати свои сочиненія, можно примѣтить зародышъ будущаго права на вознагражденіе за журнальную статью, какъ за всякую другую работу. Такъ напримѣръ, по истеченіи перваго года существованія журнала, Миллеръ писалъ (3 февраля 1756 года) въ академическую канцелярію: «извѣстился я, что нѣкоторые господа, внѣ Академіи сотрудившіеся при издаваніи «Ежемѣсячныхъ сочиненій», ожидаютъ того, чтобъ имъ отъ Академіи подарено было по экземпляру оныхъ сочиненій въ хорошемъ переплетѣ, (а потому) не могъ я оставить, чтобъ о томъ не упоминать (sic) какъ для справедливости онаго ожиданія, такъ и для чести Академіи и для побужденія оныхъ господъ впредь къ сотрудненію (sic)...» Миллеръ при этомъ случаѣ назвалъ слѣдующихъ изъ своихъ постороннихъ сотрудниковъ: бригадира Сумарокова, маіора Елагина (Ивана Перфильевича), титулярнаго совѣтника Хераскова, поручика Нартова (Андрея) и сухопутнаго кадетскаго корпуса капрала Порошина (автора извѣстныхъ Записокъ о Павлѣ Петровичѣ). Канцелярія нашла это ходатайство вполнѣ уважительнымъ и сдѣлала распоряженіе о переплетѣ и выдачѣ по принадлежности требованныхъ экземпляровъ журнала [1]).

Выдача автору извѣстнаго количества отдѣльныхъ оттисковъ его статьи считалась также вознагражденіемъ. Такъ Миллеръ 7 марта 1757 г. представлялъ, что за доставленное для журнала сочиненіе «г. Полетика требуетъ... обыкновенное награжденіе сто экземпляровъ, которые напечатать особливо... А по моему мнѣнію надобно тѣмъ наибольше удовольствовать г. сочинителя, что на то почти больше не потребно, какъ только бумаги, и оное можетъ служить другимъ для возбужденія [2])...»

Дѣятельнѣйшему изъ своихъ постороннихъ сотрудниковъ П. Рычкову, Миллеръ постоянно высылалъ Вѣдомости, календарь и разныя академическія изданія. Присылка новыхъ книгъ продолжалась и послѣ прекращенія «Ежемѣсячныхъ сочиненій», и Рыч-

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 207.

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 321.

ковъ однажды (1 августа 1769 года), благодаря за то Миллера, писалъ: «Я ни отъ кого книгъ нынѣ не получаю, да и газетъ такъ, какъ при васъ бывало, отъ Академіи не присылаютъ же. Признаюсь вамъ, какъ моему милостивцу и другу, что тѣмъ и охота моя трудиться для Академіи нѣсколько уменьшилась. Мало такихъ людей въ свѣтѣ, чтобъ безъ всякаго воздаянія трудились [1])...»

Несмотря на скудость въ произведеніяхъ оригинальныхъ, Миллеръ, однако, не печаталъ подъ рядъ всего, что ему доставлялось для помѣщенія въ «Ежемѣсячныя сочиненія». Въ подтвержденіе тому сохранились извѣстія о пререканіяхъ его съ Тредіаковскимъ. Двѣ прозаическія статьи и одно стихотвореніе послѣдняго были напечатаны въ началѣ существованія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» (въ 1755 году); но потомъ Миллеръ сталъ отказывать Тредіаковскому въ помѣщеніи его произведеній, а между тѣмъ этотъ приготовилъ было разсужденіе «Объ окончаніи нашихъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ именъ» [2]), пять разсужденій «О всей силѣ нравоучительныя философіи», также «Объ окончаніи собственныхъ нашихъ именъ женскихъ съ греческихъ и латінскихъ на асъ и на ісъ». «Піеса стішками о выборѣ невѣсты, врученная самому его графскому сіятельству, которая не неосновательною мнѣ, говорилъ самъ Тредіаковскій, казалась, уничтожена жъ. Аллегоріческая нѣкоторая басенка стіхами безъ ріомъ, которую двое изъ бывшихъ тогда въ собраніи членовъ аппробовали, а двое отреклись незнаніемъ силы въ стіхахъ россійскихъ, и которыя печатаніе далъ на волю его графское сіятельство, уничтожена жъ». Тогда Тредіаковскій, по его словамъ, обратился къ Миллеру съ требованіемъ объясненія: «по какой бы онъ власти, и по чьему повелѣнію, лишаетъ меня моего законнаго права, тѣмъ, что моихъ піесъ не принимаетъ отъ меня въ книшки, и аппробованныхъ не печатаетъ? Но онъ мнѣ на то съ презрѣніемъ,

---

[1]) XXV портфель писемъ къ Миллеру отъ разныхъ лицъ.

[2]) Статья эта напечатана въ Запискахъ Академіи Наукъ 1865 г., т. VIII, прил. № 7: «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова», стр. 102 и слѣд.

какъ бутто должнымъ уже и заслуженнымъ, отвѣтствовалъ при всемъ же собраніи, что не долженъ мнѣ ничего сказать, сколько бъ я его ни спрашивалъ. Гдѣ жъ то узаконено, продолжаетъ Тредіаковскій, чтобъ члену секретарь не долженъ былъ ничего сказывать? Трудно бъ терпѣть и великодушному человѣку, бывшему на моемъ мѣстѣ. Однако, я извнѣ замолчалъ, а внутри раздирался на части!...»

Такая неудача въ помѣщеніи своихъ произведеній въ журналѣ навела Тредіаковскаго на мысль, что Миллеръ не исполняетъ его желаній изъ личнаго нерасположенія къ нему, почему стихотворецъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ поручилъ Андрею Нартову, усердному вкладчику статей въ «Ежемѣсячныя сочиненія», передать свои статьи редактору отъ имени Нартова, о чемъ такъ разсказываетъ: «сочинилъ я оду, назвавъ ее Вешнее Тепло, и тѣмъ утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквахъ [1]), да и вручилъ конференцъ-секретарю посторонними руками. Расхвалена сія ода, и въ книшкахъ напечатана [2]). Хотя жъ мнѣ и посчастилось (sic) въ подставѣ чужаго автора; однако сей самый успѣхъ низвергъ меня почитай въ отчаяніе: ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои. Сіе самое испыталъ я и еще двѣмя пошлыми піесами, изъ которыхъ первая о беспорочности и пріятности деревенскія жизни, а другая о шолкѣ и червяхъ шолковыхъ. Первая оная такъ типографщиками изгажена, что я въ сомнѣніе пришелъ, не нарочно ли сіе здѣлано для безчестія мнѣ, можетъ быть почувствовавши, что она моя [3]). Писалъ я для того письмо къ издателю, и жаловался, что такъ дурно и развращенно съ сочиненіемъ моимъ по-

---

[1]) В, Т = Василій Тредіаковскій.

[2]) Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» за май 1756 г., стр. 469 — 477.

[3]) Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» іюль, 1757 года, стр. 66 — 88. Въ отчетѣ канцеляріи о статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ мѣсяцѣ, Миллеръ замѣтилъ: «О безпорочности и пріятности деревенскія жизни» — сочинилъ невѣдомо кто, а мнѣ отдалъ артиллеріи поручикъ г. Нартовъ». См. архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

ступлено; но онъ, свѣдавъ уже подлиннѣе о мнѣ, уничтожилъ токмо вторую, хотя и прошена была назадъ, о шолкѣ...»

Отказъ помѣщать статьи въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ эпиграммы, сыпавшіяся на Тредіаковскаго за то, что онъ считалъ болѣе правильнымъ писать, напримѣръ добры*и* люди, вѣрны*и* счеты, а не добрые люди, вѣрные счеты, и т. д., сильно огорчали этого писателя, и три года спустя, воспоминая о томъ, онъ писалъ: «Послѣ сего, ненавидимый въ лице, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искуствѣ, прободаемый сатіріческими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и во нравахъ (что сего безсовѣстнѣе?) оглашаемый, все жъ то или по злобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или наконецъ по собственной потребности, чтобъ употребляющаго меня праведно, и съ твердымъ основаніемъ *и* въ окончаніяхъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ цѣлыхъ, всемѣрно низвергнуть въ пропасть безславія, всеконечно ужé изнемогъ я въ силахъ къ бодрствованію [1])...»

Сумароковъ помѣщалъ свои произведенія въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» четыре года, но потомъ съ 1759 года ихъ болѣе въ журналѣ не встрѣчается. Правда, что Сумароковъ въ 1759 году издавалъ свой собственный журналъ; но, вѣроятно, между нимъ и Миллеромъ произошло также что-нибудь подобное тому, что случилось съ Тредіаковскимъ, потому что Ломоносовъ, въ письмѣ къ И. И. Шувалову 19 января 1761 г., говорилъ о Сумароковѣ: «Тауберта и Миллера для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы [2])».

Кромѣ писателей, помѣщавшихъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» свои статьи, какъ любители литературы, желавшіе стязать себѣ писательскую извѣстность, у Миллера были сотрудники по

---

[1]) Записки Академіи Наукъ, т. IX, 1866 г., кн. 2, прилож. къ протоколамъ, стр. 178, 179.

[2]) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, т. I, 686.

обязанности, назначенные академическимъ начальствомъ. Они болѣе первыхъ трудились и доставляли статей для журнала, но имена этихъ рядовыхъ тружениковъ остаются неизвѣстными, потому что подписывали, даже не исключая и переводовъ, только посторонніе литераторы, быть можетъ потому, что они дѣлали нѣкоторымъ образомъ одолженіе помѣщеніемъ своихъ трудовъ и хотѣли непремѣнно повѣдать міру, что и они писатели. Изъ вышеприведенныхъ словъ Миллера можно замѣтить, что онъ постоянно жаловался и былъ недоволенъ своими академическими сотрудниками. Эти жалобы и недовольство невозможно считать безусловно справедливыми, когда припомнишь то, что говоритъ о характерѣ исторіографа Шлецеръ: «самъ неутомимо трудолюбивый и точный во всемъ, Миллеръ хотѣлъ вышудить оба эти качества и у всѣхъ прочихъ. Каждый, имъ придуманный проектъ долженствовалъ — такъ какъ онъ считалъ его хорошимъ и по бо́льшей части всѣ они дѣйствительно были таковыми — быть осуществленнымъ во что бы то ни стало [1])». Впрочемъ, даже если и допустить, что Миллеръ справедливо говорилъ о маломъ содѣйствіи въ изданіи журнала, то все таки безыменные сотрудники его не заслуживаютъ полнаго забвенія.

О писателяхъ, пользовавшихся бо́льшею или мѣньшею извѣстностью, обыкновенно собираются и сохраняются разныя свѣдѣнія, которыя впослѣдствіи дѣлаются достояніемъ исторіи литературы; но одновременно съ такими немногими избранниками подвизаются на литературномъ поприщѣ множество тружениковъ, осужденныхъ послѣ жизни, по бо́льшей части переполненной всевозможными лишеніями и невзгодами, на совершенное забвеніе. Какъ ни ничтожна по своимъ послѣдствіямъ писательская дѣятельность такихъ лицъ, когда разсматривать ее отдѣльно самоё по себѣ, тѣмъ не менѣе однако произведенія этой дѣятельности составляютъ нераздѣльную часть той массы умственной производительности, которая есть литература данной эпохи. Въ литературной дѣятельно-

[1]) A. L. Schlözer's Leben von ihm selbst beschrieben, стр. 29.

сти писателей безвѣстныхъ также отражаются духъ своего времени, потребности и направленіе общества, равно какъ и средства, бывшія въ его распоряженіи для удовлетворенія или осуществленія ихъ. Поэтому было бы крайне одностороннимъ со стороны историка литературы, когда бы онъ, при изученіи той или другой эпохи, сталъ ограничиваться разысканіями объ однѣхъ литературныхъ знаменитостяхъ. Какъ бы ни были разнообразны и богаты достоинствами сочиненія извѣстныхъ писателей, какъ бы ни была переполнена жизнь ихъ многообразными приключеніями, въ сочиненіяхъ ихъ никогда не выскажутся всѣ идеи, которыми жило общество въ данную минуту своего существованія; въ ихъ жизни не отразится жизни цѣлаго общества со всѣми ея разнообразными уклоненіями и кажущимися исключеніями изъ общаго правила. Чтобы добыть цѣльную картину прошлаго въ литературѣ, не возможно упускать изъ виду писателей второстепенныхъ и даже не пользовавшихся никакою извѣстностью. Если не въ произведеніяхъ, то въ жизни ихъ найдется много поучительнаго и такого, что уясняетъ позднѣйшему изслѣдователю неразгаданное и темное въ исторіи литературы. По этимъ-то основаніямъ, читатель встрѣтится въ настоящей статьѣ, конечно въ первый разъ, съ подробностями о безвѣстныхъ сотрудникахъ перваго русскаго журнала, на сколько было возможно собрать ихъ при помощи уцѣлѣвшихъ архиварныхъ извѣстій.

По выходѣ въ свѣтъ первой книжки «Ежемѣсячныхъ сочиненій», президентъ Академіи Наукъ, графъ Разумовскій сдѣлалъ (30 января 1755 г.) такое распоряженіе: «адъюнкту Осипу Шестаковскому съ прочими быть ежедневно при переводахъ подъ вѣдомствомъ г. секретаря конференціи и профессора Миллера, и порученныя ему отъ него дѣла переводить непремѣнно въ конференціи, а не на квартирѣ [1])...»

Жизнь адъюнкта Шестаковскаго была полна разнообразныхъ приключеній: онъ происходилъ изъ смоленской шляхты, а

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 194.

потому называлъ себя въ прошеніяхъ «человѣкомъ иностраннымъ»; сначала учился въ московской словено-греко-латинской Академіи, гдѣ «ходилъ на реторику»; въ 1740 году очутился уже въ Петербургѣ и посѣщалъ лекціи академиковъ; потомъ перешелъ въ шляхетскій сухопутный корпусъ, наконецъ служилъ унтеръ-офицеромъ и сержантомъ въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку. 6 іюня 1751 года Академія Наукъ неожиданно получила промеморію изъ полковой канцеляріи сейчасъ названнаго полка, въ которой давалось знать, что:... «минувшаго мая 26 дня, по конфирмаціи на поданномъ ея императорскаго величества отъ полку лейбъ-гвардіи семеновскаго докладѣ, всемилостивѣйше пожалованъ онаго полку сержантъ Іосифъ Шестаковскій, по его искусству наукъ, въ де-сіансъ Академію адъюнктомъ съ рангомъ капитанскимъ...» Академическая канцелярія распорядилась «освидѣтельствовать» новаго адъюнкта въ наукахъ и языкахъ. Вслѣдствіе того, академики Браунъ и Тредіаковскій отозвались, что «мы съ г. адъюнктомъ Шестаковскимъ разговаривали, а по разговору о философіи, реторикѣ и поэзіи явилось, что оный г. адъюнктъ о сихъ наукахъ говорить не могъ много, объявивъ въ причину тому малое въ нихъ упражненіе при бывшей его военной службѣ...» Въ геометріи и фортификаціи у него, впрочемъ, оказались нѣкоторыя свѣдѣнія; при томъ онъ могъ переводить съ латинскаго языка. Самъ Шестаковскій, послѣ академическаго испытанія, просилъ канцелярію о дозволеніи, за невозможностью ему исполнять адъюнктскую обязанность согласно регламенту Академіи, «оставить меня при философіи, къ которой крайнюю охоту имѣю...» Канцелярія послала его къ академику Брауну, занимавшемуся этою наукою, замѣтивъ при томъ въ протоколѣ: «изъ собственнаго Шестаковскаго признанія довольно явствуетъ, что онъ не токмо не въ состояніи, но и охоты не имѣетъ отправлять должность адъюнктскую [1])...»

Шестаковскій сдѣлалъ нѣсколько переводовъ для журнала,

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 62, 102 и 154.

но, по отзыву Миллера, они требовали «великаго поправленія [1])». За тѣмъ вскорѣ Академія освободилась отъ этого адъюнкта: по его просьбѣ, 5 іюня 1755 года онъ былъ уволенъ для вступленія въ монашество. Впослѣдствіи онъ находился іеромонахомъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ (1757—1761 г.); потомъ былъ архимандритомъ въ николаевскомъ шартомскомъ монастырѣ суздальской епархіи, а въ 1770 году жилъ на покоѣ въ Москвѣ [2]).

Самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ изданіи «Ежемѣсячныхъ сочиненій», Миллеръ, вскорѣ послѣ выхода первой книжки журнала, называлъ студента Ивана Голубцева и даже просилъ, чтобы «для примѣра прочимъ» ему было назначено 150 руб. жалованья и возвращено званіе переводчика, котораго канцелярія его лишила за проступки [3]). Изъ другихъ современныхъ извѣстій видно, что усерднымъ переводчикомъ для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» былъ также Василій Лебедевъ [4]). И Голубцевъ, и Лебедевъ оба были товарищами Ломоносова по словено-греко-ла-

---

[1]) Тамъ же, книга № 220.

[2]) Тамъ же № 197 и Госуд. Архивъ, разрядъ X, прошенія, бывшія въ дѣлопроизводствѣ Гр. Н. Теплова, часть X.

[3]) III портфель Миллера, матеріалы къ исторіи Академіи Наукъ 1751 — 1764 годовъ, донесеніе 26 января 1755 г.

[4]) Въ академическихъ архивахъ уцѣлѣли свѣдѣнія объ именахъ сочинителей и переводчиковъ, участвовавшихъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» въ 1757 году. По этимъ свѣдѣніямъ можно судить о дѣятельности Голубцева и Лебедева и въ прочіе годы. Такъ въ означенномъ году слѣдующія статьи переведены были первымъ изъ нихъ: a) въ апрѣлѣ, стр. 369 — 381: «О нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, кои полезны къ крашенію». b) Въ маѣ, стр. 387 — 461, «Извѣстіе о шелковыхъ заводахъ, какимъ образомъ они учреждены въ Китаѣ» и пр.; стр. 462 — 469, «Описаніе особой камеръ-обскуры и полемоскопа»; стр. 470—479, «О китовой ловлѣ около Камчатки». c) Въ іюнѣ, стр. 558—562, «Какимъ образомъ воспа въ Англіи прививается» и составленъ имъ же Голубцевымъ, стр. 563—592, «Реестръ достопамятнымъ вещамъ». d) Въ іюлѣ, стр. 3—39, «Исторія о странахъ, при р. Амурѣ лежащихъ»; стр. 54—65, «Предложеніе о разводѣ въ Россіи шелковичныхъ деревъ». e) Въ августѣ, стр. 99—130, «Продолженіе исторіи о странахъ, при р. Амурѣ лежащихъ. f) Въ сентябрѣ, стр. 195—227, продолженіе предыдущей статьи. g) Въ октябрѣ, стр. 291—328, продолженіе предыдущей статьи. i) Въ ноябрѣ, стр. 463—474, «О разумномъ употребленіи самолюбія, разговоръ между Сократомъ и Ксенофонтомъ». k) Въ декабрѣ, стр. 539 — 549, «Объ истинной долготѣ человѣческой жизни». Статьи, переведенныя въ томъ же 1757 г. въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Васильемъ

тинской Академіи въ Москвѣ; оба получили воспитаніе при Академіи; потомъ занимались переводами и между современниками были извѣстны какъ знатоки русскаго языка и искусные переводчики [1]).

О судьбѣ этихъ полезныхъ для своего времени, но теперь совершенно забытыхъ литературныхъ дѣятелей извѣстно слѣдующее.

24 января 1735 года, президентъ Академіи Наукъ баронъ Корфъ, представляя сенату, что по мысли Петра Великаго Академія Наукъ учреждена не только для дальнѣйшаго усовершенствованія наукъ, но и для распространенія просвѣщенія въ Россіи, ходатайствовалъ объ основаніи при Академіи семинаріи на 30 воспитанниковъ и объ отпускѣ на то особой суммы. Когда сенатъ

Леоедевымъ: 1) въ іюлѣ, стр. 89 — 95, «О употребленіи овощей»; 2) въ августѣ; стр. 161 — 184, «О пользѣ высшей математики въ общей жизни» (на нѣмецкóмъ начало принадлежитъ академику Гришову, а конецъ академику Цейгеру); 3) стр. 185 — 191, «Мысли экономическія»; 4) въ сентябрѣ, стр. 228 — 251, «О воспитаніи дѣтей у Лакедемонянъ»; 5) стр. 271 — 283, «Ѳ. Пломгрена, размышленія о коммерціи вообще»; 6) стр. 284 — 286, «Извѣстіе о нѣкоемъ достовѣрномъ лекарствѣ для излѣченія очной болѣзни»; 7) въ октябрѣ, стр. 329—348, «Размышленія о возвратѣ кометъ»; 8) стр. 377—383, «Переводъ изъ третьей части гамбургскаго патріота», 9) въ декабрѣ, стр. 516—531, «Храмъ земнаго увеселенія, во снѣ видѣнный». Въ 1758 году въ Февральской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» статьи на стр. 99 — 120, «Продолженіе описанія морскихъ путешествій»; стр. 150 — 182, «Разсужденія о саранчѣ», и стр. 183 — 191, «Разныя примѣчанія естественныя» переведены Голубцевымъ. (Архивъ академической канцеляріи, книга № 223). Въ маѣ 1761 года, Василій Лебедевъ доносилъ, что онъ перевелъ для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» слѣдующія статьи изъ Англійскаго Спектатора: 1) «Письмо о томъ, что собственно высоко почитать надлежитъ»; 2) «О силѣ новости» (въ Ежемѣсяч. сочиненіяхъ 1761 г., часть I, стр. 265 — 273); 3) «Сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ» (тамъ же, стр. 463 — 472); 4) «Сонъ о искрѣ грѣховъ» (тамъ же, стр. 473 — 478); 5) «Сонъ о правосудіи» (тамъ же ч. I, стр. 513 — 523, ч. II, 278—287); 6) Изъ шведскихъ сочиненій размышленіе о земледѣліи. (См. архивъ академической канцеляріи, книга № 236.)

[1]) Порошинъ, напримѣръ, въ своихъ Запискахъ занесъ въ октябрѣ, 1764 года: «...разговорились о Кейслеровомъ путешествіи, и послѣ о переводчикахъ академическихъ: Тепловѣ, Голубцовѣ и Лебедевѣ. Я говорилъ, что они очень хорошо по-русски знали и хорошо переводили...» Записки Порошина. Спб. 1844 г., стр. 106.

потребовалъ болѣе подробныхъ разъясненій по этому предмету, Корфъ, 16 апрѣля 1735 года, сообщилъ свои изчисленія, по которымъ каждый воспитанникъ обходился бы казнѣ въ 146 руб. $60^{5}/_{6}$ коп., а всѣ 30 человѣкъ 4,398 руб. 25 к. (см. приложеніе I). Баронъ Корфъ какъ бы предчувствовалъ, что его представленіе о семинаріи на придуманныхъ имъ основаніяхъ не будетъ утверждено, а потому 13 мая 1735 года онъ вошелъ въ сенатъ съ другимъ ходатайствомъ о высылкѣ изъ русскихъ училищъ двадцати молодыхъ людей на столько подготовленныхъ, чтобы они тотчасъ же могли начать слушать лекціи у академиковъ. А такъ какъ Академія не имѣла въ своемъ распоряженіи излишнихъ суммъ, то Корфъ просилъ сенатъ о назначеніи на содержаніе каждаго молодаго человѣка по 150 рублей въ годъ (см. приложеніе II).

Очевидно, что вопросъ о деньгахъ на содержаніе воспитанниковъ составлялъ для барона Корфа существенную часть дѣла, такъ какъ Академія, съ самаго основанія обремененная разными мастерскими и художниками, нуждалась часто въ деньгахъ до такой степени, что и академики не получали жалованья за полтора и болѣе года. Между тѣмъ сенатъ прошелъ молчаніемъ о назначеніи денегъ, а распорядился только: «изъ учениковъ, кои есть въ Москвѣ въ спасскомъ училищномъ монастырѣ, выбрать въ наукахъ достойныхъ 20 человѣкъ, и о свидѣтельствѣ ихъ наукъ подписаться ректору и учителямъ и выслать въ Санктпетербургъ въ Академію Наукъ...»

Президентъ Академіи, какъ видно, принималъ близко къ сердцу все это дѣло, а потому по полученіи послѣдняго указа изъ сената обратился къ ректору и архимандриту спасскаго монастыря:

«Въ присланномъ изъ правительствующаго сената въ Академію Наукъ указѣ отъ 13 октября объявлено, что избраніе оныхъ 20-ти учениковъ, которые къ вышнимъ наукамъ приведены быть имѣютъ, оставлено на ваше и вашихъ товарищей разсужденіе; но дабы при томъ высочайшее намѣреніе ея императорскаго величества исполнилось, то вашего преподобія прошу избрать и отправить сюда отроковъ добрыхъ, которые бъ въ приличныхъ къ

украшенію разума наукахъ довольное знаніе имѣли и вамъ бы самимъ честь и отечеству пользу учинить могли...»

Архимандритъ Стефанъ отвѣчалъ барону Корфу: «изъ московской словено-греко-латинской Академіи ученики, числомъ 12, остроумія, по нашему мнѣнію, не послѣдняго, выбраны и въ московскую синодальнаго правленія канцелярію при доношеніи представлены...» Президентъ Академіи просилъ сенатъ (15 декабря 1735 г.) о доставленіи недостававшихъ восьми человѣкъ (см. приложеніе III), что̀ и было обѣщано, но потомъ не исполнено.

2 января 1736 года отставной прапорщикъ Василій Поповъ явился въ Академію Наукъ съ двѣнадцатью молодыми людьми, которыхъ онъ привезъ изъ Москвы. По отзыву коллегіи экономіи это были: «изъ богословіи — Василій Лебедевъ, Яковъ Виноградовъ, Яковъ Несмѣяновъ, которые сего 1735 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при отправкѣ философическаго корпуса (курса?), въ богословію вступили. Изъ философіи — Александръ Чадовъ, Дмитрій Виноградовъ, Иванъ Голубцевъ, Михайло Ломоносовъ, что́ изъ реторики въ нынѣшнемъ же году перешли до философіи. Изъ реторики — Прокофій Шишкаревъ, Семенъ Старковъ. Изъ пиитики — Алексѣй Барсовъ, Михайло Ковринъ, Никита Поповъ, которымъ до упомянутыхъ школъ промоція учинена сего же года...»

Въ октябрѣ 1735 г. и два раза въ январѣ 1736 г. баронъ Корфъ напоминалъ сенату о назначеніи 3,000 руб. на содержаніе новыхъ воспитанниковъ, но въ отвѣтъ получилъ наконецъ (3 февраля 1736 года) такое распоряженіе: «до будущаго указу отпустить изъ штатсъ-конторы на каждаго человѣка по 30 руб., итого 360 руб., а для житья отвесть имъ покои при Академіи, пока другіе имъ даны будутъ». Деньги эти были употребляемы на покупку самой необходимой мебели (кроватей, тюфяковъ, и т. п.), бѣлья (полотно, напримѣръ, платили по 5 коп. аршинъ), на столъ (по 5 руб. въ мѣсяцъ за человѣка) и проч., а потому вскорѣ вышли и, по новому ходатайству, сенатъ велѣлъ отпустить еще 360 рублей на весь 1736 годъ.

Этой суммы было далеко недостаточно на покрытіе всѣхъ из-

держекъ, и адъюнктъ Адодуровъ, который имѣлъ главный надзоръ за московскими учениками, писалъ о томъ убѣдительныя доношенія въ академическую канцелярію. Сверхъ того, молодые люди, терпя недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ, замѣчали, что отпускаемыя на нихъ деньги расходуются экономомъ Фельтеномъ недобросовѣстно. По этому поводу, однажды воспитанникъ Прокофій Шишкаревъ, въ разговорахъ о томъ съ товарищами, промолвилъ: «хотя-де про нѣмцевъ и говорятъ, будто они не воры, однако-де и они воруютъ!» Узнавъ объ этомъ, Адодуровъ, 12 ноября 1736 г., доводилъ о томъ до свѣдѣнія канцеляріи, чтобы: «...Прокофья Шишкарева въ укоризнахъ и бранныхъ словахъ, которыми онъ нѣмцевъ поносилъ, велѣно было допросить и учинить о всемъ праведное разсмотрѣніе, понеже сіе касается какъ до чести сего народа, такъ и наипаче до интересу ея императорскаго величества». На рапортъ Адодурова послѣдовала резолюція: «Solchen in die Cancelley auf Morgen bestellet, darüber vernommen und abgestrafet werden».

На допросѣ Шишкаревъ объяснялъ: «при столѣ, во время кушанья, всегда они всѣ поступаютъ учтиво, и онъ-де, Прокофій, также и другіе ученики про нѣмцевъ, будто они не воры, анъ-де и они воруютъ — не говаривали. А говорилъ-де онъ, Шишкаревъ, такія слова: говорятъ-де про нѣмцевъ, что будто они не воруютъ, однакъ же неправду дѣлаютъ, ибо они на нихъ написали столъ и зеркало излишне, о чемъ имъ по реестру объявлено въ правительствующемъ сенатѣ; а кто-де на нихъ написалъ, того онъ не знаетъ. А прочіе ученики тѣ его слова слышали или нѣтъ, того онъ не знаетъ, о чемъ ему, Адодурову, и персонально они всѣ говорили, а м..... и другими поносными словами какъ нѣмцевъ, такъ и русскихъ, не токмо своихъ командировъ, но и никого не бранивали...:» Шишкаревъ, за неповиновеніе Адодурову и за произнесеніе словъ «про нѣмцевъ, будто они не воры, а хотя-де и не воруютъ, однако жъ неправду дѣлаютъ» — былъ «битъ нещадно батожьемъ».

Такое жестокое наказаніе не принудило однако молодыхъ лю-

дей къ молчанію: они подали въ сенатъ жалобу на плутни Фельтена, и въ журналахъ сената по этому случаю записано:

«22 ноября 1736 года—екзекуторъ Баскаковъ докладывалъ, что онъ о академическихъ школьникахъ въ Академію, по поданному отъ нихъ доношенію, ходилъ и слѣдовалъ. И явилось, что имъ, экономомъ Фельтеномъ, въ отдачю полотенъ на рубашки и на простыни и прочее приписано излишнее, а инова и ничего имъ не дано. А экономъ-де показывалъ, что написано для того, что-де хотѣлъ оное, все купя, отдать послѣ. Приказали: призвать Шумахера и Фельтена и спросить, для чего такіе непорядки и тѣмъ ученикамъ обиды происходятъ?

«Декабря 3, 1736 года, допущены были изъ Академіи Наукъ секретарь Медеръ, да адъюнктъ Адодуровъ, да экономъ Фельтенъ, и объявлено: для чего учениковъ обижаютъ и имъ настоящаго платья и прочаго не даютъ, а въ расходъ на нихъ пишутъ излишнее и ихъ бьютъ? На что секретарь доносилъ, что билъ нѣкоторыхъ за вины Шумахеръ, а о прочемъ ни о чемъ тѣ ученики въ Академію не доносили. Приказали: съ ихъ, учениковъ, доношенія дать въ Академію копію, а имъ приказано, чтобъ тѣхъ учениковъ въ Академіи не арестовали и не били безъ докладу сената [1])».

Впрочемъ, сенатъ не улучшилъ матеріальнаго положенія воспитанниковъ, и нѣсколько дней спустя, именно 21 декабря 1736 года, Адодуровъ доносилъ академической канцеляріи: «какъ я вчерашняго числа пришедъ въ тѣ покои, въ которыхъ живутъ присланные изъ Москвы ученики, спросилъ: всѣ ли они дома? то сказано мнѣ было, что двое изъ нихъ, а именно Яковъ Несмѣяновъ и Иванъ Голубцевъ пошли къ ректору гимназіи Фишеру для начатія у него лекцій. А когда я сказалъ, чтобъ и прочимъ къ нему также идти надлежало, то отвѣтствовали, что они у себя не имѣютъ платья и для того никуда изъ палатъ выходить не могутъ...»

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, № 791.

Шумахеръ, вѣроятно еще сердитый на молодыхъ людей, предписалъ Адодурову прямо отъ себя ходатайствовать въ сенатѣ о московскихъ ученикахъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Адодуровъ это исполнилъ (см. приложеніе IV), и сенатъ велѣлъ отпустить на 10 человѣкъ (Ломоносовъ и Дмитрій Виноградовъ были уже отправлены за границу) еще 100 рублей. Въ 1737, 1738, 1739 и 1740 годахъ продолжались со стороны учениковъ жалобы на недостатокъ денегъ и убожество, а со стороны сената медлительность въ назначеніи денегъ, которыя притомъ отпускались всегда въ скромныхъ размѣрахъ. Академическая канцелярія рѣшилась потомъ выдавать запмообразно молодымъ людямъ по 3 рубля на мѣсяцъ, что̀ при петербургской дороговизнѣ было, конечно, недостаточно.

Что касается преподаванія наукъ, то изъ представленнаго, 3 сентября 1736 года, Адодуровымъ барону Корфу росписанія занятій московскихъ учениковъ видно, что они должны были учиться три часа до обѣда и столько же послѣ обѣда. Уроки ежедневно начинались классомъ нѣмецкаго языка; за тѣмъ по четыре часа въ недѣлю назначалось на толкованіе латинскихъ авторовъ, математику, «реторическія обученія», чистописаніе и рисованіе; по два часа — на географію, исторію и танцованіе.

Въ 1738 году, нѣкоторые изъ гимназическихъ учениковъ, послѣ испытаній ихъ академиками, произведены были въ студенты, и о будущихъ сотрудникахъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» представилъ (10 іюля 1738 года) тогдашній инспекторъ гимназіи, академикъ Крафтъ слѣдующій отзывъ: «Василій Лебедевъ, сынъ капрала тобольскаго полка, родомъ изъ Москвы, 21 года, съ 1736 года изучалъ въ латинской гимназіи латинскій, греческій и нѣмецкій языки; также—просодію, логику, исторію, географію и ариѳметику; поведенія скромнаго, благопристоенъ и откровененъ. Иванъ Голубцевъ, сынъ типографщика, родомъ изъ Москвы, 22 лѣтъ, обучался тѣмъ же наукамъ; притомъ прилеженъ и совѣстливъ...» Выше было упомянуто, что въ 1759 г. статьи, предназначавшіяся для «Ежемѣсячныхъ сочиненій», просматривались въ

рукописи Никитою Поповымъ, «для поправокъ штиля [1])». Онъ былъ товарищемъ Голубцева и Лебедева, и о немъ тогда же Крафтъ писалъ: «сынъ дьякона, родомъ изъ Юрьева, 18 лѣтъ; въ наукахъ сдѣлалъ посредственные успѣхи; но за то довольно далеко успѣлъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Нраву его слѣдовало бы быть по лучше...» Съ половины 1738 года студенты уже слушали лекціи академиковъ Эйлера, Крафта и другихъ. Русскій языкъ имъ преподавалъ Адодуровъ.

1 сентября 1740 года, Лебедевъ, Голубцевъ и Поповъ изъ студентовъ поступили въ академическіе переводчики. Послѣдній изъ нихъ, несмотря на не совсѣмъ благопріятные отзывы своихъ наставниковъ, а впослѣдствіи на личное недовольство имъ Шумахера, возведенъ былъ въ званіе академика по каѳедрѣ астрономіи. Лебедевъ пользовался въ свое время извѣстностію, какъ добросовѣстный и трудолюбивый переводчикъ. Нѣкоторые изъ изданныхъ въ свѣтъ переводовъ его выдержали по нѣскольку изданій. Его латинская грамматика, напримѣръ, имѣла десять изданій и была первымъ печатнымъ русскимъ учебникомъ латинскаго языка. Печатные переводы Лебедева указаны въ «Росписи россійскимъ книгамъ» А. Смирдина; но еще болѣе его трудовъ, предпринятыхъ имъ или по распоряженію академическаго начальства, или по собственной охотѣ, осталось въ рукописяхъ. Онъ трудился, между прочимъ, въ свободное время надъ составленіемъ русскаго словаря, о дальнѣйшей судьбѣ котораго я не успѣлъ еще отыскать извѣстій.

Голубцевъ перевелъ съ нѣмецкаго «Краткое руководство къ теоретической геометріи», изд. въ 1748 г., а также участвовалъ въ переводѣ «Описанія Сибирскаго царства», соч. Миллера, изд. въ 1750 году. Невоздержная жизнь была причиною многихъ несчастій для Голубцева. Въ 1748 году о немъ состоялось постановленіе ака-

---

[1]) Миллеръ указывалъ, что Попову принадлежитъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1757 года (декабрь, стр. 550—551), «Надгробная надпись на прошедшій годъ». Архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

демической канцеляріи, въ которомъ, между прочимъ, записано: «и канцелярія Академіи Наукъ довольно объ немъ, Голубцевѣ, извѣстна, что онъ въ наукахъ его былъ бы достаточенъ, ежели бы могъ себя воздержать отъ всегдашняго пьянства... Всевозможное употребляемо было стараніе, чтобъ его отъ такой гибельной страсти отвратить, но никакія воздержности не предуспѣли...» Голубцевъ былъ разжалываемъ два раза въ копіисты, а въ 1753 году, будучи въ нетрезвомъ состояніи и безпамятствѣ, сказалъ за собою «слово и дѣло», за что и попалъ въ тайную канцелярію. Здѣсь оказалось, что за нимъ не было никакого слова и дѣла, а потому послѣ тяжкаго наказанія, положеннаго за «ложное сказываніе слова и дѣла» тайная канцелярія возвратила его 13 января 1753 г. къ прежнимъ занятіямъ въ Академію, таинственно присовокупляя, что о немъ «надлежащее рѣшеніе учинено». Выше уже говорено, что съ начатіемъ изданія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» Миллеръ, довольный трудами Голубцева, просилъ прибавить ему жалованье, а 19 февраля 1758 года академическая канцелярія опредѣлила: «хотя онъ, Голубцевъ, напредь сего являлся въ пьянствѣ, однако нынѣ находится во всегдашней трезвости, и по видимому отъ пьянства имѣетъ воздержаніе и упражняется въ переводахъ и въ положенныхъ на него дѣлахъ» — по этому ему возвращено званіе переводчика и прежнее жалованье по 250 рублей въ годъ. Бѣдный Голубцевъ не долго пользовался имъ: 25 мая 1759 года онъ умеръ [1]).

Въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» встрѣчается статья Николая Поповскаго [2]) и стихотворенія Адріана Дубровскаго [3]); по-

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 117, картонъ 11 и книга № 243.

[2]) 1755 года, августъ, 167 — 176.

[3]) Адріанъ Дубровскій подписывалъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» свои стихотворенія буквами А. Д. Они всѣ перечислены Милютинымъ (Современникъ 1851 года, т. XXV, отд. II, стр. 27—29), но по ошибочной догадкѣ приписаны имъ Александру Демидову. Что эти стихотворенія принадлежатъ Дубровскому, то свидѣтельствуетъ академическій протоколъ 19 іюля 1755 года, гдѣ занесено: Studiosus Dubrowski tradidit fabulam Aesopicam de Sene et Morte a se

томъ изъ словъ Миллера видно, что въ началѣ 1755 года переводами для журнала, вмѣстѣ съ Голубцовымъ, занимались Григорій Павинскій [1]) и магистръ Алексѣй Константиновъ [2]). Въ 1757 г. [3]) Миллеръ называлъ, между прочимъ, переводчиковъ, помѣстившихъ въ томъ году свои труды въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ»: магистра Филипа Яремскаго [4]), Софронова [5]), Ѳедора Соколова [6]). Румовскій и Котельниковъ въ томъ же году помѣстили безъ подписи свои статьи, первый — «Разсужденіе о кометахъ [7]); второй — «О водныхъ метеорахъ, или о приключеніяхъ отъ водяныхъ паровъ, въ воздухѣ бываемыхъ» [8]).

Всѣ эти лица получили воспитаніе при Академіи Наукъ. Старшій изъ нихъ по лѣтамъ Котельниковъ поступилъ въ академическую гимназію въ 1741 году изъ семинаристовъ, учившихся въ семинаріи, основанной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ; потомъ за границей сдѣлался любимымъ ученикомъ Ейлера и наконецъ академикомъ. Что же касается до остальныхъ, то они были выбраны также изъ духовныхъ училищъ въ 1748 году.

Въ этомъ году, во исполненіе новаго академическаго регламента, постановлено было въ Академіи вытребовать въ нее тридцать воспитанниковъ изъ духовныхъ училищъ Петербурга, Новгорода и Москвы. Духовное начальство не могло сочувствовать

---

russice conversam quae ibidem Observationibus menstruis inseretur». Басня эта подъ заглавіемъ «Смерть и дровосѣкъ» и съ подписью буквъ А. Д. напечатана въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», за іюль 1755 года, стр. 95.

[1]) III портфель Миллера Матеріаловъ къ исторіи Академіи Наукъ, 1751 — 1764 годовъ, донесеніе 26 января 1755 года.

[2]) Ibid., Миллеръ писалъ, что статью академика Фишера о гипербореяхъ для второй книжки (1755 года, стр. 123 — 138), переводилъ магистръ Константиновъ, а поправлять долженъ былъ Модрахъ; но они поссорились между собою, а потому ее исправлялъ Тредіаковскій.

[3]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

[4]) Апрѣль, стр. 354 — 364, «Г. Винслова, анатомическія разсужденія».

[5]) Августъ, стр. 131 — 160, «Наблюденія метеорологическія», Брауна.

[6]) Сентябрь, стр. 252 — 270, «О пользѣ, которую ученіе физики приноситъ экономіи», изъ Nouvelliste economique.

[7]) Іюль, стр. 40 — 53.

[8]) Октябрь, стр. 349 — 376; ноябрь, стр. 446 — 462.

этой мѣрѣ, такъ какъ послѣдствіемъ ея для духовнаго вѣдомства было обыкновенно лишеніе лучшихъ воспитанниковъ и, слѣдовательно, недостатокъ въ способныхъ людяхъ при замѣщеніи наиболѣе трудныхъ должностей. Какъ бы то ни было, но значеніе при Дворѣ графа Разумовскаго и настойчивость любимца его, тогдашняго ассессора академической канцеляріи Григорія Теплова (который, какъ видно теперь изъ черновыхъ бумагъ, велъ самъ всю переписку по этому дѣлу) превозмогли: въ Новгородъ и Москву, для выбора учениковъ, отправленъ былъ Тредіаковскій. Въ бытность въ Новгородѣ, онъ выбралъ, между прочимъ, слѣдующихъ молодыхъ людей, бывшихъ потомъ сотрудниками «Ежемѣсячныхъ сочиненій»: Григорія Павинскаго, олончанинъ, 23 лѣтъ; Филипа Яремскаго изъ деревни Сабля, сынъ священника, 19 лѣтъ, оба изъ философскаго класса; Михаила Софронова изъ Устюжны, 19 лѣтъ, изъ реторическаго класса. 13 марта 1748 года, Тредіаковскій, представляя ихъ именный списокъ, прибавлялъ: «которыі всѣ пошлыі імѣютъ успѣхъ въ Латінскомъ языкѣ, а нѣкоторыі і въ Греческомъ...»

Будучи въ Москвѣ, Тредіаковскій отправилъ, между прочимъ, въ Академію изъ философскаго класса: Николая Поповскаго, москвитинъ, церковничій сынъ, 22 лѣтъ; изъ реторическаго: Ѳедора Соколова, 16 лѣтъ; изъ піитики: Адріана Дубровскаго, «москвитинъ, поповъ сынъ, а отроду ему 15 лѣтъ. Сей учился и по гречески».

Академики Ломоносовъ и Браунъ выбирали учениковъ изъ александро-невской семинаріи [1]). Между ними были Степанъ Румовскій 12-ти лѣтъ, впослѣдствіи академикъ, и Иванъ Барковъ, по первоначальнымъ отзывамъ о немъ профессоровъ, даровитѣйшій изъ своихъ товарищей, но къ сожалѣнію погубившій свои дарованія въ кутежахъ.

Когда провинціальные воспитанники прибыли въ Петербургъ, то академики произвели имъ испытаніе, по которому оказалось,

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. Билярскимъ, стр. 100

что они «въ гуманіорахъ и школьной философіи довольный успѣхъ имѣютъ, такъ-что оные на академическія лекціи о чистотѣ штиля и здравѣйшей философіи и математики допущены быть могутъ...» Адріана Дубровскаго послали на нѣкоторое время въ гимназію доучиваться латинскому языку, въ которомъ онъ не былъ достаточно силенъ.

По составленному тогда же росписанію, новые студенты по утрамъ 5 часовъ въ недѣлю слушали у академиковъ: Брауна — руководство во всю философію, «употребляя за основаніе сокращенную Тиммигомъ вольфіанскую философію»; у Рихмана — 2 часа всѣ части математики, «чтобъ слушателямъ тѣмъ приготовить путь къ самой физикѣ, которую безъ математики начинать безполезно». Крузій — 5 часовъ въ недѣлю «толковалъ древнихъ римскихъ авторовъ, при чемъ и знаніе древностей, также и правила о чистотѣ штиля изъяснять. Онъ же покажетъ, когда потребно разсудиться, и литеральную исторію по печатному Гейманову руководству...» Послѣ обѣда Фишеръ читалъ «Универсальную исторію, съ присовокупленіемъ всегда хронологіи». Струбе де-Пирмонъ толковалъ «новѣйшую исторію всѣхъ государствъ въ Европѣ, и потомъ ихъ внутреннее состояніе и каждаго съ прочими союзы и политическое связаніе». Тредіаковскій — «Целляріеву орѳографію» и «Гейнекціевы основанія чистаго штиля». По окончаніи этихъ лекцій предполагалось занять студентовъ науками, къ которымъ у нихъ окажется болѣе склонности, какъ-то астрономіею, химіею, ботаникою и механикою [1]).

Въ современныхъ бумагахъ сохранилось не мало извѣстій, что новые студенты часто и сильно кутили; драки у нихъ между собою и съ посторонними были не рѣдкость; въ студентскихъ комнатахъ находили женщинъ; начальству не разъ приходилось выслушивать грубости и даже угрозы. Академикъ Фишеръ, которому былъ порученъ надзоръ за студентами, однажды просилъ академическую канцелярію, для удержанія студентовъ отъ своевольствъ,

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 114.

назначить въ его распоряженіе особую команду изъ восьми солдатъ и двухъ «кустосовъ». Канцелярія, однако, отрядила къ Фишеру только одного академическаго солдата въ «безсмѣнные ординарцы» и разрѣшила нанять двухъ «кустосовъ» [1]).

Бурливость и разныя выходки, обыкновенно обнаруживавшіяся при кутежахъ, не препятствовали студентамъ пріобрѣтать знанія. Такъ, 19 октября 1749 года, тотъ же Фишеръ, не безъ нѣкотораго самодовольства, доносилъ канцеляріи: «что̀ до студентовъ касается, и они довольный успѣхъ показали въ латинскомъ языкѣ... Между ними такіе находятся, которые могутъ съ нѣкоторыми въ Академіи сравняться, о чемъ я довольно извѣстенъ изъ повседневныхъ съ ними разговоровъ, потому что я по бо́льшей части латинскій языкъ въ разговорахъ съ ними употребляю [2])...»

Послѣ строгихъ экзаменовъ, произведенныхъ въ январѣ и февралѣ 1750 года, отличнѣйшими изъ студентовъ были признаны будущіе академики: Протасовъ, Котельниковъ и Румовскій, и будущіе профессоры московскаго университета Антонъ Барсовъ и Николай Поповскій. Заслужили также одобреніе Софроновъ и Барковъ, которымъ не суждено было достигнуть того положенія въ обществѣ, какого заслуживали по своимъ дарованіямъ и знаніямъ. О нихъ было записано тогда: «Михайло Софроновъ ко всѣмъ почти равное лекціямъ прилежаніе имѣлъ и никому изъ товарищей своихъ въ математикѣ не уступаетъ, также и въ философіи изрядно отвѣтствовалъ. Въ латинскомъ языкѣ изрядно упражнялся, понятія добраго и превеликаго къ ученію желанія. Иванъ Барковъ нѣсколько показалъ успѣховъ въ ариѳметикѣ, а въ другихъ математическихъ наукахъ не столько, также и въ философіи не много учился. Онъ объявляетъ, что отъ бо̀льшей части трудился въ чтеніи латинскихъ авторовъ и между оными Саллюстія, котораго перевелъ по русски войну Катилинову. Понятія не худова; но долго лежалъ боленъ, и кажется, что острота его отъ оной бо-

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 127.

[2]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 134.

лѣзни еще нѣчто претерпѣваетъ». Всѣ студенты могли читать французскихъ и нѣмецкихъ писателей; Барковъ же съ Софроновымъ представили, сверхъ того, на экзаменъ сочиненія свои на латинскомъ языкѣ. Поведеніе перваго изъ нихъ и тогда уже не было одобряемо: «Ив. Барковъ, говорилъ о немъ Фишеръ 17 февраля 1750 г., среднихъ обычаевъ, но больше склоненъ къ худымъ дѣламъ [1])...»

Академики, экзаменовавшіе студентовъ въ 1751 году, признали достойными изъ нихъ званія адъюнкта шестерыхъ: Софронова, Братковскаго [2]), Румовскаго, Барсова, Поповскаго и Яремскаго. Шумахеръ подалъ мнѣніе, что прежде слѣдуетъ потребовать отъ нихъ диссертаціи, которыя и должны защищать они на публичномъ диспутѣ [3]). Въ этомъ году Барковъ окончательно отсталъ отъ своихъ товарищей и за безпрестанные кутежи уже разжалованъ изъ студентовъ въ «ученики наборнаго дѣла». Впрочемъ, 30 октября 1751 года состоялось опредѣленіе академической канцеляріи о дозволеніи Баркову продолжать изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ и «россійскаго штиля»: «понеже канцелярія нынѣ усмотря молодые его лѣта и не можетъ ли быть отъ него впредь какого плода...»

Въ концѣ декабря 1753 года помянутые студенты Софроновъ и Румовскій произведены въ адъюнкты, а Поповскій, Барсовъ, Яремскій и Алексѣй Константиновъ первые изъ русскихъ получили званіе магистровъ.

Первые двое были вскорѣ отправлены за границу для изученія высшей математики подъ руководствомъ знаменитаго Ейлера, у котораго они и жили въ Берлинѣ [4]). Румовскій сдѣлался впослѣдствіи замѣчательнымъ астрономомъ. Отъ Софронова Ейлеръ

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 137.

[2]) Въ 1754 году Братковскій, за невоздержную жизнь и продажу казеннаго платья на покупку вина, отданъ былъ въ военную службу. Архивъ академической канцелярій, книга № 190.

[3]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 153.

[4]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 181.

въ началѣ также ожидалъ многаго, но въ бытность у него молодой человѣкъ окончательно потерялся отъ невоздержной жизни, такъ-что его надобно было вернуть въ Петербургъ. Здѣсь много разъ брали въ академической канцеляріи подписки отъ Софронова: не пить и «не чинить шуму, дракъ и забіячествъ»; но ничто не помогало и онъ, лишенный званія адъюнкта, умеръ въ самомъ жалкомъ положеніи въ февралѣ 1760 года [1]).

Магистры Поповскій, Барсовъ и Яремскій, по просьбѣ Ивана Ивановича Шувалова, были отосланы въ московскій университетъ въ 1755 году. Въ слѣдующемъ году туда же отпросился и четвертый магистръ Константиновъ [2]), который впослѣдствіи былъ библіотекаремъ императрицы Екатерины II и женился на единственной дочери Ломоносова.

Товарищъ ихъ Григорій Павинскій, отданный въ распоряженіе Миллера для переводовъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», былъ также признаваемъ отъ ректора университета Крашенинникова достойнымъ званія магистра въ 1753 году, но канцеляріею произведенъ не былъ. Онъ умеръ студентомъ 19 февраля 1755 года [3]).

Ѳедоръ Соколовъ, получивъ въ 1757 г. званіе переводчика, со 2 сентября 1759 г. былъ посланъ въ Москву для надзора за продажею книгъ въ тамошней академической лавкѣ.

Адріанъ Дубровскій, снабжавшій, какъ указано было выше, «Ежемѣсячныя сочиненія» своими стихотвореніями, будучи студентомъ, перевелъ стихами Заиру Вольтера [4]); въ 1757 году онъ былъ произведенъ въ переводчики; въ 1759 году, по просьбѣ Романа Ларіоновича Воронцова (съ 1760 года графъ), сопровождалъ сына его въ путешествіи по Россіи, а въ 1761 году

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 207 и 251.

[2]) Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 196 и 212.

[3]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 196.

[4]) Переводъ его былъ напечатанъ въ 1779 году, и имя переводчика скрыто подъ буквами А. Д.; что этотъ переводъ принадлежитъ Дубровскому, то видно изъ архива академической канцеляріи, книга № 236, гдѣ есть донесеніе его о томъ отъ 16 іюля 1759 года.

вышелъ изъ Академіи и поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ командировкою въ Вѣну, гдѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ [1]).

Здѣсь кстати будетъ замѣтить для будущихъ издателей сочиненій Ломоносова, что помѣщаемые въ собраніяхъ его сочиненій «Стихи ея императорскому величеству блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, на фейерверкъ, изображающій благоденствующую Россію, представленный въ Санктпетербургѣ 1 генваря 1755 года [2])»

«Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство»

и т. д.

написаны не Ломоносовымъ, а переведены сначала прозою съ нѣмецкаго подлинника Штелина Иваномъ Голубцевымъ, а потомъ переложены въ стихи Дубровскимъ. Для означеннаго фейерверка поручено было одновременно составить проекты и Ломоносову, и Штелину. Стихи, сочиненные по этому случаю первымъ изъ нихъ, и начинающіеся

По правдѣ вѣчность есть...

напечатаны въ «Полномъ собраніи сочиненій Ломоносова», изд. 1803 г., т. I, стр. 298—299; въ изд. Смирдина т. I, стр. 263, 264. Но ломоносовскій проектъ фейерверка не былъ осуществленъ, потому что составленный Штелинымъ удостоился одобренія и исполненъ 1 января 1755 г. [3]). Черновой прозаическій переводъ стиховъ Штелина, которыхъ переводить съ нѣмецкаго, разумѣется, не было надобности для Ломоносова, хранится въ архивѣ академической канцеляріи, въ книгѣ подъ № 189, вмѣстѣ съ стихотворнымъ переложеніемъ перевода въ нѣсколькихъ

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 236 и 250. Переводъ Александра Воронцова: «Разсужденіе о пріятностяхъ сообщества» напечатано въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1756 г. Февраль, стр. 153—179, съ его именемъ. Тамъ же, въ августѣ, стр. 204 — 211, «Содержаніе письма другому въ отвѣтъ: можетъ ли честь сравниться съ славою» подписана буквами А. В.

[2]) «Полное собраніе сочиненій Ломоносова», изд. 1803 г., т. I, стр. 307, 308, и Смирдина т. I, 273 — 274.

[3]) «Ежемѣсячныя сочиненія», январь 1755 г., стр. 17 — 25.

экземплярахъ съ помарками и поправками только не рукою Ломоносова. По сравненіи почерка этихъ рукописей съ другими подобными бумагами, на которыхъ уцѣлѣла и подпись Адріана Дубровскаго (какъ напримѣръ въ книгѣ архива академической канцеляріи, подъ № 208), оказывается, что помянутые стихи принадлежатъ ему. Онъ и впослѣдствіи занимался подобными переложеніями нѣмецкихъ стиховъ Штелина.

По свидѣтельству Ломоносова [1]), въ изданіи «Ежемѣсячныхъ сочиненій» участвовалъ нѣкоторое время, какъ помощникъ Миллера, адъюнктъ Мотонисъ, а въ 1757 году въ журналѣ была помѣщена переводная статья Григорія Козицкаго [2]). Это были тѣ самыя лица, къ суду которыхъ любилъ взывать Сумароковъ въ своихъ орѳографическихъ распряхъ съ Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ [3]). Козицкій и Мотонисъ, родомъ малороссы, учились сначала въ кіевской духовной Академіи, дошли тамъ до философскаго класса и въ 1747 году вмѣстѣ отправились за-границу. Будучи тамъ, они два года учились въ бреславльской гимназіи, а потомъ перешли въ лейпцигскій университетъ. Не имѣя средствъ жить въ Лейпцигѣ, эти молодые люди, въ августѣ 1749 года, обратились въ нашу Академію Наукъ съ просьбою о доставленіи имъ средствъ для продолженія заграничнаго

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 491.

[2]) «Ежемѣсячныя сочиненія», апрѣль 1757 г., стр. 345—353, «Явленіе Мирзы, листъ 159 аглинскаго зрителя». См. архивъ академической канцеляріи, книга № 223.

[3]) Такъ напримѣръ, въ статьѣ «О правописаніи» Сумароковъ говоритъ: «Г. Ломоносовъ у предлоговъ никогда не искалъ корня, хотя часто литеру З и превращалъ во С, яко вмѣсто разсмотрѣніе, рассмотрѣніе... Я думаю, что г. Козицкій и г. Мотонисъ сему странному правилу никогда не послѣдуютъ, ни наши разумные проповѣдники, каковъ напримѣръ архіепископъ Платонъ...» Или послѣ насмѣшки надъ Тредіаковскимъ, писавшимъ свое имя Василей: «Г. Козицкой и г. Мотонисъ никогда не подпишутъ своихъ именъ Григорей, Микалай, хотя и большая часть народа (говоритъ): Миколинъ день...» Или: «*ой* премѣняти въ ій есть у педантовъ нашихъ то, что у германскихъ педантовъ латинской *ус*. Дѣльно пишетъ г. Козицкой, получивъ право великороссійскаго дворянства: Козицкой, а не Козицкій...» Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова, М., 1787 г. ч. X, стр. 14, 24, 27, 28.

ученія. Ходатайство ихъ поддержалъ бывшій въ Петербургѣ академикъ, а потомъ профессоръ лейпцигскаго университета Гейнзій, который съ похвалою отозвался объ ихъ успѣхахъ и прилежаніи. Тогда Козицкій и Мотонисъ приняты были на службу въ Академіи и стали получать отъ нея деньги на содержаніе свое въ Лейпцигѣ [1]). Гейнзій постоянно давалъ о нихъ одобрительные отзывы, а 31 іюля 1756 года, отправляя ихъ въ Петербургъ, писалъ къ Шумахеру: «Мнѣ особенно пріятно, что я въ лицѣ Козицкаго и Мотониса могу представить высоко уважаемой Академіи двухъ способныхъ людей (tüchtige subjecta), которые теперь вѣроятно сами зарекомендуютъ себя...» Далѣе проситъ объ оказаніи имъ покровительства [2]). По возвращеніи въ Петербургъ, Козицкій и Мотонисъ были назначены учителями въ высшій латинскій классъ при академической гимназіи, а 27 февраля 1759 г. возведены въ званіе адъюнктовъ. Впослѣдствіи Козицкій, близко извѣстный князю Григорію Орлову, перешелъ къ нему на службу изъ Академіи 20 ноября 1763 года, а Мотонисъ переведенъ въ герольдмейстерскую контору при сенатѣ 4 мая 1764 года [3]).

Послѣ смерти Ивана Голубцева, Миллеръ 16 ноября 1759 года представлялъ академической канцеляріи, что ему за неимѣніемъ другихъ переводчиковъ для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» не возможно будетъ продолжать журнала, а потому онъ просилъ назначить въ его распоряженіе студентовъ Самсона Волкова и Алексѣя Разумова.

Оба они воспитывались въ академической гимназіи и получили званіе студентовъ вслѣдствіе представленія ректора и академика

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 132.

[2]) Входящія письма 1754 — 1767 годовъ въ архивѣ академической конференціи.

[3]) Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 240, 282 и Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ, стр. 622. О судьбѣ Козицкаго, по выходѣ его изъ Академіи, можно теперь имѣть нѣкоторыя любопытныя подробности, но онѣ не имѣютъ отношенія къ главному предмету настоящей статьи.

С. П. Крашенинникова въ 1753 году; но, по слабости знаній въ латинскомъ языкѣ, ихъ не допускали долго къ слушанію университетскихъ лекцій [1]). Это продолжалось и въ 1756 году, когда академики признали одного Алексѣя Разумова достойнымъ перевода въ университетъ, но при этомъ случаѣ за остальныхъ студентовъ заступились Тредіаковскій и Поповъ, которые, какъ сказано въ современномъ отчетѣ, «имѣютъ, что̀ до сего пункта надлежитъ, иное мнѣніе, которое подали письменно въ слѣдующемъ: изъ произведенныхъ изъ учениковъ гимназіи въ студенты девять человѣкъ, по усмотрѣнію ихъ, пять человѣкъ: Алексѣй Разумовъ [2]), Семенъ Веденскій [3]), Василій Кромаренковъ [4]), Алексѣй Полѣновъ [5]), Самсонъ Волковъ въ студенты годны и лекціи математическія, реторическія и штиля въ университетѣ тѣхъ наукъ слушать и разумѣть могутъ. И для того должно бы онымъ дать шпаги, и платье и жалованье такъ, какъ прежнимъ студентамъ, и назначить бы ихъ на вышереченныя лекціи, ибо къ предложенію наукъ слушателямъ великой и темной латыни не требуется, да и употреблять оныя отъ большей части невозможно [6])...»

Въ августѣ 1762 года, Разумовъ просилъ о прибавкѣ къ 150-ти рублямъ, имъ получаемаго жалованья и о званіи переводчика по тому уваженію, что онъ, кромѣ держанія корректуръ, занимается переводами для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» и Вѣдомо-

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 260, и архивъ академической канцеляріи, картонъ № 16.

[2]) Переводъ его сочиненія Бюшинга напечатанъ въ 1763 году, подъ заглавіемъ «Руководство къ основательному и полезному познанію географическаго и политическаго состоянія европейскихъ государствъ и республикъ».

[3]) Переводъ Веденскаго сочиненія Гольберга, «Сравненіе житія и дѣлъ разныхъ, а особливо восточныхъ и индѣйскихъ великихъ героевъ и знаменитыхъ мужей по примѣру Плутархову»—напечатанъ въ 1766 году.

[4]) Кромаренкову принадлежатъ печатные переводы: 1) сочиненія Монтескьё, «О разумѣ законовъ» два изданія 1775 и 1801 года; 2) Саллюстія «Войны катилинская и югурфинская» 1769 года.

[5]) Полѣновъ извѣстенъ какъ авторъ перваго русскаго сочиненія о необходимости уничтоженія крѣпостнаго состоянія.

[6]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 220.

стей. О томъ же и тогда же просилъ Волковъ. Когда потребовано было мнѣніе Миллера, то онъ отвѣчалъ о первомъ:

«Хотя оный Разумовъ и мало для меня переводитъ, потому что больше корректорскую должность отправляетъ; но по переводамъ его засвидѣтельствовать могу, что современемъ, ежели больше прилежности въ обученіи иностранныхъ языковъ употребить (sic) будетъ, добрымъ переводчикомъ сдѣлаться можетъ, а между тѣмъ признаваю я за справедливо, чтобъ для ободренія его и для лучшаго себя содержанія учинена ему была нѣкоторая прибавка жалованья».

О второмъ: «Оной Самсонъ Волковъ прилежно при мнѣ переводитъ, но въ иностранныхъ языкахъ не столько исправенъ, чтобъ настоящимъ переводчикомъ теперь уже быть могъ. А я называю такого настоящимъ переводчикомъ, который такъ переводитъ, чтобъ не нужно было другому, болѣе его знающему, за переводами его смотрѣть и оные исправлять. Однакожъ, понеже онъ показываетъ охоту къ лучшему иностранныхъ языковъ обученію, и на его прилежность и добрые поступки надѣяться можно, то за справедливо признаваю, чтобъ учинена ему была нѣкоторая въ жалованьѣ прибавка». Получивъ такой отзывъ академическая канцелярія постановила: «объявить Разумову, когда онъ чрезъ прилежаніе свое окажетъ лучшіе успѣхи въ знаніи языковъ, тогда какъ чиномъ, такъ и прибавкою награжденъ будетъ. А Волкова, который получаетъ только 100 рублей, въ жалованьѣ съ нимъ, Разумовымъ, уравнить и прибавить 50 рублей [1])...»

Впослѣдствіи Алексѣй Разумовъ завѣдывалъ отдѣломъ академической типографіи, который назывался нѣкоторое время «новою типографіею». Что же касается до Самсона Волкова, то въ 1764 году его произвели въ переводчики съ жалованьемъ по 200 руб. въ годъ. Онъ былъ отправленъ въ 1765 г. въ Москву при Миллерѣ, но вскорѣ оттуда вернулся для исполненія прежней своей обязанности переводчика.

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 270.

Въ первый годъ существованія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» въ серьёзныхъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ протоколахъ академической конференціи иногда попадаются постановленія касательно литературныхъ вопросовъ. Такъ, 12 іюля 1755 года, было занесено въ отчетъ о засѣданіи, что рѣшено напечатать въ журналѣ представленную Сумароковымъ епистолу, въ которой онъ опровергаетъ разсужденіе Тредіаковскаго о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи, по поводу неправильныхъ объясненій тамъ нѣкоторыхъ стиховъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено на волю Тредіаковскому сообщить свой отвѣтъ. 19 іюля послѣдній прочелъ товарищамъ свое возраженіе противъ Сумарокова, но послѣ того опредѣлено было: для прекращенія дальнѣйшихъ распрей запретить и епистолу, и отвѣтъ на нее. Впрочемъ, въ августовской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» (стр. 147 — 148) явилась Епистола Сумарокова съ нѣкоторыми выходками противъ плохаго стихотворца. Такъ въ ней говорилось:

Звонъ стопъ блюсти, слова на риѳму прибирать
Искусство малое и дѣло не пречудно;
А стихотворцемъ быть есть дѣло не безтрудно.
Набрать любовныхъ словъ на новый минаветъ
Которой кто-нибудь удачно пропоетъ,
Нѣтъ хитрости тому, кто грамотѣ умѣетъ...
. . . . . .
Худой творецъ стихомъ себя не прославляетъ,
На риѳмахъ онъ свое безумство изъявляетъ!...

Въ протоколѣ 4 октября Миллеръ записалъ во первыхъ, что за разногласіемъ академиковъ представлены были на усмотрѣніе президента Академіи Наукъ стихи Сумарокова (идиллія и пр.) и басня Тредіаковскаго. Первые графъ Разумовскій велѣлъ потомъ напечатать въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» [1]). Во вторыхъ, что о баснѣ Тредіаковскаго ни запрещенія, ни разрѣшенія отъ президента не послѣдовало, а такъ-какъ въ ней есть

[1]) Помѣщены въ октябрской книжкѣ 1755 г. стр. 347—353.

жесткія выходки противъ русскихъ поэтовъ, которые, по малочисленности своей, всѣ могли счесть это себѣ за оскорбленіе, то принято за лучшее не пропускать басни въ печати. При подписаніи этого протокола Тредіаковскій протестовалъ, утверждая, что никакого разногласія членовъ не было [1]) и что Миллеръ не пропускаетъ басни самовольно, а онъ, Тредіаковскій, не признаетъ его власти надъ собою [2])

Послѣ такого протеста, Тредіаковскій не счелъ нужнымъ распространяться далѣе въ академической конференціи о своихъ раздорахъ съ Сумароковымъ и придумалъ иной способъ отмстить ему. 13 октября 1755 года Тредіаковскій подалъ доношеніе въ синодъ. «Читая сентябрскую книжку «Ежемѣсячныхъ сочиненій» сего 1755 года, нашелъ я, именованный—писалъ онъ въ доношеніи—въ ней оды духовные, сочиненные г. полковникомъ Александромъ Петровымъ сыномъ Сумароковымъ, между которыми и оду, надписанную изъ псалма 106: а въ ней увидѣлъ, что она съ осмыя строфы по первую на десять включительно говоритъ отъ себя, а не изъ псаломника о безконечности вселенныя и дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію. И понеже «Ежемѣсячные книжки» обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ иные могутъ и въ соблазнъ притти; того ради по ревности и вѣрѣ моей истинному слову Божію, въ Священномъ Писаніи вѣщающему, о такой помянутыя оды лжи на Псаломника покорнѣйше донося извѣщаю...» При доношеніи приложено было пространное изъясненіе, оканчивавшееся такимъ образомъ: «Но какъ то ни есть; только жъ въ псалмѣ 106-мъ не упоминается нижé о возможномъ множествѣ міровъ, а толь меньше еще о дѣйствительной безконечности вселенныя; но токмо изъясняется въ немъ Промыслъ Божій, наво-

---

[1]) Nullus est dissensus collegarum, писалъ своеручно Тредіаковскій, qui gratis asseritur hic.

[2]) Haec Mullerus, продолжаетъ онъ же, suo facit arbitratu, cum illustrissimus Praeses neque ait, neque negat, et Collegae tantum suspenderunt suum judicium, non vero disseserunt a reliquis: sed ego Mulleri potestatem non agnosco.

дящій на человѣковъ разныя искупленія, и подвергающій ихъ различнымъ бѣдствіямъ, дабы они прибѣгали къ нему, взывали его и боялись, да и прославляли милость его и щедроту» [1]).

Надобно думать, что этотъ поступокъ Тредіаковскаго скоро сдѣлался извѣстнымъ Сумарокову, потому что онъ прислалъ 1 ноября 1755 года бумагу въ академическое собраніе, въ которой было много яростныхъ выходокъ противъ Тредіаковскаго и просьба о недопущеніи его судить на будущее время произведенія разсерженнаго поэта [2]).

На нѣкоторое время синодъ оставилъ заявленіе Тредіаковскаго безъ послѣдствій и только 24 декабря слѣдующаго 1756 года отнесся въ академическую канцелярію съ бумагою слѣдующаго содержанія:

«Усмотрѣно, что между выходящими изъ оной Академіи «Ежемѣсячными примѣчаніями» (sic) включено въ сочиненія «О величествѣ Божіи размышленія» [3]), а кто оныхъ переводитель и съ какого автора, то неизвѣстно... того ради... послать... указъ, чтобъ о таковомъ сочиненіи съ каковаго оное автора и кѣмъ именно переводится, дано было изъ оной Академіи знать письменно; причемъ и самой той книги, изъ которой оное сочиненіе переводится, оригиналъ немедленно взнесть къ разсмотрѣнію святѣйшему синоду...» На запросъ, сдѣланный по этому поводу Миллеру, онъ отвѣчалъ, что переводчикомъ статьи, обратившей на себя вниманіе сказаннаго учрежденія, былъ подпрапорщикъ шляхетнаго кадетскаго корпуса Семенъ Порошинъ [4]) и что онъ переводилъ ту

---

[1]) Москвитянинъ, 1856 года, №№ 13—16, стр. 271—276.

[2]) Въ протоколѣ 1 ноября 1755 года: «A Tribuno Sumarokowio scriptum in conventum missum, quo multa contra Trediakowium acerbe dicta continentur et rogantur socii, ne Trediakowio imposterum licitum sit de scriptis Sumarokowii judicare. Rem hanc Excel. atque Illust. Praesidi proponere et ejus voluntatem exquirere decretum est».

[3]) Ноябрь, 1756 г., стр. 407 — 438.

[4]) Нѣкоторые изъ переводовъ Порошина подписаны въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» буквами С. П. Въ ноябрѣ 1755 г., стр. 432 — 440, «Благополучіе человѣческое зависитъ не отъ мѣста»; въ декабрѣ 1756 года, «О пользѣ упражненія въ благородныхъ художествахъ и въ наукахъ для приведенія умныя си-

статью изъ собственной своей книги «Увеселеніе разума», «которая и нынѣ, прибавилъ Миллеръ, въ заключеніи, находится у него и того для въ канцелярію взнесена мною быть не можетъ [1]).

Въ недавно обнародованномъ докладѣ, представленномъ императрицѣ Елизаветѣ въ декабрѣ 1756 года [2]), разъясняется, что запросъ о переводчикѣ и подлинникѣ переведенной имъ статьи сдѣланъ былъ не въ видахъ удовлетворенія библіографической любознательности, но съ другими, болѣе серьёзными побужденіями. «Понеже усматриваемъ, говорилось въ докладѣ, что въ ежемѣсячныхъ, изъ санктпетербургской Академіи выходящихъ, примѣчаніяхъ не токмо много честнымъ нравамъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго имѣется, особенно нѣкоторые и переводы и сочиненія находятся, многіе, а индѣ и безчисленные міры быти утверждающіе, что́ и Св. Писанію, и вѣрѣ христіанской крайне противно есть, и многимъ неутвержденнымъ душамъ причину къ натуралѣзму (sic) и безбожію подаетъ, того ради всеподданнѣйше о семъ донося, падши къ стопамъ вашего императорскаго величества...» Далѣе слѣдуетъ прошеніе во первыхъ о запрещеніи во всей Россіи писать и печатать о множествѣ міровъ, а во вторыхъ конфисковать какъ «Ежемѣсячныя сочиненія», такъ и переводъ князя Кантемира сочиненія Фонтенелля о множествѣ міровъ. Докладъ этотъ остался безъ послѣдствій: по голословности-ли обвиненія въ невѣріи и безнравственности «Ежемѣсячныхъ сочиненій», или мысль о множествѣ міровъ сдѣлалась болѣе извѣстною въ Россіи второй половины XVIII столѣтія, или

лы въ порядокъ», на стр. 503 — 514. По свидѣтельству Миллера въ 1757 г. ему принадлежатъ: февраль, стр. 126 — 151, «Письмо о порядкахъ въ обученіи наукъ»; мартъ, ст. 266—282, «Письмо, въ которомъ сравнивается Александръ Великій съ Карломъ XII»; ноябрь, стр. 475 — 477, «Послѣднее письмо» изъ Гольберга и стр. 478, 479, «Средства, къ сохраненію здравія служащія».

[1]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 218.

[2]) Чтенія общества исторіи и древностей, 1867 г., книга I, смѣсь стр. 7, 8, гдѣ вкрались слѣдующіе недосмотры: вм. *міры* — напечатано *мѣры*, вм. *падше—падимъ*; вм. 743 г.—143 г. Кромѣ того, внизу докладъ обозначенъ 1757-мъ годомъ, тогда какъ въ подлинникѣ именно написано: «декабря дня 1756 года».

же наконецъ вліяніе президента Академіи Наукъ, графа К. А. Разумовскаго было на столько сильно, чтобы предотвратить подобные навѣты — объ этомъ не сохранилось никакихъ современныхъ извѣстій.

Начало дѣятельности Ломоносова, какъ члена академической канцеляріи (1 марта 1757 г.), ознаменовалось цензурною мѣрою противъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Для мартовской книжки журнала набиралась статья бывшаго академическаго, а тогда синодальнаго переводчика, Григорія Полетики [1]): «О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи», и Миллеръ 7 марта 1757 года просилъ о напечатаніи 100 отдѣльныхъ оттисковъ ея въ вознагражденіе автора.

8 марта академическая канцеляріи вытребовала къ себѣ эту статью Полетики. Въ тотъ же день Миллеръ представилъ туда на предварительное разсмотрѣніе эпиграмму Сумарокова.

Ты туфли обругалъ....

Въ бытность въ Петербургѣ президента, если являлись, по

---

[1]) Въ Академіи Наукъ были почти одновременно два Григорія Полетики, сыновья значковаго товарища лубенскаго полка. Одинъ изъ нихъ, воспитывавшійся въ кіевской духовной Академіи и знавшій языки греческій, еврейскій, латинскій и нѣмецкій (послѣднему учился у извѣстнаго законоучителя Екатерины II Симона Тодорскаго), поступилъ въ Академію переводчикомъ 1 августа 1746 года, а уволенъ изъ нея 13 февраля 1748 года (Архивъ академической канцеляріи, книги №№ 103, 113). Въ 1757 году, по словамъ Миллера, онъ былъ коллежскимъ ассессоромъ и переводилъ статьи съ греческаго языка въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», іюнь, стр. 483 — 557 «Аристотеля о гражданскомъ учрежденіи книга II» и ноябрь, стр. 431 — 445 «Описаніе человѣческихъ нравовъ» изъ Аристотелевой реторики (Архивъ академической канцеляріи, книга № 223). Этотъ самый Полетика написалъ статью, которая была запрещена Ломоносовымъ. Другой Полетика съ 1745 по 1750 годъ учился въ кіевской и московской духовныхъ Академіяхъ, а въ послѣднемъ году принятъ въ студенты при Академіи Наукъ, гдѣ и находился до марта 1755 г., а тогда переведенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для переводовъ съ латинскаго и польскаго языковъ. Онъ также переводилъ для «Ежемѣсячныхъ сочиненій»; такъ, напримѣръ, тамъ въ февральской книжкѣ, на стр. 121—137 есть его переводъ съ латинскаго «Рѣчь на полуученыхъ», съ полною подписью его званія и прозванія.

словамъ Миллера, «нѣкоторыя сумнительства», то они обыкновенно и разрѣшались графомъ Разумовскимъ; но такъ-какъ въ описываемое время послѣдняго не было въ столицѣ, то редакторъ испрашивалъ на помѣщеніе стиховъ Сумарокова дозволенія канцеляріи. Эта, не давая положительнаго отвѣта, сослалась только на тѣ ограниченія, о которыхъ говорилось въ предисловіи къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» относительно помѣщенія критическихъ статей. Миллеръ этимъ не удовлетворился и требовалъ болѣе яснаго отвѣта.

Между тѣмъ Ломоносовъ, 11 марта, объявилъ Миллеру на словахъ, что статью Полетики «печатать не пристойно, понеже въ оной съ X вѣка послѣ Рождества Христова по XVII вѣкъ ни о какихъ школахъ въ Россіи не упомянуто; а были-де еще при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ архитекторы, выписанные изъ Италіи; а при царѣ Иванѣ Васильевичѣ зачалась-де типографія; что-де все надлежало было описать, и упомянуто-де только о кіевскихъ школахъ, а не о московскихъ. Чего ради надлежитъ-де мнѣ, прибавляетъ Миллеръ, сію піесу выкинуть изъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» и на то мѣсто взнесть что-нибудь другое...» Миллеръ за тѣмъ такъ возражалъ противъ этого: «Когда ни въ какихъ лѣтописяхъ, ниже въ другихъ извѣстіяхъ, которыя г. сочинитель къ сему своему сочиненію употребилъ, какъ я подлинно увѣренъ, не упоминается о школахъ, въ то время бывшихъ, то и того отъ него, г. сочинителя, требовать не можно. Иное есть архитектура, или практика архитектурная, иное архитектурная школа. Были-де при великихъ князьяхъ московскихъ и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и медики, токмо не было медицинской школы...» Наконецъ, Миллеръ, опираясь на первоначальное опредѣленіе президента, что журналъ долженъ издаваться безъ вмѣшательства канцеляріи, отстаивалъ свое право помѣщать въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» статьи по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, доводы Миллера не убѣдили канцелярію, и 13 марта онъ получилъ оттуда ордеръ, рѣшительно запрещавшій печатать въ журналѣ и статью Полетики, и эпиграмму Сумарокова. Вмѣстѣ съ тѣмъ

было представлено президенту Академіи Наукъ о Миллерѣ, какъ объ ослушникѣ его приказаній и вообще человѣкѣ самомъ безпокойномъ. Историографъ, съ своей стороны писалъ къ графу Разумовскому: «Моя привязанность къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» и стараніе не выказывать публикѣ наши внутренніе раздоры заставляютъ меня на этотъ разъ подчиниться приказаніямъ г. Ломоносова; но умоляю ваше сіятельство помочь въ этомъ дѣлѣ въ возможной скорости, иначе мнѣ будетъ невозможно продолжать мой трудъ...»

Въ настоящихъ пререканіяхъ графъ Разумовскій принялъ сторону Ломоносова: статья Полетики была признана наполненною «многими непристойностями»; а Миллеру сдѣлано внушеніе о бытіи въ полномъ подчиненіи канцеляріи [1]).

Слѣдствіемъ этого же событія было распоряженіе отъ академической канцеляріи, чтобы Миллеръ представлялъ туда заблаговременно списокъ авторовъ и ихъ статей, которыя предназначались для каждой вновь выходившей книжки. Вопреки опредѣленію, Миллеръ доставлялъ такія извѣстія по выходѣ уже книжки въ свѣтъ, за что академическая канцелярія и сдѣлала ему выговоръ въ ордерѣ 2 іюня 1757 года, на который Миллеръ возразилъ, что онъ не въ состояніи выполнять такого распоряженія: ...«Каждый мѣсяцъ долженъ состоять изъ шести листовъ печатныхъ, то весьма невозможно знать напередъ, сколько какихъ пьесъ, разными руками писанныхъ, на оныхъ шести листахъ вмѣстится. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ іюнѣ печатается переводъ Аристотелевой книги о гражданскомъ учрежденіи; а будетъ-ли еще сверхъ онаго и сверхъ заключающаго нынѣшную (sic) полугода реестра, какая иная пьеса или нѣтъ, и ежели будетъ, то какая, сіе зависитъ отъ того, сколько мѣста первый переводъ займетъ. Иногда случалось, что присылали ко

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 321—333 и «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова» въ Запискахъ Академіи Наукъ 1865 г. Прилож. къ VIII т. № 7, стр. 79.

мнѣ съ стороны пьесы и переводы уже въ половинѣ мѣсяца съ прошеніемъ, чтобъ оные внесть еще въ тотъ же мѣсяцъ. И понеже въ томъ отказать было невозможно, то затѣмъ другія, на тотъ мѣсяцъ назначенныя пьесы были оставлены. Иногда приготовлялъ было я матеріи и давалъ оныя переводить, токмо переводы не поспѣли въ надлежащее время...» Печатаніе иныхъ статей замедлялось отъ гравированія слѣдующихъ къ нимъ чертежей. «Сіе находилъ я, заключаетъ Миллеръ, за потребно канцеляріи представить, а ежели она желаетъ знать, напримѣръ, какія пьесы, сочиненія и переводы впредь къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» мною приготовлены, оставляя мнѣ, въ какіе мѣсяцы оные располагать буду, то я могу онымъ сообщать реестръ...»

Въ теченіе 1757 года Миллеръ доставлялъ исправно требованныя отъ него канцеляріею извѣстія, и, благодаря этому обстоятельству, теперь мы знаемъ всѣхъ сотрудниковъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» за тотъ годъ, даже и тѣхъ изъ нихъ, которые не подписывали подъ статьями своихъ именъ [1]).

---

[1]) Свѣдѣнія, выше сообщенныя о сотрудничествѣ въ журналѣ академическихъ переводчиковъ Голубцева и Лебедева, также С. Порошина и Полетики заимствованы изъ подобныхъ донесеній Миллера. Кромѣ этихъ лицъ, въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1757 года были слѣдующіе анонимные сотрудники: Николай Курановъ, впослѣдствіи составитель извѣстнаго Письмовника, мартъ, стр. 245—265, «Разговоръ между Аристомъ и Евгеномъ о морѣ» съ французскаго языка. Андрей Нартовъ подписывалъ свои статьи буквами А. Н.; но въ апрѣльской книжкѣ, стр. 283—286 есть его же, но безъ всякой подписи «Идиллія Нисса», которая, неизвѣстно на какомъ основаніи помѣщена въ «Сочиненіяхъ» Тредіаковскаго, изд. Смирдина I, стр. 750 — 753. Въ напечатанномъ недавно доношеніи Тредіаковскаго (см. выше, стр. 15—17) онъ указываетъ, что именно напечатано въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» изъ его произведеній, и ни слова не говоритъ объ «Идилліи Ниссѣ». Матвѣй Красильниковъ, сенатскій протоколистъ, его переводъ изъ Geselschaftliche Erhellungen въ апрѣлѣ, стр. 322 — 328, «Храмъ натуры и щастія. Сонъ». Бакунинъ, ассессоръ камеръ-конторы, апрѣль, стр. 329 — 344, «Письмо о пользѣ вина», и отвѣтъ на то, безъ указанія, переводъ ли это, или оригинальное сочиненіе. Всѣ статьи Рычкова въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», какъ анонимныя, такъ и съ подписью, подробно указаны въ изслѣдованіи «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова», Спб., 1867 года. Капитанъ А. Тепловъ, въ апрѣлѣ, стр. 365 — 368, перевелъ «Рѣчь Сенекина къ императору Нерону» изъ Тацита. При описаніи оригинальныхъ статей въ «Ежемѣсячныхъ

13 марта 1759 года, академическій совѣтникъ Таубертъ требовалъ отъ Миллера объясненія по поводу анонимныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ честь танцовщицы Сакко (Sakko) въ февральской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» (стр. 191): стихи эти весьма не понравились при Дворѣ, и Тауберта нарочно призывали туда, чтобъ узнать объ имени автора ихъ. Миллеръ въ тотъ же день отвѣчалъ Тауберту, что и по его мнѣнію стихи также непристойны, если Сакко дѣйствительно находится танцовщицею на придворномъ театрѣ въ Петербургѣ. «Такъ-какъ я, писалъ притомъ исторіографъ, вѣчно сидѣвшій за своимъ рабочимъ столомъ, не посѣщаю здѣшняго италіянскаго театра и никогда не слыхивалъ имени Сакко, то и предполагалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ италіянскому театру въ Парижѣ, и что, слѣдовательно, стихи не оригинальные, а переведены съ французскаго. Поэтому-то я нисколько и не затруднялся въ помѣщеніи ихъ въ журналѣ». Далѣе изъ словъ Миллера видно, что стихотвореніе напечатано вслѣдствіе просьбы академика Попова и принадлежало, какъ из-

---

сочиненіяхъ». Милютинъ (Современникъ 1851 г., т. XXVI, отд. II, стр. 23 «Очерки русской журналистики») останавливается на статьѣ, подписанной буквами М. П. «Изъ статьи его, говоритъ Милютинъ, видно только, что въ 1760 г. онъ былъ сержантомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и дворяниномъ нашего посольства въ Константинополѣ. Авторъ ихъ описываетъ тогдашнее состояніе константинопольскаго двора и турецкой имперіи, нравы и обычаи турокъ, положеніе ихъ промышленности и торговли и т. п. Между прочимъ онъ разсказываетъ объ одномъ происшествіи, будто бы случившемся съ нимъ самимъ, но болѣе похожимъ на романъ, чѣмъ на истинное событіе...» Далѣе Милютинъ высказываетъ догадку: не былъ-ли авторомъ статьи Михаилъ Прокудинъ-Горскій? Въ рукописныхъ извѣстіяхъ, которыми пользовался пишущій эти строки, нашлось только слѣдующее свѣдѣніе, относящееся къ автору помянутой статьи. Ѳ. И. Соймоновъ, въ письмѣ къ Миллеру 23 апрѣля 1764 г., сообщалъ между прочимъ: «...При семъ прилагаю Записки, которыя пріятель мой, будучи дворяниномъ въ Константинополѣ, о достойныхъ примѣчанія вещахъ собралъ. Онъ намѣренъ издать ихъ, если не можно въ одной книгѣ, то хотя бъ и въ «Ежемѣсячныхъ примѣчаніяхъ» по матеріямъ. И буде онѣ, по усмотрѣнію вашему, достойными найдутся, въ такомъ случаѣ прошу сдѣлать одолженіе и дать мнѣ знать, какимъ образомъ поступить въ томъ должно...» Въ XXIX портфелѣ писемъ къ Миллеру отъ разныхъ лицъ въ архивѣ академической конференціи.

вѣстно было Миллеру по слуху, перу гвардейскаго унтеръ-офицера Ржевскаго [1]).

Этотъ случай побудилъ академическую канцелярію къ составленію слѣдующаго опредѣленія: «Понеже въ академическихъ сочиненіяхъ февраля мѣсяца сего 1759 года внесены нѣкоторые стихи неприличные, почему и листъ тотъ перепечатанъ, того ради приказали: прежде отдачи въ станы, какая бъ о чемъ матерія ни была, первые листы или послѣднія корректуры, для вѣдѣнія гг. присутствующихъ, вносить въ канцелярію [2])...»

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» уцѣлѣло это стихотвореніе. Помѣщаю его здѣсь, чтобы вѣрнѣе судить о помянутомъ распоряженіи:

СОНЕТЪ ИЛИ МАДРИГАЛЪ

Либеръ Сакъ актрисѣ Итальянскаго вольнаго театра.

Когда ты Либера что въ драмѣ представляешь,
Въ часы тѣ, что къ тебѣ приходитъ плескъ во уши,
Отъ зрителей себѣ то знáкомъ принимаешь,
Что въ нихъ ты красотой зажгла сердцà и дýши.

Довольное число талантовъ истощила
Натура для тебя, какъ ты на свѣтъ раждалась.
Она тебя она, о Сако! наградила,
Чтобы на всѣ глазà пріятною казалась.

Небеснымъ пламенемъ глазà твои блистаютъ,
Тѣнь нѣжною лица черты намъ представляютъ,
Прелестенъ взоръ очей, осанка несравненна.

Хоть нѣкихъ дамъ языкъ клевещетъ тя хулою,
Но служитъ зависть ихъ тебѣ лишъ похвалою:
Ты истинно плѣнять сердцà на свѣтъ рожденна.

---

[1]) XXXII портфель писемъ къ Миллеру и II портфель писемъ его къ разнымъ лицамъ.

[2]) Архивъ академической канцеляріи, книга № 241.

Надобно думать, что послѣдніе три стиха болѣе всего возбудили то недовольство, о которомъ писалъ Таубертъ Миллеру.

Въ «Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи» Ломоносовъ, между прочимъ, укоряетъ Миллера за помѣщеніе въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» непріятной для него статьи Тредіаковскаго о мозаикѣ: «Сіи ругательства [1]) дѣлу, для отечества славному, отъ кого произошли видно, что при концѣ онаго сочиненія стоятъ буквы В. Т.; собираетъ сочиненія профессоръ Миллеръ; печатаетъ Таубертъ. Одному — Ломоносова стихотворство; другому — его исторія, третьему — обое, а паче всего въ канцеляріи товарищество противно...» Ломоносовъ это писалъ на память, которая ему измѣняла: въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» помянутой статьи не было напечатано, и она явилась въ «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова, на что Ломоносовъ и жаловался, 8 іюля 1759 года, Ивану Ивановичу Шувалову: «Въ Трудолюбивой такъ называемой Пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр. совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство. Здѣсь видѣть можно цѣлой комплотъ: Тр. сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ «Пчелу», Т (аубертъ)... далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую [2])!...»

По свидѣтельству Ломоносова [3]), Миллеръ получилъ выговоръ отъ конференціи при дворѣ императрицы Елизаветы около ноября 1760 года «за важныя политическія ошибки, ежели ошиб-

[1]) Въ небольшой статейкѣ о Мозаикѣ Тредіаковскій распространяется исключительно о томъ, откуда произошло это слово, также о различныхъ родахъ мозаики и о финифти. Въ концѣ же замѣчено: «Живопись, производимая малеваніемъ, весьма превосходнѣе мозаичныя живописи, по разсужденію славнаго въ ученомъ свѣтѣ Автора, ибо не возможно, говоритъ онъ, подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ красотамъ и пріятностямъ, изображеннымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла, или на стѣнѣ такъ называемою фрескою, изъ воды по сырой извести». Этими словами и кончается статейка. (Трудолюбивая Пчела Сумарокова, 1759 г., стр. 353—360).

[2]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ, стр. 389, 390.

[3]) Въ представленіи къ президенту Академіи Наукъ въ январѣ 1761 г. въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собран. Билярскимъ, стр. 491, 492.

ками назвать можно», прибавляетъ Ломоносовъ. Дѣло касалось статьи, помѣщенной въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» (май, 1760 года, стр. 387 и слѣд.), подъ заглавіемъ «Извѣстія о запорожскихъ казакахъ», и здѣсь по этому одинъ листъ былъ перепечатанъ и нѣсколько словъ исключены.

«Иностранная коллегія, продолжаетъ Ломоносовъ далѣе [1]), и безъ того затрудненіе имѣетъ отвѣтствовать о побѣгахъ изъ Запорожья. Въ іюлѣ мѣсяцѣ (Ежемѣсячныхъ) сочиненій прошлаго 1760 году, стр... въ примѣчаніи андреевскихъ казаковъ Персіи присвояетъ, на что въ иностранной коллегіи негодуютъ...» Говоря такимъ образомъ, Ломоносовъ имѣлъ въ виду «Извѣстіе о находящихся съ западной стороны Каспійскаго моря между Астраханью и рѣкою Куромъ народахъ и земляхъ и о ихъ состояніи въ 1728 году». Здѣсь на стр. 41, 42 говорится объ андреевскихъ казакахъ, какъ состоящихъ подъ владѣніемъ князя Ейдемира.

«Не токмо въ «Ежемѣсячныхъ», но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, утверждаетъ наконецъ Ломоносовъ [2]), всѣваетъ по обычаю своему занозливыя рѣчи. Напримѣръ, описывая чувашу, не могъ протти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примѣчанія, что Миллеръ пишетъ и печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Разстригины—самую мрачную часть россійской исторіи, изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?»

Дѣйствительно въ V-й части Sammlung Russischer Geschichte, напечатанной въ 1760 году, Миллеръ помѣстилъ Versuch einer neueren Geschichte von Russland, который по русски началъ яв-

[1]) Въ представленіи къ президенту Академіи Наукъ въ январѣ 1761 г. въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собран. Билярскимъ, стр. 491, 492.

[2]) Тамъ же.

ляться въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1761 года, подъ заглавіемъ «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи». Въ предисловіи къ нему самъ Миллеръ сознавался, что эпоха, имъ избранная для описанія, исполнена внутреннихъ безпокойствъ, а потому не заключаетъ въ себѣ того, что заслужило бы похвалы въ потомствѣ; «но, продолжаетъ Миллеръ, есть ли такая земля, либо государство, которое бъ не имѣло своихъ неблагополучныхъ временъ и въ коемъ бы не перемѣнялись счастіе и несчастіе, сила и слабость, завоеванія и опустошенія? Исторія государствъ уподобляется картинѣ, имѣющей тѣнь, которая потребна къ тому, дабы ясность и превосходство чрезъ то казались великолѣпнѣе... Но есть и другая причина, побудившая меня, чтобъ положить начало съ сего времени при изданіи россійской исторіи... Г. Татищеву соизволилось сочиненную имъ исторію прекратить кончиною царя Ѳедора Ивановича, яко послѣдняго изъ варяжскаго колѣна [1]); того ради почелъ я за справедливое зачать съ того времени, гдѣ онъ свой трудъ окончилъ, для приведенія въ нѣкоторое совершенство всея россійской исторіи...»

Изъ слѣдующаго письма Миллера отъ 20 апрѣля 1761 года къ извѣстному конференцъ-секретарю Дмитрію Васильевичу Волкову оказывается, что, въ слѣдъ за Ломоносовымъ, на «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи» обратило вниманіе и высшее правительство:

«Ваше высокородіе изволили г. совѣтнику Тауберту объявить, что отъ гг. конференцъ-министровъ вамъ поручено за нѣкоторыя, въ моихъ сочиненіяхъ о россійской исторіи находящіяся непристойности дать мнѣ жестокій выговоръ съ приказаніемъ, чтобъ впредь такія сумнѣнія отъ меня напечатаны не были. Слышавъ сіе, прибѣжалъ я къ вамъ вчерашняго числа, а не заставъ

[1]) Извѣстно, что Татищевъ хотѣлъ окончить свою исторію 1613 годомъ по тому уваженію, что «явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оные—погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстію несогласно, того ради оное оставляю инымъ для сочиненія...» Исторія россійская, кн. 1, часть I, стр. XXII.

дома, не могу себя успокоить, пока либо персонально, либо симъ писаніемъ вашего высокородія не увѣрю, что со всякимъ повиновеніемъ я готовъ принять напоминанія въ чемъ можетъ быть я согрѣшилъ, и ничего больше не желаю, какъ дабы мои сочиненія могли заслужить вашу аппробацію, которую я почитаю весьма высоко [1])».

«Что надлежитъ до Опыта новѣйшей исторіи о Россіи, то я думалъ, что оный сочиненъ съ крайнею осторожностью: всѣ листы, прежде печатанія, были разсмотрѣны господами членами академической канцеляріи, а что ими было примѣчено, якобы что можетъ подвержено быть критикѣ, оное я перемѣнилъ и исправилъ. Но понеже со всякою осторожностію ошибиться можно, то вашего высокородія покорнѣйше прошу, чтобъ соизволили мнѣ объявить тѣ мѣста, въ которыхъ я погрѣшилъ и писалъ непристойно, дабы я впредь отъ такихъ же погрѣшностей остерегаться могъ. Сія частица россійской исторіи для того названа мною Опытомъ, что я не намѣренъ былъ продолжать далѣе, пока не слышу (sic), каково она принята будетъ отъ публики и пока не получу приказа, такимъ-ли образомъ продолжать или инымъ. Токмо я желалъ бы, чтобъ продолжалася до кончины царя Бориса Годунова, что̀ уже и напечатано на апрѣль мѣсяцъ, токмо еще не публиковано; чего ради вашему высокородію тѣ печатные листы сообщаю, прося васъ, чтобъ соизволили, прочитавъ, приказать Академіи, публиковать-ли оные и тѣмъ окончить исторію царя Бориса, или нѣтъ? Если усмотрите во оныхъ нѣчто, поправленію подлежащее, то сіе легко исправиться можетъ. А впрочемъ вашего высокородія проницательному разсужденію всѣ свои сочиненія охотно я подвергаю и покорнѣйше прошу, чтобъ вы соизволили принять на себя трудъ прочесть мои историческія пьесы прежде напечатанія, тогда я надеженъ буду о всеобщей аппробаціи оныхъ, а я во всемъ буду слѣдовать вашимъ наставленіямъ» и пр. [2]).

Въ одномъ черновомъ письмѣ къ Рычкову Миллеръ сооб-

[1]) Бѣдный историкъ! Это письмо чрезвычайно характеризуетъ отношенія ученыхъ къ секретарямъ въ Россіи прошлаго столѣтія.

[2]) IV портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ 1761—1762 годовъ.

щалъ-было ему объ одномъ человѣкѣ, который всегда желалъ его погибели и добился-таки, что Миллеръ не смѣетъ далѣе продолжать новой русской исторіи [1]). Осторожный историографъ вычеркнулъ потомъ изъ письма это мѣсто, и Рычковъ, оставаясь въ невѣдѣніи о запрещеніи, постигшемъ «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи», писалъ къ Миллеру 9 сентября 1761 года: «желаю, чтобъ ваша новгородская исторія благополучно возымѣла окончаніе. Опытъ новѣйшей исторіи читалъ я со многимъ удовольствіемъ и сожалѣю, что какъ видно всего невозможно было вамъ въ публику произвесть. Ежели причину того возможно вамъ мнѣ изъявить, то тѣмъ покажете вы мнѣ особливой знакъ вашея искренности. Я признаваюсь вамъ, какъ другу, что и меня часто отъохочиваютъ такія обстоятельства сочинять и посылать къ вамъ то, что мнѣ иногда на мысль приходитъ [2])».

Другой усердный корреспондентъ Миллера и сотрудникъ его журнала, сибирскій губернаторъ Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, 5 декабря 1761 года, писалъ къ нему изъ Тобольска: «Изъ присланныхъ ко мнѣ мѣсячныхъ примѣчаніевъ въ первой половинѣ нынѣшняго году усмотрѣлъ я сочиненіе о россійской исторіи, и что оное столь великимъ пространствомъ писано, чему я сердечно порадовался по причинѣ той, что при моемъ екстрактѣ [3]) въ предисловіи упомянуто: ежели кто больше или обстоятельнѣе знать пожелаютъ, то могутъ удовольствіе свое получить изъ пространной россійской исторіи. Потому я уже не сомнѣваюся, что такія свои желанія получить могутъ, ежели тѣмъ же порядкомъ и прочее изъяснено вашими трудами будетъ [4])...»

Миллеръ, въ отвѣтъ на это письмо,ославъ томъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» за 1761 годъ, 4 февраля 1762 года увѣдом-

---

[1]) Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова (Спб. 1867 г.), стр. 46, 47.

[2]) XXIV портфель писемъ къ Миллеру отъ разныхъ лицъ.

[3]) Екстрактомъ Соймоновъ называетъ посланное имъ къ Миллеру сочиненіе свое: «Краткое собраніе о приращеніяхъ всероссійской имперіи и о прочихъ нѣкоторыхъ достопамятныхъ случаяхъ».

[4]) XXIX портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ.

лялъ: «...Въ ономъ изволите найти сочиненіе ваше о пословицѣ «Сибирь золотое дно», а совѣтованіе о воеводахъ принужденъ я былъ оставить по разсужденію нѣкотораго знатнаго министра. Извѣстіе о ландкартахъ тутъ же находится на русскомъ языкѣ; да въ первыхъ четырехъ мѣсяцахъ краткая исторія о Новѣгородѣ, которая, уповаю, не меньше вашею аппробаціею удостоена будетъ какъ въ первомъ томѣ того жъ года напечатанный Опытъ новѣйшей россійской исторіи. Если бы здѣсь объ ономъ Опытѣ таковожъ благосклонно разсуждали, то бъ я охотно трудился въ продолженіи онаго; но нѣкоторымъ показалося (зачеркнуто: «что я пишу дерзко»), что о приключеніяхъ смутныхъ временъ, за тѣмъ, что не служатъ къ чести, упоминать не должно, и того ради печатаніе продолжать не дозволено было [1])...»

Послѣ 1761 года, въ бумагахъ академической канцеляріи не встрѣчается болѣе случаевъ принятія какихъ либо цензурныхъ мѣръ противъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Причину этому едвали не надобно искать въ томъ особенномъ вниманіи, которымъ удостоивала стараго академика и редактора журнала императрица Екатерина II. Доказательствомъ тому сохранилась слѣдующая записка Миллера къ академическому совѣтнику Тауберту 21 октября 1764 года: «Вчера ввечеру я получилъ неожиданную милость: ея императорское величество потребовала меня къ себѣ и около часа милостиво разговаривала со мною о разнообразныхъ предметахъ. Между прочимъ она спрашивала меня о продолженіи Sammlung Russischer Geschichte, и, узнавъ, что теперь отпечатана IX-я часть, соизволила выразить, что это изданіе, съ самаго возшествія ея на престолъ, къ ней болѣе не доставляется, а потому поручила мнѣ озаботиться, чтобы у ней былъ полный экземпляръ и на будущее время всякой разъ, при выходѣ въ свѣтъ новой части, точно представлять ей. Я обѣщалъ передать о томъ вамъ и теперь исполняю это повелѣніе [2])...»

---

[1]) IV портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1761—1762 годовъ.
[2]) V портфель писемъ Миллера къ разнымъ лицамъ, 1763—1764 годовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БАРОНА КОРФА ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ПРИ АКАДЕМІИ СЕМИНАРІИ *).

Въ правительствующій сенатъ

изъ Академіи Наукъ

ДОНОШЕНІЕ.

Изъ подтвержденнаго отъ Его Императорскаго Величества Петра Великаго блаженныя и вѣчно достойныя памяти прожекта объ Академіи Наукъ можетъ правительствующему сенату довольно извѣстно быть, что обрѣтающіеся при оной профессоры не толико собственными своими изобрѣтеніями науки въ бо́льшее совершенство приводить, но притомъ и молодыхъ людей въ оныхъ обучать долженствуютъ. Что̀ они первое намѣреніе исполнили, явствуютъ печатанныя при Академіи книги. А оная причина, для которой они вторую часть своей должности въ дѣйство привести не могли, происходитъ отъ того, что они способныхъ учениковъ не имѣли; но дабы и въ семъ высочайшему намѣренію Ея Императорскаго Величества послѣдовано было, то я, по моей должности, правительствующему сенату всенижайше предлагаю и прошу, дабы соблаговолено было приказать сначала тридцать человѣкъ шляхетныхъ юношей добраго права и довольныя надежды при Академіи воспитать и содержать и не толико въ приличныхъ къ украшенію, но и вышнихъ наукахъ, по намѣренію Его Императорскаго Величества Петра Великаго блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, такъ обучать, чтобъ они современемъ государству полезныя услуги показывати могли. Какъ оные содержаны и воспи-

*) Изъ книги подъ № 791, архивъ академической канцеляріи.

таны быть имѣютъ, о томъ находится извѣстіе на приложенной росписи подъ литерою А. На сіе требуется по точнѣйшему изчисленію, какъ подъ литерою В видѣть можно, четырехъ тысячь трехъ сотъ девяносто осьми рублевъ двадцати пяти копеекъ, къ чему особливую сумму опредѣлить надлежитъ, потому что нынѣшняя академическая сумма, какъ извѣстно, и на случающіеся при оной необходимые расходы недовольна. Хотя нѣкоторыя вещи изъ оныхъ дешевле заготовлены быть могутъ, однакожъ въ другихъ случаяхъ нѣкоторые расходы учинятся, которые нынѣ и на память не приходятъ, и понеже отъ того весьма много зависитъ, чтобъ юношество добрымъ порядкомъ обучено было, того ради избранъ къ тому наилегчайшій и въ изрядно учрежденныхъ школахъ употребительнѣйшій способъ, который при академической гимназіи, въ которой помянутыя юноши свое наставленіе получить имѣютъ, отчасти уже въ употребленіи находится, а отчасти еще введенъ быть имѣетъ, и при семъ подъ литерою С правительствующему сенату, для подтвержденія, предлагается. Понеже учрежденіе такимъ образомъ учинено, что первое основаніе какъ въ языкахъ, такъ и въ наукахъ ученикамъ показано будетъ, того ради могутъ какъ тѣ, которые уже прежде нѣкоторое наставленіе имѣли, такъ и тѣ, которые еще ничего (не) знаютъ, въ сей семинаріумъ или въ число тридцати приняты быть. Однакожъ послѣднимъ изъ оныхъ по крайней мѣрѣ больше осьми лѣтъ отъ рожденія имѣти не надлежитъ, потому что когда они старѣе, то объ нихъ такъ совершенно надѣяться не можно, чтобъ они свое ученіе въ способныхъ къ тому лѣтахъ окончили, и потому основательное знаніе имѣли. Напротивъ того, могутъ первые, ежели они добраго нрава и (по?) пропорціи своихъ лѣтъ уже нѣчто научились, въ семинаріумъ тѣмъ способнѣе приняты быть. Однакожъ, чтобъ имъ больше четырнадцати лѣтъ отъ рожденія не было, потому что ежели они старѣе, то надлежитъ имъ уже столько знать, чтобъ они въ гимназію ходити не принуждены были, но наипаче у профессоровъ въ вышнихъ наукахъ лекціи слушать могли.

Коп.

Апрѣля 16 дня
1735 года.

(Слушано апрѣля 22 дня 1735 года).

А.

Предложеніе о семинаріи.

При академіи старались уже за нѣсколько лѣтъ, чтобъ учредить семинаріумъ изъ малолѣтныхъ, которые бъ безъ всякаго препятствія съ довольнымъ руководствомъ въ наукахъ происходити и потомъ отечеству

полезныя услуги учинить могли. Германія подобными сему учрежденіями такъ наполнена, что ни малаго города нѣтъ, въ которомъ бы либо градской совѣтъ изъ общихъ доходовъ, или приватныя особы о такихъ учрежденіяхъ не старалися. Отъ чего и произошло, что какъ Германія прежъ сего въ потребныхъ людяхъ возъимѣла великій недостатокъ, такъ оная нынѣ изобильствомъ оныхъ къ всегдашнему изобранію хвалится можетъ.

Ежели такимъ образомъ при Академіи учредить семинаріумъ, то отъ того польза хотя въ первые седмь лѣтъ и не очень явно скажется, однакожъ, по прошествіи оныхъ лѣтъ, по всягодно бо́льшихъ плодовъ ожидать можно. И ежели въ оной семинаріи содержать изъ малолѣтняго шляхетства тридцать человѣкъ, то оное въ годъ совсѣмъ станетъ въ четыре тысячи триста девяносто восемь рублевъ дватцать пять копеекъ. О всякомъ изъ оныхъ стараніе имѣти надлежитъ, чтобъ въ пропитаніи, одеждѣ и прочемъ, что̀ потребно, удовольствіе было и во всемъ честно воспитаны и содержаны быть могли. Для того надобно, онымъ не въ дальности отъ гимназіи имѣть особливый домъ, въ которомъ бы не меньше пяти покоевъ быть и во всякомъ стоять было можно по шести кроватей и толикое жъ число шкаповъ, въ которыхъ сохранять платіе и бѣлье. Еще же три покоя, въ которыхъ имъ учиться, да большой покой, гдѣ имъ кушать; сверхъ того покой одинъ ради больныхъ. Въ томъ же домѣ надобно жить инспектору семинаріи для того, что надлежитъ ему день и ночь надъ ними имѣть надзираніе. И для того правительствующему сенату предлагается, чтобъ Строгоновъ домъ, для оной близости при Академіи, въ наемъ взять. Инспекторъ семинаріи долженъ надъ поведеніемъ, прилежностію, чистотою, кушаньемъ, одеждою и бѣльемъ отеческое имѣть смотрѣніе, дабы подъ его смотрѣніемъ во всемъ удовольствованы были.

Ему подчиненъ экономъ, которому въ томъ же домѣ жить и всякое покойство имѣть, что̀ до поварни, погребовъ и прочаго касается. Съ которымъ учинить договоръ, что ему по мѣсячно за всякаго человѣка платить; напротивъ того назначить ему повседневно, какъ обыкновенную, такъ и постную пищу, такожъ-же сколько у питія ему на всякаго человѣка числить, дабы всякій удовольствованъ былъ. И что по мѣсячно уговорено-сь будетъ, то и въ содержаніе служащихъ и всего принадлежащаго зачитать надлежитъ, въ чемъ экономy имѣть попеченіе и Академіи до того дѣла не будетъ. А чтобъ отъ экономa исполнено было по данной ему росписи, то надлежитъ инспектору смотрѣть за кушаньемъ и питьемъ, такожде за чистотою всего столоваго скарба; а экономa полною властью принуждать къ исполненію того, что съ нимъ договорено. Что касается до питія, въ томъ экономy имѣть стараніе, чтобъ было не крѣпкое, но

здоровое и добраго вкусу; а иного имъ давать ему не позволяется. Къ тому жъ надлежитъ имѣть разсмотрѣніе, сколько питія, кромѣ стола, довольно быть можетъ, дабы экономy можно было вѣдать, какъ въ томъ поступать. Надлежитъ повсягодно семинаристу получать по одной парѣ новаго платья, а старое платье притомъ же носить сколько долго возможно, и потомъ оныя отдавать, которыя тогда въ особливомъ покоѣ сохранены быть могутъ, понеже еще за всегда на потребу нѣчто изъ онаго годно быть можетъ. При семъ надлежитъ гимназіи въ томъ имѣть смотрѣніе, чтобъ они платье свое содержали въ чистотѣ, а особливо въ бѣльѣ удовольствованы были, и для такой чистоты надобно содержать баню, въ которой на всякой недѣлѣ по субботамъ или по усмотрѣнію инспектора париться и на то содержать для услуженія особливаго человѣка.

Бѣлье можно поручить экономy, которому, за договорную мѣсячную или годовую плату, на то содержать портомоевъ, обаче инспектору семинаріи присматривать, чтобъ экономy въ томъ не происходило напраснаго отягощенія и бѣлье испорчено не было.

Ежели случится, что изъ нихъ кто занеможетъ, то такого надлежитъ отвесть въ больницу и за больными паче всего академическому лекарю, а буде по его усмотрѣнію великая трудность въ той болѣзни явится, то уже потребно на разсмотрѣніе такой болѣзни призывать изъ академіи доктора медицины; буде въ такомъ случаѣ родители, которые имѣютъ жительство здѣсь или и ближніе сродственники похотятъ такого больнаго взять къ себѣ въ домъ, то хотя оное позволено быть можетъ, однакожъ Академіи тогда въ пользованіи его болѣзни дѣла уже не будетъ.

Всѣмъ здоровымъ вставать лѣтомъ по утру около пятаго, а зимою около шестаго часовъ, въ тотъ часъ начисто одѣваться и въ одѣваніи медлить не больше полчаса.

Потомъ надлежитъ іеромонаху, который и безъ того при гимназіи имѣется, съ ними отправлять молитву, а послѣ того экономy имѣть про нихъ на готовѣ завтракъ. И какъ семинаристы до осьми часовъ къ лекціямъ своимъ пріуготовлялися, то имѣютъ они порядочно въ гимназію идти. При выходѣ въ двѣнадцатомъ часу, надлежитъ, чтобъ столъ про нихъ былъ готовъ и притомъ іеромонаху, паки приходя къ столу и вставаючи отъ стола, отправлять молитвы.

Инспекторъ долженъ на обѣдахъ часто присутствовать и притомъ смотрѣть, дабы отъ экономa ничего пренебрежено не было и отъ юношества напрасныя жалобы въ ястіи и питіи не происходили, но во всемъ бы порядочно и смиренно отправлялось.

Послѣ обѣда до половины часа перваго, всякому отъ трудовъ имѣть увольненіе съ пристойною забавою, и въ томъ такожде смотрѣніе имѣть и инспектору.

По полудни около двухъ часовъ, имѣютъ приходить паки въ гимназіумъ, но какъ скоро они около четырехъ часовъ изъ онаго выдутъ, то садиться всякому къ своему столу и пріуготовляться къ задачамъ послѣдующаго дня, и инспектору притомъ имѣть тщательное попеченіе, чтобъ все тихо и порядочно отправлялось.

Около шести часовъ имѣетъ быть столъ въ готовности, и при томъ все такъ поступать, какъ въ обѣдѣ, и тотчасъ послѣ ужина отправить іеромонаху вечернюю молитву.

Когда послѣ ужина немного упокоились, то пріуготовляются на задачи слѣдующаго дня и во исходѣ десятаго часа всѣмъ ложиться спать.

По середамъ надлежитъ по полудни отъ перваго до четырехъ часовъ упражняться въ танцованіи, да къ тому же можно и другихъ знатной фамиліи дѣтей, которые обрѣтаются въ гимназіи, допускать обаче такимъ образомъ, чтобъ никто безъ позволенія допущенъ не былъ. Какъ надъ семинаристами, такъ и надъ прочими смотрѣть, чтобъ никто меньше двѣнадцати лѣтъ отъ роду къ танцованію допущенъ не былъ, понеже извѣстно и сами танцмейстеры признаваютъ, что такіе дѣти, которые меньше тѣхъ лѣтъ къ тому допущены бываютъ, либо спиною или ногами окостеневаютъ, о чемъ причину натурально познать можно. Ежели разсудить, что онымъ семинаристамъ, такъ какъ и прочимъ, нѣсколько лѣтъ пребывать при танцованіи, то никто въ томъ спорить не можетъ, чтобъ урочное на то время недовольно было. Къ тому жъ можно оныхъ раздѣлить въ нѣкоторые классы; изъ оныхъ классовъ къ танцованію допустить можно сперва большихъ, которымъ около трехъ часовъ потомъ приняться за ученіе; а такихъ классовъ можно со временемъ такимъ образомъ раздѣлить, чтобъ въ первые или въ вышніе всегда такіе опредѣлять, которые уже принадлежащія туда науки такъ поняли, что уже и обученіе французскаго языка съ другими воспріять могли. И того ради ежели кто изъ вышнихъ классовъ въ учебныхъ задачахъ отъ танцованія удержанъ будетъ, то онаго къ тому не принудить. Однако же въ такомъ случаѣ оставляется то на разсужденіе инспектора семинаріи, которому и въ томъ, чтобъ все тихо и порядочно было имѣть, попеченіе, и впрочемъ всякое непристойное танцованіе и опасные капріолы запрещаются вовсе.

Въ пятомъ часу такъ поступать, какъ въ другіе дни опредѣлено. Но въ субботу отъ перваго часу (ибо отъ втораго на десять до перваго часа

оставляется на забаву) до четырехъ часовъ упражнятися имъ въ рисованіи, и тогда же къ нимъ паки изъ гимназіи допущены быть имѣютъ знатной фамиліи дѣти, обаче все такимъ порядкомъ какъ въ танцованіи. Въ пятомъ часу приходитъ время идти въ баню и потомъ около семи часовъ можно имъ ужинать.

Въ воскресенье и въ опредѣленныхъ торжественныхъ дняхъ надлежитъ іеромонаху, по отправленіи молитвы, всѣхъ семинаристовъ приводить въ церкву и тамо имѣть точное надъ всѣми смотрѣніе, а потомъ ихъ опять назадъ отвести. Но дабы между тѣмъ толь много часовъ праздно не было, то на него еще полагается, чтобъ по предписанію святѣйшаго синода съ ними въ духовныхъ дѣлахъ упряжнятися.

Понеже семинаристы на три покоя и толико жъ классовъ раздѣлены, того ради во всякомъ покоѣ по два или по три старосты изъ нихъ выбраны быть имѣютъ, гдѣ завсегда по недѣльно одному имѣть смотрѣніе надъ другими и инспектору семинаріи репортовать. Ежели же всѣ въ общемъ собраніи, то уже такой должности до другихъ не касается и только одинъ вышняго класса староста, чья недѣля, имѣетъ смотрѣніе надъ всѣми.

Понеже у дворянства обыкновенно, что своимъ сыновьямъ придаютъ слугъ, то хотя сіе и позволяется, однакожъ надлежитъ онымъ всегда въ трезвости, вѣрности и въ чистотѣ находиться, и подъ инспекторомъ семинаріи состоять какъ и господа ихъ, и имъ ниже дерзать безъ воли его противностей чинить. Но понеже статься можетъ, что нѣкоторые безъ слугъ будутъ, то въ такомъ случаѣ для услуженія на трехъ семинаристовъ опредѣлить по одному слугѣ.

Ежели бы родители и ближніе сродственники сыновей своихъ часто къ себѣ призывать хотѣли, то бъ ради упущенія науки допустить не возможно, но буде сіе не часто случится, то оставляется оное на разсужденіе инспектора семинаріи; обаче весьма не позволяется безъ его человѣка или безъ присланнаго отъ родителей или сродственниковъ служителя кого отпущать, которые оныхъ опять назадъ приводить должны.

На послѣдокъ понеже во всѣхъ вышеобъявленныхъ пунктахъ ни одного нѣтъ, по которому инспекторъ семинаріи не имѣлъ смотрѣнія, того ради долженъ онъ по вся субботы о томъ гимназіи директору оной, главному Академіи командиру репортовать и таковые же репорты вносить въ особую книгу.

Апрѣля дня
1735 года.

B.

Численіе на содержаніе тридцати семинаристовъ.

За кушанье и прочіе столовые припасы:	Руб.	Коп.
На каждаго семинариста на кушанье по 5 р. на мѣсяцъ, итого на 30 человѣкъ въ годъ	1800	
24 оловянныхъ блюдъ	24	
90 тарелокъ оловянныхъ	22	50
6 мѣдныхъ кулгановъ по 2 рубли	12	
12 оловянныхъ кружекъ по 25 копеекъ	3	
8 скатертей	10	50
9 салфетокъ по 5 копеекъ	4	50
60 оловянныхъ ложекъ по 6 копеекъ	3	60
2 мѣдныхъ котла	12	
30 ножиковъ по 10 копеекъ ножикъ	3	
Итого...	1895	10
На платье.		
7 аршинъ сукна на кафтанъ и камзолъ по рублю, итого на 30 человѣкъ	210	
6 аршинъ стамеду по 30 копеекъ аршинъ на 30 человѣкъ	54	
За гарусъ, пуговицы, байку, и прочіе потребы также за работу обще	120	
2 пары штановъ козлиныхъ по 50 копеекъ каждые, итого на 30 человѣкъ	30	
6 паръ портокъ по 15 копеекъ, итого на 30 человѣкъ	27	
3 пары валеныхъ чулокъ по 80, итого	72	
2 пары башмаковъ по 80 копеекъ	48	
1 пара сапоговъ по рублю по 50, на 30 человѣкъ	45	
30 паръ башмачныхъ пряжекъ по 10 копеекъ	3	
6 рубашекъ каждому по 50 копеекъ, итого на 30 человѣкъ	90	
6 полотняныхъ галстуховъ по 10, итого	18	
2 флоровые галстуха по 40 копеекъ	24	
6 платковъ по 10, на 30 человѣкъ	18	
1 колпакъ по 20, на 30 человѣкъ	6	

	Руб.	Коп.
1 зимняя шапка по 40 копеекъ	12	
1 пара зимнихъ рукавицъ по 15, итого	4	50
1 шляпа по 50 каждая, итого	15	
15 щетокъ чѣмъ платье чистятъ по 10	1	50
15 щетокъ башмачныхъ по 3		45
Для чищенія башмаковъ въ годъ	3	
15 ножницъ по 10 копеекъ	1	50
30 рѣдкихъ гребней по 10 копеекъ	3	
30 частыхъ гребней по 10 копеекъ	3	
120 аршинъ на полотенцы	4	80
Мыла, крахмалу, и за мытье рубахъ и прочаго онымъ бабамъ, которыя портомойницѣ будутъ пособлять мыть	60	
На пудру, ленты и прочіе мелочные расходы	37	50
Итого...	911	25
За дрова и свѣчи.		
90 сажень длинныхъ дровъ на топленіе горницъ, для мытья всякаго бѣлья по 2 рубли сажень, итого	180	
На свѣчи обще	60	
Итого...	240	
Ко служенію.		
6 надзирателей, которые смотрѣніе надъ прочими будутъ имѣть, каждому въ годъ по 24 рублей	144	
1 старуха, которая надъ больными и надъ платьемъ смотрѣніе будетъ имѣть	50	
Экономy, который кормить будетъ	150	
2 портомойницъ и одну швейку по 36 р. каждой	108	
4 работникамъ для топленія печей по 24 р. въ годъ и для услуги	96	
Итого...	548	

	Руб.	Коп.
За дворъ для житья 30 семинаристамъ съ своими надзирателями и экономомъ и прочими	400	
30 кроватей по 40 копеекъ	12	
30 тюфяковъ по 1 рублю	30	
30 соломенныхъ мѣшковъ по 20 копеекъ	6	
120 простынь по 45 копеекъ	54	
30 одѣялъ по 160 копеекъ	36	
75 деревянныхъ стульевъ по 10 копеекъ	7	50
30 столовъ большихъ и малыхъ	37	50
15 поставцовъ для платья по 1 рублю по 50 к.	25	50
15 зеркаловъ по рублю	15	
15 перочинныхъ ножиковъ по 10 копеекъ	1	50
6 огниво въ по 15 копеекъ		90
30 желѣзныхъ шандаловъ по 15 копеекъ	4	50
3 фонаря по два рубли	6	
15 чернильницъ по 20 копеекъ	3	
7 мѣдныхъ тазовъ по 2 р. по 50 копеекъ	17	50
Итого...	653	90
На всякіе прочіе расходы, которые подлинно означить невозможно, а именно на бумагу, чернила, перья, лекарство, всякія починки, на нитки, метлы и проч.	150	

Рекапитуляція.

На кушанье и прочіе столовые припасы	1895	10
На платье	911	25
На дрова и свѣчи	240	
На услуженіе	548	
На всякіе расходы	653	90
На прочіе расходы, которые подлинно означить невозможно	150	
Сумма...	4398	25

Итого на каждаго семинариста будетъ по 146 рублей по 60 и $^{5}/_{6}$ копеекъ.

Jacob Henrich Hoffmann.

С.

Форма гимназіи Академіи петербургской.

Гимназія Академіи петербургской того ради наипаче учреждена, чтобъ честные юноши, свободнымъ наукамъ обучившіеся, могли доступить до познанія наукъ академическихъ; но понеже не всякіе разумы до науки способны суть, а нѣкоторыхъ до высокихъ наукъ и допускать не надлежитъ, однакожъ и тѣмъ, которые въ иное житія состояніе вступить имѣютъ, будетъ въ гимназіи мѣсто, что́ и они отъ сего наставленія не малую пользу воспріять могутъ; и чтобъ отъ совокупнаго всѣхъ юношей смѣшанія благороднѣйшіе отъ нравовъ простолюдинцевъ въ самомъ еще младенчествѣ своемъ не повредились, предусмотрѣно и учреждено, дабы между собою раздѣленны онымъ наукамъ обучалися, а худѣйшіе отъ оныхъ всеконечно отлучены были бы. А понеже младенцы, не токмо свободнымъ наукамъ для честнаго въ гражданствѣ житія учимы, но и благочестію наставляемы быть должны такъ, чтобъ въ самомъ житіи, по правилу христіанскаго благочестія поступающе, тѣмъ наипаче удобнѣйшіе и достойнѣйшіе государству граждане сотворилися, что́ всего нужнѣйше быть видится и паче всего желательно есть. Дабы и въ сей нуждѣ какого недостатку не было, отъ святѣйшаго синода Академія іеромонаха упросила, который бы школьниковъ русскихъ благочестію христіанскому наученіемъ по правилу, отъ того жъ святѣйшаго синода установленному, въ тѣ часы, которые въ реестрахъ лекцій отъ насъ показаны, обучалъ. Да и нѣмецкіе такожде школьники, чтобъ по своему закону благочестію христіанскому обучались, ректору и товарищамъ вручены, чтобъ оные по уставу академическому въ семъ дѣлѣ поступали. Будутъ же въ гимназіи двѣ школы: первая латинская, вторая нѣмецкая. Въ оныхъ и лекціи, и дѣла именно росписать и образъ ученія опредѣлить заблаго-разсудилося, чтобъ имѣли тѣ учители чему непремѣнно послѣдовать должно, дабы или разностію, или несогласіемъ единъ другому непрепятствовать.

О школѣ нѣмецкой.

Школу нѣмецкую на три класса раздѣлить заблагоразсуждено: на большой, на средній, на меньшой; и всякій классъ паки на два класса, чтобъ шляхтичи въ одномъ были, а прочіе въ другомъ.

2) Въ сей школѣ ректоръ съ двумя товарищами языку нѣмецкому сперва учить будутъ.

3) Ректоръ большихъ, наипаче ему врученныхъ, имѣть будетъ, которые, къ наукамъ не простираяся, нѣмецкому языку весьма себѣ вдадутъ; тѣхъ онъ, ректоръ, на нѣмецкомъ языкѣ письма писать и переводить ясно и разумно обучать будетъ. Для того присовокупятся исторія и географія; исторія изъ вопросовъ историческихъ Іоанна Гюбнера; географія жъ изъ того жъ географическихъ вопросовъ и съ ландкартъ давать будетъ. Чисто же писать такъ по нѣмецки, какъ и по латински, и ариѳметикѣ единъ изъ товарищей обучать будетъ.

4) Среднихъ единъ изъ товарищей, подъ управленіемъ ректора, грамматику давать и разговоры толковать и легчайшимъ екзерциціямъ съ русскаго на нѣмецкій переводить обучать будетъ пока или къ большимъ припишутся, или въ латинскую школу пойдутъ. Которые же въ латинскую школу пойдутъ, оныхъ здѣсь въ вящшемъ долго держать не надлежитъ, понеже нѣмецкаго языка обученій и тамъ довольство имѣть будутъ ежели грамматику нѣмецкую знать, съ русскаго по среднему на нѣмецкій языкъ переводить, и по нѣмецки говорящаго безъ великой трудности разумѣть будутъ. А понеже и тѣмъ, которые нѣмецкому языку весьма себѣ вдать пожелаютъ латинскаго языка нѣкое знаніе имѣть полезно будетъ, того ради въ семъ классѣ Доната латинскаго да читаютъ, чтобъ себя по маленьку, когда по латински читать учатся, купно къ познанію сперва деклинаціи приготовили, которые же до большаго латинскаго языка разумѣнія доступить пожелаютъ, тѣхъ сперва въ пятый классъ латинскаго языка перевесть надлежитъ, и оставить на ихъ волю, въ большой ли оттуду нѣмецкой классъ пойти, или и четвертаго класса лекцій латинскихъ слушать пожелаютъ.

Меньшихъ, другой товарищъ, подъ управленіемъ того жъ ректора, въ читаніи нѣмецкихъ и латинскихъ книгъ и въ этимологіи нѣмецкой, всѣхъ же чистому писанію и въ ариѳметикѣ наставлять будетъ.

5) А понеже оба товарища ректору помогать должны, то, чтобъ въ часахъ и должностѣхъ какого помѣшательства не было, всякому въ реестрахъ и должность, и время назначить.

6) На послѣдокъ, понеже о репетиціяхъ прилежное стараніе имѣтися должно, то ректорова должность будетъ, чтобъ въ каждое послѣ четырнадцати дней время какой кто изъ учениковъ въ ученіи успѣхъ возъимѣлъ.

ЛЕКЦІИ КЛАССА БОЛЬШАГО.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Ректоръ екзерциіи.	Ректоръ разныя.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Репетиція грамматики съ экзерциями.	Товарищъ II. Чистописать.
♂	Ректоръ екзерциіи.	Ректоръ разныя.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Географія.	Товарищъ II. Чистописать.
☿	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы съ средними къ ректору.	Ректоръ письма или епистолы.	Ректоръ исторію.		
♃	Ректоръ екзерциіи.	Ректоръ разныя.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Репетиція грамматики съ екзерциями.	Товарищъ II. Ариѳметику
♀	Ректоръ екзерциіи.	Ректоръ разныя.	Ректоръ толковать.	Товарищъ I. Географію.	Товарищъ II. Ариѳметику.
♄	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы съ средними къ ректору.	Ректоръ письма.	Ректоръ исторію.		

ЛЕКЦІИ КЛАССА СРЕДНЯГО.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☽	Товарищъ I. Грамматику.	Товарищъ I. разговоры, екзерциіи.	Товарищъ I. Вокабулы.	Товарищъ II. Чистописать.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
♂	Товарищъ I. Грамматику, екзерциіи.	Товарищъ I. Грамматику, екзерциіи.	Товарищъ I. Разговоры, вокабулы.	Товарищъ II. Чистописать.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
☿	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы съ большими къ ректору.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.		
♃	Товарищъ I. Грамматику, экзерциіи.	Товарищъ I. Разговоры, вокабулы.	Товарищъ I.	Товарищъ II. Чистописать.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
♀	Товарищъ I. Грамматику, екзерциіи.	Товарищъ I. Грамматику, екзерциіи.	Товарищъ I. Разговоры, вокабулы.	Товарищъ II. Чистописать.	Товарищъ I. Лекцію латинскую.
♄	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы съ большими къ ректору.	Товарищъ I. Грамматическую репетицію.	Товаришъ I. Грамматическую репетицію.		

ЛЕКЦІИ КЛАССА НИЖНЯГО.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ II.	Нижніе съ средними чистописать.	Нижніе съ среднимилекцію латинскую.
♂	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Нижніе съ средними чистописать.	Нижніе съ среднимилекцію латинскую.
☿	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы отъ товарища II катихизису обучаются.	Товарищъ II. и между тѣмъ пишутъ лекчую съ вѣдо	Чистописать, когда иные цію нѣмецмостями.		
♃	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Нижніе съ средними чистописать.	Нижніе съ среднимилекцію латинскую.
♀	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Товарищъ II. Лекцію нѣмецкую и этимологію.	Нижніе съ средними чистописать.	Нижніе съ среднимилекцію латинскую.
♄	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы какъ въ день ☿	Товарищъ II. Какъ въ день ☿	Товарищъ II. Какъ въ день ☿		

О школѣ латинской.

1) Школа латинская на пять классовъ раздѣлена будетъ; и паки всякій классъ на двѣ статьи едина для учениковъ, которые изъ шляхтичевъ, а другая для подлѣйшихъ.

2) Первые обучаться будутъ реторикѣ, логикѣ, піитикѣ, и авторовъ присовокупятъ Цицерона, Ливія, Виргилія и иныхъ; также греческаго языка, исторіи и географіи учиться будутъ.

3) Вторые обучаться будутъ первымъ фундаментамъ реторическимъ, просодіи и синтаксиса..... присовокупивъ для стиля, Юлія Кесаря, епистолы Цицероновы и лучшихъ піитовъ; къ тому же еще исторію, географію, грамматику греческую, ариѳметику.

4) Третьи учиться будутъ просодіи и сантаксіи, употребивъ авторовъ латинскаго языка Корнеліа Непота и Кастеліона; къ тому жъ повторять будутъ этимологію и будутъ обучаться исторіи, географіи, ариѳметикѣ, чистому писанію.

5) Четвертые, учиться будутъ синтаксіи и этимологіи, присовокупивъ Севастіана Кастелліона разговоры и сверхъ того ариѳметикѣ, а также и чистописать.

6) Пятые этимологіи, ариѳметикѣ, чистописать учиться будутъ и до синтаксиса приготовятся.

Учить будутъ въ школѣ латинской во всю недѣлю:

Ректоръ	10	часовъ.
Проректоръ	12	»
Конректоръ	12	»
Товарищъ I	16	»
Товарищъ II	20	»
Товарищъ III	20	»
Товарищъ IV	26	»

Для совершеннѣйшаго же знанія, какими ученіе приращеніями ученикамъ по малу отъ нижняго класса къ высочайшему простиратися, и какимъ способомъ учителямъ взаимно другъ другу вспомогать прилучествуетъ, отъ нижняго класса начнемъ.

О пятомъ классѣ.

1) Въ сей классъ тотъ только принятъ будетъ, кто нѣмецкій языкъ хотя по среднему знать будетъ, дабы учителя, учащаго по нѣмецки, разумѣть могъ.

2) Товарищъ IV этимологію учить будетъ пока ученики такъ деклинаціи, какъ коньюгаціи, аномалы (неравныя) и регулы этимологическія даже и правильно умѣть будутъ, присовокупивши вокабулы изъ книги меморіальной Целлярія, въ началѣ глаголы, которыхъ времена прошедшія и супины, то есть воспятые, твердо знать будутъ. Ученики сіи всѣ въ домѣхъ да изучаютъ, чтобъ больше времени къ читанію уроковъ, къ толкованію и къ свидѣтельствованію въ школѣ оставалось. Большимъ, или которые ученики больше разумѣютъ, тѣмъ легчайшія синтактическія регулы толковать и практику оныхъ регулъ, примѣры на таблицѣ пишучи, показывать. Тотъ же товарищъ долженъ будетъ, такъ чистаго писанія, какъ и ариѳметикѣ обучать.

О четвертомъ классѣ.

1) Въ сей классъ никто да вступаетъ, развѣ кто этимологію и синтактическіе регулы нетрудные добре изучитъ.

2) Товарищъ III такъ поступитъ въ синтаксіи, что во первыхъ не трудные регулы (правила), прежде трудныхъ толковать будетъ. А потомъ многіе образцы (примѣры) до всякой регулы присовокупитъ, понеже грамматисты въ регулахъ, которые порядкомъ они своимъ располагаютъ, не естественнымъ способомъ дѣтей обучаютъ, но нѣкоторому образцу художественному послѣдуютъ, и такое великое затрудненіе учащимъ разумно исправить также должны. Того ради расположеніе правилъ, чтобъ прежде были свободнѣйшія, а потомъ бы труднѣйшія правила въ грамматикѣ, имѣющейся напечататься въ Академіи, присовокупить должно. А регулы, которыя синтаксиму фигурную содержатъ, въ семъ классѣ лучше отставить. Екзерціи, съ нѣмецкаго языка на латинскій переведенныя, прилежно учитель разсмотритъ, чтобъ сочиненіе было изъ регулъ нетрудныхъ и прежде знаемыхъ истолковано и чтобы дѣти правило, которое угодно бы было, прилежно также въ екзерціяхъ по нѣмецки надобно заданны конструкцію показывать (sic!), придавши латинскіе вокабулы. А одинъ изъ тѣхъ при всѣхъ на таблицѣ по латински написать, а потомъ всякъ свои екзерціи, въ домѣ сочиненныя, ко исправленію отдавать долженъ.

Надлежитъ такожде въ сихъ екзерціяхъ иногда исторійку или нѣкую фабулу Езопову предлагать, а иногда иную какую вещь, котораго уставленія причину вышнихъ классовъ образецъ изъяснитъ. Въ разговорахъ Кастельоновыхъ легко учитель долженъ поступать со труднѣйшихъ, касающихся до этимологіи, учениковъ вопрошать; регулы синтактическіе

показывать, конструкціи силу прилежно во первыхъ предлагать; вокабулы и удобнѣйшіе фразесы выбирать по чаще, также разговоръ повторять, а иногда такожде что-нибудь давать перевесть понѣмецки.

А когда пятыя школы ученики придутъ, которые въ положенные часы въ четвертый классъ ходить должны, оныхъ прилежно слушать, и о нетрудныхъ задачахъ и легкихъ могутъ и тѣ отвѣтъ давать.

Этимологію чрезъ нѣкоторыя задачи подтверждать надобно; а вокабуламъ изъ книги меморіальной Целлярія въ домѣ обучаться въ урочные свои часы должны.

О третьемъ классѣ.

1) Въ третій классъ никто не вступитъ, развѣ кто всю этимологію умѣть будетъ и синтаксимы бо́льшую часть правильно изучитъ, Кастеллоновы нѣкоторые разговоры свободно истолкуетъ и нѣсколько вокабулъ на память изучитъ.

2) Однакожъ товарищъ II этимологію прилежно проучитъ и положенныя нѣкоторыя задачи, наизусть выученныя, вопрошать. А въ три мѣсяца чтобъ все окончиться могло.

Такожде синтаксиму съ меньшими при прочихъ слушающихъ отъ начала только повторить, и такъ отъ легчайшихъ регулъ мало чѣмъ до труднѣйшихъ чрезъ примѣры многіе и разные. А о труднѣйшей синтаксіи фигурной съ большими по прилежнѣе поступать.

3) Корнелія Непота такъ о конструкціи, какъ о толкованіи вящее стараніе приложить. Которыя обрѣтаются труднѣйшія въ этимологіи, о тѣхъ учениковъ и синтактическія регулы, рѣдко во употребленіи бываемыя, вопрошать будетъ. Фразесы изо всѣхъ главъ въ дневныя записки давать, которыя ученики въ домѣхъ наизусть изучать должны. Большіе въ наукѣ иногда главу одну и другую на нѣмецкой языкъ переводятъ и какого либо императора житіе зѣло тщательно истолкованное опять повторятъ.

4) Въ екзерціяхъ переводныхъ на латинской языкъ такъ тщиться долженъ учитель располагать, чтобъ и на историческую иногда нравоучительную предлагалъ задачу. Въ исторіяхъ тщательно послѣдовать Непоту и его фразесы употреблять изволилъ бы трудиться, чтобъ во всякомъ полгодѣ исторію отъ созданія міра до Константина Великаго кратко окончалъ. А въ нравоучительныхъ пущай по своему разсужденію учитель поступаетъ, какъ понравится о добродѣтеляхъ ли, или о порокахъ, или о иныхъ какихъ вещахъ, до общаго житія касающихся, предлагать.

Фразесы къ сочиненію ученикамъ задавать долженъ хорошіе, свойственные къ выбору изрядныхъ изъ Цицероновой книги о должностяхъ и изъ другихъ творцовъ и искусныхъ языка латинскаго, какъ онъ самъ себѣ ученіемъ своимъ пріобрящетъ. А екзерциіи ученики дома сочинять должны, которыя товарищъ въ классѣ при всѣхъ слушающихъ исправлять долженъ.

5) Чрезъ единъ часъ просодіи обучать долженъ, чтобъ третьей классы ученики, незнающіе оную, всеконечно во второй классъ не пришли. Регулы же только лучшіе, наипаче оные о послѣднихъ слогахъ на память выучить повелитъ, которые ежели третьяго класса ученики добре растолкованные въ памяти держать будутъ, и ежели стиха гекзаметра и пентаметра нѣкую силу познаютъ, то во истинну въ семъ классѣ довольно имъ будетъ.

6) Чрезъ единъ такожде часъ исторію отъ созданія свѣта даже до созданія Рима изъ Христофора Целлярія обучать будетъ.

7) Къ исторіи географію инымъ часамъ присовокуплять; толковать же долженъ на глобусѣ, которая суть удобнѣйшая къ понятію, а наипаче которая суть нужнѣйшая какъ-то: Европу, Азію, Африку, Америку, Люзитанію и Гишпанію, Францію, Галлію, Германію, Британію, Дацкую землю, Швецію, Польшу, Венгерскую и Турецкую земли, на послѣдокъ Россію въ кратцѣ показывать долженъ. Знать должны во первыхъ ученики главнѣйшіе рубежья, рѣки, провинціи, грады царствующіе, и грады славнѣйшіе, имена царей или Рѣчи Посполитой, какое состояніе есть; отъ прочихъ же въ семъ классѣ воздержаться заблагоразсудили.

О второмъ классѣ.

1) Во второй классъ никто примется, который Корнелія не довольно хорошо толковать можетъ; екзерциію безъ всякаго погрѣшенія грамматическаго не сочинитъ и по латински такъ говорить не будетъ, чтобы ума своего смыслъ нѣкакъ (?) словами изъяснить не возмогъ.

2) Учить будутъ въ семъ классѣ конректоръ и одинъ товарищъ.

3) Товарищъ I въ грамматикѣ тому, который проучится, еще надлежитъ извѣстныя задачи ученикамъ (sic) задавать, синтаксиму же во первыхъ вѣрно обучать.

4) Екзерциіи предлагать долженъ такимъ же способомъ, какимъ въ третьемъ классѣ повелѣно есть, только бы по большѣе были, паче же съ франзесами, а въ гисторическихъ екзерциіяхъ надлежитъ всю митологію

вкратцѣ толковать, чтобы та вещь къ разумленію піитамъ могла подать помощь. Въ нраво же учительныхъ екзерциціяхъ его разсужденію соизволяются.

Данъ будетъ здѣсь ученикамъ лексиконъ Гедерихія латинской, котораго употреблять они должны.

5) Юлія Кесаря книги о междоусобной брани гражданской чрезъ шесть мѣсяцевъ толкуючи, окончить долженъ. Ежели же въ семъ разстояніи еще что-нибудь времени оставаться будетъ, то да присовокупитъ книги отъ войнъ александровской и гишпанской, а о французской войнѣ книгъ, для многихъ трудностей, употребить не подобаетъ. Вся же съ великимъ прилежаніемъ и съ стараніемъ толковать надлежитъ, и фразесы, учениками, наставленіемъ учительскимъ, собранные, на память, елико быть можетъ, тѣ жъ ученики изучать имѣютъ.

6) Прозодію въ семъ классѣ и повторять и больше толковать подобаетъ, наипаче же избраннымъ Гіеронима Фрейера поэтамъ прилежать надлежитъ.

Показать учитель въ началѣ долженъ свойствы вокабулъ и якоже чрезъ тропы принесены бываютъ, что изъ сихъ піиты себѣ избираютъ, чего ораторы не дѣлаютъ и что въ прочихъ наукахъ и въ стихотвореніяхъ состоитъ, и симъ подобныя иныя вещи. Меньшіе же перемѣшанные стихи по регуламъ прозодіи паки въ свой порядокъ складывать должны; а большіе ученики съ гекзаметровъ сущихъ должны дѣлать пентаметры, а изъ пентаметровъ дѣлать сущіе гекзаметры.

7) А въ исторіи, которую толковать будетъ отъ созданія свѣта даже до Константина Великаго, въ томъ подражать долженъ Христофору Целлярію.

Въ географіи то протвердиши, что третьей классы ученикамъ толковано было, немногіе по своему хотѣнію, нѣкіе такожде изъ древней географіи присовокуплять имѣютъ.

8) Конректоръ реторики первый фундаментъ учить будетъ, для сего же сходиться и совѣтовать долженъ съ ректоромъ.

Отъ худыхъ же такъ всенародныхъ, какъ суесловныхъ реторовъ воздержаться, и не долженъ давать что къ пріуготовленію сладкорѣчія никакой пользы не имѣютъ. На умѣ все такъ наипаче содержать долженъ, чтобъ ученики силѣ всякой рѣчи и свойству аки бы природному, послѣдовать и троповъ отвѣтъ взыскивать, отъ орацій же метеорныхъ за временемъ беречися, навыкнувъ которыя вещи, во всякомъ сладкорѣчіи много помогутъ; напослѣдокъ въ періодахъ и въ оныхъ многомъ различіи и образахъ связуемыхъ, и въ кратчайшихъ эріяхъ, которыя настав-

ленія словами приказаны были, самимъ употребленіемъ всегда и дѣйствительно показывать.

9) Избраннымъ Цицероновыхъ епистоламъ, отъ Христофора Целлярія изданнымъ, такъ обучить, что не токмо оные толковать долженъ, сводя съ риторическими правилами, но такожде иногда сочиняючи письма народные, подражать имѣютъ.

10) Въ греческихъ Ивана Вуллера грамматику присовокупить; а понеже прочая зѣло суть латвыя (легкія), ежели пристойно и дѣйствительно протолкуетъ, то наставленіемъ словеснымъ сіе паче дѣлаться будетъ, чѣмъ больше дѣла въ той вещи положено есть.

Да чтобъ къ толкованію греческихъ скоро привесть учениковъ можно было, въ ученіи грамматики и толкованіи новаго завѣта разумно дѣло свое расположить долженъ.

О первомъ классѣ.

1) Въ сей классъ никто принятъ не будетъ, развѣ кто все то умѣть будетъ, чему во второмъ классѣ обучаютъ, и во первыхъ безъ погрѣшенія противъ грамматики и писать и говорить по латинѣ будетъ.

2) Ректоръ долженъ школьниковъ краснорѣчію обучать, и понеже все то ученіе такъ въ познаніи правилъ, какъ въ подражаніи всякаго изряднаго автора и стиля добраго содержится — въ семъ дѣлѣ такъ поступать надлежитъ, чтобъ за правила реторическія, до цицероновой науки пристойныя, держался, а иныхъ риторовъ отъ терніевъ и не потребностей воздержался. Къ подражанію примѣры цицероновы да предлагаетъ, котораго ораціямъ такъ обучить, чтобъ ученики не токмо смыслъ растолкованной имѣли, но и самое искусство и краснорѣчія силу такъ изъ правилъ реторическимъ, какъ и гражданскаго разумѣнія усматривали. Того ради до всякой орації предполагать долженъ, которыя до исторіи и до всей причины и до расположенія надлежатъ, чтобъ покуда школьники до толкованія приступили, вещь всю и аки весь курсъ орацій имѣли, толико послѣ удобнѣе будетъ въ глаголахъ и сентенціяхъ силу, искусство и краснорѣчіе съ правилами реторическими сравнивать. Въ наставленіи стиля съ меньшими учениками періодовъ разные роды репетовать долженъ. Часто такожде изъ Цицеронова нѣкоего изобильнаго мѣста простые періоды или изъ Плиніевыхъ и Сенековыхъ епистолъ періоды сочиненные показывать тщиться будетъ, чѣмъ бы лучше и изобиліе себѣ ученики пріуготовить возмогли и что по членамъ, и что кратко надобно говорить, разумѣли бы. Второе же стараніе будетъ съ меньшими учени-

ками въ хріяхъ и епистолахъ такъ по членамъ, какъ кратко по расположеніямъ предложеннымъ, три рода орацій зѣло краткіе сочинять будутъ, однако же елико можно на подобіе тѣхъ орацій, которыя въ Цицеронѣ уже разумѣютъ, а что въ дѣйствіи положено есть, то прилежно познавать должны и часто изъ оныхъ двое или трое нѣкую орацію или изъ Ливія, или изъ Саллюстія, или изъ Квинта Курція, или такожде изъ Цицероновыхъ орацій нѣкоторыя части сказывать надлежитъ и можетъ сей быть подвигъ въ похвалу; который другаго дѣйствіемъ сочиненнымъ прилично реторическимъ правиламъ побѣдитъ.

2) Понеже, якоже вышепомянуто есть, чтобъ школьники русскіе въ извѣстные часы іеромонаха, богословію толкующаго, слушали, и въ то же время ректоръ нѣмецкихъ вторыхъ въ первый классъ собравшихся богословію толковать будетъ.

3) А проректоръ въ Титъ Ливіи шесть первыя книги толковать будетъ, въ которыхъ въ сей римской исторіи фундаментъ и формы почти всѣ и республики оной и магистратовъ ясно описуются. Въ которомъ стараніи такъ поступать долженъ и купно стиля историческаго и ораторскаго разности такъ словами обучить, Ливію подражая, упражненіями наставлять также долженъ.

3) Дабы первой классы ученики разность стиля умѣли, проректоръ одинъ часъ во всякую недѣлю опредѣлить долженъ для толкованія тѣхъ историковъ, которыхъ Иванъ-Матвѣй Гезнеръ въ христоматіи латинской издалъ.

4) Исторію отъ Константина Великаго почти до нашихъ временъ чрезъ два часа толковать долженъ, чтобъ ученики младые вящшія вещи, на Востокѣ и Западѣ учиненныя, знали; для которой вещи предводителя Христофора Целлярія употребить имѣютъ. Ко исторіи географію присовокупить такъ, чтобъ вмѣстѣ древнія народовъ и градовъ мѣста показать могъ, и такожде нынѣшнее странъ и городовъ состояніе.

5) Въ логикѣ, которую проректоръ учить будетъ, покуда для сего употребленія въ Академіи новая сочинена будетъ, надлежитъ Христіана Волфія, какъ предводителя, давать, чтобъ молодые дѣти, купно термины школьные хотя мало познавши, до высочайшихъ наукъ приступить могли.

И ниже единымъ токмо терминамъ обучать долженъ, но сплу оныхъ и употребленіе ясно показывать надлежитъ, да какій конецъ логика имѣетъ, всякій ученикъ елико можетъ постязать долженъ. Напослѣдокъ и слушать такожде долженъ большихъ учениковъ, колико они по правиламъ аристотелевымъ въ диспутахъ сильны.

6) Въ Виргиліи проректоръ четыре токмо книги Енеидосъ толковать долженъ: предписать во первыхъ надлежитъ натуру стиха епическаго, согласіе митологіи, которое Виргилій описуетъ.

Тогда же не токмо глаголы толковать надлежитъ, но такожде всю силу и изобиліе и художествы поэты, такъ въ глаголахъ и сентенціяхъ, какъ въ числѣ орації и сихъ подобныхъ и въ прочихъ фигурахъ риторическихъ.

7) Употреблять же подобаетъ въ свободные часы Гіеронима Фрейера избранныхъ поэтъ, чтобъ ученики роды стиховъ по естеству и разумѣнію своему раздѣлять могли. А иногда съ Сафика стиха передѣлывать должны на фалевцикъ, или на елегіатическій, или съ гекзаметровъ да дѣлаютъ ямбическіе (не наруша смысла), или изъ орації простой разные стихи дѣлать; которыхъ, правда, такъ обучаться подобаетъ, понеже не всякіе разумы до поэтики способны суть, того ради никто до того принужденъ не будетъ, но паче побуждать надлежитъ младенцевъ утѣхою и забавою нежели понужденіемъ приневоливать.

8) Конректоръ погречески такъ обучать будетъ: да которые въ грамматикѣ труднѣйшія суть, чрезъ извѣстныя задачи вопрашивать будетъ, наипаче же въ переводѣ на латинской языкъ съ греческаго прилежно наставлять долженъ, для которой вещи новаго завѣта употребить и Ивана Матія Гезнера христоматіи греческой.

9) Всѣ же ректоры кромѣ того два приказа себѣ врученные имѣть будутъ: первый дабы никому въ семъ классѣ не попускали говорить развѣ только по латыни; второе какъ возможно до выписыванія и собиранія вещей всякихъ наставляли.

Напослѣдокъ чтобъ въ ортографіи никакого несогласія не было, всѣ увѣщеваются, которые въ гимназіи учить будутъ, чтобъ примѣнялися къ Целлярієвой ортографіи, которая за исправнѣйшую имѣется и въ типографію академическую введена была, и такъ юноши въ самихъ употребленіяхъ согласіе сохранять научатся.

О изслѣдованіяхъ.

Да вѣдаетъ Академія, что по симъ опредѣленіямъ юноши учиться будутъ. Два во всякій годъ изслѣдованія или истязанія будутъ: едино лѣтнее въ іюнѣ мѣсяцѣ; второе—зимнее въ декабрѣ мѣсяцѣ въ послѣдніе дни предъ святками.

2) На оба истязанія превосходительнѣйшій Ея Императорскаго Ве-

личества камергеръ, Академіи Наукъ главнѣйшій командиръ и прочіе академики за нѣсколько прежде дней ректоромъ призываны будутъ.

3) Родителямъ дѣтей, во Академіи учащихся изъ наемныхъ, приходить и дѣтей своихъ ученіе вѣдать, ежели похотятъ, соизволяется.

О дняхъ гулящихъ.

Во весь годъ дни гулящіи токмо тѣ мы установили, которые здѣсь порядкомъ расположимъ:

1) День рожденія Ея Императорскаго Величества, такожде день тезоименитства Ея Величества и день восшествія на престолъ. 2) Отъ 23 декабря до перваго января. 3) 6 января въ праздникъ Богоявленія. 4) 11 февраля въ праздникъ очищенія св. Маріи, у нѣмцевъ. 5) 25 марта въ праздникъ Благовѣщенія. 6) Въ недѣлю Святую (страстную) всю и въ послѣдующую до самаго перваго воскресенія послѣ пасхи. 7) 9 мая въ праздникъ св. Николая. 8) Въ праздникъ Вознесенія Господня. 9) Въ праздникъ пятьдесятницы, четыре дни. 10) 24 іюня въ праздникъ св. Іоанна Предтечи. 11) 29 іюня въ праздникъ св. Апостолъ Петра и Павла. 12) 11 іюля посѣщенія св. Маріи. 13) 6 августа въ праздникъ Преображенія Господня. 14) 15 августа въ праздникъ успенія Пресвятыя Богородицы, у русскихъ. 15) 30 августа въ праздникъ св. Александра Невскаго. 16) 8 сентября въ праздникъ рождества Пресвятыя Богородицы, у русскихъ. 17) 14 сентября воздвиженіе Честнаго Креста. 18) 1 октября Покровъ Пресвятыя Богородицы. 19) 8 ноября Михаила Архангела. 20) 21 ноября Введеніе Пресвятыя Богородицы. 21) 30 ноября святаго апостола Андрея Первозваннаго. 22) 6 декабря въ день св. Николая.

Послѣ лѣтняго свидѣтельства песіе дни, для безмѣрнаго жара, въ гимназіи позволены будутъ, но только на двѣ недѣли, чтобъ юношескіе умы вельми долгою праздностью не повредилися.

Сію форму гимназіи по приложеннымъ каталогамъ непремѣнно и всегда отъ всѣхъ храниму быти опредѣляемъ.

ЛЕКЦІИ ПЕРВАГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Ректоръ реторику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Ливія.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія.
☿	Ректоръ реторику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Ливія.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія.
☌	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, перваго и втораго класса къ ректору.	Проректоръ логику.	Проректоръ исторію и географію.		
♃	Ректоръ реторику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Ливія.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія
♀	Ректоръ реторику.	Ректоръ Цицерона.	Проректоръ Іон. Мат. Гезнера хрестоматію латинскую.	Проректоръ Виргилія.	Конректоръ греческія.
♄	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, перваго и втораго класса къ ректору.	Проректоръ логику.	Проректоръ исторію и географію.		

ЛЕКЦІИ ВТОРАГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Товарищъ I, Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе историческое.	Конректоръ, выборные Цицероновы епистолы.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, репетицію грамматики съ практикою.
♂	Товарищъ I, Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе историческое.	Конректоръ, выборные Цицероновы епистолы.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, репетицію грамматики и проч.
♄	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы къ ректору.	Товарищъ I, исторію римскую отъ созданія Рима до Константина Великаго.	Товарищъ I, географію.		
☿	Товарищъ I. Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе моральное или нравоучительное.	Конректоръ, реторику.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, просодію и выборныя стихотворенія.
♀	Товарищъ I, Юлія Кесаря.	Товарищъ I, обученіе моральное.	Конректоръ, реторику.	Конректоръ, греческія.	Товарищъ I, просодію и выборныя стихотворенія.
☉	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы къ ректору.	Товарищъ IV, ариѳметики.	Товарищъ IV, ариѳметики.		

ЛЕКЦІИ ТРЕТЬЯГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, обученіе историческое.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, краснописаніе.
☉	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, обученіе историческое.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, краснописаніе.
☿	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы къ товарищу I.	Товарищъ II, етимологію.	Товарищъ II, исторію отъ сотворенія свѣта до римской монархіи.		
♃	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, обученіе моральное.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, ариѳметику.
♀	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, Корнелія Непота.	Товарищъ II, обученіе моральное.	Товарищъ II, синтаксисъ.	Товарищъ IV, ариѳметику.
♄	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, нѣмцы къ товарищу I.	Товарищъ II, етимологію.	Товарищъ II, географію.		

ЛЕКЦІИ ЧЕТВЕРТАГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Товарищъ III, разговоры Кастеліо-новы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, екзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, краснопи-саніе.	Товарищъ III, разговоры Кастеліо-новы.
☿	Товарищъ III, разговоры Кастеліо-новы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, екзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, краснопи-саніе.	Товарищъ III, разговоры Кастеліо-новы.
♀	Русскіе къ іе-ромонаху хо-дятъ, нѣмцы ходятъ въ тре-тій классъ.	Товарищъ III, этимологію и вокабулы.	Товарищъ III, этимологію и вокабулы.		
☉	Товарищъ III, разговоры Кастеліо-новы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, екзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, ариѳметику.	Товарищъ III, разговоры Кастеліо-новы.
♂	Товарищъ III, разговоры Кастеліо-новы.	Товарищъ III, синтаксисъ.	Товарищъ III, екзерциціи латинскія.	Товарищъ IV, ариѳметику.	Товарищъ III, разговоры Кастеліо-новы.
♃	Русскіе къ іе-ромонаху хо-дятъ, нѣмцы ходятъ въ тре-тій классъ.	Товарищъ III, этимологію.	Товарищъ III, репетиція.		

ЛЕКЦІИ ПЯТАГО КЛАССА.

	По утру.			По полудни.	
	8 — 9	9 — 10	10 — 11	2 — 3	3 — 4
☾	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, какъ пятаго, такъ и четвертаго класса краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.
☿	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, пятаго и четвертаго классовъ краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.
☉	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, товарищъ IV нѣмцамъ катехизисъ толкуетъ	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.		
♂	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, пятаго и четвертаго классовъ краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.
♀	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, этимологію.	Товарищъ IV, пятаго и четвертаго классовъ краснописанію обучаетъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.
♄	Русскіе къ іеромонаху ходятъ, товарищъ IV нѣмцамъ катехизисъ толкуетъ	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.	Пятаго класса въ четвертый классъ ходятъ.		

ПРИБАВОКЪ.

О школахъ французскаго языка.

Въ школы французскія тотъ только принятъ будетъ, который или латинскаго языка или нѣмецкаго довольно уже обучился.

И тако большіе изъ нѣмецкой школы, которые наипаче учитися краснописанію и ариѳметикѣ нужды имѣть не будутъ, также и перваго класса благороднѣйшіе, которые греческаго языка учиться не имѣютъ, отъ 3 — 4 часа въ ученіи французскаго языка упражняться будутъ.

Прочіе перваго класса принуждены будутъ въ тотъ часъ по гречески учитися, но и имъ, ежели которые пожелаютъ, будетъ время учитися французскаго языка отъ 4 — 5, въ который часъ и изъ прочихъ прилежнѣйшіе присутствовать могутъ.

II.

ДОНЕСЕНІЕ БАРОНА КОРФА О ПРИСЫЛКѢ ВЪ АКАДЕМІЮ НАУКЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ *).

Въ правительствующій сенатъ

изъ Академіи Наукъ

ДОНОШЕНІЕ.

Въ данномъ 16 дня прошедшаго мѣсяца доношеніи предложено правительствующему сенату, что къ распространенію наукъ въ здѣшнемъ государствѣ весьма полезно, чтобъ при Академіи семинаріумъ изъ тридцати шляхетныхъ юношей учредить; при чемъ и образъ ихъ воспитанія

*) Черновое донесеніе писано, съ поправками рукою Шумахера, по нѣмецки, а русскій переводъ сдѣланъ Адодуровымъ; хранятся въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 18; бѣловое донесеніе тамъ же, въ книгѣ № 791.

и обученія, такожде ежегодное оныхъ содержаніе на особливыхъ листахъ подъ литерою А. В. и С. показано; но понеже отъ сего учрежденія не прежде какъ по прошествіи нѣкотораго времени способные люди произойти могутъ, того ради предлагаю я правительствующему сенату: не соблаговолено ли будетъ приказать, чтобъ между тѣмъ изъ монастырей, гимназій и школъ въ здѣшнемъ государствѣ дватцать человѣкъ чрезъ означенныхъ къ тому отъ Академіи людей выбрать, которые столько научились, чтобъ съ нынѣшняго времяни они у профессоровъ сея Академіи лекціи слушать и въ вышнихъ наукахъ съ пользою происходить могли. А понеже Академія на ихъ содержаніе, такожде на книги и платье денегъ не имѣетъ, того ради надлежало бы особливую сумму на то опредѣлить. По моему мнѣнію каждаго человѣка меньше ста пятидесяти рублей ежегоднаго жалованья безъ трудности здѣсь содержать не можно, выключая при томъ потребныя имъ книги, о которыхъ книжная лавка по всякой годъ правительствующему сенату счетъ подавати будетъ; потому что учащимся, ежели они свои науки прилежно продолжать имѣютъ, способность въ житіи позволити надлежитъ. Когда сіе предложеніе подтверждено будетъ, то прошу потребныя къ тому опредѣленіе учинить.

Корф.

Мая 13 дня
1735 года.

Слушано мая 20 дня
1735 года.

III.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БАРОНА КОРФА О НЕДОСЛАННЫХЪ ВЪ АКАДЕМІЮ НАУКЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

Въ правительствующій сенатъ.

изъ Академіи Наукъ

ДОНОШЕНІЕ.

Прошедшаго октября 15 дня сего года по присланному изъ правительствующаго сената указу велѣно во Академію Наукъ для слушанія у профессоровъ лекцій изъ высшихъ наукъ выслать изъ Москвы изъ учениковъ достойныхъ въ наукахъ, кои есть въ Спаскомъ училищномъ мо-

настырѣ двадцать человѣкъ, о чемъ въ Москву въ сенатскую контору и въ святѣйшій правительствующій синодъ и вѣдѣніи изъ сената посланы. А прошедшаго ноября 27 дня присланнымъ письмомъ изъ Москвы того Спаскаго монастыря отъ архимандрита и ректора Стефана объявлено, что по присланному къ нему изъ святѣйшаго правительствующаго синода указу изъ московской славяно-греко-латинской Академіи учениковъ двѣнадцать человѣкъ выбраны и для посылки въ московскую синодальняго правленія канцелярію отъ него при доношеніи представлены. А чего для неполное число, о томъ онъ не объявилъ.

Того ради правительствующаго сената Академія Наукъ покорно проситъ, дабы повелѣно было означенныхъ учениковъ полное число двадцать человѣкъ во Академію выслать, а буде въ Спасскомъ монастырѣ не имѣется, то бъ повелѣно было изъ другихъ училищныхъ монастырей выслать же.

Korff.

Декабря 19 дня
1735 года.

IV.

ДОНЕСЕНІЕ АДОДУРОВА О БѢДСТВЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ВОСПИТАННИКОВЪ.

Въ правительствующій сенатъ

ДОНОШЕНІЕ.

Отъ опредѣленнаго при Академіи Наукъ именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, главнаго оныя Академіи командира, дѣйствительнаго камергера Ея Императорскаго Величества, барона фонъ-Корфа, велѣно мнѣ надъ присланными сюда изъ Москвы учениками имѣть смотрѣніе, при которомъ я съ того времени, какъ оные ученики явились въ канцеляріи Академіи Наукъ, а именно: января съ 2 дня прошлаго 1736 года, и по сіе время нахожуся. Въ томъ же 1736 году въ декабрѣ мѣсяцѣ опредѣлила академическая канцелярія, чтобъ оные ученики обучались у находящихся при здѣшней гимназіи учителей. А понеже показанные ученики мнѣ прошедшаго декабря 20 дня объявили, что они за неимѣніемъ у себя платья къ онымъ учителямъ ходить не могутъ, то представлялъ я о томъ еще того же дня въ академической канцеляріи сло-

весно, а потомъ 21 дня и письменно, по которому моему доношенію присланъ ко мнѣ 27 декабря изъ академической канцеляріи отъ 24 дня того жъ декабря мѣсяца указъ, по силѣ котораго велѣно мнѣ до прибытія главнаго Академіи командира, дѣйствительнаго камергера барона фонъ-Корфа, какъ по объявленію сихъ учениковъ, что они у себя платья не имѣютъ, такъ и о всякихъ другихъ нуждахъ доносить въ правительствующемъ сенатѣ. Но понеже оные ученики кромѣ показаннаго недостатка въ платьѣ нынѣ уже лишены и дневной пищи, потому что экономъ Фелтенъ, которому ихъ по опредѣленной цѣнѣ пропитаніемъ содержать повелѣно было, опредѣленіемъ академической канцеляріи отъ ихъ содержанія съ нынѣшняго (sic) 1736 года по его доношенію учиненъ свободенъ. Того ради правительствующему сенату симъ покорнѣйше доношу, не соблаговолено ли будетъ помянутымъ ученикамъ, до дальняго разсмотрѣнія, опредѣлить и выдавать кормовыя деньги, или по высокому своему разсмотрѣнію ихъ какимъ нибудь другимъ способомъ отъ онаго бѣднаго состоянія, въ которомъ они уже чрезъ толь долгое время, а особливо нынѣ находятся, избавить. Они всѣ собственнаго иждивенія у себя не имѣютъ, и для того весьма не въ состояніи себя не только самыми нужными вещами, но и дневною пищею содержать. О семъ доноситъ Академія Наукъ адъюнктъ Василій Адодуровъ.

Генваря 3 дня
1737.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 5.

ТРУДЫ

ЮГОСЛАВЯНСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

СТАТЬЯ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1868.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Январь 1868 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

ТРУДЫ ЮГОСЛАВЯНСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

СТАТЬЯ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti: такъ называется повременное изданіе новооткрытой въ Загребѣ Академіи. Первая книга его, только-что здѣсь полученная (въ 8 д.: 276 стр.), заключаетъ въ себѣ, кромѣ статей, читанныхъ въ засѣданіяхъ Академіи, разныя свѣдѣнія о самой Академіи,—свѣдѣнія любопытныя для насъ, такъ какъ къ этому новому учрежденію мы, конечно, не можетъ не относиться безъ особеннаго сочувствія.

Мысль объ основаніи Академіи въ Загребѣ была слѣдствіемъ умноженія научныхъ и литературныхъ силъ на Славянскомъ югѣ вообще и между прочимъ въ главномъ городѣ Хорватской земли, сдѣлавшемся въ послѣднее время средоточіемъ научной литературной дѣятельности юго-западнаго Славянства. Въ какомъ состояніи находятся тамъ научныя требованія, можно видѣть изъ Архива, издаваемаго г. Кукулевичемъ Сакцинскимъ и изъ Книжевника, до открытія Академіи издававшагося гг. Рачскимъ, Ягичемъ и Торбаромъ *). Ссылаюсь на эти повременныя изданія, въ нашемъ ученомъ кругу болѣе другихъ извѣстныя и знающими ихъ очень уважаемыя. И нельзя ихъ не уважать: едва ли какое научное повременное изданіе у западныхъ Славянъ можетъ

*) Arkiv za povĕstnicu jugoslavensku. I—VIII. 1851—1865.—Književnik. Časopis za jezik i povĕst Hrvatsko i Srbsku i prirodne Znanost. I—III. 1864—1866.

быть поставлено не только выше, но и рядомъ съ ними. И въ этихъ повременникахъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ, выказалось нѣсколько даровитыхъ и дѣятельныхъ тружениковъ науки, которые съ честью могли бы занять мѣсто въ академическомъ обществѣ. Но для основанія ученаго общества въ родѣ Академіи нужны значительныя денежныя средства, а ихъ не оказывалось. Не оказывалось ихъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ пожертвовалъ значительную сумму епископъ Босенскій и Срѣмскій Іосифъ Стросмайеръ; въ слѣдъ затѣмъ можно было приступить къ собиранію пожертвованій. На областномъ сеймѣ мысль объ основаніи Академіи заявлена была 29 апрѣля 1861 г., и принята съ живымъ единодушіемъ. Оставалось составить уставъ и просить соизволенія правительства на его утвержденіе. Со стороны сейма все сдѣлано было довольно скоро: его ходатайство пошло въ Вѣну въ концѣ іюля 1861 г. Не такъ скоро пошло дѣло далѣе. Слишкомъ полтора года прошло, пока состоялось общее рѣшеніе правительства объ основаніи Академіи: оно утверждено 7 марта 1863 г. Затѣмъ прошло еще почти три года, пока присланъ былъ сейму передѣланный уставъ Академіи съ предложеніемъ принять его. Сеймъ немедленно принялъ уставъ въ этомъ новомъ видѣ, и тогда уже, 4-го марта 1866 года, онъ утвержденъ былъ императоромъ.

По этому уставу Югославянская Академія имѣетъ цѣлію самостоятельныя изслѣдованія по наукамъ и художествамъ, всестороннее ихъ развитіе и особенно попеченіе о «Югославянскомъ» языкѣ и письменности. Она раздѣляется на четыре Отдѣленія: 1) историко-филологическое, 2) философско-юридическое, 3) физико-математическое и 4) художественное. Академія дѣйствуетъ посредствомъ засѣданій, которыя, кромѣ одного ежегоднаго, торжественнаго, бываютъ общія и по отдѣленіямъ. Въ нихъ она назначаетъ, по своимъ средствамъ, наградныя задачи для рѣшенія путемъ соисканія и присуждаетъ награды; обсуждаетъ труды своихъ членовъ и постороннихъ писателей, ей сообщенные, и признанные достойными вознаграждаетъ и издаетъ; разсуж-

даетъ о вопросахъ, предлагаемыхъ ей властями и подаетъ требуемыя по нимъ мнѣнія; назначаетъ помощь своимъ членамъ въ научныхъ и художническихъ предпріятіяхъ, а равно и молодымъ людямъ посвящающимъ себя художеству, пріобрѣтаетъ художественныя произведенія и устраиваетъ ихъ выставки. Въ своемъ повременникѣ, кромѣ ученыхъ трудовъ, она издаетъ извѣстія о своихъ дѣйствіяхъ. Академія состоятъ изъ 32 дѣйствительныхъ обязательныхъ членовъ, которые всѣ должны быть изъ Австрійскихъ подданныхъ: каждый долженъ вступить въ одно изъ отдѣленій, не лишаясь впрочемъ права принимать участіе и въ дѣлахъ какого нибудь другаго отдѣленія. Академія, избирая ихъ на всю жизнь, изъ нихъ избираетъ себѣ, на каждые три года, предсѣдателя, подъ условіемъ подтвержденія его императоромъ, и двухъ секретарей, а по отдѣленіямъ избираются первоприсутствующіе. Она сама себѣ избираетъ, на всю жизнь, изъ сановниковъ Австрійской имперіи, покровителя, долженствующаго быть посредникомъ между Академіей и властями и слѣдить за общимъ ходомъ дѣйствій Академіи. Она избираетъ въ опредѣленномъ ею самою числѣ членовъ-корреспондентовъ и до 16-ти почетныхъ членовъ; тѣ и другіе могутъ быть и изъ иностранцевъ, но не иначе какъ съ одобренія придворной канцеляріи. Право голоса имѣютъ только дѣйствительные члены, и въ голосованіи по выборамъ дѣла рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ, а по вопросамъ, касающимся наукъ и художествъ, достаточно большинство относительное; во всякомъ случаѣ голосованье допускается только тогда, когда въ засѣданіи присутствуетъ неменѣе половины членовъ. Академія располагаетъ четырьмя пятыми своего годоваго дохода, а остающаяся пятая доля дохода пріобщается къ капиталу. Она можетъ стараться и увеличивать свои средства и имущества собираніемъ добровольныхъ приношеній, которыя могутъ быть дѣлаемы деньгами, книгами, художественными произведеніями и памятниками прошедшаго времени. Она можетъ, сообразно съ законами, вступать въ сношенія съ другими учеными и художническими обществами. Она сама, на основаніи устава, составляетъ

и измѣняетъ правила порядка дѣйствій своихъ, которыя впрочемъ должны быть одобрены придворною канцеляріей.

Правила эти составлены въ прошломъ году и одобрены придворной канцеляріей 17 января 1867 года. Кромѣ подробностей о собраніяхъ, выборахъ, обязанностяхъ дѣйствительныхъ членовъ и секретарей, присужденіяхъ наградъ, расходахъ и т. п., въ правилахъ помѣщены и болѣе важныя мѣры. Такъ, въ нихъ постановлено, что всѣ разговоры и чтенія въ Академіи происходятъ на языкѣ Хорватскомъ (Сербскомъ), кромѣ особенныхъ случаевъ, когда самою Академіею будетъ допущено исключеніе, и что на этомъ же языкѣ должны быть издаваемы и всѣ академическія произведенія, такъ что только въ видѣ исключенія можетъ быть употребленъ для этого языкъ Латинскій.

На основаніи правилъ Академія будетъ издавать: 1) повременникъ или академическія извѣстія, гдѣ имѣютъ мѣсто разсужденія, читанныя въ засѣданіяхъ, если они не болѣе 6-ти печатныхъ листовъ, памятники древности и искуства, извѣстія о засѣданіяхъ и о состояніи Академіи, некрологи членовъ, критики замѣчательныхъ туземныхъ и иноземныхъ книгъ; 2) произведенія, приготовленныя самою Академіей въ коммиссіяхъ; 3) произведенія, удостоенныя Академіею награды; 4) произведенія, присылаемыя въ Академію для изданія, если она найдетъ ихъ того достойными.

Приготовительныя засѣданія были еще въ іюлѣ 1866 года; въ одномъ изъ нихъ установлены были правила дѣйствій, въ другомъ послѣдовало раздѣленіе членовъ по отдѣленіямъ, въ третьемъ избранъ покровителемъ епископъ І. Стросмайеръ. По утвержденіи правилъ начались засѣданія на основаніи оныхъ. Первое главное собраніе было 25 іюля; первое торжественное—28 іюля Собранія по отдѣленіямъ начались съ 5 іюня засѣданіемъ историко-филологическаго отдѣленія.

Въ настоящемъ своемъ составѣ Академія считаетъ 22 дѣйствительныхъ членовъ, изъ которыхъ 8 принадлежатъ къ историко-филологическому отдѣленію, 8 къ философско-юридическому и 6 къ отдѣленію физико-математическому. Предсѣдателемъ из-

бранъ каноникъ докторъ Фр. Рачскій, секретаремъ Ю. Даничичь. Кромѣ того въ почетные члены избрано 8-мъ лицъ: одинъ Сербъ одинъ Словенецъ Хорутанскій, два Чеха, одинъ Полякъ, два Русскихъ и одинъ Нѣмецъ (докторъ Шлейхеръ); въ члены-корреспонденты избраны 6 Сербовъ и Хорватовъ, 7 Чеховъ и Словаковъ, 1 Полякъ, 2 Русскихъ, 1 Нѣмецъ.

Въ извѣстіяхъ о засѣданіяхъ помѣщены свѣдѣнія объ ученыхъ предпріятіяхъ, на которыя рѣшилась Академія. Это: 1) собираніе правныхъ обычаевъ Хорвато-Сербскаго народа по программѣ, предложенной докторомъ Богишичемъ, который положилъ уже прекрасное начало этому дѣлу: имъ издана въ прошедшемъ году въ Книжевникѣ и отдѣльно книга подъ названіемъ: Pravni običaji u Slovena; Privatno pravo, 2) собираніе и изданіе древнихъ и старинныхъ памятниковъ законодательства Хорвато-Сербскаго; 3) составленіе и изданіе полнаго Словаря Хорвато-Сербскаго языка. Кромѣ того положено издать трудъ члена доктора Ягича, «Исторію письменности народа Хорватскаго-Сербскаго», и первая книга этого труда уже отпечатана, а доктору Ягичу дано пособіе для путешествія по Далмаціи съ цѣлію собиранія дополнительныхъ запасовъ для его труда. Академія, вѣроятно, приметъ на себя и изданіе двухъ другихъ готовыхъ трудовъ: Флоры Хорватской доктора І. Шлосера и Л. Вукатиновича и Римскаго права доктора Шугая.

Капиталъ Академіи простирался при открытіи Академіи до 200,720 гульденовъ. По собраніи всего, что имѣется въ виду, капиталъ долженъ возрасти до 280,000 гульденовъ слишкомъ. На издержки въ 1867 году Академія можетъ употребить до 7,856 гульденъ Само собою разумѣется, что на эту сумму нельзя платить жалованья никому, кромѣ секретаря, ни издерживать денегъ ни на что кромѣ какъ на напечатаніе книгъ, на плату за труды, на небольшія пособія ученымъ и на необходимыя издержки по дѣлопроизводству.

Въ первой книгѣ трудовъ Югославянской Академіи помѣщены слѣдующія статьи:

1. Іос. Торбара, о перелетныхъ птицахъ въ Сербо-Хорватскихъ краяхъ съ обозначеніемъ времени и округа ихъ перелета.

2. Спир. Брусины, о молюскахъ, находимыхъ въ предѣлахъ Сербо-Хорватскихъ краевъ, подробный перечень ихъ съ обозначеніемъ ихъ особенностей, о мѣстѣ, гдѣ ихъ находятъ, и съ библіографическимъ обзоромъ доселѣ изданныхъ трудовъ, касающихся этого предмета.

3. Юр. Даничича, о ћ и ђ въ исторіи Славянскихъ языковъ (см. ниже.)

4. Фр. Рачскаго, грамоты, относящіяся къ исторіи Сербовъ и Хорватовъ (всего 31: изъ нихъ одна Латинская XII вѣка, девять XIII, въ томъ числѣ одна Итальянская; семь XIV вѣка, въ томъ числѣ три Итальянскія; остальныя XV вѣка, въ томъ числѣ три Итальянскія, одна Сербская). Прекрасное введеніе къ этимъ грамотамъ объясняетъ ихъ значеніе

5. Сим. Любича, о Римской надписи, найденной въ Далмаціи, съ упоминаніемъ о finibus Varvarinorum.

6. Юр. Даничича, записи при рукописяхъ, хранящихся въ народной библіотекѣ и въ библіотекѣ ученаго общества въ Бѣлградѣ (старшія изъ нихъ, и то немногія, XIV и XV в., остальныя XVI—XVIII вв., впрочемъ иныя съ любопытными подробностями).

7. Петра Матковича, о Московской этнографической выставкѣ: обозрѣніе состава выставки и (въ приложеніи) свѣдѣнія объ успѣхахъ географіи Россіи.

8.—11. Извѣстія о книгахъ (см. ниже).

Главное мѣсто въ числѣ статей, относящихся къ филологіи въ обширномъ смыслѣ слова, принадлежитъ статьѣ нашего члена корреспондента Юр. Даничича—о ћ и ђ въ исторіи Славянскихъ языковъ.

Извѣстно, что первая изъ этихъ буквъ (ћ) есть мягкое т (ть), выговариваемое во многихъ Сербскихъ краяхъ какъ очень мягкое ч, а вторая (ђ) есть мягкое д (дь), выговариваемое такъ же

какъ очень мягкое дж: вмѣсто перваго можетъ быть произносимо тj, а вмѣсто втораго дj (ћешити, =тјешити=тѣшити,—ђело=дјело=дѣло). Въ словахъ чужеязычныхъ ћ произносится вмѣсто мягкаго—к (ћелија=келиа, ћирило=Кирилъ), а ђ не только вмѣсто мягкаго д (ћаво=дыяволъ, ђонисије=Дионисиѥ), но и вмѣсто г (јеванђелије=ѥвангелиѥ, ђорђе=Георгие) Вмѣстѣ съ тѣмъ ћ употребляется тамъ, гдѣ въ Старославянскомъ шт=щ, въ народномъ Русскомъ ч, въ Чешскомъ и Польскомъ ц (свећа=свѣща=свѣча,=svíce=swieca), а ђ тамъ, гдѣ въ Старославянскомъ жд, въ народномъ Русскомъ ж, въ Чешскомъ з, въ Польскомъ дз (међа=межда=межа=meze=miedza). Кромѣ этого ћ употребляется вмѣсто Старославянскаго шт=щ=Русскаго ч=Польскаго и Чешскаго ц въ окончаніяхъ неопредѣленнаго наклоненія первообразныхъ глаголовъ, которыхъ коренное созвучіе оканчивается на г, к или х, и въ нѣкоторыхъ существительныхъ подобнаго образованія (жећи=жещи=жечь=žecі=žec,- течи=тещи=течь=tec=ciec, вријећи=врѣщи—отъ врьхѫ,—моћ=мощь=мочь=moc, пећ=пещь=печь=рес=piec). На эти два случая употребленія ћ вмѣсто Старослав. шт=щ и ђ вмѣсто Старослав. жд г. Даничичъ обратилъ свое вниманіе, стараясь опредѣлить, какъ явилось это употребленіе. Первый изъ этихъ случаевъ, касающійся одинаково ћ и ђ, объясняетъ онъ такъ: въ Сербскомъ ћ развилось изъ тj, а ђ изъ дj; въ Старославянскомъ j при т передѣлалось въ ш, а при д въ ж, и вышедши изъ за т впередъ, образовало шт, а вышедши изъ за д образовало жд(свећа=свѣтја=свѣјта=свѣшта; међа=медја=мејда=межда), въ Русскомъ ч=тш=Старосл. щ, представляетъ тоже j, перешедшее въ ш, j, а ж=Старосл. жд представляетъ тоже j, измѣненное въ ж, но такъ, что при ш осталось коренное т, а при ж коренное д выпало изъ выговора (свѣча=свѣтја=свѣтша, межа=медја=меджа). Для объясненія втораго случая г. Даничичъ припоминаетъ, что въ Романскихъ языкахъ к передъ т переходитъ въ т и потомъ изъ двухъ т одно или выпадаетъ или переходитъ въ і (Ит. atto=actus, frutto=fructus, Фр. contrat=contractus, Ит. matar=mactare, Порт.

dito=dictus, Фр. conduit=conductus, Фр. fait=Порт. feito=factus, Ит. pleíto=plectus, Порт. direito=directus). Такъ, думаетъ г. Даничичъ, и въ Славянскомъ гт, кт, хт прежде всего перешли въ два т, потомъ одно изъ нихъ, второе, замѣнилось гласнымъ и, перешедшимъ въ j,—и такимъ образомъ явилось тj, а это тj послѣ перешло въ ћ, въ шт=щ, въ ч, въ ц.—Если все это вѣрно, то очевидно, какъ думаетъ г. Даничичъ, въ Сербскомъ нарѣчіи сохранилась всего чище и послѣдовательнѣе древняя система превращенія первообразныхъ звуковъ т, д, гт, кт, хт въ соотвѣтственные имъ мягкіе звуки.

Внимательность, которою управлялъ г. Даничичъ свое разслѣдованіе вопроса, въ отношеніи къ разнообразію Славянскихъ нарѣчій очень любопытнаго, заслуживаетъ полнаго уваженія; а естественное предпочтеніе роднаго нарѣчія всѣмъ другимъ легко могло его увлечь въ выводахъ немного далѣе должной границы. Ничего не рѣшая, а только желая бо̀льшаго разъясненія вопроса столько же любопытнаго, какъ и труднаго, я позволю себѣ замѣтить, что въ нарѣчіи Сербскомъ, какъ видно изъ указаннаго выше, во многихъ краяхъ ћ и ђ употребляются вмѣсто мягкихъ т и д, к и г, кт, гд, слѣдовательно скрываютъ за собою разные первообразные звуки,—и между прочимъ, какъ тѣ мягкія т и д, которыя во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ удерживаютъ свой коренной звукъ, такъ и тѣ, которыя ни въ одномъ издревле не удержали. Уже ли это признакъ первообразности смягченія звуковъ? Нарѣчіе Польское похоже въ этомъ на Сербское по способу смягченія; но, какъ мнѣ кажется, гораздо лучше сохранило особенности двухъ способовъ смягченія: обыкновенныя мягкія т и д выговариваются по-Польски мягко, только постоянно съ призвукомъ свистящимъ (тѣшити=cieszyć, дѣло=dzielo); тѣ же смягчаемыя т и д, которыя въ Старослав. переходятъ въ шт=щ и жд, и тѣ смягчаемыя гт, кт, которыя въ Старослав. переходятъ въ шт=щ, въ Польскомъ переходятъ въ c и dz *не*мягкія (свѣща=swieca, межда=miedza, мощь=moc, пещь=piec, жещи=żec, тещи=ciec). Уже ли эта послѣдовательность отличенія двухъ

явленій для исторіи языка не важнѣе? Такъ же послѣдовательно и Старославянское нарѣчіе отличаетъ два разные случая смягченія; странность его заключается только въ томъ, что коренныя д и т при смягченіи принимаютъ передъ собою ш и ж. Г. Даничичъ думаетъ, что эти ш и ж суть превращенія звука j, который первоначально стоялъ за т и д. Если и допустить, что это было такъ, то какъ объяснить появленіе въ Старославянскомъ шт вмѣсто смягченныхъ ск, сч (искати иштѫ, изъ+чезнѫти=иштезнѫти) и жд вмѣсто смягченныхъ зг, зж (изгънати иженѫ, възъ+желѣти=въжделѣти), гдѣ съ переходомъ свистящей въ шипящую сливается переходъ к и ч въ т, а г и ж въ д, и только ли въ т д переходятъ к и ч, а въ д—г и ж, или же к и ч въ шт, а г и ж въ жд, а с и з исчезаютъ и тутъ, такъ же какъ въ ишедъ вм изъшедъ? При томъ шт и жд такъ ли только выговаривались какъ написаны, или же и какъ штш=шч и ждж (срав. Русскій выговоръ словъ: нощь, вещь, дождь, вождь, и т. п. и всякаго щ.)? и нельзя ли допустить предположенія, что этотъ выговоръ щ какъ *штш* и жд какъ *ждж* древнѣе?

Въ извѣстіяхъ о книгахъ разобраны слѣдующія новыя явленія Сербо-Хорватской литературы съ показаніемъ главныхъ достоинствъ и недостатковъ и съ приведеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ:

— Историја Српске књижевности—Стояна Новаковича: въ Бѣлградѣ. 1867: 8-а: XII+326 (статья В. Ягича).

— Богомили, црьква Босаньска и крьстяни—Божидара Петрановича, въ Задрѣ. 1867, 8-а: 172 стр. (статья др. Ф. Рачскаго).

— Pregled Hrvatske poviesti—Сим. Любича, въ Рѣкѣ. 1867, 8-а: 359 стр. (статья М. Месича).

Въ этомъ же отдѣлѣ дано мѣсто статьѣ др. В. Богишича о рукописи, въ которой содержится списокъ съ Записки 1551 года sulle consuetudine che sono state nel paese di Croazia da Zara fin a Nona, lequali hanno amministrato i nostri avi e proavi e noi dopo di loro. Эту Записку сообщу въ другомъ мѣстѣ по списку, у меня находящемуся.

Отдѣльнымъ изданіемъ Югославянская Академія печатаетъ трудъ своего сочлена, В. Ягича: Historija književnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga. Отпечатана и вышла въ свѣтъ knjiga prva, заключающая въ себѣ обзоръ письменности Хорватской и Сербской въ древнее время (Staro doba): Zagreb. 1867, 8-а: 204 стр.

Сочиненіе г. Ягича начинается введеніемъ, посвященнымъ разсмотрѣнію мѣстнаго разнообразія, разселенія и числа народа вообще и въ отношеніи къ мѣстности. Все Сербское и Хорватское населеніе въ земляхъ, обитаемыхъ этимъ народомъ, г. Ягичъ принимаетъ въ 5,800,000 ч. слишкомъ, именно:

	Римско-катол.	Православ.	Магометанъ.
Въ Австрійскихъ земляхъ .	1,917,729	994,512	—
» Сербіи	—	1,100,000	—
» Черной Горѣ	—	200,000	—
» Боснѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи.	300,000	900,000	400,000
	2,217,729	3,194,512	400,000

Всю исторію Хорватской и Сербской письменности г. Ягичъ дѣлитъ на три періода: 1. Древнее время, продолжающееся до конца XIV вѣка; 2. Среднее время—до половины XVIII вѣка; 3. Новое время.

Разсматривая древнее время, г. Ягичъ обратилъ вниманіе на слѣдующіе предметы: 1. Народный бытъ, 2. Крещеніе и первыя встрѣчи съ Греко-Римскимъ міромъ, 3. Подвиги Кирилла и Меѳодія, борьбы за Славянство; 4. Успѣхи письменности въ Болгаріи; 5. Богомилы, ложныя книги, народные расказы; 6. Успѣхи образованности Хорватовъ и Сербовъ отъ XII вѣка. Въ этихъ шести главахъ дано мѣсто всему важному; не забыто даже и менѣе важное, на сколько оно извѣстно, и обозначено не только то, что непосредственно относится къ Хорватамъ и Сербамъ, но и то, что относится вообще къ Славянамъ или къ Славянамъ южнымъ, не только то, что можно считать несомнѣннымъ, но и сомнитель-

ное, при чемъ сочинитель держался своихъ особенныхъ воззрѣній и убѣжденій.

Въ главѣ первой между прочимъ дано мѣсто перечню важнѣйшихъ словъ древняго языка, касающихся быта, нѣсколькимъ указаніямъ на языческія вѣрованія, на черты и рѣзы, подъ которыми сочинитель разумѣетъ руны, на различіе Югославянскихъ нарѣчій.

Во второй главѣ обращено вниманіе на первые зачатки вліянія Римской и Греческой образованности на Хорватовъ, между прочимъ относительно общественнаго строя, и на грамоты, сюда относящіяся.

Въ главѣ третьей обстоятельства дѣятельности Кирилла и Меѳодія изложены коротко, но съ добавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ или забываемыхъ данныхъ.

Въ главѣ четвертой разсмотрѣны успѣхи письменности въ Болгаріи въ отношеніи къ языку, преимущественно касательно фонетики, въ отношеніи къ азбукѣ, при чемъ сочинитель выражаетъ увѣренность, что глаголица древнѣе кирилицы, въ отношеніи къ произведеніямъ Кирилла и Меѳодія и его преемниковъ въ Болгаріи: епископа Климента, епископа Константина, Іоанна екзарха, пресвитера Григорія, в. князя Симеона, монаха Храбра и безъименныхъ, которыхъ труды сохранились въ древнихъ спискахъ.

Въ главѣ пятой дано мѣсто краткому обозрѣнію ереси Богумиловъ, предположеніямъ о сочиненіяхъ и вымыслахъ попа Іереміи, соображеніямъ о ложныхъ книгахъ, притчахъ и сказкахъ, переведенныхъ или пересказанныхъ въ книгахъ и повторяемыхъ въ народѣ, о народныхъ пѣсняхъ древняго времени и о хроникѣ Діоклейской.

Въ главѣ шестой обращено вниманіе на распространеніе глаголицы въ земляхъ Хорватскихъ, какъ азбуки церковной и гражданской, на законники городскихъ и сельскихъ общинъ Далматинско-Хорватскихъ, въ которыхъ дано мѣсто и обычному праву, на уцѣлѣвшіе памятники Сербской письменности до XIII в., на значеніе Дубровника въ отношеніи къ письменности, на заслуги ар-

хіепископа Саввы, на содержаніе и языкъ древнѣйшей Сербской письменности, на Сербскія произведенія XIII—XIV вѣка, между прочимъ на труды Доментіяна, Даніила архіепископа, Григорія Цамблака, на хронографы и лѣтописи, на Законникъ Душана.

Сочиненіе г. Ягича написано легко, занимательно и вмѣстѣ съ тѣмъ почти постоянно безъ ссылокъ, а съ простыми указаніями на имена изслѣдователей или же и безъ нихъ. Мѣсто ихъ вѣроятно замѣнитъ общій библіографическій указатель въ концѣ сочиненія.

Судя по началу, можемъ надѣяться, что дѣятельность Югославянской Академіи будетъ не только благотворна для краевъ, для которыхъ будетъ она трудиться, но важна для Славянства вообще, между прочимъ и для насъ Русскихъ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ II, № 6.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ

П. И. КЕППЕНА.

СТАТЬЯ АКАД. А. А. КУНИКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1868.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Мартъ 1868 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ П. И. КЕППЕНА.

СТАТЬЯ АКАД. А. А. КУНИКА.

Литературная дѣятельность покойнаго Акад. Кеппена, съ перваго взгляда, представляется весьма многостороннею, но въ ней бросается въ глаза то общее направленіе, которое этотъ почтенный ученый, при празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея его службы, очертилъ словами: «Вся моя жизнь была посвящена Россіи»

Петръ Ивановичъ Кеппенъ родился въ Харьковѣ, 19 февраля 1793 года. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, онъ, на 14 году жизни, поступилъ въ губернскую чертежную, гдѣ, подъ руководствомъ землемѣровъ, занимался межеваніемъ и снятіемъ плановъ и такимъ образомъ пріобрѣлъ техническія свѣдѣнія, послужившія ему впослѣдствіи въ пользу при его топографическихъ и картографическихъ работахъ. Въ то же время онъ сталъ посѣщать незадолго предъ тѣмъ учрежденный Харьковскій университетъ. Въ 1810 году онъ оставилъ службу въ чертежной и поступилъ въ число вольныхъ слушателей упомянутаго университета. Получивъ въ немъ, въ 1814 году, степень магистра правовѣдѣнія, Кеппенъ отправился въ Петербургъ и снова опредѣлился на службу, при Почтовомъ Департаментѣ. Здѣсь онъ вскорѣ сблизился съ тогдашними дѣятелями науки и литераторами, и вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ учрежденіи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности.

Число людей, занимающихся изслѣдованіемъ русскихъ древностей, было въ то время весьма ограничено, такъ что каждый, кто успѣвалъ чѣмъ-либо заявить о себѣ на этомъ поприщѣ, обращалъ на себя вниманіе русскаго мецената того времени, Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцова. Составленное Кеппеномъ въ 1818 году извлеченіе изъ сочиненія Лерберга о Югорской землѣ было замѣчено этимъ сановникомъ, который пожелалъ свести съ авторомъ личное знакомство. Видя молодаго усерднаго чиновника достойнымъ поощренія, графъ познакомилъ его съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, О. П. Козодавлевымъ, въ вѣдомствѣ котораго состояло тогда почтовое управленіе. Такимъ образомъ Кеппенъ, сдѣлавшись извѣстенъ своему высшему начальнику, получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при немъ, и кромѣ того былъ назначенъ вторымъ редакторомъ издававшейся при Министерствѣ газеты «Сѣверная Почта». Въ это время у него явилось желаніе познакомиться съ внутренними обстоятельствами Россіи основательнѣе, чѣмъ это было для него возможно около 1810 года, при первыхъ его разъѣздахъ и путешествіяхъ по ней. Въ 1819 году, онъ отправился въ командировку для обревизованія почтовыхъ станцій по Бѣлорусскому тракту до Кавказа, въ продолженіе коей онъ не только удовлетворилъ свою склонность къ наблюденіямъ, но и составилъ топографскія, этнографическія и статистическія замѣтки о тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя лежалъ его путь, а также собралъ богатые матеріалы для изученія классическихъ и другихъ древностей на берегахъ Чернаго моря. Но прежде, чѣмъ онъ тронулся съ Кавказа въ обратный путь, до него достигла вѣсть о кончинѣ его начальника и покровителя, Козодавлева. Вскорѣ по возвращеніи своемъ, Кеппенъ, не сочувствуя мистицизму, которымъ въ то время были одержимы нѣкоторые государственные люди, предпочелъ оставить службу и воспользовался представившеюся ему свободою, чтобы, въ сообществѣ своего друга А. С. Березина, совершить путешествіе въ чужіе края. Въ 1822 году, Кеппенъ отправился изъ Кіева въ Вѣну, и почти во всѣхъ частяхъ Австрійской Имперіи познако-

мился и вступилъ съ сношенія съ извѣстнѣйшими учеными и литераторами. Особое вниманіе его обратили на себя только-что начавшіяся тогда изысканія въ области славянской археологіи, этнографіи и лингвистики, такъ что, благодаря вышеупомянутымъ знакомствамъ, онъ сдѣлался первымъ посредникомъ между славистами запада и юго-запада и сѣверо-восточными изслѣдователями славянства.

Возвратясь, въ 1824 году, чрезъ Германію и Польшу, въ Россію, нашъ ученый снова опредѣлился на службу, чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, Адмиралѣ А. С. Шишковѣ. По этой должности, онъ принималъ дѣятельное участіе въ мѣрахъ для приведенія учебныхъ заведеній къ лучшему устройству. Въ эту же пору, онъ предпринялъ обширный трудъ по статистикѣ просвѣщенія въ Россіи, но не успѣлъ довести этотъ трудъ до конца, потому что вскорѣ для его дѣятельности открылось новое поприще.

Еще въ 1819 году, когда онъ впервые посѣтилъ Крымъ, въ немъ родилось желаніе поселиться когда нибудь на южномъ берегу этого полуострова и тамъ окончить дни свои. Для этой цѣли онъ, воспользовавшись представившимся ему въ 1827 году случаемъ, перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ качествѣ помощника главнаго инспектора шелководства. Съ 1829 года онъ поселился въ Крыму, объѣзжая ежегодно, по должности, пространство между Днѣстромъ и Волгою, и по порученію графа (впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя) М. С. Воронцова, берега Таврическаго полуострова, гдѣ собиралъ матеріалы для своего Крымскаго Сборника.

По возвращеніи въ Петербургъ, Кеппенъ принялъ на себя редакцію С. Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей, изданіемъ которыхъ онъ и завѣдывалъ съ іюля 1834 по декабрь 1835 года. Въ январѣ 1837 года, онъ былъ избранъ въ Адъюнкты Академіи Наукъ по части статистики. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ порученіе обревизовать находящіяся въ Таврической губерніи селе-

нія Государственныхъ крестьянъ и колоніи иностранныхъ поселенцевъ.

Окончивъ это порученіе, Кеппенъ возвратился въ Петербургъ, чтобы продолжать свою ученую дѣятельность въ Академіи, которая, для полученія свѣдѣній, нужныхъ для его изслѣдованій, нерѣдко вступала въ сношенія съ различными вѣдомствами и учрежденіями какъ въ столицѣ, такъ и внѣ ея. Кромѣ того, получивъ въ 1838 году мѣсто во вновь утвержденномъ тогда Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, онъ нашелъ возможность постепенно расширять свои труды въ области русской статистики и этнографіи. Разъѣзды по Россіи, которые отъ времени до времени онъ предпринималъ по порученію Академіи или Министерства Государственныхъ Имуществъ, имѣли также немалое значеніе для хода его занятій; при этихъ разъѣздахъ, онъ не только повѣрялъ и исправлялъ на мѣстѣ собранныя оффиціальнымъ путемъ данныя касательно нѣкоторыхъ мѣстностей, но и составилъ себѣ правильный взглядъ на обстоятельства и условія, которыя въ отдаленной столицѣ были понимаемы невѣрно или односторонне.

29 декабря 1859 года отпраздновано пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности Кеппена, и это торжество послужило поводомъ къ единодушнымъ и теплымъ заявленіямъ, со стороны избраннаго круга государственныхъ людей и ученыхъ, того уваженія, которое пріобрѣлъ себѣ юбиляръ своею неутомимою дѣятельностію. Вскорѣ затѣмъ, по причинѣ разстройства здоровья, Кеппенъ былъ принужденъ окончательно переѣхать въ Крымъ, гдѣ и скончался, 23 мая 1864 года, въ имѣніи своемъ Карабагѣ.

Не задолго до своей кончины, Кеппенъ отправивъ въ Академію значительную часть своихъ рукописныхъ матеріаловъ, предоставилъ ихъ въ полное ея распоряженіе. Другая часть собранныхъ имъ матеріаловъ, по его завѣщанію, передана въ послѣдствіи также въ Академію, въ копіяхъ. Всѣ эти рукописныя книги и тетради Академія положила хранить въ I-омъ Отдѣленіи

своей библіотеки, съ тѣмъ, чтобы онѣ, согласно волѣ покойнаго, были доступны для каждаго, желающаго ими пользоваться.

Ниже мы помѣщаемъ списокъ рукописныхъ трудовъ и матеріаловъ Кеппена. При этомъ не лишнимъ считаемъ замѣтить, что лишь меньшая, сравнительно, часть ихъ написана на нѣмецкомъ языкѣ.

Необходимость систематическаго указателя сочиненій, изданныхъ этимъ, столь трудолюбивымъ авторомъ, конечно, была ощущаема многими, и еще долго будетъ созноваема, такъ какъ труды Кеппена не скоро устарѣютъ. Впрочемъ, задача составителя, въ этомъ случаѣ, значительно облегчалась тѣмъ, что самъ Кеппенъ, по случаю изданія въ свѣтъ описанія его «Юбилея», сообщилъ своимъ сослуживцамъ, завѣдывавшимъ этимъ изданіемъ, списокъ сочиненій своихъ, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ. Такъ какъ это описаніе, украшенное портретомъ юбиляра, было напечатано только въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, то пользованіе онымъ для спеціалистовъ было затруднительно. Прилагаемый при семъ систематическій указатель можетъ лучше удовлетворить потребности тѣхъ, которые пожелаютъ справляться съ сочиненіями Кеппена. Однако, въ этомъ указателѣ, при исчисленіи отдѣльныхъ сочиненій, по необходимости должно было отступить отъ строго систематическаго порядка, потому что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ географическая, этнографическая и статистическая стороны не отдѣляются рѣзко другъ отъ друга, такъ что въ отдѣльныхъ рубрикахъ пришлось болѣе или менѣе слѣдовать порядку хронологическому. Тѣ немногія сочиненія, которыя не вошли въ изданный въ 1860 году списокъ сочиненій Кеппена, помѣщены здѣсь подъ надлежащими рубриками.

Впрочемъ, къ нашему указателю не слѣдуетъ прилагать строгаго библіографическаго масштаба, хотя мы и соблюдали должную точность въ выпискѣ заглавій, и пр. Ненадо также упускать изъ виду, что Кеппенъ, въ особыхъ оттискахъ своихъ ста-

тей, нерѣдко измѣнялъ заглавія, которыя давалъ имъ вначалѣ. Когда заглавіе принадлежитъ особому оттиску, то оно въ указателѣ отмѣчено звѣздочкою.

Что касается до сокращеній въ заглавіяхъ періодическихъ изданій, въ коихъ помѣщены сочиненія Кеппена, то должно замѣтить, что, когда въ указателѣ цитируются Мемуары Академіи, то разумѣется только шестая серія оныхъ, выходившая въ свѣтъ съ 1833 по 1860 годъ, нѣсколькими, независимыми другъ отъ друга, отдѣлами *). Въ нашемъ указателѣ означены томы и заглавія отдѣловъ Мемуаровъ, напр.: Mémoires. Série VIme. Sciences mathématiques et physiques, Tome...; Mémoires, Série VI-me. Sciences politiques, histoire et philologie, Tome...

Въ Бюллетенѣ Академіи напечатано много статей Кеппена, которыя впрочемъ не трудно находить и цитировать, такъ какъ Bulletin Scientifique (publié par l'Acad. Imp. des Sciences), состоящій изъ 10 томовъ, издавался съ 1831 по 1841 годъ; Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques (съ сокращеннымъ заглавіемъ: Bulletin historico-philologique), составляющій 16 томовъ, выходилъ въ свѣтъ съ 1842 по 1859 годъ, и наконецъ Bulletin publié par l'Academie издается съ 1859 года. Съ 1849 года, помѣщенныя въ Бюллетенѣ статьи, относящіяся до исторіи и быта обитающихъ въ Россіи народовъ, перепечатываются въ особомъ изданіи, подъ заглавіемъ: Mélanges Russes tirés du Bulletin etc., съ цѣлью, чрезъ продажу отдѣльными выпусками, сдѣлать ихъ болѣе доступными для спеціалистовъ. Въ нашемъ указателѣ показаны также выпуски Mélanges Russes, въ которыхъ напечатаны статьи Кеппена.

Если бы кто нибудь взялъ на себя трудъ подробно описать тѣ изъ сочиненій и статей Кеппена, которыя заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе драгоцѣнные матеріалы для ближайшаго знакомства съ народами и областями Русской Имперіи,

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ раздѣленіи можно найдти въ Catalogue des livres publiés en langues étrangères par l'Académie Imp. des sciences. 1867.

тотъ оказалъ бы важную услугу наукѣ, потому что только тогда сдѣлалось бы возможно пользоваться этими трудами съ полнымъ удобствомъ. Чрезъ это исполнилось бы, хотя отчасти, одно изъ желаній покойнаго, который предполагалъ составить сборникъ отдѣльныхъ статеекъ своихъ, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ.

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ, ИЗДАННЫХЪ П. И. КЕППЕНОМЪ.

Географія.

1. *Ueber die beim militärisch-topographischen Depot erscheinende neue Karte des europäischen Russlands, — ein Beitrag zur nähern Kenntniss unsers Vaterlandes.*

(Эта записка, представленная Академіи 1 сентября 1837 г., осталась ненапечатанною.)

2. **Разборъ сочиненія г. Ольдекопа, подъ заглавіемъ: Geographie des Russischen Reichs, nach den neuesten Quellen bearbeitet.*

(Этотъ разборъ напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Двѣнадцатомъ Присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 11 апрѣля 1842 г., стр. 289—298.)

3. *Bericht über die Schrift des H-rn Pawlowskij: Географія Россійской Имперіи.*

(Тринадцатое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1844 г., стр. 107—110.)

4. **Главныя озера и лиманы Россійской Имперіи. Спб. 1859.*

(Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1859 г., декабрь, Т. XXVII, отд. 2, 40 стр. in-8°.)

5. *Vorläufiger Bericht über die Areal-Berechnung von Sibirien.*

(17 октября 1856.—Bulletin historico-philologique. T. XIV. № 13=Mélanges Russes, T. III. Livr. 3, pp. 343—344.)

6. **Areal und Bevölkerungs-Verhältnisse des Kaiserthums Russland. Im Auszuge aus dem Russischen.*

(21 октября 1859. Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences. T. I. pp. 257—276=Mélanges Russes. T. IV. livr. 1 pp. 27—50. Извлеченіе изъ этой статьи напечатано въ Geographische Mittheilungen Петермана за 1860 г.).

7. *Ueber den Wald- und Wasser-Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga. Ein Bericht an die Commission zur Untersuchung der Frage über den Einfluss der Verminderung der Wälder auf die Verminderung des Wassers in der obern Wolga. Mit einer Karte und einem Vorworte (p. 165—198) des Akademikers v. Baer.*

(22 января 1841.—Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches Bd. IV, p. 199—268).

8. **Ueber einige Landes-Verhältnisse zwischen dem untern Dnjepr und dem Asow'schen Meere.*

Спб. 1845, 135 стр. in-8°, съ раскрашенною таблицей. Изъ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches von K. E. Baer und Gr. v. Helmersen, Bd. XI. стр. 3—135. Тутъ же, на ст. 87—135, напечатано разсужденіе Ф. Тецмана о степяхъ южной Россіи: Ueber die südrussischen Steppen und über die darin im Taurischen Gouvernement belegenen Besitzungen des Herzogs von Anhalt-Köthen.

9. **Объ Алешковскихъ летучихъ пескахъ.* 18 стр. in-8°. (Лѣсной Журналъ 1841 г., ч. I, кн. 3.)

10. *О сравнительной высотѣ Осташкова и Астрахани, или объ отвѣсной высотѣ Волги.*

(Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1818 г., Т. II стр. 284—302). Переводъ (съ нѣмецкаго) статьи Л. И. Пансслера, съ дополненіемъ.

11. **Ueber den Inhalt des Manganari'schen Atlas des Schwarzen Meeres.*

(St. Petersburgische Zeitung 1845, № 37.)

12. **Wege und Pfade des Taurischen Gebirges.*

(21 декабря 1838. — Mémoires de l'Académie, VI Série, Sciences mathématiques et physiques, T. II, pp. 359—382. Из-

влеченіе въ Bulletin scientif. T. V, № 8). Особые оттиски этой статьи изданы съ заглавіемъ: *Taurica. Als Fortsetzung der Krim'schen Sammlung (Крымскій Сборникъ). St. Petersburg 1840.*

13. **Ueber die Temperatur von 130 Quellen der Tauri-schen Halbinsel.*

(1 февраля 1839.—Mémoires de l'Académie. Sciences mathématiques etc. T. II, pp. 383—421.) Извлеченіе изъ этого сочиненія, напечатанное въ Bulletin Scientifique, T. V. столбцы 337—342, составляетъ вторую часть вышеупомянутой книжки (см. № 12): *Taurica. Als Fortsetzung der Krim'schen Sammlung (Крымскій Сборникъ). St. Petersburg 1840.*

14. **Описаніе Туакской (или Штеговой) пещеры въ Крыму.*

(Соревнователь 1821 г. Ч. XIV.) Извлеченіе изъ этой статьи напечатано М. Строевымъ въ первой части изданной имъ Библіотеки полезныхъ свѣдѣній о Россіи. Спб. 1836 г. стр. 48—58.

15. *О Крымскихъ пещерахъ. Дополненіе къ описанію Туакской пещеры.*

(См. выше № 14.—Русскій Зритель, изд. въ Москвѣ М. П. Погодинымъ и другими литераторами за К. Ѳ. Калайдовича 1829 г., №№ 5 и 6, стр. 132—136.)

16. *О пространствѣ Кавказскаго края.*

(Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества 1859 г. кн. 10). Эта статья напечатана на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Die Russisch-Kaukasische Statthalterschaft: officielle Zusammenstellung und Areal-Berechnung der dem Russischen Scepter, am Ende des Jahres 1859, unterworfenen Kaukasischen Länder* въ журналѣ Петермана за 1860, № 1.)

Этнографія.

17. *Этнографическая карта Европейской Россіи. Издана Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Спб. 1851 года.*

Вмѣстѣ съ этою картою, состоящею изъ 4 листовъ, издано, на двухъ языкахъ, объясненіе къ ней, подъ заглавіями: 1) *Объ этнографической картѣ Европейской Россіи Петра Кеппена, изданной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ.* Спб. 1852. 40 стр. in-8°, съ таблицею, и 2) *Ueber die Anfertigung der Ethnographischen Karte des Europäischen Russlands.* (20 февраля 1852. — Bulletin historico-philologique, T. IX. столб. 323—316, avec une planche,=Mélanges Russes, T. II livr. 2, p. 137—164).

Въ 1854 г., Р. Латамъ (R. G. Latham) въ Лондонѣ издалъ эту карту въ маломъ масштабѣ, при сочиненіи: The native Races of the Russian Empire, составляющемъ 2 част. Ethnographical library).

При выходѣ въ свѣтъ третьяго, исправленнаго изданія этнографической карты Кеппена, онъ напечаталъ въ Вѣстникѣ Императорскаго Географическаго Общества (1856 г. Часть 16, стр. 83—95) статью, подъ заглавіемъ: *О третьемъ изданіи этнографической карты Европейской Россіи.*

Въ 1851 году, подъ наблюденіемъ Кеппена, былъ изготовленъ въ 3-хъ экземплярахъ 80-тилистовой этнографическій атласъ Европейской Россіи, изъ которыхъ одинъ находится въ I Отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ, а другой въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

18. *Хронологическій Указатель Матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи. Составленъ подъ руководствомъ Петра Кеппена.* Спб. 1861 г. VIII (Предисловіе Кеппена) и 510 стр. въ 8°.

Во время моего знакомства съ Кеппеномъ, предметомъ нашей бесѣды нерѣдко бывали инородцы въ Россіи и ихъ отношеніе къ господствующему въ ней племени. Незадолго до его послѣдняго отъѣзда въ Крымъ, я обратилъ его вниманіе на то, что собранныя имъ для его этнографической карты свѣдѣнія объ исторіи инородцевъ было бы полезно дополнить другими, по крайней мѣрѣ тѣми, которыя можно найдти въ Полномъ Собраніи Законовъ

(съ 1649 года), и затѣмъ привести въ порядокъ и напечатать. Для этого дѣла я рекомендовалъ ему Б. П. Ламбина, который и принялся съ ревностію за исполненіе задачи. Въ сочиненіи, заглавіе котораго приведено выше, сообщаются свѣдѣнія о слѣдующихъ инородцахъ: Албанцахъ, Армянахъ, Башкирахъ, Болгарахъ, Вогулахъ, Води, Валахахъ, Вотякахъ, Грекахъ, Грузинахъ, Евреяхъ, Зырянахъ, Ижорахъ, Калмыкахъ, Карелахъ, Леттахъ, Лапландцахъ, Мещерякахъ, Мордвинахъ, Нѣмцахъ, Пермякахъ, Самоѣдахъ, Сербахъ, Татарахъ, Французахъ, Цыганахъ, Черемисахъ и Чувашахъ.

19. *Города и селенія Тульской губерніи въ 1857 г. Изданю Императорскаго Академіею Наукъ, на основаніи приходскихъ списковъ Тульской губерніи, подъ наблюденіемъ П. И. Кеппена.* Спб. 1858. XX, 214 стр. in-8°.

Въ 1856 г. въ Историко-Филологическимъ Отдѣленіи Академіи былъ возбужденъ вопросъ о предположеніи издать въ свѣтъ составленный изслѣдователемъ славянскихъ древностей Ходаковскимъ указатель названій важнѣйшихъ русскихъ мѣстностей. П. И. Кеппену и мнѣ было поручено обсудить это предположеніе. Мы вскорѣ убѣдились, что составленный Ходаковскимъ, находящійся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, именословъ, значеніе котораго для славянской археологіи и этнографіи было признано еще Шафарикомъ, не можетъ быть напечатанъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ Академіи. Вслѣдствіе сего, мы предложили Отдѣленію пригласить мѣстные приходскіе причты въ различныхъ епархіяхъ Европейской Россіи доставлять въ Академію топографическія и этнографическія свѣдѣнія объ ихъ приходахъ, вписанныя на особыхъ бланкахъ, которые съ этою цѣлью были напечатаны въ потребномъ числѣ экземпляровъ и разосланы по разнымъ губерніямъ. На основаніи подобныхъ, постепенно присылавшихся списковъ, Академія, въ видѣ опыта, издала описаніе Тульской губерніи. Впослѣдствіи (съ 1861 года) Центральный Статистическій Комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ предпринялъ изданіе обширнаго труда,

подъ заглавіемъ: «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи», при составленіи коихъ онъ пользуется матеріалами, собранными Академіею съ 1856 года. Къ сожалѣнію, въ этомъ изданіи не обращено вниманія на этнографическую сторону.

20. **Ueber die Nicht-Russische Bevölkerung der Apanage-Güter.*

(24 Февраля 1842.—Mémoires de l'Acad. VI Série; Sciences politiques, d'histoire etc. T. VI, p. 223—232.)

24. **Ueber die Zahl der Nicht-Russen (инородцы) in den Gouvernements Nowgorod, Twer, Jarosslaw, Kostroma und Nishnij-Nowgorod.*

(11 марта 1842.—Bulletin historico-philologique, T. I, столб. 85—96.)

22. **Ueber die Bewohner fremder Confessionen in Russland, im Jahre 1853.*

(9 февраля 1855.—Bulletin historico-philologique, T. XII, столб. 214—222=Mélanges Russes, T. II, livr. 3, p. 479—503.)

23. **Ueber die Zahl der Hebräer in Russland und deren Verhältniss zur übrigen Bevölkerung, in denjenigen Provinzen, wo solche geduldet werden.*

(6 марта 1840.—Bulletin scientifique, T. VII, столб. 91—96). На русскомъ языкѣ напечатано, подъ заглавіемъ: **О числѣ Евреевъ въ Россіи въ 1838 году* (С. Петерб. Вѣдомости 1841 г. № 76.)

24. **Der Litauische Volksstamm. Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte des XIX Jahrhunderts.*

(7 февраля 1861.—Bulletin historico-philologique, T. VIII, столб. 273—292,=Mélanges Russes, T. II, livr. 1, p. 1—22.) Въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Ч. XXXIV (1851 г., кн. 4) вскорѣ затѣмъ появилась статья, подъ заглавіемъ: *Новыя свѣдѣнія о численности и обиталищахъ Литовскаго племени.*

25. **Zahl und Vertheilung der Deutschen im Königreiche Polen, im Jahre 1851.*

(27 января 1851.—Bulletin historico-philologique, T. XII, столб. 225—242,=Mélanges Russses, T. II, livr. 5, p. 508—530.)

26. *Die Deutschen im St. Petersburgischen Gouvernement. Ein Capitel aus dem erklärenden Texte zur Ethnographischen Karte des St. Petersburgischen Gouvernements.*

(11 января 1850. — Bulletin historico-philologique, T. VII, № 23, 24.) Это сочиненіе появилось въ продажѣ, подъ заглавіемъ: *Ueber die Deutschen im St. Petersburgischen Gouvernement. Mit einem Vorworte über die Ethnographische Karte des genannten Gouvernements und einem Anhange über die auf derselben vorkommenden Dorfnamen.* St. Petersburg 1851; 45 p. in-8°. На русскомъ языкѣ, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1850 г. Ч. XXXII, кн. 11, стр. 181—209.

27. **Die Bewohner Kur- und Livlands im Allgemeinen und die Liven insbesondere.*

(24 апрѣля 1846. — Bulletin historico-philologique, T. III, столб. 257—261.)

28. **Die Bewohner Estlands.*

(19 Juni 1846.—Bulletin historico-philologique, T. III, столб. 346—347.)

29. *Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St. Petersburgischen Gouvernement, in August 1848.*

(15 сентября 1848.—Bulletin historico-philologique, T. VI, № 22.)

30. **Водь и Вотская пятина.*

(Журналъ Министерства Народ. Просвѣщ. 1851 г. май и іюнь.) Особые оттиски этой статьи напечатаны съ заглавіемъ: *Водь въ С. Петербургской губерніи. Отрывокъ изъ пояснительнаго текста къ этнографической картѣ С. Петербургской губерніи.* Въ нѣмецкомъ переводѣ, эта статья вошла въ составъ изданной въ 1867 г. книги: *Erklärender Text zur Ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements v. P. Köppen.* (См. ниже № 141.)

31. *Die von Ingriern bewohnten Dörfer im St. Petersburgischen Gouvernement.*

(30 сентября 1853.—Bulletin historico-philologique, T. IX, столб. 145—154,=Mélanges Russes, T. II, livr. 4, p. 355—368.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Селенія, обитаемыя Ижорами въ С. Петербургской губерніи*, въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по I и III Отдѣленіямъ, Т. II, стр. 412—422).

32. *Ueber die Bevölkerung von Polen und Finnland.*

(6 сентября 1830. — Bulletin scientifique, T. VI, № 13, столб. 208.)

33. *Finnland in ethnographischer Beziehung.*

Съ раскрашенною картою (13 ноября 1846.—Mémoires de l'Acad. VI Série etc. Sc. politiques etc., T. VII, p. 431—463). Извлеченіе изъ этого сочиненія, съ тою же самою картою, въ Bulletin histor.-philologique, T. IV, столб. 1—8.

34. **Die reisenden Finnländer.*

(St. Petersburg. Zeitung 1848, № 146.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Странствующіе Финляндцы и производимыя ими этнографическія изслѣдованія*, въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ 1848 г. № 154; отсюда статья перепечатана въ нѣкоторыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

35. **Zur Kenntniss Finnlands in ethnographischer Beziehung.*

(2 іюня 1848. — Bulletin de la Classe histor.-philologique, T. V, столб. 161—168.) Въ этомъ сочиненіи сообщается отчетъ о путешествіи, совершенномъ по порученію Академіи, съ этнографическою цѣлью, магистромъ Вареліусомъ.

36. **Die Bolgaren in Bessarabien. Ein Bruchstück aus einer noch ungedruckten Reise.*

(2 сентября 1853 г. — Bulletin histor.-philologique, T. XI, № 13 и 14,=Mélanges Russes, T. II, livr. 4, p. 369—378, съ таблицею на двухъ листахъ.)

37. *Die Karatajen, ein Mordwinen-Stamm.*

(20 октября 1843.—Bulletin histor.-philologique, T. I, столб. 369 — 372). На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Каратаи*,

Мордовское племя, въ С. Петербург. Вѣдомостяхъ 1845 г. № 268.

38. **Ueber die Bewohner des Russischen Armeniens.*

(6 марта 1840.—Bulletin scientifique, T. VIII, столб. 16—20.) Изъ соч. Шопена; напечатано также на русскомъ языкѣ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (1841 г. № 157), подъ заглавіемъ: *О жителяхъ Армянской Области.*

39. **Ueber das Astrachan'sche Gouvernement und die Kalmyken in Russland.*

(13 сентября 1839. — Bulletin scientifique, T. VI, столб. 271.)

40. *Nachträgliche Instruction an Hrn. Dr. Castrén, bei seiner Abreise nach Sibirien.*

(15 марта 1844. — Bulletin histor.-philologique, T. I, столб. 373—384.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Дополнительная инструкція г. Кастрену*, въ Журналѣ Министерства Народ. Просвѣщенія 1845, № 8.

41. **О Киргизахъ подвластныхъ Россіи.*

6-е Приложеніе къ сочиненію Акад. Кеппена о девятой ревизіи, 14 стр. in-4°.

Статистика.

42. **Разборъ сочиненія г. Ободовскаго: Теорія статистики, въ настоящемъ состояніи, съ присовокупленіемъ краткой исторіи статистики.*

(Девятое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1840 г., стр. 113—157. Особые оттиски изданы съ заглавіемъ: *О сущности статистики. Изложеніе П. Кеппена.* Спб. 1840. 45 ст. in-8°.

43. **О выводѣ среднихъ чиселъ для статистическихъ соображеній.*

(С. Петербург. Вѣдомости 1845 г. № 10.) Извлеченіе изъ этой статьи на нѣмецкомъ языкѣ напечатано въ Bulletin histor.-

philologique, T. II, столб. 186—192, подъ заглавіемъ: *Zur Handels-Statistik des Russichen Reiches* (17 января 1845), и перепечатано въ Mittheilungen der Kaiserl. freien ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Erstes Tertialheft 1845, стр. 102—110, а также въ Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland Эрмана (Berlin1845, 8. Bd. IV, p. 3 и слѣд. Ср. ниже № 70.)

44. **Bericht über Hrn. Gorlow's Schrift unter dem Titel: Обозрѣніе экономической Статистики Россіи.*

(Семьнадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1848 г., ст. 115—129.)

45. *Herrn Latkin's Nachrichten von dem nordöstlichen Theile des Archangel'schen Gouvernements.*

(17 ноября 1843.—Bulletin historico-philologique, T. I, столб. 257—268). На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: **Путешествіе г. Латкина по сѣверо-восточной части Архангельской губерніи*, въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ 1844 г. №№ 140, 141.

46. **Bericht an die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften über Hrn. Dr. Bergsträsser's Versuch einer Beschreibung des Olonez'schen Gouvernements im Jahre 1838. (Опытъ описанія Олонецкой губерніи, составленный К. Бергштрессеромъ. Спб. 1838.)*

(Осьмое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1839 г., стр. 201—241.)

47. **Kurzer Bericht über eine im Jahre 1846 von St. Petersburg nach Kasan, Wjatka und Wologda gemachte Reise.*

(30 октября 1846.—Бэра и Гельмерсена: Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, 13 Bändchen стр., 1—37.)

48. *Разборъ сочиненія г. Редактора (Одесскаго) Главнаго Статистическаго Комитета, Ст. Сов. А. А. Скальковскаго, подъ заглавіемъ: Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края.*

(Восемнадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, 17 апрѣля 1849 г., стр. 179—197.)

49. *Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken, dürch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh, im Jahre 1850. Mit einer Karte. St. Pet.* 1852. VI, XVI, 256 и 108 стр. in-8°.

50. *Bericht über Hrn Sawelejskij's Schrift: Статистика Царства Польскаго.*

(Тринадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1844 г., стр. 111—117.)

51. *Разборъ сочиненія г. Шопена: Статистическое описáніе Армянской Области, составленный Академиками Броссе и Кеппеномъ.*

(Десятое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1841 г., стр. 169—209.)

52. *Оразведеніи сарачинскаго пшена въ Кавказской области.* (Сѣверный Муравей 1830 г., № 27, стр. 225—227.)

53. *Staats-Handbuch Russlands, oder Verzeichniss der Kaiserlich-Russischen Staatsbehörden und der vorzüglichsten dabei angestellten Beamten. Vom Jahre 1835. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.* XLIV и 336 стр. in-8°.

54. **Russlands Gesammt-Bevölkerung im Jahre 1838.*

(16 августа 1839 г.—Mémoires de l'Acad. VI Série. Sciences politiques etc, T. VI, p. 49—222 и 285—322.)

Подъ тѣмъ же заглавіемъ была напечатана въ 1840 году, въ Bulletin Scientifique de l'Acad. T. VIII, столб. 2—19 (съ особыми оттисками in-4°), статья «составляющая собственно приложеніе къ сочиненію о потребности хлѣба въ Россіи». Въ переводѣ на русскій языкъ, вышеозначенная записка была помѣщена въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1840 г., въ №№ 222—226, подъ заглавіемъ: **Общее народонаселеніе Россіи въ 1838 году.* Впослѣдствіи, для устраненія нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникшихъ по поводу этого труда, П. И. Кеппенъ издалъ небольшую статью, подъ заглавіемъ: *Ueber Russlands Bevölkerung*, въ Нѣмецкихъ С. Петербург. Вѣдомостяхъ за 1841 г., № 199.

55. *Таблица о народонаселеніи Россіи по губерніямъ и уѣздамъ въ 1838 году.*

(Мѣсяцословъ на 1840 годъ, стр. 84—97.) Та же таблица, на нѣмецкомъ языкѣ, помѣщена въ St. Petersburg. Kalender für das J. 1840, стр. 86—99, подъ заглавіемъ: *Tabelle der Bevölkerung Russlands, nach Gouvernements und Kreisen, im Jahre* 1838. Особые оттиски вышли въ свѣтъ подъ заглавіями: *О числѣ жителей въ Россіи въ 1838 году* и *Russlands Bevölkerung im Jahre 1838.*

56. **Ueber Russlands Städte, mit besonderer Hinsicht auf deren Bevölkerung.*

(30 октября 1840.—Въ извлеченіи, это сочиненіе напечатано въ Bulletin scientifique, T. VIII, столб. 145—161.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *О городахъ Россійской Имперіи*, въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ за 1841 г. № 127.

57. **О числѣ жителей и умноженіи ихъ въ Россіи по 1842 г.*

(С. Петерб. Вѣдомости 1841 г. № 203).

58. *Ueber die Vertheilung der Bewohner Russlands nach Ständen, in den verschiedenen Provinzen.*

(13 января 1843.—Mémoires de l'Acad. VII Série. Sciences politiques etc. T. VII, p. 401—429.) Въ этомъ сочиненіи впервые обнародованны точныя данныя о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи.

59. *Ueber die Dichtigkeit der Bevölkerung in den Provinzen des Europäischen Russlands.*

(8 августа 1845 г.—Bulletin historico-philologique, T. III, столб. 1—32.) На основаніи этого сочиненія составлены К. С. Веселовскимъ двѣ статьи: 1) «О степени населенности Европейской Россіи», помѣщенная въ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1845 г. (Декабрь № 12, стр. 274—296) и 2) «Пространство и степень населенности Европейской Россіи» — въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд.

Статистическимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. I, Спб. 1851, стр. 1—29, in-8°.)

60. *Schriften über die Bewegung der Bevölkerung in Russland.* 8 p. in-8°.

Этотъ указатель составленъ Кеппеномъ «въ августѣ 1847 г.».

61. **Ueber die Bevölkerung des Grossfürstenthums Finnland am Schlusse des Jahres 1840.*

(14 января 1842.—Bulletin scientifique, T. X, столб. 255—256.)

62. *О народныхъ переписяхъ въ Россіи.*

Это довольно пространное изслѣдованіе, представленное Академіи 8 декабря 1848 г., остается донынѣ неизданнымъ. Замѣтка 1860 г.—Сравн. статью Г. Рейна: «*О народныхъ переписяхъ въ Финляндіи», помѣщенную Кеппеномъ въ С. Петербург. Вѣдомостяхъ на 1849 г. № 37.

63. **Нѣсколько словъ по поводу вѣдомости о народонаселеніи Россіи, составленной при Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ А(лександромъ) К(рыловымъ.)*

(С. Петерб. Вѣдомости 1850 г. №№ 79—81.)

64. **Народонаселеніе Россіи по губерніямъ и уѣздамъ, за исключеніемъ регулярныхъ войскъ въ 1851 году.*

(Мѣсяцословъ на 1855 годъ.) Эта статья вышла въ свѣтъ также особою брошюрою, подъ заглавіемъ: *Предварительныя свѣдѣнія о числѣ жителей въ Россіи, по губерніямъ и уѣздамъ, въ 1850 году. На основаніи данныхъ 9-ой народной переписи и другихъ показаній изложилъ* П. К. Спб. 1854, 17 стр. in-8°.

65. **Die Bevölkerung Russlands nach Provinzen und Kreisen, mit Ausnahme der regulären Truppen im Jahre 1851.*

(St. Petersburger Kalender für das Jahr 1855.) Особые оттиски, подъ заглавіемъ: *Vorläufige Uebersicht der Bevölkerung Russlands, zur Zeit der neunten Volkszählung im Jahre 1851.* 20 стр. in-8°.

66. *Девятая ревизія. О числѣ жителей въ Россіи, въ*

1851 году. Изслѣдованіе П. Кеппена. Спб. 1857. XVIII и 297 стр. in-4°.

67. **О числѣ крѣпостныхъ людей мужескаго пола по 8-й и 9-й ревизіи, съ показаніемъ крѣпостнаго процента, т. е. числоваго отношенія крѣпостныхъ людей къ общему числу жителей.* 12 стр. in-4°.

68. **Разборы сочиненія г. Штукенберга подъ заглавіемъ: Beschreibung aller im Russichen Reiche gegrabenen schiff- und flossbaren Canäle, составленные Академиками Кеппеномъ и Бэромъ.*

(Десятое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1841 г. Спб. 1841, стр. 123—146.) Этотъ отзывъ составленъ на нѣмецкомъ языкѣ.

69. **Разборы сочиненія г. Штукенберга: Hydrographie des Russischen Reiches, составленные Академиками Кеппеномъ и Бэромъ.*

(Принадлежащій Кеппену разборъ этого сочиненія И. Штукенберга напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Двѣнадцатомъ Присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1843 г. стр. 235—250.)

70. **Разборъ сочиненія г. Ст. Сов. Неболсина, подъ заглавіемъ: Коммерческая Статистика.*

(26 марта 1846.—Пятнадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1846, стр. 129—151).

71. **Zur Handels-Statistik des Russischen Reichs.*

(17 января 1845.—Bulletin histor.-philologique, T. II, столб. 186—192.)

72. *Ueber die Zahl der Postpferde in Russland und die damit verbundene Besteuerung.*

(8 мая 1840.—Bulletin scientifique, T. VIII, столб. 78—80.)

73. **Ueber den Briefverkehr im Russland.*

(31 мая 1841. 53 стр. in-4°.) Это сочиненіе сначала было назначено для помѣщенія въ V томѣ Мемуаровъ Академіи (Sciences politiques etc.) и уже было отпечатано; но тогдашнее Глав-

ное Почтовое Управленіе представило возраженія противъ нѣкоторыхъ, сдѣлавшихся извѣстными, мѣстъ этого труда, вслѣдствіе чего въ Мемуарахъ было помѣщено другое сочиненіе. Однако, прежде чѣмъ былъ оконченъ V томъ Мемуаровъ, вышеупомянутое сочиненіе появилось на русскомъ языкѣ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (№№ 242—244. 24—26 октября 1841 г.), подъ заглавіемъ: *О письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи.* На нѣмецкомъ языкѣ, въ St. Petersburger Zeitung 1841 (№№ 245 и 246) могло быть помѣщено только начало сего сочиненія. По-французски же было напечатано извлеченіе изъ него, подъ заглавіемъ: *Notices sur les postes en Russie*, въ Supplément d'Intérieur au Journal de St. Pétersbourg, 9 Dec. 1841, p. 169—173.

74. **Ueber den Kornbedarf Russlands.*

(16 августа 1839.—Mémoires de l'Acad. Sciences politiques etc. Série VI, T. V, 1842, p. 498—580.) Извлеченіе изъ этой статьи, на нѣмецкомъ языкѣ, въ Bulletin Scientifique T. VII, столб. 2—16, и на русскомъ, подъ заглавіемъ: *О потребленіи хлѣба въ Россіи*, въ Журналѣ Министерства Внутр. Дѣлъ, 1840 г. № 6 стр. 402—421.

75. *О транспортныхъ заведеніяхъ въ Россіи.*

(Журналъ для акціонеровъ 1859 г. № 149.)

76. **О мочальномъ промыслѣ. Свѣдѣнія, собранныя П. Кеппеномъ.*

(Журналъ Министерства Госуд. Имуществъ, 1841 г., № 3, стр. 13—72.) Извлеченіе изъ этой статьи, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Ueber die Benutzung der Linden-Rinde in Russland*, было представлено Академіи 28 мая 1841 годъ и напечатано въ Bulletin scientifique, T. IX № 8. Въ переводѣ на французскій языкъ, это извлеченіе озаглавлено: *Fabrication en Russie de nattes et autres objets en écorce de tilleul* и напечатано въ Supplément d'Interieur (Journal de St. Pétersbourg, 16 aout 1841), p. 113—116.

77. **Крупчатыя мельницы и крупорушни въ Ельцѣ.*

(Журналъ Мин. Госуд. Имуществъ 1851 г., Часть XLI,

стр. 261—268. Изъ неизданныхъ путевыхъ записокъ Акад. П. Кеппена. Ср. № 49.)

78. *О винодѣліи на Южномъ берегу Крыма.*

(Сѣверный Муравей 1830 г., № 23, стр. 193—198.)

79. *Объ успѣхахъ винодѣлія на Южномъ берегу Крыма.*

(Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ 1831 г., Ч. V, стр. 128—175.)

80. **О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи.*

Спб. 1832 г. XXXII, 264 и VIII (опечатки) стр. in-8°, съ 4 таблицами. Это сочиненіе печаталось въ отсутствіе автора, который окончилъ этотъ трудъ еще за нѣсколько лѣтъ до появленія онаго въ свѣтъ, но впослѣдствіи не успѣлъ издать приготовленныя имъ поправки и указатели къ этому труду. Ср. №№ 78 и 79, написанные уже по приведеніи вышеупомянутаго труда къ окончательной редакціи.

81. *О шелководствѣ въ Россіи.*

(Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ 1834 г. Ч. XIV, стр. 105—120.)

Библіографія.

82. **Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № 1. Обозрѣніе источниковъ для составленія Исторіи Россійской Словесности.* Спб. 1819, 92 стр. in-8°.

(Сначала появились въ журналѣ: Соревнователь просвѣщенія и благотвор. 1819 г., V, стр. 69—108 и 226—266, а потомъ и особо; № 1, одна книжка, содержащая обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи русской словесности).

Это обозрѣніе переведено на польскій языкъ С. Б. Линде и напечатано имъ въ числѣ прибавленій къ его переводу «Опыта краткой исторіи русской литературы Н. И. Греча: Dodatki do Mikolaia Grecza Rysu historyi Literatury Rossyyskiéy; zebrane i tłómaczone przez J. B. Linde. Warszawa, 1823. in-8, стр. 521—578.

83. *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № II. Библіографическіе листы 1825 года.* Спб. 1826 г.

Это изданіе, состоящее изъ 725 столбцевъ in-4°, въ которомъ помѣщались также свѣдѣнія о литературной дѣятельности другихъ славянскихъ племенъ (ср. № 88), выходило въ свѣтъ съ начала 1825 г. по августъ 1826.

84. *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № III.* Спб. 1827, 260 стр. in-4.

Изъ этой книги, посвященной графу Д. Н. Блудову, изданы особо:

Статья IV. *Опытъ хронологическаго списка учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* Спб. 1827; 46 стр. in-4°.

Статья VI. *О Кормчей книгѣ. Введеніе къ сочиненію барона Г. А. Розенкампфа.* Спб. 1827; 14 стр. in-4°

Статья VII. *О происхожденіи, языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ.* Спб. 1827; 106 стр. in-4°.

Эта послѣдняя статья переведена на нѣмецкій языкъ для литературнаго Латышскаго общества, которое напечатало ее въ 3 книжкѣ своего: Magazin herausgegeben von der Lettisch-Literärischen Gesellschaft (Mitau, 1829, in-8 стр. 1—112) и особо, подъ заглавіемъ: *Ueber den Ursprung, die Sprache, und Literatur der lithauischen (oder lettischen) Völkerschaften; aus dem Russischen übersetzt von Peter v. Schrötter.* Переводъ этого сочиненія на польскій языкъ напечатанъ Рогальскимъ въ Dziennik Wileński (1828. T. V), подъ заглавіемъ: *O początkach, języku i literaturze narodów Litewskich, przez Piotra Keppena; przekład Leona Rogalskiego.*

85. *Описаніе славянскихъ древностей въ Сирміи.*

(Сѣверный Архивъ, издав. Ѳ. Булгаринымъ. Ч. V. Спб. 1823, стр. 18—33.) Извлечено изъ писемъ Кеппена къ К. Ѳ. Калайдовичу.

86. *Собраніе Славянскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи. Книга I. Памятники, собранные въ Германіи.* Спб. 1827.

Это первое отдѣленіе, изданное на иждивеніе графа Н. П. Румянцова, состоитъ изъ XXXII и 187 страницъ небольшаго in-folio, съ X таблицами, гравированными на мѣди. Въ числѣ другихъ памятниковъ, Кеппенъ помѣстилъ здѣсь сдѣланный имъ самимъ снимокъ такъ называемыхъ Фрейзингскихъ отрывковъ, которые въ то же время были, въ отношеніи языка, объяснены Востоковымъ. Впослѣдствіи Шмеллеръ описалъ эту рукопись въ Gelehrte Anzeig. der K. Bayrischen Academie d. Wissensch. Jahrg. 1837, Bd. V, 2, столб. 107—110. «Грамматическія объясненія на три статьи Фрейзингской рукописи», составленныя Востоковымъ, были недавно снова изданы, въ концѣ сочиненія: «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. . . . Издалъ, по порученію II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, И. Срезневскій Спб. 1865. (Ср. въ этой книгѣ стр. 82—89 и послѣсловіе издателя.)

87. Въ 1827 и 1828 годахъ, Кеппенъ помѣстилъ въ нѣсколькихъ выпускахъ Московскаго Вѣстника различныя письма о тогдашней литературной дѣятельности славянскихъ народовъ.

88. **Литература Славянскихъ народовъ.*

(Письмо 1-ое къ Редактору Журнала Минист. Народ. Просв. 1836 г. февраль (Ч. IX) стр. 423—432; іюль (Ч. XI) стр. 208—222; августъ (Ч. XI) стр. 420—427; сентябрь (Ч. XI) стр. 649—659.)

89. *Списокъ памятникамъ, служащимъ къ составленію Исторіи художествъ и отечественной Палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ Петромъ Кеппеномъ. Напечатанъ иждивеніемъ Его Сіят. графа Ѳеодора Андреевича Толстаго.* Москва, 1822, X, VIII и 120 стр. in-8°.

Предисловіе къ этой книгѣ подписано Кеппеномъ въ Кіевѣ 30 декабря 1821 г.; въ это время онъ собирался отправиться въ путешествіе свое въ Австрію, въ продолженіе котораго изданіемъ списка завѣдывалъ другъ его К. Ѳ. Калайдовичъ. Матеріалы,

которые Кеппенъ еще въ двадцатыхъ годахъ собралъ для продолженія этого труда, въ особенности по славянской палеографіи, переданы имъ въ 1861 году въ здѣшнее Русское Археологическое Общество.

90. *Письмо къ издателю Московскаго Телеграфа о составленіи словаря Харьковскихъ писателей.*

(Московск. Телегр. 1828, № 11, стр. 410—419. Перепечатано въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы», изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867, стр. 209—214.)

91. *Рецензія сочиненія: Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Bearbeitet von J. Fr. v. Recke und C. E. Napierski, Bd. 1, A.—F., Mitau 1827. Bd. XVI, 626 p. in-8°*

(Московск. Телегр. 1828, № 2 ст. 228—234. Перепечатано въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы», изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867, стр. 205—209.)

92. *Извлеченіе изъ сочиненія: Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. Von Fr. v. Adelung. St. Petersburg 1815 (Заслуги Екатерины Великой въ сравнительномъ языкознаніи.)*

Эта статья, представленная Кеппеномъ вмѣстѣ съ И. А. Гарижскимъ, Вольному Обществу Любителей Россійской Словесности, напечатана въ Соревнователѣ просвѣщенія и благотвореніе 1818, I, стр. 271—304.

93. *Ueber die von P. Köppen gesammelten russischen Sprachproben.*

(15 марта 1861.—Bulletin de l'Acad. T. III, столб. 506—511=Mélanges Russes, T. IV, Livr. 2, pp. 210—217.) Въ напечатанномъ здѣсь письмѣ Кеппена изъ Карабага въ Крыму, отъ 17 февраля 1861 г., онъ говоритъ о томъ, какъ составилось его собраніе образцовъ бѣлорусскаго и малороссійскаго нарѣчій, впослѣдствіи переданное имъ въ Академію, въ которой оно хранится въ трехъ томахъ in-folio.

94. *Notiz über einige Handschriften des Cicero «de republica».*

(29 Juni 1839.) Эта записка не была напечатана.

95. **Ueber ein der St. Wladimir-Universität zu Kijew gehörendes, bisher unbekanntes (Batta-) Manuscript.*

(23 августа 1839.—Bulletin scientifique, T. VI, столб. 203—208; приложена литографированная таблица. На русскомъ языкѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. Часть XXIV, Отд. II, стр. 61—68.) *Неизвѣстная рукопись, принадлежащая Университету Св. Владиміра въ Кіевѣ.*

96. Донесеніе, представленное С. Петербургскому Вольному Обществу Любителей Россійской Словесности: *Обозрѣніе всѣхъ языковъ и ихъ нарѣчій, составленное Ѳ. П. Аделунгомъ (Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte von Fr. Adelung.* St. Petersb. 1820, XIV и 158 стр. in-8°.)

(Соревнователь просвѣщ. и благотв. 1820 г. X, стр. 189—225.)

97. *Literärnotizen, betreffend die Magyarischen und Sächsischen Dialekte in Ungarn und Siebenbürgen. Sr. Excellenz dem Herrn Fr. v. Adelung mitgetheilt von Peter Köppen.* St. Petersburg 1826; 32 стр. in-8°.

Археологія.

98. *Планъ города Ольвіи съ окрестностями. 1821.*

Этотъ планъ снятъ самимъ Кеппеномъ, и гравированъ на мѣди.

99. **Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien 1823.*

Это сочиненіе первоначально было напечатано, въ видѣ рецензіи на сочиненіе Рауль-Рошета о Босфорѣ Киммерійскомъ, въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, T. XX, стр. 259—351. Особые оттиски, посвященные Государственному Канцлеру Румянцову (108 стр. in-8°, съ 2 таблицами) были изданы съ при-

бавленіями. Объ этомъ сочиненіи упомянуто: 1) въ St. Petersburgische Zeitschrift von Aug. Oldekop. Mai 1823, 2) Nouvelles Annales des voyages, publiées par Eyriès et Malte-Brun, T. XIX, pp. 132—142. Juillet 1823; 3) Тамъ же, въ письмахъ Рауль-Рошета и Летронна къ Мальте-Брёну, T. XIX (Août 1823) стр. 274—282 и 282—289; 4) Акад. Келлеръ писалъ противъ этого сочиненія, сначала на французскомъ языкѣ, въ своемъ Сераписѣ» (Спб. 1823 г.), именно въ концѣ своей рецензіи сочиненія Рауль-Рошета: Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore Cimmerien: стр. 232—234, а потомъ въ особой книжкѣ, изданной имъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: 5) Beurtheilung einer Schrift: «Alterthümer am Nordgestade des Pontus. St. Petersb. 1823 in-8°; 6) въ Heidelberger Jahrbücher der Literatur. 1823. (November) № 70—71, pp. 1130—1134; и 7) въ Bibliothèque Universelle. 1824, Septembre.

100. **Olbisches Psephisma zu Ehren des Protogenes.*

(Съ нѣмецкимъ переводомъ д-ра Эйхенфельда.) Wien 1823, 14 p. in-8°. Это одна изъ греческихъ надписей, изданныхъ сперва въ Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Во французскомъ переводѣ Мальте-Брена напечатана въ Nouvelles Annales des Voyages. Juillet 1832, pp. 132—142. Ср. Lettre de M. Raoul-Rochette sur l'inscription d'Olbia à Mr. Malte-Brun, въ Nouv. Ann. des Voyages, T. XIX (Août 1823) pp. 274—282. Lettre à Mr Malte-Brun sur quelques locutions relatives à l'expression des comptes monétaires, dans le décret des habitans d'Olbie par Mr Lettronne; тамъ же, стр. 282—289. Bulletin des Sciences etc. par M. le B-n de Ferussas, 1824, № 2 pp. 109—110.

101. *Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Ein Schreiben an den Herrn Staatsrath und Ritter H. v. Köhler, zur Würdigung seiner Beurtheilung der im Jahre 1822 im XX. Band der Wiener Jahrbücher der Literatur gedruckten Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Von dem Verfasser derselben. Wien, 1823.* 16 p. in-8°.

Объ этой антикритикѣ объявлено въ Allgemeines Repertorium

der neuesten in- und ausländischen Literatur Бека, 1824, т. I, стр. 55 и 56, а также въ пространной Энциклопедіи Эрша и Грубера и въ изданіи генералъ-суперъ-интенданта Зонтага: Ostsee-Provinzen-Blatt, 1824, № 20, стр. 88. Эта антикритика перепечатана въ изданномъ Академіею собраніи сочиненій Акад. Кёлера: Gesammelte Schriften, herausgegeben von Ludolf Stephani. St. Petersb. 1850. (Bd. II, Serapis Th. II, pp. 225—246.)

102. *Древности съвернаго берега Понта. Сочиненіе Петра Кеппена. Переводъ Средне-Камашева. Издано Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Москва* 1828. 178 стр. in-8°.

Переводъ сочиненія: Alterthümer am Nordgestade des Pontus, изданный поименованнымъ Обществомъ, съ дополненіями автора.

103. **Nachricht von einigen in Ungern, Siebenbürgen und Polen befindlichen, und bisher nur wenig oder gar nicht bekannten Alterthümern. Wien. 1823.*

24 стр. in-8°, съ 3 гравированными на мѣди таблицами. Напечатано въ первый разъ въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1823. Bd. XXIV. Ср. Allgemeines Repertorium der neuesten in- und ausländischen Literatur für 1824. Herausgegeben von Chr. Dan. Beck. Leipzig. Bd. I, p. 56—59

104. *Die dreygestaltete Hekate und ihre Rolle in den Mysterien; nach einem Standbilde im Baron Bruckenthal'schen Museum zu Hermanstadt in Siebenbürgen. Wien 1823.* 24 p. in-4°

Это сочиненіе, находящееся въ нѣкоторой связи съ предыдущимъ, было первоначально напечатано исторіографомъ Гормайромъ въ его изданіи: Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst. Ср. разборъ этого сочиненія, написанный Крейцеромъ, въ Heidelberger Jahrbücher der Literatur. November 1824, № 71, стр. 135—141.

105. *Крымскій Сборникъ. Съ Картою Южнаго берега Крыма и принадлежащимъ къ ней указателемъ.* Спб. 1837.

Спеціальное заглавіе этой книги: *О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ. Издано по распоряженію Г-на Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора Графа М. С. Воронцова.* Спб. 1837; XVI и 412 стр. in-8°. Подробное извѣстіе объ этомъ важномъ для археологіи и топографіи сборникѣ помѣщено въ Archiv für wissenschaftliche Kunde Russlands. Bd. II. Berlin 1842. стр. 105—117. Ср. №№ 12 и 13. Карта состоитъ изъ 4 листовъ.

106. **Ueber Alterthum und Kunst in Russland.* Wien 1822, 32 p. in-8

Особый оттискъ изъ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur. Bd. XX. Anzeigeblatt (стр. 1—27) подъ заглавіемъ: *Ueber Völker- und Länderkunde in Russland.* Эта статья, въ переводѣ на польскій языкъ г. Линде, напечатана имъ въ его переводѣ труда Н. Греча (Ср. № 82.)

107. **Ueber Tumuli in Russland.*

(8 іюля 1836.—Bulletin scientifique de l'Acad. T. I. столб. 137—141.)

108. **Списокъ извѣстнѣйшимъ курганамъ въ Россіи.*

(Сѣверная Пчела 1837 г. №№1, 2 и 3). Изданъ также особою брошюрою, съ тѣмъ же самымъ заглавіемъ (35 стр. in-12°). Сначала былъ напечатанъ на 10 стр. in-folio. Подобный экземпляръ, на которомъ также означено: «Спб. 1 января 1837», надится у А. А. Котляревскаго.)

109. **Ueber einige Tumuli des südlichen Russlands.*

(15 іюня 1838.—Bulletin scientifique etc. T. IV, столб. 277—279).

110. *Ueber einige im Melitopol'schen Kreise des Taurischen Gouvernement veranstaltete Nachgrabungen.*

(2 августа 1839. — St. Petersb. Zeitung 1839, № 197, p. 732.)

111. **Kurze Uebersicht der in den Jahren 1842—1844 an der Nordseite des Azow'schen Meeres geöffneten Tumuli.* Съ приложеніемъ таблицы. (15 дек. 1843—Bulletin historico-philologique, T. II, столб. 193—203.)

112. *Ueber einen Gräberfund im Moskau'schen Gouvernement.* (15 апрѣля 1839.—Bulletin scientifique, T. V. столб. 383—384.)

113. **О древностяхъ въ Тверской Кареліи. Извлеченіе изъ писемъ Ѳ. Н. Глинки къ П. И. Кеппену.* (Журн. Мин. Внут. Дѣлъ 1836 г., стр. 633.) Къ письмамъ Глинки присовокуплены примѣчанія Кеппена.

114. **Die Slawisch-Russische Schrift vom XI bis zum XV Jahrhundert* (Литограф.). Издано вмѣстѣ съ сочиненіемъ: *Erläuterungen zur paläographischen Tabelle der Slawisch-Russischen Schrift vom XI bis zum XV Jahrhundert.* (26 ноября 1847.—Bulletin historico-philologique, T. V, столб. 33—42.) Ср. также статью П. И. Кеппена, напечатанную въ трудахъ Общества Исторіи и Древностей, Часть V, кн. I. Москва 1830, стр. 300—301, подъ заглавіемъ. *Нѣчто о Тмутараканскомъ камнѣ.*

115. **Der Rogwolod'sche Stein vom Jahre 1171 und die Steinschriften in der Düna.* Съ литограф. таблицей. (24 февраля 1854.—Bulletin historico-philologique, T. XII, № 3=Mélanges Russes, T. II. Livr. 4-e, p. 390—405.) На русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *О Рогволодовомъ камнѣ 1171 г. и Двинскихъ надписяхъ.* (5 мая 1854 г.—Ученыя Записки Импер. Акад. Наукъ, по I и III Отдѣленіямъ, Т. III, стр. 59—70.)

Біографія и Исторія.

116. Автобіографическая записка, П. И. Кеппена. (Юбилей Петра Ивановича Кеппена. 29-го декабря 1859 г. Спб. 1860. Въ листъ, стр. 5—7.)

117. *Письмо издателя: «Библіографическихъ Листовъ» къ Его Сіятельству, Князю П. А. Ширинскому-Шихматову.*

(Чтенія въ Имп. Общ. исторіи. Москва 1864, кн. II. Смѣсь стр. 144—160. — Это письмо написано въ 1825 г., по поводу извѣстнаго доноса Магницкаго, Попечителя учебнаго Казанскаго округа.)

118. **Bactschisaraj zur Zeit der Cholera, 1830, nebst einem Vorworte des Herrn D. Lichtenstaedt.*

Особый оттискъ изъ Russischer Mercur, изд. Ольдекопа. С. Петербургъ. 1831, 33 стр. in-8°.

119. **Samuel Gottlieb Linde, eine biographische Skizze.*

Вѣна. 1823. 16 стр. in-8°. (Изъ XXIII части Вѣнск. Jahrbücher der Litteratur.)

120. *Еще нѣкоторыя свѣдѣнія о В. Н. Карамзинѣ.*

(Чтеніе въ Имп. Обществѣ Исторіи при Моск. Университетѣ. 1863. Кн. III. Смѣсь стр. 131—132.)

121. **Дмитрій Ивановичъ Языковъ.*

(Спб. Вѣдомости 1845 г. № 19.)

122. **Христіанъ Христіановичъ Стевенъ.*

(Таврич. Губ. Вѣдом. за 1863 г. № 19.)

123. *Источники Римской Исторіи изъ Іоанна фонъ-Мюллера.*

(Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1818 г., II, стр. 27—33. Переводъ не былъ оконченъ.)

124. **Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ, въ Россійско-Императорскомъ титулѣ упоминаемой.*

Извлеченіе изъ книги: Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg. St. Petersburg 1816. (Соревнователь просвѣщ. и благотв. 1818, IV, 97—125.)

125. **О Волжскихъ Болгарахъ.*

(Журналъ Минист. Народн. Просв. 1836 г. октябрь. Ч. XII, стр. 64—79.)

Статьи различнаго содержанія.

126. *Theses ex Dissertatione: De reparatione damni per bellum illati a civitate ipsa praestanda, excerptae aliaeque, quos publice defendendas suscepit Candidatus Petrus de Koeppen.* Charkoviae 1814. 4 pag. in-4°.

Самая диссертація, написанная Кеппеномъ для полученія степени магистра, не была напечатана.

127. **Разборъ сочиненія Дѣйств. Ст. Совѣтн. М. К. Михайлова, подъ заглавіемъ: Политическая экономія.*

(Четырнадцатое Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1845 г., стр. 225—243.)

128. **Разборъ сочиненія г. Горлова, подъ заглавіемъ: Теорія Финансовъ.*

(Одиннадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 17 апрѣля 1842 г., стр. 179—210.)

129. *О выгодахъ и нравахъ Россійскихъ писателей.*

(Московскій Телеграфъ 1826 г. № 7 стр. 205—214.) Издано вторично, особою брошюрою (12 стр. in-8°), въ числѣ только 30 экземпляровъ.

130. **О семинаріяхъ для образованія преподавателей въ сельскихъ училищахъ.*

(С. Петерб. Вѣдомости 1848 г. № 47.)

131. **Объ устройствѣ училищъ. Выписки и замѣчанія П. Кеппена.* Спб. IV, 122 и VIII стр. in-8°.

Извлеченіе изъ сочиненія Ф. Тирша: Ueber gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern. Stuttgart und Tübingen. XXXII и 492 стр. in-8° (Сынъ Отечества 1827 г. Част. XIII и XIV.) Эта статья въ 1827 году переведена на польскій языкъ г. Рогальскимъ, въ Вильнѣ.

132. *1828-й годъ въ отношеніи къ просвѣщенію въ Россіи.*

(Московск. Телеграфъ 1829 г. № 4 стр. 429—449. № 6 стр. 117—127.)

133. *Ueber das Beobachten periodischer Erscheinungen der Natur.*

(14 декабря 1828 г.) Разсужденіе того же содержанія на русскомъ языкѣ издано въ 1845 г. (Ср. № 134.)

134. *О наблюденіи періодическихъ явленій природы.*

(Журналъ Министр. Госуд. Имущ. 1845 г. № 9. стр. 252—262). Это сочиненіе содержитъ въ себѣ «наблюденія по предметамъ растительнаго царства, дѣланныя въ урочищѣ Карабагѣ на южномъ берегѣ Крыма».

135. **Die Heuschrecken in der Krym, im Jahre 1859.*

Москва 1859 г. in 8. Извлеченіе изъ письма къ первому секретарю Московскаго Общества испытателей природы Ренару (Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou, 1859. № III, p. 296—300.)

136. *Ueber Pflanzen-Acclimatisirung in Russland.*

Донесеніе Академіи Наукъ. (8 февраля 1856 г. — Bulletin historico-philologique T. XIII № 20 et 21 = Mélanges Russes, T. III, livr. 2 p. 141—172.)

137. *Ueber einige aus dem südlichen Russland mitgebrachte und dem mineralogischen Museum übergebene Steinarten.*

(26 октября 1838 г.—Bulletin scientifique, T. V, № 2.)

138. St. Petersburgische Zeitung. Jahrgang 1834, 1835.

Во вторую половину 1834 и во весь 1835 годъ, эта газета издавалась подъ редакціею Кеппена, который помѣстилъ здѣсь довольно много своихъ собственныхъ статей, относящихся преимущественно до Россіи.

139. *О Черномъ Морѣ и Кавказѣ.*

(Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть XII. Спб. 1836, стр. 465—484.)

140. Въ 1817—1819 годахъ Кеппенъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи уставовъ Филантропическаго Общества и Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности (см. списокъ сочиненій Кеппена, приложенный къ изданному въ 1860 г. описанію его юбилея, № 1—3.)

141. Въ издававшемся въ 1835—1837 Энциклопедическомъ Словарѣ, напечатано Кеппеномъ много болѣе или менѣе пространныхъ статей различнаго содержанія.

142. *Erklärender Text zu der Ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements.*

St. Pet. 1867. (Съ предисловіемъ А. Куника.) 150 стр. in-4°.

Рукописи, завѣщанныя П. И. Кеппеномъ Академіи и хранящіяся въ ея библіотекѣ *.)

А. Древности.

1. *Могилы* (о курганахъ вообще въ Россіи).
2. *Могилы вблизи Керчи.* Сюда же принадлежатъ нѣкоторыя бумаги и рисунки Дюбрю (Dubrux.)
3. *Боспоръ и Пантикапея.*
4. *Греческая надпись и при ней изслѣдованіе объ Астаровѣ.*
5. *Facsimile der Arkadischen Inschrift* (Издано въ Вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur. Bd. XXIV. Сравн. выше № 103.)
6. *Древности Крыма.*
7. *Планы древнихъ укрѣпленій въ Крымѣ.*
8. *Виды Крымскихъ укрѣпленій* (Матеріалы и рисунки, содержащіеся въ №№ 4, 5 и 6, за исключеніемъ немногихъ, служили для изданія Крымскаго Сборника. См. № 105.)
9. *Древности разнаго рода.*

Б. Лингвистическіе матеріалы.

1. *Объ именахъ* (личныхъ и собственныхъ.)
2. *Рѣки.*
3. *Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ* (3 тома in folio. Ср. выше № 93.)
4. *Переходъ буквъ.*

*) Почти всѣ эти рукописи тщательно переплетены. Одна изъ тетрадей, а именно содержащая въ себѣ замѣтки и матеріалы объ Ольвіи, по желанію Кеппена, передана въ Одесское Общество Исторіи и Древностей.

C. Географія, статистика и этнографія.

1. *Нивеллировки и пр. свѣдѣнія.*
2. *Указатель къ сочиненіямъ Лепехина, изготовленный Дм. Ив. Языковымъ.*
3. *Матеріалы для ближайшаго познанія горной части Крыма.* (Нѣсколько тетрадей, отчасти топографическаго содержанія, переданныхъ въ Академію зимою 1865 года по завѣщанію покойнаго Кеппена.)
4. *Дѣла по Главной Соляной Конторѣ съ 1770 по 1776 годъ.*
5. *Вѣдомости Коммерцъ-Коллегіи о томъ, сколько по приходящимъ иностраннымъ кораблямъ было въ приходѣ и отходѣ товаровъ съ 1758 по 1773 годъ.*
6. *О числѣ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ по 8-ой народной переписи 1834 года.*
7. *Вѣдомость о числѣ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ въ Тамбовской Губерніи. 1843 года.*
8. *Вѣдомость о числѣ государственныхъ крестьянъ каждаго народа и племени въ Вятской губерніи по 8-ой ревизіи, 1834 года.*
9. *Перечневыя вѣдомости о числѣ душъ и податей въ 1838 г.*
10. *Списокъ жителямъ города Москвы, имѣющимъ въ оном свои домы.*
11. *Статистическое описаніе Воронежской губерніи 1810 г. М. П. Штера.*
12. *Вѣроисповѣданія* (Ср. выше № 22.)
13. *Вѣдомости объ инородцахъ Ковенской губерніи. 1847 года.*

D. Смѣсь.

1. *Сравнительные святцы* (Прочіе матеріалы Кеппена, относящіеся до славянской палеографіи, находятся въ Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ.)
2. *Нумизматика и Метрологія.*

3. *Библіографія 1826 года.*

4. Собраніе писемъ литературнаго содержанія, полученныхъ Кеппеномъ отъ разныхъ лицъ.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ Кеппена, найдена слѣдующая собственноручная его записка:

ПРЕДМЕТЫ ПО КОИМЪ СОБИРАЮТСЯ МАТЕРІАЛЫ.

Статьи историческія и географическія.

	Съ котораго врем. собираются.
1. *О названіяхъ рѣкъ*,—для пониманія исторіи о переселеніи народовъ	съ 1815 г.
2. *Сравнительные святцы*	» 1825 »
3. *Для исторіи художествъ въ Россіи*	» 1820 »
4. *Географическіе и Этнографическіе синонимы.*	» 1820 »
5. *Этнографія* (смѣсь).	» 1823 »
6. *Землеописаніе Россіи съ XIV по XVIII вѣкъ*, Идрографія (дополненіе къ ней).	» 1819 »
7. *Валы и окопы, засѣки* и пр.	» 1827 »
8. *Могилы* (Tumuli.)	» 1819 »
9. *Имена* (собственныя и проч.)	» 1819 »
10. *Нравы и обычаи, народныя преданія, баснословіе* и проч. (Большая часть была сообщена И. М. Снѣгиреву въ Москвѣ)	» 1819 »
11. *Разныя древности.*	» 1819 »
12. *Нумизматическія разныя замѣчанія*	» 1819 »
13. *Кавказъ*	» 1816 »
14. *Разныя статистическія свѣдѣнія о Россіи* . .	» 1827 »
15. *Для статистики Новороссійскихъ губерній* . .	» 1827 »
16. *Иностранные поселенцы въ Россіи*	» 1827 »
17. *Судакъ*	» 1827 »

Грав. Ив. Чижмостин 1868 г.

Филаретъ М. Московскій.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ II, № 7.

ОТЧЕТЪ

ПО

ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1867 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1868.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 лин., № 12.)

3 6 ★

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Май 1868 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ,

ЗА 1867 ГОДЪ.

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ 29 ДЕКАБРЯ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО.

Дѣятельность Отдѣленія выражается въ трудахъ его наличныхъ членовъ, обсуживаемыхъ въ обычныхъ засѣданіяхъ его. Произведенія стороннихъ лицъ, предлагаемыя на судъ Отдѣленія, подвергаются также предварительно спеціальному разсмотрѣнію одного изъ членовъ, отчетъ коего и служитъ основаніемъ для окончательнаго о нихъ вывода въ академическомъ собраніи. Вотъ почему, имѣя честь представить благосклонному вниманію вашему, мм. гг., обозрѣніе занятій Отдѣленія за истекающій годъ, я прямо обращаюсь къ тому, что сдѣлано каждымъ изъ нашихъ сочленовъ.

Ординарный Академикъ И. И. Срезневскій продолжалъ заниматься разработкою и объясненіемъ памятниковъ Славянскаго и древне-Русскаго языковъ и литературы. Какъ часть этихъ трудовъ, онъ читалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія начало своихъ изслѣдованій о нарѣчіяхъ старо-Славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ. Между прочимъ, онъ обратилъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые писаны юсовымъ письмомъ, и въ представленномъ имъ по этому предмету обозрѣніи указалъ на данныя, заставляю-

щія полагать, что и въ этихъ памятникахъ, рѣзко отличающихся не только отъ Русскихъ, но и отъ Сербскихъ и Хорватскихъ, нельзя искать того чистаго старо-Славянскаго языка, для котораго создана азбука, и что въ нихъ виднѣется особое мѣстное нарѣчіе.—Не вполнѣ твердо установившееся и до сихъ поръ наше правописаніе побуждаетъ искать въ составѣ и образованіи языка его истинныхъ основаній. Предварительнымъ и важнымъ для этого пособіемъ должно служить историческое обозрѣніе правописанія, какое употреблялось у насъ въ прежніе вѣка. Г. Срезневскій, занявшись этимъ обозрѣніемъ, обозначилъ главныя черты древняго русскаго правописанія, какъ оно образовалось въ XI и XII столѣтіяхъ, и показалъ его видоизмѣненія въ долгій періодъ господства рукописей и въ послѣдовавшій за тѣмъ періодъ печатанія книгъ исключительно церковными буквами, когда утвердились первоначальныя основанія и привычки новаго правописанія. — По порученію Археологическаго Общества, Академикъ Срезневскій совершилъ ученую поѣздку въ Кіевъ для осмотра тамошнихъ древностей. Случаемъ этимъ онъ рѣшился воспользоваться, чтобы произвести тамъ нѣкоторыя изысканія, и до исторіи литературы относящіяся, сколько могли ему дозволить время и главная задача его командировки. Съ этою цѣлію обозрѣлъ онъ богатое собраніе древнихъ рукописей, принадлежащихъ достопочтенному ученому Епископу Чигиринскому Порфирію. Собраніе это составлено преосвященнымъ во время продолжительныхъ странствованій его по Востоку. Академикъ между этими рукописями нашелъ многія чрезвычайно любопытныя по части славянской филологіи и лингвистики. — Къ дѣятельности г. Срезневскаго въ истекающемъ году принадлежитъ также разсмотрѣніе ученыхъ трудовъ, исполненныхъ сторонними лицами. Онъ представилъ свой отзывъ о сочиненіи профессора Харьковскаго университета П. А. Лавровскаго: «изслѣдованіе о коренномъ значеніи въ названіяхъ родства у Славянъ». Одобривъ вполнѣ трудъ ученаго Харьковскаго профессора, Академикъ изъявилъ надежду, что авторъ окончательно подкрѣпитъ свои выводы и допол-

нитъ свои изслѣдованія сравненіемъ названій родства и свойства у Славянъ и другихъ Европейскихъ народовъ въ простомъ быту, а не въ высшемъ только кругу и литературѣ. — Академія передала на разсмотрѣніе Отдѣленію присланное ей второе изданіе словаря нѣмецко-русскаго языка г. Павловскаго, а Отдѣленіе, съ своей стороны, возложило этотъ трудъ на г. Срезневскаго. Академикъ отозвался, что словарь этотъ, предназначенный для нѣмцевъ, въ такой же мѣрѣ, если не болѣе, пригоденъ и для русскихъ, изучающихъ нѣмецкій языкъ. Онъ обработанъ весь, съ начала до конца, съ одинаковымъ тщаніемъ. Излишняго, что можно было бы пропустить, не много; немного и забытыхъ словъ. Сравнивать словарь этотъ съ другими словарями, по мнѣнію рецензента, не возможно: это до сихъ поръ единственный словарь, къ которому можно обращаться съ увѣренностію, что найдемъ нужное. Г. Срезневскій заключаетъ, что если первое изданіе этого полезнаго ученаго труда заслужило въ 1856 году почетный отзывъ Академіи, то тѣмъ болѣе достойно одобренія это второе, значительно улучшенное изданіе, и конечно, въ настоящемъ своемъ видѣ, словарь г. Павловскаго имѣлъ бы полное право на Демидовскую премію, если бы таковая нынѣ существовала.—Членъ корреспондентъ Академіи В. И. Григоровичь доставилъ г. Срезневскому нѣсколько важныхъ рукописей Югозападнаго Славянскаго письма XII вѣка и нѣсколько другихъ славянскихъ литературныхъ памятниковъ. По разсмотрѣніи ихъ, Академикъ нашелъ въ этомъ собраніи наиболѣе замѣчательные памятники: Паремейникъ XIII вѣка, Тріодь, чрезвычайно разнообразную по содержанію, заключающую въ себѣ, между прочимъ, «канонъ отцемъ» на сыропустную субботу, гдѣ упоминается о трехъ святыхъ славянскихъ Кириллѣ Философѣ, Меѳодіи и Іоаннѣ Рыльскомъ, и книгу «апостольскихъ чтеній», столь же древнюю, быть можетъ, какъ и извѣстная рукопись И. И. Шафарика. Выписки изъ этихъ памятниковъ, какъ и изъ другихъ, Академикъ предполагаетъ помѣстить въ печатаемомъ имъ сборникѣ памятниковъ юсоваго письма.—Г. Срезневскій заявилъ также

Отдѣленію объ изданіи, предпринятомъ три года тому назадъ въ Загребѣ, подъ названіемъ *Книжевникъ*. По его мнѣнію, изданіе это заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ статей, особенно гг. Ягича, Рачскаго и Богишича по части древней Славянской филологіи и археологіи.—Имѣя въ виду сочиненія, которыя могли бы подходить въ семъ году подъ правила Ломоносовской преміи, Отдѣленіе не могло не обратить вниманіе на обширный и важный трудъ двухъ нашихъ пользующихся почетною извѣстностію ученыхъ гг. Горскаго и Невоструева: «Описанія рукописей, хранящихся въ Синодальной Московской Библіотекѣ». Оно поручило г. Срезневскому вмѣстѣ съ г. Бычковымъ разсмотрѣть составленное ими описаніе, вслѣдствіе чего первый въ своей запискѣ въ краткомъ и ясномъ очеркѣ сперва изобразилъ всѣ предшествовавшіе труду гг. Горскаго и Невоструева, болѣе или менѣе удовлетворительные опыты описей памятниковъ нашей древней словесности, находящихся въ разныхъ книгохранилищахъ, потомъ указалъ на огромное, образцовое описаніе рукописей Румянцовскаго Музеума, покойнаго знаменитаго нашего филолога Востокова и перешелъ къ сочиненію гг. Горскаго и Невоструева. Онъ отдалъ полную справедливость этому истинно ученому превосходному труду, коего началомъ и совершеніемъ наша наука обязана покровительству незабвеннаго святителя, Митрополита Московскаго Филарета, и въ заключеніи выразилъ свое убѣжденіе, что составители его заслуживаютъ полную благодарность всѣхъ, кому дорога отечественная наука, и что если какое либо ученое произведеніе въ настоящее время можетъ имѣть право на Ломоносовскую премію, то это безъ сомнѣнія произведеніе гг. Горскаго и Новоструева, съ чѣмъ совершенно согласилось и Отдѣленіе.

Ординарный Академикъ Я. К. Гротъ окончилъ въ семъ году печатаніе четвертаго тома сочиненій Державина, къ которому присоединилъ подробный алфавитный указатель ко всѣмъ вышедшимъ доселѣ четыремъ томамъ. Указатель этотъ будетъ служить большимъ облегченіемъ для тѣхъ, которые пожелаютъ изу-

читъ Державина и эпоху его. Продолжая занятія свои по изданію Державина, онъ приготовилъ къ печати обширную переписку поэта съ разными лицами, которая, кромѣ интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ самому Державину, заключаетъ въ себѣ многія данныя для характеристики современныхъ ему лицъ. Г. Гротъ уже приступилъ къ печатанію пятаго тома, куда должна войти и эта переписка.—Извѣстно, что нѣкоторое время у насъ было распространено мнѣніе, будто бы Карамзинъ, образуя новыя формы литературной рѣчи, заимствовалъ для этого образцы изъ Французскаго и Англійскаго языковъ. Для приведенія въ ясность этого понятія и установленія правильнаго взгляда на одну изъ важнѣйшихъ сторонъ литературной дѣятельности Карамзина, Академикъ Гротъ рѣшился тщательно изслѣдовать этотъ предметъ по самымъ фактамъ и пришелъ къ убѣжденію, что Карамзинъ, движимый желаніемъ, свойственнымъ таланту, излагать мысли свои изящно по примѣру знаменитыхъ писателей Англіи и Франціи, не могъ довольствоваться тяжелыми оборотами тогдашней нашей литературной рѣчи и принялъ за образецъ легкую и живую конструкцію русской разговорной рѣчи; слѣдовательно тутъ вовсе не было подражанія Французскому и Англійскому синтаксису, а напротивъ господствовала настоящая русская логика языка. Академикъ изложилъ эти мысли въ сочиненіи своемъ, подъ названіемъ: *Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка.* Въ этой монографіи онъ представляетъ также любопытныя черты того, съ какими чувствованіями встрѣтили современные Карамзину писатели нововведенія его въ литературномъ языкѣ. Нѣкоторые журналы, какъ напр. издававшійся подъ редакціей Крылова и Клушина «С. Петербургскій Меркурій» и «Россійскій Магазинъ» Туманскаго весьма непріязненно отзывались о Карамзинѣ вообще и о его слогѣ, между тѣмъ какъ за него сильно подвизался Подшиваловъ въ своемъ журналѣ: «Полезное и пріятное препровожденіе времени». Подшиваловъ вообще былъ однимъ изъ жаркихъ приверженцовъ Карамзина и его реформы въ языкѣ. Въ составленномъ имъ «сокращенномъ курсѣ россійскаго слога» онъ

видимо старается приблизить теоретическія свои положенія къ новымъ воззрѣніямъ на литературный языкъ и слогъ, вытекающимъ изъ опытовъ Карамзина. Такимъ образомъ монографія Академика Грота служитъ къ уясненію нѣкоторыхъ важныхъ явленій въ исторіи нашего языка и литературы въ концѣ прошедшаго столѣтія.—По порученію Отдѣленія тотъ же академикъ разсматривалъ изданный г-мъ Макаровымъ русско-французскій словарь. Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ этомъ трудѣ, г. Гротъ находитъ, что онъ удовлетворяетъ большей части требованій, существующихъ для изданій подобнаго рода, и что, вслѣдствіе этого, онъ долженъ сдѣлаться надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучить одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другаго. Особенно онъ будетъ нуженъ при переводахъ съ русскаго языка на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Академикъ Пекарскій, занимаясь разработкою матеріаловъ для исторіи Академіи, привелъ въ извѣстность многія любопытныя данныя, извлеченныя имъ изъ ея архивовъ. Плодомъ этихъ изысканій было, между прочимъ, напечатанное, по опредѣленію Отдѣленія, сочиненіе: «Жизнь и Литературная переписка Петра Ивановича Рычкова». Рычковъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей прошедшаго столѣтія. Онъ родился съ рѣшительнымъ призваніемъ къ наукѣ, и только крайній недостатокъ тогдашнихъ способовъ образованія былъ причиною, что онъ не сдѣлался ученымъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Находясь на службѣ въ Оренбургскомъ краю, онъ все время, остававшееся ему отъ служебныхъ занятій, посвящалъ умственнымъ трудамъ и изученію естественныхъ произведеній страны, промышленности и вообще всего, что относилось до исторіи и этнографіи. Его «топографическое описаніе» Оренбургскаго края вмѣстѣ со статьями, какія посылалъ онъ въ находившееся подъ редакціей Академика Миллера періодическое изданіе: «Ежемѣсячныя сочиненіи», пріобрѣло ему уваженіе Академіи и званіе ея члена-корреспондента. Знаменитый исторіографъ Миллеръ находился въ по-

стоянныхъ дружественныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Академикъ Лепехинъ и Палласъ, во время ученаго ихъ путешествія по Россіи, при посѣщеніи Оренбургскаго края, пользовались его указаніями и свѣдѣніями. Это-то достопримѣчательное лице, представлявшееся смутно и неясно въ исторіи нашей литературы, по не достатку положительныхъ о немъ свѣдѣній, съ помощію изданной Академикомъ Пекарскимъ монографіи, является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, какъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ русскихъ дѣятелей въ моментъ едва только пробудившейся у насъ высшей мысли и знанія. Кромѣ свѣдѣній, относящихся непосредственно къ Рычкову, въ сочиненіи г. Пекарскаго находится много любопытныхъ подробностей вообще о ходѣ нашего образованія и нравахъ эпохи.—Въ засѣданіяхъ Отдѣленія онъ читалъ свою записку «о редакторахъ, сотрудникахъ и цензурѣ русскихъ журналовъ въ 1764 и 1765 годахъ», основанную на добытыхъ имъ въ Академическомъ архивѣ данныхъ, особенно относящихся къ первому русскому ученому журналу, который былъ издаваемъ при Академіи Наукъ Академикамъ Миллеромъ, подъ названіемъ, какъ выше упомянуто, «Ежемѣсячныя сочиненія». Здѣсь г. Пекарскій, между прочимъ, открылъ слѣды участія разныхъ сотрудниковъ изданія, которые оставались въ безвѣстности, а между тѣмъ они трудились въ свое время много и добросовѣстно для пользы зарождавшихся въ Россіи науки и литературы. Академикъ вообще весьма справедливо полагаетъ, что обязанность исторіи воскрешать въ памяти потомковъ имена людей, не пользовавшихся громкою извѣстностію, но тѣмъ не менѣе бывшихъ значительными органами умственнаго движенія въ свое время. Въ названной нами монографіи его находятся также нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя могутъ служить матеріаломъ для исторіи цензуры въ Россіи—исторіи, безъ сомнѣнія, весьма важной не только въ отношеніи къ литературѣ, но и въ отношеніи къ ходу всего нашего образованія. Занимаясь, какъ я имѣлъ честь сказать выше, приготовленіемъ матеріаловъ къ исторіи Академіи, г. Пекарскій въ истекающемъ году окончилъ разборъ прежнихъ ака

демическихъ дѣлъ въ 322-хъ фоліантахъ, обнимающихъ періодъ времени отъ 1726 по 1765 годъ. Затѣмъ оставалось приступить къ изученію отдѣльныхъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ изъ исторіи Академіи, о которыхъ сохранились въ дѣлахъ болѣе или менѣе любопытныя подробности. Изъ этихъ эпизодовъ нѣкоторые окончательно обработаны, напр. слѣдствіе о поступкахъ Академическаго Совѣтника Шумахера и о борьбѣ его съ Академиками за присвоеніе себѣ чрезмѣрной власти по управленію Академіи. Въ настоящее время г. Пекарскій занимается изученіемъ актовъ для описанія извѣстной, но исторически неразработанной Камчатской экспедиціи. Она продолжалась десять лѣтъ; въ ней участвовало пять членовъ Академіи, и результаты, достигнутые четырмя изъ нихъ, высоко цѣнятся въ исторіи наукъ, и особенно въ области естествовѣдѣнія. Несмотря на это, на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ бы хотя вкратцѣ было изложено все то, что пріобрѣтено наукою въ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательномъ ученомъ путешествіи. Найдя въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ для описанія его, много характеристическихъ подробностей о бытѣ русскихъ и инородцевъ Восточной Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, Академикъ предпринялъ, независимо отъ исторіи Академіи, составить особую монографію, которая будетъ заключать въ себѣ сводъ всего, что можетъ касаться исторіи и этнографіи названныхъ странъ. Наконецъ, къ трудамъ г. Пекарскаго въ нынѣшнемъ году принадлежитъ его разборъ сочиненія г. Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ». Сочиненіе это прежде было уже на разсмотрѣніи г. Пекарскаго, который, признавая его достоинство, положилъ однако возвратить автору для исправленія и пополненія нѣкоторыхъ мѣстъ. Авторъ воспользовался замѣчаніями рецензента и представилъ Академіи въ нынѣшнемъ году свой трудъ на соисканіе Уваровской преміи. Г. Пекарскій одобрилъ его, вслѣдствіе чего Академія присудила автору Уваровскую награду. Къ рецензіи своей академикъ присоединилъ нѣкоторые, имъ самымъ добытые факты и свои изслѣдованія, относящіяся къ Ѳео-

фану Прокоповичу и его времени. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ письмо Ѳеофана къ Архіепископу Кіевскому, бывшему впослѣдствіи Митрополитомъ, Рафаилу Заборовскому, о причинахъ крайняго упадка школъ Кіевскаго братскаго монастыря. Причины эти, заключавшіяся въ небреженіи и своекорыстіи ближайшихъ распорядителей монастырскимъ имуществомъ, были очень хорошо извѣстны знаменитому Іерарху, во время его ректорства въ Кіевской Академіи, и онъ изображаетъ ихъ въ своемъ письмѣ со свойственными ему остроуміемъ и силою слова. Вообще памятникъ этотъ можетъ служить весьма полезнымъ матеріаломъ какъ для біографіи и характеристики Ѳеофана, такъ и общественныхъ нравовъ. Любопытны также приведенные г. Пекарскимъ документы о совращеніи въ царствованіе Анны Іоанновны въ католичество княгини Ирины Долгорукой, свидѣтельствующіе о томъ, какъ ревностно и искусно католическая и іезуитская пропаганда пользовалась издавна всякимъ случаемъ, при свободномъ доступѣ иностранцевъ въ Россію, дѣйствовать на слабые умы нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ и отторгать ихъ отъ православія.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ, осматривая лѣтомъ нынѣшняго года, по порученію Археографической Коммиссіи, библіотеку Ярославскаго Спасскаго монастыря, ознакомился съ богатымъ собраніемъ рукописей, въ ней хранящихся. Всѣхъ рукописей, по его исчисленію, находится въ ней 204, изъ которыхъ 13 писаны на пергаментѣ, а остальныя на бомбицинѣ и бумагѣ. Между первыми болѣе замѣчательныя: 1) псалтырь XIII вѣка, уставомъ на 177-ти листахъ, 2) слова Никона Черногорца, также XIII вѣка, полууставомъ въ два столбца разныхъ почерковъ, 262 листа; переводъ ихъ и грамматическій составъ языка значительно отличаются отъ перевода и языка этихъ же словъ въ рукописяхъ XV вѣка. Изъ рукописей, писанныхъ на бумагѣ, обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) Іоаннъ Лѣствичникъ, уставомъ XVII вѣка; въ концѣ ея помѣщено: «толкованіе неудобь познаваемымъ писаннымъ рѣчемъ, понеже положени суть рѣчи въ книгахъ отъ

начальныхъ переводчикъ ово словеньски, ино сербски, а другая болгарски и гречески». 2) Два другіе списка того же Іоанна Лѣствичника тоже любопытны по разницѣ лицъ, ихъ писавшихъ, и мѣстъ, гдѣ они написаны; 3) Патерикъ печерскій и нѣкоторыя другія. Тотъ же академикъ представилъ копію съ письма Оленина Державину о разговорѣ перваго съ Императоромъ Александромъ I по поводу перваго представленія на театрѣ трагедіи Озерова: *Эдипъ въ Аѳинахъ*, и читалъ записку свою о нѣкоторыхъ рукописяхъ съ подлинными и подправленными приписками Салакадзева. По поводу вопроса объ удостоеніи сочиненій Ломоносовскою преміей, г. Бычковъ, разсматривавшій вмѣстѣ съ Академикомъ Срезневскимъ описаніе Славянскихъ рукописей гг. Горскаго и Невоструева, представилъ и свое мнѣніе. Оба Академика пришли къ одинаковому результату, т. е., что трудъ гг. Горскаго и Невоструева, какъ трудъ высокаго ученаго достоинства, заслуживаетъ вполнѣ награду Ломоносовской преміей. Г. Бычковъ указалъ въ особенности на нѣкоторыя подробности въ немъ, изъ которыхъ видно, съ какою тщательностію и съ какимъ глубокимъ знаніемъ дѣла они объяснили все, что относится къ содержанію и значенію для нашей науки и литературы памятниковъ, хранящихся въ синодальной библіотекѣ, такъ что ихъ трудъ будетъ служить необходимымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося исторіей нашей вообще и исторій словесности.— Г. Бычковъ, въ продолженіе истекающаго года, занимался также редакціей Бѣлорусскаго словаря Носовича и наблюденіемъ за его печатаніемъ.

Въ Бозѣ почившій Митрополитъ Московскій Филаретъ, до конца дней своихъ не переставая принимать дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ церковныхъ и общественныхъ событіяхъ, сопровождалъ нѣкоторыя изъ нихъ краснорѣчивымъ изліяніемъ своихъ чувствованій. Такъ онъ выразилъ свои человѣколюбныя христіанскія воззрѣнія по поводу подписки въ пользу бѣдствующихъ Критянъ; потомъ онъ написалъ и напечаталъ: всеподданнѣйшее письмо въ день торжественнаго вшествія 22 апрѣля въ Москву Го-

сударя Императора съ Государемъ Цесаревичемъ и съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Замѣчательна также его рѣчь 5 августа, въ день совершившагося пятидесятилѣтія въ его святительскомъ служеніи, предъ собраніемъ, привѣтствовавшимъ его съ этимъ днемъ. За тѣмъ были написаны имъ многія отвѣтныя посланія на поздравительные адресы, присланные къ нему отъ разныхъ мѣстъ и лицъ по поводу празднованія также пятидесятилѣтія.

Преосвященный Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій Макарій:

1) пересмотрѣлъ, исправилъ, въ иныхъ мѣстахъ дополнилъ, а въ другихъ сократилъ и напечаталъ вторымъ изданіемъ свой трудъ — исторію христіанства въ Россіи до равноапостольнаго Князя Владиміра, какъ введеніе въ свою исторію русской церкви;

2) пересмотрѣлъ, исправилъ и напечаталъ вторымъ изданіемъ три первые тома самой этой исторіи;

3) напечаталъ третьимъ изданіемъ Православное Догматическое Богословіе въ 2-хъ томахъ.

4) издалъ нѣсколько новыхъ «словъ и рѣчей», и между прочимъ, рѣчь по случаю чуднаго спасенія жизни Государя Императора въ 25-й день мая;

5) занимался продолженіемъ «исторіи русской церкви» въ періодъ раздѣленія ея на двѣ митрополіи, съ половины XV до конца XVI вѣка.

Академикъ М. П. Погодинъ издалъ:

1) Историко-критическихъ опытовъ 2-ю часть,

2) собраніе разсужденій о польскомъ вопросѣ съ 1831 по 1867 годъ,

3) издавалъ политическую и литературную газету; «Русскій»,

4) оканчиваетъ печатаніе Древней Русской Исторіи.

Сверхъ того приготовляетъ къ изданію описаніе совершеннаго имъ путешествія по разнымъ странамъ Европы и ко святымъ мѣстамъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ посѣтили С. Петербургъ представители раз-

ныхъ Славянскихъ племенъ проѣздомъ на Московскую этнографическую выставку. 11 мая нашею церковію празднуется день знаменитыхъ преподобныхъ первоучителей Славянскихъ, Кирилла и Меѳодія. Славянскіе гости, между коими были и члены-корресподенты нашей Академіи гг. Палацкій и Эрбенъ, отслушавъ литургію въ Исакіевскомъ Соборѣ, пожелали обозрѣть академическіе музеумы и кабинеты, и какъ въ тотъ же день должно было происходить въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности обыкновенное очередное засѣданіе, то они и были приглашены въ него. Въ присутствіи ихъ засѣданіе было открыто краткимъ объясненіемъ Академика Грота о значеніи собранія. Потомъ Академикъ Срезневскій обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на нѣкоторыя особенно замѣчательныя вновь вышедшія Западно-Славянскія и Русскія книги, какъ то: К. Я. Эрбена, «Лѣтопись Нестора» въ Чешскомъ переводѣ, В. Дювернуа «объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи», «Славянскій именословъ» священника Морошкина, В. Макушева: «Задунайскіе Адріатическіе Славяне» и нѣкоторыя другія. Г. Срезневскій обозначилъ кратко ихъ содержаніе и указалъ на значеніе ихъ въ кругу Славянской науки. Затѣмъ г. Гротъ представилъ собранію только что вышедшій томъ сочиненій Державина, при чемъ для Славянскихъ посѣтителей объяснилъ въ краткихъ словахъ какъ значеніе вообще Державина въ нашей литературѣ, такъ и необходимость полнаго изданія его сочиненій съ примѣчаніями и приложеніями.

19 Декабря совершилось столѣтіе со дня рожденія покойнаго знаменитаго нашего ученаго и Іерарха, Евгенія Болховитинова. Одаренный умомъ въ высшей степени любознательнымъ и проницательнымъ, одушевленный жаркою любовію къ христіанскому и научному просвѣщенію своего отечества, этотъ мудрый святитель, въ продолженіе всей своей жизни, дѣлилъ труды свои между заботами объ управленіи ввѣренною ему паствою и отечественною наукою и оказалъ послѣдней важныя услуги своими историческими и критическими изысканіями. Имя высокопреосвя-

щеннаго Евгенія по многимъ вопросамъ знанія въ этомъ родѣ пріобрѣло значительный авторитетъ въ кругу ученыхъ и занимаетъ въ немъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Поэтому Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, питая глубокое уваженіе къ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые своими трудами содѣйствовали утвержденію въ отечествѣ нашемъ строгаго научнаго образованія, вознамѣрилось день рожденія святителя, по истеченіи столѣтія, ознаменовать особеннымъ чрезвычайнымъ засѣданіемъ. Засѣданіе это почтили своимъ присутствіемъ гг. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Президентъ Академіи и нѣкоторые изъ почетныхъ членовъ ея и членовъ корреспондентовъ. Здѣсь были прочитаны рѣчи, приготовленныя Академиками Срезневскимъ, Гротомъ и Бычковымъ. Г. Срезневскій опредѣлилъ ученыя заслуги митрополита Евгенія, и систематически обозрѣвъ его сочиненія, прочиталъ отрывки изъ любопытной переписки его съ бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета, Городчаниновымъ. Г. Гротъ изобразилъ эпизодъ изъ жизни покойнаго архипастыря, относящійся къ знакомству его съ Державинымъ, съ которымъ, какъ извѣстно, онъ былъ постоянно въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Тотъ же Академикъ передалъ нѣсколько свѣдѣній, изъ коихъ видно, между прочимъ, какими вѣрными и ясными понятіями и воззрѣніями отличался ученый митрополитъ даже въ отношеніи къ изящной литературѣ, и какъ Державинъ нерѣдко пользовался его совѣтами. Академикъ Бычковъ исключительно обратилъ вниманіе собранія на извѣстные, составленные Евгеніемъ два словаря русскихъ писателей и сообщилъ также нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ этомъ важнѣйшемъ изъ его ученыхъ трудовъ.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности въ истекающемъ году понесло горестныя утраты — смерть похитила нѣсколько лицъ изъ среды нашей. — Въ хронологическомъ порядкѣ печальныхъ событій, мнѣ предстоитъ прежде всего грустная обязанность заявить передъ вами о смерти достойнаго нашего сочлена, экстраординарнаго Академика, Петра Спиридоновича Билярд-

скаго. Это былъ одинъ изъ тѣхъ честныхъ и просвѣщенныхъ тружениковъ науки, которые всѣ свои силы посвящаютъ изысканіямъ, пролагающимъ путь въ святилище ея истинъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства житейскія, при самомъ началѣ его дѣятельности, отвлекали его отъ занятій, близкихъ сердцу и наиболѣе соотвѣтствовавшихъ его способностямъ. Билярскій родился 1819 года. Окончательное образованіе онъ получилъ въ Московской Духовной Академіи, гдѣ и былъ удостоенъ степени кандидата въ 1838 году; въ 1840 году онъ уволенъ изъ духовнаго вѣдомства для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ. Службу свою началъ онъ съ 1844 года въ Комитетѣ Правленія Академіи Наукъ въ званіи канцелярскаго чиновника 1-го разряда. Отсюда въ 1850 году онъ перешелъ въ Правительствующій Сенатъ и занялъ въ немъ мѣсто протоколиста общаго собранія. Все время, остававшееся ему отъ службы, онъ употреблялъ для ученыхъ изслѣдованій, занимавшихъ его умъ еще въ высшихъ курсахъ академическаго ученія, и такимъ образомъ онъ не прерывалъ союза своего съ наукою, съ которою соединяли его природныя влеченія духа. Усилія, однако, соединить въ своей дѣятельности столь разнородныя задачи, какъ канцелярская работа и наука, не обошлись безъ вредныхъ для него послѣдствій—отъ этого значительно потерпѣло его здоровье, которымъ онъ и впослѣдствіи не наслаждался вполнѣ. Только со вступленіемъ его въ должность члена учебнаго комитета по военно-учебнымъ заведеніямъ, въ 1856 г. начинается болѣе благопріятный періодъ въ его жизни. Онъ получилъ возможность сосредоточить и время и способности свои въ предметахъ, всегда занимавшихъ его мысли. Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, покойный Я. И. Ростовцевъ, умѣлъ вполнѣ понять и оцѣнить и обширность познаній Билярскаго, и свѣтлый умъ его, и готовность ревностно содѣйствовать образованію молодыхъ людей. По его избранію, онъ сдѣланъ былъ главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ по части русскаго языка и словесности. Билярскій вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе. Лица, дѣйствовавшія

въ качествѣ наставниковъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ его, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ было важно и благодѣтельно вліяніе его на ихъ труды и вообще на ходъ преподаванія русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Онъ старался утвердить это преподаваніе на твердыхъ началахъ. Извѣстно, что въ этой области ученія возникло-было у насъ ложное направленіе, въ силу котораго, подъ предлогомъ развитія въ юношахъ самостоятельнаго мышленія, многое предоставлялось ихъ произволу и случайному набѣгу идей. Особенно это ослабленіе правилъ и умственной дисциплины вредно отражалось на практическихъ упражненіяхъ молодыхъ людей, которые, дѣйствуя безъ правильной методы, привыкали, какъ говорится, идти куда глаза глядятъ и не давать себѣ отчета ни въ ходѣ своихъ мыслей, ни въ выраженіи ихъ. Билярскій твердо противупоставлялъ этому умственному своеволію строгость систематическаго изученія; онъ требовалъ притомъ, чтобъ анализъ фактовъ языка и словесности подчинялся правиламъ, и разумную, на психологическихъ и историческихъ данныхъ основанную теорію, по справедливости, считать необходимымъ условіемъ основательнаго литературнаго образованія.

Несмотря на внѣшнія препятствія, затруднявшія ученую дѣятельность Билярскаго, она не могла не обратить на себя вниманія людей науки. Труды его были признаны достойными академическаго званія, и онъ былъ въ 1860 году избранъ сперва въ адъюнкты Академіи Наукъ, по Отдѣленію русскаго языка и словестности, а потомъ, въ 1863 году, произведенъ въ экстраординарные академики. Съ тѣмъ вмѣстѣ на него была возложена обязанность члена въ комитетѣ академическаго правленія. Но Билярскій уже чувствовалъ такое истощеніе силъ, которое требовало серіозныхъ заботъ о жизни. Думая поправить свое здоровье въ болѣе благопріятномъ климатѣ, онъ принялъ предложенное ему мѣсто ординарнаго профессора по каѳедрѣ русской словесности въ новооткрытомъ университетѣ въ Одессѣ, куда и отправился 1865 года. Но не долго лелѣяла его надежда возстановить

утраченныя силы: къ общему сожалѣнію, послѣ продолжительной болѣзни, онъ скончался 2-го минувшаго января.

Ученые труды Билярскаго посвящены были языковѣдѣнію и преимущественно изслѣдованіямъ по части языка древне-славянскаго. Многія статьи его были помѣщаемы въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія», коего долгое время онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ. Въ числѣ этихъ статей, особенное вниманіе обратили на себя критическіе разборы сочиненій Миклошича и Ганки. Въ 1847 году онъ напечаталъ свое замѣчательное произведеніе *о средне-болгарскомъ вокализмѣ*. Точныя изслѣдованія привели его къ выводу, что для славянской филологіи необходимо изученіе языка болгарскихъ рукописей и что съ этимъ изученіемъ тѣсно связано изъясненіе историческаго хода, не только болгарскаго, но и церковно-славянскаго языка. Затѣмъ Билярскій издалъ свои историко-филологическія изслѣдованія о *реймскомъ Евангеліи*, гдѣ онъ критически оцѣниваетъ все, что было писано объ этомъ древнемъ и знаменитомъ памятникѣ славянской письменности. Академія увѣнчала этотъ превосходный трудъ Демидовскою наградой. Задачу языковѣдѣнія Билярскій понималъ въ обширномъ и глубокомъ значеніи: отъ историческо-сравнительныхъ изслѣдованій объ элементахъ языка онъ обращался къ первоначальнымъ общимъ его условіямъ. Чтобъ усвоить этотъ способъ изученія нашей литературѣ, онъ перевелъ на отечественный языкъ знаменитое твореніе В. Гумбольдта *о различіи организма человѣческаго слова*, и издалъ его въ 1859 году. Кромѣ важности своего содержанія, эта книга имѣетъ для нашей литературы еще то особенное значеніе, что представляетъ прекрасный образецъ точнаго и искуснаго изложенія на русскомъ языкѣ самыхъ утонченныхъ философскихъ понятій. Кто знаетъ, какъ трудно передавать на нашемъ языкѣ подобныя понятія, заимствованныя изъ нѣмецкой науки, тотъ отдастъ полную справедливость Билярскому, успѣвшему побѣдить всѣ предстоявшія ему трудности. Послѣдній ученый трудъ, совершенный имъ съ обычнымъ его знаніемъ и рвеніемъ, было собраніе матеріаловъ

для біографіи Ломоносова, извлеченныхъ изъ академическихъ архивовъ и изданное ко дню празднованія Ломоносовскаго столѣтняго юбилея. Всѣ, занимающіеся исторіей русской словесности, оцѣнили по достоинству этотъ огромный сборникъ, представляющій многія любопытныя данныя не только для біографіи Ломоносова, но и вообщее для исторіи нашего образованія въ прошедшее столѣтіе.

Второю жертвои смерти въ кругу нашемъ былъ Н. И. Гречъ, членъ-корреспондентъ Академіи по Отдѣленію русскаго языка и словесности, скончавшійся 12-го января. Гречъ принадлежалъ у насъ къ числу дѣятелей умственной среды, которые не пролагаютъ новыхъ путей въ области науки или искусства, но которыхъ дарованія и труды освѣщаютъ, такъ сказать, пути уже открытые и помогаютъ другимъ идти по нимъ поступью надежною и твердою. Они въ то же время оказываютъ обществу ту неоцѣненную услугу, что, служа ревностно интересамъ литературы, мысли, знанія, тѣмъ связываютъ его тѣсно съ высшими задачами гражданственности. Общество нуждается въ этихъ людяхъ точно также, какъ оно нуждается въ просвѣщенныхъ и честныхъ сановникахъ, не имѣющихъ власти установлять новые законы для государства, но твердо соблюдающихъ законы, какіе уже установлены и искусною рукою приводящихъ въ движеніе пружины народной безопасности и благоденствія. Посвятивъ жизнь свою высокимъ цѣлямъ отечественной образованности. Н. И. Гречъ сочувствовалъ глубоко всѣмъ ея требованіямъ, а для нѣкоторыхъ былъ незамѣнимымъ, просвѣщеннымъ труженикомъ и руководителемъ. Педагогъ, публицистъ, журналистъ, лингвистъ, писатель, подававшій постоянно примѣръ чистоты и правильности отечественнаго языка, для которыхъ былъ заботливымъ хранителемъ и уважаемымъ авторитетомъ въ литературѣ, онъ, въ то же время, являлся или участникомъ, или начинателемъ то того, то другаго дѣла, обѣщавшаго полезные умственные результаты.

Н. И. Гречъ родился въ С.-Петербургѣ 3-го августа 1787 года. Одинъ изъ предковъ его, славянинъ чешскаго происхожденія, въ началѣ XVII столѣтія искалъ въ Россіи убѣжища отъ преслѣдованій католическаго духовенства и такимъ образомъ сдѣлался родоначальникомъ русской фамиліи Гречей. Дѣдъ Николая Ивановича получилъ высшее образованіе въ университетахъ марбургскомъ и лейпцигскомъ. Поступивъ на службу въ Россіи, онъ былъ сперва учителемъ въ митавской гимназіи, потомъ инспекторомъ классовъ въ с.-петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ и, наконецъ, удостоенъ былъ званія преподавателя всеобщей исторіи наслѣднику престола Петру Ѳеодоровичу и супругѣ его великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Отецъ Н. И. служилъ нѣсколько времени секретаремъ въ Сенатѣ, и умеръ въ отставкѣ, оставивъ семейство свое въ крайней бѣдности. Начальное воспитаніе, всегда служащее основаніемъ нравственнаго характера человѣка, Гречъ получилъ въ домѣ родительскомъ подъ руководствомъ умной и заботливой матери, а первоначальныя познанія въ наукахъ—въ юнкерской школѣ при Сенатѣ для образованія гражданскихъ чиновниковъ. Стремленіе къ дальнѣйшему умственному развитію побудило его, по окончаніи курса въ юнкерской школѣ, искать мѣста не для службы, а для пріобрѣтенія знаній, соотвѣтствующихъ его внутреннему призванію и способностямъ. Онъ рѣшился слушать лекціи въ педагогическомъ институтѣ, преобразованномъ потомъ въ с.-петербургскій университетъ. Но тутъ встрѣтила его тяжкая борьба, большею частію постигающая людей даровитыхъ какъ бы для испытанія ихъ силъ и для показанія, что превосходство, какимъ они надѣлены отъ природы надъ людьми обыкновенными, даромъ не дается — это была встрѣча съ бѣдностію. Гречъ долженъ былъ учиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только заботиться о своемъ содержаніи, но и помогать своему семейству. Въ свободное отъ институтскихъ лекцій время онъ давалъ частные уроки. Юношескіе его годы такимъ образомъ протекли въ школѣ науки и въ школѣ нужды. Съ 1806 года началась его служебная карьера въ званіи канцеляр-

скаго служителя с.-петербургскаго цензурнаго комитета, гдѣ вскорѣ онъ былъ сдѣланъ секретаремъ. Такъ-какъ главною задачей его жизни были наука и литература, то и въ службѣ онъ старался избирать должности, имѣвшія съ ними соприкосновеніе. Такимъ образомъ онъ былъ учителемъ русской словесности въ главномъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра (съ 1809 по 1813 годъ), смотрителемъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ, потомъ старшимъ учителемъ гимназіи (съ 1813 по 1817 годъ). Въ 1819 году, по волѣ въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, онъ учредилъ классы въ с.-петербургскомъ и гатчинскомъ воспитательныхъ домахъ, и вскорѣ затѣмъ ввелъ систему взаимнаго обученія по методѣ Ланкастера между нижними чинами гвардейскаго корпуса; въ 1842 и 1843 годахъ преподавалъ русскую словесность въ пажескомъ корпусѣ. Впродолженіе своей служебной дѣятельности въ кругу народнаго образованія, Гречъ участвовалъ въ дѣлахъ и по другимъ вѣдомствамъ — въ министерствѣ внутренныхъ дѣлъ, гдѣ, состоя при министерствѣ, основалъ и издавалъ журналъ этого министерства съ 1829 по 1831 годъ, въ министерствѣ финансовъ, въ которомъ съ 1836 по 1843 годъ находился въ качествѣ члена общаго присутствія по департаменту мануфактуръ и внутренней торговли. Здѣсь съ успѣхомъ было исполнено имъ порученіе осмотрѣть за границей разныя техническія учебныя заведенія, за что и былъ онъ удостоенъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Незадолго до своей кончины онъ состоялъ членомъ ученаго комитета по министерству народнаго просвѣщенія, а по увольненіи изъ него, былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, съ производствомъ его въ тайные совѣтники.

Для Академіи преимущественно важны его литературные и ученые труды. Здѣсь личность Греча является уже въ томъ значеніи, въ какомъ предстоитъ ей занять мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія и образованности. Оцѣнка подобныхъ трудовъ опредѣляется болѣе всего потребностями времени, которыми они были вызваны и важностію, какую для него имѣли. Каждая эпоха пред-

лагаетъ свои задачи; честное и разумное содѣйствіе къ ихъ рѣшенію исторія принимаетъ съ благоволеніемъ и потомство не отказываетъ въ справедливости передовымъ умамъ, подвизавшимся въ этомъ смыслѣ. Они видятъ въ этомъ не только удовлетвореніе потребностямъ времени, но и необходимое подготовленіе успѣховъ будущаго. Одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ въ литературной дѣятельности Греча былъ основаніе въ 1812 году и изданіе журнала «Сынъ Отечества». Годъ этотъ, какъ извѣстно, былъ высокознаменательнымъ, роковымъ моментомъ въ нашей исторіи—это былъ какъ бы моментъ испытанія, которому Провидѣнію угодно было подвергнуть народъ русскій для пріобрѣтенія права быть народомъ великимъ. Государству угрожала утрата политической самобытности. Для спасенія ея недостаточно было привести въ движеніе весь механизмъ государственнаго управленія; надлежало явиться на сцену народному духу съ его возбужденною непоколебимою преданностію къ вѣрѣ, престолу и отечеству—и ему надлежало сосредоточится въ одной нераздѣльной силѣ, въ силѣ общественнаго мнѣнія, значеніе и важность котораго познаются особенно въ рѣшительныя минуты и которое оказывается тогда могучимъ, ничѣмъ не замѣнимымъ дѣятелемъ. Но общественному мнѣнію нуженъ органъ — печатное повсюду распространяющееся слово, и въ XII году этимъ органомъ было основанное Гречемъ періодическое изданіе. Замѣчателенъ поводъ, по которому дано ему названіе. Предпріятіе Греча встрѣтило всеобщее горячее сочувствіе во всѣхъ лучшихъ кругахъ петербургскаго общества. Надлежало немедленно приступить къ его осуществленію; но издатель былъ въ недоумѣніи, какъ ему назвать свой трудъ. Въ это время Николаю Ивановичу сообщили горестную вѣсть, что братъ его, служившій въ арміи, получилъ тяжелую рану и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ со словами на устахъ: «благодареніе Богу! я умираю, *какъ сынъ отечества*». Пусть же, сказалъ Гречъ, изъ этихъ благородныхъ словъ будетъ извлечено и имя для новаго изданія, посвященнаго отечеству. Изданіе это имѣло въ свое время блистательный успѣхъ. Тутъ на-

ходили себѣ мѣсто выраженія высокихъ патріотическихъ чувствованій, одушевлявшихъ всѣ сословія, и общество получало возможность слѣдить за ходомъ чрезвычайныхъ событій эпохи, поддерживая, вмѣстѣ съ тѣмъ, свою связь и нравственное единство съ движеніемъ нашихъ побѣдоносныхъ военныхъ силъ. Литераторъ тогдашняго времени не могъ посвятить своей дѣятельности предмету, болѣе достойному и общеполезному, и Гречъ исполнилъ свое дѣло съ одушевленіемъ и ревностію, соотвѣтственными важности его. По окончаніи гигантской борьбы съ Наполеономъ, журналъ «Сынъ Отечества» не переставая слѣдить за современною политикой, съ 1815 года сдѣлался преимущественно литературнымъ. Онъ не проводилъ никакого особеннаго, или новаго умственнаго направленія, но отличался весьма удачнымъ и искуснымъ выборомъ статей, какой только возможенъ былъ въ тогдашнемъ состояніи нашей литературы. Важную часть въ немъ составляла современная библіографія съ изложеніемъ содержанія вновь выходившихъ сочиненій и краткими, но бо̀льшею частію умными и мѣткими критическими замѣчаніями. Здѣсь Гречъ особенно наблюдалъ за неприкосновенностію духа и законовъ русскаго языка. При этомъ не излишнимъ нахожу упомянуть, что часть дохода, доставляемаго журналомъ, Гречъ жертвовалъ на воспитаніе одного изъ сиротъ, отецъ коего убитъ былъ въ войну XII года. Еще въ 1866 году оставалось отъ этого гречевскаго капитала 4399 рублей, какъ то видно изъ отчета по комитету раненыхъ.

Въ 1834 году въ обществѣ нѣкоторыхъ петербургскихъ литераторовъ родилась мыс̀ль объ изданіи «Энциклопедическаго Лексикона». Мысль эта, пробѣжавъ во многихъ умахъ, по обширности своей и трудности исполненія, вѣроятно разрѣшилась бы одними добрыми желаніями, еслибы Гречъ не принялъ ее къ сердцу со свойственною ему горячностію. Сильнымъ вліяніемъ своимъ на тогдашнія литературныя дѣла, онъ далъ ей характеръ серьезнаго предпріятія; онъ вошелъ въ сношеніе съ бывшимъ содержателемъ типографіи Плюшаромъ, который принялъ на себя

изданіе будущаго Лексикона. На призывъ Греча отозвались съ живѣйшимъ сочувствіемъ всѣ тогдашніе дѣятели науки и литературы. Болѣе ста человѣкъ собралось ихъ у него, и въ этомъ собраніи рѣшено было, испросивъ разрѣшеніе правительства, приступить немедленно къ приготовительнымъ работамъ. Главнымъ редакторомъ единогласно былъ избранъ Гречъ; всѣ предметы, входившіе въ составъ Лексикона, раздѣлены были на разряды, и каждый изъ разрядовъ, по общему соглашенію, былъ ввѣренъ особому редактору. Едвали когда-нибудь въ литературѣ нашей являлось столько одушевленія и единодушной готовности на общее дѣло, какъ въ этотъ замѣчательный моментъ изданія Энцикл. Лексикона. Есть еще живые свидѣтели прошедшаго, которые могутъ подтвердить, съ какою энергіей, добросовѣстностію и знаніемъ занимался Гречъ этимъ громаднымъ дѣломъ; онъ былъ и душою и главнымъ его двигателемъ. Работы по Лексикону быстро подвигались впередъ, публика доказывала ему полное вниманіе и сочувствіемъ, и подпискою, которая возрасла до такихъ размѣровъ, до какихъ она никогда у насъ не доходила въ подобныхъ случаяхъ, именно до 7,000 подписчиковъ, уже при самомъ началѣ изданія. Къ сожалѣнію, Гречу не суждено было продолжать и довершить постройку этого зданія науки, которое должно было послужить прекраснымъ памятникомъ учено-литературной дѣятельности своего времени. Возникшія вскорѣ недоразумѣнія между редакціей и издателемъ, и надобно сказать по совѣсти, не по винѣ первой, положили преграду благородному и общеполезному начинанію при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ успѣха. На седьмомъ томѣ Гречъ принужденъ былъ, несмотря на оказанныя имъ услуги дѣлу, отказаться отъ званія главнаго редактора; съ нимъ большая часть участниковъ прекратила также свою дѣятельность—и хотя послѣ того издано было еще нѣсколько томовъ, но, утративъ главныя силы свои, Лексиконъ, наконецъ, долженъ былъ прекратиться къ общему сожалѣнію.

Этотъ печальный опытъ не охладилъ усердія Греча къ подобнымъ трудамъ. Въ 1835 году генералъ баронъ Зедделеръ,

пріобрѣвшій почетную извѣстность какъ ученый спеціалистъ въ предметахъ, касающихся военныхъ знаній и исторіи, рѣшился, въ сотовариществѣ съ Гречемъ, издать военный Энциклопедическій Лексиконъ. Гречъ принялъ на себя редакцію по литературной части. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ несъ на себѣ эти новые труды, не оставляя прочихъ литературныхъ занятій; Лексиконъ, при настойчивости и любви къ дѣлу барона Зеделера и ревностномъ содѣйствіи Греча, былъ доведенъ до конца.

Съ 1825 года Гречъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ, началъ издавать литературно-политическу газету «Сѣверную Пчелу». Извѣстно, что газета эта долгое время была у насъ единственымъ источникомъ свѣдѣній о современной общественной жизни, имѣла огромный кругъ читателей и вообще пользовалась большою благосклонностью публики.

Изящная словесность во вторую минувшую четверть вѣка сильно занимала собою и общество, и писателей. Это эстетическое расположеніе умовъ протекло свѣтлою струей въ исторіи нашей интеллектуальной жизни и не осталось безъ благотворныхъ для ней послѣдствій. Такіе писатели, какъ Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, не говоря уже о второстепенныхъ, какъ напримѣръ, Баратынскій, Языковъ, Подолинскій и другіе, съ разныхъ сторонъ и въ различныхъ направленіяхъ возбуждали и развивали въ сердцахъ чувство прекраснаго и воспитывали, такъ сказать, мысль для всѣхъ возвышенныхъ интересовъ, которые должны занимать людей, не погрязшихъ исключительно въ житейскихъ мелочахъ. Къ этимъ писателямъ, по справедливости, слѣдуетъ отнести и романистовъ Загоскина и Лажечникова. Въ общемъ настроеніи тогдашней литературы не могъ не принимать участія и Гречъ. Онъ не обладалъ поэтическимъ талантомъ, или силою творчества; однако, романы его—*Поѣздка въ Германію* и *Черная женщина*, также какъ наблюденія и замѣтки, писанныя имъ во время путешествій его по Англіи, Франціи, Германіи и Италіи въ 1837, 1841, 1843 и 1846 годахъ, по пріятному и чистому изложенію своему, по мно-

гимъ мѣткимъ и вѣрнымъ взглядамъ на вещи, составляли занимательное чтеніе и съ достоинствомъ поддерживали въ публикѣ участіе къ литературѣ.

Важнѣйшій трудъ Греча былъ посвященъ отечественной наукѣ—это его русская грамматика. Считая по справедливости правильность и чистоту въ выраженіи мыслей на отечественномъ языкѣ и, слѣдовательно, основательное знаніе его за одно изъ главныхъ требованій образованности, онъ лучшую часть своихъ умственныхъ силъ и жизни посвятилъ на усовершенствованіе и распространеніе способовъ его изученія. Онъ дѣйствовалъ уже благотворно въ этомъ направленіи, какъ преподаватель, какъ журналистъ и какъ писатель. Долговременная практика, сопровождаемая тщательнымъ наблюденіемъ, дала ему, наконецъ, возможность вникнуть въ составъ и элементы русскаго слова и приступить къ полному систематическому сочиненію о немъ — и это сочиненіе явилось въ 1827 году подъ названіемъ пространной и практической грамматики. Не мѣсто и не время здѣсь излагать подробно значеніе этого обширнаго труда. Настоящей, вполнѣ удовлетворительной русской грамматики не существуетъ и теперь. Мы еще находимся въ періодѣ разработки матеріаловъ для кодификаціи законовъ нашего языка и, вѣроятно, пройдетъ довольно времени, пока эта кодификація сдѣлается возможною при тѣхъ великихъ требованіяхъ, какія предлагаются современною наукой. Поэтому, конечно, и трудъ Греча далеко нельзя считать законченнымъ. Одни изъ существенныхъ его недостатковъ состоятъ въ отсутствіи историческихъ и сравнительныхъ данныхъ съ сплеменными русскому языку славянскими нарѣчіями и устраненіе изъ круга изслѣдованій элементовъ языка народнаго, который собственно и есть неизсякаемый источникъ богатствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и познанія его законовъ. Гречъ очевидно въ своихъ грамматическихъ началахъ находился подъ вліяніемъ прежней школы языкоученія, считавшей идеи общей или философской грамматики за главныя руководящія истины въ составленіи грамматики частной. Несмотря, однако, на эти недостатки, грамматика

Греча представляетъ богатый запасъ полезныхъ правилъ и указаній при употребленіи языка и служила для нѣсколькихъ генерацій важнѣйшимъ пособіемъ въ его изученіи. Гречъ долго не переставалъ заботиться о возможномъ облегченіи этого изученія. Для употребленія въ школахъ имъ неоднократно была издаваема сокращенная грамматика; въ 1832 г. онъ издалъ уроки русской грамматики и вслѣдъ затѣмъ руководство къ преподаванію ея въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а въ 1839 и 1840 годахъ читалъ публичныя лекціи о языкѣ, привлекавшія множество слушателей; онъ умѣлъ сдѣлать свои чтенія не только наставительными, но и пріятными. Преданность его интересамъ русскаго языка, безъ преувеличенія можно сказать, доходила до страсти — и страсть эта не покидала его до конца жизни. Такъ онъ слѣдилъ съ живымъ участіемъ за важнымъ трудомъ В. И. Даля — его словаремъ, и, далекій отъ всякаго соперничества съ лицами, дѣйствовавшими въ одномъ съ нимъ кругу, онъ помогалъ постоянно составителю своими совѣтами и занимался корректурою его книги не задолго еще до своей смерти. Мы видѣли присылаемые ему г. Далемъ изъ Москвы корректурные листы, исписанные его примѣчаніями и поправками; замѣтно, что дрожащая рука ему уже измѣняла; но богатство знанія и вѣрный взглядъ ума оставались прежніе, непстощившіеся ни отъ лѣтъ, ни отъ трудовъ. Задолго до этого времени, въ 1835 г., онъ оказывалъ подобную же радушную услугу Рейфу при изданіи имъ извѣстнаго словаря, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ издатель въ предисловіи къ своему труду.

Гречу мы обязаны также первымъ опытомъ исторіи русской словесности. До него не было у насъ даже покушенія представить факты ея въ послѣдовательномъ систематическомъ порядкѣ. Гречъ принялся за этотъ тяжелый, многосложный трудъ, не имѣя предъ собою никакихъ предварительныхъ изысканій и пособій, которыми такъ богато наше время, ничего, кромѣ однихъ не вполнѣ собранныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, и свѣдѣній, какія онъ могъ почерпнуть въ сихъ послѣднихъ и со-

брать отъ разныхъ близкихъ и знакомыхъ ему лицъ. Кромѣ ознакомленія съ замѣчательнѣйшими въ литературѣ нашей дѣятелями и ихъ произведеніями, авторъ, безъ всякихъ претензій на модные философскіе взгляды и блестящія, хотя нерѣдко произвольныя умозаключенія, указываетъ на общій ходъ просвѣщенія у насъ въ каждомъ данномъ періодѣ и, такимъ образомъ, даетъ книгѣ своей, въ извѣстномъ смыслѣ, характеръ прагматическій. Долгое время она была у насъ единственнымъ пособіемъ при историческомъ изученіи отечественной словесности.

Говоря объ ученомъ и литературномъ дѣятелѣ, недолжно забывать въ немъ и человѣка. Если къ заслугамъ ума и знанія присоединяется доброта и благородство сердца, то человѣкъ, совмѣщающій въ себѣ эти качества, пріобрѣтаетъ вдвойнѣ право на наше уваженіе и любовь. Гречъ, обладая рѣдкими умственными способностями, которыя онъ доказалъ своими произведеніями и всею многолѣтнею своею общественною дѣятельностію, былъ въ то же время истинно добрымъ и благороднымъ человѣкомъ. Въ подтвержденіе этого я могъ бы привести многіе факты, еслибъ не боялся слишкомъ увеличить объемъ моей рѣчи. Самое теплое, исполненное любви, расположеніе онъ оказывалъ людямъ литературнаго круга, нуждающимся въ совѣтѣ, руководствѣ и поддержкѣ, особенно молодымъ писателямъ. Никто, изъ имѣвшихъ къ нему дѣло или надобность, не отходилъ отъ него, не получивъ того, что только въ состояніи былъ онъ дать—совѣта, ободренія, или возможной матеріальной помощи. И это дѣлалось у него такъ просто, деликатно, какъ-будто не онъ одолжалъ другихъ, а другіе его одолжали. Это былъ характеръ, который, въ истинномъ смыслѣ, можно было назвать человѣчественнымъ. Всѣ, лично знавшіе его, конечно, помнятъ, какъ въ обращеніи съ людьми онъ былъ привлекателенъ и любезенъ, какимъ блестящимъ остроуміемъ сопровождалась его бесѣда! Нѣкоторыя изъ его остроумныхъ изреченій долго повторялись въ обществѣ. Бывъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей въ литературѣ своего времени, онъ, вопреки обыкновенію многихъ изъ своихъ прошедшихъ, на-

стоящихъ и, вѣроятно, будущихъ собратій, очень скромно, уютно носилъ съ собою свою знаменитость, спрятавъ ее въ чувствованіяхъ и поступкахъ простаго, привѣтливаго и добродушнаго человѣка. Эта-то воздержность въ присвоеніи себѣ извѣстныхъ достоинствъ и давала ему болѣе всего права на признаніе ихъ въ глазахъ людей мыслящихъ и серьезныхъ. Я не могу еще не припомнить одной прекрасной черты его характера: онъ былъ чуждъ духа нетерпимости въ мнѣніяхъ. Случалось и ему, по пылкости его сердца, вдаваться въ споры и горячо отстаивать какое-нибудь изъ своихъ убѣжденій; но пылъ его обыкновенно разрѣшался, наконецъ, какою-нибудь остротой,—этимъ и оканчивались личные его счеты съ противникомъ; что же касалось до убѣжденій, то они, безъ вражды и пререканій, предоставлялись отвѣтственности того, кто ихъ имѣлъ. Никто и никогда не могъ упрекнуть Греча, чтобы онъ не отдавалъ должной справедливости заслугамъ людей, подвизавшихся на одномъ съ нимъ поприщѣ. Я приведу одинъ только примѣръ. Гречъ, по весьма естественнымъ причинамъ, дорожилъ своими грамматическими трудами и распространеніемъ ихъ въ школахъ. Между тѣмъ явилась грамматика Востокова, которая признана была во многомъ превосходящею его и одобрена была, какъ руководство для учащихся. И чтожъ? Ни однимъ словомъ, ни дѣломъ Гречъ не далъ почувствовать, что онъ видитъ въ Востоковѣ своего соперника. Напротивъ, рѣдко кто, до послѣднихъ дней нашего знаменитаго филолога, оказывалъ столько сочувствія къ его трудамъ и уваженія къ его лицу, какъ Гречъ. Онъ слишкомъ высоко стоялъ въ литературномъ кругу, чтобы самому не имѣть враговъ; его нерѣдко старались поразить отвратительнымъ оружіемъ, которое позоръ человѣческой испорченности дѣлаетъ всего позорнѣе—оружіемъ клеветы; но тутъ онъ платилъ болѣе сѣтованіемъ за оказанную ему несправедливость, чѣмъ ненавистію.

Подобныя черты характера не должны быть забыты, какъ прекрасный примѣръ сочетанія достоинствъ сердца съ достоинствами ума и знанія.

Наконецъ, мм. гг., мы должны занести въ наши лѣтописи новую, самую свѣжую горестную утрату и не для одной Академіи, но для цѣлой Россіи. Ноября 19-го скончался великій архипастырь православной церкви, сочленъ нашъ, высокопреосвященный митрополитъ московскій Филаретъ. Недавно еще Россія праздновала пятидесятилѣтіе его святительскаго служенія; недавно мы слышали въ общемъ академическомъ собраніи выраженіе его чувствованій къ намъ въ слѣдующемъ отвѣтѣ его на нашъ поздравительный адресъ—«съ глубокимъ уваженіемъ—писалъ онъ къ г. президенту нашему—«принялъ я слово Императорской Академіи наукъ въ день совершившагося пятидесятилѣтія моего въ епископствѣ. Чѣмъ болѣе свѣтло ея воззрѣніе на мою посильную дѣятельность, тѣмъ сильнѣе освѣщаетъ оно для меня мое недостаточество, чтобъ соотвѣтствовать оному. Прискорбно мнѣ думать, что, принадлежа Академіи въ теченіе долгаго времени, я не нашелъ свободы отъ занятій болѣе строго для меня обязательныхъ, чтобъ положить мою лепту въ сокровищницу ученыхъ трудовъ Академіи. Но когда и при семъ Академія простираетъ ко мнѣ благоволительное вниманіе, тѣмъ болѣе глубоко чувствую, тѣмъ усерднѣе приношу ей мою совершенную благодарность. Да продолжастъ умы, въ ней соединенные, озарять вѣчная истина, дабы они во всѣхъ областяхъ мысли и природы открывали и являли истины просвѣтительныя и полезныя для человѣчества». Еще не изгладились отрадныя впечатлѣнія, возбужденныя въ насъ этимъ полнымъ жизни выраженіемъ его сочувствія къ намъ и нашей дѣятельности, какъ насъ постигла скорбная вѣсть, что мы его лишились. Пусть же нѣсколько не искусныхъ, но искреннихъ словъ напомнятъ вамъ, мм. гг., о свѣтлой жизни, уже угасшей для міра, но соединявшей въ себѣ многое, что̀ не должно и не можетъ угаснуть для потомства. Слова мои ничего не прибавятъ къ тому, что̀ уже сказано другими и что̀ знаете и чувствуете вы; но когда повтореніе касается и лица, и дѣлъ, столь намъ драгоцѣнныхъ, оно уже не можетъ быть ни излишнимъ, ни неумѣстнымъ.

Высокопреосвященный Филаретъ родился 1784 года въ Коломнѣ не далеко отъ Москвы, гдѣ суждено было ему совершить большую часть его архипастырскихъ подвиговъ, и въ этомъ средоточіи нашей народности, сдѣлать имя свое столь достолюбезнымъ и досточтимымъ въ народѣ. Мы не знаемъ обстоятельствъ его дѣтства, юношескаго возраста и первоначальнаго умственнаго развитія. Онъ учился и получилъ окончательное образованіе въ Сергіевско-Лаврской семинаріи, гдѣ послѣ и оставался нѣкоторое время учителемъ риторики, а въ 1808 году принялъ монашеское постриженіе. Надобно, однако, полагать, что и въ раннемъ возрастѣ, и въ періодъ своего ученія онъ заявлялъ уже свое умственное и нравственное превосходство. Необыкновенныя дарованія не могутъ не возвѣщать о себѣ прежде, чѣмъ окажутся во всемъ своемъ блескѣ. Безъ сомнѣнія, не напрасно прилагало о немъ попеченіе—лицо тоже высокихъ дарованій—предшественникъ его и въ санѣ, и въ славѣ, митрополитъ Платонъ. Когда юный Филаретъ былъ призванъ въ Петербургъ, гдѣ предстояло болѣе широкое поприще уже проявлявшимся его духовнымъ силамъ, знаменитый іерархъ просилъ Св. Синодъ о возвращеніи его въ Москву, говоря: «Какъ я особливо о немъ прилагалъ, въ разсужденіи его воспитанія, стараніе, то сіе много послужитъ къ успокоенію моей старости». Получивъ степень баккалавра богословскихъ наукъ въ Александро-Невской духовной Академіи, Филаретъ въ 1812 году былъ уже ея ректоромъ. Съ того времени слава его, какъ писателя и проповѣдника, начала быстро возрастать. Первыя рѣчи его, произнесенныя въ церкви Александро-Невской Лавры, и потомъ слово въ Казанскомъ соборѣ при гробѣ князя Кутузова-Смоленскаго, произвели глубокое впечатлѣніе въ тогдашнемъ обществѣ, особенно послѣднее по искусному сліянію въ немъ религіознаго и патріотическаго чувства. Въ то же время его занимали глубокомысленныя ученыя изысканія, плодомъ коихъ были изданные въ 1815 году *разговоры между испытуемымъ и увѣреннымъ о православной греко-россійской церкви*, обширное твореніе *начертаніе церковно-библейской*

исторіи и въ томъ же году *записки на книгу бытія*. Позже онъ составилъ *Пространный Катихизисъ*, принятый, съ одобреніемъ Святѣйшаго Синода, руководствомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи. Такимъ образомъ Филаретъ соединилъ въ лицѣ своемъ достоинства первоклассnаго проповѣдника съ достоинствомъ великаго ученаго въ области Богословія. Для полноты его духовнаго и общественнаго призванія и примѣненія силъ и обширности его знаній и способностей, ему оставалось только сдѣлаться правительственнымъ лицемъ въ дѣлахъ церкви. Его умъ, дарованія и характеръ вскорѣ открыли ему путь и на эту высоту. Въ 1817 году онъ былъ удостоенъ сана епископа-викарія ревельскаго. Затѣмъ, въ 1819 году, онъ переведенъ былъ на епископскую каѳедру въ Тверь, съ правомъ засѣдать въ Синодѣ, а въ 1820 году въ Ярославль; въ слѣдующемъ же году былъ возведенъ въ санъ архіепископа московскаго и наконецъ, въ 1826 году—въ санъ митрополита. Съ сего времени дѣятельность Филарета, впродолженіе всей его жизни, раздѣлялась между правительственными заботами о благоустройствѣ ввѣренной ему церкви и назиданіемъ своей паствы силою христіанской проповѣди. Авторитетъ ученаго богослова, снисканный прежними его твореніями, утвердилъ за нимъ на прочномъ основаніи то вліяніе въ церкви и обществѣ, къ какому открывали ему путь его постъ и дарованія.

Изображеніе полустолѣтней обширной дѣятельности нашего архипастыря и ея вѣрная оцѣнка принадлежатъ исторіи. Мы въ немногихъ только чертахъ можемъ коснуться значенія этой высокой личности, какъ современники, побуждаемые естественнымъ сочувствіемъ къ тому, чему были сами свидѣтелями. Мы не имѣемъ права, да и возможности говорить о тѣхъ качествахъ, какими Филаретъ ознаменовалъ себя, какъ іерархъ и ученый богословъ — это требуетъ спеціальнаго изученія. Я позволю себѣ обратить вниманіе ваше, мм. гг., только на то, въ какомъ свѣтѣ вообще представляется онъ передъ людьми своей эпохи. Вамъ извѣстно, что не всегда высокій санъ служитъ ручательствомъ

и высокаго общественнаго значенія лица. Мѣра этого значенія опредѣляется не однимъ употребленіемъ власти, или аттрибутами извѣстнаго положенія, ни даже внѣшнимъ исполненіемъ обязанностей, но тѣмъ вліяніемъ, какое дается лицу довѣріемъ, уваженіемъ и любовію общества, и эти преимущества снискиваются одними качествами душевными. Вы знаете, какъ высоко стоялъ въ общественномъ мнѣніи почившій святитель, какимъ блескомъ было окружно его имя и какое дѣйствіе производилъ онъ на умы всѣхъ, къ нему приближавшихся. Въ способностяхъ и стремленіяхъ его духа была властительная сила, независимая отъ той, какую давало ему его положеніе. Къ драгоцѣннымъ особенностямъ нашей православной церкви принадлежитъ то, что іерархи ея, чуждые всѣхъ притязаній на мірскую власть и мірское преобладаніе, не были, однако, чужды горячаго участія въ судьбахъ отечества. Исторія наша представляетъ многочисленные примѣры, какъ они постоянно въ знаменательные или трудные дни, издревле, являлись передъ лицемъ властей и народа, принося съ собою то утѣшеніе и одобреніе, то урокъ и назиданіе — они являлись дѣятелями общественными въ благороднѣйшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова. Филаретъ былъ одушевляемъ такими же стремленіями. Инокъ по строгому образу жизни и исполненію уставовъ своего знанія, онъ былъ въ то же время человѣкомъ жизни въ значеніи лучшихъ ея задачъ и требованій. Отъ древнихъ предшественниковъ своихъ онъ отличался тѣмъ, что, къ смиренной и благочестивой простотѣ ихъ сердца, присоединялъ обширную и богатую образованность вѣка, которая однако не скрывала отъ его проницательнаго взора и удручающихъ его язвъ. По высотѣ и просвѣщенію своего ума, Филаретъ знакомъ былъ со всѣми вопросами, волнующими общество, видѣлъ тщету многаго изъ того, что̀ превозносилось ученіями школъ и партій; но отдавалъ полную справедливость тому, что̀ составляетъ лучшее достояніе и славу вѣка — успѣхамъ науки. Онъ всѣмъ сердцемъ желалъ этихъ успѣховъ и для любезной сердцу его Россіи. Злоупотребленія, какими иногда затмѣваютъ область знанія умы поверхностные и шаткіе, онъ не считалъ по-

водомъ препятствовать или угрожать движенію ума человѣческаго, заблужденіямъ коего онъ всегда готовъ былъ противупоставить слово убѣжденія и вѣчной истины, какъ самую дѣйствительную мѣру въ дѣлѣ мысли. Можно сказать, что духъ его равно обнималъ все небесно-святое, на сколько оно доступно человѣку, и все великое на землѣ — а самымъ великимъ для него здѣсь было отечество, преуспѣвающее въ развитіи умственныхъ силъ своихъ и нравственно-религіозномъ ихъ настроеніи, такъ же какъ и во внѣшнемъ величіи и благосостояніи. И надобно сказать, что условія подобнаго преуспѣянія онъ понималъ не только какъ пастырь словеснаго стада, но и какъ мужъ государственный, глубоко изучившій высшія и истинныя потребности человѣческихъ обществъ. Люди съ великими нравственными и умственными силами, на какомъ бы поприщѣ и на сколько бы они ни успѣли ихъ проявить, составляютъ у народа, такъ-сказать, настоящій фондъ его внутренняго могущества, и одно изъ условій на занятіе почетнаго мѣста между народами образованными и первенствующими. И народъ инстинктивно ихъ понимаетъ; онъ окружаетъ ихъ своею любовію и удивленіемъ, чествуетъ ихъ, какъ хранителей своей исторической чести, и гордится ими, чтобъ имѣть право гордиться собою. Въ ихъ имени и славѣ онъ почерпаетъ довѣріе къ самому себѣ и уясняетъ ими степень, до которой можетъ простираться его участіе въ ходѣ общихъ дѣлъ человѣчества. Отраднымъ чувствомъ наполняется сердце гражданина, когда, представляя себѣ все прекрасное и благородное, чѣмъ успѣлъ проявить себя извѣстный дѣятель, онъ можетъ сказать: «это членъ нашей народной семьи!» Такое чувство возбуждалось въ каждомъ Русскомъ при имени Филарета въ Москвѣ, здѣсь и въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ Россіи. Съ особеннымъ блескомъ и силою оно выразилось въ день празднованія его пятидесятилѣтняго епископскаго служенія. Всѣмъ намъ памятно то одушевленіе, съ какимъ маститый архипастырь былъ привѣтствованъ въ этотъ достопамятный день отъ всѣхъ сословій и обществъ обширнаго нашего Царства. Это была праведная почесть, оказанная всена-

родно высокимъ нравственнымъ и умственнымъ достоинствамъ, проявившимъ себя въ подвигахъ наставника и хранителя вѣры, глубокомысленнаго богослова, геніальнаго оратора церкви и преданнаго сына Россіи, послужившаго Царству Божію въ духѣ вѣчной истины и царству земному въ ревностномъ и плодотворномъ содѣйствіи его духовному совершенствованію.

Слѣдя съ академической точки зрѣнія за дѣятельностію Филарета, мы, какъ я уже имѣлъ честь замѣтить, не можемъ останавливаться на его ученыхъ трудахъ, такъ-какъ между нами нѣтъ ни одного компетентнаго судьи для нихъ. Но при разнообразіи этой дѣятельности, въ ней является одна сторона, прямо и непосредственно принадлежащая Академіи — это заслуги, оказанныя имъ русскому слову твореніями его слова, заслуги, содѣлавшія его членомъ и украшеніемъ Академіи по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Объ этомъ то я и прошу позволенія вашего, мм. гг., изложить передъ вами нѣсколько мыслей.

При изученіи, съ художественной точки зрѣнія, произведеній слова въ различныхъ его направленіяхъ, можетъ показаться, что витія церкви во многомъ лишенъ средствъ, какими пользуется краснорѣчіе свѣтское. Послѣднее основываетъ преимущественно силу свою на элементахъ такъ-называемаго возбужденія страстей, и это, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ орудій двигать человѣческими сердцами. Напротивъ, главная задача церковнаго витійства заключается въ умиротвореніи всякихъ страстныхъ влеченій, въ покореніи ихъ божественной волѣ и закону божественной премудрости. Но для достиженія цѣли своего призванія оратору церкви нѣтъ вовсе и надобности въ средствахъ, къ какимъ прибѣгаетъ ораторъ свѣтскій. Въ томъ-то и состоитъ великое значеніе христіанства, что оно открываетъ человѣчеству виды другой будущности и другія воззрѣнія на свою судьбу, вводитъ его совершенно въ новый кругъ нравственныхъ интересовъ и соотношеній, что оно дѣйствуетъ на него убѣжденіями, какихъ не въ состояніи дать намъ никакая земная мудрость. Діалектика страстей и всяческихъ житейскихъ отношеній преклоняется здѣсь

передъ иною высшею діалектикой, единственный источникъ коей— слово Божіе. Великіе умы, отцы и проповѣдники церкви исключительно въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ почерпали воодушевленіе, силу, красоту, содѣлавшія имена ихъ безсмертными въ исторіи христіанскаго образованія. Ихъ ораторское творчество состояло не въ томъ, чтобъ изобрѣтать мысли, а въ томъ, чтобъ уяснять смыслъ и значеніе вѣчныхъ истинъ и благодатныхъ обѣтованій. Но требовалась особенная мощь генія, чтобъ эти истины и обѣтованія проводить въ сердца, всегда колеблемыя иными противуположными наклонностями и стремленіями. Наши замѣчательнѣйшіе духовные ораторы, слѣдуя за высокими образцами первобытной церкви, усвоили своему слову въ особенности просвѣтительный характеръ, что̀, однако, не препятствуетъ дарованію дѣйствовать природою данными ему индивидуальными способами. Филаретъ занимаетъ между нашими проповѣдниками одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто. Въ его краснорѣчіи вполнѣ преобладаетъ величіе и глубина христіанскаго міровоззрѣнія. Но въ немъ есть также свои особенности, видимо отличающія его отъ другихъ нашихъ духовныхъ ораторовъ. Такъ оно не доходитъ прямо и непосредственно къ сердцу, но устремляется къ нему чрезъ высшія сферы мысли, руководимое проразумѣніемъ истинъ и духа божественнаго откровенія. Нужно подняться на извѣстную высоту, чтобъ ощутить всю его силу. То, что плѣняетъ васъ въ самомъ началѣ, дѣлается привлекательнѣе, когда вы его станете изучать. Назиданіе становится полнѣе, проникаетъ въ васъ глубже по мѣрѣ того, какъ вы слѣдите за витіей въ стройномъ и разнообразномъ движеніи его идей, пока, наконецъ, вы совершенно не исполнитесь одушевленія, которымъ объято и проникнуто все его слово. Я говорю о движеніи идей, потому что именно оно, независимо отъ другихъ качествъ, составляетъ неподражаемую красоту его рѣчей. Въ изгибахъ, въ переходахъ, раздѣленіи и сближеніи ихъ витаетъ духъ, самовластно, свободно распоряжающійся богатствомъ содержанія, достающагося ему безъ малѣйшихъ усилій, какъ-будто все это составляло обычный, ежедневный,

такъ сказать, обиходъ его ума. Расширяя поучительное дѣйствіе возвѣщаемыхъ имъ истинъ не только на теоретическую сторону мысли, но и на практическую сферу жизни, витія съ необыкновеннымъ искусствомъ касается нерѣдко предметовъ, съ которыми связывались важные вопросы общества и времени. Слушатели видѣли, какъ эти вопросы теряли свою односторонность, измѣняли свои отношенія къ общимъ задачамъ жизни, какъ прояснялись они и очищались въ горнилѣ его свѣтлаго духа. И сколько благихъ поученій, сколько уроковъ высшей мудрости, сколько живыхъ поощреній къ исполненію своихъ обязанностей почерпали они въ его святыхъ архипастырскихъ бесѣдахъ! Я не могу не обратить вниманія вашего, мм. гг., и на тѣ изъ рѣчей Филарета, гдѣ геній его является съ другой стороны, — на тѣ изъ рѣчей, которыми онъ привѣтствовалъ особъ Царствующаго Дома, посѣщавшихъ въ разное время первопрестольную столицу. Это также истинно образцовыя произведенія по строгой опредѣленности мысли, по искусному примѣненію ея къ данному случаю, по сосредоточенности, сжатости и силѣ выраженія. Витія каждый разъ находитъ такую точку отправленія, которая непримѣтно совпадаетъ съ какимъ-либо знаменательнымъ событіемъ, важнымъ для отечества, или драгоцѣннымъ сердцу Августѣйшаго лица, къ коему была обращаема рѣчь. И для каждаго изъ поводовъ къ своему слову, онъ всегда находитъ и новыя идеи, и новые обороты выраженія съ неизсякаемою полнотою чувства. Притомъ, какая обдуманность, какое тонкое соблюденіе всѣхъ условій времени и обстоятельствъ и вмѣстѣ, какое благородство въ тонѣ! Чувствуешь глубоко и достоинство говорящаго вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ говоритъ, и высокое положеніе слушающаго, и святость мѣста, гдѣ раздавались эти полныя благочестія и изящества слова.

Возвышенному значенію содержанія въ рѣчахъ знаменитаго нашего проповѣдника соотвѣтствуютъ и качества его языка. Онъ является и здѣсь геніальнымъ художникомъ и глубокомысленнымъ знатокомъ. Строгая соразмѣрность въ общемъ тонѣ и характерѣ выраженія съ духомъ и величіемъ, свойственными хри-

стіанской проповѣди, составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ его слова. Онъ не позволяетъ себѣ ни одного изысканнаго оборота, ни одного образа, которые бы изобличали разсчитанное стремленіе овладѣвать умами силою возбуждаемаго въ нихъ эффекта. Что кажется въ нихъ необыкновеннымъ, то необыкновенно только по своеобразію ихъ изящества. Это настоящій уполномоченный свыше глашатай божественныхъ истинъ, который на столько проникнутъ ими, на столько увѣренъ въ животворномъ ихъ дѣйствіи, что не считаетъ нужнымъ искать, для ихъ возвеличенія, пособій гдѣ-нибудь, кромѣ ихъ самихъ. Но, говоря, какъ власть имѣющій въ смыслѣ идей, имъ проповѣданныхъ, онъ въ то же время говорилъ и какъ власть имѣющій надъ всѣми способами и богатствами отечественнаго слова, — и дѣйствительно, онъ имѣлъ эту власть, онъ пріобрѣлъ ее законно, по праву генія и глубокаго знанія. Какъ искусный домостроитель, онъ понималъ въ совершенствѣ качества и цѣнность всякаго матеріала, входящаго въ составъ его словесныхъ построеній, располагалъ ими безъ расточительности, но и безъ скупости. Ему доступны были всѣ правильные, всѣ на духѣ языка основанные способы словоупотребленій и словосочетаній, — всѣ, я разумѣю, какіе могъ онъ считать соотвѣтственными роду и цѣли его витійства. Онъ всегда находитъ слово, какое ему нужно и какое указывается самымъ понятіемъ или его оттѣнкомъ — будетъ ли это живописующій и характеристическій эпитетъ, или то господствующее въ рѣчи слово, на которомъ опирается все ея зданіе. У него вы не видите того рода повторительныхъ поясненій, которыя у многихъ такъ часто употребляются въ дополненіе къ сказанной мысли потому только, что эта мысль не успѣла выразиться отчетливо и явственно, и нуждается въ подпорѣ, которая, однако, не столько ее поддерживаетъ, сколько растягиваетъ и ослабляетъ. Что̀ сказалось у него, то сказалось опредѣлительно и окончательно. Отъ того рядъ его выраженій можно уподобить золотой цѣпи, гдѣ каждое звѣно представляется раздѣльно вылитымъ и отчеканеннымъ. Какъ мысль его, полная внутренней силы, упругая и вмѣст

гибкая въ богатыхъ и разнообразныхъ подробностяхъ своего развитія, двигается свободно и многосторонно, простираясь то въ высоту, то въ сущность вещей, то углубляется, то паритъ, такъ и рѣчь его течетъ свободно, безпрепятственно по всѣмъ извивамъ, по всѣмъ направленіямъ его думъ. Обращаясь къ анализу слога съ этой стороны, не должно терять изъ виду, что въ нашемъ неизмѣримо богатомъ, но еще не вполнѣ развитомъ и установившемся языкѣ для выраженія мыслей высшаго умозрѣнія, архитектоника рѣчи представляетъ не малыя трудности для самыхъ избранныхъ писателей. Мы еще не пріобрѣли достаточной опытности для сложныхъ построеній рѣчи въ этомъ смыслѣ. Одна сильная природная и усовершенствованная логика, въ соединеніи съ особеннымъ дарованіемъ, въ состояніи группировать и концентрировать различныя частности и развѣтвленія одной и той же идеи въ одномъ и томъ же періодѣ, или оборотѣ рѣчи такъ, чтобъ все зданіе ея представляло гармоническое и вполнѣ удовлетворительное цѣлое. И съ этой стороны слогъ Филарета заслуживаетъ особеннаго удивленія и изученія. Конечно, это внѣшняя сторона языка; но кто не овладѣлъ ею вполнѣ, тотъ всегда въ опасности будетъ сказать или больше, чѣмъ должно было, или не сказать того, что онъ хотѣлъ.

Въ подтвержденіе изложенной здѣсь слабой характеристики Филарета, какъ духовнаго витіи, я могъ бы привести и самыя мѣста изъ его рѣчей. Но это увлекло бы меня за предѣлы предмета моей собственной рѣчи и не соотвѣтствовало бы цѣли настоящаго собранія. Можетъ быть, по-крайней-мѣрѣ, я долженъ бы назвать нѣкоторыя изъ нихъ какъ напр., «слово въ недѣлю третью по пятидесятницѣ, въ недѣлю по Воздвиженіи, въ недѣлю двадесять-четвертую, слово при вступленіи святителя въ управленіе московскою паствой, къ воспріемлющимъ обѣтъ сердобольныхъ вдовъ, при открытіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, передъ присягой для избранія судей, при освященіи Святотроицкой единовѣрческой церкви, рѣчи въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру Павловичу, въ день его тезои-

менитства 1823 года, Императору Николаю Павловичу во время открывшейся въ Москвѣ губительной болѣзни, при заложеніи храма Христа-Спасителя, слова нынѣ достославно царствующему Государю Императору, рѣчь къ преосвященному епископу Дмитровскому Кириллу по случаю посвященія его въ епископскій санъ, или по тому же случаю высокопреосвященному Исидору». Но если изъ этого указанія вы, мм. гг., должны были бы заключить о высокомъ достоинствѣ краснорѣчія нашего почившаго архипастыря, то гораздо вѣрнѣе назвать всѣ четыре изданные обширные томы его словъ и рѣчей. Всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, составляютъ великолѣпный памятникъ высшей отечественной словесности, такъ-какъ жизнь, дѣятельность и характеръ его составляютъ безсмертный памятникъ въ исторіи нашей церкви и въ исторіи отечества.

Такимъ образомъ, мм. гг, чтя въ почившемъ святителѣ нашемъ великаго дѣятеля церкви и отечества, Императорская Академія Наукъ всегда будетъ чтить въ немъ и великаго дѣятеля мысли и слова, обогатившаго нашу словесность своими образцовыми произведеніями.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ и ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ ТОМѢ II СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга. Имена, встрѣчающіяся въ статьѣ академика Пекарскаго «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» не вошли въ этотъ общій списокъ, а составляютъ содержаніе особаго указателя, помѣщеннаго при самой статьѣ.

Аврамовъ, Илья, студентъ, занимавшійся при Ломоносовѣ. XXVIII, XLII, XLIII.

Аделунгъ, Ѳ. Ѳ. Извлеченіе П. Кеппена изъ его сочиненія о заслугахъ, оказанныхъ Екатеринѣ II сравнительному языкознанію. **6.** 25. — Донесеніе П. Кеппена о его Обозрѣніи всѣхъ языковъ. **6.** 26.

Адодуровъ, адъюнктъ академическій. **4.** 25, 26, 27, 87, 88.

Академія Наукъ. Сношенія ея съ Татищевымъ. VI. Работы Пекарскаго по исторіи ея. XXXIX. См. также въ подробномъ указателѣ къ ст. подъ № 1. Изданіе при Академіи учено-литературнаго журнала. **4.** 3 — 13. Учрежденіе и устройство при Академіи гимназіи и семинаріи. **4.** 57 — 88.

Академія Югославянская наукъ и художествъ въ Загребѣ. Ея основаніе, уставъ, составъ, дѣятельность, первыя изданія. **5.** 1—14. **7.** 4.

Акклиматизація растеній въ Россіи, по Кеппену. **6.** 33.

Аксаковъ, К. С. **3.** 77.

Албанцы. Свѣдѣнія объ Албанцахъ въ Россіи, у Кеппена. **6.** 11.

Александръ Невскій, великій князь. XLVIII, XLIX.

Александръ Павловичъ, императоръ. О разговорѣ его съ Державинымъ по поводу трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ». XXXIII.

Алексѣй Михайловичъ, царь. Между столбцами приказа тайныхъ дѣлъ его времени хранится карта съ изображеніемъ р. Невы и пр. III.

Алешки. Статьи Кеппена объ алешковскихъ летучихъ пескахъ. **6.** 8.

Анна, греческая царевна, XLVII.

Апраксинъ, Ѳ. М., графъ. Письмо къ нему Геннинга. IV.

Армяне. Свѣдѣнія объ Армянахъ въ Россіи у Кеппена. **6.** 11. — О жителяхъ Армянской области, по Шопену. **6.** 15, 17.

Архивъ, московскій главный министерства иностранныхъ дѣлъ, библіотека, поступившая въ него отъ академика Миллера. XIV—XXI.

Архивъ югославянской исторіи, поврем. изданіе на Сербо-Хорв. яз. **5.** 3.

Астрахань. Статья Панслера о сравнительной высотѣ ея. **6.** 9.

Аѳанасьевъ. 3. 105.

Бакчисарай. Статья Кеппена о немъ, во время холеры 1831 года. **6.** 31.

Барковъ, Иванъ, воспитанникъ при Академіи. **4.** 31—34.

Барсовъ, академическій корректоръ. **4.** 9, 24.

Барсовъ, магистръ академическій. **4.** 34.

Батта. Статья Кеппена о баттачьской рукописи Кіевскаго универс. **6.** 31.

Башкиры, Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 11.

Бенфей. 3. 48.

Бергштрессеръ, К. Его Описаніе Олонецкой губерніи. **6.** 16.

Березинъ, А. С. совершаетъ вмѣстѣ съ Кеппеномъ путешествіе по Европѣ. **6.** 2.

Бессарабія. Статья Кеппена о болгарскомъ народонаселеніи. **6.** 14.

Бетлингъ, О. Н., академикъ. **3.** 28, 204

Бецкій, И. И. объявляетъ Ломоносову повелѣніе Екатерины касательно картинъ изъ русской исторіи. XLVI. Докладъ его о назначеніи Миллера въ Моск. воспитательный домъ. **4.** 12.

Библіографія. Статьи и Матеріалы Кеппена по этой части. **6.** 22 и слѣд. — 36.

Библіографія, русская историческая, изд. 4 и 5-й выпуски ея. III, XLIV.

Билярскій, П. С., академикъ. Некрологъ его. **7.** 13—17.

Блудовъ, Д. Н., графъ. Ему посвящены Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, Кеппена. **6.** 23.

Бобровичъ, 3. 114, 117, 118.

Богишичъ, В., хорватскій писатель. Его сочиненіе о правныхъ обычаяхъ у Славянъ. **5.** 7. Его извѣстіе о рукописи, въ которой помѣщена записка 1551 г. объ обычаяхъ Хорватовъ. **5.** 11. **7.** 4. Участіе его въ «Книжевникѣ». II.

Богомилы. Свѣдѣнія о нихъ въ книгѣ Ягача. **5.** 12. Книга о нихъ. **5.** 11.

Болгаре. Свѣдѣнія Кеппена о болгарскихъ колоніяхъ въ Россіи. **6.** 11, 14.

Болгаре (волжскіе). Статья Кеппена о нихъ. **6.** 31.

Болховитиновъ. См. Евгеній.

Боппъ. 3. 4, 27, 28, 30, 34, 48, 57, 100, 102, 103, 107.

Борисъ Александровичъ, великій князь тверской. О договорной грамотѣ его. XXXVIII.

Борисъ Годуновъ, царь. L. **4.** 52.

Боспоръ (киммерійскій). Матеріалы и статьи Кеппена о древностяхъ боспорскихъ. **6.** 26 — 28, 34.

Браунъ, академикъ. **4.** 20, 32.

Броссе, М. И., академикъ. Рецензія его на соч. Шопена объ Армянской Области. **6.** 17.

Брусинъ, Спир., хорватскій писатель. Его сочиненіе о молюскахъ. **5.** 8.

Брюсъ, Яковъ, графъ. Письмо къ нему Татищева. V.

Буслаевъ, Ѳ. И., академикъ. **3.** 35, 102, 105, 107, 111, 117.

Бушманнъ. 3. 101.

Бычковъ, А. Ѳ., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7.** 9, 13. Окончилъ печатаніемъ Описаніе книгъ гражданской печати за время Петра Вел., хранящихся въ Импер. Публ. Библіотекѣ. IV. Сообщилъ часть Супрасльской рукописи. IV. Докладъ его объ обозрѣніи имъ библіотеки ярославскаго Спасскаго монастыря. VIII. Доставилъ въ копіи письмо Державина по поводу разговора его съ имп. Александромъ Павловичемъ о первомъ представленіи «Эдипа въ Аѳинахъ». XXXIII. Предлагаетъ сообщить г. Кеневичу автографы 15 басенъ Крылова. XXXVIII. Чтеніе его въ день столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. XL. Сообщилъ письмо И. А. Чистовича о напечатаніи отъ Академіи Наукъ изслѣдованія его о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. XLII. Доставилъ листки псалтыря безъ толкованій. XLII.

Валахи. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, объ ихъ училищахъ въ Россіи. **6.** 10.

Вареліусъ, магистръ. Отчетъ о его этнографическомъ путешествіи по Финляндіи. **6.** 14.

Вацерадъ. 3. 79.

Веберъ. 3. 30, 48, 109.

Веденскій, С., студентъ академическій и переводчикъ. **4.** 39.

Веселовскій, К. С., академикъ. Статья его о степени населенности Европейской Россіи. **6.** 18.

Виноградовъ, Д. **4.** 24.

Виноградовъ, Я. **4.** 24.

Винодѣліе въ Россіи. Статья Кеппена о немъ. **6.** 22.

Витовтъ, великій князь литовскій. Договорная грамота съ нимъ вел. кн. Бориса Александровича тверскаго. XXXVIII.

Вицманъ, Августъ, содержатель частнаго пансіона. XXIX.

Владиміръ, великій князь. XLVII, XLVIII.

Владиміръ, Мономахъ. XLVIII.

Властарь, Матвей. О переводѣ греческаго сборника его. XI.

Вогулы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.

Водникъ. 3. 105.

Водь. Статья Кеппена о ней. **6.** 11, 13.

Войско Донское. Путешествіе Кеппена по землѣ Войска Донскаго. **6.** 17.

Волга. Статьи Кеппена и Бера объ убыли воды ея. **6.** 8.

Волковъ, Д. В. **4.** 53.

Волковъ, С. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ ежемѣс. сочиненіяхъ. **4.** 38—40.

Воронцовъ, А., графъ. Его сотрудничество въ Ежем. соч. **4.** 36.

Воронцовъ, М. С., графъ. По его распоряженію изданъ Крымскій Сборникъ Кеппена. **6.** 3, 29.

Воронцовъ, Р. А., графъ. **4.** 35.

Востоковъ, А. Х., академикъ. Его объясненія Фрейзинскихъ отрывковъ. **6.** 24. **3.** 101, 106, 114. О списанныхъ имъ отрывкахъ Супрасльской рукописи. IV. Объ окончаніи памятника надъ его могилой и пожертвованіяхъ на оный. XXIX.

Вотяки. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.

Вѣроисповѣданіе въ Россіи. Рукописные матеріалы, собранные Кеппеномъ. **6.** 35. См. еще Иновѣрцы.

Ганка 3. 13, 14.

Ганушь. 3. 104.

Гекате, богиня. Сочиненіе Кеппена о ней. **6.** 28.

Геннингъ. Письмо его къ гр. Ѳ. М. Апраксину. IV, V.

Гильфердингъ, А. Ѳ. **3.** 32, 35, 40, 69, 70, 104, 105, 107, 109, 115.

Глинка, Ѳ. Н. Его письма къ Кеппену о древностяхъ въ Тверской Кареліи. **6.** 30.

Голицынъ, А. М., князь. Письмо къ нему Ломоносова. XLIII, XLVI.

Голубцевъ, Иванъ. Сотрудничество его въ Ежемѣс. сочиненіяхъ. **4.** 21, 22, 48. Воспитаніе его. **4.** 24 — 29.

Горловъ, проф. Рецензіи Кеппена на его Экономическую статистику Россіи и Теорію Финансовъ. **6.** 16, 32.

Города Россійской Имперіи. Статья Кеппена о нихъ. **6.** 18.

Горы Таврическія. См. Крымъ.

Горскій, А. В. О присужденіи ему Ломоносовской преміи за Описаніе рукописей Московской синодальной библіотеки. **7.** 4, 50. Принесъ

въ даръ Академіи Наукъ портретъ покойнаго митрополита Филарета московскаго. XLI.

Греки въ Россіи. Свѣдѣнія Кеппена объ ихъ селеніяхъ въ Россіи. **6.** 11.

Гречъ, Н. И., академикъ. Некрологъ его. **7.** 17 — 27.

Григоровичъ, В. И. Доставилъ важныя рукописи, подаренныя ему въ Слѣпченскомъ монастырѣ. **7.** 3. **1.** XXX, XXXVIII.

Гришау, астрономъ академикъ. **4.** 22.

Гротъ, Я. А., академикъ. Его труды въ 1867 г. **7.** 4 и слѣд. 12, 13. По возвращеніи изъ путешествія заявилъ о затрудненіяхъ въ книжныхъ сообщеніяхъ между Россіей и другими славянскими странами. XII. Докладъ его о способѣ печатанія переписки Державина. XIII. Разсматривалъ, по порученію Отдѣленія, русско-французскій словарь Макарова, XIII, и сообщилъ о немъ отзывъ. XXI. Представилъ списки пожертвованій на памятникъ Востокову. XXIX. Отзывъ его о словарѣ В. И. Даля. XXX. О передачѣ ему копіи съ письма Державина къ Оленину по поводу перваго представленія «Эдипа въ Аѳинахъ». XXXIII. Заявилъ о доставленіи Г. К. Рѣпинскимъ двухъ бумагъ для біографіи Державина. XXXIII. Представилъ рукопись г. Кеневича о басняхъ Крылова. XXXVII. Чтеніе его въ день столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. XLI. Читалъ полученныя имъ отъ А. В. Горскаго, П. И. Савваитова и К. Г. Рѣпинскаго письма. XLI.

Грузинцы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.

Губерніи. Свѣдѣнія, изданныя или собранныя Кеппеномъ, о нихъ.

Объ Архангельской г. **6.** 16.
— Астраханской г. **6.** 15.
— Вологодской г. **6.** 16.
— Воронежской г. **6.** 35.
— Вятской г. **6.** 16, 35.
— Казанской г. **6.** 19.
— Ковенской г. **6.** 35.
— Костромской г. **6.** 12.
— Нижне-Новгородской г. **6.** 12.
— Новгородской г. **6.** 12.
— Олонецкой г. **6.** 16.
— Орловской г. **6.** 17.
— С.-Петербургской г. **6.** 13, 34.
— Тамбовской г. **6.** 35.
— Тверской г. **6.** 12.
— Тульской г. **6.** 11, 17.
— Ярославской г. **6.** 12.

Даль, В. И. **3.** 101, 106. О словахъ, прибавленныхъ и пропущенныхъ въ его Словарѣ. XXII, XXV. Отзывъ акад. Грота о Словарѣ его. XXXI.

Даничичъ, Юрій, сербскій писатель и секретарь юго-славянской академіи. **3.** 101. **5.** 7. Его сочиненія о ђ и ђ. **5.** 8—10. Обзоръ записей при рукописяхъ. **5.** 8.

Делиль, Н. І., академикъ. Его проектъ о способѣ для повѣрки часовъ жителей Петербурга. XIII, XIV.

Демидовъ, Александръ. Ошибочно приписано ему стихотвореніе Дубровскаго. **4.** 29, 30.

Державинъ, Г. Р. Объ изданіи IV и V томовъ соч. его и указателѣ къ первымъ томамъ. **7.** 4 и слѣд. О копіи съ письма его къ Оленину по поводу разговора съ имп. Александромъ Павловичемъ о первомъ представленіи «Эдипа въ Аѳинахъ». XXXIII. О доставленіи матеріаловъ для біографіи его. XXXIV, XLII. Чтеніе акад. Грота о сношеніяхъ Державина съ митрополитомъ Евгеніемъ. XLI. О способѣ печатанія переписки его въ изданіи его сочин. XIII.

Диффенбахъ, **3.** 73, 114.

Дмитрій самозванецъ. L. **4.** 52.

Днѣпръ. О земляхъ при нижнемъ Днѣпрѣ. **6.** 8.

Древности. Статьи Кеппена о древностяхъ сѣвернаго Черноморья. **6.** 28 — 30. О древностяхъ въ Польшѣ, Венгріи и Трансильваніи. **6.** 28. Письмо Кеппена о славянскихъ древностяхъ въ Сирміи. **6.** 23. Письма Ѳ. Н. Глинки о древностяхъ Тверской Кареліи. **6.** 30. О русскихъ древностяхъ, Кеппена. **6.** 29. Рукописные матеріалы, касающіеся Крымскихъ и разнородныхъ древностей. **6.** 34.

Дубровскій, А. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 29 — 37.

Дюбрюксъ (Dubrux). Бумаги и рисунки его, касающіеся Крымскихъ древностей. **6.** 34.

Дювернуа, В. **7.** 12.

Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ Кіевскій. О празднованіи столѣтняго юбилея его. **7.** 12. XL. О двухъ спискахъ его изслѣдованія о славянскомъ переводѣ библіи. XLI.

Евреи. Статьи Кеппена о числѣ и устройствѣ Евреевъ въ Россіи. **6.** 11, 12.

Ейлеръ, Л., академикъ. Лекціи его при Академіи. **4.** 28. Покровительствуетъ Котельникову и Румовскому. **4.** 30, 34, 35.

Ейлеръ, сынъ, академикъ. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX.

Екатерина II, императрица. Извлеченіе изъ соч. Аделунга объ услугахъ, оказанныхъ ею сравнит. языкознанію. **6.** 25. Заботы о пріобрѣтеніи для Московскаго архива иностранной коллегіи библіотеки Миллера. XVI. Повелѣніе ея объ осмотрѣ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX. Порученіе Ломоносову касательно содержанія для картинъ изъ русской исторіи. XLIII, XLVI.

Елецъ. Статья Кеппена о крупчатыхъ мельницахъ въ немъ. **6.** 21.

Елагинъ, И. П. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 14.

Елисавета Петровна, императрица. Повелѣніе ея о правописаніи представляемыхъ ей дѣловыхъ бумагъ. XXXIII. Жалоба къ ней отъ синода на Ежем. сочиненія. **4.** 44, 45.

Епифаній Славинецкій. Свѣдѣнія о немъ. XI.

Ефремовъ, П. А. Доставилъ три записки Державина и письмо къ нему отъ Гнѣдича. XLII.

Забой. 3. 5, 6.

Заведенія транспортныя въ Россіи. Статья Кеппена. **6.** 21.

Завилейскій. Рецензія Кеппена на его статистику Царства Польскаго. **6.** 17.

Залокаръ. 3. 106.

Зуевъ, академикъ. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX.

Зыряне. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 11.

Иванъ Васильевичъ, великій князь. XLIX.

Иванъ Васильевичъ, царь. L.

Ижора. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о ней. **6.** 11, 13.

Имена лицъ, рѣкъ и пр., собранныя Кеппеномъ. **6.** 34.

Иновѣрцы въ Россіи. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 12, 35.

Инородцы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 10, 12, 34.

Ирина Ѳедоровна, царица. L.

Іоаннъ Лѣствичникъ. Рукопись. IX.

Кавказъ. Статьи Кеппена о немъ. **6.** 9, 33, 17.

Калайдовичъ. 3. 109. Издаетъ списокъ русскимъ памятникамъ, составленный Кеппеномъ. **6.** 24.

Калмыки. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 11, 15.

Камень Рогволодовъ 1171 г. Статья Кеппена о немъ. **6.** 30.

Камень Тмутараканскій. Письмо Кеппена о немъ. **6.** 30.

Каницъ, директоръ Казанской гимназіи. О письмахъ его къ Державину. XIII.

Кантемиръ, А., князь. Жалоба Синода на изданіе его перевода. **4.** 44.

Каразинъ, В. Н. Біографическія свѣдѣнія Кеппена о немъ. **6.** 31.

Караджичъ. 3. 103, 115, 117.

Карамзинъ, Н. М. **3.** 106. О значеніи его въ исторіи русскаго литературнаго языка. **7.** 5.

Каратаи, мордовское племя. Статья Кеппена о немъ. **6.** 14.

Кареллы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 11.

Карта южнаго берега Крыма, изд. Кеппеномъ. **6.** 29.

Карта Европ. Россіи, изд. военно-топогр. Депо. Отзывъ Кеппена о ней. **6.** 7.

Кастренъ, М. Дополнительная инструкція, составленная Кеппеномъ, при отъѣздѣ въ Сибирь. **6.** 15.

Кёлеръ (Köhler), академикъ. Его полемика съ Кеппеномъ, **6.** 27, и Рауль-Рошетомъ о Черноморскихъ древностяхъ. **6.** 27, 28.

Кеневичъ, В. Ѳ. О напечатаніи его «Библіографическихъ и историческихъ примѣчаній къ баснямъ Крылова». XXXVII.

Кернъ. 3. 102.

Киргизы, подвластные Россіи. Статья Кеппена о нихъ. **6.** 15.

Киркоръ. 3. 117.

Клоцъ, графъ. **3.** 27.

Клунъ. 3. 117.

Книга кормчая. Статья Кеппена о ней. **6.** 23.

Книжевникъ, повременное изданіе на Сербо-хорват. яз. **5.** 3.

Кобеко, Д. Ѳ. Доставилъ собственноручную записку Державина. XLII.

Ковринъ, М. **4.** 24.

Козицкій, Г. Воспитаніе на счетъ Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 37, 38.

Козодавлевъ, О. П., министръ внутр. дѣлъ, покровитель Кеппена **6.** 2.

Комитетъ (центральный статистическій). Издаетъ съ 1861 г. «Списки населенныхъ мѣстъ». **6.** 11.

Коммерцъ-коллегія. Вѣдомости ея съ 1758 по 1773 годъ. **6.** 35.

Кондратовичъ, Киріакъ. Пребываніе его въ Екатеринбургѣ. V.

Константиновъ, А., академическій магистръ. **4.** 34.

Контора (главная соляная). Дѣла ея съ 1770 по 1776 г. **6.** 35.

Корфъ, баронъ, президентъ Академіи. Представляетъ о проектѣ академика Делиля. XIII, XIV. Его заботы объ образованіи русскихъ при Академіи. **4.** 22—24, 57, 58, 85—87.

Котельниковъ. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. соч. **4.** 30—34.

Красильниковъ, Матвей. Статья его въ Ежем. соч. **4.** 48.

Крейцеръ (Creutzer). Его разборъ сочиненія Кеппена о Гекатѣ **6.** 28.

Крекшинъ, П. Представленіе его о бумагахъ князя Меньшикова. VII.

Крестьяне. Статистическія свѣдѣнія о нихъ. **6.** 20, 35.

Кромаренковъ, В., академическій студентъ и переводчикъ. **4.** 39.

Кружали, аббатъ, исторіографъ временъ Петра Великаго. III.

Крыловъ, Александръ. Вѣдомость, составленная имъ о народонаселеніи Россіи. **6.** 19.

Крыловъ, И. А. О напечатаніи къ его юбилею труда г. Кеневича о

басняхъ его. XXXVII. Автографы 15 басенъ его въ Имп. Публичной библіотекѣ. XXXVIII. О празднованіи столѣтняго юбилея его. XXXIX.

Крымъ. Крымскій сборникъ, Кеппена. **6**. 29. Рукописные матеріалы для описанія Крымскихъ древностей, Кеппена. **6**. 34. О винодѣліи на Южномъ берегу Крыма, Кеппена. **6**. 22. Сочиненія и рукописные матеріалы Кеппена для ближайшаго познанія горной части Крыма. **6**. 8, 35. Статья Кеппена о саранчѣ въ Крыму въ 1859 г. **6**. 33.

Куникъ, А. А., академикъ. Побуждаетъ Кеппена къ изданію матеріаловъ для исторіи инородцевъ въ Россіи. **6**. 10. Предлагаетъ вмѣстѣ съ Кеппеномъ Академіи Наукъ собирать приходскіе списки для собиранія этнографическихъ матеріаловъ. **6**. 11. Письмо Кеппена къ нему объ образцахъ бѣлорусскаго и малороссійскаго нарѣчій. **6**. 25. Предисловіе его къ объяснительнъму тексту Этнографической карты С.-Петербургской губерніи, Кеппена. **6**. 34. Участіе его въ составленіи плана «Русской истор. библіографіи». III. Доставилъ сдѣланный подъ его надзоромъ снимокъ съ «привилегіи», данной Ломоносову на учрежденіе стеклянной фабрики. XXXVII. Участвуетъ въ празднованіи столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. XL.

Кунъ. 3. 48, 116.

Кургановъ, Н. Статьи его въ Ежем. сочин. **4**. 48.

Курганы. См. Могилы.

Курляндія. Статья Кеппена о ея народонаселеніи. **6**. 13.

Курцій. 3. 34, 75, 101, 113.

Лавровскій, П. А. Его изслѣдованіе «О коренномъ значеніи въ названіяхъ родства у Славянъ» въ настоящемъ томѣ сборника № 3.

Ламбинъ, Б. П. Издаетъ матеріалы для исторіи инородцевъ Европейской Россіи, собранныя Кеппеномъ. **6**. 10.

Ламбины, П. и Б. Изданіе въ свѣтъ составленнаго имъ 4 и 5 вып. «Русск. истор. Библіографіи. III. XLIV.

Лапонцы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Лассенъ. 3. 25, 26, 27, 28, 57, 104.

Латамъ (Latham). Издалъ Этнографическую карту Кеппена въ уменьшенномъ видѣ. **6**. 10.

Латкинъ. Его путешествіе по Архангельской губерніи. **6**. 16.

Лебедевъ, Василій. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 21. 22, 48. Воспитаніе его. **4**. 24 — 28.

Лемке. 3. 22.

Лео, Гейнр. **3**. 102.

Лепехинъ, академикъ. Указатель къ его сочиненіямъ, изготовленный Д. Языковымъ. **6**. 35. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ, XXVIII, XXIX.

Лербергъ, академикъ. Его изслѣдованія объ Югорской землѣ, переведено въ извлеченіи П. Кеппеномъ. **6**. 2, 31.

Летроннъ. Его статья объ ольвійскомъ псефисмѣ. **6**. 27.

Летты. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Ливы. Свѣдѣнія, сообщенныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 13.

Линде. 3. 40. Перевелъ Кеппеновы «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи» на польскій языкъ. **6**. 22. Біографія его, составленная Кеппеномъ. **6** 31.

Литературы славянскихъ народовъ. Свѣдѣнія, сообщенныя Кеппеномъ. **6** 24.

Литовцы. Свѣдѣнія о нихъ, напечатанныя Кеппеномъ. **6**. 12, 23.

Лифляндія. Свѣдѣнія, напечатанныя Кеппеномъ о ея народонаселеніи. **6**. 13.

Лихтенштетдтъ, докторъ. Пишетъ предисловіе къ сочиненію Кеппена о холерѣ въ Бакчисараѣ. **6**. 31.

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. О первомъ присужденіи учрежденной въ память его преміи. **7**. 4. О воспитаніи его въ московскихъ духовныхъ школахъ. XIV. Его прошеніе о чинѣ и пенсіи. XIV, XXVI — XXVIII. Мысли его о картинахъ изъ русской исторіи. XLIII, XLVI — LII. См. также подробный указатель къ статьѣ подъ № 1. Споры по поводу изданія Миллеромъ при Академіи журнала. **4**. 4, 5, 8, 9, 12, 13. О вызовѣ его изъ Москвы въ Академію Наукъ. **4**. 22 — 26. Приписаны ему несправедливо стихи Дубровскаго. **4**. 36, 37. Цензурныя придирки къ Миллеру. **4**. 45—48, 51—56. О снимкѣ съ «привилегіи», данной ему на учрежденіе стеклянной фабрики. XXXVII.

Лоттнеръ. 3. 106, 107.

Лѣса. Статья Кеппена о нихъ въ приволжскихъ странахъ. **6**. 8.

Любичъ, Симонъ, хорватскій писатель. Его сочиненіе о Римской надписи въ Далмаціи. **5**. 8. Его Обзоръ хорватской исторіи. **5**. 11.

Люди крѣпостные. См. Крестьяне.

Магницкій, попечитель Казанскаго учебнаго округа. Доносъ его на издателя Библіографическихъ листовъ, П. Кеппена. 31.

Мадьяры. Библіографическая статья Кеппена о мадьярскихъ нарѣчіяхъ. **6**. 26.

Макарій, архіепископъ Харьковскій. **3**. 117. Труды его въ 1867 г. **7**. 11.

Макаровъ. 3. 113.

Макаровъ, Ник. Петр. Отзывъ акад. Грота о русско-французскомъ словарѣ его. **7**. 6. XIII, XXI.

Максъ-Миллеръ. 3. 72, 74.

Макушевъ, В. **7**. 12.

Мальте-Бренъ. Переводитъ на французскій языкъ статью Кеппена объ ольвійскомъ псефисмѣ. **6**. 27.

Мамай. XLIX.

Манганари. Отзывъ Кеппена объ его Атласѣ Чернаго моря. **6**. 8.

Марѳа Посадница. XLIX.

Масонъ, Иванъ, содержатель пенсіона и авторъ Записокъ о Россіи. XXIX.

Матковичъ, Петръ, хорватскій писатель. Его сочиненіе о Московской этнографической выставкѣ и объ успѣхахъ географіи въ Россіи. **5.** 8.

Медеръ, секретарь академической канцеляріи. **4.** 26.

Меншиковъ, Александръ Даниловичъ, князь. Разборъ бумагъ его въ Академіи. VII.

Метлинскій. 3. 105, 115.

Метрологія (русская). Рукописные матеріалы, собранные Кеппеномъ. **6.** 35.

Мещеряки. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6.** 11.

Миклошичъ. 3. 4, 64, 101, 105, 114, 117. Объ изданной имъ части Супральской рукописи. IV.

Микуцкій. 3. 101, 111.

Миллеръ, Герардъ Фридрихъ, академикъ. **7.** 6, 7. Его библіотека. III, XIV—XXI. Представленіе о сохраненіи бумагъ, касающихъ русской исторіи. VII. VIII. См. также подробный указатель въ ст. подъ № 1. Изданіе имъ Ежемѣсячн. сочиненій. **4.** 2, 4 — 13. Отзывы о своихъ академическихъ сотрудникахъ. **4.** 18, 40. Нападки на него Ломоносова по цензурѣ Ежемѣс. сочиненій. **4.** 45 — 48, 51 — 56.

Миллеръ (Johannes von Müller). Его статья объ источникахъ Римской исторіи переведена П. Кеппеномъ. **6.** 31.

Миллеръ, О. Ѳ., магистръ. **3.** 89, 113. Доставилъ Пекарскому рукопись Рыбникова. VII.

Милютинъ, В. А. **4.** 1, 2, 29, 49.

Мининъ, Косма. L.

Михаилъ, первый митрополитъ Кіевскій. XLVII.

Михаилъ Ѳедоровичъ, царь. Изображенія событій изъ его царствованія. XLVI.

Могилы. Статья Кеппена о курганахъ въ Россіи вообще. **6.** 29, 36. Въ южной Россіи. **6.** 29. Въ Московской губерніи. **6.** 30. Рукописныя свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о курганахъ вообще въ Россіи и о Керченскихъ могилахъ. **6.** 34.

Модерахъ, адъюнктъ Академіи. Разборъ имъ бумагъ кн. Меншикова. VII.

Моисѣенко, адъюнктъ Академіи. Осмотръ имъ школъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX.

Мордва. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о нихъ. **6.** 11.

Море Черное. Статья Кеппена о немъ. **6.** 33.

Москва. Рукописный списокъ жителямъ ея. **6.** 35.

Мотонисъ, Н. Воспитаніе на счетъ Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4.** 37, 38.

Мстиславъ Владиміровичъ, великій князь. XLVII, XLVIII.

Мухановъ, издатель Историческаго сборника, въ которомъ помѣщена грамота велик. кн. Бориса Тверскаго. XXXVIII, XXXIX.

Надписи. Греческія надписи Кеппена. **6**. 34. Русскія Двинскія надписи, изданныя Кеппеномъ. **6**. 30.

Народонаселеніе Россіи. Статья Кеппена о немъ. **6**. 7, 17, 18.

Нарѣчія (русскія). Матеріалы, собранные для познанія ихъ Кеппеномъ. **6**. 25.

Нартовъ, А. К. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 14, 48.

Неболсинъ. Рецензія Кеппена на его Коммерческую статистику. **6**. 20.

Невоструевъ, К. И. О присужденіи ему Ломоносовской преміи за «Описаніе рукописей Московской синодальной библіотеки». **7**. 4, 10.

Несмѣяновъ, Яковъ. **4**. 24.

Нессельманнъ. 3. 103.

Несторъ. 3. 8, 45, 88.

Николай Павловичъ, императоръ. Заботы его о сохраненіи историческихъ матеріаловъ. VIII.

Никонъ Черногорецъ. Отрывокъ изъ словъ его. VIII.

Новаковичъ, Стоянъ, сербскій писатель. Его Исторія сербской письменности. **5**. 11.

Новотный. 3. 81, 116.

Носовичъ, И. И. О печатаніи Бѣлорусскаго словаря его. **7**. 10. IV.

Нумизматика (русская). Рукописные матеріалы, собранные Кеппеномъ по ея части. **6**. 35, 36.

Нѣмцы. Статья Кеппена о ихъ числѣ и селеніяхъ въ Россіи и Польшѣ. **6**. 11, 12, 13, 34.

Ободовскій. Рецензія Кеппена на его Теорію статистики. **6**. 15.

Общество (С.-П—ское археологическое). Пріобрѣло въ 1861 г. матеріалы Кеппена по части славянской палеографіи. **6**. 1, 25.

Общество (вольное) любителей россійской словесности въ С.-Петербургѣ основано при содѣйствіи П. Кеппена. **6**. 33.

Общество Человѣколюбивое въ С.-Петербургѣ основано при содѣйствіи П. Кеппена. **6**. 33.

Озера Россійской имперіи. Статья Кеппена о нихъ. **6**. 7.

Озеровъ, В. А. О письмѣ Державина къ Оленину по поводу перваго представленія трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ». XXXIII.

Олегъ, князь. L, LI.

Олениннъ, А. Н. О сдѣланной имъ копіи съ письма Державина. XXIII.

Ольвія. Планъ города Ольвіи, изданный Кеппеномъ. **6**. 26. Ольвійскій псефисмъ, изданный Кеппеномъ. **6**. 27. Рукописныя замѣтки Кеппена объ Ольвіи поступили въ Одесское общество исторіи. **6**. 34.

Ольга, великая княгиня. XLVII.

Ольдекопъ. Реценсія Кеппена на его Географію Россійской имперіи. **6**. 7.

Орловъ, Н. М. О снимкѣ съ принадлежащей ему привилегіи, данной Ломоносову на учрежденіе стеклянной фабрики. XXXVII.

Осташковъ, городъ. О сравнительной высотѣ его по **Панслеру. 6**. 8.

Остерманъ, графъ, кабинетъ-министръ. Письмо къ нему Татищева. V.

Павинскій, Григорій. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 35.

Павловскій. Отзывъ акад. Срезневскаго о Нѣмецко-русскомъ словарѣ его. **7**. 3. XXXIV. Реценэія Кеппена на его Географію Россійской имперіи. **6**. 9.

Павскій. 3. 110.

Палацкій, Ф. Ю. **7**. 12.

Палеографія, русская. Труды Кеппена по этой части. **6**. 24, 30.

Памятники, славянскіе внѣ Россіи, собранные и изданные Кеппеномъ. **6**. 24. 25.

Панслеръ. Его статья о сравнительной высотѣ Осташкова и Астрахани. **6**. 8.

Пантикапея. Рукописныя свѣдѣнія Кеппена о ней. **6**. 34.

Пекарскій, П. П., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7**. 6. Доставленныя имъ свѣдѣнія: о до-петровской картѣ съ изображеніемъ р. Невы и пр. II. О библіотекѣ академика Миллера. III. Объ окончаніи печатаніемъ 4 и 5 выпусковъ «Русской историч. библіографіи». III, XLIV. Объ изданіи въ свѣтъ изслѣдованія о П. Рычковѣ. VI, VII. О разсказѣ въ лѣтописной формѣ 1700 года. VII, XXXVIII. О проектѣ Делиля для повѣрки часовъ въ Петербургѣ. XIII, XIV. О подробностяхъ первоначальнаго воспитанія Ломоносова. XIV. О прошеніи Ломоносова о чинѣ и пенсіи. XIV. О частныхъ училищахъ въ Петербургѣ 1780 г. XXVIII, XXIX. Написалъ изслѣдованіе «Редакторъ, сотрудники и цензура русскаго журнала въ 1755—1764 годахъ». XXXIII. Доставилъ извѣстіе о повелѣніи императрицы Елисаветы на счетъ правописанія дѣловыхъ бумагъ. XXXIII. О ходѣ работъ своихъ по исторіи Академіи. XXXIX. О грамотѣ Тверскаго князя Бориса Александровича. XXXVIII. О мысляхъ Ломоносова касательно картинъ изъ Русской исторіи. XLIII, XLVI — LII. Изслѣдованія его, вошедшія въ настоящій томъ сборника: **1**. Жизнъ и литературная дѣятельность П. И. Рычкова. 1—184. **4**. «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ». 1—88. О замѣчаніяхъ его касательно изслѣдованія г. Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. XLII.

Пермяки. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Петрановичъ, Божидаръ, сербскій писатель. Его книга о Богомилахъ. **5**. 11.

Пещеры, крымскія. Статья Кеппена о нихъ. **6**. 9.

Пикте. 3. 26, 28, 31, 33, 48, 57, 72, 75, 89, 104, 108, 114.

Пинто, М. А. О снимкахъ съ болонской псалтыри, сдѣланныхъ подъ его наблюденіемъ. XXXII.

Писатели, русскіе. Статья Кеппена о правахъ ихъ. **6**. 32.

Писатели, харьковскіе. Статья Кеппена о нихъ. **6**. 25.

Погодинъ, М. П., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7**. 11.

Пожалостикъ, Ив. Петр. О заказѣ ему вырѣзать на мѣди портретъ митрополита Филарета Московскаго. XLI.

Пожарскій, Д. М. князь. LI.

Полетика, Г. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 14, 15.

Польша. Статья Кеппена о народонаселеніи ея. **6**. 12, 14. Статистика Польши Завилейскаго. **6**. 17.

Помѣщики. О числѣ ихъ по 8 ревизіи. **6**. 35.

Порфирій, епископъ чигиринскій. О его рукописяхъ и древностяхъ. XII. **7**. 2.

Полѣновъ, А., академическій студентъ. **4**. 39.

Поповскій, Н. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 29—35.

Поповъ, Н., академикъ. Просмотръ имъ акад. журнала. **4**. 10. Воспитаніе его. **4**. 23 — 28. Участіе въ помѣщеніи стиховъ въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 49, 50.

Порошинъ, С. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 14, 43, Отзывы его объ академическихъ переводчикахъ. **4**. 22.

Поттъ. **3**. 21, 29, 57, 74, 109.

Почта. Статья Кеппена о письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи. **6**. 20. Статьи Кеппена о числѣ почтовыхъ лошадей. **6**. 20.

Почта, сѣверная. Основаніе ея. **6**. 2.

Прокудинъ-Горскій, Михаилъ. **4**. 49.

Промыслъ мочальный. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ о немъ. **6**. 21.

Просвѣщеніе въ Россіи. Труды Кеппена по исторіи его. **6**. 22, 23, 32.

Протасовъ, академикъ. Осмотръ имъ частныхъ училищъ въ Петербургѣ. XXVIII, XXIX.

Протогенъ, ольвійскій гражданинъ. Псефисмъ въ честь его. **6**. 27.

Пшено сарачинское. Кеппенъ о разведеніи его въ Кавказской области. **6**. 27.

Разумовскій, К. Г., графъ. См. о немъ въ подробномъ указателѣ въ ст. подъ № 1. Предложеніе его издавать русскій журналъ. **4**. 4, 5. Распоряженіе его о томъ. **4**. 8, 10, 11, 15, 19, 41, 45.

Разумовъ, Алексѣй. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. соч. **4**. 38 — 40.

Рауль-Рошетъ, французскій академикъ. Рецензія Кеппена на его сочиненія о Боспорѣ Киммерійскомъ. **6**. 26. Письмо его о критикѣ Кеппена. **6**. 27. Замѣчанія Кёлера о трудѣ его и о критикѣ Кеппена. **6**. 27.

Рачскій, Фр., каноникъ, хорватскій писатель, одинъ изъ издателей

Книжевника. **5**. 3. Предсѣдатель югославянской академіи. **5**. 7. Его изданіе грамотъ, относящихся къ исторіи хорватовъ и сербовъ. **5**. 8. **7**. 4.

Рачскій. Участіе его въ Книжевникѣ. II.

Редедя, князь косожскій. XLVII, XLVIII.

Рейнъ, проф. гельсингфорскій. Его статья о народныхъ переписяхъ въ Финляндіи. **6**. 19.

Реке (фонъ-деръ). Извѣстіе Кеппена о его Словарѣ лифляндскихъ писателей. **6**. 25.

Ренье. 3. 112.

Реппель. 3. 118.

Рихманъ, академикъ. **4**. 32.

Рогальскій, Леонъ. Перевелъ на польскій языкъ сочин. Кеппена о языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ. **6**. 23.

Рогнѣда или Гориславa, княжна полоцкая. XLVIII.

Розенкампфъ, баронъ. Извѣстіе Кеппена объ его трудѣ о Кормчей книгѣ. **6**. 23.

Розенкампфъ. 3. 118.

Романовъ, Ѳ. Н., бояринъ. L.

Рукопись фрейзингская. Изданы Кеппеномъ и объяснены Востоковымъ. **6**. 24.

Румянцовъ, Н. П., графъ. Представилъ П. Кеппена министру внутр. дѣлъ Козодавлеву. **6**. 2. На его иждивеніи издано Кеппеново собраніе слав. памятниковъ, находящихся внѣ Россіи. **6**. 24. Ему Кеппенъ посвятилъ свою книгу о Черноморскихъ древностяхъ. **6**. 26.

Румовскій, С., академикъ. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 30 — 34.

Рыбниковъ. Принадлежность ему рукописи съ лѣтописнымъ разсказомъ о 1700 годѣ. VII.

Рычковъ, Д. Н. Приноситъ въ даръ рукописи его предка. XXXVII.

Рычковъ, Петръ Ивановичъ. **7**. 6. Изслѣдованіе о немъ напечатано акад. Пекарскимъ. VI, VII, въ отдѣлѣ № 1. Письма его и бумаги подарены Академіи правнукомъ его Д. Н. XXXVII. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 14, 15. Письмо Миллера. **4**. 54, 55.

Рѣпинскій, Г. К. Доставилъ матеріалы для біографіи Державина. XXXIV. Заявилъ о разрѣшеніи оставить въ Академіи Наукъ дѣла съ подлинными письмами Державина. XLI, XLII.

Рѣки. Рукописное собраніе Кеппена объ ихъ названіяхъ. **6**. 34, 36.

Саввантовъ, П. И. Доставилъ свѣдѣнія о приготовительныхъ трудахъ митрополита Евгенія къ изслѣдованію о славянскомъ переводѣ библіи. XLI.

Савитри. 3. 116.

Сакко, Либера, танцовщица. **4**. 49, 50.

Самоѣды. Свѣдѣнія о нихъ, собранныя Кеппеномъ. **6**. 11.

Саранча. Статья Кеппена объ ихъ появленіи въ Крымѣ въ 1859 г. **6**. 33.

Сатьяванъ. 3. 116.

Сахаровъ. 3. 115.

Сборникъ Крымскій. Сочиненіе П. Кеппена. **6**. 28.

Святославъ Игоревичъ, великій князь. LI.

Святославъ Ярославичъ, великій князь. LI.

Святцы сравнительные. Матеріалы, собранные Кеппеномъ. **6**. 35, 36.

Сербиновичъ, К. С. XL.

Сербо-хорватскій народъ. **5**. 12. Исторія его литературы. **5**. 12.

Сербы. Объ ихъ селеніяхъ въ Россіи. **6**. 11.

Сибирь. Статья Кеппена о ней. **6**. 7. Его же дополнительная инструкція М. Кастрену. **6**. 15.

Симеонъ Полоцкій. Свѣдѣнія о немъ. XI.

Симонъ Тодорскій. 4. 45.

Синодъ, свят. прав. Представленіе его императрицѣ о безбожныхъ статьяхъ въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 43—45.

Скальковскій, А. А. Рецензія Кеппена на его Статистич. описаніе Новороссійскаго края. **6**. 16.

Словесность русская. Обозрѣніе источниковъ ея, составленное Кеппеномъ. **6**. 22.

Снегиревъ, И. М. Получилъ отъ Кеппена большую часть собранныхъ имъ извѣстій о народныхъ преданіяхъ и обычаяхъ. **6**. 36. Объясненіе имъ одной пословицы. XXV.

Собраніе законовъ. Извлеченіе изъ нихъ для исторіи инородцевъ въ Россіи. **6**. 10.

Соймоновъ, Ѳ. И. **4**. 11, 49, 55.

Соколовъ, Ѳ. Воспитаніе при Академіи и сотрудничество въ Ежем. соч. **4**. 30 — 35.

Сословія въ Россійской имперіи. Свѣдѣнія, напечатанные Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 18.

Софроновъ. Воспитаніе его при Академіи и сотрудничество въ Ежем. сочин. **4**. 30 — 35.

Списки приходскіе, собранные Академіею Наукъ на пользу Этнографіи Россіи. **6**. 10.

Спревичъ, художникъ. О рисованномъ имъ портретѣ митрополита Филарета Московскаго. XLI.

Срезневскій, И. И., академикъ. Труды его въ 1867 г. **7**. 1 и сл. 12, 13. Сообщилъ объ юго-славянской рукописи XII вѣка и другихъ, доставленныхъ В. И. Григоровичемъ. I. Докладъ о загребскомъ изданіи «Книжевникъ». II. Ему сообщена часть супральской рукописи. IV. По возвращеніи изъ командировки представилъ фотографическій портретъ митрополита Евгенія и прочелъ записку о рукописяхъ епископа Порфирія,

которыя видѣлъ въ Кіевѣ. XII. Прочелъ записку о сдѣланныхъ имъ снимкахъ и спискахъ съ доставленныхъ ему рукописей. XXIX. Представилъ два снимка съ болонской псалтыри XII вѣка и заявилъ о возможности испросить присылку ея въ Академію. XXXII. Отзывъ его о 2-мъ изданіи Нѣмецко-русскаго словаря г. Павловскаго. XXXIV. Доложилъ о содержаніи печатаемыхъ имъ дополненій къ сборнику юсоваго письма. XXXVIII. Прочелъ статью свою о трудахъ загребской юго-славянской Академіи. XXXIX. Чтеніе его въ день столѣтняго юбилея митрополита Евгенія. XL. Читалъ записку о псалтыри безъ толкованій, относимой имъ къ XI вѣку. XLII. **3**. 102, 118. Издалъ снова Востоково объясненіе фрейзингскихъ отрывковъ. **6**. 24.

Старковъ. **4**. 24.

Статистика Россіи. Труды Кеппена по этой части. **6**. 15 и слѣд.

Стевенъ, Хр. Хр., ботаникъ. Біографія его, составленная Кеппеномъ, **6**. 31.

Стефанъ, архимандритъ Спасскаго монастыря. **4**. 23, 24.

Строевъ, М., издатель Библіотеки полезныхъ свѣдѣній о Россіи. **6**. 9.

Стросмайеръ, Іосифъ, епископъ Босенскій и Срѣмскій. Его участіе въ основаніи Юго-славянской академіи. **5**. 4. Избранъ ея покровителемъ. **5**. 6.

Стрыйковскій. **3**. 79.

Судакъ. Изслѣдованія Кеппена о немъ. **6**. 36.

Сумароковъ, А. П. Сотрудничество его въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 14, 17. Ссылки его на Козицкаго и Мотониса. **4**. 37. Ссоры съ Тредіаковскимъ за стихи. **4**. 41 — 43.

Сумароковъ, П. И. Записка къ нему Державина. XLII.

Сумбека, царица Казанская. XLIX.

Сухомлиновъ, М. И. XL.

Татары. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Татищевъ, В. Н. Свѣдѣнія о немъ изъ Екатеринбургскаго архива IV—VI. См. также въ подробномъ указателѣ къ ст. подъ № 1, о его исторіи. **4**. 53.

Таубертъ, И. И., академическій совѣтникъ. См. подробный указатель въ статьѣ подъ № 1. Причина недовольства на него Сумарокова. **4**. 17 Объясненія съ нимъ по поводу стиховъ къ танцовщицѣ. **4**. 49. Жалоба на него Ломоносова. **4**. 51. Письмо къ нему Миллера. **4**. 56.

Тверь. Письмо Ѳ. Н. Глинки къ П. И. Кеппену о древностяхъ въ Тверской Кареліи. **6**. 30.

Тепловъ, А., капитанъ. Его статья въ Ежем. соч. **4**. 48.

Тепловъ, В., академическій переводчикъ. **4**. 22.

Тепловъ, Г. Н. **4**. 6, 31.

Тецманъ, Ф. Его статья о южно-русскихъ степяхъ. **6**. 8.

Тиршъ, Ф. Его сочиненіе объ ученыхъ училищахъ извлечено Кеппеномъ на русскомъ языкѣ. **6**. 32.

Тихонравовъ. **3**. 117.

Толстой, Ѳед. Андр., графъ. Его иждивеніемъ напечатанъ Кеппеновъ «Списокъ памятникамъ». **6**. 24.

Торбаръ, Іосифъ, хорватскій писатель, одинъ изъ издателей Книжевника. **5**. 3. Его сочиненія о перелетныхъ птицахъ. **5**. 8.

Торговля, винная, въ Россіи. Сочиненіе Кеппена о ней. **6**. 22.

Тредіаковскій, В. К. Переводъ его проекта академика Делиля. XIII. См. также подробный указатель въ ст. подъ № 1. Споръ по поводу цензуры и пр. съ Ломоносовымъ. **4**. 5, 8, 9. Сотрудничество въ Ежем. сочиненіяхъ. **4**. 15 — 17, 48. Экзаменъ Шестаковскаго. **4**. 20. Выборъ воспитанниковъ для Академіи въ Новгородѣ и Москвѣ. **4**. 31, 32. Лекціи его. **4**. 32. Пререканія съ Сумароковымъ и доносъ на него. **4**. 41, 42, 43. Жалобы на него Ломоносова. **4**. 51.

Труберъ. **3**. 70.

Труды Юго-славянской Академіи. Ея повременное изданіе. **5**. 7 — 11.

Тула. См. Губерніи.

Тютчевъ, Ѳ. И. XL.

Уваровъ, А. С. графъ. Объ историческихъ задачахъ для соисканія установленныхъ ихъ наградъ. XXXVII.

Улихъ, гиттенмейстеръ. Донесенія его Татищеву. VI.

Устряловъ, Н. Г., академикъ Участвуетъ въ празднованіи юбилея митрополита Евгенія. XL.

Училища сельскія. Статья Кеппена о нихъ. **6**. 32.

Фестъ. **3**. 11.

Филаретъ, митрополитъ Московскій. Труды его въ 1867 г. **7**. 10. Некрологъ его. **7**. 28 — 38. О доставленномъ А. В. Горскимъ портретѣ высокопреосвященнаго. XLI.

Финляндія и **финляндцы.** Статья Кеппена по части этнографіи и географіи ея. **6**. 14, 19.

Фишеръ, Э. Извѣстія его объ академическихъ воспитанникахъ. **4**. 32 — 34.

Фотій, митрополитъ. Сборникъ поученій и посланій его. XI.

Французы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ объ ихъ поселеніяхъ въ Россіи. **6**. 11.

Ходаковскій. Его Археологическо-этнографическій именословъ, находящійся въ Имп. публичной библіотекѣ. **6**. 11.

Хрущевъ. Его переписка съ Татищевымъ. V.

Художества въ Россіи. Труды Кеппена по исторіи ея. **6**. 29, 36.

Цейгеръ, академикъ. **4**. 22.

Цицеронъ, Ц. Записки Кеппена о рукописяхъ его сочиненія: De republica. **6**. 26.

Цыгане русскіе. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Чадовъ, А. **4**. 24.

Черемисы. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Черкасовъ, И. А., баронъ. Объявленія его о повелѣніи императрицы Елисаветы касательно правописанія. XXXIII.

Черкасскій, князь. Его переписка съ Татищевымъ. V.

Чистовичъ, И. А. Разсмотрѣніе акад. Пекарскимъ его изслѣдованія о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. **7**. 8. О напечатаніи этого изслѣдованія на счетъ Академіи. XLII.

Чуваши. Свѣдѣнія, собранныя Кеппеномъ, о нихъ. **6**. 11.

Чупинъ, Н. К. Собранные имъ матеріалы о В. Н. Татищевѣ. VI—IV.

Шайноха. **3**. 99.

Шафарикъ. **3**. 13, 102, 108. Его отзывъ объ Археологическо-этнографическомъ именословѣ. **6**. 11.

Шафарикъ, И. И. О принадлежащей ему рукописи XII вѣка. **7**. 3. I, XXX.

Шелководство въ Россіи. Статья Кеппена о немъ. **6**. 22.

Шестаковскій, О., академическій адъюнктъ. Приключенія его. **4**. 19, 21.

Шимановичъ. **3**. 83, 114.

Шимкевичъ. **3**. 3, 22, 23, 81, 102.

Ширинскій-Шихматовъ, Пл. Андр., князь. Письмо Кеппена къ нему о доносѣ Магницкаго. **6**. 31.

Шишкаревъ, П. Наказанъ за бранные отзывы о нѣмцахъ. **4**. 24, 25, 26.

Шишковъ, А., министръ народн. просвѣщ. Отношенія Кеппена къ нему. **6**. 3.

Шлейхеръ. **3**. 3, 104, 108.

Шлецеръ. См. о немъ въ подробномъ указателѣ въ ст. подъ № 1.

Шмеллеръ. Его описаніе рукописи фрейзингскихъ отрывковъ. **6**. 24.

Шопенъ. Его описаніе Армянской области. **6**. 17.

Штреттеръ, Петръ. Перевелъ на нѣм. языкъ сочиненіе Кеппена о языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ. **6**. 23.

Штелинъ, Я. **4**. 36, 37.

Штеръ, М. П. Его описаніе Воронежской губерніи. **6**. 35.

Штросмайеръ. См. Стросмайеръ.

Штруде-де-Пирмонъ, академикъ. Разборъ имъ бумагъ князя Меншикова. VII. Его лекціи. **4**. 32.

Штукенбергъ, И. Рецензія Кеппена на его Описаніе русскихъ каналовъ и русскую идрографію. **6**. 20.

Шуваловъ, И. И. **4**. 51.

Шуйскій, И. В. князь. L, LII.

Шульгинъ, И. П. XL.

Шумахеръ, совѣтникъ академич. **7**. 8. См. въ подробномъ указателѣ

къ ст. подъ № 1. Вліяніе его на академическія дѣла. 4. 6. Отзывъ его о русскомъ журналѣ. 4. 9. Требованіе диссертацій отъ магистровъ. 4. 34.

Эйлеръ. См. Ейлеръ.

Эрбенъ, К. Я. 7. 12.

Юго-славянская академія наукъ и художествъ въ Загребѣ. Ея основаніе, уставъ, составъ, дѣятельность, первыя изданія. 5. 1 — 14. 7. 4.

Юнгманнъ. 3. 6, 40, 65, 105, 114.

Ягичъ, В., хорватскій писатель, одинъ изъ издателей Книжевника. 5. 3. 7. 4. Его исторія хорватской письменности. 5. 12 — 14. Участіе его въ Книжевникѣ. II.

Языковъ, Дм. Ив. Его біографія, составленная Кеппеномъ. 6. 31. Его Указатель къ сочиненіямъ академика Лепехина. 6. 35.

Яремскій, Филипъ. Воспитаніе его при Академіи и сотрудничество его въ Ежемѣс. сочин. 4. 30 — 35.

Ѳедоръ Ивановичъ, царь. L. 4. 53.

Ѳеодоръ Ростиславовичъ, великій князь. XL. IX.

Ѳеофанъ Прокоповичъ. Изслѣдованіе о немъ г. Чистовича. 7. 8. XLII. Переписка съ Татищевымъ. V. Ученики изъ его семинаріи въ Академіи Наукъ. 4. 30.

ПОПРАВКА. Въ I-мъ томѣ «Сборника статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи Наукъ», на стр. LV вкралась важная ошибка: въ строкахъ 4 и 6 снизу напечатано имя *Бутурлина*, тогда какъ рѣчь идетъ о *Болтинѣ*, котораго сочиненіе 1788 года тамъ и названо. Таже ошибка вкралась и въ указателѣ, гдѣ на стр. 2 вм. *Бутурлина* слѣдовало поставить *Болтинъ*.